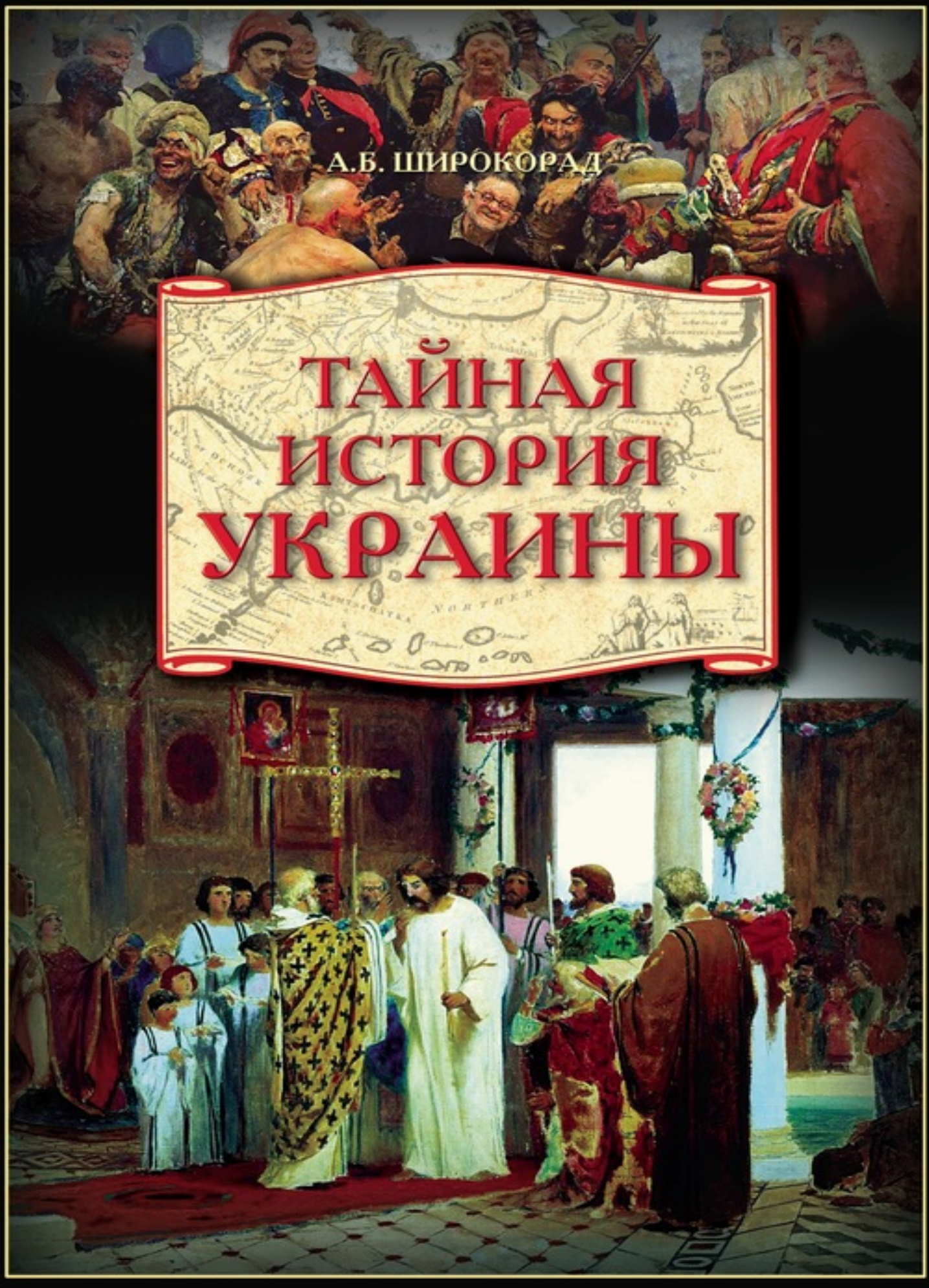

А.Б. ШИРОКОРАД
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

Annotation

У России и Украины общие корни, общая древняя история. Две страны, теперь разделенные не только государственными, но идеологическими и политическими границами, считают себя прямыми наследницами Киевской Руси, ее славного былинного прошлого. И, казалось бы, вполне естественно, два народа, имеющие общего предка, общий культурный и исторический исток, должны говорить о своем единстве. Однако мы наблюдаем совсем иное — как в политике, так и в исторической науке усиливается противостояние. Два государства ведут многолетний спор о своем прошлом, звучат взаимные обвинения, нарастает отчужденность…

Как появилось название «Украина» и какова история происхождения украинского языка? Какова подлинная история битвы при Конотопе и кто в ней победил? Была ли в действительности Украина колонией Российской империи? Как и при каких обстоятельствах родилась Советская Украина? «Голодомор» — миф или реальность? Об этом и многом другом рассказывается в новой книге историка А. Б. Широкорада «Тайная история Украины».

- Александр Борисович Широкорад
  - Раздел I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
  - Раздел II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3

        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
    - Раздел III
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
    - Раздел IV
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
    - Эпилог
    - Список использованной литературы
    - Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77

- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116

- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155

- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194

- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233

- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272

- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311

- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350

- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389

- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428

- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449

Александр Борисович Широкорад
Тайная история Украины

Раздел I
От Древней Руси к Речи Посполитой

Глава 1
Кто построил ковчег Ноя и египетские пирамиды?

Откуда взялись Украина, украинцы и украинский язык? Официальных указаний из Киева пока нема. Но уже ряд самостийных профессоров и академиков утверждают, что к их созданию причастны внеземные цивилизации.

«Украинский язык — один из древнейших языков мира… Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком». («Украинский язык для начинающих» Киев, 1992). «Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке» (Гнаткевич Э. «От Геродота до Фотия» // «Вечерний Киев» за 26 января 1993 г.). «Вполне возможно, что украинская лексика… несла терминологические, колонизационные, жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории… Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита… Украинский язык — допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков» (Чепурко Б. «Украинцы» // «Основа», Киев, № 3. 1993). «Украинская мифология — наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык — санскрит — стал праматерью всех индоевропейских языков» (Плачинда С. «Словарь древнеукраинской мифологии». Киев, 1993). «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык „сансар“, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?» (Братко-Кутынский А. «Феномен Украины» // «Вечерний Киев» за 27 июня 1995 г.).

А как звали древних украинцев? Некоторые академики так и оставляют это название, кто-то заменяет его на «протоукраинцы». А еще в 1843 г. польский граф Тадеуш Чацкий ввел в оборот термин «укры». Мол, от этого древнего народа пошли все украинцы. Но даже ярые националисты типа М. С. Грушевского брезговали этим термином. Вновь об «украх» в Киеве заговорили в 1991 г.

Любопытны изыскания доктора политических наук, проректора по информационно-аналитической работе университета «Украина» Валерия

Бебика, изложенные в статье «Украина и Египет»[1]. Цитаты умышленно даю без перевода, чтобы и колорит сохранить, и избежать обвинений в вульгарности перевода:

«Наявність на території України найдавнішого на планеті релігійно-наукового комплексу Шу-Нун / Кам'яна Могила (XII—III тис. до н. е.) та найдавнішої держави Аратти (V–III тис. до н. е.) свідчить про те, що українська цивілізація є однією з найдавніших у світі.

Археологами доведено, що в ці ж часи уродженці України о(а) рійці вирушають у похід на Грецію та Малу Азію (Доріда), Єгипет, Сирію і Палестину, потрапивши в історичні хроніки (у тому числі і Біблію) під назвою „морських народів“…

Назваголовногоєгипетського храму Хетка-Пта виглядає „дуже вже українською“ (точніше — пеласгійсько-лелегською): „Хат-ка-Птаха“, чи не так?…

Тому і думка І. Кузич-Березовського, що єгипетська державність і колонізація Палестини були здійснені під впливом цивілізацій кушанів і шумерів, котрі споріднені з українською цивілізацією, виглядає обгрунтованою. Він стверджує, що кушани були трипільцями: високі, світлоокі, русяві, ходили у вишиванках та „гуцульських“ шапках, говорили праукраїнською мовою і будували церкви, які звалися „ступами“…

Фараони всіляко підтримували релігійність пересічних єгиптян з метою зміцнення своєї влади. Починаючи з фараонів V династії (середина III тис. до н. е.), вони включили до своєї титулатури частку „син Ра“. — А, може, „син (О) Ра“, який водночас вважається прабатьком українців?…

З єгипетським богом Сонця начебто розібралися. Нагадаємо лише, що солярний культ простежується в протошумерській (праукраїнській) міфології VIII–VII тис. до н. е., котра суттєво вплинула на релігійно-міфологічну систему Стародавнього Єгипту…

Загалом велична Єгипетська цивілізація протягом своєї історії формувалася під впливом кількох праукраїнських цивілізаційних хвиль».

Итак, с Древним Египтом все ясно. А как с другими древними народами — шумерами? Тут разъяснение дает доцент Львовского университета И. Лось: «Мы вспомнили, чьих отцов дети. Из глубины веков нас окликнули те наши предки, которые донесли благодатную культуру Триполья (то есть горшки) аждо Междуречья, где и возникла могучая цивилизация Шумерского царства; те прапрадеды, которые под именем „арии“ осели в северо-западной Индии, а их предводитель под именем Рама впервые в деяниях человечества утверждал гуманность»[2].

Академик, профессор, доктор филологических наук П. Кононенко в своем учебнике «Українознавство» отождествляет князя Кия с Атиллой и пишет, что «самі протоукраїнці творили життя у згоді зі своїм зовнішнім і внутрішнім світом. А той світ був глибоким, як сама історія, представники якої ще в давнину вважали скіфів-українців найпершим народом у світовій генеалогії».

Автор «Словаря древнеукраинской мифологии» С. Плачинда относит «протоукраинцев» еще дальше вглубь веков, например: «БАБА — одне з найстародавніших і найбільших божеств у прото-українців (кам'яний вік) та давніх українців (палеоліт, неоліт, енеоліт, бронзовий вік)».

О. Чайченко в изданной Военным издательством Украины в 2003 г. книге «Укрыарии» утверждает, что укры относились к пеласго-этрусским племенам, а протоукры были создателями «Ригведы»[3].

Тот же С. Плачинда ссылается на античные авторитеты (Плутарха, Дионисия Галикарнасского, Диона Кассия, Страбона) «других античных несторов-летописцев» и, конечно же, на «великих громадян Росії» (Классена и Черткова): «Это они рассказали о великой украинской наддержаве Венедии, что предшествовала Римской империи, о Трое, которую основали троянцы, то есть киевляне; об украх на Эльбе и на берегу Дуная; о том, как пелазги (протогреческие племена) еще в 1570 г. до н. э. называли хлеб паляницами… это они расшифровали украинские слова на могиле античного героя и царя Энея и доказали по материалам хроник, что Гомер не кто иной, как наш Боян». «Почему на протяжении почти двух тысячелетий так крепко держалась очень расчлененная, раскиданная повсюду, но могущественная праукраинская держава, что дала жизнь другим народам и государствам? И на чем держалась Венедия, когда в ее состав входило бесчисленное количество самостийных родов-племен, а именно: пелазги, лелеги, галичане, доляне, бодричи, попели, македонцы, горцы, укры, украйны, этруски, обричи, троянцы и другие?» — вопрошает Плачинда и сразу дает ответ: «Древняя Украинская наддержава держалась на трех „китах“: вече, волхвы и язычество (обожествление природы)… И понятно, почему 988 год стал началом упадка и краха украинской государственности, которую погубила автократия»[4]. Именно украинцы создали первую в мире буквенную азбуку, изобрели колесо и даже построили знаменитый ковчег. Небось не знаете, кто был старик Ной по национальности?

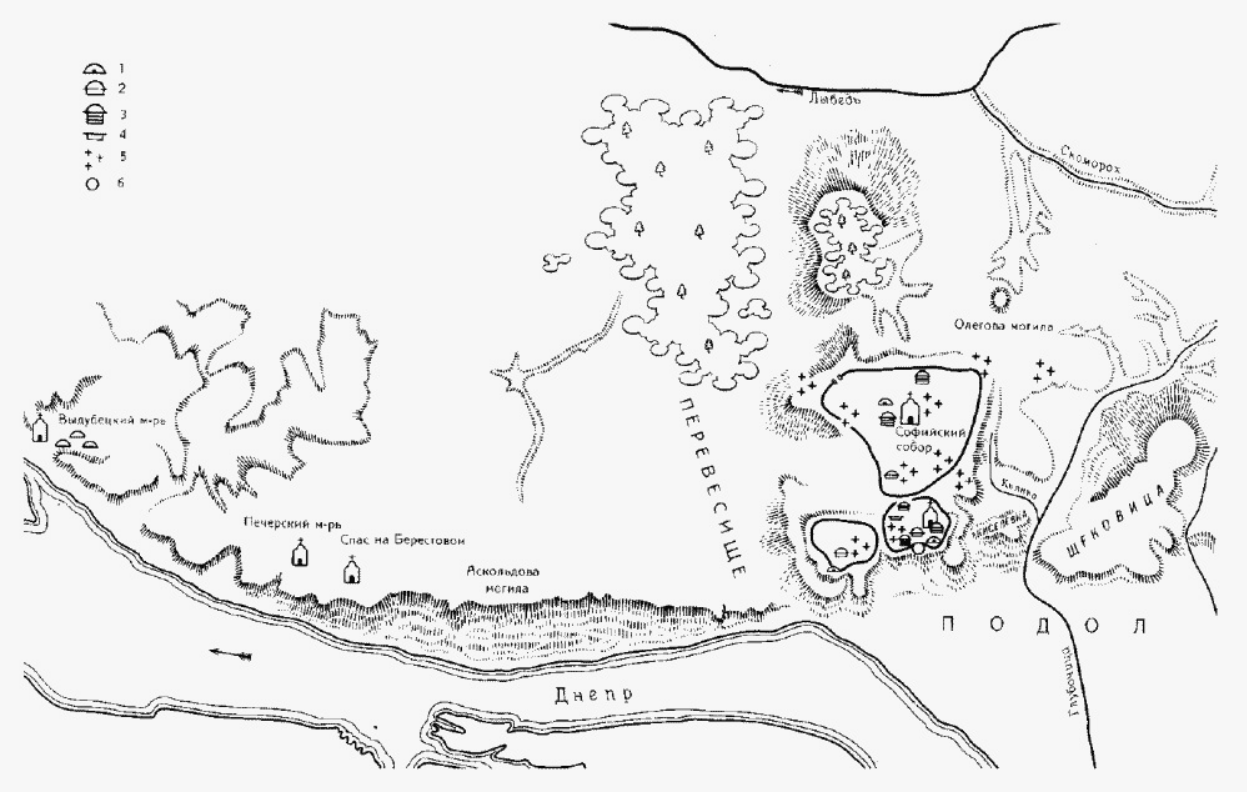
Боюсь, сейчас какой-нибудь московский «рафинированный интеллигент» поморщится — зачем такое повторять, мол, в каждой стране

найдутся дураки и психически ненормальные люди. Пардон, но все эти цитаты я брал не из интернетовских форумов или самопальных брошюрок тиражом в сотню — другую экземпляров. Это официальные высказывания академиков и профессоров, преподающих в государственных ВУЗах Республики Украина. Их опусы печатаются огромными тиражами и зачастую за казенный счет.

В 1982 г. генсек Леонид Брежнев сделал очередной подарок Украине — устроил торжества по поводу 1500-летия основания Киева. Киев-де основал некий Кий вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Либедью. По сему поводу «дорогой Леонид Ильич» заявился в Киев, вдоволь нацеловался с товарищем Щербицким и прочими представителями местной партноменклатуры, выступил с очередной «исторической речью» и благополучно убыл в Москву.

Спору нет, был миф о Кие, и он вошел в «Энциклопедию мифов» (Москва, Советская энциклопедия, 1980 г.). «Кий — герой восточнославянских мифов». Но русский летописец относит основание Киева к 854 г.

Лучший советский специалист по древней Руси профессор В. В. Мавродин писал: «Раскопки древнего Киева обнаружили на территории города три древнейших поселения VIII–IX вв., не представлявших собой еще единого центра. Эти три поселения, расположенные на Щековице, на горе Киселёвке и на Киевской горе, три городища дофеодального Киева, по преданиям, записанным летописцем, связывались с Кием, Щеком и Хоривом. Они не покрывались общим названием „Киев“ и только к концу X в. одно из них, расположенное на Киевской (Андреевской) горе, втянуло в орбиту своего влияния все остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр»[5].



Киев и его окрестности в X — XIII веков. План составлен Л. А. Голубевой: 1 — курганные погребения с трупосожжением IX — X веков; 2 — курганные погребения с трупосожжением в грунтовой могиле IX — X веков; 3 — погребения в срубных гробницах IX — X веков; 4 — погребения в грунтовых могилах конца X — начала XI века; 5 — церковные кладбища XI–XII веков; 6 — братские могилы XIII века

Постепенно Киев все более «старел» в трудах советских историков. И вот уже в «Большой Советской энциклопедии» (1973 г.) говорится, что Киев был основан в VI–VII вв. Не прошло и 10 лет, как Брежнев велел считать датой основания Киева 482 год — не больше и не меньше. Какие основания? Да, собственно, никаких. С 1945 г. по 1982 г. не было сделано никаких археологических открытий, не было найдено ни одного древнего документа, подтверждающих основание Киева в V в. Понятно, считать одну (!) византийскую монетку времен византийского императора Юстиниана, найденную (или подкинутую?) в районе Киева, серьезным доказательством древности Киева, более чем смешно. Итак, «V век» — просто подарок генсека.

Киевские ученые мужи немедленно объявили, что князья Аскольд и Дир (IX в.) — прямые потомки Кия. Таким образом, с V по IX в. в Киеве княжила династия Кия. Но, увы, соседи-византийцы ничего о княжестве,

Кие и его потомках не знали, хотя Днепр в V–IX в. был большим торговым путем, заканчивавшимся в Константинополе.

Тут, правда, у «самостийных» историков была маленькая зацепка — труд польского историка Яна Длугоша, где говорится, что Аскольд и Дир — потомки Кия. Но Длугош ничего не говорит про V в., а еще хуже — именует Кия… польским князем[6], потомком знаменитого Леха. Кстати, тот же Длугош упоминает о древней славянской легенде, повествующей о родных братьях Леха — Чехе и Русе. Естественно, эта легенда не имеет под собой никаких реальных оснований, но зато показывает историкам помять народов о том, что когда-то поляки, чехи и восточные славяне были одним братским народом.

Однако нынешние самостийники никак не хотят иметь общих предков с русским народом. Поэтому и было придумано два десятка вариантов появления украинского народа, начиная с переселенцев с Венеры, выходцев с Атлантиды и прочая, и прочая. Они-то и стали великим украинским народом, но держали это в секрете и во всех документах писали, что они — русские. А вот позже какие-то московиты — «смесь угрофиннов с монголами» — без каких-либо оснований украли это название у украинцев. Так появились «россияне». Между прочим, такой же версии придерживаются и националисты других стран — Беларуси и прибалтийских лимитрофов. Только прибалты не поминают о происхождении русских от угро-финнов, дабы не иметь с русскими общих предков.

Однако многих самостийных историков не устраивали и полторы тысячи лет, подаренных Киеву Брежневым. Кто-то весьма убедительно доказал, что основание города произошло… в 640 г. до н. э., то есть сейчас Киеву должно быть 2648 лет. Но и это не предел. Поскольку археолог В. В. Хвойка еще в 1893 г. обнаружил поселение людей каменного века на Подоле вблизи Кирилловской церкви («Кирилловскую стоянку»), то подавайте основание Киева в 25 000 г. до н. э!

Разумеется, что у сторонников всех этих дат, включая 482 г. н. э., нет никаких документальных подтверждений, то есть письменных или археологических.

Замечу, что время основания почти всех древних городов Руси, включая Москву, определяется первыми достоверными письменными упоминаниями. А обнаружить стоянки древнего человека можно в городской черте десятков современных городов России и Западной Европы.

Хорош древний град Киев, который с 482 г. по 862 г. был столицей укров, но о нем не осталось ни одного достоверного письменного

источника. Мало того, оный Кий основал династию укрских князей, последним из которых стал Аскольд. Понятно, что никаких имен за всю 400-летнюю историю этой «династии» никто назвать не может. О князе Дире большинство самостийных профессоров не упоминают, а остальные говорят вскользь, попросту не зная, куда его воткнуть.

Различных версий истории Великой Украины сейчас пруд пруди, но всех их объединяет ненависть к России. Щирые украинцы не имели и не могли иметь ничего общего с москалями. Русские — это бывшие угро-финны и татары. Кстати, именно татары основали Москву. Эти поганцы украли у украинцев их письменность и церковный язык, но главное богатство — народную мову — позаимствовать не сумели, сколько не старались: ее надежно спрятали щирые украинцы и держали в схронах до начала XX в., и лишь тогда с помощью австро-венгерской разведки вытащили на свет.

Глава 2
Рождение Руси

Откуда же появился русский народ? На мой взгляд, его историю следует начинать с IX в. Все, что было раньше, к сожалению, скрыто от нас. Вполне возможно, что в недалеком будущем (годы или десятки лет) археологи сделают сенсационные открытия, которые раскроют тайну «темных веков» истории России. Для этого нужны новейшие технологии для исследовательской аппаратуры, автоматизированная компьютерная обработка археологических находок — останков людей, животных, древесины и т. д. А главное, увеличение финансирования научных исследований примерно в сто раз. Лично я уверен, что тогда мы узнаем много интересного и жизни людей на территории России не только в раннем Средневековье, но и во времена античности.

Ну а пока «темные века» оставим любителям «фэнтези», которые будут основывать города в 482-м, 322-м, 123-м г., совмещать Кия с Аттилой или Нероном, спорить о том, какой народ был древнейшим на нашей планете — укры или литвины. В последнем случае речь идет не о литовцах, а об экзотическом народе литвинах — предках настоящих белорусов, остальные же белорусы являются неполноценными русскими.

Я не буду подробно останавливаться на версиях самостийных украинских, белорусских и прибалтийских историков. Практика показала, что поначалу людей, хоть немного сведущих в науке, от них охватывает хохот, через некоторое время веселье сменяется на брезгливость, а позже появляется тошнота.

Посему давайте перейдем к реальной истории Руси.

В лето 6370[7] от Сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой,

Синеус, — на Бело-озере, а третий, Трувор, — в Изборске…

…И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах — находники, а первые поселенцы в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Бело-озере — весь, в Муроме — мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: „Чей это городок?“ Тамошние же жители ответили: „Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам“. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»[8].

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов — вымысел, и князь Рюрик — мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII в. спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот-де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В. Н. Татищева, придумали Рюрику деда — славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами — скандинавскими разбойниками. В VIII–X в. викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь Средиземноморский бассейн. В IX в. корабли викингов достигли Исландии, а в X в. — Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов — конунги — захватывали земли в

Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг — это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισεγατοι», означающего «союзники», а точнее — наемные воины-союзники. Заметим, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б. А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским из семьи мелкого датского конунга, владевшего местечком Дорестад во Фрисландии.

Полное имя Рюрика Herraud-Hrorekr Ludbrandson Srgnjotr Thruvar (Геррауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Он происходил из скандинавского рода Скьелдунгов.

Рюрик родился в 800 г. Его отцом был Людбрант Бьерк — мелкий датский конунг из рода Скьелдунгов. В 782 г., то есть еще до рождения Рюрика, Людбрант был изгнан из Ютландии и поступил на службу к королю франков Карлу Великому. Король пожаловал Людбранту ленное владение во Фрисланде (на побережье Северного моря). В царствование

сына Карла Великого Людовика Благочестивого Рюрик и его старший брат Харальд приняли крещение. После этого Людовик даровал братьям в ленное владение область Рустриген во Фрисланде. Вскоре Харальд умирает, и Рюрик становится единственным владельцем лена.

Однако в 843 г. новый император Лотарь отобрал фрисландский лен у Рюрика. Рюрик, естественно, обиделся, вернулся в язычество и занялся пиратством.

В 845 г. его дружина грабила берега Эльбы, а в следующем году Рюрик совершил набег на Францию. В 850 г. он погулял по восточному побережью Англии.

В 862 г. Рюрик исчезает из западных Хроник. Лишь в 870 г. он вновь появляется на Западе. К этому времени император Лотарь был уже мертв. В 870–873 гг. Рюрик ведет переговоры с королем франков Карлом Лысым и германским королем Людовиком.

Ряд западных и польских историков полагают, что Рюрик умер в Западной Европе между 874 и 876 гг.

Любопытно, что все русские летописи молчат о кончине Рюрика и его деятельности после 870 г. Лишь в «Повести временных лет» говорится: «В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал»[9].

Зато современные авторы выдвигают самые различные предположения о последних годах жизни Рюрика. Он-де вернулся в 874 г. в Новгород и умер там в 879 г. По другой версии он умер в городе Корела, и вообще Рюрик — уроженец Карелии. Увы, никаких достоверных подтверждений этих и других версий их авторами не приводится.

Так что наиболее вероятно, что конунг Рюрик с дружиной действительно прибыл на Русь в 862 г., а спустя 8 лет поехал возвращать свои ленные земли во Фрисланд, где и скончался.

А вот его братья Синеус и Трувор являются плодом фантазии русского летописца. Возможно, он имел какой-то документ, славянский или норманнский, где и нашел непонятые слова «синеус» (sine hus — свой род) и «трувор» (thru varing — верная дружина). Видимо, о Рёрике было сказано, что он прибыл со своими родичами и верной дружиной, которых малограмотный летописец превратил в братьев Рюрика. Не имея никаких сведений о деятельности Трувора и Синеуса и об их потомстве, летописец умертвил обоих братьев в 864 г.

Теперь остается последний вопрос: а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 г. огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли

викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии — Россия)»[10]. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Милларда, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков[11]. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» — «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плаванье на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» — «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем — с его владениями и его подданными.

В IX–XI вв. многие десятки отрядов норманнов (варягов) приезжали на Русь, часть из них следовала без остановки по знаменитому пути «из варяг в греки», а часть нанималась на службу к русским князьям. Прослужив какое-то время, часть из них возвращалась в Скандинавию, а многих привлекали полноводные реки, могучие леса, красивые славянские девушки, и они оставались, чтобы вместе с местным населением рубить города и громить врагов. Они-то и стали, неважно, в какой пропорции, основой великого народа русского.

Археологические раскопки подтверждают факт основания варягами ряда городов на Руси. Их ставили на пути «из варяг в греки» и на «Великом Волжском пути» (с Балтики до Каспия). Так, в VIII в. варяги основали город Ладогу (в настоящее время — райцентр Старая Ладога). Согласно скандинавским сказаниям, город Aldeigja (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII в. на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь

кладов, содержавшие 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившимся недалеко от современного Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

Был и другой путь с Балтики на Волгу — через Новгород. Из Ильмень-озера варяги выходили в реку Мству, а у Вышнего Волочка волоком тащили суда в реку Тверцу. Тверца же впадает в Волгу у нынешней Твери.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800-1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на Верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х гг. XX в. на территории Угличского кремля было найдено захоронение X в. с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII в., а прекратило свое существование в самом начале XI в. Рядом с поселением обнаружено свыше четырехсот курганов. Любопытно, среди раскопанных курганов есть как норманнские, так и славянские захоронения, а также захоронения племен, близких к угро-финнам. В Тимереве найдено несколько кладов с тысячами арабских монет, самая древняя датирована 867 годом. К сожалению, большинство монет расхищено.

Кроме Тимерева норманнские поселения и клады арабских монет обнаружены в районе Михайловки, Петровского и в других районах Верхней Волги.

Много поселений основали варяги и на пути «из варяг в греки». Самым крупным считается так называемое Гнездовское городище. Археологи еще в XIX веке обнаружили большой город у села Гнездово в 12–15 км от современного Смоленска. Гнездовское городище было защищено земляным валом. Рядом расположено свыше двух тысяч курганов с захоронениями в большинстве случаев варяжского типа. Археологи считают, что Гнездовское городище возникло в начале IX в., ас

начала X в. жизнь в нем постепенно стала гаснуть. В конце же IX в. там проживало 4–5 тысяч жителей, в основном воинов и купцов.

Согласно «Повести временных лет», князь Олег захватил в 882 г. Смоленск. Однако советские археологи так и не смогли найти в Смоленске культурного слоя IX — X веков[12]. В свою очередь, ни в одной русской летописи не упоминается Гнездовское городище или иной город, расположенный рядом со Смоленском. Это дает основание полагать, что Гнездово и есть древний Смоленск, а в конце X — начале XI вв. город был перенесен на другое место. Кстати, перенос города — довольно типичное событие для средневековой Руси. Так, к примеру, на новые места были перенесены Тверь, Белозерск и другие города.

Варяги, осевшие на Руси, как правило, обрусевали уже во втором поколении. Для нового поколения русский язык становился родным, да и имена у них были славянские. Увы, до нас не дошли семейные предания обрусевших варягов. Но мы можем это понять на многих примерах служилых немцев, шотландцев и др. в Москве в XVI–XVIII вв. Вот, к примеру, при царе Алексее Михайловиче в Москву приехал служить немец Цыклер, а его сын Иван настолько обрусел, что участвовал в бунте против Петра и его немецких порядков, за что и был казнен царем.

Есть народы, склонные к быстрой ассимиляции, и наоборот, известны случаи, когда отдельные племена столетиями упорно не желают ассимилироваться с подавляющим большинством местного населения. Обычно такие случаи кончаются серьезными этническими конфликтами, ответственность за которые сейчас стало модно сваливать с больной головы на здоровую, то есть на коренное население, составляющее абсолютное большинство. Норманны же очень быстро ассимилировались, и не только в славянских землях, но и в Англии, Франции, Италии и др.

Если норманны и превосходили славян в военном искусстве, то в остальном они стояли на более низком уровне развития и быстро перенимали элементы славянской культуры. Норманны в Византии и Западной Европе довольно быстро меняли свою религию на христианство, а в Новгороде и Киеве — на славянских богов. Кстати, пантеоны скандинавских и наших богов были довольно схожи. В договорах с Византией варяжский князь Олег, ближайший сподвижник Рюрика, клянется не скандинавскими богами Одином и Тором, а славянскими Перуном и Велесом.

Невысокий культурный уровень варягов-норманнов и их быстрая ассимиляция дали мощные козыри в руки историкам-антинорманистам. С последними можно согласиться в том, что варяги практически не оказали

никакого влияния на быт, обычаи, культуру, религию и язык славян. Однако в политике и особенно в военной истории славян варяги сыграли весьма существенную роль.

А теперь мы вернемся к «рюриковым боярам» Аскольду и Диру которые, согласно летописи, отпросились у Рюрика в Царьград, но не доехали до него, а остановились в Киеве.

В 882 г. Олег собрал войско из варягов и славян и двинулся из Новгорода на ладьях на юг. Как сказано в летописи, «приде к Смоленску и прия град и посади муж свои, оттуда поиде вниз и взя Любеч, посади муж свои». Перевести это, видимо, следует, так: Смоленск сдался Олегу без боя, а Любеч пришлось штурмовать, и в обоих городах Олег оставил свои гарнизоны.

Подплывая к Киеву, Олег велел замаскировать свои ладьи под купеческие суда. Часть воинов изображала гребцов, а большинство легло на дно ладей. Ладьи пристали у Угорской горы, оттуда Олег послал гонцов сказать киевским князьям, что они варяги-купцы и плывут из Новгорода в Константинополь. Аскольд и Дир с небольшой свитой вышли из города для осмотра товаров. Когда они подошли к ладьям, оттуда выскочили варяги и убили обоих князей. После этого Киев без сопротивления сдался Олегу.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Видимо, в летописи сохранилось какое-то воспоминание о подлинных исторических событиях, но в целом она малоубедительна.

Начнем с личностей Аскольда и Дира. Патриарх советской исторической науки академик Борис Александрович Рыбаков писал: «Личность князя Дира нам не ясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Оскольду, так как при описании их, якобы совместных, действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц»[13].

Как видим, и время, и должность заставляют академика прибегать к осторожным формулировкам.

Историк же Юрий Александрович Сяков отождествляет предводителя отряда скандинавских наемников на службе у эмира Кордовы в первой половине IX в. Аскольда аль-Дира с киевским князем Аскольдом. Арабский историк IX в. Аль Накуби писал о набеге русов на город Севилью в 229/843–844 гг. А другой современник, Ибн Хазколь, писал о походе русов и славян в Андалусию. Так что версия Сякова вполне реальна. Вспомним

того же Рёрика-Рюрика. Отслужив эмиру Кордовы, Аскольд аль-Дир южным путем через Византию или северным путем через Балтику и Новгород мог попасть в Киев.

Далее Ю. А. Сяков пишет: «Кто такой этот таинственный Дир, который по жизни следует за Аскольдом как тень, словно он его второе „я“? Пришлось немало времени потратить на поиски разгадки. Ответ оказывается простым. Дир — это прозвище Аскольда. В переводе с готского Dyr, Djur означает „зверь“. Вероятно, с этим прозвищем Аскольд вернулся в родную Ладогу после испанской эпопеи. Любознательный читатель может задать вполне естественный вопрос: при чем здесь готский язык? С какой стати ладожане должны разговаривать на готском языке?

Обратимся к истории. В VIII в. на обширном пространстве между Днепром и Доном существовало государство остготов. Под влиянием христианского учения, проповедуемого у них византийским епископом Ульфилою, остготы растеряли свой воинственный пыл и за это поплатились. Они не смогли отразить нашествие гуннов. Одни племена готов под ударами свирепых гуннов ушли на запад, другие — на север. И мы знаем, что в древние времена Швецию называли Готией, и естественно, что колония скандинавов в многонациональной Ладоге при общении использовала не только местные наречия, но и свой родной язык, который был уже довольно обширно разбавлен славянскими и финно-угорскими словами. Аскольд был по происхождению готом, по рождению — ладожанином, а по профессии — воином. Кстати, его имя Ashold, или Asholt, в переводе с готского обозначает „честь ариев“. Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее предопределена»[14]. Так что зачислять Аскольда в «щирые украинцы» можно только в широко распространенных ныне романах-фэнтези, например, сделать его приятелем Гарри Поттера.

Итак, в Киеве был один князь — варяг Аскольд. Причем он никогда не был дружинником Рюрика, а был правителем Киева уже, по крайней мере, в конце 50-х гг. IX в., то есть за несколько лет до явления на Руси Рюрика.

Так, 18 июня 860 г. Аскольд привел русскую дружину («россов», как писали византийцы) под Константинополь. Из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору. Византийский автор описывает это нашествие следующим образом: «Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в

смертоубийстве, они — этот губительный и на деле, и по имени народ,… посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [[нечестивые]] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять…»[15]

Взять Константинополь тогда россам не удалось, но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

Византийские источники и русские летописи приводят различные причины ухода россов. По одной из них к Константинополю форсированным маршем подошел император Михаил с большим войском, которое ранее направлялось для войны с арабами. По другой версии разразилась страшная буря, изрядно потрепавшая суда россов. Наконец, по третьей версии византийцы и россы заключили мир, и последние, получив солидные откупные, отправились домой.

Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей[16] и тех победив…»

Согласно «Повести временных лет», Олег приказал убитого Аскольда похоронить в Киеве на горе. Над его могилой княгиня Ольга позже поставила деревянную церковь Святого Николая. Олег же сел княжить в Киеве, сказав: «Да будет он матерью городам русским».

Для русских историков стало традицией считать захват Киева Олегом в 882 г. датой основания древнерусского Киевского государства.

Выкинуть Вещего Олега из истории самостийникам так и не удалось. Кто же тогда в 907 г. прибивал щит к вратам Царьграда? Как кто? «Олег, великий князь Украинский». Нет, я не настроен шутить. Антин Лотоцкий в «Истории Украины» (Львов: Феникс, 1991) своим авторитетом заверяет подпись Вещего Олега под его договором с греками: «Великий князь Украинский». А греки-то думали, что имеют дело с князем Руси. Г. Демьян в предисловии к оной «истории» в свою очередь делится с читателями

впечатлением, будто последняя увлекает «искренностью и правдой».

И плевать самостийникам, что договоры Руси с Византией 907, 911, и 944 гг. дошли до наших дней. «Все три текстуально известных договора дошли до нас в древнерусской версии, отмеченной некоторыми русизмами, однако все они имеют византийские дипломатические прототипы. Сохранившиеся тексты являются переводами, сделанными с аутентичных (т. е. обладавших силой оригинала) копий актов из специальных копийных книг. Договоры с Византией следует считать древнейшими письменными источниками русской государственности»[17].

В заключение стоит заметить, что земли Киевской Руси имели довольно слабые политические и экономические связи как со столицей, так и между собой. Впрочем, это характерно и для других государств Европы конца IX в., таких, как, например, Западно-Франкское и Восточно-Франкское королевства, Великоморавское государство, Болгарское царство и др. Но до 1991 г. ни у одного серьезного историка не возникало сомнений, что у всех славянских племен, входивших в Древнерусское государство, был один язык, одни верования, и они были одним народом. Что же касается варяжского элемента в Киевском государстве, то большинство варягов ассимилировалось, а остальные, прослужив несколько лет у киевского князя, отправлялись служить в Византию, а в отдельных случаях возвращались на историческую родину.

Глава 3
Древнерусское государство

Мне меньше всего хотелось бы утомлять читателя пересказом истории Древнерусского государства, я лишь хочу привести ряд общеизвестных фактов, опровергающих творения самостийных историков.

Начнем с того, что термин Киевская Русь — это выдумка историков. В самом деле, ни в одном письменном русском и зарубежном источнике не упоминается государство с таким названием. Везде говорится о Руси, Русском государстве и т. д. Лишь в XVIII–XIX вв. наши историки выдумали термин «Киевская Русь». Им попросту понадобилась метка для обозначения Русского государства IX–XII вв., чтобы не путать его с Русским государством со столицей Москва.

Таких меток, являющихся антинаучными терминами, у наших историков более чем достаточно. Возьмем, к примеру, термин «древний боярский род» в применении к Московскому княжеству. Боярство — чин, присваиваемый великим князем, а позднее — царем за те или иные заслуги, как позже стали присваивать чин генерала или статского советника. Но никому не приходит говорить, что, скажем, Сидоров происходит из древнего генеральского рода. Сын генерала мог кончить карьеру в чине полковника или даже поручика, равно как и сын боярина мог дослужиться до чина стольника или даже рынды (в бою убьют или за пьянство со службы выгонят). Тем не менее термин «боярский род» стал удобной меткой и применяется в нашей истории, и я сам, каюсь, им иногда пользуюсь.

Так вот метка «Киевская Русь», неосторожно введенная русскими историками, стала козырной картой самостийников, превративших Русское государство IX–XII вв. в украинское государство «Киевская Русь».

Русский летописец утверждал, что Русская земля «…до Венгрии, до Польши и до Чехии; от Чехов до Ятвягов [прусско-литовское племя] и от Ятвягов до Литвы, до Немцев и до Карел, от Карелии до Устюга… и до Дышючего моря [Ледовитый океан]; от моря до Черемис, от Черемис до Мордвы — то все было покорено великому князю Киевскому Владимиру Мономаху…»[18]

И на таком огромном пространстве был единый народ с единым языком, письменностью, религией, культурой и системой власти.

К началу правления князя Владимира Святого на Руси установилось единовластие князей Рюриковичей. Естественно, что до прихода Рюрика на территории Руси существовали десятки местных князей, правившие отдельными племенами или даже племенными союзами. Рюриковичи их всех убили, заставили бежать за пределы Руси или, в лучшем случае, сделали их своими подданными, заставив забыть о своем происхождении.

Русские летописцы обычно не акцентировали внимание на войнах Рюриковичей с местными князьками. Исключения крайне редки: убийство Ольгой, вдовой князя Игоря, древлянского князя Мала и убийство Владимиром Святым полоцкого князя Рогвольда.

Киевская Русь в X–XII веках

После Владимира Святого в письменных источниках нет упоминаний о каких-либо князьях на Руси, не относившихся к роду Рюриковичей, нет упоминаний и о боярах и дружинниках, ведущих свой род от каких-либо местных князей.

Рюриковичи будут безраздельно править всей Русью до середины XIV в., а потом в южной и западной Руси уступят власть потомкам литовского князя Гедимина.

Любопытно, что у Рюриковичей до XV в. преобладала горизонтальная система наследования власти, при которой престол переходил не от отца к старшему сыну, а от старшего брата к следующему по старшинству брату. Представим себе, что в Киеве правил старший брат Иван, в Смоленске — средний брат Петр, а в Вязьме — младший брат Федор. Умирает Иван, и его стол в Киеве занимает не старший сын Александр, а средний брат Петр. На место Петра в Смоленск едет младший брат Федор, а на место Федора в Вязьму спешит старший сын покойного Ивана Александр.

Такая система наследования имела много преимуществ по сравнению с вертикальной. Так, многие князья умирали в молодом возрасте, и сын-подросток, а то и младенец, не мог самостоятельно править княжеством. Естественно, что средний брат — опытный воин и политик — был лучшим правителем княжества.

Смена князей не всегда происходила в связи с их смертью. Довольно часто князей сгоняли со «столов» собратья-Рюриковичи или даже горожане. Понятно, что такие эксцессы увеличивали «миграцию» князей.

Замечу, что уже Владимир Святой где-то между 980-м и 986 годом разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава в Полоцк, Святополка в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001-м и 1010 гг. умерли своей смертью два старших сына Владимира — Вышеслав и Изяслав. В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов якобы Борис из Мурома, а на его место Глеб, Святослав — к древлянам, Всеволод — во Владимир Волынский, Мстислав — в Тмутаракань (в Крыму).

А вот, к примеру, биография князя Ростислава Мстиславича (около 1110–1167). В 1125 г. он стал смоленским князем, с 1153 г. — князем новгородским, с 1154 г. Ростислав — великий князь в Киеве, откуда в 1155 г. он был выбит князем Изяславом Давидовичем и бежал в Смоленск. С 1157 г. Ростислав вновь княжил в Новгороде, с 1159 г. он опять на

великом княжении в Киеве, в 1161 г. выбит из Киева и бежал в Белгород. В 1161 г. Ростислав в третий раз занял киевский престол и на сей раз пожизненно. И, надо сказать, биография Ростислава Михайловича типичная для XII в.

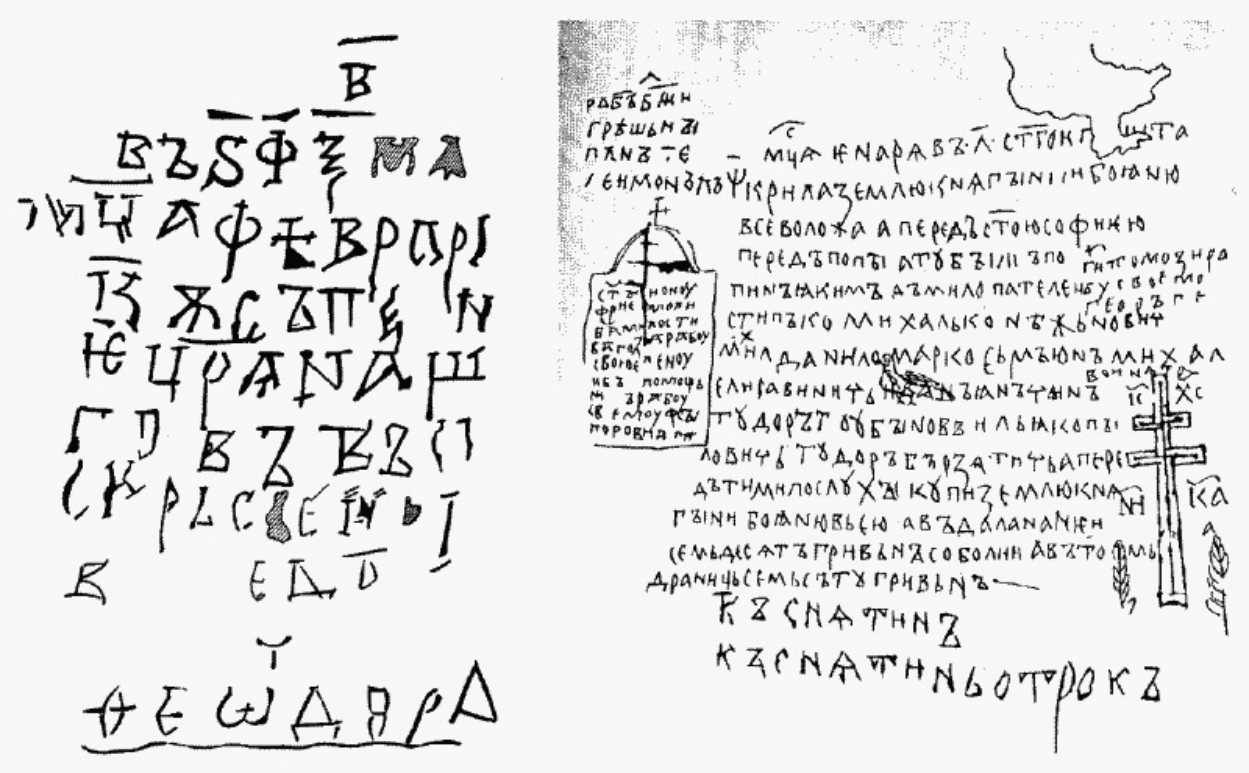
Надо ли говорить, что князья Рюриковичи не были похожи на чиновную номенклатуру XXI в., которую кремлевский хозяин постоянно тасует по регионам и которая очень часто даже не берет с собой семей, отправляясь из Нижнего Новгорода, скажем, в Хабаровск. Князья переходили на новый стол обязательно с дружиной и административным аппаратом (боярами, тиунами и т. д.), а те, в свою очередь, брали семьи, слуг и др.

Таким образом, по территории Руси (то есть по территориям современных Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Прибалтики) в X–XIV вв. почти ежегодно перемещались из одного города в другой тысячи людей. Такая ротация автоматически способствовала развитию языкового, культурного и, как ни странно, политического единства Руси. Пусть один князь Рюрикович уходил, но на его место приходил его близкий или дальний родственник.

Увы, вместо единой Руси самостийники подсовывают нам какую-то федерацию из украинских земель и славянизированных угро-финнов. Причем последние регулярно нападали на мирных украинцев. Так, взятие Киева в 1169 г. князем Андреем Боголюбским в трудах «щирых» историков представляется как агрессия москалей против украинцев. На мой взгляд, комментировать такие перлы — дело не историков, а психиатров.

Русское государство в конце X в. отличало и единство религии. Еще в начале своего княжения Владимир Святой попытался реформировать пантеон славянских богов и сделать язычество государственной религией. Потерпев в этом неудачу, князь в 988 г. принял христианство и крестил Русь. Сам Владимир получил христианское имя

Василий, однако и современники, и потомки помнили только его языческое имя.



Надписи-граффити на стенах киевского Софийского собора о смерти «цесаря нашего» Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 года и купчая запись на землю Бояна в начале XII века. Вполне возможно, современные украинские историки считают их сделанными «погаными москалями», проникшими в столицу незалежной Украины

Христианизация Руси шла довольно медленно и затянулась почти на два века, но сопротивление этому было связано с языческими верованиями, а не с какими-то национальными особенностями жителей Новгорода, Полоцка, Ростова и т. д. Церковное управление на Руси было жестко централизовано, служители церкви подчинялись киевскому митрополиту. Церковная централизация и миграция духовных лиц также способствовали сплочению единой страны.

На каком же языке говорили на Руси в IX–XIII вв.? Естественно, на украинском — отвечают нам самостийники. Правда, в вопросе, откуда взялся украинский язык, в кругах творческой интеллигенции единства нет. Как уже говорилось, одни считают, что это язык древнего племени укров, от которых и пошло название «украинец», другие утверждают, что это язык атлантов, третьи грешат на Венеру — не богиню, а планету, разумеется.

Ну ладно, на каком языке говорил Ной — вопрос спорный, пусть даже на украинской мове. Ну а русские в Киеве в IX–XIII вв.? Ведь остались же

книги, берестяные грамоты, надписи на иконах, стенах храмов и другие «граффити». Увы, нигде нет намека на украинский язык. Все надписи сделаны на старославянском (древнерусском) языке.

До 1990 г. ни один серьезный ученый, в том числе и на Украине, не сомневался, что в Киеве, равно как и в Новгороде, говорили и писали на одном и том же языке. «Таким образом, на момент принятия христианства и широкого развития культуры язык восточных славян отличался фонетическим, грамматическим и лексическим единством на огромной территории его распространения… Следовательно, язык Киевской Руси XI–XII столетий можно изучать по многочисленным письменным документам. Они в определенной степени отражали живой язык русского населения того времени»[19]. «Древнерусский язык далек от специфики современных украинских говоров, и нужно поэтому признать, что словарь последних во всем существенном, что отличает его от великорусских говоров, образовался в позднейшее время»[20].

А вот цитата другого украинского ученого: «В связи с формированием древнерусской народности, складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе»[21].

А вот с 1991 г. именитые самостийные профессора и академики доказывают, что на Руси в XI–XIII вв. было два языка — разговорный (естественно, украинский!) и книжный (древнерусский или церковнославянский). А профессор И. П. Ющук доказывает, что устных языков было тоже два: «Детей князей, бояр, воинов, купечества, священников учили в этих школах не языку смердов, а церковнославянскому (староболгарскому) языку, на котором были написаны книги. Одни овладевали им лучше, другие — хуже, но уж между собой, чтобы отличаться от простонародья, общались если не на чистом церковнославянском языке, то на церковнославянско-украинском суржике». Не многовато ли четыре языка для бедных киевлян?

Украинский историк Анатолий Железный[22] в своей книге «Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине» едко высмеял лингвистов-самостийников: «А вот теперь рассмотрим подробнее теорию украинских филологов о широком распространении украинского языка уже во времена Киевской Руси, который, по их утверждению, был господствующим и явился основой всех разновидностей славянских

языков. Действительно ли уже тогда украинский язык существовал, или мы имеем дело с результатом предвзятого толкования древних письменных источников?

Существование церковнославянского и древнерусского языков ни у кого сомнений не вызывает, так как сохранилось достаточно много древних текстов, написанных на этих языках. В то же время науке неизвестен ни один достоверно древний, подлинный документ на украинском языке. Украинские филологи вынуждены объяснять этот крайне неудобный для них факт тем, что в те времена будто бы считалось неприличным и разговаривать и писать на одном и том же языке, поэтому люди между собой разговаривали на украинском языке, а когда брали в руки перо, то те же самые мысли записывали на том или ином письменном языке — церковнославянском или древнерусском (видимо, в зависимости от настроения).

В таком случае возникает вполне законный вопрос: если украинский язык не зафиксирован ни в одном древнем документе, то как же украинские филологи догадались о его существовании?

Для доказательства того, что наши далекие предки — жители Киевской Руси — разговаривали на украинском языке, была придумана весьма оригинальная теория, которую я назвал бы „Теорией описок и ошибок“, или „Теорией рассеянных писарей“. Ее смысл заключается в том, что будто бы древние писари, которые писали и переписывали книги и прочие тексты, абсолютно случайно, нечаянно, невольно, вследствие своей невнимательности и рассеянности иногда допускали описки и ошибки, и вместо тех слов, которые им диктовали или которые были в переписываемых оригиналах, употребляли совсем иные, хотя и одинаковые по смыслу слова. Делали они так будто бы потому, что в повседневной жизни привыкли разговаривать на украинском языке и поэтому при рассеивании внимания случайно вписывали „украинизмы“. Вот эти-то вкравшиеся „украинизмы“, по твердому убеждению наших филологов, будто бы неопровержимо доказывают подспудное существование устного простонародного украинского языка. Вот такая очень убедительная теория!

Странно, однако, выглядит эта писарская „рассеянность“: меняя лишь форму слова, писари почему-то старались сохранить его смысл в точном соответствии с текстом.

Нетрудно заметить, что вся система доказательств в этой „теории“ базируется на полной, безоговорочной уверенности в том, что мы имеем дело с действительно случайными описками и ошибками и что сделаны они именно в те древние времена, а не столетия спустя при переписывании.

И вся эта тщательно выпестованная „теория“ мгновенно рушится, как только мы узнаем, что построена она на анализе не подлинных древних документов, а лишь их позднейших копий!.…Продолжим рассмотрение „Теории описок и ошибок“. Представьте себе такую картину: сидит писарь, ему диктуют какой-то текст, а он из-за своей невнимательности вместо церковнославянских или древнерусских слов время от времени пишет „украинизмы“. Не странно ли? Или иначе: писарь снимает копию, скажем, со „Слова о полку Игореве“. Вот он дошел до фразы „На второй день с самого утра кровавые звезды рассвет предвещают…“ Тут мысли у него смешались, и он неожиданно для себя старательно вывел: „Другаго дни велми рано кровавые зори свет поведают…“

Давайте же, наконец, будем реалистами: рассеянность ли была причиной появления „украинизмов“? И почему эти так называемые „украинизмы“ так странно похожи на полонизмы?

Нет, панове украинские филологи. Не было на самом деле никаких писарей, пораженных болезнью массовой рассеянности. Были люди, тщательно и вполне квалифицированно выполнявшие свои профессиональные обязанности. Переписывая старые тексты, они совершенно сознательно (а не по рассеянности) заменяли устаревшие слова, вышедшие уже из употребления, на современные, но одинаковые по смыслу слова, изменяли форму некоторых слов, меняли отдельные буквы и вносили другие изменения и уточнения в соответствии с правилами современного выговора и современной грамматики. Словом, старались по возможности осовременивать старые тексты для того, чтобы сделать их полностью понятными читателю. „Появлялись литературные редакции того или иного памятника… редактировался язык рукописей, при этом часто на полях к тем или иным словам делались глоссы (лексические, словообразовательные), которыми при дальнейшем переписывании текста заменялись устаревшие или малопонятные слова“ (Г. С. Баранкова. О начале русской книжности». Русская словесность № 1, 1993/С. 27)…

…Василь Яременко утверждает, что в «Повести временных лет», созданной в XI — начале XII ст., «…украинская лексика льется сплошным потоком» (с. 493). И в качестве примера приводит вот такие слова: жыто, сочэвиця, посаг, вабыты, пэчэра, вэжа, голубнык, стриха, рилля, мыто, пэрэкладаты, вино…

А теперь, в полном соответствии с изложенной здесь версией о формировании украинского языка в XV–XVII веках как следствия полонизации славяно-русского языка, открываем польский словарь и читаем: zyto (рожь), soczewica (чечевица), posag (приданое), wabić (манить,

привлекать), pieczora (пещера), wieza (башня), gołębnik (голубятня), strych (чердак), rola (пашня), myto (плата, пошлина), przekładać (переводить), wiano (приданое)… Неужели кому-нибудь все еще не ясно, откуда появились в нашем языке все эти «украинизмы»?[23].

Глава 4
Батыево нашествие и его последствия

В 1237–1238 гг. Северо-Восточная Русь подверглась нашествию орды Батыя. Подробности нашествия достаточно хорошо изложены в литературе, в том числе и в моей книге «Русь и Орда» (М.: «Вече», 2004). Поэтому здесь я остановлюсь лишь на ряде вопросов, касающихся последующего раздела Руси.

Говоря о масштабах «Батыевой рати», не следует впадать в крайности. С одной стороны, десятки русских городов лежали в развалинах, причем многие из них более никогда не восстанавливались, как, например, Рязань, или были восстановлены спустя три столетия, как, например, Воронеж. Остатки многочисленных сожженных в XII в. городов современные археологи даже не могут идентифицировать с названиями городов, упоминаемых в летописях до 1238 г., а затем исчезнувших навсегда.

Однако десятки других городов уцелели. До одних городов татары просто не дошли, как, например, до Господина Великого Новгорода и его северных земель, другие города сумели договориться с татарами — Нижний Новгород, Смоленск, Ярославль, Кострома и др.

В марте 1238 г. на реке Сити татары разгромили русское войско и убили великого князя Юрия Всеволодовича и его сыновей. В свою очередь, брат Юрия Ярослав Всеволодович и его сыновья не приняли участия в борьбе с татарами и все уцелели.

Согласно летописи, узнав о гибели великого князя, старший после него брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, а брату Ивану — Стародуб (Северный).

Тут я предлагаю читателю взять в руки обычную географическую карту и калькулятор. Татары взяли Владимир 7–8 февраля 1238 г. Битва на реке Сить произошла 4 марта. Риторический вопрос: сколько могли лежать в столице Северо-Восточной Руси неубранные трупы? Некому убирать было? Так кого же тогда приехал «утешать» Ярослав?

Резонно предположить два варианта. По первому Ярослав приехал во Владимир до битвы на Сити или через неделю после нее, то есть в середине марта. В таком случае он вообще не собирался ехать на Сить, а ехал занимать великий стол.

Второй вариант: Ярослав из-за каких-то неотложных дел капитально задержался и узнал о битве на Сити в Киеве или по дороге. Но и тогда встает вопрос, а как он доехал до Владимира? Ведь по летописным данным татары повернули у Игнатьева креста в апреле 1238 г. Да и без летописи ясно, что распутица в 100 км от Новгорода раньше апреля не начинается. Так что в районе Козельска татары были в мае, а то и в июне.

А теперь посмотрим на карту. Козельск расположен почти по прямой Киев — Владимир, причем от Киева он в полтора раза дальше, чем от Владимира. Татарское войско было велико и по Руси шло завесой. Так как мог Ярослав в марте — июне 1238 г. проехать эту завесу насквозь из Киева до Владимира? Да и зачем ехать в разоренный город, бросив огромный богатый Киев, к которому летом 1238 г. могли подойти татары?

Вывод напрашивается один, пусть нам неприятный, но единственный, способный снять все вопросы, — Ярослав как-то договорился с татарами. Он знает, что они не пойдут на Киев и его не задержат татарские отряды по пути во Владимир. Тогда становится понятным, почему Ярослав по прибытии во Владимир и пальцем не пошевелил, чтобы организовать отпор татарам, а занялся административно-хозяйственной деятельностью.

Любопытен и еще один момент. Ярослав Всеволодович бросает Киев, на который татары нападут еще только через два года, и едет в разоренный Владимир. Это хорошо показывает, что политический и экономический центр Руси уже давно сместился из Киева в Северо-Восточную Русь.

Осенью 1240 г. татарские рати появились под Киевом. Командовал ими по-прежнему Батый. Как и в 1237–1238 гг., в составе татарского войска было несколько тысяч булгар под началом Гази Бараджа.

Татары установили многочисленные осадные орудия перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами Киева, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Через несколько дней ворота были разрушены, и татары ворвались в Киев. Свыше суток бой шел внутри города. Последние защитники дрались насмерть у Десятинной церкви в самом центре Киева. 6 декабря татарам удалось, используя пороки (тараны), разрушить церковь, и сотни горожан погибли под ее обломками.

Киев горел. Позже археологи раскопали несколько сгоревших домов со скелетами внутри, причем среди скелетов были и «монгольские»[24].

Падение Киева навело панический страх на русских князей. Михаил Всеволодович вместе с сыном Ростиславом побежал в Польшу к князю Конраду Мазовецкому, а Даниил Романович с сыном Львом — в Венгрию. Следует заметить, что и часть населения Юго-Западной Руси также спасалась бегством в эти страны.

После Киева татары двинулись по Волыни. Первым они осадили город Ладыжин[25] на Буге. Город был хорошо укреплен. В течение нескольких дней 12 пороков безуспешно долбили в его стены. Тогда татары начали льстивыми словами уговаривать горожан сдать Ладыжин, те поверили, сдались и были все истреблены. Потом татары взяли Каменец, Владимир, Галич и ряд других городов. Уцелела лишь одна непреступная крепость Кременец.

Затем татары двинулись в Центральную Европу.

В 1242 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович побывал в ставке Батыя. По словам летописца, хан принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе».

В 1245 г. Ярослав Всеволодович вновь поехал в Орду к хану Батыю, а затем отправился дальше в Монголию к Великому хану Гуюку, сыну покойного Угедея.

Официальные историки утверждают, что Ярослава заставили туда ехать. А вот кто его заставил? Батый? Очень сомнительно, чтобы сюзерен отправил своего вассала к своему врагу. В Средние века это было не принято. Наоборот, существовал принцип: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

Остается предположить, что Ярослав хотел как-то сыграть на внутриордынских противоречиях. На обратном пути из Каракорума в 1246 г. Ярослав Всеволодович умирает. То ли организм не выдержал долгого пути, то ли имело место отравление — этого мы не узнаем никогда.

Когда на Руси узнали о смерти Ярослава, владимирский престол «по старинке» занял следующий по старшинству брат Святослав Всеволодович.

Однако в 1247 г. власть в Великом княжестве Владимирском захватывает пятый сын Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит. Через год Хоробрит погибает в битве с литовцами.

Сразу после захвата престола Михаил, его дядя Святослав, племянник Димитрий, братья Александр Невский и Андрей отправились в Орду жаловаться на Михаила Хоробрита, и каждый, разумеется, мечтал получить Владимирский стол. Причем Александр с Андреем ездили даже в Каракорум. В результате Александр получил Киев и южнорусские земли, а Андрей — Владимир. Причина, почему младший брат Андрей получил намного больше старшего Александра, историкам не ясна. Так, историк В. Т. Пашуто полагал, что регентша Огуль-Гамиш, вдова хана Гуюка, была настроена враждебно по отношению к Батыю и, поскольку считала, что Александр имел слишком тесные связи с Золотой Ордой, поддержала

Андрея[26]. Выдвигались и другие гипотезы. Дошло до утверждения, что старая ханша влюбилась в красавца Андрея.

Святослав Всеволодович с сыном Дмитрием вернулись из Орды с пустыми руками. Далее летопись молчит об их судьбе.

В начале 1249 г. Андрей и Александр Ярославичи вернулись на Русь. Андрей сел на великокняжеский престол во Владимире, но Александр принципиально не захотел ехать в Киев. После Батыева погрома не было восстановлено и десятой части города. Мало того, как писал итальянский путешественник Плано Карпини, проезжавший через эти места в 1246 г., Канов[27], находящийся в 90 верстах от Киева, стал уже татарским городом. Так что кормиться князю и его дружине в Киеве было нечем, да и в любой момент могли нагрянуть татары.

В итоге Александр Невский несколько месяцев погостил у брата Андрея во Владимире, а потом отъехал в Новгород.

Можно только гадать, как повернулась бы история Руси, если бы Александр Невский, вместо того чтобы затевать свары с братом за Владимирский стол, отправился бы в Киев. Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения.

А что же происходит на юге Руси после 1240 г.? Советские учебники, от школьных до вузовских, давали единую формулу: «Польско-литовские феодалы, воспользовавшись ослаблением Руси после нашествия Батыя, захватили западные и южные русские княжества». Это обычная «совковая» ложь. Говоря о «совковой» (или советской) лжи в истории, я говорю не о вождях большевиков (у них и своих грехов предостаточно), а о «советской исторической школе». В СССР до предела было централизовано управление экономикой, внутренней и внешней политикой и т. д., но в историю наши вожди, как правило, не лезли, а лишь указывали общее направление. Так что во всех конкретных глупостях, вранье, передергивании фактов виновны исключительно наши академики и профессора.

Начну с того, что термин «польско-литовские феодалы» можно применять разве что с начала XVII в., а для 1240 г. это была, мягко выражаясь, нелепица. Литовцы были достаточно агрессивны, но в первые три десятилетия после нашествия Батыевой рати их столкновения с русскими шли с переменным успехом. Польша была раздроблена на удельные княжества не меньше, чем Русь, и вдобавок вела кровопролитные войны с Тевтонским орденом, литовцами и венграми.

Вопреки мнению советских историков личность правителя достаточно

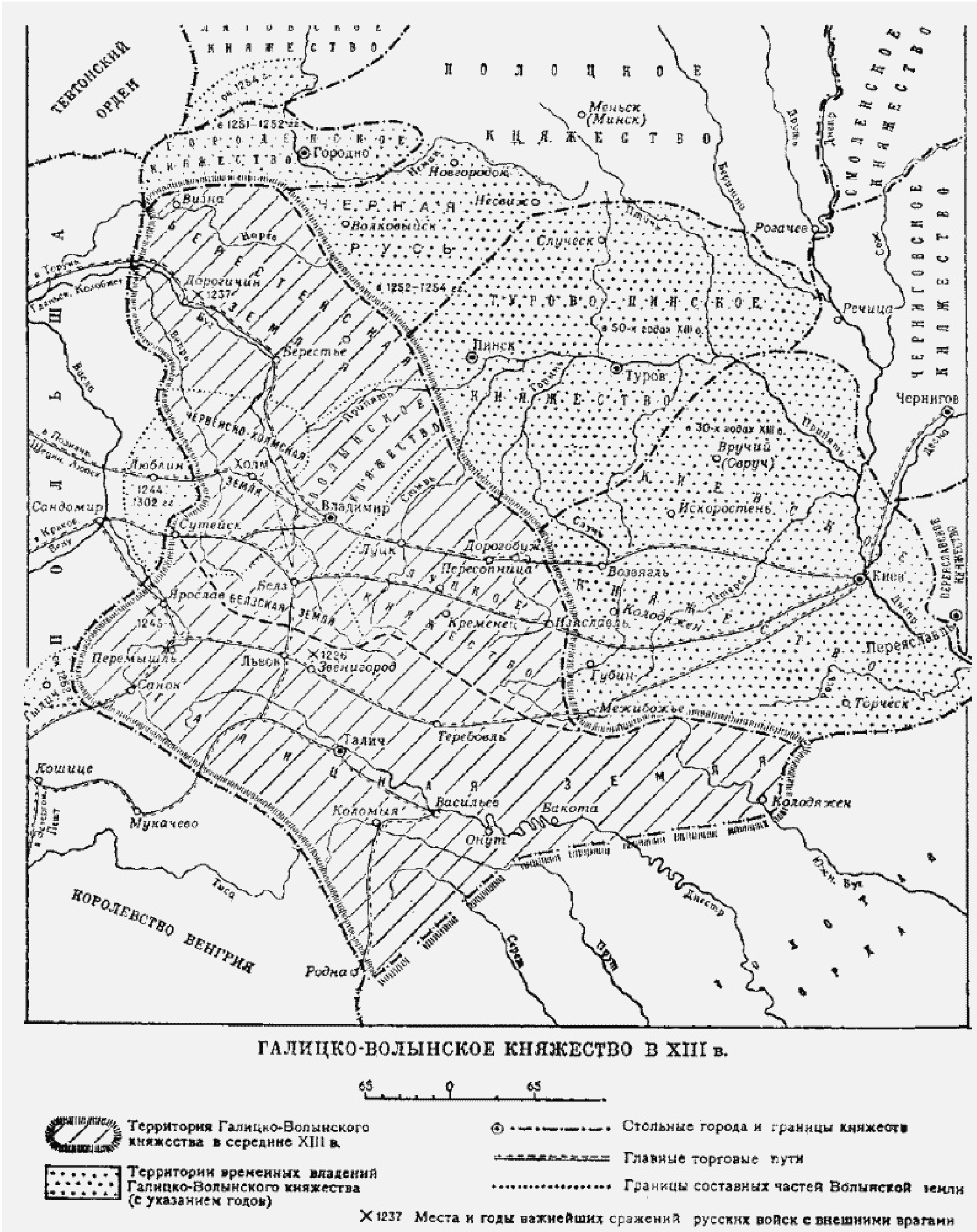
часто играла решающую роль в развитии страны. Галицко-волынские земли пострадали от нашествия Батыя не меньше, чем Северо-Восточная Русь. Тем не менее храбрый воин и мудрый политик князь Даниил Галицкий не только отразил поползновения венгров и ляхов на свои земли, но и быстро перешел к тактике войны «на чужой территории и малой кровью». Войска венгерского короля Бэлы были разбиты в 1249 г. близ города Ярославля (в Галиции), и, чтобы избежать вторжения русской рати, король выдал свою дочь за Даниилова сына Льва.

Войска Даниила неоднократно вторгались в польские пределы. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», Даниил умело пользовался усобицами в Польше и в союзе с одними польскими князьями громил других.

После смерти австрийско-штиринского герцога Фридриха[28], не оставившего мужского потомства, между венгерским королем и императором Священной Римской империи начался спор за его земли. Даниил Галицкий поддержал свояка Бэлу и двинул войска в Австрию. Одновременно князь действовал и иными методами.

Дочь покойного Фридриха Гертруда отправилась за поддержкой к королю Бэле. Там она познакомилась с другим сыном Даниила Галицкого Романом. В 1254 г. состоялась свадьба Романа и Гертруды. Русско-венгерское войско взяло город Носельт. Однако из-за предательства союзников Даниилу не удалось овладеть Австрией. Роман Даниилович и Гертруда несколько месяцев провели в городе Нейбурге недалеко от Вены, но были изгнаны оттуда богемским королем Оттокаром, женатым на другой дочери Фридриха. Ну что ж, поражение поражению рознь. На мой взгляд, поражение под Веной стоит победы над пятью десятками тевтонских рыцарей и несколькими сотнями чухонцев на льду Чудского озера. Как заметил летописец, ни один русский князь никогда не заходил так далеко на запад, как Даниил.

В апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую бумагу великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. В начале 1246 г. Карпини побывал во Владимире-Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батыю. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.



Галицко-Волынское княжество в XIII веке

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и

с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI–XII вв. Крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?» — велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велев передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганых». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.[29]

в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы, просто «надо ведь было что-то сказать».

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

А теперь перейдем к «литовским феодалам».

В 40-х гг. XIII в. среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали усобицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войска не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братьи».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына — на Слоним, а сам пошел к Здитову Поход был успешным, и русские полки с

богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с Орденом, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, не долго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал Орден из врага союзником, и теперь уже князь Товтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмуди и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новогрудскую область, а Василько с племянником Романом Даниловичем взяли Городен.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Воишелк. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде [Новогрудке], будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого,

был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Воишелк — христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Воишелк и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним, Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Воишелк хотел пробраться в Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогрудком он основал свой монастырь.

Таким образом, королю Даниилу удалось снова утвердиться в волостях, занятых было литовскими князьями. В середине XIII в. полоцкие князья Изяславичи уступили свои волости Литве. Последним полоцким князем был Брячислав, его имя встречается в русской летописи в 1239 г. по случаю брака его дочери и князя Александра Невского. А в 1262 г. в летописи уже фигурирует полоцкий князь литвин Товтивил — сын сестры Миндовга.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Воишелк и Товтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На выручку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Василько. Чем кончилось дело, как освободили Романа — неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами нападал на его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека — одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1261 г. король Миндовг в очередной раз поссорился с Орденом. Для начала он приказал схватить всех христиан в Литве, причем часть их при этом была убита. Видимо, пострадали только католики, поскольку православных немецкие хронисты не считали христианами. В том же году Миндовг вступил в союз с Александром Невским, которого немецкие хронисты величали королем. Однако по ряду причин синхронного совместного удара по Ордену не получилось. Русские и литовцы

действовали порознь и в разное время. Тем не менее литовцы осадили Венден. А русские под командованием князя Дмитрия, сына Александра Невского, сожгли орденский город Дорпат (он же Дерпт, бывший русский город Юрьев), но не смогли взять замок.

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, — у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то что она была уже замужем за нальщанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», — и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзерену Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Воишелк узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу — мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Воишелку причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк вновь прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королем становится его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В Литве же сложилась любопытная ситуация. Воишелк в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид, и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Воишелка покняжить еще совместно, но тот решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Воишелка-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Воишелк вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился поссориться с братом Шварна королем Львом Данииловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Василько во Владимир-Волынский, где старый советник князя Даниила немец Маркольд позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили. К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Воишелк — в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Воишелку приехал Лев и предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, по пьянке рассорились, дошло до драки с поножовщиной, и Лев убил Воишелка.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол. Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи

выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279) — князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Король Лев Даниилович не угомонился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногая помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединился родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестием», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошел в волынские земли у Берестья (Бреста). Поляки разорили с десяток сел и пошли назад. Но жители Берестья во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими — детьми Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату — бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Юльвовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостию бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на рука да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берестью, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостию бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и крепко пожал ее. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал

радостную весть: «Брат велел тебе сказать: приготовляйся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла.

Вскоре город был взят, разграблен и сожжен, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге.

Как видим, стенания «совковых» историков о нехорошем поведении польско-литовских феодалов, напавших на Западную и Южную Русь после Батыева нашествия, мягко говоря, неуместны. Наоборот, рати Даниила Романовича гуляли по Польше и Австрии, и нелепая случайность не позволила включить Литву в королевство Данилычей.

К концу XIII в. Русь переживала довольно сложный период. О ситуации в Галицко-Волынском княжестве мы уже знаем. Тут остается добавить, что могучему королю Роману и его потомкам все-таки приходилось платить дань татарам, но делал он это самостоятельно и не подчинялся великим князьям владимирским. Между тем последние существенно усилили свою власть посредством «татарского батога». Князь, носивший титул великого князя владимирского, обычно и не жил во Владимире, а получил от татар право собирать для них дань со всех князей Северо-Восточной Руси и Господина Великого Новгорода. Естественно, что значительная часть собранных средств «прилипала» к рукам оного князя.

Классической характеристикой Руси конца XIII–XIV вв. стали слова историка В. О. Ключевского: «…во всех русских нравах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала неспокойного ребенка лихим татарином; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический

недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера».

На самом же деле Ключевский прав не везде и не всегда. Так, Смоленское княжество, управляемое династией Ростиславичей, потомков Давида Ростиславича (1140–1197), не платило дани Золотой Орде. Лишь в течение небольшого отрезка времени, примерно в 1280–1285 гг. смоленские князья были вынуждены платить дань. Это были годы правления выродка из рода Ростиславичей татарского прихвостня Федора Чермного. При жизни его проклинала вся Русь, Булгария и Северный Кавказ, но в 1463 г. он при анекдотичных обстоятельствах стал первым ярославским святым. В 1286 г. смоляне призвали нового князя Александра Глебовича, племянника Чермного, и прекратили выплату дани.

В 1293 г. в ходе нашествия Дюденевой рати татары сожгли город Можайск, входивший в состав Смоленского княжества. Но ни Александр Глебович, ни его сын Иван по-прежнему не желали платить дань. Мало того, в конце XIV в. к Смоленскому княжеству было присоединено и Брянское княжество. Теперь и оттуда перестал идти «выход в Орду».

Татары несколько лет терпели, но вот в 1333 г. хан Узбек послал татарскую рать на Смоленск. Вместе с татарами шел с дружиной брянский князь Дмитрий Романович. Но взять город не удалось, и татарам с союзниками пришлось возвращаться, несолоно хлебавши.

Зимой 1339/40 г. хан Узбек вновь вспомнил о непокорном Смоленске и направил туда куда большее войско во главе с Товлубием (убийцей князя Александра Тверского). Еще в Орде к Товлубею присоединился рязанский князь Иван Коротопол с дружиной.

По ходу к Товлубею присоединились со своими дружинами князья Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий и Федор Фоминский. Московский князь Иван Калита болел и присоединиться не мог, но послал большую рать во главе с боярами Александром Ивановичем и Федором Акинфовичем. Как писал Н. С. Борисов: «Калита поднял и погнал под Смоленск даже тех, кто отродясь не хаживал в такие походы — „мордовска князи с мордовичи“»[30]. Тверские князья в походе не участвовали.

Подойдя к Смоленску, огромная союзная армия начала жечь и грабить округу, но взять города не смогла. Замечу, что тогда в Смоленске не было большой каменной крепости, которая была построена при Борисе Годунове и сохранилась до сих пор. Зато город прикрывал мощный земляной вал, толщина которого в основании достигала 30 м. Длина вала составляла примерно 3,5 версты, площадь крепости — 65 гектаров. На валу имелся

деревянный тын с несколькими башнями.

Как с едкой иронией написал летописец: «И пришедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти и села пограбиша, и под градом немного дней стояше, и тако татарове поидоша во Орду со многым полоном и богатеством, а русстии князи возвратишася во свояси здравы и целы»[31].

Видимо, при отходе смоляне хорошо наподдали «собирателям земли русской».

Ну да ладно, Ростиславичи хоть защищали свою отчину. А вот новгородская вольница дошла до беспредела. Повадились на речных судах — ушкуях — ходить на Волгу и Каму татар бить. Ну ладно, раз, два, а то ведь промысел себе устроили. Несколько раз жгли Джукотау (около современного Чистополя), Сарай, Болгар, доходили до Хазтаракани (Астрахани) и даже до границ Китая!

Увы, походы ушкуйников в XIV — начале XV вв. никак не укладывались в традиционные схемы царских и «совковых» ученых, и о них решено было забыть. Но их никогда не забывали татары. Другой вопрос, что при царе и большевиках писать об этом было нельзя. Но вот с 1991 г. практически ни один труд татарских историков не обходится без проклятий по адресу ушкуйников. Татарские художники рисуют полотна, где изображают схватки их предков со злодеями ушкуйниками. Вот, к примеру, монография Альфреда Хасановича Халикова («Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария», Академия наук Татарстана, Казань, 1994). Ох, как не нравятся автору «разбойные походы новгородских ушкуйников, например, в 1360, 1366, 1369, 1370, 1371 гг.» «1391–1392 гг. — массированный поход новгородцев и устюжан на Вятку, Каму и Волгу, взятие ими Жукотина и Казани».

«Грабительские походы русских ушкуйников, начиная с 1359 года постоянно снаряжаемые против Булгарского улуса, привели булгарские земли на грань опустошения и разорения. Так, на надгробии 55-летнего Инука, найденном в Булгаре, хотя и невозможно разобрать, от чьей руки он погиб, но вряд ли вызывает сомнение, что это были ушкуйники. Такие камни характерны и для времен Казанского ханства, там прямо указано, что покойник был убит во время „нашествия русских“»[32].

На реке Каме татарские археологи обнаружили город Кашан, состоявший из двух городищ. Кто его разрушил? Конечно, ушкуйники в 1391 г., как утверждает тот же Халиков.

Из трудов казанских историков можно составить длинный список булгарских городищ, уничтоженных русскими в XIV в.

Итак, было всё — и ужасы ига, и энергичный отпор русских людей. Из краткого экскурса в конце XIII — начале XIV вв. выпало только развалившееся на множество осколков Черниговское княжество. Оно-то и стало добычей литовцев, но об этом в следующей главе.

Глава 5
Явление Великой Литвы

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над «i»: сведений о Литве до середины XIII в. ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 г.

По мнению литовских историков, слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва — это небольшой район между реками Нерис, Вилия и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огнь» — Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали.

Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяркунас, западные славяне называли его Перкунос, а восточные — Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения — буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива — божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян — Милка) и скотский бог Велияс (у славян — Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира Святого.

На русские земли нападали как литовские князья, так и небольшие

группы латрункулей, то есть профессиональных разбойников. Русские князья действовали достаточно пассивно и походы в Литву совершали в основном для того, чтобы вернуть награбленное. Впрочем, не исключено, что ряд пограничных литовских племен платили дань русским.

В начале XIII в. крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду — они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько межплеменных союзов. Тем не менее в летописях с 1240 по 1292 г. упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV в., в литовских летописях появляются сведения, что-де литовские князья произошли от Палеймона, родного брата… римского императора Нерона. Сей мифический братец отправился из Рима на север, там родил трех сыновей Барка, Куноса и Спера, — и вот от Куноса-де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении, по крайней мере, части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича[33]. Существует и еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя.

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедимин. Происхождение его неизвестно. Однако он был талантливым полководцем и дипломатом. В 1320 г. Гедимину удалось захватить город Владимир-Волынский, принадлежавший Галицкому королевству. Замечу, что в войске Гедимина этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими — полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедимин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедимин, собрав литовские, жемайтийские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедимина было встречено дружинами короля Льва Юрьевича, его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени галицкое войско потерпело страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедимин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без

князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедимину.

Гедимин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедимину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедимин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И услышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедимину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули.

И князь великий Гедимин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время великий князь киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедимином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти великим князем рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был великим князем рязанским» («Хроника Быховца»).

Сведения о взятии Гедимином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков, начиная с XIX в., как, например, М. С. Грушевский[34], В. Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедимина с волынскими князьями из-за Подляхии. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедимина.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но в любом случае Гедимину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 г. упоминает о киевском князе Федоре[35], который вместе с

татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305–1333) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от римского папы провозглашения крестового похода на «схизматиков»[36]. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князями Галицких и Волынских земель.

Печать галицкого короля Юрия Львовича. Обратим внимание на надпись: «Король русский». Сейчас он, разумеется, стал украинским королем Юрием-Болеславом

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на

сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х гг. XIV в. «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Еще в начале 1340 г. бояре составили заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимире-Волынском. Большинство средневековых авторов сходится на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III, сыну Владислава Локетка, в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львовских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Галичину свои войска, но они были остановлены на границе галицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами наносит контрудар по Польше и доходит до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря

этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта[37], которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ей правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х гг. XIV в. Дядька самостоятельно, без участи Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х гг. XIV в. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его преемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Саноцкую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир-Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х гг. XX в. многие литовские и украинские историки стали утверждать, что-де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю»[38].

Глава 6
Победила не Литва, а ее название!

С начала XIV в. в состав Великого княжества Литовского постепенно входят земли западной, центральной и южной Руси. Я лишний раз подчеркиваю, что литовская экспансия началась в XIV в., а не сразу после 1240 г., как вещали царские и советские историки. Шестьдесят лет — это жизнь двух поколений!

В 1307 г. литовский князь Витень изгоняет тевтонских рыцарей из Полоцка, и там в 20-х гг. XIV в. правит полоцкий князь Воин, брат Гедимина.

В 1319 г. литовский князь Гедимин захватывает древний русский город Берестье.

На следующий год литовцы занимают Витебск. Замечу, что в 1281–1297 гг. Витебское княжество было в вассальной зависимости от смоленских князей. Последний витебский князь Ярослав Всеволодович, внук великого князя владимирского Андрея Ярославича, умер в 1320 г., не оставив мужского потомства, поэтому княжество перешло к князю Ольгерду, женатому на Марии, дочери Ярослава Всеволодовича.

В 1323 г. к Литве была присоединена Черная Русь (Поднеманье) и Поляшье (Подлесье).

В середине XIV — начале XV вв. к Литве отходят несколько небольших княжеств, образовавшихся в середине XIII в. после распада Черниговского княжества: Брянское, Новгород-Северское, Рыльское, Путивльское, Новосильское и т. д.

Почему же маленькая дикая Литва сумела захватить русские земли, в несколько раз превосходившие территорию, где жили этнические литовцы? И советские, и националистические историки Украины, Белоруссии и Литвы сводят дело к татарскому фактору. Первые, как я уже говорил, утверждали, что-де татары так разорили Русь, что она не могла сопротивляться, а националисты утверждают, что, мол, русское население видело в литовцах освободителей от татарского ига.

Обе точки зрения не выдерживают элементарной критики. Начну с того, что Полоцкое, Брестское и другие княжества Западной Руси пострадали от татар куда меньше, чем Владимиро-Суздальские земли. Тем не менее великие князья владимирские сумели в XIII–XIV вв. дать отпор и литовцам, и Тевтонскому ордену, и шведам.

Что же касается мнения националистов, то захваченные литовцами русские земли продолжали платить дань Золотой Орде. Только теперь это делали не местные князья Рюриковичи, а литовские князья. Так, к примеру, летописец сообщает о выплате в 1362 г. (!) Орде дани с Киевской, Черниговской и Волынской земель.

Так как и почему русские земли вошли в состав Великого княжества Литовского? Начну с того, что документальных сведений событий XIV в. в захваченных Литвой землях до нас дошло крайне мало. Тем не менее можно примерно обрисовать процесс перехода русских княжеств под власть Великого княжества Литовского.

Как уже говорилось, Великое княжество Владимирское еще в середине XIII в. буквально плюнуло на западные и южные русские земли. Дети, внуки и правнуки Александра Невского непрерывно воевали между собой за владимирский престол. Предел их мечтаний — выбить побольше денег из Господина Великого Новгорода, отправить побольше дани и подарков золотоордынскому хану и выпросить у него ярлык на Владимирский стол. Между тем все великие князья владимирские, в том числе и Иван Калита, считали себя и князьями киевскими, но это была лишь пустая формальность, делами своей «отчины» они никогда не интересовались.

Литовские князья были смелыми и опытными полководцами, а их дружины хорошо закалены непрерывными войнами с тевтонскими рыцарями. Естественно, жители русских городов были заинтересованы иметь такого князя в качестве защитника.

Вопреки мнению советских ученых никакого закабаления русского народа «литовскими феодалами» попросту не было. В присоединенных к Литве русских княжествах происходила лишь замена князей Рюриковичей на литовских князей Гедиминовичей. Как писал советский историк Н. М. Иванов: «Явление это напоминает появление на Руси несколькими столетиями раньше Рюриковичей».

В ряде случаев литовцы оставляли на престолах и князей Рюриковичей, ставших вассалами Великого княжества Литовского. У литовских князей около 80 % жен были княжны Рюриковны.

Не только литовские князья, но и их дружинники быстро научились говорить по-русски. Нет никаких данных о переселении этнических литовцев на захваченные русские земли. Мало того, процент этнических литовцев в дружинах великих князей литовских и их вассалов, княживших в русских землях, в течение XIV в. неуклонно падал, и в начале XV в. литовцы там не составляли и пяти процентов.

Литовские бояре и дружинники, приехавшие вместе со своими

князьями в русские города, женились на русских и обрусевали в первом или втором поколении.

Официальным языком Великого княжества Литовского был… русский, а вся документация велась на кириллице, поскольку литовцы вообще не имели своей письменности.

Некоторые проблемы возникали с религией. Дело в том, что население этнической Литвы было убежденными язычниками. Литва крестилась в конце XIV — начале XV вв., то есть литовцы стали последним в Европе народом, принявшим христианство.

Однако литовские князья не только не пытались принудить русских принять язычество, но даже не пропагандировали его. Мало того, литовские князья начали исповедовать двоеверие, а то и троеверие. Причем речь идет не о попытках сочетать христианские обряды с языческими, как это было, скажем, на Руси в XI–XII вв. Литовские князья в русских землях соблюдали все православные обряды, а, переезжая в Литву, немедленно становились язычниками. А при необходимости, например, заключая договор с крестоносцами или поляками, принимали католичество, что, впрочем, никак не отражалось на выполнении ими православных и языческих обрядов. Большинство князей Гедиминовичей были крещены по православному обряду.

Великий князь Гедимин (годы правления 1315–1340) имел двух официальных жен. По одной версии первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй — Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй — Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедимина была одна или даже обе жены русскими, означает, что он принял православие: выдача княжей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедимин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом — выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати — начинали публично выполнять языческие обряды.

Гедимин имел семерых сыновей[39]: Монвида (ум. 1340 г.), Нариманта (1277–1348 гг.), Ольгерда (1296–1377 гг.), Кейстута (1298–1381 гг.), Корьята (ум. 1390 г.), Любарта (1312–1397 гг.) и Евнута (Евнутия) (1317–1366 гг.).

Формально все сыновья Гедимина были крещены и имели православные имена, так, Наримант был Глебом, Ольгерд — Александром,

Корьят — Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV в. стали называть Вильно[40] «русским городом», а польские хронисты — «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедимина женились на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

В XIX в. среди русских историков был в ходу афоризм: «Победила не Литва, а ее название». Таким образом, с начала XIV в. до середины XVI в. на огромной территории от Бреста до Вязьмы и от Торопца (на севере) до Киева существовало русское православное государство, именуемое Великим княжеством Литовским.

Об отношении русского населения к литовским князьям в конце XIII — первой половине XV в. говорит то, что многие русские города, формально входившие в состав Великого княжества Владимирского, приглашали литовских князей к себе… княжить! Так, число литовских князей, призывавшихся новгородцами и псковичами к себе с начала XIII в. по середину XV в., исчислялось двузначной цифрой (не менее 15). А литовский князь Довмонт, крестившийся под именем Тимофея, был князем в Пскове с 1265 г. по 1299 г. и сразу же после смерти за свои ратные подвиги во славу города был причислен к лику святых. В 1374 г. в Пскове была поставлена церковь во имя «святого Тимофея Доманта князя».

Царские и советские историки не любили вспоминать, как в 1382 г., узнав о приближении войска татарского хана Тохтамыша, князь Дмитрий Донской отправился в Кострому «собирать войска». На самом деле это было трусливое бегство. Московские князья традиционно драпали в дремучие костромские леса при приближении ордынских ратей[41], и ни разу там никому не удалось собрать войска, и не то чтобы победить, а даже двинуться с ними на татар.

Итак, великий князь бежал, в Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.:

«А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между

теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече — позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, сверху камнями швыряли, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и лишь насилу упрошенные, позже выпустили их, да и то ограбив[42].

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в буру великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал, И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель»[43].

Татары осадили Москву. Четыре дня они безрезультатно штурмовали город. А затем татары сделали вид, что ушли, оставив небольшие силы для осады Москвы. Остей не раскусил хитрости Тохтамыша и с тысячей своих ратников и четырьмя тысячами москвичей пошел на вылазку. Основные силы татар выскочили из засады. В неравном бою Остей погиб, а Москва была захвачена и сожжена татарами.

Итак, русский народ видел в православных князьях Гедиминовичах таких же законных правителей, как и Рюриковичи.

А в середине XV в. был момент, когда вся Русь могла стать литовской. Великий князь московский Василий I, сын Дмитрия Донского, женился на Софье, дочери великого князя литовского Витовта. Жене удалось уговорить не дюже сильного умом Василия не помогать Смоленскому княжеству, а наоборот, нанести ему удар в спину. В результате Витовт овладел Смоленском, а затем и Вязьмой.

Мало того, опять же по научению жены Василий Дмитриевич в 1420 г. отправил к Витовту митрополита Фотия со своей духовной грамотой, в которой отдавал своего сына Василия под покровительство великого князя литовского. Замечу, что этим актом сын Дмитрия Донского делал вассалом великого князя литовского не только своего сына, но всю Владимиро-Суздальскую Русь. Таким образом, Василий I из ревности, а может, и ненависти к брату Юрию готов был поступиться независимостью

Московского княжества. Витовт, естественно, согласился.

После смерти Василия I в 1425 г., согласно завещанию Дмитрия Донского и существовавшему на Руси «горизонтальному праву», великим князем московским должен был стать следующий брат — Юрий Дмитриевич. Но Софья Витовтовна и Фотий любой ценой решили удержать власть в своих руках, использовав в качестве марионетки двенадцатилетнего ребенка — Василия Васильевича. И из-за этого на Руси началась почти тридцатилетняя гражданская война.

Софья и Фотий предпочитали видеть Василия II вассалом великого князя литовского Витовта, нежели вассалом его дяди Юрия Дмитриевича.

14 августа 1427 г. Витовт пишет магистру Ливонского ордена: «…как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя — ему покорилась Москва!

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий, а затем прибыли и Софья с Василием. Тем не менее эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолеткой Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья — вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину господарю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

Вслед за московским князем в начале августа 1427 г. договоры с Витовтом заключили князь Иван Федорович, внук Олега Рязанского, и пронский князь Иван Владимирович. Согласно этим договорам оба князя «дались в службу» великому князю литовскому Витовту[44].

В том же 1427 г. великий тверской князь Борис Александрович стал

вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, господарю моему, великому князю Витовту, са язъ… добилъ есми челом, дался если ему на службу… А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского боронити ото всякого, думаю и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княженье Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «молодшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата польского короля Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник — Рождество Богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович, рязанский князь Иван Федорович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить сигизмундовых послов в Литву.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не помешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорей всего, причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя не исключено и отравление. Без особого преувеличения можно сказать, что смерть Витовта спасла Москву и всю Северо-Восточную Русь от включения в состав Великого княжества Литовского.

Глава 7
Дважды упущенный шанс соединить Русь

А теперь мы перенесемся в Польшу, где династический кризис инициировал ряд судьбоносных событий, круто изменивших историю Польши и Литвы. В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и на нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X в. Правда, в Моравии вассальные князья — потомки Пястов — правили до 1526 г., а в Силезии — до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII–XVIII вв. же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов.

Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Оттуда и его прозвища — Людовик Венгерский и Людовик Анжуйский.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый «Кошицкий привилей», освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.

Кошицкий привилей представлял собой первый привилей, выданный польскому дворянству — панам и шляхте — как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениями феодальной анархии.

Кошицкий привилей свел уплату податей шляхтой и панами к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды — сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382 г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому

назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда — маркграфа бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже… замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетнем австрийским герцогом Вильгельмом. Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа — мазовецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая усобица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Ольгерда. По ее зову в Краков приезжает герцог Вильгельм. Он тайно проникает в замок Вавель, где жила Ядвига. Супруги на радостях устраивают пир. Но когда Ядвига уходит в спальню, на неудачливого мужа нападают свирепые придворные паны, и Вильгельму приходится спешно ретироваться через окно по веревочной лестнице. Полуодетая Ядвига выскакивает на двор, но дубовые ворота заперты. Придворные не решаются дотронуться до своей королевы, но и не открывают ворота. Тринадцатилетняя жена-девственница хватает тяжелый топор и рубит дубовые ворота. Ударив несколько раз, королева убедилась в напрасности своих усилий, бросила топор и горько заплакала. Тогда один из вельмож упал перед ней на колени и стал умолять пожертвовать своим личным счастьем для блага отечества.

Плачущая девочка пошла в церковь, где ксендзы начали петь ей ту же песню, что и придворные. Ради такого случая ксендзы объявили ее брак фиктивным, то есть не имеющим законной силы.

А между тем Ягайло с большой свитой приближался к польской столице. Вельможи вновь стали уговаривать Ядвигу не отказываться от брака с литовским князем и заслужить славу просветительницы его народа.

В конце концов, уговоры, а также появление самого Ягайло, который оказался не уродливым варваром, а мужчиной вполне приятной наружности, оказали нужной воздействие на королеву.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался rusin (русин), то есть так же, как ляхи в X–XIII вв. называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переменил на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный братец Витовт, приехавший на свадьбу.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С. М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице

Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру населения Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство — от юрисдикции светского суда.

Тем не менее большинство православных и язычников в Литве сохранили свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями. Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше, чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от великого князя московского.

В 1387 г. у удельного князя острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка — сандомирского каштеляна[45] Креслава из Курозвенков. В 1390 г. князь

Федор Любартович по воле короля теряет последнюю волость своего Волынского княжества — Владимир-Волынский с окрестностями. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишается своего удела новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгород-Северское княжество король назначает утратившего свой волынский удел князя Федора Любартовича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

В Городельском акте 1400 г., подтверждающем соединение польских и литовских земель, содержится дискриминация православных бояр и панов по сравнению с католиками. Однако наши историки несколько преувеличивают это. Так, православным панам не будут предоставляться гербы. Далее говорится, что в должности воевод и наместников «не будут выбираемы те, которые не исповедывают католической веры и не подчиняются святой римской церкви». Тут уже ограничение очень серьезное, если бы речь не шла только о двух городах Великого княжества Литовского — Вильно и Троки. Спору нет, города столичные и должности там престижные. Но в целом на Литовской Руси Городельский акт никак не отразился. Тем более что властями сей акт неоднократно нарушался. Причем, подчеркиваю, речь шла о Русской Литве.

А в Польше имели место отдельные эксцессы. Так, в 1412 г. король Владислав II (Ягайло) отнял в Перемышле прекрасную кафедральную церковь Святого Иоанна Крестителя, издавна принадлежавшую православным (построена еще Володарем Ростиславичем), и передал ее латинскому епископу: при этом были выброшены имевшиеся при ней гробы православных.

А вот в Великом княжестве Литовском тот же Ягайло 15 октября 1432 г. дал Гродненскому съезду литовских панов особый привилей, которым предоставлялось русским князьям, боярам и шляхте утешаться и пользоваться теми же самыми милостями, свободами, привилегиями и выгодами, которыми владеют и пользуются и литовские князья, бояре и

шляхта, причем литовцы могут приобщать к полученным от поляков гербам и русских. Иначе говоря, по этому привилею православная шляхта Великого княжества Литовского получала теперь то же, что предоставлено было литовской шляхте католического исповедания предыдущими привилеями Ягайло.

А через две недели, 30 октября, тот же Ягайло распространяет права и вольности польской шляхты на духовенство, князей, панов и шляхту Луцкой земли (на Волыни) без различия вероисповедания как на католиков, так и православных.

Я боюсь наскучить читателю перечислением всевозможных привилеев, выдаваемых шляхте и духовенству польскими королями и великими князьями литовскими, но именно в борьбе за привилегии и состоял тогда конфликт между конфессиями. Князья, папы и ксендзы стремились получить как можно больше привилегий от государства, а православные князья, паны и попы старались получить не меньше, чем католики.

2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, Казимир IV Ягеллончик дал (в Вильно) привилей «литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам». Этот привилей замечателен тем, что им предоставлялись «прелатом, княжатом, рытерем, шляхтичам, боярам, местичом» Литовско-русского государства все те права, вольности и «твердости», какие имеют «прелати, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское», то есть население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель.

В начале 1499 г. киевский митрополит Иосиф предоставил великому князю литовскому Александру «свиток прав великого князя Ярослава Володимеровича», то есть церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и доходы, так как «вси тые дела духовные в моц митрополита Киевского» и подведомственных ему епископов.

20 марта 1499 г. великий князь особым привилеем подтвердил этот свиток. По этому привилею «мает митрополит Иосиф и по нем будущие митрополиты» и все епископы Киевской митрополии «судити и рядити, и все дела духовные справовати, хрестиянство греческого закону, подле тех прав, выпису того свитка Ярославля, на вечные часы». Все князья и паны «римского закона как духовные, так и светские», воеводы, старосты, наместники «как римского, так и греческого закона», все должностные лица городских управлений (в том числе и там, где есть или будет

Магдебургское право[46]) не должны чинить «кривды» церкви божией, митрополиту и епископам, а равно и вмешиваться «в доходы церковные и во все справы и суда их духовные», ибо заведование всеми ими, как и распоряжение людьми церковными, принадлежит митрополиту и епископам.

В городах, где введено было Магдебургское право (в Великом княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от свои собратьев — католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая — православие; один бургомистр — католик, другой — православный. Грамоты Полоцку (в 1510 г.), Минску, Новогрудку (в 1511 г.), Бресту (тоже в 1511 г.)и другие подтверждают это.

В 1492 г. умирает польский король Казимир IV. За годы его правления королевская власть сильно ослабела. В XV в по отдельным областям Польши — воеводствам — стали собираться сеймики, представлявшие собой съезды местной шляхты, на которых она решала все вопросы, касавшиеся ее, и прежде всего вопросы о новых налогах. Первое время король сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей этих сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда по требованию короля уполномоченные шляхты собирались на общий съезд — так входил в обычай общий для Польши сейм. Эта система сеймиков стала основной опорой господства шляхты. Нуждаясь в больших средствах для войны с Орденом, король Казимир IV вынужден был постоянно обращаться к сеймикам и таким образом укреплять их политическое значение.

К концу XV в. окончательно организовался так называемый «вальный сейм», то есть общий для всей страны. Этот сейм делился на две палаты: верхнюю — коронную раду, или сенат, где заседали можновладцы — прелаты и сановники Польского государства, и вторую палату — посольскую избу, в которой заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики получили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но также составляли для них обязательные наказы. В вальном сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

После смерти Казимира IV польские паны избрали королем Яна Ольбрехта (Альбрехта), а литовские — великого князя Александра. Великий князь московский Иван III побаивался короля Казимира, но после его смерти решил начать большую войну. Иван III срочно отправил в Крым

своего посла Константина Заболоцкого. Послу поручено было сказать хану Менгли Гирею, что король Казимир умер, но его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как и отец, и чтобы хан с ними в союз не вступал, а пошел бы войной на Литву. Великий князь также хочет сам сесть на коня. Иван III рекомендовал хану идти на Киев. Хан выслушал Заболоцкого, но послал в Малороссию не всю орду, а лишь 500 всадников.

Сам Иван III со всем войском не желал идти в поход, а послал летом 1492 г. на Литву два сравнительно небольших отряда. Один отряд под командованием князя Федора Оболенского напал на Мценск и Любутск и сжег их, взял в плен наместников, бояр и много других людей. Второй отряд воеводы Даниила Щени[47] в том же 1492 г. захватил город Вязьму, где княжил Андрей Юрьевич Вяземский, и город Хлепень, где сидел Михаил Дмитриевич Вяземский. Напомню, что Вяземский удел достался великому князю Витовту, и вяземские князья, почти 100 лет правившие им, верой и правдой служили Вильно.

Иван III любил не спеша расправляться со своими жертвами, вспомним те же Новгород и Тверь. Вяземское княжество не стало исключением из общего правила. Так произошло и с вяземскими князьями. Михаил Дмитриевич с семьей под стражей был отправлен на Северную Двину, где и умер (убит?). Куда делся Андрей Юрьевич Вяземский — неизвестно, во всяком случае, в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Итак, наиболее знатные князья Вяземские были устранены, а вот многие боковые ветви были отправлены подальше от западных границ Московского государства.

В Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и великим князем литовским Александром.

Начались хитрые дипломатические игры (подробнее о них рассказано в моей книге «Русь и Литва»). Вначале шли «окольные» переговоры через власти Полоцка и Новгорода. Затем начались поездки послов в Москву и Вильно. В 1493 г. в ходе одной из «челночных» поездок московский посол дворянин Загряжский привез грамоту со странным требованием передачи Москве ряда русских городов. Сенсацией в ней стал новый титул Ивана III. До сих пор в верительных грамотах Казимиру Иван III писал так: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю польскому и великому князю литовскому послами есмо». Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и болгарский, и иных, великому князю Александру литовскому».

Итак, впервые великий князь московский назвал себя «государем всея Руси». Что же произошло? Да ничего, кроме того, что военная мощь Литвы в тот момент была ослаблена, а силы Ивана III велики. Кроме того, Литве угрожал союзник московского князя крымский хан Менгли Гирей. Иных аргументов у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древнерусским киевским князьям. То ли в силу неубедительности сей посылки, то ли потому, что сам Иван с боярами имел весьма смутное представление о Киевском государстве. Послу же был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отце государя нашего так не приказывали? То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут».

В январе 1494 г. в Москву едут большие литовские послы. После долгих препирательств литовские послы уступили Ивану III большую часть спорных земель, и главное, в договорной грамоте Иван III был написан государем всея Руси, великим князем владимирским, московским, новгородским, псковским, тверским, югорским, пермским, болгарским и иных.

По окончании переговоров Иван III объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 г. новые послы приехали за невестой — московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома не унимался до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Московское государство, а наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеды, если бы они попросту драпанули через границу, так они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 г. князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцем. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV в. стал князем киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиной». Причиной своего поступка

Бельский назвал притеснения православных в Литве — «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Александру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры.

За Бельским перешли с богатыми волостями князья, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговом, Стародубом[48], Гомелем и Любичем; Шемячич — с Рыльском и Новгородом Северским. Вместе с ними последовали и другие князья — Мосальские, Хотетовские, и все по причине якобы гонения за веру.

На самом же деле никаких гонений на веру в 1500 г. не было, тем более в пограничных с Москвой уделах и княжествах. Дело в том, что князья Литовской Руси были мало знакомы с московскими порядками и нравом Ивана III. Они знали московского князя как удачливого и очень богатого правителя и надеялись на получение денег и новых вотчин.

И поначалу московские власти не спешили их разочаровывать. К Ивану перешли князья Трубецкие — Андрей, Иван, Федор Семеновичи и Иван Юрьевич с сыном Семеном. Вся эта компания потомков Гедимина к 1499 г. совместно владела небольшим городком Трубчевском. Им он был и оставлен до конца XVI в. От них пошел род князей Трубецких.

Меньше повезло Василию Шемячичу. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья — вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят

Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдумано было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и две дочери были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 г.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Бельского. Он стал известным московским воеводой, но в 30-х гг. XVI в. был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти так же кончили и все остальные удельные князья.

Но, повторяю, князья, переходив к Ивану III, мечтали совсем о другом. Понятно, что литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья северские Можайский и Шемячич были приведены к присяге Ивану III.

14 июля 1500 г. московские воеводы Юрий Кошкин и Даниил Щеня наголову разбили литовцев на Митьковом поле на реке Ведроне.

Великий князь литовский Александр стал с войском на реке Бобр, но, узнав о разгроме князя Острожского на Ведроше, отступил к Полоцку. Оставив сильные гарнизоны в Витебске и Полоцке, Александр осенью ушел зимовать к Вильно.

В начале 1500 г. великий князь литовский нанял несколько тысяч наемников — поляков, чехов и немцев — и, собрав большое войско, двинулся к Минску. Тем временем новгородские, псковские и великолуцкие полки под начальством великокняжеских племянников Ивана и Федора Борисовичей и боярина Андрея Челядина взяли Торопец. Новые подданные — князья северские Можайский и Шемячич вместе с братьями князем ростовским и Семеном Воронцовым — одержали победу над литовцами под Мстиславлем. Русская летопись сообщает о семи тысячах убитых супостатах.

Сын Ивана III Дмитрий Жилка осадил Смоленск. Московское войско окружило город, вокруг были возведены осадные батареи, которые даже и ночью обстреливали Смоленск. Одновременно русские овладели Оршей.

На выручку Смоленску великий князь литовский Александр послал из Минска войско во главе с трокским старостой Станиславом Яновским.

Литовцы форсировали Днепр и Оршу и направились к Смоленску. Русские были вынуждены снять осаду с города и отойти без сражения.

25 марта 1503 г. в Москве был подписан русско-литовский «перемирный» договор, то есть перемирие сроком на 6 лет. Перемирная грамота была написана от имени великого князя Ивана, государя всея Руси, сына его великого князя Василия и остальных детей. Великий князь литовский Александр обязался не трогать земель московских, новгородских, псковских, рязанских, пронских, уступил землю князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел.

27 октября 1505 г. на 67-м году от рождения и на 44-м году княжения умер Иван III. Московский престол перешел к его сыну Василию III (1479–1533). Польский король и великий князь литовский Александр пережил своего тестя менее чем на год и умер в августе 1506 г. Его место на литовском престоле занял брат Сигизмунд, который с 24 января 1507 г. стал и королем Польши.

Прежде, чем переходить к правлению Сигизмунда I, следует упомянуть о переменах в государственном устройстве Польше, имевших большое значение для последующих событий. Так, Мельницким привилеем 1501 г. королевская власть была поставлена в полную зависимость от сената. Значение короля свелось по существу к роли председательствующего в сенате. Сенат сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в государстве. Однако успех крупных феодалов не был длительным. В 1505 г. шляхта добилась издания Радомской конституции «Nihil novi» («Никаких нововведений»). По конституции 1505 г. король не мог издавать ни одного нового закона без согласия как сената, так и посольской избы.

Еще до истечения срока перемирия, в апреле 1507 г. началась новая русско-литовская война. Подробное описание серий войны 1507–1508 гг. и 1512–1522 гг. выходит за рамки нашей работы, и я повторно отсылаю интересующихся подробностями читателей к книге «Русь и Литва». Здесь же я отмечу лишь то, что вновь значительная часть русских князей и бояр, независимо от их происхождения — от Рюриковичей или Гедиминовичей, стремились освободиться из-под власти литовских князей и перейти на сторону Москвы.

Так, в 1507 г. литовский магнат Михаил Глинский выступил со своей частной армией (700 всадников) против короля Сигизмунда I и захватил Гродно, а затем ушел к Новгороду. В дальнейшем Михаил Глинский активно участвовал в войне на стороне Василия I.

Любопытно, что украинские историки-националисты XIX–XX вв. в большинстве своем обходят молчанием реконкисту Ивана III и Василия III. Лишь Орест Субтельный пишет: «…восстание Глинского явилось значительным событием — не только потому, что оно засвидетельствовало растущее недовольство украинцев своим положением в Великом княжестве Литовском, но и потому, что это был, пожалуй, наиболее примечательный случай, когда украинская элита выступила с оружием в руках на защиту своих прав»[49].

Увы, это очередная фантазия канадского гражданина господина Субтельного. Ни в грамотах Михаила Глинского, ни вообще в переписке литовских и московских властей слово «Украина» в XVI в. ни разу не употреблялось. А сам Глинский был потомком татарина, приехавшего на службу к Витовту, его же сподвижник Д. Ф. Бельский был по происхождению Гедиминовичем. Другой вопрос, что они оба были православными, говорили по-русски и считали себя русскими.

В итоге войн Ивана III и Василия III у Литвы к 1533 г. была отвоевана огромная территория от среднего течения реки Ловати на севере до верховий Северного Донца на юге. В состав Русского государства вошли Смоленск, Кричев, Рославль, Мстиславль, Брянск, Гомель, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль и другие города. Увы, сейчас большинство этих городов находится в составе Украины и Беларуси. Но тогда, в XVI в., все без исключения население этих земель говорило по-русски почти так же, как и в Москве, и считало себя русскими людьми.

На мой взгляд, и Иван III, и Василий III могли получить и остальные русские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского, при наличии более либерального отношения к князьям и боярам Литовской Руси. Во Владимиро-Суздальской Руси и в Великом Новгороде Иван III вел себя как восточный деспот, устраивая массовые превентивные (на всякий случай) казни и ссылки представителей древних княжеских и боярских родов. В итоге свирепому Ивану, кстати, его первым стали называть Иваном Грозным, и его не менее свирепому сыну удалось добиться почти рабской покорности князей Рюриковичей. Так, например, уже великий князь Василий III мог публично бить сапогом и стегать плетью бояр и князей в Думе, называя их холопами. И ладно если бы дело шло о мятеже, предательстве и т. д. Дело было в ерундовых поступках, и назавтра

побитый князь или боярин шел не на плаху, а на свое место в Думе. Риторический вопрос, можно ли было представить такую ситуацию при французском королевском дворе в XVI в. или при русских княжеских дворах X–XIII вв.?

В итоге большинство князей и бояр Литовской Руси решило остаться в составе Великого княжества Литовского, предпочитая католизацию и полонизацию в отдаленном будущем плахе или в лучшем случае царской плети в Москве.

Глава 8
Явление Войска запорожского

Откуда взялись запорожские казаки? Почти все дореволюционные и советские авторы утверждают, что запорожцы — потомки крестьян, бежавших от гнета польских помещиков. Так, один из самых авторитетных историков запорожского казачества Д. И. Яворницкий цитирует летопись: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийские страны в 1340 году, спустя некоторое время всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига, те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на бусурман»[50].

Первые упоминания о запорожских казаках относятся к концу XV — началу XVI в. Между тем Киевское княжество было передано полякам только Люблинской унией в 1569 г., а до этого никаких ляхов в среднем течении Днепра не было, как не было там и крепостного права. Так что теорию возникновения запорожских казаков из беглых крестьян придется оставить как несоответствующую реалиям того времени. Я же берусь утверждать, что запорожское казачество составляли… местные жители.

Сразу же оговорюсь, что документальных свидетельств этого нет, но, с другой стороны, нет никаких свидетельств, опровергающих мое утверждение.

Начнем по порядку Вспомним о таинственных бродниках, трижды упомянутых в русских летописях. Первое упоминание о бродниках относится к 1147 г., когда они в очередной княжеской усобице вместе с половцами пришли на помощь Святославу Ольговичу.

По мнению академика В. В. Мавродина: «Бродники — это тюрки-кочевники. За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы — Плоскиня, звучащее по-русски». Далее Мавродин пишет: «Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название — берладников, выгонцев и т. д. Бродников было не так уж мало, ибо иначе

нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах»[51].

Бродники в своих землях не признавали власти ни князей Рюриковичей, ни половецких ханов.

«Бродячий образ жизни, связанный с их полупромысловым хозяйством, делал их чрезвычайно подвижными, а военный характер общин бродников приводил к появлению бродников в качестве, по-видимому, наемников в рядах войск соседних государств. Бродники были у болгар, венгров, русских князей в качестве наемников до XIII века»[52].

После Батыева нашествия на Киев в 1240 г. и до конца XIV в. история Киевской земли — сплошная черная дыра. Историк М. С. Грушевский писал: «Остается сказать еще об одном обстоятельстве — об отсутствии сведений о Киевской земле за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в.»[53].

Данных о существовании местного летописания у нас нет, а ни князей, ни летописцев Владимиро-Суздальской Руси Киев абсолютно не интересовал.

Как же управлялась Киевская земля? По косвенным источникам, в том числе по сообщениям итальянского путешественника Плано Карпини, проезжавшего через эти места в 1246 г., южнее и западнее Киева вообще не было князей, а местным населением управляли атаманы (ватманы)[54], выбираемые вечем. Периодически приезжали татарские баскаки, которым атаманы сдавали дань.

Плано Карпини писал: «Мы прибыли к некоему селению, по имени Канов [Канев. — *А. Ш.*], которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства»[55].

Плано Карпини не очень разбирался в делах русских княжеств, поэтому потребуется расшифровка его записей. «Под непосредственной властью Татар», то есть там русские князья не имели никакой власти над местным населением. Ну а имя Михей мало похоже на татарское или аланское. Видимо, имя местного атамана городка, расположенного на Днепре ниже Канева, было Михаил, а провожатые итальянцев обзывали его Михеем.

Михей не понравился путешественникам, так как требовал слишком много подношений за дальнейшее их сопровождение. «После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четыредесятницы, и он проводил нас

до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди»[56].

Таким образом, Плано Карпини и его спутники покинули Киев 4 февраля 1246 г., проехали Канев, 19 февраля выехали из городка, где атаманом был Михей, и, наконец, 23 февраля впервые встретились с заставой татар.

Судя по всему, путешественники ехали по льду Днепра. Если они двигались со скоростью 20–30 км в сутки, что не так уж много для того времени, то даже сделав 3–4 дневки (дневные остановки), они прошли бы 350–400 км до встречи с татарской заставой.

Таким образом, записки Плано Карпини свидетельствуют о том, что почти до нынешнего Запорожья берега Днепра были заселены местными жителями, то есть бродниками, платившими дань татарам.

А что это были за места? Начну со священной для казаков реки — Днепра. Его в казацких «думах» и песнях именовали «Днипром — Славутич» или «Днипром — братом», а речного лоцмана звали «Козацким шляхом».

Длина всей реки, начинавшейся в Бельском уезде под Смоленском, составляла 2065 верст. Яворницкий писал: «В пределах вольностей запорожских казаков Днепр начинался с одной стороны выше речки Сухого Омельника, с другой — от устья речки Орели, и протекал пространство земли в 507 верст, имея здесь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; в пределах же запорожских казаков он характеризовался и всеми особенностями своего течения — порогами, заборами, островами, плавнями и холуями. Всех порогов в нем при запорожских казаках считалось девять — Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, иначе Дид-порог, Волниговский, иначе Внук-порог, Будиловский, Лишний и Вильный»[57].

Пороги тянулись на 68 км ниже Екатеринослава (с 1926 г. Днепропетровск). Лишь после постройки Днепрогэса Днепр стал полностью судоходным. А до этого времени по утверждениям некоторых историков эти пороги были непроходимы. На самом деле днепровские пороги следует считать условно-проходимыми.

Начну с того, что ладьи на пути «из варяг в греки» свободно проходили в оба конца. Да и дружины киевских князей в IX–XI вв. проходили пороги на своих судах. Хотя, возможно, в то время уровень воды в Днепре был выше. Я видел в Киевском историческом музее огромные

рыболовные крючки, а в Москве-реке последнего осетра изловили при Иване III.

В последующие века форсирование порогов происходило с переменным успехом. В 1696 г. во время Второго азовского похода Петра I воевода Неплюев с 2500 солдат на 42 больших и 46 малых стругах прошел пороги, хотя и с трудом. В 1737 г. из 300 транспортных судов, отправленных из Брянска к армии Миниха, к Очакову дошли только 96. Связано это было не столько с порогами, сколько с общим разгильдяйством: множество судов было брошено за десятки верст не доходя порогов. В 1787 г.

во время знаменитого путешествия Екатерины II из Киева до Херсона прошли без потерь семь галер и несколько транспортных судов. В 1886 г. из Эльбинга на Черное море прошли три 88-тонных миноносца, строившиеся для Черноморского флота в Германии на верфи «Шихау». В конце XIX — начале XX вв. через пороги регулярно производился сплав леса, а проход гражданских судов — периодически, причем в обоих направлениях.

Кроме порогов на Днепре было множество заборов. Заборы — те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но не пересекавшие реку от одного берега до другого, а занимающие только ее часть, преимущественно с правого берега, и таким образом оставлявшие у другого берега свободный для судов проход. Всего на Днепре в запорожских пределах насчитывалось заборов 91.

Камни, в отличие от забора, торчали то там, то сям посреди реки или у ее берегов. Из множества камней, разбросанных по Днепру, самых известных было семь — Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола и Разбойники.

Между порогами и заборами, далеко выше и ниже их, на всем Днепре в границах земли запорожских казаков насчитывалось 265 больших и малых островов, из которых самыми известными были 24 — Великий, Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Ткачев, Дубовый, Таволжанский, Перун, Кухарев, Лантуховский, Гавин, Хортица, Томаковка, Стукалов, Скарбный, Скалозуб, Козенин, Каир-Козмак, Тавань, Бургун, Тягинка, Дедов и Сомов.

Д. И. Яворницкий писал: «Почти все береговые пространство Днепра, исключая порожистого, одето было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами,

покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу, вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина. Для запорожца, не знавшего в среде суровых товарищей своих „ні неньки рідненької, ні сестри жалібненької, ни дружини вирненької“, всю родню составляли Сичь да Великий Луг: „Січ — мати, а Великий Луг — батько, от там треба й умирати“; запорожец в Великом Лугу чувствовал себя что в необозримом море: тут он недоступен был „ні татарину-бусурманину, ні ляху поганому“. Самое русло Днепра нередко загромождено было так называемыми холуями или корчами, то есть подводными пнями деревьев, росших по берегам реки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множестве обрушивавшихся на дно Днепра»[58].

В XVII в., по словам Боплана[59], в реках и озерах Запорожского края (Псельское и Воскальское, Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др.) водилось множество рыбы и раков. Так, в Орели в одну тоню рыбаки вытаскивали по две тысячи рыб, каждая размером не меньше фута. В Самоткани и смежных с ней озерах водилось такое количество рыбы, что она «от собственного множества умирала, портила воду и заражала воздух; в Домоткани водилось множество раков, иногда до 9 дюймов длиною, и особая, превкусная рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медом, воском, дичиной и строевым лесом и за свое богатство прозвана казаками святою рекою; окрестности Самары запорожские казаки называли обетованною Палестиной, раем божьим на земле, а всю землю около реки — землей „дуже гарною, кветнучею и изобилующею“, самый город Самарь — „истинно новым и богатым Иерусалимом“»[60].

Казак и казачка. Рисунок на полях карты Украины Г. Боплана. XVII век

116-летний старик Иван Росольда рассказывал в середине XIX в.: «Пойдешь косить, косою травы не отвернешь, погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь их; загонишь волов в траву, — только рога мреют. Выпадет ли снег, настанет ли зима, никакой нужды нет: хоть какой будет снег, а травы надолго не закроет. Пустишь себе коней, коров, овец, то они так пустопаш и пасутся, только около отар и ходили чабанцы; а как загонишь и увидишь; зато уже тогда около них работы — тирсу выбирать, которая поналезет им в волну!.. А что уж меж той травой да разных ягод, то и говорить нечего: вот это, бывало, как выйдешь в степь, да как разгонишь траву, то так и бери руками клубнику. Этой поганги, что теперь поразвилась, овражков да гусеницы, тогда и слышно не было. Вот какие тарвы были! А пчелы той? А меду? Мед и в пасеках, мед и в зимовниках, мед и в бурлюгах — так и стоит в липовых кадках: сколько хочешь, столько и бери, — больше всего от диких пчел: дикая пчела везде сидит, и на камышах, и на вербах: где буркун — в буркуне, где трава — в траве; за ней и прохода не было: вырубывают, бывало, дупла, где она сидит. А леса того? Бузины, сведины, вербы, дуба, груш — множество. Груш, как понападает с веток, так хоть бери грабли да горни в валки: так и лежат на солнце, пока не попекутся…

А что уже птицы было, так Боже великий! Уток, лебедей, дрохв, хохотвы, диких гусей, диких голубей, лелек, журавлей, тетерок, куропаток — так хо-хо-хо! Да все плодющие такие! Одна куропатка выводила штук двадцать пять птенцов в месяц, а журавли, как понаведут детей, то только ходят да крюкают. Стрепетов сельцами ловили, дрохв волоками таскали, а тетеревей, когда настанет гололедица, дрюками били…

Теперь нет и того множества рыбы, что была когда-то. Вот эта рыба, что теперь ловят, так и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги, коропы да осетры за все отвечали; в одну тоню[61] ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало»[62].

Возникает риторический вопрос — неужели бродники или их потомки покинули эти благословенные края, где было так легко прокормиться, да еще и столь вкусно; где легко можно было спастись от орд кочевников или судовых ратей ляхов и турок?

Естественно, что жить в плавнях, не умея искусно владеть саблей и метко стрелять из лука, невозможно. Увы, мы не знаем подробностей жизни бродников. Да что бродники! Документов конца XIII — начала XIV вв. столь мало, что и история Киева за этот период нам известна лишь фрагментарно.

Первые документальные свидетельства о деятельности казаков на юге России относятся к концу XV в. До этого ни о военной активности, ни вообще о жизни жителей Нижнего Днепра и его притоков ничего не известно.

Однако из византийских, генуэзских и венецианских исторических хроник и деловых документов следует, что с конца XIII до начала XV вв. на Черном море активно действовали пираты. Так, венецианским и генуэзским купеческим судам, плававшим в Черном море, запрещалось выходить в море без балистариев — стрелков из арбалетов, аркбаллист и катапульт, а с XV в. — и пороховых бомбард. Часто купеческие суда были вынуждены ходить в составе конвоев, охраняемые боевыми галерами.

Правда, в документах упоминаются в основном корсары — подданные Венеции, Генуи или турецкого султана. Это и понятно — было к кому предъявлять претензии, отвечать контрмерами и т. п. Жаловаться на пиратов, принадлежащих к племенам, не имеющим государственности, бесполезно, и купцы не отражали это в деловых бумагах. Утверждать же, что все население Северного Причерноморья от Дуная до берегов Кавказа не занималось пиратством, поскольку оные племена не упомянуты конкретно в делах о нападениях на купцов, мягко выражаясь, некорректно.

Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что жители Приднепровья, подобно своим предкам, спускались к Черному морю «добывать зипуны».

По известию летописца XVI в. Мартина Бельского в 1489 г., во время преследования татар, ворвавшихся в Подолию, сыном короля Казимира IV Яном Альбрехтом впереди литовского войска шли до притока Буга реки Савраны казаки, хорошо знавшие местность Побужья.

Это сообщение можно считать первым официальным сообщением о приднепровских казаках. Я говорю так осторожно, поскольку есть и косвенные сведения. Так, А. В. Стороженко[63] упоминает о греческой надписи, найденной в Судаке (Сугдейская приписка в греческом Синаксаре): «В тот же день (17 мая 1308 г.) скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый казаками». Тут нам остается лишь гадать, где убили бедолагу Альмальчу — на суше или на море, и был ли тот казак татарином или русским.

В 1508 г. казаки под начальством брацлавского и виленского старосты князя Константина Ивановича Острожского разгромили наголову отряд татар, грабивших пограничные области Литовской Руси. Другая часть казаков под начальством «славного казака Полюса-русака» уничтожила другой отряд татар.

В 1512 г. казаки вместе с поляками участвовали в погоне за татарской ордой, ворвавшейся в южные пределы Литовского великого княжества. Начальниками над казаками и поляками были князь Константин Иванович Острожский и каменецкий староста Предслав Ляндскоронский.

В 1516 г. казаки под начальством атамана Ляндскоронского ходили походом под турецкий город Белгород, захватили там множество лошадей, скота и овец. На обратном пути казаков у озера Овидова под Очаковом настигли турецко-татарские войска. Однако казаки не растерялись и побили басурман.

На исторических картах, составленных в советское время, и на современных граница Великого княжества Литовского проходит с запада на восток от устья Днестра по побережью Черного моря, затем от Днепро-Бугского лимана вверх по Днепру до впадения в него реки Северный Донец и далее вдоль Северного Донца.

На самом деле самыми южными форпостами Великого княжества Литовского были Каневский и Черкасский замки, расположенные на Днепре ниже Киева, соответственно, в 100 км и 150 км. Эти замки были построены в самом начале XVI в., они служили и местом пребывания администрации староств (областей).

Каневский замок представлял собой небольшой прямоугольник длиной около 80 м и шириной около 40 м. Его стены были сложены из 26 городен — заполненных землей срубов. На стенах, обмазанных для защиты от огня глиной, и на шести башнях стояли пушки, бочки со смолой и водой. Замок опоясывал ров, через который был переброшен подъемный мост. Но все это сооружение, как писали в 1552 г. королевские ревизоры, обветшало, даже при малейшем ветре шаталось и скрипело, угрожая рухнуть и похоронить под собой людей. Гарнизон замка не превышал нескольких десятков служилых людей.

Черкасский замок был немного больше Каневского, и в 1552 г. при нем кроме бояр-конников была рота жолнеров и 60 служебников.

В народном эпосе сохранились сведения о первых «знаменитых казаках» Евстафии Дашковиче и Дмитрии Вишневецком. Позже националистические украинские историки возвели их в ранг гетманов. Увы, они не то что гетманами, но и даже казаками не были. Но рассказать об этих колоритных фигурах стоит, чтобы показать ситуацию в нижнем течении Днепра в начале и середине XVI в.

Евстафий (Остап) Дашкович родился в городе Овруче рядом с современным Полесским заповедником, на границе современных Украины и Беларуси. В самом конце XV в. Евстафий получил или купил[64] должность старосты в городе Кричеве на реке Сож.

Дашкович по каким-то причинам не поладил с великим князем литовским Александром (он же король Польши с 1501 по 1506 г.) и вместе с кричевским дворянством подался в Москву, по пути разорив пограничные литовские волости. Александр накатал жалобу в Москву и потребовал выдать изменника. Однако великий князь московский Иван III ответил: «В наших перемирных грамотах написано так: вора, беглеца, холопа, раба, должника по исправе выдать: Евстафий же Дашкович у короля человек был знатный, воеводою бывал… а лихого имени про него мы не слыхали никакого; держал он от короля большие города, а к нам приехал служить добровольно и сказывает, что никому никакого вреда не сделал. И прежде, при нас и при наших предках и при королевых предках на обе стороны люди ездили без отказов; так и Дашкович к нам приехал теперь, и потому он наш слуга»[65].

Увы, Дашковичу не понравилась служба у великого князя московского, и он опять подался в Литву. Там в 1514 г. он получил должность старосты в Черкассах. В те времена старосты в пограничных районах формально являлись наместниками великого князя, а в действительности же —

всевластными господами в своих старостваx.

Евстафий был крайне сребролюбивым и жестоким человеком. Он заставлял жителей «работать на себя каждый день, возить дрова, косить сено, тянуть сеть». Кроме перечисленного Дашкович «замышлял и иншие работизны, чего они пред тем с продков (предков) своих не повинни були робити». Дашкович отбирал у рыбаков и охотников половину добычи, назначал выгодные для себя цены на казацкие товары, наконец, захватил у казаков уходы[66] на первых пяти днепровских порогах («то дей все пан Остафій себе привлащил»).

Далее наш Евстафий каким-то образом попадает к крымскому хану Мухаммеду Гирею. Д. И. Яворницкий пишет, что он-де побывал в 1523 г. в плену у татар[67]. На самом же деле Дашкович собрал отряд казаков и вместе с татарами отправился в Московию «за зипунами».

Стотысячное войско Мухаммеда Гирея подошло к Оке 28 июля 1521 г. Русские войска попытались помешать переправе татар, но были разбиты. В бою погибли воеводы Иван Шереметев, Владимир Курбский, Яков и Юрий Замятины, а Федор Лопата попал в плен.

С востока на Русь напал Сагиб Гирей с казанским войском. Он разорил Нижний Новгород и Владимир. Войска братьев соединились у Коломны и двинулись на Москву. Василий III срочно уехал по делам в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу В Москве началась паника.

29 июля братцы подошли к самой Москве и расположились в селе Воробьеве (на Воробьевых горах). Василий III вынужден был подписать унизительный договор, по которому он формально признавал свою зависимость от крымского хана и должен был платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Сарайским. Согласно договору татары могли беспрепятственно везти все награбленное и всех пленных.

На обратном пути Дашкович, командовавший смешанным отрядом из татар и казаков, решил овладеть Рязанью. Поскольку город был хорошо укреплен, Евстафий решил действовать хитростью. Он предъявил рязанскому воеводе Хабару Симскому мирный договор с Василием III и попросил разрешения остановиться у стен города. Татары и казаки спровоцировали побег нескольких десятков русских пленников в Рязань и погнались якобы за ними, а на самом деле, чтобы завладеть городом. Московские начальники замешкались — вроде бы с татарами мир. Но тут ведавший городским нарядом (артиллерией) немец Иоган Иордан приказал

дать залп из многочисленных крепостных пушек. Татары и казаки «в ужасе бежали». Самое забавное, что в руках Хабара Симского оказалась грамота Василия III, содержавшая обязательства платить дань Гиреям.

В 1523 г. хан Мухаммед Гирей двинулся на Астрахань. Войско астраханского хана Хуссейна было разбито, а город взят штурмом.

Однако союзникам Мухаммеда Гирея ногайцам не понравилось такое усиление Крымского ханства. Их орда внезапно напала на стан крымцев. Началась резня, в ходе которой Мухаммед Гирей был убит. Ногайцы вторглись в Крым. Одновременно Крым начал грабить и Евстафий Дашкович со своими казаками.

В 1523 г. на крымский престол вступил Саадет Гирей, брат убитого ногайцами Мухаммеда. В 1531 г. новый хан напал на Черкассы. Однако Дашковичу удалось отстоять замок.

Любопытно, что после гибели Мухаммеда Москва резко сократила выплаты «поминков» Крыму, а вот Литва и Польша платили дань по полной. Так, король Сигизмунд I обязался платить крымскому хану ежегодно по 7500 золотых монет и на такую же сумму сукон, выговорив, что эти деньги и сукна будут посылаться только в те годы, когда крымцы не буду нападать на литовские земли. Хан Сагиб Гирей был этим недоволен и писал королю: «Значит, ты не хочешь со мной вечного мира? Если бы ты хотел вечного мира, то прислал бы нам 15 000 червонных, как прежде брату моему, Магмет Гирею, посылывал».

Для покрытия «крымских издержек» литовские города продолжали платить подать, известную под именем «ордынщины».

Пока король платил дань, днепровские казаки продолжали нападать на крымцев. Казаки под командованием Дашковича даже пытались захватить Очаков, но были отбиты турецким гарнизоном.

Хан Сагиб Гирей (1532–1551) жаловался королю Сигизмунду I: «Приходят казаки черкасские и каневские, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал к вашей милости, чтоб вы их остановили, но вы их остановить не хотели; я шел на московского: тридцать человек за болезнию вернулись от моего войска, казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего неприятеля, а твои казаки из моего войска коней уводят? Я приязни братской и присяги сломать не хочу, но на те замки, Черкассы и Канев, хочу послать свою рать… Черкасские и каневские властели пускай казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (великого князя московского), вместе с казаками путивльскими по Днепру под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву; в Черкассах старосты ваши

путивльских людей у себя на вестях держат; так на Москву из Черкасс пришла весть за пятнадцать дней перед нашим приходом»[68].

В 1533 г. на сейме в Пиоткове Дашкович предложил построить поближе к татарам, на одном из малодоступных островов Днепра, замок и содержать в нем постоянную стражу из двух тысяч казаков, которые, плавая по реке на чайках, препятствовали бы татарам переправляться через Днепр. К этим двум тысячам казаков Дашкович предлагал добавить еще несколько сот человек, которые бы добывали в окрестностях необходимые припасы и доставляли их казакам на острова. Предложение это понравилось все участникам сейма, однако в исполнение приведено не было.

В 1535 г. Дашкович умер, а вместо него старостой литовские власти назначили Фелициана Тышкевича (судя по фамилии, поляка). Возмущенное население подняло восстание. Тышкевич бежал из Черкасс. Однако из Киева прислали большой отряд регулярных войск с артиллерией, и восстание было подавлено.

Как написано в «Истории Украинской СССР»: «Спасаясь от репрессий, много казаков бежало: одни за Днепровские пороги, другие в Россию»[69]. И тут же делается вывод, что именно в начале XVI в. появились казацкие поселения как на порогах, так и за ними, то есть появились запорожцы. Получается, что с конца XIII в. до начала XVI в., то есть приблизительно 250 лет эти места были безлюдными.

Между тем одним из требований восставших жителей Канева в 1536 г. было: «Звонецкого порога не касаться», то есть граница староства не должна была доходить до Звонецкого (третьего!) порога на Днепре. Там уже давно жили вольные казаки.

В конце 30-х гг. XVI в. черкасско-каневским старостой становится князь Михаил Вишневецкий. Поскольку мы будем встречаться с представителями этого княжеского рода, то стоит сказать о нем несколько слов. Вишневецкие происходят от Дмитрия (Корибута)[70], князя Новгород-Северского, сына великого князя литовского Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Первым перешел в католичество Константин Константинович (1595). А наш черкасский и каневский староста Михаил Александрович приходился внуком первому князю Вишневецкому.

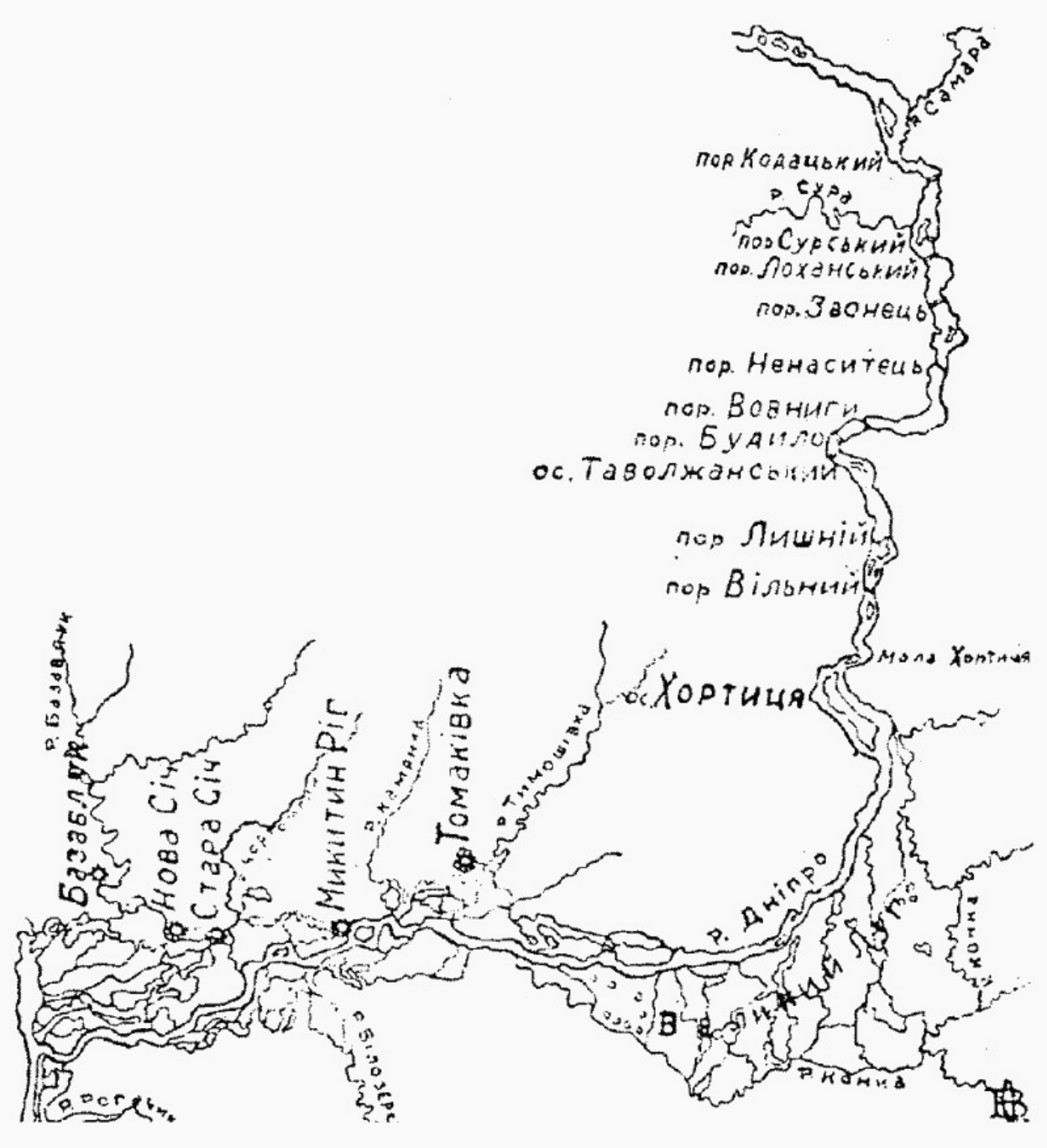
Этот староста вошел в историю в связи с грамотой короля Сигизмунда

I. Яворницкий писал о ней: «В 1540 году козаки черкасско-каневского старосты, князя Михаила Вишневецкого, боясь наказания за своих товарищей, ушедших на Москву, оставили замки и засели ниже их на реке Днепре; князь Михаил Вишневецкий ходатайствовал за них перед королем Сигизмундом-Августом о высылке им охранного листа для возвращения в замки»[71].

А вот в «Истории Украинской СССР» говорится: «Вишневецкий несколько раз вторгался в Сечь с отрядами шляхты и казаков-служебников. Запорожцы, однако, успешно отражали такие нападения. Тогда Вишневецкий в 1540 г. обратился к ним с королевской грамотой. Сигизмунд I призывал казаков, „которые нижей замков наших Черкас и Канева на Днепре суть“, добровольно возвратиться в староство. Тех, кто подчинится этому приказу, король обещал освободить от наказания, предусмотренного для бежавших в „Московскую землю“»[72].

Мне лично более убедительной кажется вторая версия.

В 1545 г. казаки спустились к турецкому городу Очакову, напали там на турецких послов и ограбили их. Турецкое правительство предъявило Сигизмунду I жалобу на казаков, и король должен был из королевского «скарбу» возместить убытки потерпевшим.



Расположение порогов и Сечей на Днепре (По А. Апостолову)

В 1546 г. путивльский воевода писал в Москву великому князю Василию III: «Ныне, государь, козаков в поле много, и черкасцев, и киян, и твоих государевых, — вышли, государь, на помощь всех украин»[73]. Под «украинами» воевода имел ввиду войска, дислоцированные на юго-западной границе Русского государства.

Дмитрий Вишневецкий старостой черкасским и каневским пробыл

только 3 года. Получив от короля Сигизмунда I отказ на свою просьбу о каком-то пожаловании, Вишневецкий ушел в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем козацтвом или хлопством[74], которое возле него появлялось», — писал о Вишневецком король Сигизмунд Радзивиллу Черному.

Через несколько месяцев Сигизмунд II (король Польши в 1548–1572 гг.) переманил Вишневецкого обратно, дав все требуемые им пожалования. Дмитрий Иванович вновь стал старостой черкасским и каневским.

Весной 1556 г.[75] Вишневецкий со своей «частной армией» отправился за пороги, там заложил укрепления (сечь) на острове Малая Хортица, известном также как остров Верхнехортицкий, Канцеровский, Вырва и, что наиболее интересно, остров Байда. Именно на этом острове археологи обнаружили остатки укрепления XVI в., а также ружья, обломки сабель, топоры, наконечники стрел и копий, монеты, относящиеся ко временам Дмитрия Вишневецкого.

Многие же историки считают, что Вишневецкий заложил Сечь на острове Хортица или Великая Хортица. Увы, на Хортице археологических материалов, которые бы подтверждали пребывание здесь казацких укреплений, пока что не обнаружено.

Вишневецкий, формально являвшийся подданным короля, отправил ему сообщение о постройке замка на Малой Хортице и для его укрепления попросил пушки и деньги.

Сигизмунд одобрил действия черкасского старосты, но, судя по всему, деньгами и пушками не помог. На всякий случай король уведомил о постройке замка на Хортице крымского хана Девлет Гирея: «И потому, брат наш, познаете, же оный [Хортицкий. — *А. Ш.*] заком ку нашей руце есть, кгды Вишневецкий престрогу и службу свою вам оказывати будет, и козаком, которые при нем шкод вашим людям чинити не допустит»[76].

Начало 50-х гг. XVI в. отмечено ежегодными походами крымских орд как на Литву, так и на Московское государство. Татары доходили до Коломны, Серпухова и Рязани. В марте 1556 г. царь Иван Грозный, не дожидаясь очередного вторжения татар, посылает дьяка Ржевского провести разведку боем в тылу противника. Ржевский на чайках (малых гребных судах) спустился по реке Псёл (правый приток Днепра) и вышел в Днепр. Черкасский и каневский староста Дмитрий Вишневецкий посылает на помощь Ржевскому 300 казаков под начальством атаманов черкасских Млынского и Есковича. Дьяк Ржевский доплыл до турецкой крепости

Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути у порогов Днепра татарский царевич нагнал войско Ржевского, но после шестидневного боя дьяку удалось обмануть татар и благополучно вернуться в Москву.

В сентябре 1556 г. Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить». Ескович сказал царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове, против Конских Вод, у крымских кочевий, город.

Царь принял атамана с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил вместе с Есковичем боярских детей Андрея Щепотьева и Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу Московского государства.

Через месяц после этого Вишневецкий отправил к Ивану Грозному новых послов — Андрея Шепотьева, Нечая Трищева, князя Семена Жижемского и Михаила Есковича — с извещением, что он, Вишневецкий, царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать татар в Крыму и под Ислам-Керменом, а уж потом прибыть в Москву.

В декабре 1557 г. Иван Грозный получил донесение своего посла из Крыма о том, что 1 октября «князь Димитрий Вишневецкий, выплывший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей ее побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хотрицкий город»[77].

Девлет Гирей не остался в долгу и весной 1558 г. внезапно подступил к Хортице[78]. Вишневецкий со своими людьми несколько недель отбивался от татар. Но вскоре в Сечи начался голод, было съедено много казацких лошадей. Так что Вишневецкий был вынужден увести свое войско в Черкассы и Канев.

Иван IV, узнав о потере Хортицы, приказал Вишневецкому сдать Черкассы, Канев и другие контролируемые им территории польскому королю, а самому ехать в Москву. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму — 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

Переход в подданство Москвы Черкасс и Канева открывал широкие перспективы перед Иваном IV. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек.

Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере южного Приднепровья. Но нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождались насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой России.

В 1556 г. Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Но, увы, у него были иные планы. Через два года начнется Ливонская война, и царь думает только о ней. Прорубить окно в Европу было России жизненно необходимо. Но для этого нужна была более мощная армия, более сильная экономика, 20 лет тяжелой Северной войны, постройка Петербурга, заселение новых земель, создание мощного флота и, наконец, гений Петра Великого.

Между тем Девлет Гирей ободрился уходом Вишневецкого с Хортицы и писал царю, что если тот будет присылать ему большие поминки и ту дань, которую платит польский король, то «правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами». Иван IV отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в конце 1558 г. отправил на татар 5 тысяч ратников под началом князя Дмитрия Вишневецкого. Войско на судах добралось по Волге до Астрахани, а оттуда двинулось к Дону. По пути к ним примкнул отряд донских казаков и кабардинцев — подданных мурзы Канклыка.

Войско Вишневецкого выше Азова форсировало Дон и вышло к нижнему Днепру, а затем блокировало Перекоп. Там князю удалось перебить отряд из 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область.

Параллельно с Вишневецким царь отправил против татар и окольничего Даниила Адашева с 8 тысячами ратников. Адашев на лодках спустился по Псёлу до Днепра, а затем по Днепру — до Черного моря. Наконец впервые в истории ратные люди московского царя морем (!) пошли на Крым! По пути Адашев захватил два турецких корабля. Как писал С. М. Соловьев: «Адашев… высадился в Крыму, опустошил улусы, освободил русских пленников, московских и литовских. На татар, застигнутых врасплох, напал ужас, так что они не скоро могли опомниться и собраться вокруг хана, который потому и не успел напасть на Адашева в Крыму, преследовал его вверх по Днепру до Монастырки, мыса близ Ненасытицкого порога, но и здесь не решился на него напасть и ушел назад»[79].

Французский посол в Константинополе сообщал своему правительству, что в начале 1561 г. русские и черкесы с «капитаном Дмитрашку спустились вниз по Дону мимо Тары [Азова] и дошли до Кафы [Феодосии]».

Нетрудно догадаться, что «капитан Дмитрашка» — это князь Дмитрий Вишневецкий. Он изрядно пограбил Кафу — крупнейший невольничий рынок на Черном море, при этом рабы-христиане были освобождены.

После этого набега Вишневецкий уходит на Днепр и устраивает лагерь на острове Монастырском (Монастырище). Старая Сечь на острове Хортица была разрушена три года назад Девлет Гиреем. Название острова происходит от монастыря, основанного в конце IX в. византийским монахом и разрушенного в XIII в. татаро-монголами. Сейчас остров Монастырский находится в центре Днепропетровска, там расположен «Гидропарк», а также любимые места купания натуристов.

К этому времени отношение Дмитрия Вишневецкого к русскому царю изменилось к худшему. О причинах этого источники умалчивают, а я, в отличие от иных историков, не хочу фантазировать.

Так или иначе, но летом 1561 г. Вишневецкий отправил с Монастырского острова письмо королю Сигизмунду-Августу с просьбой прислать ему глейтовый (охранный) лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно согласился принять Вишневецкого к себе на службу и 5 сентября того же года прислал ему глейтовый лист: «Памятуя верныя службы предков князя Димитрия Ивановича Вишневецкаго, мы приймаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны и во двор наш господарский».

Получив охранную грамоту, Вишневецкий вместе с польским магнатом Альбрехтом Ласким приехал в Краков, где был с восторгом встречен горожанами. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Вскоре после этого Вишневецкий сильно заболел.

Однако теперь Дмитрий Вишневецкий остался не у дел. Должность старосты черкасского и каневского занимал его двоюродный брат Михаил Александрович Вишневецкий, дед будущего кровавого гетмана Иеремии.

С 1563 г. Вишневецкий числился на службе у польского короля, но Сигизмунд-Август не давал ему ни земель, ни ответственных поручений и не преминул при случае справиться у русского царя о причинах отъезда его из Москвы, на что получил ответ Ивана IV: «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил».

Годы и болезни сделали Дмитрия Вишневецкого столь дряхлым, что он уже с трудом садился на коня, но князя по-прежнему тянуло на авантюры. Он по совету своего приятеля Альбрехта Лаского решил овладеть Молдавией и стать ее господарем. Обстоятельства благоприятствовали князю. Дело в том, что в ноябре 1563 г. молдавские бояре во главе со Стефаном Томшей убили господаря Якоба Депота

(Василида). Томша объявил себя господарем Стефаном V. Партия волохов, не желавшая избрания Томши, узнав о планах Вишневецкого, отправила к нему посольство и пообещала ему господарство, если только он вместе с казаками принесет присягу этой партии. Вишневецкий согласился и в 1564 г. с 4 тысячами казаков[80] отправился в Молдавию.

Однако фортуна на сей раз отвернулась от нашего героя, и он был схвачен Томшей. «Тогда Вишневецкого, вместе с его спутником Пясецким и некоторыми поляками, схватили и отправили в столицу Молдавии. Поляки после жестоких пыток, во время которых сам Томжа отрезал им носы и уши, отпущены были в Польшу, а Вишневецкий и Пясецкий тем же Томжей отправлены были в Царьград к турецкому султану Селиму II. Получив пленников и пылая местью на них за разорение Крыма и южных городов, турки решили предать их жесточайшей казни: бросить живыми с высокой башни на один из железных крюков („гак“), которые вделаны были в стену у морского залива, по дороге от Константинополя в Галату Брошенный с башни вниз Пясецкий скоро скончался, а Вишневецкий, при падении с такой же высоты, зацепился ребром за железный крюк и в таком виде висел несколько времени, оставаясь живым, понося имя султана и хуля его мусульманскую веру, пока не был убит турками, не стерпевшими злословий. Народ сохранил в своей памяти величественный образ князя и воспел его трагическую кончину в готовой уже песне о казаке Байде. По словам песни, Байда так был славен, что сам султан предлагал ему свою дочь в жены с условием, чтобы только он принял веру Магомета; но Байда настолько был предан православной вере, что с презрением отверг это предложение и стал плевать на все, что было дорого как простому магометанину, так и самому султану, а под конец ухитрился даже убить стрелой, поданной ему его слугой, самого султана с его женой и дочерью. Тогда турки, остервеневшись на Вишневецкого, вынули у него, еще живого, из груди сердце, изрезали на части и, разделив между собою, съели его в надежде, так сказать, заразиться таким же мужеством, каким отличался во всю жизнь неустрашимый Вишневецкий»[81].

Походы Вишневецкого создали ему ореол героя-мученика по всей Малороссии. Кобзари слагали о нем песни. Князь — потомок Гедемина, а на 90 процентов Рюрикович, стал в песнях «казаком Байдой».

Не забывают Дмитрия Вишневецкого и сейчас. Но, увы, никому не нужен реальный князь Вишневецкий, а нужен некий мифический персонаж. Полбеды, когда это связано с исторической безграмотностью. Так, к примеру, Александр Смирнов в весьма тенденциозной книге

«Морская история казачества» называет православного князя, всегда считавшего себя русским, «польским аристократом» и «польским магнатом», а затем делает вывод: «Антагонизм между польским дворянством и запорожским казачеством, похоже, сильно преувеличен сторонниками мифа о „присоединении Украины к России“»[82].

Ни о каких земельных владениях «магната» Вишневецкого, кроме староств в Черкасске и Каневе, историкам неизвестно. А если Дмитрия Ивановича считать ляхом, то с таким же успехом А. Смирнова можно считать зулусом или эфиопом.

Ну, сей пример явно несерьезен. Гораздо хуже, когда мифологизация Дмитрия Вишневецкого делается умышленно в политических целях. Так, уже Грушевский пишет: «Вишневецкий погиб, не осуществив своих планов. Но деятельность его не прошла бесследно. Не только осуществляется его мысль о создании прочной точки опоры за порогами в позднейшей Запорожской Сечи, которой он был как бы духовным отцом, но и в позднейшей казацкой политике заметны отзвуки смелых мыслей Байды о возможности для казачества, опираясь на Литву, Москву, Молдавию и даже самую Турцию, играть самостоятельную политическую роль и развивать свои силы, пользуясь совпадением своих интересов с интересами то одного, то другого государства»[83].

Нынешние «незалежные» историки идут дальше и объявляют Вишневецкого создателем запорожского войска, первым из плеяды героических гетманов Украины — борцов с московитами.

В 1992 г. самостийники переименовали сторожевой корабль «Лацис», строившийся в Керчи по проекту 1135.1, в «Гетман Байда-Вишневецкий». Замечу, что ни гетманом, ни казаком, ни литовцем Дмитрий Иванович никогда не был, и само название сторожевого корабля более чем анекдотично, как, например, «Император Невский Александр». Этот корабль должен был стать самым мощным и современным кораблем украинских ВМС. Но, увы, денег не хватило, и в 1994 г. недостроенный «Гетман…» был сдан на металлолом. Миф же о казаке Байде по-прежнему интенсивно эксплуатируется украинскими историками.

Глава 9
Начало полонизации Малой России

В конце 60-х гг. XVI в. усилилось движение польских панов за создание единого государства с Великим княжеством Литовским. Сейчас «самостийные» белорусские историки утверждают, что-де создание Польско-литовского государства стало реакцией народов этих стран на агрессию Ивана Грозного. Спору нет, война с Москвой сыграла в этом определенную роль. Но московский вектор Люблинской унии не был решающим. Русско-литовская война несколько лет велась вяло, а четыре года перед самой унией не велась вообще. Армия Ивана Грозного по тактике полевого боя и по вооружению заметно отставала от армий западных государств. Москве в ходе Ливонской войны приходилось одновременно действовать против шведов в Эстляндии, крымских татар на юге, туркок в Астрахани и т. д. Наконец, террор психически нездорового царя, в том числе уничтожение десятков самых лучших русских воевод, серьезно ослабил русскую армию[84]. Так что ни Россия, ни страшный Иван не угрожали в 1568 г. ни Польше, ни Литве. Кстати, это мы сейчас знаем о чудовищных расправах Ивана над своими подданными. А польские и литовские паны через несколько лет после унии пожелают видеть Ивана… своим королем.

Куда ближе к истине тот же С. М. Соловьев: «Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решение вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»[85].

Речь Посполитая в XVI и начале XVII веков. Карта из «Истории Средних веков» (Москва, 1954). Естественно, в те времена ни Белоруссии, ни Украины не было в природе. Очередная фальшивка «совковых» историков. Представим себе карту Римской империи, где вместо Галии было бы написано «Франция»

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе

дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл[86] и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов, «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство — Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иноземными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская — в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам — местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»[87].

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей». От Польши, «как от собственного тела», она была отторгнута и присоединена к Великому княжеству Литовскому Владиславом Ягайло, который сделал это потому, что правил одновременно и Польшей, и Литвой.

Фактически акты Люблинского сейма 1569 г. явились конституцией нового государства — Речи Посполитой. Как писал В. А. Беднов: эти акты, «с одной стороны, подтверждают всем областям Великого княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой

стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польшей богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной, сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло привести к страшным расстройствам и опасным для государства замешательствам»[88].

Возможно, кому-то слова православного священника и профессора богословия Варшавского университета о веротерпимости в Речи Посполитой во второй половине XVI в. покажутся странными, если не сказать жестче. На самом же деле он прав. Вот два достаточно характерных примера из жизни Речи Посполитой того времени. Константин Константинович Острожский был не только одним из богатейших магнатов, но и одним из светских идеологов православия в Речи Посполитой. Однако женат он был на католичке Софии Тарновской, дочери краковского каштеляна. Его сын Януш тоже стал католиком. Зато одна дочь вышла замуж за кальвиниста Криштофа Радзивилла, а другая — за Яна Кишу, сторонника социан.

А возьмем того же Юрия Мнишека, которого наши историки называют фанатичным приверженцем католицизма. Действительно, пан Юрий был католиком, но одна его сестра вышла замуж за краковского воеводу — кальвиниста Яна Фирлея, другая — за арианина Страдницкого, сам Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой также были ариане.

Попробую подвести, наконец, итоги. Начну с того, что дала Уния русскому населению? Именно русскому, поскольку никаких белорусов и украинцев к 1569 г. в Великом княжестве Литовском не было. Был один язык, одна культура, одна религия, один митрополит, одни обычаи и т. д. Так вот для русского населения ничего плохого в текстах Люблинской унии не было. Наоборот, она подтверждала их прежние права. И трудно сказать,

в каком направлении пошла бы история Восточной Европы, если бы польские короли строго выполняли все параграфы люблинских актов 1569 года. Но польские паны тем и отличались, что любили принимать хорошие законы, но органически не желали исполнять ни хороших, ни плохих законов.

В результате Люблинская уния вопреки всем ее актам стала началом католической агрессии на русские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Увы, этого русские люди не могли предвидеть даже в страшном сне, поэтому и князья, и шляхта, и духовенство пассивно отнеслись к принятию Унии.

Наступление на православных и протестантов католики начали еще до принятия Унии. Но пока наступление шло в области идеологии и просвещения. Попытка силовым способом навязать католицизм, безусловно, привела бы к кровавой междоусобице и гибели Речи Посполитой.

Епископ виленский Валериан Проташевич, один из идеологов борьбы с диссидентами[89], обратился за советом к кардиналу Гозиушу епископу варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов, посоветовал то же самое и Проташевичу Тот последовал совету, и в 1568 г. в Вильно был основан иезуитский коллегиум под управлением Станислава Варшевицкого.

Вскоре в Польше и Литве возникли десятки иезуитских школ. Молодое поколение подверглось жесткой идеологической обработке. В ответ православные иерархи не смогли создать школы, привлекательной для детей шляхты, не говоря уж о магнатах. С конца XVI в. началось массовое окатоличивание и ополячивание русской дворянской молодежи. Зачастую православные родители не видели в этом ничего плохого: чтение итальянских и французских книг, западная мода, западные танцы — почему бы и нет? Страшные последствия полонизации западных и южных русских земель начнут сказываться лишь через 100 лет.

Хотя формально Литва и Польша стали единым государством, но присоединение Киевской земли к Польше создавало условие для ее более быстрой полонизации. Причем если в Белой Руси большинство помещиков были потомками русских князей и бояр, то в Киевские земли устремились сотни польских панов, начавших закабаление ранее свободных крестьян. Все это привело к появлению языковых и культурных различий, которые позже дали повод националистам говорить о двух народах — белорусском

(он же литвинский и т. д.) и украинском (то есть украх и др.).

Для Московского государства заключение Люблинской унии означало переход всех литовских претензий к Польше. Замечу, что официальные прямые контакты Польши с великим князем владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 г. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя литовского. Как писал историк и дипломат Вильям Похлебкин: «… став вновь соседями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»[90].

7 июля 1572 г. умер Сигизмунд II Август, которого польские историки именуют последним из Ягеллонов, хотя он был потомком Ягайло лишь по женской линии.

Сразу же после смерти короля Сигизмунда польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля. В качестве претендентов на престол выступали шведский король Иоанн, семиградский воевода Стефан Баторий, принц Эрнст (сын германского императора Максимилиана II) и т. д. Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Федор, сын Ивана Грозного. Напомню, что царевичу тогда было 15 лет, наследником престола числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 г.).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов — сторонников Федора — было сходство польского и русского языков и обычаев. Замечу, что тогда языки различались крайне мало.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы — немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Федора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайло, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сберечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в свое время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты, то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Федор примет католичество, а паны-

протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигизмунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своем желании видеть царевича Федора королем польским и великим князем литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля… себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Ляхи не хотели иметь Грозного царя королем, а предпочитали подростка Федора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т. д. Главной же причиной срыва избирательной кампании Федора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в цене.

Затем радные паны решили избрать на польский престол Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста бельский Ян Замойский. При подсчете голосов на сейме большинство было за Генриха.

Прибыв в Краков, новый король заявил: «Я, Генрих, Божией милостью, избранный королем Польши, Великого княжества Литовского, Руси, Пруссии, Мазовии и т. д… всеми чинами государства обоих народов как Польши, так и Литвы и прочих областей, избранный с общего согласия и свободно, обещаю и свято клянусь всемогущим Богом, перед сим св. евангелием Иисуса Христа, в том, что все права, вольности, иммунитеты, общественные и частные привилегии, не противные общему праву и вольностям обоих народов, церковные и светские, церквам, князьям, панам, шляхте, мещанам, селянам и всем вообще лицам, какого бы они ни были звания и состояния, моими славными предшественниками, королями и всеми князьями… сохраню и удержу мир и спокойствие между несогласными в религии, и никоим образом не позволю, чтобы от нашей юрисдикции или от авторитета наших судов и каких-либо чинов кто-либо страдал и был притесняем из-за религии, да и сам лично не стану ни притеснять, ни огорчать»[91].

Одновременно король отрекался от наследственной власти, обещал не решать никаких вопросов без согласия постоянной комиссии из

шестнадцати сенаторов, не объявлять войны и не заключать мира без сената, не разбивать на части «посполитного рушения», созывать сейм каждые два года не больше чем на шесть недель. В случае неисполнения какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так узаконивалось вооруженное восстание шляхты против короля, так называемый рокош.

Новый двадцатитрехлетний король выполнил надлежащие формальности и загулял. Нет, я вполне серьезно. Ему и во Франции не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король проводил ночи напролет в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 г. и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кой-какое представление, и счел за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К хаосу в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король бежал с престола — такого еще не бывало. Радные паны чесали затылки: объявлять ли бескоролевье или нет? Решили бескоролевье не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В конце концов в декабре 1575 г. королем был избран семиградский князь Стефан Баторий.

По смерти Батория в 1586 г. опять начался «конкурс» на титул короля Речи Посполитой. Опять рассматривалась кандидатура Федора Ивановича, теперь не царевича, а царя. Радные паны официально потребовали у русских послов взятку в 200 тысяч рублей. Послы же предложили 60 тысяч. Наконец, после долгой перепалки думный дворянин Елизар Ржевский назвал последнюю цифру — 100 тысяч, и больше ни копейки. Возмущенные паны отказались от кандидатуры Федора.

Конкурентами царя Федора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III. Оба кандидата поспешили ввести в Польшу по «ограниченному контингенту» своих войск. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шел Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд мирно занял Краков и немедленно там короновался (27 декабря 1587 г.). Замечу, что, присягая, Сигизмунд III повторил все обязательства

предшествующих королей в отношении диссидентов.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силезии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 г. поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат — император Священной Римской империи.

В отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать — убежденная католичка, и реформация в Швеции.

Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть некатоликов). В 1577 г. знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с православием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими».

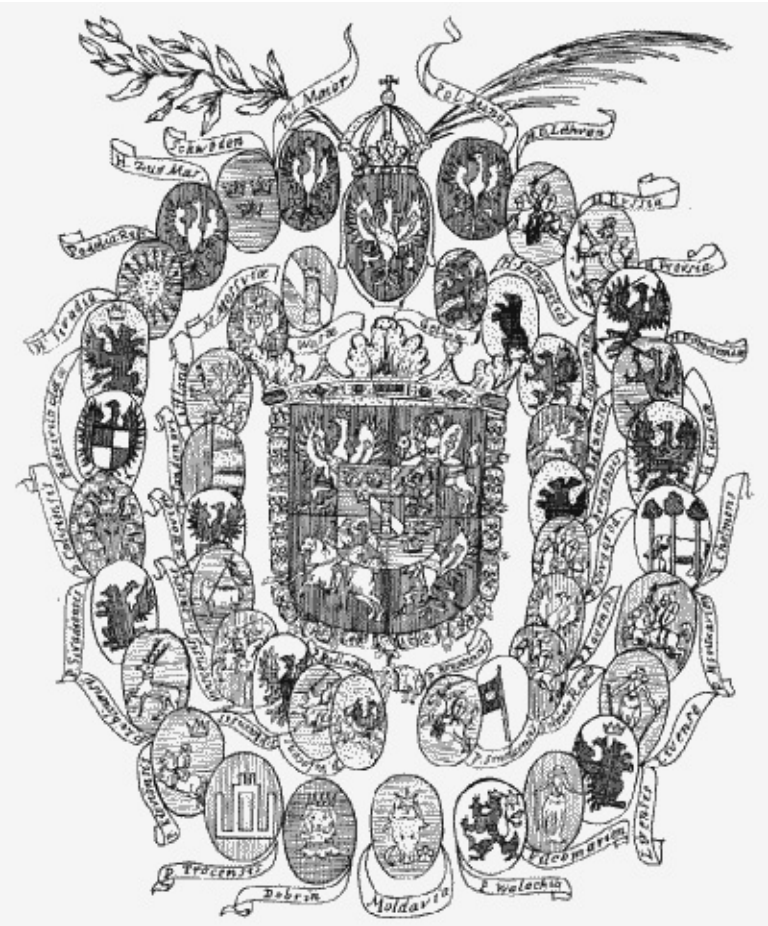
Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 г. с посвящением королю Сигизмунду III. Причем и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для введения унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и

магнатов, отказалось принять унию.



Герб Речи Посполитой времен Сигизмунда III Вазы

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившимся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковию под послушание одному духовному пастырю. Епископы [униаты, ездившие к папе. — *А. Ш.*] не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность

православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К. К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Криштофом Радзивиллом решили бороться с унией старым легальным способом — через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными. Да и вообще, Сигизмунд был человеком из другого мира, чуждый не только своим русским подданным, но и польским панам. Он носил бородку клином, как его современник, жестокий и подозрительный испанский король Филипп, с которого Сигизмунд во многом брал пример. Вместо простого кафтана и высоких сапог, какие носил Баторий и другие польские короли, Сигизмунд одевался в утонченные западные одежды, в чулки и туфли.

Избрание на престол Сигизмунда III стало первым шагом к гибели Речи Посполитой. Религиозные репрессии вызывали непрерывные восстания православных внутри страны, а территориальные претензии ко всем без исключения соседям — длительные войны.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д.

Глава 10
Андрей Курбский против Виктора Ющенко

Сейчас националисты Украины и Белоруссии отчаянно спорят, на каком языке говорило население Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. — на украинском или на белорусском? Обе стороны согласны, что их язык был государственным на территории Великого княжества Литовского. Одни утверждают, что статут «Литовский» 1530 года был написан на чисто украинском языке, а другие — что на белорусской мове. Увы, статут написан на русском языке, очень близком к литературным памятникам XI–XIII вв., и не имеет ничего общего с современными украинским и белорусским языками.

«Самостийники» не понимают анекдотичности своих утверждений. Что же получается? Объезжает, к примеру, великий князь литовский свои владения, и в Минске ему приходится разговаривать по-белорусски, в Вязьме — по-русски, а в Киеве — по-украински?

На русском языке была написана и знаменитая «Хроника Быховца», а когда в XVII в. кириллица была запрещена на территории Речи Посполитой, хронику переписали тоже по-русски, но латинскими буквами.

В Кракове в Ягеллонской часовне в 1917 г. еще можно было прочесть надпись кириллицей на русском языке, датированную по одной версии 1459 г., а по другой — 1470 г. Все документы 1595–1596 гг., связанные с Брестской унией, также написаны на русском языке.

Характерный факт — литовские послы, приезжавшие в Москву, свободно, без переводчика, общались с боярами и дьяками.

Вот, к примеру, в декабре 1563 г. в Москву приехали королевские послы крайчий Юрий Ходкевич и маршалок Волович. С ними Иван кардинально нарушил протокол, вызвал к себе и решил поговорить по душам. В частности, он был очень обижен тем, что король не хотел именовать его царем, и сказал Ходкевичу: «Юрий! Говори перед нами безо всякого сомнения, если что и по-польски скажешь, мы поймем. Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припомнили не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву. От великого князя Владимира прародителя наши великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на

Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем. А брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам бог дал. Изобрели мы свое, а не чужое. Наше имя пишут полным именованием все государи, которые и повыше будут вашего государя. И если он имя наше сполна описывать не хочет, то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам Бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам Бог дал. А если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его описывание не нужно».

Впервые, и то для затягивания переговоров, литовские послы потребовали переводчика в конце XVI века, мотивируя это тем, что у московитов много новых слов появилось, им неведомых.

Любопытно, что не только ультранационалисты, болтающие о каких-то особых народах — украх и литвинах, но даже благонамеренные советские историки говорили, что к середине XVII в. уже сформировались белорусская и украинская народности. К примеру, в «Истории Украинской ССР»[92] говорится, что в XII–XIII в. прошел первый этап формирования украинской народности, а с XIV в. по середину XVI в. — второй этап.

30 апреля 1564 г. в Литву бежал знаменитый русский воевода князь Андрей Михайлович Курбский.

Родословная Андрей Михайловича восходит к смоленским князьям. Их потомок можайский князь Федор Ростиславович Чермный, женившись на ярославской княжне Марии Васильевне, становится ярославским князем. В XV в. Федор Чермный и два его сына — Давид и Константин — будут канонизированы православной церковью.

Сын Чермного Давид правил Ярославским княжеством с 1299 по 1321 г., от него и пошли ярославские князья. Итак, Андрей Курбский был потомок смоленских князей и сразу двух святых — Федора Чермного и Давида.

Сын Давида Василий Грозный умирает в 1345 г., и начинается распад Великого княжества Ярославского на отдельные удельные княжества — Моложское, Заозеро-Кубенское, Сицкое и др. Внук Василия Грозного Иван Васильевич Большой правил Великим княжеством Ярославским с 1373 по 1426 г. Его младшие сыновья Яков Воин и Семен получили в удел село Курбы на реке Курбице, правом притоке реки Пахмы, к югу от Ярославля. После смерти в 1455 г. бездетного Якова Воина Курбский удел полностью перешел к Семену, который первым получил прозвище Курбский.

Князья Курбские считались, пожалуй, самыми знаменитыми воеводами XV–XVI вв. Практически ни один поход московской рати не обходился без них.

Андрей Михайлович Курбский родился в 1528 г. В 1549 г. он получил звание стольника и участвовал в первом Казанском походе Ивана IV По возвращении из неудачного Казанского похода Андрей Курбский был отправлен воеводой в Пронск для защиты юго-восточных границ Руси от набегов крымских и казанских татар. В 1551 г. Андрей Курбский вместе с князем Щенятьевым командовал полком правой руки, стоявшим на берегу Оки напротив татар.

Без преувеличения можно сказать, что взятием Казани в 1552 г. царь Иван обязан прежде всего князю Курбскому.

И вот знаменитый полководец бежит в Литву. Уже три века идет спор наших историков и писателей о судьбе первого русского перебежчика и «диссидента» Андрея Курбского. Официальные царские, а затем и советские историки пытались доказать, что князь Курбский был представителем реакционного русского боярства, противодействовавшего прогрессивной деятельности Ивана Грозного. Соответственно, либералы доказывали, что Андрей Курбский был гуманистом, прогрессивно мыслящим человеком и т. п.

На мой взгляд, современные историки смотрят на князя Андрея глазами людей XX–XXI вв. Курбский же действовал по обычаям своих дедов и прадедов. Замечу, что «право отъезда» служилых князей или бояр существовало на Руси и в Польше, по крайней мере, с IX в. И юридически этого права никто не отменял ни на Руси, ни в Литве, ни в Польше. Другой вопрос, что в 1564 г. и позже это право нормально действовало в Речи Посполитой, а на Руси со времен Ивана III желающим им воспользоваться рубили головы.

Любопытно, что Иван III и его свирепые потомки поступали так и с теми князьями, которые переходили к ним от великих князей литовских. Так, в самом конце XV в. — начале XVI в. не менее трех десятков князей Рюриковичей и Гедеминовичей попросились в Московское подданство. Причем большинство из них перешло вместе со своими уделами, в результате чего Московское государство получило большие приращения на западе и на юге.

Поначалу Иван III радостно встретил князей из русской Литвы. Но длилось его ликование совсем не долго. Так, вяземские князья приняли подданство в 1492 г., а уже через пару лет Михаил Дмитриевич Вяземский с семьей под стражей был отправлен на Северную Двину, где и умер

(убит?). Андрей Юрьевич Вяземский бесследно исчез, а в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Уничтожив старших вяземских князей, Иван III лишил боковые ветви вяземских князей всех их родовых вотчин и отправил их на восток, дав ничтожные поместья. К середине XVI в. многие из князей Вяземских служили детьми боярскими в Костроме, Романове и Малом Ярославце.

В 1499 г. на сторону Москвы вместе с уделом перешел князь новгород-северский Василий Шемячич — внук знаменитого Дмитрия Юрьевича Шемяки. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья — вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдумано было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и двое дочерей были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 г.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Белевского. Он стал известным московским воеводой, но в 30-х гг. XVI в. был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти так же кончили и все остальные удельные князья, ушедшие от литовского князя.

Замечу, что кроме пустой брехни о каких-то крамолах, ни Иван III, ни Василий III не сумели предъявить никаких конкретных обвинений этим князьям. Надо ли говорить, что историки-«магистральщики» раздули бы до государственного преступления любую оплошность несчастных литовских князей, которые хотели верно служить православному великому князю Всея Руси. Но, увы, найти ничего не удалось. С новыми подданными московские ханы расправились, так сказать, в превентивном порядке.

Представим себе альтернативный вариант, то есть нормальные

отношения московского сюзерена со своими новыми западными и южными вассалами. Нетрудно догадаться, что за ними последовали бы если не все, то подавляющее большинство князей литовской Руси. Повторяю, тогда еще не было никаких различий ни в языке, ни в культуре Великой, Малой и Белой Руси. И ни в XIX, ни в XX в. не могло и быть украинских и белорусских националистов.

Можем ли мы сейчас упрекнуть русских, пусть даже с малой примесью литовской крови, князей, которые предпочли остаться под властью католических сюзеренов (великого князя литовского и польского короля), но сохранить полнейшую свободу, свои владения, а главное, свои жизни? В отличие от ханской Московии, князья литовской Руси могли быть уверены в том, что их сыновья и внуки также будут князьями, а не кончат жизнь в монастырской тюрьме на Белом озере или на колу в Москве.

А через 100–150 лет князья и дворяне литовской Руси получат доступ к западному просвещению, к французским танцам и моде, и мало-помалу начнут полонизироваться или европеизироваться — пусть каждый говорит как хочет.

Но Андрей Курбский не знал и не мог знать, что будет через 150 лет. Он не бежал с Руси, он лишь перемещался по ней.

Король Сигизмунд-Август щедро одарил Курбского землями: в Литве он получил староство Кревское (позднее в составе Виленской губернии), на Волыни — город Ковель, местечки Вижну и Миляновичи с десятками сел. Сперва все эти поместья были пожалованы Курбскому в пожизненное владение, но впоследствии «за добрую, цнотливую [доблестную], верную, мужнюю службу» они были утверждены за Курбским на правах наследственной собственности. В Польше и Литве Андрея Курбского величали князем Ковельским. Сам же Андрей Михайлович называл себя князем Ярославским.

Говоря о жизни Курбского в Литве, я не буду останавливаться на его знаменитой переписке с Иваном Грозным, поскольку она выходит за рамки нашего повествования, а желающих отошлю к моей книге «Дипломатия и войны русский князей. От Рюрика до Ивана Грозного» (М.: «Вече», 2006).

Для нас гораздо важнее среда, в которую попал русский князь. Увы, там он не заметил «сформировавшихся белорусской и украинской народностей». Умники с Ленинских гор в середине XX в. все видели, а Курбский — нет. Он нашел для себя новое поприще — борьбу за чистоту православия в условиях религиозного плюрализма Великого княжества Литовского. В 70-е гг. XVI в. в его имении Миляновичи под Ковелем сформировался своего рода книжный центр, где создавались, переводились

и переписывались разные сочинения, но в первую очередь — классика православной литературы. В него до 1575 г. входил шляхтич Амброджий, затем М. А Оболенский, а после его смерти в 1577 г. — Станислав Войшевский.

По словам самого Курбского, идея создания такого кружка возникла у него в беседах с духовным учителем старцем Артемием, бежавшим из России из-за угрозы репрессий по обвинению в ереси.

Курбского окружали русские люди, хотя они и числились литовскими шляхтичами, и воевали под знаменами польского короля.

Учился ли Курбский белорусскому и украинскому языкам? Да он попросту и не знал о таковых.

Итак, русское дворянство в Литве оставалось верно русскому языку и православной вере. Зато нравы польской шляхты русское дворянство, как католики, так и православные, воспринимали в полном объеме. У ляхов были законы, но их шляхта жила по понятиям, и главным арбитром в спорах была сабля.

Князь Курбский как владелец Ковеля был буквально принужден вести малые войны с соседями-шляхтичами, как католиками, так и православными. Увы, я не преувеличиваю. Историки обнаружили в польских архивах документы о десятках «междусобойчиков» с участием Андрея Ярославского, как именовал себя Курбский в изгнании. Май 1566 г. — вооруженные столкновения с частной армией Александра Федоровича Чарторыйского. В августе того же года — конфликт с владельцами местечек Донневичи и Михилевичи. Ноябрь 1567 г. — стычки с вооруженной челядью семейства сендомирского каштеляна Станислава Матеевского. В конце 1569 г. — боестолкновения с частной армией Матвея Рудомина, много убитых и раненых. В августе 1570 г. «малая война» (по выражению историка И. Ауэрбаха) с князем Андреем Вишневецким за передел границ имений. Вооруженные пограничные столкновения между дружинниками Курбского и частной армией Вишневецкого происходили в феврале 1572 г., в августе 1575 г.

Тут стоит заметить, что в те годы клан Вишневецких хотя и слыл оплотом православия, но действовал не хуже разбойников с большой дороги. Что им какой-то князь Курбский. Вот, к примеру, в конце XVI в. семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий презрел равно как Краков, так и Москву, продолжая

захват спорных земель. На Северщине из-за городков Прилуки и Сиетино началась полномасштабная война. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище освоивают». В конце концов, в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление и понесли большие потери.

В 1566 г. из Москвы в Литву уехал знаменитый «первопечатник» Иван Федоров. Он приезжает в Западную Белоруссию и на Западную Украину и начинает печатать русским шрифтом те же книги, что и печатал в Москве. Тот же русский шрифт, тот же русский язык — не знал бедный Федоров, что в Заблудове и Львове уже кончался второй этап белоруссизации и украинизации.

Между прочим, русский шрифт, которым Иван Федоров начал печатать книги в Москве, не был его изобретением. В 1491 г. немецкий студент Рудольф Борсдорф изготовил по заказу краковского печатника Швайпольта Филя «русский шрифт». В том же 1491 г. и вышли две первые печатные книги на русском языке — «Осмогласник» и «Часослов». Они распространялись как в Великом княжестве Литовском, так и в Великом княжестве Московском.

Встречались ли в Литве Курбский и Федоров? Документальных свидетельств об этом не сохранилось. Однако с учетом их длительной литературной и просветительной деятельности они попросту не могли не встречаться. Я уж не говорю, что интеллигентная прослойка в русской Литве была очень тонка. Кстати, тот же Немировский утверждает, что «Курбский и Иван Федоров знали друг друга еще в Москве… Не исключено, что именно Курбский рекомендовал князю Острожскому пригласить к себе Ивана Федорова. Он принимал определенное участие и в подготовке к печати Острожской Библии»[93].

В 1574 г. в Львове Иван Федоров печатает «Азбуку». Чью азбуку? Понятно, что русскую! Заметим, что якобы украинское слово «друкарня» тогда равно использовалось в Москве, Минске и Львове. А чуждым русскому языку словом «типография» мы обязаны Петру I и любимым им немцам.

В 1561 г. монах Исаия из города Каменец Польский отправился в Москву за оригиналами книг на русском языке, чтобы печатать их «слово в слово»: «…в нашем государстве христианском русском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому, да

и русскому московскому»[94].

Не я, а монах Исаия, князья, шляхтичи и попы XVI в. твердят нам одно и то же: в Великом княжестве Литовском и в Великом княжестве Московском был один народ — русский.

Другой вопрос, что в Львове и на Волыни в русский язык в конце XVI в. начинают проникать полонизмы, и князь Андрей Курбский решительно выступил против использования «польской барбарии».

Еще в конце XIV — начале XV вв. в русском языке Великого княжества Литовского появляются термины «паны», «рада» и т. д. Причем панами называли и литовцев-католиков, и православных князей и дворян.

Точно так же язык москвичей обогащался десятками татарских слов. Замечу, что в XV в. речь москвичей гораздо больше отличалась от языка новгородцев, чем, скажем, от языка жителей Смоленска — подданных Великого княжества Литовского.

Увеличение различий в языке Великого княжества Литовского и Московской Руси в XIV–XVII вв. — вещь вполне естественная и никак не связанная с формированием двух или трех наций. Возьмем, к примеру, Южную и Северную Корею. Там что, два народа, две нации? А между тем в 2002 г. был издан словарь для перевода с северокорейского на южнокорейский языки, насчитывающий 50 тысяч значений, имеющих различные наименования на севере и на юге Кореи.

В 1619 г. известный писатель и публицист Литовской Руси Мелетий Смотрицкий (1578–1633) издал русскую грамматику, по которой учились все образованные люди России, включая М. В. Ломоносова. (А может, Ломоносов изучал белорусский или украинский языки?)

Однако русских школ в Речи Посполитой было очень мало. Фаддей Булгарин писал в своих «Воспоминаниях»: «При бедности государственной, короли были рады, что богатое духовенство, владея огромными поместьями, приняло на себя воспитание юношества; но когда с восшествием на престол Сигизмунда III иезуиты овладели почти исключительно воспитанием, прежний свет в Польше померк…

…Иезуиты систематически истребляли истинное просвещение, и помрачали даже здравый рассудок, на основании правила Омара, сжегшего Александрийскую библиотеку!.. Основанием иезуитского воспитания был самый исступленный религиозный фанатизм, безусловная преданность папской власти, интолеранция (нетерпимость других исповедей) и пропаганда, т. е. распространение католицизма. Иезуиты и их достойные воспитанники ненавидели всех христиан не римско-католической веры и не признающих Папу главой церкви, и почитали их ниже мусульман, евреев и

даже идолопоклонников…

…Почти вся Литва и лучшее Литовское шлахетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдалили от занятия всех важных мест в государстве и стали приманивать в католическую веру знатную православную шляхту — пожалованием старост, ленных и амфитеутических имений, и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство мало-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру…»[95].

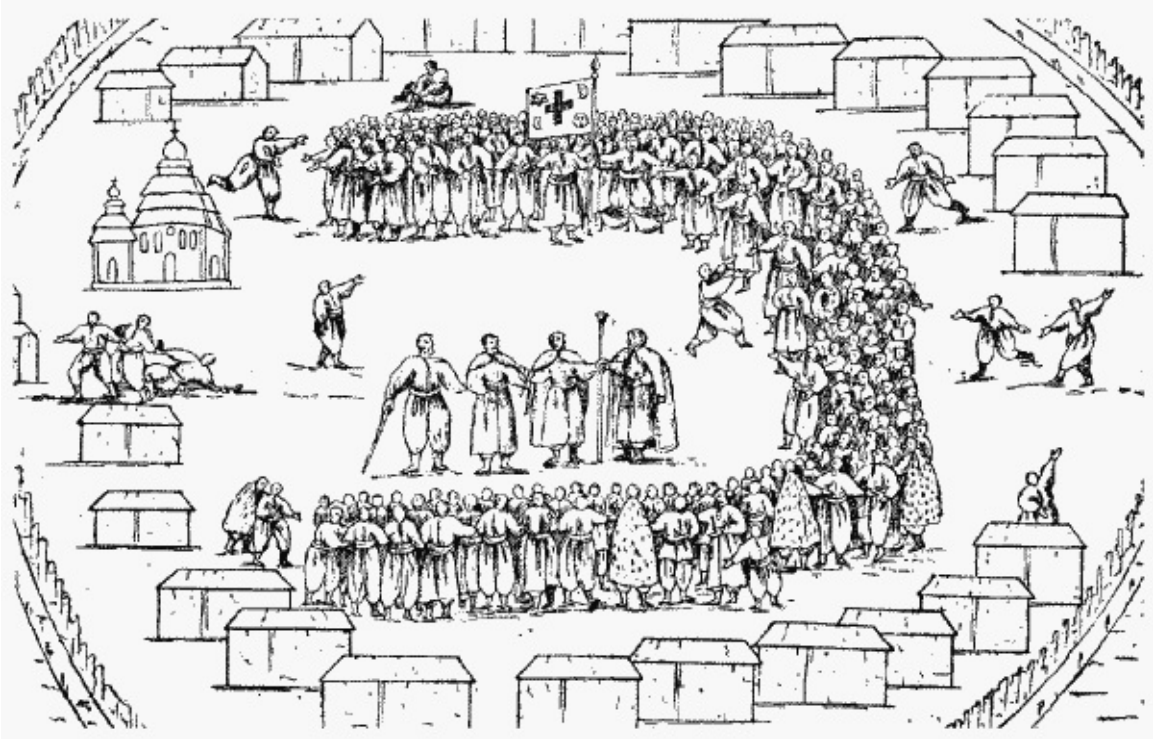
Через Польшу русское дворянство получало всю информацию из Европы, научную и художественную литературу, новинки моды и т. д. В итоге к середине XVII века все русское дворянство на территории Речи Посполитой полностью ополячилось.

В первой половине XVII в. приняли католичество не только предки Ф. Б. Булгарина, но и все знатные семейства — потомки Гедиминовичей и Рюриковичей. Возьмем, к примеру, знаменитый православный род Вишневецких. Константин Иванович Вишневецкий, присягая в 1569 г. Унии, просил короля от имени всех волынских магнатов «не принуждать их к другой вере». А вот его сын Константин Константинович по наущению иезуитов в 1595 г. перешел в католичество, а в 1605–1618 гг. был активным участником интервенции в Россию. Юрий Михайлович Вишневецкий, староста камецкий, каштелян киевский, перешел в католичество в 1600 г. Наконец, знаменитый носитель православия Иеремия (Михаил) Вишневецкий был соблазнен иезуитами в 19 лет и перешел в католичество в 1631 г.

Уже к концу XVII в. русское дворянство полностью растворилось в польском. Потомки древних русских родов вообще не знали русского языка, а общались по-польски и по-французски. Наконец, частые браки с польскими дворянами также способствовали полному растворению русской аристократии среди поляков.

Глава 11
Запорожцы против басурман и ляхов

Как уже говорилось, первая Запорожская Сечь была основана Дмитрием Вишневецким на острове Малая Хортица. После ее разрушения казаки устроили небольшую Сечь на острове Томаковке. Остров имел и другие названия — Бучки, Буцкий и Городище. Последнее название говорит о том, что там было поселение еще в домонгольский период. Положение острова Томаковки в стратегическом отношении было весьма удобно: он располагался среди низменной плавни и со всех сторон охватывался реками и речками. Длина береговой линии остова немного более 6 км. Как писал Д. И. Яворницкий: «Следы пребывания запорожских Козаков на острове Томаковке сохранились и по настоящее время, в виде небольшого укрепления, расположенного у южной окраины его, формы правильного редута. Редут этот состоит собственно из трех траншей: восточной, 49 сажен длины; западной, 29 сажен длины; и северной, 95 сажен длины, со входом в последний на 45-й сажени, считая по направлению от востока к западу; вместо южной траншеи служит берег самого острова… Центр всего укрепления взволнован небольшими холмиками и изрыт ямами; последние — дело рук кладоискателей, которые ищут какого-то огромного клада, зарытого будто бы на острове Томаковка…



Казачья рада в Сечи. Рисунок XVIII века

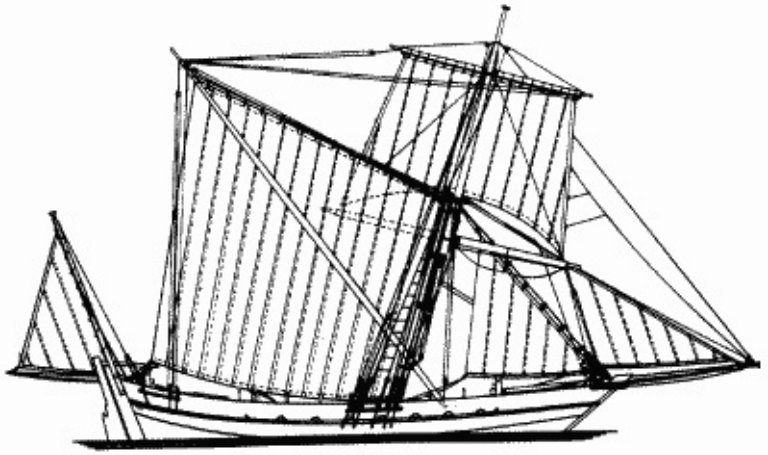
Еще не так давно, в 1872 году, один из любителей старины, протоиерей местечка Никополя, Иоанн Карелин, видел на острове Томаковке кладбище с надгробными песчаниковыми крестами, на которых сделаны были надписи, указывавшие на сокрытых под ними запорожцев. В настоящее время ни один из этих крестов не уцелел: все они разобраны крестьянами для фундаментов под дома и амбары»[96].

После гибели Вишневецкого запорожские казаки продолжали нападать на турок и татар. Тут надо заметить, что мы говорим сейчас только о запорожцах, но их нападения на татар были по масштабам на порядок или два меньше, чем нападения татар на Московское государство и Речь Посполитую. Так что по большому счету это была лишь самооборона.

В 1574 г. флотилия запорожских чаек с кошевым атаманом Фокой Покатило прошла Черным морем до Днестровского залива, где казаки сожгли город Аккерман. Одновременно донские казаки напали на Азов. Не сумев взять крепость, они основательно пограбили окрестности и захватили несколько турецких судов. Судя по всему, поход донцов был согласован с запорожцами.

В том же году в плен к туркам попал казацкий атаман Самойло Кошка. Он на нескольких чайках пиратствовал в Черном море, не подчиняясь казачьим властям. Турки отправили Кошку на галеры, где он пробыл целых

25 лет.



Соколева — турецкое купеческое судно, часто становилась добычей запорожцев

В 1575 г. запорожцы со своим гетманом Богданом Ружинским совершили большой морской поход в Крым. Они разорили Гезлев (Козлов, Евпатория) и Кафу (Феодосия).

Сам Ружинский, как и Вишневецкий, был не казаком, а потомком великого князя литовского Гедемина. Прозвище (фамилию) Богдан Ружинский получил по городку Ружину Владимирского повета.

Возможно, Ружинский и числился на королевской службе, но получал жалованье от Москвы. Еще до вторжения Ружинского в Крым московский посол дьяк Матвей Иванович Ржевский доносил Ивану Грозному: «Приехал к царю крымскому с Днепра козак с вестями: на Днепр прислал московский государь к голове, к князю Богдану Рожинскому, и ко всем козакам днепровским с великим своим жалованьем и приказал к ним: если вам надобно в прибавку козаков, то я к вам пришлю их, сколько вам надобно, и селитру пришлю, и запас всякий, и вы должны идти весной непременно на крымские улусы и к Козлову. Голова и козаки взялись государю крепко служить и очень обрадовались государской милости»[97].

Яворницкий писал: «Богданко [Ружинский] воспользовался случаем, когда татары, в октябре месяце 1575 года, по повелению султана Амурата, мстившего Польше за помощь Сверчовского Ивоне, бросились, в числе 11 000 человек, „на Русь“, произвели в ней страшные пожары, захватили множество христиан в плен и погнали их на переправу к Днестру. С отборной дружиной неустрашимых козаков Богданко ворвался в татарские владенья за Перекоп, опустошил страну огнем и мечом, освободил много

христианских пленников из неволи, а пойманных туземцев предал лютейшей казни: козаки Богданка мужчинам выкалывали глаза, женщинам резали груди, детей безжалостно убивали»[98].

Обычно после набега на Крым казаки возвращались домой на Днепр и Дон, но тут Ружинский рискнул пересечь Черное море и захватить порт Трапезунд, а потом Синоп. Причем Синоп был разрушен до основания. Дальше казаки отправились к Босфору и основательно пограбили окрестности Стамбула. На обратном пути Ружинский осадил турецкую крепость Ислам-Кермен. Казаки устроили подкоп под стены крепости, но с количеством бочек пороха они явно переусердствовали. Взрыв оказался сильнее, чем рассчитывали, стены и башня рухнули, но при этом погибло несколько казаков, включая Ружинского.

Через несколько лет после Ружинского в море на чайках вышел атаман Демьян Скалозуб с пятью тысячами казаков. Казаки сумели скрытно пройти мимо Ислам-Кермена и Очакова. Затем флотилия разделилась — часть казаков во главе с войсковым писарем Богуславцем напала на Кафу, а другая, возглавляемая Скалозубом, ушла к Керчи. В Керченском проливе казацкие чайки столкнулись с турецкими галерами и были разбиты, Скалозуб попал в плен и был уморен голодом в Стамбуле. Богуславец также оказался в плену, но, по некоторым данным, жена турецкого паши Семира освободила писаря и бежала вместе с ним на Украину. Вернувшись домой, Богуславец крестил свою спасительницу и женился на ней.

Летом 1588 г. флотилия чаек с 1500 казаками ограбила побережье Крыма между Гезлевым и Перекопом. В том месте из-за мелководья чайки были практически недосягаемы для османских кораблей.

Следующим летом атаман Захар Кулага с 800 запорожцами вновь появился в Гезлеве. В море им удалось захватить большой турецкий корабль. Используя этот корабль, казаки захватили Гезлев. В самый разгар грабежа на них напал отряд татар во главе с Фети Гиреем. Во время боя 30 казаков попали в плен, сам Кулага был убит, остальным же удалось уйти на чайках в море. Однако казаки, разгоряченные грабежом и раздосадованные неудачным боем, и не думали возвращаться домой. Часть их ушла грабить Белгород, а остальные отправились вокруг Крыма к Азову, где им улыбнулась удача — казаки захватили бухарский караван и взяли в плен 300 человек.

Несколько слов стоит сказать и о казацких судах — чайках. Французский инженер Боплан, побывавший у запорожцев, так описал их: «Лодка строится за две недели. Основой служит ивовый или липовый челн длиной в 45 футов (13,7 м), на него набивают из досок борты так, что

получается лодка в 60 футов (18,3 м) длины, 10–12 футов (3–3,7 м) ширины и такой же глубины. Кругом челн окружается валиком из плотно и крепко привязанных пучков камыша. Затем устраивают два руля, сзади и спереди, ставят мачту для паруса и с каждой стороны по 10–12 весел. Палубы в лодке нет, и при волнении она вся наполняется водой, но упомянутый камышовый валик не дает ей тонуть. Таких лодок в течение двух-трех недель 5–6 тысяч казаков могут изготовить от 80 до 100.

В каждую лодку садится 50–70 человек. На бортах лодки укрепляются 4–6 небольших пушек. В каждой лодке квадрант (для определения направления пути). В бочках провиант — сухари, пшено, мука. Снарядившись таким образом, плывут по Днепру; впереди атаман с флагом на мачте. Лодки идут так тесно, что почти касаются одна другой.

На устье Днепра обыкновенно держат свои галеры турки, чтобы не пропустить казаков, но последние выбирают темную ночь во время новолуния и прокрадываются через камышовые заросли. Если турки заметят их, начинается переполох по всем землям, до самого Константинополя; султан рассылает гонцов по всем прибрежным местностям, предостерегая население, но это помогает мало, так как через 36–40 часов казаки оказываются уже в Анатолии (на малоазиатском побережье). Пристав к берегу, они оставляют около каждой лодки на страже двух казаков и двух помощников („джур“), а сами, вооружившись ружьями, нападают на города, завоевывают их, грабят, жгут, удаляясь от берега на целую милю, и с добычей возвращаются домой.

Если случится им встретить галеры или другие корабли, они поступают так. Чайки их подымаются над водой только на 2,5 фута (0,75 м), поэтому они всегда скорее замечают корабль, чем тот их заметит. Увидя, они опускают мачту, заходят с запада и стоят так до полночи, стараясь только не упустить из виду корабля. В полночь гребут изо всей силы к кораблям, и половина их готовится к бою, чтобы, причалив к кораблю, броситься на абордаж.

Неприятель внезапно видит 80-100 лодок вокруг корабля, казаки вдруг наполняют его своими людьми и овладевают. Завладев, забирают деньги и удобоперевозимые вещи, также пушки и все, что не боится воды, а сами корабли вместе с людьми топят»[99].

Запорожские казаки ходили походами не только на Черное море, но и на Волгу и Каспий. К сожалению, об этих походах осталось крайне мало данных. Так, в 1580 г. хан большой ногайской орды Урус жаловался Ивану Грозному на нападения казаков на ногаев на Нижней Волге. Иван Грозный отвечал: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут,

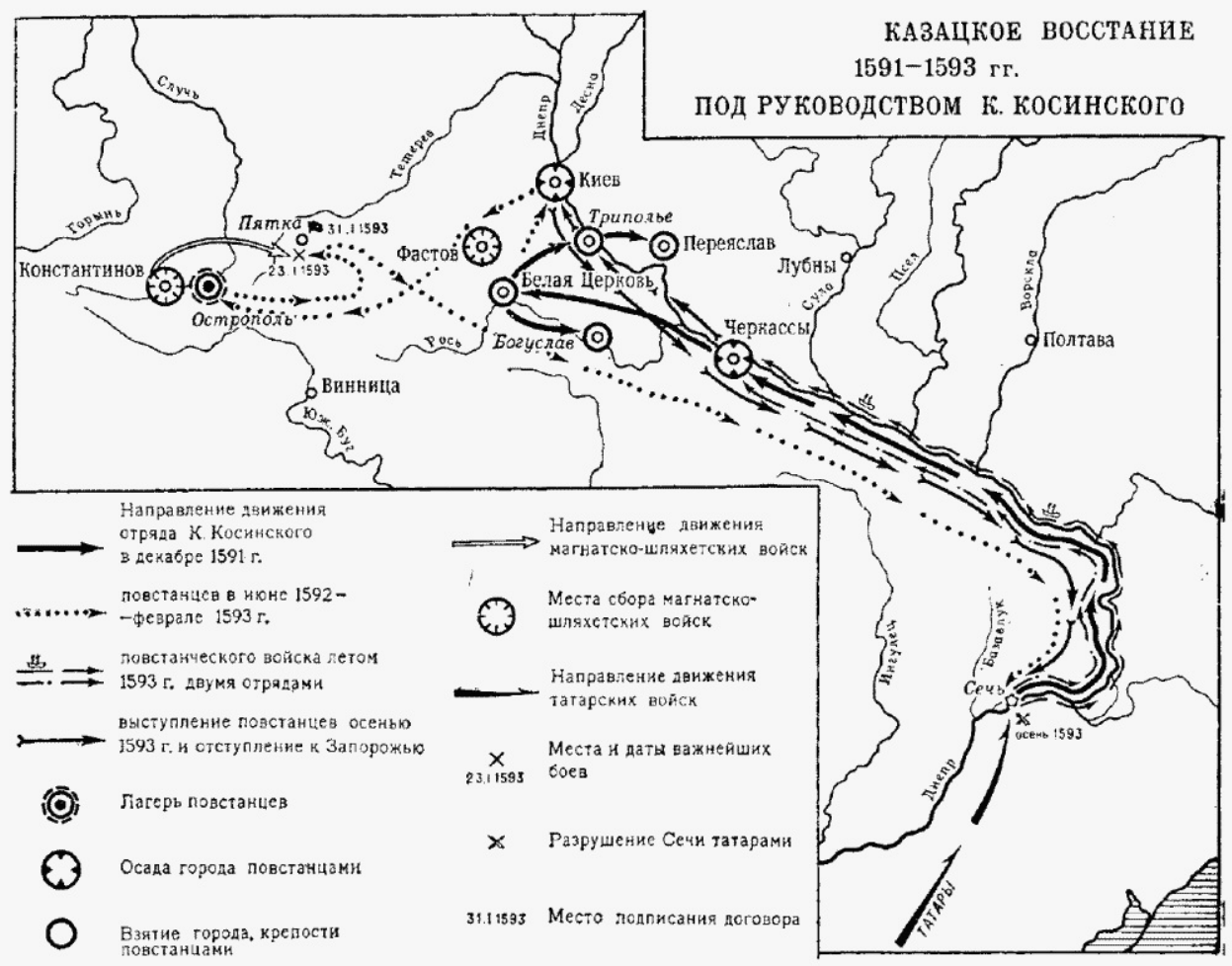
Федька Безстужев с товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят. И литовский король с вами ссорити. И мы велели послати из Астрахани на Дон. И на Волгу тех воров сыскивати. А сыскав, велели их казнити»[100].

Понятно, что речь идет о запорожских казаках. Однако никаких других данных об атамане Федоре Бесстужеве автору найти не удалось.

Действия запорожцев на Каспии трудно отделить от операций донских и волжских казаков. Так, например, в 1631 г. тысяча донских и запорожских казаков встретились в устье Волги с тысячей яицких казаков и отправились на Каспий «добывать зипуны».

После принятия Люблинской унии в 1569 г. малороссийские казаки оказались лишним сословием в Речи Посполитой, где доселе существовало лишь три сословия — шляхетское, мещанское и хлопское. Дворяне и слышать не хотели о принятии казаков в их сословие, а идти в хлопы или мещане не хотели сами казаки.

В 1578 г. король Стефан Баторий определил жалованье шести сотням казаков и разрешил им разместить в городе Трахтомирове свой госпиталь и арсенал. За это казаки согласились подчиняться назначенным королем офицерам-дворянам и воздерживаться от самовольных нападений на татар, сильно осложнявших ведение внешней политики Речи Посполитой. По заведенным правилам все шестьсот казаков были занесены в специальный список — реестр. И с тех пор эти зарегистрированные, «реестровые», казаки стали использоваться не только для охраны границ от татар, но и для контроля за «нереестровыми».



Казацкое восстание 1591–1593 гг. под руководством К. Косинского

В 1589 г. количество реестровых казаков достигло уже трех тысяч. В основном это были оседлые, семейные, хорошо устроенные казаки, часто обладавшие значительной собственностью. К примеру, завещание некоего Тишки Воловича включало дом в Чигирине, два имения с рыбными прудами, леса и пастбища, 120 ульев и 3 тысячи золотых слитков (из них тысяча в закладе под большие проценты). Нереестровые городовые казаки были существенно беднее реестровых.

В 1593 г. начинается первое большое казацкое восстание против польских панов. Обратим внимание на повод к восстанию, он будет повторяться и потом.

В конце 80-х гг. XVI в. польский сейм за успешные действия против турок и татар наградил казацкого гетмана Криштофа Косинского поместьем на реке Рось. По происхождению Косинский был шляхтичем из Полесья, исповедовал православие. Он действительно отличился во многих

сражениях и был хорошо известен в Варшаве и Москве.

Однако имение на реке Рось приглянулось белоцерковскому старосте Янушу Острожскому. Как истинному шляхтичу пану Янушу было плевать на какой-то там сейм. Он взял да и захватил силой имение Косинского. Но тут «нашла коса на камень». 19 декабря 1591 г. отряд реестровых и низовых (запорожских) казаков под руководством Косинского напал на Белоцерковский замок. Замок был взят. Повстанцы захватили несколько пушек и мортир.

Вслед за Белой Церковью Косинский овладел Трипольем и Переяславлем. Он осадил Киев, но взять его не смог[101].

Весной 1592 г. восставшие казаки отправились на Волынь и в Подолию и расположились в имении князя Константина Острожского Остроголе. Стоя в Остроголе, Косинский взял еще несколько городов, принадлежавших князю Острожскому, и опустошил их. Главной задачей Косинского было насаждение везде «казацкого присуда» вместо панского, то есть распространение казацкого суда на шляхту, мещан и селян.

Косинский все лето простоял безбоязненно в Остроголе, а в августе против него выступил князь Константин Острожский, но был разбит казаками и потерял свою частную армию. После этого Косинский спокойно простоял в Остроголе и всю осень 1592 г.

Поляки несколько раз собирали сеймы, чтобы принять меры против Косинского. Лишь на сентябрьском сейме 1592 г. паны решили отправить против казаков коронное войско. Кроме того, Константин Острожский набрал новую частную армию и пополнил ее наемной венгерской пехотой.

К началу 1593 г. все польские войска сумели соединиться. Косинский же покинул Остроголь и пошел к местечку Пятке вблизи города Чуднова на Житомирщине. Казаки перед Пяткой устроили табор из повозок и заняли в нем оборону. Дойдя до казачьего табора, поляки долго не решались напасть на него и думали об отступлении. С большим трудом Янушу Острожскому удалось заставить их пойти в атаку. Тем не менее 21 января 1593 г. поляки овладели табором, а казаки отступили к городу. По польским источникам казаки потеряли до 3 тысяч человек и 26 пушек.

31 января 1593 г. казаки капитулировали в Пятке. В этот день Острожский от имени панского войска и гетман Косинский с войсковым писарем от имени реестра подписали соглашение. Реестровые казаки должны были немедленно лишить Косинского гетманской булавы, держать на Запорожье постоянный гарнизон, вернуть в замки все захваченное там оружие. Наконец, и этот пункт паны считали главным, реестровцы обязывались не проживать и не причинять никакого ущерба («кривд

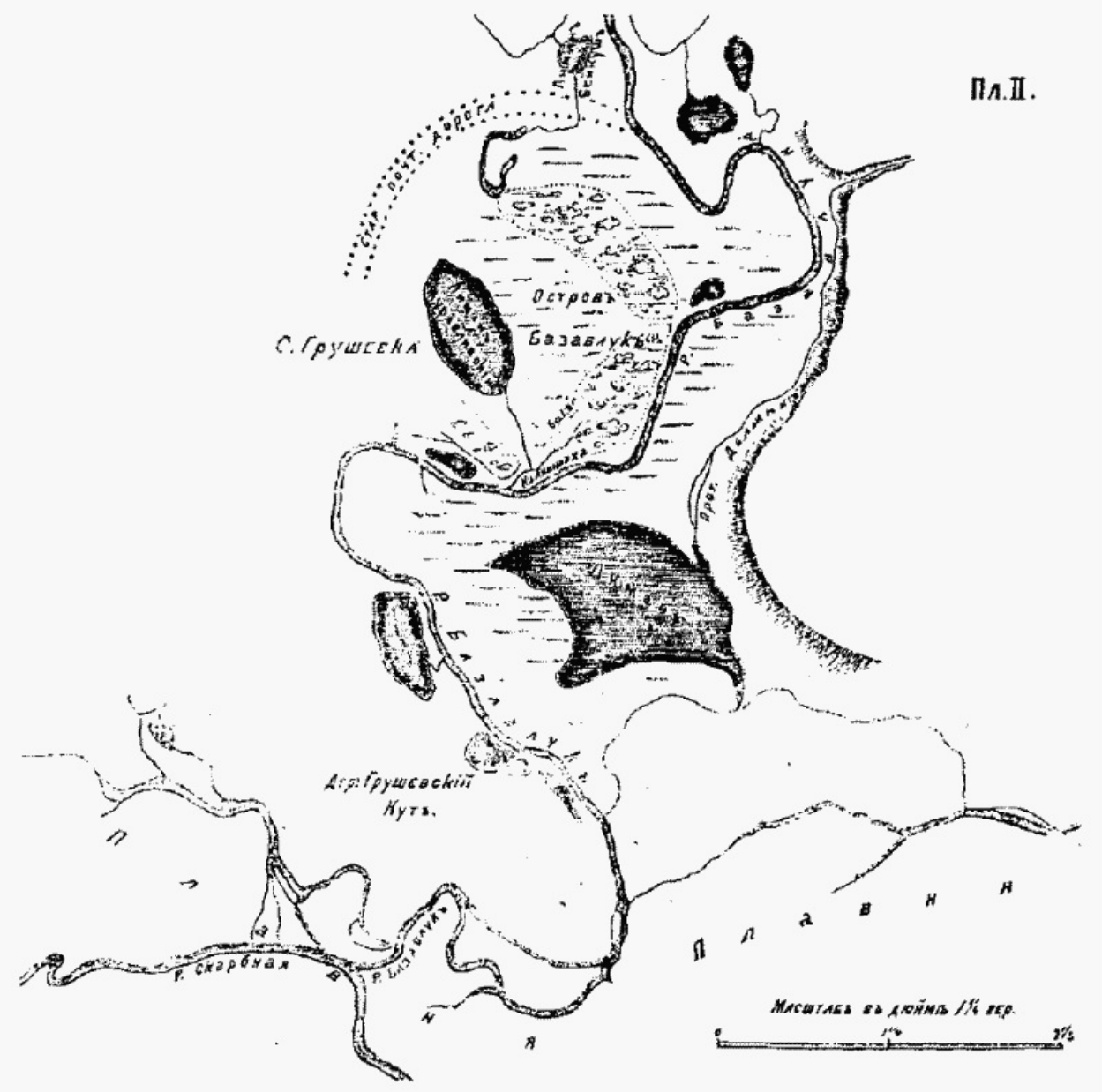
жадных») «в державах княжат (Острожских)… и маетностях приятель их… княжати Александра Вишневецкого… и державах слуг их милости», то есть в магнатских и шляхетских владениях. Кроме того, реестровые казаки обещали исключить из войска всех, кто вступил в него во время восстания.

Однако Косинский не считал игру законченной. Он отправил верного казака в город Черкассы, где стал набирать новое войско. Мало того, Косинский вступил в сношения с Москвой на предмет похода на турок. Царь Федор Иоаннович послал грамоты путивльским ратникам и донским казакам идти на соединение с гетманом «Христофом Косицким».

Черкасский староста Александр Вишневецкий доносил в Варшаву, что царь послал запорожцам сукна и деньги.

Ну, донос — доносом, а сам Вишневецкий приказал своим шляхтичам и слугам убить Косинского. Они явились на вечеринку, затеянную казаками в корчме в Черкассах. Убийцы затеяли ссору и внезапно схватились за сабли. Косинский и несколько казаков были убиты.

Понятно, что со смертью Косинского борьба казаков против ляхов не прекратилась. Осенью 1593 г. запорожцы вновь подступили под Киев, но из-за большого набега татар были вынуждены уйти вниз по Днепру для защиты Нижнего Днепра. Кроме того, у казаков не было вождя, но таковой вскоре появился.



Базавлукская Сечь (По А. Апостолову)

Жила-была в городе Остроге семья мещанина Наливайко. У него было два сына. Старший Дамиан (Демьян) состоял придворным попом у князя Константина Острожского. А младший Северин служил пушкарем в частной армии у того же Константина Острожского и отличился в войне Острожского против казаков Косинского. Все бы было хорошо. Отличил бы его пару раз Острожский, и стал бы Северин польским шляхтичем, и воевало бы его потомство 400 лет с Россией, а сейчас служило бы в войсках НАТО. Но судьба-индейка распорядилась иначе. У старика Наливайко был небольшой участок земли в Гусятине. Он приглянулся богатому шляхтичу

Калиновскому. Пан, не долго думая, захватил надел, а старика велел избить палками так, что тот на следующий день отдал Богу душу.

Узнав о гибели отца, Дамиан нашел утешение в монашестве, а Северин взялся за саблю. Для начала «Наливайко составил около себя вольницу людей из разного народа, иногда беглецов и преступников, и с ними действовал против турок и татар»[102]. Ему удалось разбить несколько татарских отрядов, шедших через Малороссию в поход на Венгрию, и захватить богатую добычу, в том числе от 3 до 4 тысяч лошадей. (Татары вели в поход множество запасных коней.) Думаю, что попутно Северин пограбил и панов. Далее он делает очень грамотный ход — отправляет часть добычи в Сечь к запорожцам.

Тут я сделаю маленькое отступление. В 1593 г. татары разрушили Сечь на острове Томаковке, но казаки построили новую Сечь на острове Базавлук, недалеко от речки Чортомлыка. В конце XIX в. историки не могли установить точно, какой из нескольких островов звался Базавлук и где с 1593 г. по 1637 г. находилась третья Сечь.

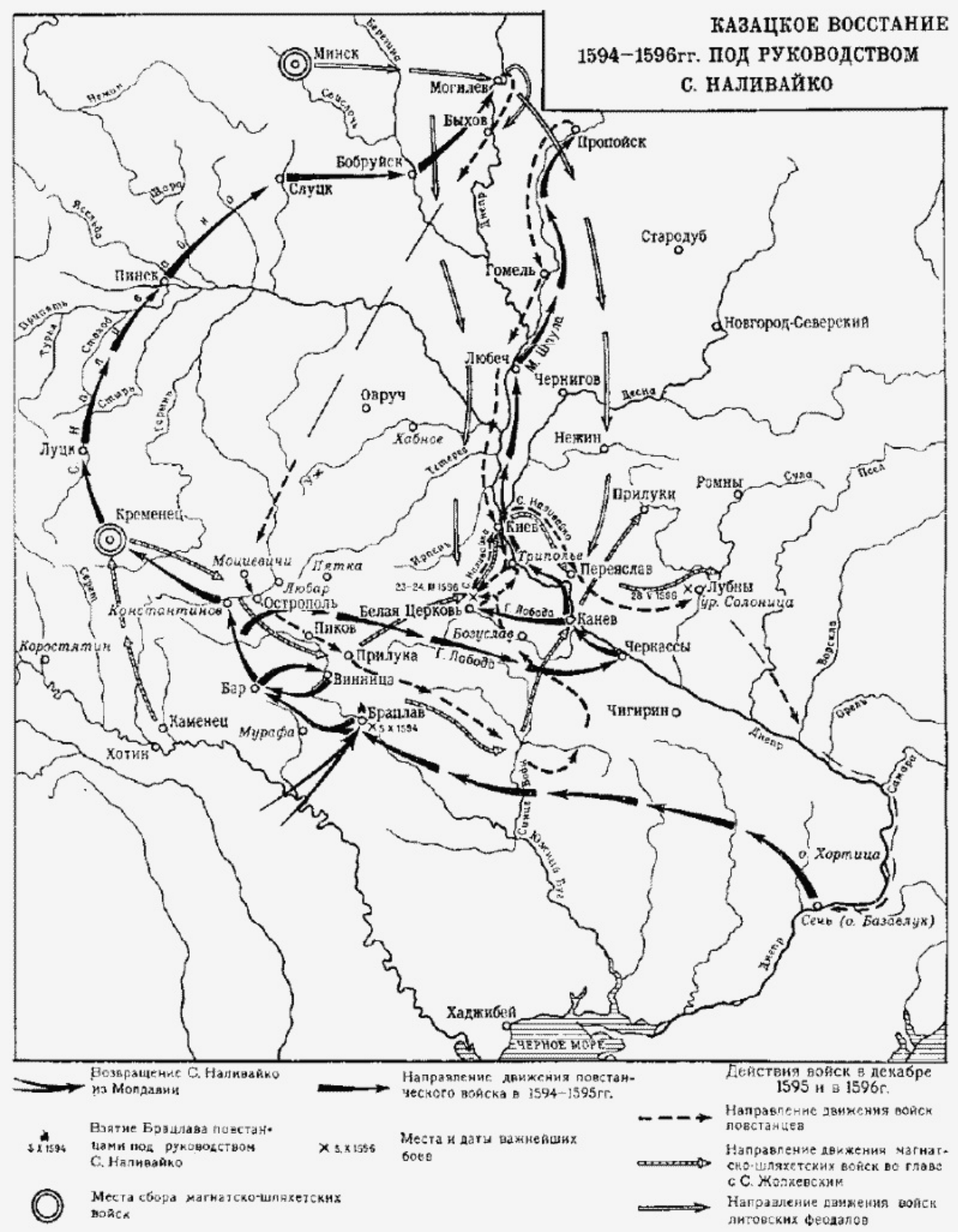
Но вернемся к посланцам Наливайки, которые прибыли в Сечь 1 июля 1594 г. Откуда такая точность? Как мы узнаем из знаменитого письма турецкому султану, календаря запорожцы не жаловали. Да просто тогда в Сечи находился посол германского императора Рудольфа II Эрих Ласота. Прибыв в Сечь, посланцы Наливайко прежде всего испросили прощение у запорожских казаков от имени Наливайко за то, что он воевал против Косинского. А главное, Северин пообещал из собственных трофеев подарить казакам 1500 лошадей. Запорожцы не могли устоять перед таким подарком и резонно учли, что Наливайко состоял на службе Острожского задолго до начала войны с казаками и по феодальному праву не мог бросить своего воеводу в беде. В итоге запорожцы признали Наливайку казаком и заключили с ним союз.

Сам Наливайко стал вести себя как настоящий польский шляхтич. Он силой занял замок в Брацлаве и выгнал оттуда старосту Юрия Струся. Мало того, Наливайко обложил налогом окрестную шляхту. Но, обратим внимание, король еще не считал его мятежником и не посылал на него коронное войско.

«Наливайко с козаками стал делать наезды на шляхту и во время этих наездов жестоко отмстил пану Калиновскому, обидчику своего отца. Наливайко чувствовал неугасимую ненависть к Калиновскому и, объясняясь по этому поводу впоследствии с королем Сигизмундом III, высказал, что то была самая тяжкая из обид и самая непоправимая для него из всех потерь: „Ведь отец-то у меня был один!“ Король требовал от

Наливайко, чтобы он распустил свою ватагу и не делал обид населению, но Наливайко не обращал внимания на это приказание и все больше и больше стягивал к себе охотников до всякого рода приключений и войны.

Собрав около себя значительный отряд, Наливайко наконец оставил Брацлав и со своим отрядом направился в Килию. Он напал на город Тягин; город взял и сжег его, но крепости взять не мог и покинул ее. Отступив от Тягина, он распустил своих козаков загонами по нижнему Бугу и Пруту; тут он сжег более 500 турецких и татарских селений, захватил до 4000 обоего пола турецкого и татарского ясыря и с богатой добычей повернул назад. Но на обратном пути он наткнулся, при переправе через реку Днестр, на семитысячный отряд войска с молдавским господарем Аароном во главе и в схватке с ним потерял большую часть своей добычи и нескольких козаков, за что свято поклялся отомстить коварному господарю. И точно, возвратясь в Брацлавщину, Наливайко вошел в сношения с Лободой и запорожцами и в сентябре месяце 1594 года предпринял второй поход против турок в Молдавию. У союзников было 12 000 человек козаков и 40 хоругвей с двумя цесарскими серебряными орлами на двух из хоругвей. Предводителем войска был Лобода, помощником его — Наливайко. Козаки переправились через Днестр под Сорокой и направились в северную Молдавию. Прежде всего они сожгли крепость Цоцору; потом у Сучавы разбили господаря Аарона и заставили его бежать в Волощину, а сами переправились через Прут, напали на господарскую столицу Яссы, сожгли и ограбили ее, разорили несколько окрестных селений и потом благополучно вернулись назад»[103].



Казацкое восстание 1594–1596 годов под руководством С. Наливайко

Возвратившись из второго молдавского похода, Наливайко вновь расположился в Брацлаве. Местная шляхта обиделась и попыталась выбить Северина из Брацлава, но 5 октября 1594 г. была наголову разбита. Шляхта принесла жалобу Сигизмунду III, и король универсалом от 1 ноября 1594 г. приказал потерпевшим наказать как мещан города, так и самого Наливайко. Но приказание это осталось без последствий, как и другие его, более ранние указы относительно казаков. Для наказания Наливайко нужно было коронное войско, а его король не дал.

Царские, а особенно советские историки замалчивали тот факт, что польские короли периодически закрывали глаза на разбои казаков и нападения на шляхту, чтобы не допустить ее чрезмерного усиления.

В середине ноября 1594 г. Наливайко двинулся к городу Бару. Туда же подошли запорожцы во главе с атаманом Григорием Лободой. Всего у обоих атаманов имелось до 12 тысяч казаков. Наливайко и Лобода распустили слухи о предстоящем походе в Валахию. Однако их воинство спокойно и безбедно дождалось в Баре до января 1595 г., а затем разошлось частью в Винницу, а частью — в Брацлав.

Весной 1595 г. началась большая польско-турецкая война, и паны попытались привлечь Григория Лободу на свою сторону, при этом они игнорировали Северина Наливайко. Лобода принял предложения поляков и 21 февраля выступил со своим отрядом к границам Молдавии, но затем остановился и начал опустошать земли польской короны. Тогда польский воевода Ян Замойский приказал казакам уйти от границ Молдавии, а в противном случае грозил поступить с ними «как с неприятелем». Лобода не стал спорить и вернулся в Овруч.

Что же касается Наливайки, то он расположился в имении князя Константина Острожского Острополе. В тот момент сам князь Острожский находился в другом своем имении Турове на Полесье и поэтому о приходе Наливайко в Острополь узнал через гонца в начале марта 1595 г. и известил об этом своего зятя Криштофа Радзивилла: «Как Лобода, желая приязни со мной, вел себя спокойно относительно меня и моих подданных, так этот лотр [бандит. — *А. Ш.*] Наливайко, отставши от других, в числе 1000 человек, гостит теперь в местности моей Острополе, и кажется, что придется мне сторговаться с ним. Другого Косинского посылает на меня Господь Бог»[104].

Письмо это князь Острожский написал в конце марта 1595 г., а в середине августа того же года Наливайко уже оставил Острополь и со своим отрядом отправился через Семиградское княжество в Венгрию на помощь командующему имперской армией германскому эрцгерцогу

Максимилиану в борьбе против турок. В Венгрии Наливайко оставался до поздней осени, а затем с большой добычей вернулся в Малороссию.

Германские авторы утверждают, что в Венгрии казаки Наливайки не столько воевали, сколько грабили и были выдворены оттуда имперскими войсками.

Собрав около двух тысяч казаков, Наливайко разгромил волынский город Луцк. При этом хитрый атаман накатал письмо Сигизмунду III, в котором утверждал, будто он зашел в Луцк с единственной целью сделать в нем военные запасы и потом предложить свои услуги коронному гетману, но встретил со стороны гетмана и польских панов ничем не объяснимую вражду: «Паны били и мучили хлопят, парубков и нескольких товарищей наших или на приставах или на пути к своим родителям»[105].

Из Луцка Северин направился на Белую Русь и 6 ноября 1595 г. взял Слуцк. Из крепостных запасов он забрал себе 12 пушек, 80 гаковниц и 700 рушниц[106].

30 ноября 1595 г. Наливайко штурмом взял город Могилев «и шляхетские маетности, он не мало причинил шкоды шляхте, мещанам и богатым панам: „Место славное побожное (т. е. на реке Буге или Боге) Могилев, дома, крамы, острог выжег; всех домов до 500, а крамов с великими скарбами до 400; мещан, бояр, людей учтивых, мужей, жен. Детей малых побил, порубил, попоганил; с лавок и с домов неисчислимое число скарбов побрал“»[107].

Пока казаки «гуляли», к Могилеву подошел литовский гетман Криштов Радзивилл «с 14 000 литовских и 4000 татарских войск»[108]. Терминология как советских, так и дореволюционных историков требует пояснений. «Литовские войска» — это русские православные ратники, уроженцы Белой Руси, состоявшие на службе литовского гетмана, а «татарское войско» — это не крымцы, а литовские татары.

Поначалу Наливайко хотел сесть в осаду в замке Могилева, но жители города, которых казаки уже допекли дальше некуда, сами подожгли замок, и Наливайке пришлось отойти на ближайшие к городу высоты — Илинскую гору. Тут казаки построили укрепления и установили многочисленные артиллерийские орудия. Тем не менее после упорного боя казаки отошли к Рогачеву, а затем — к Речице.

Из Речицы Наливайко вновь написал письмо Сигизмунду III. «В этом письме он предлагал свои услуги королю смирить всех непокорных ему людей, но для этого просил короля отвести козакам для поселения пустыни между Бугом и Днестром, на татарском и турецком шляху, между Тягинею

и Очаковым, на пространстве 20 миль от Брацлава, где от сотворения мира никто не обитал; дозволить самому Наливайке построить особый город с замком, сделать этот город центром всего козачества, выдавать козакам „стации“, поставить над ними гетмана, а в Сичи держать лишь помощника гетману. После всего этого Наливайко обещал королю держать в полной покорности всех „стационных“ козаков; новых лиц, приходящих к ним, или вовсе не принимать, или же возвращать назад, обрезав им предварительно носы и уши»[109].

Так и не дождавшись ответа от короля, Наливайко, оставив Речицу, прошел через Туров и Городню и в конце января 1596 г. прибыл на Волынь и расположился в имениях князя Константина Острожского. На этот раз Наливайко не встретил даже слабого сопротивления со стороны князя. Дело в том, что Константин Острожский был ярым противником вводимой как раз тогда унии и был готов ради православной веры выступить против короля и взять в союзники хоть турецкого султана. Не стоит забывать и о том, что у Константина Острожского по-прежнему рядом был брат Северина священник Дамиан Наливайко.

Северин быстро оценил ситуацию и 14 февраля 1596 г. напал на владения Яроша Терлецкого, брата епископа Кирилла Терлецкого — одного из столпов унии. Сам епископ в тот момент гостил у римского папы. Были разгромлены имения Яроша и его жены.

Затем Наливайко напал на Пинск, куда епископ Кирилл Терлецкий перед своим отъездом в Рим отправил на хранение свои документы и церковные драгоценности. Заодно было разгромлено и имение луцкого старосты Александра Семашко, ярого сторонника унии. Любопытно, что в разгроме имения Семашко участвовал и какой-то русский князь Петр Вороницкий.

Но мы забыли о запорожцах атамана Григория Лободы. Тот, постояв несколько недель в Овруче, в январе 1596 г. спустился по Днепру в Сечь. Но, услышав об успехах Наливайко, он не выдержал, собрал войско и отправился на судах вверх по Днепру, грабя окрестные местечки. В отличие от Наливайко, Лобода не поднимал знамени религиозной войны, а откровенно обещал казакам большую добычу.

В конце января 1596 г. Сигизмунд III решил, наконец, нарушить свой нейтралитет и отправить против Наливайко и Лободы коронное войско во главе с гетманом Станиславом Жолкевским.

У казаков была прекрасно налажена разведка, и, узнав о движении коронного войска, Наливайко перешел с Волыни в Брацлавщину, в Лабунь, поближе к границе между Речью Посполитой и Турцией. Жолкевский хотел

внезапно напасть на казаков. Но тут на сторону Наливайко перебежал пан Плоцкий вместе со своей ротой, состоявшей из этнических поляков. Мотив — несвоевременная выплата жалованья.

Предупрежденный Плоцким Наливайко оставил Лабунь и решил вернуться в Острополь. Во время отступления казаков произошел колоритный эпизод. Около пятисот казаков под командой сотников Дурного и Татаринца устроили большую попойку у марцирицкого арендатора. Там их застал авангард Жолкевского. Казаки были столь пьяны, что не могли сесть на коней и ускакать, но взялись за пищали и начали отстреливаться из дворов и хат села Мацирица. Поляки были отброшены, но затем они сумели поджечь село. Окруженные казаки погибли в пламени, отстреливаясь, но никто не вышел сдаваться.

Жолкевский энергично преследовал Наливайко. У него было свыше 3 тысяч человек против 1,3 тысячи у казаков. Наливайко выполнил ряд маневров, а затем ушел в Дикое поле. Жолкевский дошел до Синих Вод и остановился. Ему не улыбалось гоняться за казаками по степи, да и жолнеры потребовали выдачи жалованья.

В марте 1596 г. Наливайко со своими силами двинулся к Киеву, где соединился с запорожскими казаками, которые выбрали себе нового атамана Матвея Саулу вместо Григория Лободы.

23-24 марта 1596 г. у урочища Острый камень недалеко от города Белая Церковь произошло упорное двухдневное сражение. Казаки устроили табор, поставив в 5 рядов повозки, скованные за колеса железными цепями. В таборе они поставили 24 пушки. Обе стороны понесли тяжелые потери. Матвею Сауле оторвало ядром руку, и командование над запорожцами вновь принял Лобода.

Жолкевский сообщил в Варшаву о полном разгроме казаков и… вернулся с войском в Белую Церковь. Казацкое же войско двинулось к Триполью, переправилось с правого на левый берег Днепра, дошло до города Переяслава и остановилось возле него.

Между тем на помощь Жолкевскому пришел гетман Потоцкий, оставив ради этого Молдавию.

В мае 1596 г. Жолкевский, получив подкрепление, осадил лагерь повстанцев в урочище Солоница, недалеко от Лубен. Казаки с трех сторон укрепили лагерь возами, поставленными в четыре-пять рядов, обнесли его рвом и высоким валом. С четвертой стороны к лагерю прилегало непроходимое болото. В нескольких местах лагеря были построены срубы, заполненные землей, на них казаки поставили около 30 пушек.

Запорожцы, остававшиеся в Сечи, дождавшись освобождения Днепра

ото льда, отправились на лодках вверх по Днепру на выручку Лободы. Ими командовал православный шляхтич Каспар Подвысоцкий. Но Жолкевский устроил засаду — на высоком берегу Днепра было поставлено множество пушек. Запорожцы весело гребли вверх «при звуках сурьм и бое котлов». Внезапно подул сильный встречный ветер — строй лодок нарушился, и казаки гребли на месте. И тут ляхи открыли огонь из пушек. Казаки потеряли несколько лодок, в том числе и флагманскую. Самому Подвысоцкому удалось спастись, но запорожцы были вынуждены вернуться назад. Теперь поляки могли без помех расправиться с окруженными войсками Лободы и Наливайко.

Жолкевский, имевший 5 тысяч одних только жолнеров, не считая шляхетских отрядов, не решился на штурм. Он понимал, что имеет дело с людьми, по его же словам, отважными, принявшими «в своем положении» решение сражаться насмерть. И вместо штурма поляки подкупили нескольких предателей, которые в ночь на 24 мая схватили атаманов Наливайко и Матвея Шаулу (Саулу) и выдали полякам. Они же и пропустили поляков в лагерь. Началась страшная резня, паны и жолнеры убивали всех, кто попадался под руку. Очевидец И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с женами их было до десяти тысяч».

Наливайко был привезен в Варшаву, где после долгих недель пыток его казнили 11 апреля 1597 г.

Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому — быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Раздел II
Столетняя «Руина»

Глава 1
Запорожцы в СМУТНОМ ВРЕМЕНИ

В 1602 г. в Польшу из Москвы бежал самозванец, объявивший, что он — царевич Димитрий, чудесно спасенный от рук убийц в 1591 г. в Угличе. Им оказался чернец московского Чудова монастыря Григорий, в миру бывший боевой холоп бояр Романовых — дворянин Юрий Отрепьев. Интрига была затеяна смиренной монахиней Марфой, в миру Ксенией Ивановной, женой боярина Федора Никитича Романова. Непосредственно инструктаж Гришки проводил игумен Чудова монастыря Пафнутий.

В Речи Посполитой Григорий Отрепьев побывал в Киеве, Остроге, Гоще и Брачине. В центре секты в Гоще самозванец надеялся найти помощь у ариан. Руслан Скрынников писал: «Имеются данные о том, что самозванец ездил в Запорожье и был с честью принят в отряде запорожского старшины Герасима Евангелика.

Прозвище старшины указывает на принадлежность его к гощинской секте. Если приведенные данные достоверны, то отсюда следует, что ариане помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками»[110].

Так было или иначе, но ариане не могли быть серьезной опорой самозванцу, и он сделал ставку на авантюриста Юрия Мнишека[111]. Мнишек собрал для своего будущего зятя частную армию в 1,6 тысячи человек. К моменту перехода русской границы в армии Мнишека было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по двести сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трех тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

По версии Яворницкого в городе Севске к самозванцу подошло 12 тысяч малороссийских казаков, разделявшихся на конников (8 тысяч) и пехотинцев (4 тысячи), «с арматой из 12 исправных пушек; между малороссийскими козаками немало было и собственно запорожских или низовых козаков»[112].

На мой взгляд, это явное преувеличение: малороссийских казаков было раза в три меньше, а запорожских — несколько сотен. В любом случае запорожские казаки не играли особой роли при Лжедмитрии I.

В 1606 г. под руководством Зебжидовского паны учинили мятеж против короля Сигизмунда III. Поляки это называли вполне законным

мероприятием — рокошем. В следующем году паны рокошане были разбиты королевскими войсками. В ходе рокоша мятежники привлекли на свою сторону большое число малороссийских шляхтичей, а также запорожских казаков. После подавления мятежа почти вся эта публика отправилась на службу к Лжедмитрию II, вошедшему в историю под именем Тушинского вора.

Всего к весне 1608 г. в войске Лжедмитрия II оказалось 2020 запорожцев. Их начальниками были Гриц (700 человек), Подвидзавский (750 чел.), Ростенецкий (500 человек) и Лис (100 человек). Общая же численность войска самозванца составляла 14 220 человек. Как видим, большей частью запорожцев в Тушино командовали польские шляхтичи Подвидзавский и Ростенецкий, а меньшей — атаманы Гриц и Лис. Откуда взялись два последних персонажа — неизвестно. В конце правления Сигизмунда III малороссийские казаки убили «королевского атамана Грицька»[113]. Видимо, тушинец Гриц и этот Грицька были одним и тем же лицом.

Несколько позже запорожцы разошлись по разным польским отрядам. Несколько десятков или даже сотен запорожцев были в отряде Александра Лисовского — отпетого бандита, приговоренного в Польше к смерти. Вместе с Лисовским запорожцы осаждали Троице-Сергиев монастырь с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. Об их участии в осаде упоминает и участник боевых действий Авраамий Палицын.

Однако в целом действия запорожцев в Смутное время практически невозможно отличить от действий польской и малороссийской шляхты, а также донских, волжских и местных «воровских» казаков.

Вот, к примеру, дикими расправами над населением в 1608 г. прославился какой-то атаман Наливайко. «Владимирский воевода Вельяминов [сторонник Лжедмитрия II. — *А. Ш.]* принужден был вооружиться против козаков или загонных людей, опустошавших Владимирский уезд. Посланный против них отряд взял в плен начальника грабителей — пана Наливайко… Весть о злодействах Наливайко дошла и до Тушина и привела в сильный гнев самозванца, который хорошо видел, как вредят козаки успеху его дела; он послал во Владимир приказ немедленно казнить Наливайко, а Сапеге, просившему освободить его, писал выговор в следующих словах: „Ты делаешь не гораздо, что о таких ворах упрашиваешь: тот вор Наливайко наших людей, которые нам, великому государю, служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и женок 93 человека. И ты бы к нам вперед за таких воров не писал и нашей царской милости им не

выпрашивал; мы того вора Наливайку за его воровство велели казнить. А ты б таких воров вперед сыскивал, а сыскав, велел также казнить, чтобы такие воры нашей отчины не опустошили и христианской истинной православной крови не проливали“»[114].

Однако доказательств того, что Наливайко и его люди были запорожцами, нет. Тот же Яворницкий пишет: «…какие именно то были козаки, т. е. были ли то украинские, запорожские или какие-нибудь бродяги, принявшие имя козаков»[115].

То, что делал Наливайко в России, запорожцы творили повсеместно. Так, в 1601–1603 гг. поляки попытались использовать запорожцев в войне со шведами в Прибалтике. Казаки в борьбе со шведами «ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар. Под 1603 годом: были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп 50, жита мер 500 и т. д. В том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство: что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть; все люди плакали, богу-создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда козаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою много брали; один козак вел лошадей 8,10, 12, детей 3,4, женщин и девиц 4 или 3»[116].

В 1609 г. король Сигизмунд решил вторгнуться в Московию. До этого там воевали исключительно частные армии польских и литовских магнатов. В сентябре того же года коронное войско осадило Смоленск. В составе войска было 12,5 тысячи человек, из которых 1659 — реестровые казаки. Кроме того, к войску присоединилось некоторое количество литовских татар и запорожцев. Откуда-то взялась цифра — 10 тысяч запорожских казаков. Да их тогда не было столько вообще, а если прибавить тех, кто уже был в России с Тушинским вором, кто остался в Сечи стеречь Приднепровье от татар?

Командовал запорожцами некий Олевченко. «Под Смоленском они

заняли позицию около Духовского монастыря и расположились там своим табором. Впрочем, существенной пользы запорожские козаки королю на этот раз не оказали, так как они, не любя подчиняться никаким требованиям военной дисциплины, то приходили к городу, то уходили и больше занимались исканием добычи в селах и деревнях, чем продолжительной и скучной осадой города. В начале 1610 года козаки особенно разбойничали в Зубцовском уезде, в расстоянии около 300 верст от Москвы и около 200 верст от Твери. Вслед за тем запорожские черкасы принимали участие, вместе с поляками и литовцами, во взятии городов северской Украйны — Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгород-Северска, Мосальска и Белой, заставляя жителей присягать польскому королевичу Владиславу. Жители названных городов, особенно двух первых, оказывали запорожским черкасам жесткое сопротивление и, зажигая города, бросали в пламень свои имущества, а потом кидались в него сами и погибали»[117].

В 1611 г. воевода Прокопий Ляпунов начал собирать ополчение против поляков. Сигизмунд III решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину отряд запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся князь Дмитрий Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Активно действовали шайки запорожцев и на Русском Севере. Имена атаманов нам ничего не говорят: то ли это были запорожцы, то ли донцы, то ли с Волги — язык-то везде русский. Есть большое подозрение, что атаман Иван Балаш был если не запорожцем, то малороссом. Возможно, это он в 1632–1634 гг. поднял крестьянское восстание, центром которого стал Стародуб. Балаш был пойман поляками и погиб в тюрьме.

Весьма вероятно, что именно запорожцы убили Ивана Сусанина. Позже убийство было приписано большому отряду поляков, которые-де хотели изловить новоизбранного царя Михаила Романова. По официальной версии поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино

Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию С. М. Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина.

У Соловьева и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей — граждан города Костромы. В 90-х гг. XX в. «демократы» вернули опере первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя.

В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньем. Это чувствовали даже дети. В нашей школе большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвертом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612/13 г. в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX в. профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытать и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Зато в начале 1613 г. через костромские леса пробирался отряд малороссийских или запорожских казаков. Они пограбили Поморье и теперь шли в Епифань на соединение с отрядом атамана Заруцкого. Они-то и начали пытать Сусанина, дабы выведать, куда он спрятал свои ценности или о дорогах к другим деревням.

Надо ли говорить, что за тестя, замученного казаками, а таких на Руси было десятки тысяч, Богдан Собинин не получил бы ни копейки. И вот в 1619 г. Собинин обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что-де его тестя Ивана Сусанина Богдашкова литовские люди запытали, дабы узнать, где государь. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятю дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана

Богдашкова.

Первым и последним более-менее организованным походом запорожцев в Россию в Смутное время стал поход гетмана Сагайдачного.

Петр Конашевич Сагайдачный родился в селе Вишенька в окрестностях города Самбора (Западная Галиция) в семье мелкого православного шляхтича. В 1606 г. казаки без санкции польских властей выбрали Сагайдачного гетманом, и он стал именовать себя гетманом обеих сторон Днепра и Войска Запорожского.

Пока одна часть запорожцев грабила Московское государство вместе с поляками, другая часть во главе с Сагайдачным действовала против турок и татар. В 1605–1606 гг. казаки захватили города Аккерман и Килию, а также взяли штурмом самую сильную турецкую крепость на западном побережье Черного моря Варну. В Варне запорожцы взяли добычи больше, чем на 180 тысяч золотых рублей[118]. Об этом в Малороссии была даже сложена песня:

Була Варна здавна славна.
Славнішії козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній турків забрали.

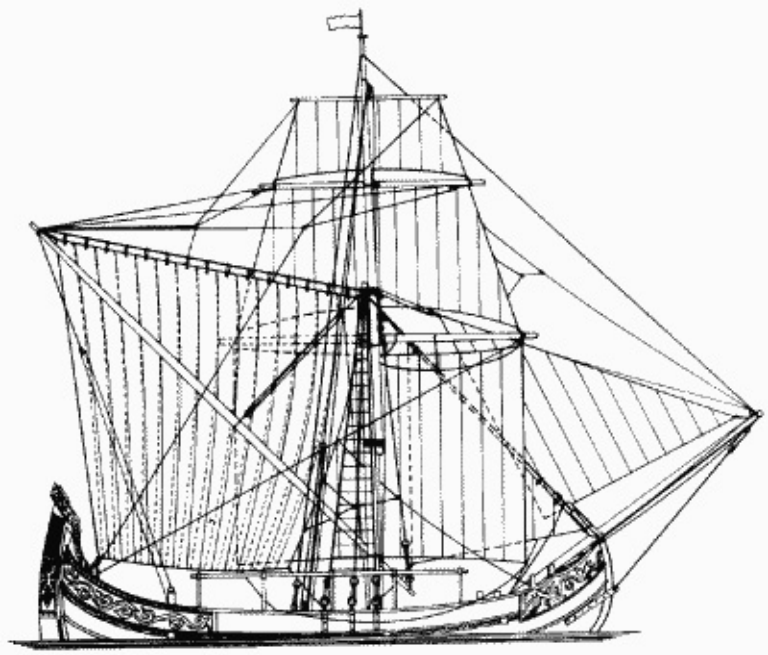
В 1613 г. казаки дважды выходили в море и разорили несколько городов на юге Крымского полуострова. Турки выслали отряд гребных судов под Очаков — к входу в Днепро-Бугский лиман, надеясь там перехватить казаков при возвращении домой. Но запорожцы темной ночью скрытно подошли к турецким кораблям и атаковали турок. Несколько басурманских судов было сожжено, а шесть галер захвачено.

В начале весны 1614 г. казаки снова предприняли поход на Черное море, но на этот раз им не повезло. На море поднялась буря и разнесла их в разные стороны. Многие чайки потонули, а остальных выбросило на берег, но там казаков изловили турки и всех перебили.

Несмотря на неудачу, летом того же года до двух тысяч казаков вновь вышли в Черное море. Их вели бывшие турецкие невольники, малороссы-потурнаки, принявшие ислам («потурчившиеся»), ради спасения своих жизней служившие ранее туркам, но сумевшие обмануть их и бежать к запорожцам. Они отлично знали все входы в прибрежные черноморские города и предложили казакам вести их флотилию. Казаки согласились, выйдя в море, двинулись к берегам Малой Азии (Анатолии) и пристали к

богатой, крепкой, людной и цветущей гавани Синопу, к тому времени славившейся по всему Востоку как богатством своих жителей, так и прекрасным местоположением с чудным климатом, и потому называемой «городом любовников».

С помощью потурнаков казаки попали в город, разрушили замок, перерезали гарнизон, разграбили арсенал, сожгли несколько мечетей, домов и стоявшие у пристани суда, вырезали множество мусульман, освободили всех невольников-христиан и поспешно ушли из города. Туркам был нанесен ущерб на 40 миллионов злотых.



Турецкое прибрежное судно

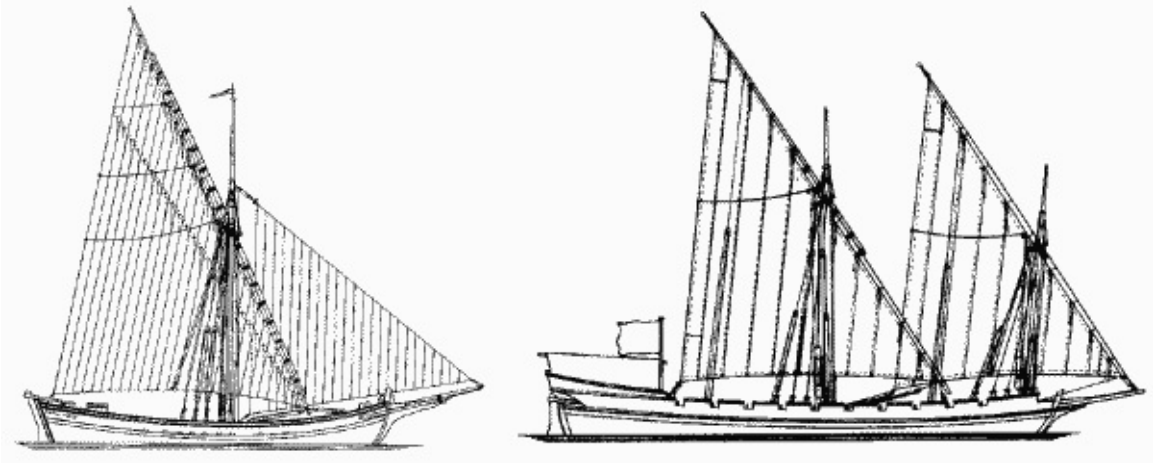
Известие о нападении на Синоп произвело на турок ошеломляющее впечатление. Султан Ахмед I, узнав об этом, пришел в такую ярость, что поначалу велел казнить великого визиря Насаф-пашу, и только вняв мольбам жены и дочери паши, даровал ему на этот раз жизнь, велев лишь исколотить его буздыганом (большой металлической булавой).

С приказанием же преградить казакам путь домой и истребить их всех до единого султан послал румелийского беглербека Ахмет-пашу. Тот с огромным войском, в котором только янычар насчитывалось до четырех тысяч, отправился к устью Днепра и расположился на урочище Газилер-Гермих («Переправе воинов»). Но казаки обнаружили турецкую засаду и причалили к берегу Днепра ниже «Переправы», вытянули чайки и попытались волоком перетащить их мимо турок, поскольку в этом месте

Днепр делал большой изгиб.

Однако турки узнали об этом и напали на казаков, чтобы перебить их всех до единого. Из 2000 запорожцев им удалось убить только 200 и 20 взять в плен. Остальные же, побросав большую часть своей добычи в воду и взяв лишь самое ценное, успели сесть в чайки и уйти от турок. А плененных казаков доставили в Константинополь и там в присутствии жителей Синопа, приехавших с известием о разорении их города, предали мучительной казни.

Весной 1615 г. запорожцы вновь вышли в море. Восемьдесят чаек вошли в пролив Босфор. Казаки высадились на берег ввиду султанской столицы. Для начала они подожгли портовые сооружения в Мизивне и Архиоки. А султан в это время был на охоте. Во время обеда в охотничьем доме он вдруг из окна увидел густой дым от двух пылавших пристаней и купеческих судов. Бросив свои забавы, Ахмед I вскочил в седло и помчался в Стамбул. Прибыв в свою столицу, он немедленно приказал готовить к бою все стоявшие там суда.



Гребные суда турок — основные противники запорожцев: Тартана, Фелюка

А казаки между тем беспечно продолжали свои грабежи и, задавши «превеликий страх и смятение султану и всем цареградским обывателям», спокойно покинули окрестности Стамбула.

Турецкая эскадра сумела нагнать флотилию чаек лишь в устье Дуная. Казаки уходили, как могли, до наступления темноты, а затем повернули и пошли на абордаж. Метая ручные зажигательные снаряды — паклю со смолой, им удалось поджечь несколько османских судов. Еще несколько галер было потоплено, а адмиральскую галеру запорожцы взяли на

абордаж и захватили на ней раненого турецкого адмирала. Он предложил казакам выкуп в 30 тысяч рублей, но вскоре умер в плену, так и не дождавшись свободы.

Разгромив турецкую эскадру, запорожцы дошли до Днепро-Бугского лимана и ввиду Очакова демонстративно сожгли трофейные галеры.

В мае 1616 г. в море вышли свыше двух тысяч запорожцев и донцов под предводительством гетмана Петра Конашевича Сагайдачного и опытных старшин — есаула Свиридовича и куренного атамана Якова Бородавки. В Днепро-Бугском лимане они внезапно напали на дежурившую там эскадру Али-паши. Турки были разбиты, а пятнадцать галер стали добычей казаков. Следует заметить, что все крупные турецкие гребные суда различных типов казаки называли галерами.

Затем казаки направились к крепости Кафа. Сагайдачный разделил свое войско на три отряда. Два из них, ведомые Свиридовичем и Бородавкой, должны были с наступлением сумерек напасть на город с суши, а третий отряд под началом самого гетмана — с моря. Казакам удалось под покровом темноты ворваться в город — ворота им открыли православные невольники. Ранним утром запорожцы уже грабили Кафу — проклятый всей Речью Посполитой и Россией город, через который прошли и навсегда исчезли где-то в восточных странах тысячи мужчин, женщин и детей, город, по своему богатству на Черном море уступавший только Константинополю.

Казаки перебили турок и сожгли Кафу, а несколько сотен бывших невольников присоединились к ним. От Кафы Сагайдачный взял курс на юг и пересек Черное море. Благодаря сильному попутному ветру казаки быстро дошли до Минеры, где захватили в порту 26 купеческих судов. От Минеры казаки берегом добрались до Синопа и Трапезунда и взяли приступом оба города, разбили войско паши Цикалы, в море потопили три больших турецких судна, еще несколько судов захватили и повернули домой.

От пленных турок Сагайдачный узнал, что султан отправил к Очакову большую эскадру Ибрагим-паши, чтобы там перехватить казачью флотилию. Тогда гетман решил обмануть Ибрагима и велел держать курс к Керченскому проливу. Чайки запорожцев и струги донцов благополучно достигли устья Дона. Донские казаки отправились по домам, а запорожцы сухим путем двинулись в Сечь.

Весть о казацком погроме Кафы, Синопа и Трапезунда разнеслась по всей Европе. Итальянский священник и писатель первой половины XVII в. Отавио Сапиенция утверждал, что казаков в Запорожье набиралось в то

время от 30 до 40 тысяч человек, они выставляли от 200 до 300 чаек, смело разъезжали по Черному морю ив 1616 г., и в 1617 г. с успехом нападали на города Кафу, Синоп и Трапезунд. О взятии Синопа запорожцами в 1616 г. свидетельствует и турецкий путешественник XVII в. Эвлия-эфенди. Он писал, что казаки взяли этот город в одну темную ночь и что по этому случаю великий визирь Насир-паша был казнен за то, что скрыл этот факт от султана.

Несмотря на столь блестящий успех Сагайдачного, запорожцы согнали его с гетманства и выбрали Дмитрия Богдановича Барабаша. Новый гетман весной 1617 г. повел флотилию чаек в очередной поход. На сей раз разграблению подверглись окрестности Стамбула. Как утверждали европейские купцы, «казаки мигали своими походными огнями в окна самого сераля».

17 сентября 1617 г. коронный гетман Жолкевский заключил мир с турками. Теперь паны решили разобраться с казаками. Они потребовали от Сагайдачного ограничить число реестровых казаков до одной тысячи и полностью прекратить нападения на татар и турок. Сагайдачный согласился со всеми польскими требованиями и 18 октября 1617 г. подписал Ольшанские соглашения. Поэтому, по крайней мере, часть запорожцев выбрала себе нового гетмана Барабаша. В письме королю гетман Жолкевский хвалился: «Я уже посеял между ними семена раздора: старшие в несогласии с чернью, так как они с радостью завели бы другие порядки».

Однако выполнять условия Ольшанских соглашений Сагайдачному не пришлось. Ляхам потребовалась помощь в борьбе с Москвой, и королевич Владислав лично обратился к Сагайдачному. Гетману удалось собрать до 20 тысяч малороссийских казаков, среди которых было несколько тысяч запорожцев.

Польское войско Владислава шло на Москву по «парадному» ходу: Смоленск — Вязьма — Можайск. А вот Сагайдачный двинулся с юга почти по пути Лжедмитрия I.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости в описаниях «подвигов» казаков, процитирую Яворницкого: «Прежде всего он [Сагайдачный] взял и разорил города Путивль, Ливны и Елец, истребив в них много мужчин, женщин и детей…»[119]

К сухому описанию Яворницкого добавлю несколько конкретных эпизодов. Так, в Путивле был разграблен Молганский монастырь, а все монахи убиты. То же повторилось в Рыльске со Свято-Никольским монастырем.

«В зависимости от Сагайдачного действовал Михайло Дорошенко с товарищами, который взял города Лебедян, Данков, Скопин и Ряский, побив в них множество мужчин, женщин, детей „до сущих младенцев“; а потом, ворвавшись в Рязанскую область, предал огню много посадов, побил несколько священников и приступил было к городу Переяславу, но был отбит и ушел к Ельцу. Сам Сагайдачный, взяв Ливны и Елец, направился в Шацкий и Данков и отсюда отправил впереди себя полковника Милостивого с 1000 человек козаков под город Михайлов (Рязанской губернии), приказав ему ворваться ночью в город и взять его. Полковник Милостивый, долго замешкавшись вследствие страшного грома и проливного дождя, успел прийти к городу только августа 12 дня, в тот самый день, когда в город Сапожков пришло 40 человек великорусских ратных людей. Последние, выйдя из Сапожкова города с несколькими обывателями его, не допустили Милостивого до Михайлова „и победили множество воюющих запорог“»[120].

17 августа к Михайлову подошел сам гетман с основными силами и потребовал сдачи города. Но ратники и обыватели отвергли предложения казаков. Они отвечали со стен крепости: в Москве избран законный царь, и мы ему крест целовали, но ни польских королевичей и каких-либо других правителей нам не надо. 17 августа запорожское войско приступило к штурму крепости.

Сагайдачный приказал стрелять по городу калеными ядрами и пускать стрелы с зажигательными веществами. Запорожцы соорудили «примет» — завалили землей и хворостом ров, подтащили бревна, соорудив своеобразный помост до уровня крепостных стен.

Атаки казаков длились два дня. Тогда какой-то обыватель Митрофан повел осажденных на вылазку через Северные ворота. Казаки не ожидали выступления и бежали. Михайловцам удалось сжечь «все щиты, штурмы и примёты» (различные деревянные защитные устройства).

На следующий день разъяренный Сагайдачный объявил жителям Михайлова, что он возьмет город, как птицу, и предаст огню, а всем жителям от мала до велика прикажет отсечь руку и ногу и бросить псам. 23 августа запорожцы снова стали готовиться к штурму. А защитники на виду запорожского войска совершили крестный ход с иконами и хоругвями по стенам крепости.

С началом штурма михайловцы вновь пошли на вылазку. Со стен города из пушек и пищалей вели огонь не только ратники, но и женщины, и дети. «И всепагубный враг Сагайдачный с остальными запорогами своими отъиде от града со страхом и скорбию августа в 27 день, а жители

богохранимого града Михайлова совершают по вся лета торжественные празднества в те дни, в первый приступный день августа в 17 день, чудо архистратига Михаила, а об отшествии от града запорог августа в 27 день празднуют великому чудотворцу Николе»[121].

Оставив Михайлов, Сагайдачный двинулся на соединение с Владиславом, который к этому времени занял оставленный русскими Можайск и двигался к Звенигороду. Московские бояре выслали против Сагайдачного семитысячный отряд во главе с князем Пожарским. Дмитрий Михайлович должен был воспрепятствовать форсированию казаками Оки. Однако в Серпухове Пожарский тяжело заболел и был увезен в Москву, а командование принял второй воевода — окольничий Г. К. Волконский. В конце августа он перешел с войском из Серпухова в Коломну, в направлении которой двигался Сагайдачный. Однако большинство дворян за воеводой не последовали и предпочли остаться в Серпухове. К 25 августа в распоряжении Волконского осталось всего 275 дворян и детей боярских. Подавляющую часть войска Волконского составляли казаки, которые не рвались драться с войском Сагайдачного.

6 сентября запорожцы (по сведениям Волконского, 7000 «старых» казаков и 3000 слуг) начали переправляться через Оку не в районе Каширы, а под Коломной, у устья реки Осетр. Русский воевода спешно двинулся к переправе. Бой на Оке продолжался два дня.

Поначалу запорожцы были отброшены на правый берег, но на следующий день Сагайдачному удалось форсировать Оку. А 8 сентября воинство князя Волконского попросту разбежалось. Большая часть его казаков отправилась во Владимирский уезд, где начала грабить вотчину князя Мстиславского, а сам воевода драпанул в Москву с отрядом из 300 всадников, в основном из дворян. Это позволило Сагайдачному беспрепятственно сжечь Каширу и перебить почти всех ее обывателей. В связи с этим в следующем, 1619 г. было решено город не восстанавливать, а построить новый, и уже не на левом, а на правом берегу Оки.

13 сентября Владислав взял Звенигород, а через 5 дней Сагайдачный вошел в Бронницы. 20 сентября войска королевича и гетмана соединились под Москвой у Донского монастыря.

В ночь на 1 октября поляки и запорожцы[122] двинулись на штурм Москвы. Между Арбатскими и Никитскими воротами атакующим удалось ворваться в Земляной город, но стены Белого города остались неприступными.

Понеся большие потери, ляхи и запорожцы отступили. 20 октября

начались переговоры на реке Пресне, недалеко от современного Белого дома. Послы обеих сторон спорили, сидя на лошадях. Пять дней прошло в бестолковой перебранке. А тут заявился Дедушка Мороз, и 27 октября Владислав бросил свой стан в Тушине и двинулся на север на Переяславскую дорогу.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

Сагайдачный пошел на юг по Калужской дороге. Казаки страшно опустошили Серпуховской уезд, сожгли посад самого Серпухова, но взять кремль не смогли. То же самое повторилось и в Калуге — посад разграбили, но кремля не взяли. Под Калугой Сагайдачный простоял до Деулинского перемирия.

1 декабря 1618 г. в селе Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченными ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 г.) мог только сумасшедший или преступник. Но

Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр.

В том же 1621 г. шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

В 1618 г. началась знаменитая Тридцатилетняя война, в которую немедленно вмешался король Сигизмунд III. Риторический вопрос, что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?…

Возникает естественный вопрос — собственно, зачем Сагайдачный и его казачество отправились к Москве? Ведь походы Гришки Отрепьева и Тушинского вора по своим целям кардинально отличались от похода королевича Владислава. Оба самозванца хотели захватить власть в Московском государстве и оставить все как есть — православную веру, административный аппарат и т. д., произведя лишь необходимые кадровые перестановки. А в 1617–1618 гг. королевич и шляхта чувствовали себя конкистадорами в землях инков. Они несли погрязшим в ереси туземцам истинную веру и должны были стать господами в новых землях. Овладей ляхи Московским государством, естественно, всем вольностям малороссийских и запорожских казаков пришел бы конец, а возможно, произошло бы и полное искоренение казачества.

Сагайдачный не мог этого не понимать. Так зачем же он пошел? А может, ему ничего не оставалось, как возглавить движение казаков, рвавшихся к легкой добыче?

Вернувшись в Малороссию, Сагайдачный вновь провозглашает себя гетманом. В каких отношениях он был с Барабашем, и все ли запорожцы признали Сагайдачного гетманом — не ясно.

В 1620 г. запорожцы отправились в большой морской поход. Казаки опустошили румелийское (европейское) побережье Турции. Французский посол в Стамбуле де Сези сообщал своему королю, что в августе 1620 г. 150

чаек опустошали западные берега вплоть до столицы. Казаки взяли и разграбили крупный город Варну с населением 15–16 тысяч человек. Турецкий флот перекрыл выход в Днепро-Бугский лиман, и казаки возвратились домой посуху. В районе Перекопа они подверглись нападению крымских татар, но сумели наголову разгромить неприятеля. К сожалению, не удалось восстановить, кто возглавлял поход 1620 г.

Что же касается самого Сагайдачного, то он, видимо, наконец-то осознал, чем ему и малороссийскому казачеству грозит союз с поляками. Сагайдачный публично покаялся и просил прощения у иерусалимского патриарха Феофана за злодеяния, совершенные им и его казаками в России в 1618 г.

Мало того, он посылает в Москву своего атамана Петра Одинца «со товарищи» с просьбой принять гетмана вместе со всем Войском запорожским на службу к царю.

В марте 1620 г. Одинец держал речь перед боярами. Вот ее официальная запись: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему великому государю служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по Сю сторону Перекопи под самою стеною; татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; божиею милостию и государевым счастием татар они многих побили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его к царской милости к себе ныне и впредь искать хотят». Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турками в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский король с турками, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посягатья нет ли?» Черкасы отвечали: «Посяганья на нас от польского короля никакого не бывало; с турками он в миру, а на море нам на турских людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих

холопей»[123]. Царь послал Сагайдачному 300 рублей «легкого жалованья» и отправил грамоту.

Вновь прошу прощения у читателя за длинную цитату, но иначе никак не схватить за руку «самойстийных сказочников».

Однако до польско-казацкой войны и вмешательства Москвы в малороссийские дела дело не дошло. Летом 1620 г. большое турецкое войско, около 60 тысяч человек, во главе с Искандером-пашой вступило в Молдавию. На соединение с турками пошел Кантемир-мурза с Белогородской (Буджакской) ордой в 20 тысяч человек. Получив известие об этом, гетман Жолкевский с частными армиями двинулся навстречу туркам. Он занял позицию над рекой Прут у села Цецори вблизи Ясс. 10 сентября 1620 г. турки нанесли полякам поражение, и Жолкевский вынужден был отступить.

27 сентября около Могилева на Днестре армия Жолкевского была полностью разгромлена. При этом погиб и сам коронный гетман. Его отрубленная голова, надетая на копье, была выставлена перед шатром военачальника-победителя, а затем отправлена в Стамбул. Буджакская орда вторглась в Подолию, опустошая все на своем пути, захватывая в плен ее жителей. Татарские отряды, продвигавшиеся вглубь Малороссии, появлялись даже в окрестностях Львова.

Разгром коронной армии вызвал в Варшаве панику. В катастрофе в Молдавии сеймовые послы обвинили правительство, в особенности коронного гетмана Жолкевского. Ослепленный спесью и ненавистью к казакам, говорили послы сейма, он не призвал их к походу в Молдавию и этим обрек на гибель польское войско. Не желая делить с казаками лавры будущей победы, Жолкевский, по их словам, говорил: «Не хочу я с Гринями воевать, пускай идут на пашню или свиней пасти».

В конце концов паны решили пойти на уступки казачеству: старшинам пообещать от имени короля земельные владения, ослабить притеснения православных, увеличить число реестровых казаков и т. д.

А в это время Сагайдачный был занят… церковными делами. Он еще задолго до сейма приступил к восстановлению православной иерархии, ликвидированной в Малороссии после Брестской унии 1596 г.

Весной 1620 г. Сагайдачный с почетным казацким эскортом встретил иерусалимского патриарха Феофана и бдительно охранял его от польских панов. Осенью того же года Феофан посвятил в Киеве Иова Борецкого в сан киевского митрополита, а Исайю Копинского — в сан перемышльского епископа. Позднее были посвящены еще четыре епископа на малороссийские и белорусские епархии, среди них на луцкую — Исаакий

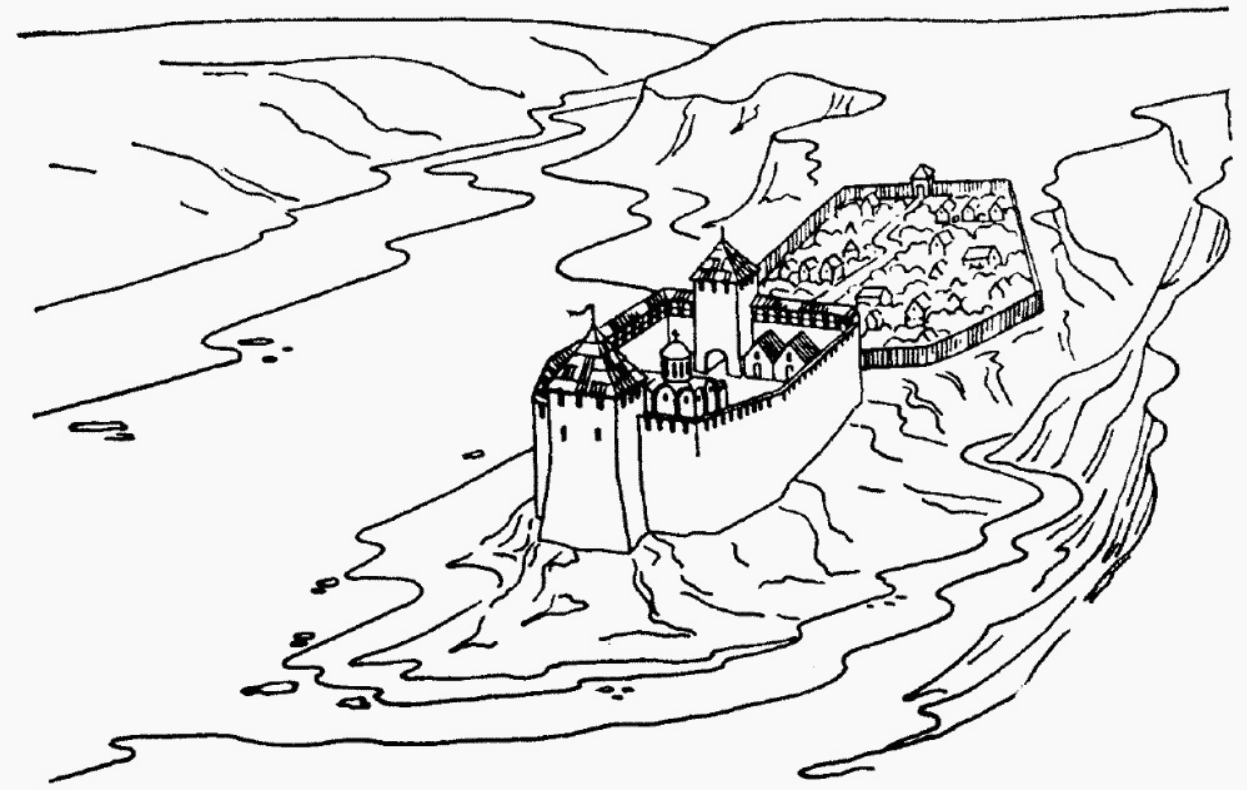
Борискович. Замечу, что Иов Борецкий, Исайя Копинский и Исаакий Борискович были не только активными борцами против окатоличивания и полонизации, но и горячими поборниками идеи воссоединения Малороссии с Россией.

Посвящение православных иерархов было враждебным по отношению к польскому правительству актом, поэтому, когда патриарх Феофан в начале 1621 г. отправился на родину, Сагайдачный с тремя тысячами казаков сопровождал его до местечка Буши на польской границе.

Приблизительно в это же время произошло еще одно важное событие — вступление гетмана Сагайдачного вместе со всем реестровым войском в православное Киевское братство.

Сагайдачный по-прежнему считался «гетманом обеих половин Днепра», но запорожцы еще в конце 1619 г. выбрали другого гетмана — Яцка Нероча Бородавку, по происхождению из хлопов. Однако вторжение турок побудило Сагайдачного и Бородавку заключить временный союз. Объединение обеих казацких армий произошло весной 1621 г., когда передовые отряды турок подошли к устью Днепра. Вслед за ними двигались главные турецкие силы во главе с султаном Османом II.

5–7 июня 1621 г. оба казацких войска — Сагайдачного и Бородавки — сошлись на раду в урочище Сухая (или Черняхова) Дубрава, находившемся между Ржищевом и Белой Церковью. По словам очевидца ксендза Оборницкого, на раду собралось около 40 тысяч человек. Прибыл и митрополит Иов Борецкий с многочисленным духовенством, и королевские посланцы, которые объявили казакам постановление сейма, прибавив к нему разные обещания. В своем слове на раде гетман Бородавка напомнил казакам о том, что они представляют собой грозную силу: «Перед войском Запорожским дрожит земля польская, турецкая и целый мир». Масса вооруженных казаков и бурная обстановка, в которой происходила рада, производили сильное впечатление. Ксендз Оборницкий писал: «Нужно опасаться, как бы дело не дошло до восстания, до крестьянской войны. Уж очень они разошлись тут, увидев себя в таком собрании и силе… Храни, Боже, здешних католиков… им некуда будет бежать… Все живое поднялось в казачество»[124].



Хотинский замок и посад. Вторая половина XIII века — первая половина XIV века. Реконструкция Ю. Г. Логвина

Рада приняла предложения польского сейма о выступлении в поход против турок и отправила к королю своих представителей: Сагайдачного, владимирского епископа Курцевича и еще двоих. Казацкое войско во главе с Бородавкой двинулось в Молдавию навстречу армии Османа II, а казацкие представители — в Варшаву, куда и прибыли в июле 1621 г. во время очередного сейма.

Турецкая и польско-казацкая армии встретились у Хотина. Накануне сражения Сагайдачному удалось схватить, а затем казнить Бородавку. Сторонники последнего не рискнули начинать усобицу перед лицом страшных османов.

25 августа 1621 г. султан Осман II приказал начать штурм укрепленного казацкого лагеря. После ожесточенного боя, потеряв 3300 человек, турки отступили. Сражение продолжалось еще 5 дней с переменным успехом. Затем наступила трехнедельная пауза, во время которой боевые действия ограничивались локальными стычками. 18 сентября турки вновь атаковали польский лагерь, но были отбиты.

Обе стороны понесли большие потери и 29 сентября 1621 г. заключили мир. Первым и важнейшим пунктом мирного договора, на котором

особенно настаивал султан, было обязательство Польши запретить казакам нападать на турецкие владения, а в случае неповиновения карать их за это. Польский король должен был также платить крымскому хану «упоминки» (дань) и т. д. Султан, со своей стороны, обязывался сдерживать Крымскую, Белгородскую и другие орды от нападения на Польшу, а также назначать на молдавский престол лиц, дружественно относящихся к Польше.

В итоге битва под Хотином кончилась вничью, а мирный договор для поляков можно считать компромиссным лишь с большой натяжкой — хорош победитель, который по мирному договору обязуется платить дань побежденному.

Тем не менее и поляки, и украинские националисты считают битву под Хотином блестящей победой польского или, соответственно, казацкого оружия.

В битве с турками Сагайдачный получил тяжелую рану, от которой ему не было суждено оправиться. 10 апреля 1622 г. он умер и был погребен в Киеве в Богоявленской церкви Братского монастыря. В начале XVIII в. при перестройке церкви могила Сагайдачного была разрушена, а к началу XX в. никто не знал ее местонахождения. Думаю, сейчас самостийники найдут его могилу. Чьи кости там будут — неважно. Главное — помпа и громкие речи о «вильной Украине», созданию которой-де оный гетман посвятил всю свою героическую жизнь.

Под Хотином сражалось около 40 тысяч запорожских и реестровых казаков, в числе которых были и тысячи крестьян, для которых война с турками была поводом бежать от барщины. Пока эти казаки дрались на суше, часть запорожцев отправилась бить турок на море.

В 1621 г. 1300 донских казаков и 400 запорожцев вышли ранней весной в Азовское море. Атаманы Суляно, Шило и Яков Бородавка избрали целью похода город Ризе на юго-западном берегу Черного моря. Казаки взяли штурмом дворец паши, понеся большие потери. На обратном пути казаков застал сильный шторм, во время которого затонуло много стругов. Тут на них напала турецкая эскадра из 27 галер. Только 300 донцов и 30 запорожцев на восьми стругах прорвались в Дон и вернулись домой.

В июне 1621 г. шестнадцать чаек появились у Стамбула, в городе началась паника. Казаки прошли вдоль берега Босфора, разоряя и сжигая все села на своем пути. На обратном пути в районе устья Дуная произошло сражение казаков с эскадрой капудан-паши Халиля. Несколько чаек туркам удалось захватить. Пленных казаков публично казнили в городе Исакчи на Дунае в присутствии самого султана: давили слонами, разрывали галерами на части, закапывали живьем, сжигали в чайках, сажали на кол. Осман II с

удовольствием смотрел на казни и даже принимал в них активное участие. Разъезжая на коне возле истязаемых казаков, он стрелял в них из лука почти без промахов, так как был искусным стрелком, а головы убитых казаков султан приказывал солить и отправлять в Константинополь.

В том же году произошел и «дебют» молодого атамана Богдана Хмельницкого, который вывел в Черное море флотилию чаек. В августе 1621 г. в морском бою запорожцы утопили 12 турецких галер, а остальные преследовали до Босфора.

Весной 1622 г. на Дон прибыл отряд запорожцев с атаманом Шило. Вместе с донцами они двинулись на стругах вниз по Дону. В устье реки казаки атаковали турецкий караван и захватили три судна. Затем казаки пограбили татар в районе Балыклеи (Балаклавы), погуляли у Трапезунда и, не дойдя 40 километров до Стамбула, повернули назад. На обратном пути их перехватила турецкая эскадра из 16 галер. В бою погибло 400 казаков, а остальные благополучно вернулись на Дон.

В июле того же 1622 г. сто запорожских чаек прорвались мимо Очакова в Черное море. В это время у Кафы стояла турецкая эскадра с капудан-пашой во главе. Эскадра должна была поспособствовать смене власти в Бахчисарае — турки вместо Мухаммеда Гирея II хотели сделать ханом Джанибека Гирея. Появление казацкой флотилии у стен Кафы склонило чашу весов на сторону Мухаммеда Гирея.

От Кафы казаки отправились к Босфору. Весь день 21 июля чайки простояли в виду османской столицы, наводя страх на ее жителей, а потом повернули обратно. Однако через несколько дней казаки возвратились и на этот раз сожгли босфорский маяк, разорили несколько прибрежных селений и снова отошли в открытое море.

Но казаки на этом не успокоились, и 7 октября их чайки опять появились в виду Константинополя. Они ворвались в Босфор, разгромили на его берегу селение Еникой и благополучно возвратились домой.

В июле 1622 г. французский посол сообщал в Париж, что казаки на 30 чайках разорили анатолийское побережье и нагнали страху на жителей Стамбула, вызвав у них настоящую панику. По этому поводу посол писал: «Слухи о четырех чайках в Черном море пугают турок больше, чем чума в Морее или Берберии — так напуганы они с этой стороны».

В июне 1624 г. около 150 чаек опять прорвались в Черное море. Через три недели чайки вошли в Босфор и двинулись к Константинополю. Турки срочно отремонтировали большую железную цепь, сделанную еще византийцами, и заперли ею залив Золотой Рог. Казаки сожгли Буюк-Дере, Зенике и Сдегну, а затем уплыли обратно.

В следующем, 1625 году 15 тысяч донских и запорожских казаков на 300 чайках из Азовского моря вышли в Черное море и двинулись к Синопу Каждая чайка несла по 3–4 фальконета. На западном берегу моря при Карагмане с ними в сражение вступили 43 турецкие галеры под командованием Редшида-паши. Вначале казаки брали верх, но затем ветер подул в лицо казакам. В результате они потерпели неудачу. Было потоплено 270 чаек, а 780 казаков попало в плен. Часть из них была казнена, а часть отправлена навечно на галеры.

Монах-доминиканец Э. д’Асколи, побывавший в Крыму в 1634 г., писал, что казаки в 20-30-х гг. XVII в. неоднократно штурмовали турецкую крепость в Керчи, но взять ее не смогли. Зато Судакская долина стала необитаемой от казачьих набегов. Д’Асколи посетил город Инкерман (район нынешнего Севастополя), до основания разрушенный казаками.

Походы казаков происходили почти каждый год, и обо всех просто нет возможности упомянуть.

В 1628 г. донские казаки захватили Балаклаву, затем поднялись в горы и напали на город Карасубазар. Не имея возможности унять донцов, крымский хан написал кляузу в Москву: «Казаки их крымские улусы повоевали и деревни пожгли и лутчей город Карасов [Карасубазар. — *А. Ш.*] выжгли, и ныне, де казаки стоят в крымских улусах и шкоды людям их чинят».

В 1631 г. полторы тысячи донцов и запорожцев высадились в Крыму в Ахтиарской бухте, то есть будущем Севастополе, и двинулись вглубь полуострова. 8 августа казаки взяли «большой город» в Козлове, а татары отсиделись в «малом городе». Затем казаки ушли в море и высадились в Сары-Кермене, то есть в давно заброшенном и разрушенном Херсонесе. Здесь они устроили свою базу, из которой опустошали окрестности.

16 августа у Мангупа казаки встретились с войском хана Джанибек Гирея. Татары были разбиты, казаки захватили две пушки. Хан бежал из Бахчисарая. Но казаки по неясным причинам ушли назад, разграбив на прощание Инкерман.

Глава 2
Кровавые будни Малороссии

После заключения мира с турками в 1621 г. польские магнаты потребовали урезать численность реестрового войска до 3 тыс. человек и заставить казаков строго выполнять условия договора, то есть не нападать ни на турок, ни на татар. Продолжались и гонения на православную церковь. Так, вожди киевских униатов войт Федор Ходька и мещанин Сазон сделали попытку насильственно опечатать православные церкви в Киеве.

Митрополит Борецкий немедленно отправил жалобу в Сечь гетману Коленику Андрееву. Тот прислал отряд запорожцев во главе с полковниками Якимом Чисринцким и Антоном Лазаренко. По дороге к ним присоединились многие казаки крестьяне. В начале января (после крещения) полковники заявились в Киев и распечатали церкви. Войт Ходька и несколько десятков униатов были схвачены и заключены в темницу.

Иов Борецкий прекрасно понимал, что расправившиеся с униатами запорожцы не смогут защитить его и паству от коронного войска, и обратился за помощью к царю. «В феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: „Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепленья об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в вере будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви божии и вас всех от еретиков в изьбавленьи видеть“.

Исакий отвечал: „У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государской милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя

деться негде“»[125].

Как видим, московское правительство теоретически было не прочь принять в подданство Малороссию, но при этом не желало затевать большую войну с Речью Посполитой.

Любопытно, что одновременно с демаршем Борецкова принять казаков в подданство царя Михаила попросил… шведский король Густав Адольф, воевавший с Сигизмундом III. В Москву прибыло шведское посольство с грамотой, где говорилось, «чтоб царское величество послал к запорожским козакам свое повеление и отвел бы их от польской короны». На это в Москве ответили, что «этого сделать никак нельзя, потому что запорожские козаки люди польского короля, а не московского государя, а между королем и государем заключено перемирие». Но Густав Адольф на этом не остановился и в 1626 г. прислал в Москву новых послов с просьбой пропустить их в Белоруссию и Запорожье. Король вел войну против Польши и хотел вовлечь в это дело и Москву, а главным образом — запорожских козаков. Но в Москве снова дали отрицательный ответ все на том же основании, что «в перемирные лета сделать этого (пропустить послов и встать против Польши) нельзя, потому что это будет крестному целованию преступление и на душу грех»[126].

А между тем в конце сентября 1625 г. в Малороссию вторглось 30-тысячное коронное войско во главе с гетманом Станиславом Конецпольским. Помимо шляхтичей в войске состояло свыше 3 тысяч немецких наемников. Момент нападения был выбран ляхами удачно. В среде запорожцев не было единства. Казаки попеременно выбирали в гетманы то Михайла Дорошенко, то Марка Жмайло.

С приближением коронного войска к Поднепровью казаки-повстанцы из Канева, Черкасс и других мест двинулись на юг, к Запорожью, и в устье реки Цыбульник — правого притока Днепра — в селе Таборище встретились с запорожцами, шедшими на соединение с ними под предводительством Жмайла. Тут, около Таборища, в миле от местечка Крылов, объединенные отряды повстанцев стали лагерем. Всего их насчитывалось около 20 тыс. человек.

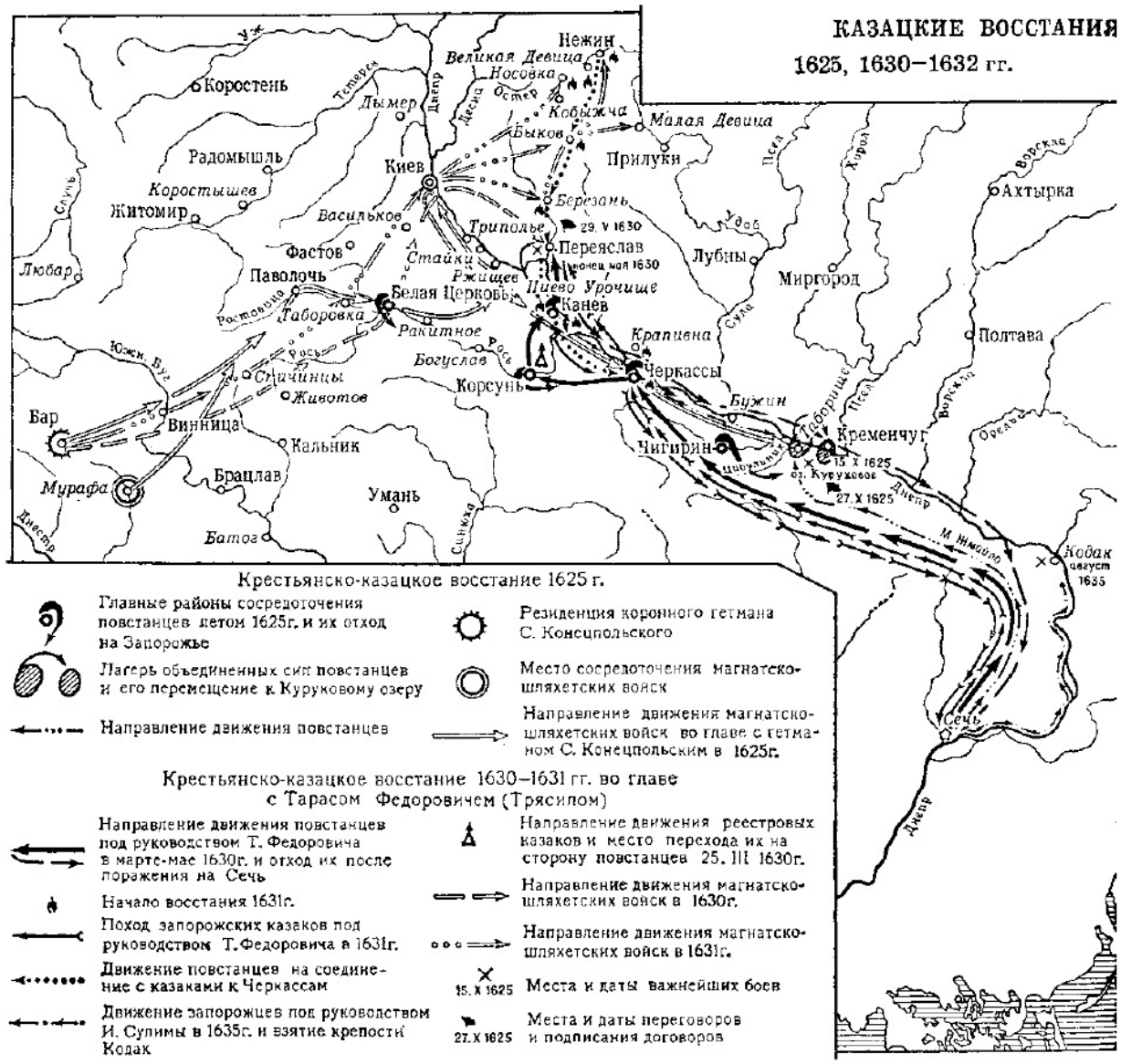
14 октября 1625 г. коронное войско подошло к Крылову. Конецпольский сразу же отправил к казакам комиссаров с требованием признать постановление сейма 1623 г. о сокращении реестра до 5 тысяч человек и возвращении остальных под власть прежних панов. Вечером к нему прибыли казацкие посланцы с ответом, что казаки не желают выполнять ни одного пункта из предъявленных условий. «Вы вскоре

испытаете силу наших сабель на своих головах за вашу непокорность и своеволие», — заявил коронный гетман казацким посланцам.

На следующее утро все коронное войско двинулось на штурм казацкого лагеря, а польская артиллерия открыла сильный огонь. Однако повстанцы не только устояли, но и ответили ударом на удар. Казацкая конница, укрытая в балке, неожиданно атаковала правый фланг поляков, нанеся им большой урон. Все многочисленные попытки Конецпольского прорваться в повстанческий лагерь закончились неудачей. Бой закончился только поздним вечером. Конецпольский отвел свое войско на прежние позиции и стал готовиться к новому штурму.

Однако повстанцы той же ночью оставили лагерь и отошли на восток, к озеру Россоховатое. Переправившись через него, они остановились у озера Курукового, но не успели там укрепиться. Конецпольский перевел вброд через озеро Россоховатое свое войско и сразу бросился в атаку. Под самым повстанческим лагерем поляки попали в трясину и под сильным огнем казаков с большими потерями с трудом выбрались из болота. Бискуп Пясецкий писал: «От казацких самопалов легло немало конницы и особенно иностранной пехоты».

А тем временем наступили холода, выпал первый снег. Конецпольский не имел никакого желания застрять в Поднепровье на всю зиму и был вынужден пойти на переговоры. У казаков тоже были проблемы с боеприпасами и продовольствием. И с 5 по 26 ноября в казацком лагере прошли переговоры. У Жмайла была отобрана булава (дальнейшая судьба его неизвестна) и опять передана Дорошенко. На следующий день новый гетман со всей старшиной прибыл к Конецпольскому и принял условия польской стороны.



Казацкие восстания 1625, 1630–1632 годов

Городовые (малороссийские) казаки признавали себя подданными польского короля, король же увеличивал число реестровых казаков до 6 тысяч, а остальных велено было вывести за реестр и лишить всех казацкого звания. Такие люди были названы выписчиками и составляли огромное большинство против реестровых. Из шести тысяч реестровых казаков одна тысяча должна была по очереди находиться за Днепровскими порогами, не пускать неприятеля к переправам через Днепр и не допускать вторжения его в королевские земли. Всем казакам запрещалось выходить в море, предпринимать сухопутные набеги на земли мусульман и приказывалось сжечь морские лодки в присутствии польских комиссаров.

Из реестровых казаков было составлено шесть полков-округов: Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсунский, Каневский и Черкасский. Центром полка являлся город (по нему и дано было название), где находилась полковая старшина. Полки делились на сотни. Артиллерия реестра и войсковая «музыка» (трубачи, барабанщики и др.) размещались в Каневе. Над всеми полками стояла войсковая старшина во главе с гетманом.

Сразу оговорюсь: соглашение касалось только городовых казаков, запорожцев же статьи соглашения не касались[127].

Но уже через несколько месяцев после Куруковского договора семьдесят запорожских чаек вышли в Черное море. В 1628 г. в Крыму был лишен престола хан Мухаммед Гирей II, а его место занял Джанибек Гирей. Свергнутый хан обратился за помощью к гетману Михаилу Дорошенко, и тот, разумеется, без санкции короля повел казаков (реестровых, нереестровых малороссийских и запорожцев) в Крым. Однако в сражении с татарами в степном Крыму Дорошенко был убит, а его голову воткнули на кол на стене Кафы.

После смерти Михаила Дорошенко в Малороссии оказалось сразу два гетмана — Григорий Черный и Тарас Трясило, из которых первый был сторонником поляков, а второй — сторонником русских. Спасаясь от Черного, Трясило бежал в Сечь к запорожцам. Просидев там около полугода, Тарас вышел оттуда с войском в Малороссию. Шедшие с ним казаки распускали слухи, будто бы идут к Черному с покорностью. Черный поверил молве, но был схвачен запорожцами, доставлен к Трясило и изрублен на куски. После этого Тарас объявил себя гетманом и предъявил свои требования полякам: вывести из Малороссии жолнеров, уничтожить Куруковскую комиссию, ограничившую численность казацкого сословия, и выдать приверженцев Григория Черного.

Генеральное сражение поляков с казаками произошло в конце мая 1630 г. у города Переяслава. (С 1943 г. Переяслав-Хмельницкий.) Историк запорожского казачества Д. И. Яворницкий назвал эту битву «загадочной по своим последствиям». Судя по всему, обе стороны понесли большие потери, и, в конце концов, 29 мая был подписан мирный договор.

Основным источником русских (Соловьев и др.) и украинских историков (Яворницкий, Субтельный и др.) служат показания русского лазутчика Григория Гладкого, родом из Путивля, которые он дал в августе 1631 г. в Посольском приказе в Москве. По словам Гладкого: «Гетман Конецпольский осадил казаков в Переяславе. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков

побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе выбили, перевозы по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города, и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им на них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000».

Полякам действительно пришлось пойти на уступки. Так, число реестровых казаков было увеличено до восьми тысяч. Судьба же Трясилы (в русских документах он именуется Тарас Федорович) точно неизвестна. Соловьев и Яворницкий считали, что его казнили в Варшаве, а более поздние историки (Субтельный, авторский коллектив «Истории Украинской ССР») отрицают это. Мало того, последние утверждают, что перед подписанием соглашения Тарас Федорович ушел с десятью тысячами казаков в Сечь, где был выбран гетманом[128].

В 1632 г. в Польше умер король Сигизмунд III, и собравшийся по этому поводу сейм приступил к избранию нового короля. В это время на вальный (избирательный) сейм явились депутаты от нереестровых казаков. Ссылаясь на то, что казаки составляют часть польского государства, депутаты потребовали от имени войска обеспечения православной веры и права голоса на выборах короля. На это требование сенат Речи Посполитой ответил казаком, что хотя они действительно составляют часть польского государства, но такую, «как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают и с казаками: когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размножатся, то становятся вредными для Польши». Относительно обеспечения православной веры казацким депутатам сказали, что этот вопрос рассмотрит будущий король Польши, а относительно участия в избрании короля ответили, что на избрание короля имеет право сенат и земское собрание.

Таким образом, казаки и жители Малороссии были признаны неполноценными гражданами, а Малороссия — колонией Польши.

В 1634 г. польский сейм постановил построить на Днепре мощную крепость с польским гарнизоном, чтобы отрезать Запорожскую Сечь от Малороссии. На эту затею сейм выделил из казны сто тысяч злотых. Место для крепости выбрали на высоком правом берегу Днепра чуть ниже

впадения речки Самары. (Сейчас это окраина города Днепропетровска.) Крепость получила название Кодак, поскольку находилась рядом с первым Кодачкиным порогом Днепра.

Строительство крепости шло в присутствии коронного гетмана Конецпольского и под его руководством. В июле 1635 г. строительство крепости завершилось. Забегая вперед, скажу, что сия фортеция неоднократно разрушалась, а затем восстанавливалась. Окончательно она была срыта в 1711 г. по Прутскому договору.

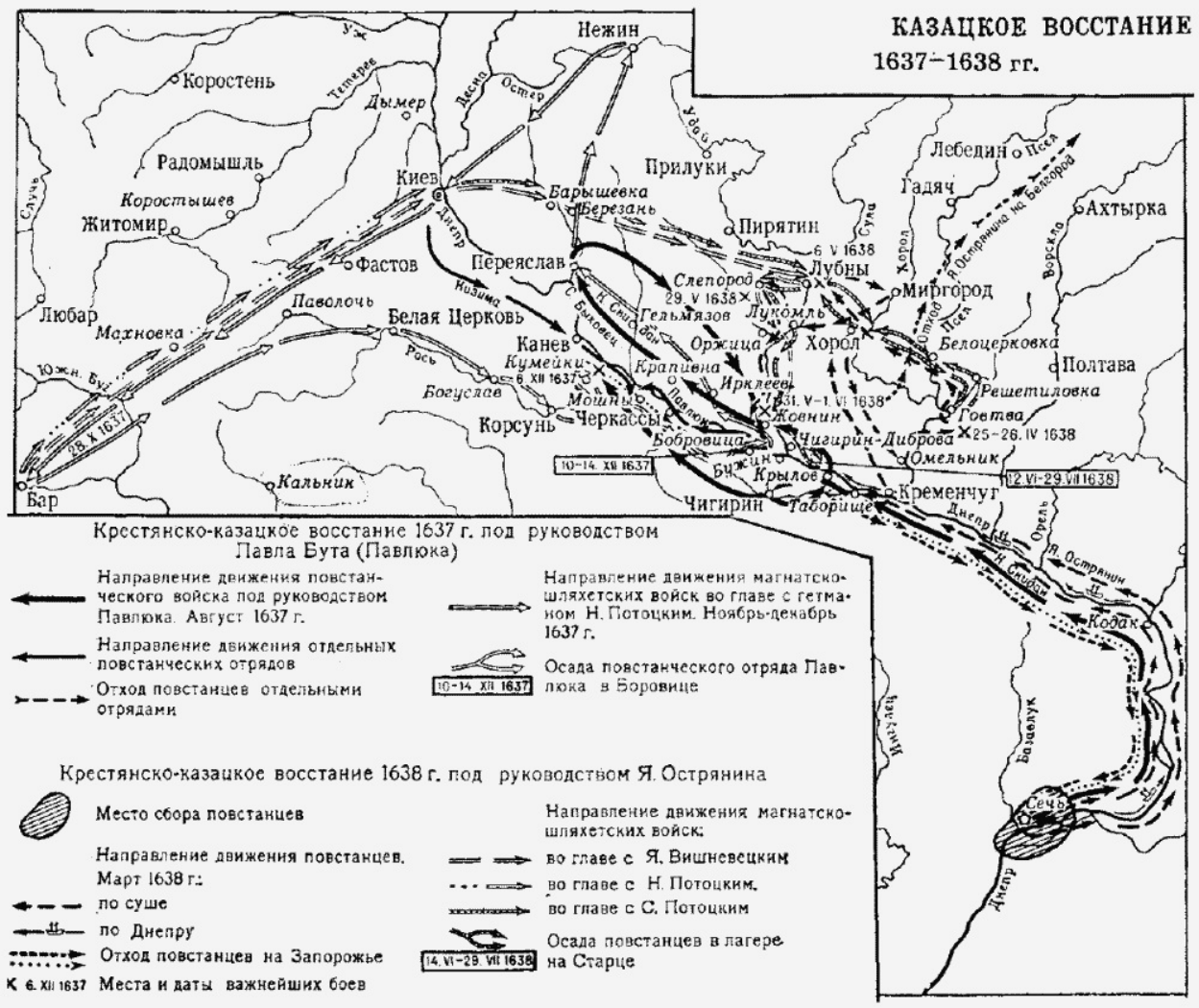
Комендантом крепости Кодак назначили французского полковника Мориона. Он не только не пропускал вверх или вниз по Днепру вооруженных казаков, но даже запрещал ловить рыбу вблизи крепости. Двадцать казаков-нарушителей оказались в подвалах крепости.

Бравый француз арестовал бы и больше казаков, но тут на его беду в начале августа 1635 г. показались чайки запорожского гетмана Сулимы, который возвращался с богатой добычей из дальнего похода по Черному и Азовскому морям. Подивились казаки на знатную фортецию, неведомо как выросшую у Кодачкина порога, ведь в поход они ушли два года назад и видели тогда лишь пустынные берега. Что говорили казаки, увидев крепость, неизвестно, да если бы и известно было, напечатать это все равно бы не дали. Доподлинно же известно, что Кодак был взят штурмом, польский гарнизон перебит, бравого француза лично «зарезал» Сулима. После чего гетман велел казакам «раскопать» крепость.

Далее Сулима с казаками пошел вверх по Днепру. Однако полякам удалось добиться раскола в казачьем стане. Сулима с пятью приближенными казаками был обманом захвачен поляками. Его отправили в Варшаву и там четвертовали. В конце 1635 г. Кодак вновь был занят поляками, которые немедленно приступили к восстановлению крепости.

В 1637 г. комиссар польского правительства Адам Кисель и польный гетман Николай Потоцкий произвели чистку реестра. В нем остались лишь те, за кого поручились старосты и подстаросты. Под давлением поляков реестровые казаки выбрали гетмана Василия Томиленко. Между тем в Крым двинулось войско запорожских и нереестровых малороссийских казаков во главе с Карпо Павлюком, по происхождению турком.

По возвращении в Малороссию Павлюк узнал о притеснениях казаков поляками и со своим отрядом овладел Черкасском, где хранилась артиллерия реестровых казаков. По приказу Павлюка пушки были вывезены в Сечь, туда же стали собираться все недовольные панами и их приспешником Томиленко.



Казацкое восстание 1637–1638 годов

Реестровые казаки тоже были недовольны Томиленко и в результате созвали Раду, где новым гетманом избрали Савву Кононовича, выходца из Московии. Но Савва попытался угодить «и нашим, и вашим». В результате его схватили казаки Павлюка и привезли в городок Крылов. Там Савва Кононович и несколько старшин были публично расстреляны.

Теперь и реестровые казаки выбрали атаманом Карпо Павлюка. Он 11 октября 1637 г. написал универсал всему казачеству, мещанству и поспольству, призывая всех против «неприятелей народа русского христианского и древней греческой веры», то есть против поляков.

28 октября 1637 г. из польского города Бара против казаков двинулось 15-тысячное королевское войско под началом Николая Потоцкого. 6 декабря в бою под Кумейками казаки потерпели поражение, Павлюк с остатками войска отступил к Черкассам, но 10 декабря был окружен

поляками в местечке Бородице. Полякам удалось поджечь деревянные постройки, но казаки защищались с такой отвагой, что польский гетман был вынужден вступить в переговоры. В польский лагерь прибыли Павлюк, Томиленко и еще несколько старшин. Николай Потоцкий и Адам Кисель пообещали всем осажденным свободу, если они прекратят сопротивление. Старшина согласилась на капитуляцию, но едва казаки вышли из местечка, как их окружило коронное войско. Павлюк и несколько старшин были схвачены и в оковах отправлены в Варшаву, где их казнили в торжественной обстановке.

14 декабря 1637 г. казакам объявили условия Потоцкого: отныне реестр сокращался до шести тысяч человек, выборы командного состава отменялись, и командовать войском теперь будут только назначенные королем офицеры.

В 1638 г. поляки, наконец, восстановили Кодакскую крепость. Руководил работами французский инженер Боплан. На сей раз крепость стала намного сильнее. Восстановленный Кодак решил осмотреть сам коронный гетман Конецпольский. «Каков вам кажется Кодак?» — хвастливо спросил гетман у присутствовавших малороссийских старшин. «Manu facta manu distruo»[129], — ответил гетману чигиринский сотник. Звали этого сотника Богданом, а прозвище было Хмельницкий.

Между тем повстанческое движение в Малороссии не утихало ни на один день. Крестьяне и мещане продолжали бежать в Запорожье. Туда же отступали разбитые повстанческие отряды. В Запорожской Сечи собирались силы для новых выступлений. Уже в феврале 1638 г. там под началом атамана Скидана скопилось пять-шесть тысяч человек.

Конецпольский, надеясь подавить восстание в самом начале, направил за пороги реестровое войско, а чтобы оно снова не перешло на сторону повстанцев, провел еще одну «чистку». Ранней весной 1638 г. за пороги был послан отряд жолнеров численностью 500 человек во главе с ротмистром Мелецким. Жолнеры должны были обманом выманить запорожцев из Сечи, пообещав им вписать всех без исключения в реестр. Для этого Мелецкий должен был составить фиктивный реестр, а если казаки не поверят ему, то разгромить Сечь с помощью реестрового отряда.

Мелецкий прибыл в Запорожье, но казаки отвергли все его предложения, а попытки взять Сечь силой закончились полным разгромом жолнеров и реестровых казаков. Самому ротмистру едва удалось спастись.

В начале 1638 г. запорожцы в Сечи избрали нового гетмана. Им стал Яцко Острянин — предводитель восстания на Левобережье в 1637 г. Одновременно на Дон отправились посланцы с просьбой о помощи. В

марте, накануне похода, Острянин обратился к малороссийскому народу с универсалом, где говорилось, что идет он «з войском на Украину для выдвигненья [освобождения. — *А. Ш.*] вас, народа нашего православного, от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств… всему поспольству рода Русского и Малой России, по обоим сторонам Днепра мешкаючого».

Ранней весной 1638 г. повстанцы начали боевые действия. Они разделились на три отряда. Первый, во главе с Остряниным, двигаясь левым берегом Днепра, занял Кременчуг и повернул на Хорол и Омельник. Запорожские чайки под началом Дмитро Гуни поднялись по Днепру и заняли переправы в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигирин-Дубраве. Третий отряд под началом атамана Скидана, шедший правым берегом Днепра, занял Чигирин.

Навстречу отряду Острянина двинулся Станислав Потоцкий с королевским войском. Острянин занял оборону в городке Голтва, на левом берегу одноименной речки, впадающей в Псёл, в полукружье, образованном этими двумя реками. Городок, обнесенный частоколом, имел замок, от которого до правого берега, болотистого и лесистого, тянулся длинный узкий мост. Казаки укрепили Голтву, насыпали вал, перегородив таким образом открытую сторону полукружья, а находившийся перед валом курган превратили в редут, где поставили пушки.

В конце апреля войско Потоцкого подошло к Голтве и заняло позиции. Свой лагерь осаждавшие от одной реки до другой обнесли валом. 25 апреля Потоцкий отправил на правый берег реки Псёл два полка иностранной пехоты и несколько тысяч реестровых казаков под началом Караимовича с заданием овладеть замком с противоположной стороны — от моста. Острянин разгадал этот план и послал в тыл Караимовичу отряд казаков. Караимович, перейдя реку, попытался по мосту подступить к замку, но был встречен сильным огнем. Потеряв многих убитыми и ранеными (сам Караимович тоже был ранен), он хотел вернуться к переправе, чтобы перейти на левый берег, но повстанцы преградили ему путь, сделав завалы из деревьев, и открыли оттуда уничтожающий огонь. Отряду Караимовича оставалось только бежать в болото, где он и был полностью истреблен казаками.

Потерпев поражение, Станислав Потоцкий 1 мая отвел свое войско к Лубнам — удобному для обороны месту, а оттуда послал к коронному гетману послов с просьбой о помощи. Станислав ожидал также подхода своего брата Николая Потоцкого и Иеремии Вишневецкого. А тем

временем казаки Острянина шли следом за Потоцким, торопясь разбить противника до подхода к нему подкреплений.

Повстанцы тоже ждали подхода к ним новых сил, и действительно, их войско вскоре увеличилось до 12 тысяч человек. 6 мая 1638 г. между повстанцами и польским шеститысячным войском Станислава Потоцкого началось сражение. Результат битвы был ничейным, причем обе стороны понесли большие потери. Однако ночью отряды Острянина стали отходить на северо-восток, а потом повернули к Миргороду.

Поляки настигли войско Острянина 31 мая под Жовниным близ впадения реки Сулы в Днепр. Казаки были разбиты, а Острянин с частью своего войска перешел русскую границу. Всего в Белгород с ним прибыло немного более тысячи казаков.

Другая часть повстанцев во главе с Дмитро Гуней засела в Жовнине и продолжала сопротивление. 29 июля 1638 г. Николай Потоцкий заключил соглашение с повстанцами, часть казаков, несогласных с соглашением, бежала с Гуней в Сечь.

Поражение восстания привело к резкому усилению гнета польских феодалов. Как доносил в Москву белгородский воевода: «Их [казаков. — *А. Ш.*] крестьянскую веру нарушают и церкви божие разрушаются, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили»[130].

После кровавого усмирения Конецпольским Украины-Руси (в 1638 г.) и введения «Ординации» для казаков, в Речи Посполитой началась «золотая лихорадка» — стремление поскорее и побольше захватить земель в этой «умиротворенной» и уже значительно заселенной части королевства, которую сами поляки называли «золотым дном» благодаря ее природным богатствам.

Кроме магнатов, землями (с живущими на них) владели многочисленные средние и мелкие шляхтичи, а также и монастыри и часть более зажиточного реестрового казачества.

При пожаловании (закреплении владения) королем жаловалась не только земля, но и все с владением этой земли связанное. Насколько далеко распространились права владельца — видно из сохранившейся жалованной грамоты короля Владислава магнату Потоцкому. Этой грамотой во владение Потоцкого отдавались «слободы Бутин и Вороновка со всеми другими слободами, островами, уходами, теперь существующими, или теми, которые будут создаваться…»

Положение еще ухудшалось наличием целой армии посредников

между владельцами и его «подданными». Обычно это были евреи, которые брали от владельца на откуп разные статьи его доходов: шинки, пошлины в городах при внутренней торговле («мито»), мельницы, право рыбной ловли, право пользования мостами через реки, плотинами (созданными трудом тех же крепостных), даже православными церквями, расположенными в границах пожалованных земель.

А нередко владельцы сдавали в аренду и целиком все поместье со всеми «доходными статьями».

Посредники, желая выколотить побольше из всех «доходных статей», изощрялись в их взыскании, учитывая, конечно, по своему усмотрению и свой посреднический «заработок». В случае же малейшего неповиновения к их услугам стоял весь полицейско-административный аппарат королевства.

Не имея непосредственного сношения со своими «панами», «посполитые» имели дело обычно с посредниками-евреями, а потому их гнев, возмущение и негодование против всяких невыносимо тяжелых поборов обрушивался на евреев и вызывал резкие антиеврейские настроения…

В главе «Антисемитськи мотивы в объяснениях Хмельниччины» («Початки Хмельниччины?» стр. 123) Грушевский пишет:

«Евреи арендаторы заарендовали все шляхи казацкие и заставили их своими шинками — на одной миле по три шинка ставили, вынуждая казаков к покупке у них водки и меда, и не дозволяя им самим изготовление этих напитков для собственного потребления. Об этом „дума“ говорит: „Як иде украинський козак тай корчму минае, А жид выбигае, та украинського козака за чуб хватае, Та ще його двома кулакамы по потылыци затыняе: „Козаче-левенче, за що я буду рату платити, Що ти мымо корчмы йдеш тай корчму мииаеш“…

Заарендовали евреи все казацкие торги и брали „мыто-перемыто“ от пешего и конного проезжего, от всякой клади, даже от выпрошенной нищими их милостыни. Ото всех забирали, что лучшее, а кроме того, говорит „дума“:

„И ще ж то жыды-рандари у тому не пересталы — На славний Украини вси козацьки церквы заарендувалы: Котрому б то козаку альбо мужыку дав Бог дытыну появыты. То не йды до попа благословытыся; — да пиды, до жыда рендаря, То положы бытый талер щобы жыд дозволив Церкву одчыныты, тую дытыну охрестыты“.

О поборах с разных промыслов известная „дума про поневолення козаччыиы жыдами“ говорит:

„Котрый бы то козак альбо мужьж схотив рыбы наловыты, Жинку свою з дитьмы покормыты, То не йде до попа благословытыся, Да пиде до жыда-рендаря, да поступы йому часть оддать Щоб позволыв на ричци рыбы наловыты Жинку з дитьмы покормымы“[131]».

Глава 3
Сабля Богдана

К середине XVIII в. бесчинства польских магнатов не только не прекращаются, но и принимают все больший размах. Вот, к примеру, крупный магнат Иеремия Вишневецкий в 1643 г. захватил у городельского старосты А. Харлезского городище Гайворон с окрестными селами, присоединив их к своим огромным заднепровским владениям. В следующем году он отобрал у надворного маршала А. Казановского город Ромны «с волостью», кроме того, в разное время занял над реками Оржицей и Хоролом «наймней 36 миль».

Польский шляхтич чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский в 1645 г. напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось четыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника. Богдан недавно овдовел и вроде не прочь был жениться еще раз. Скорей всего, причиной налета и был спор из-за бабы, а не из-за копен хлеба. К тому же Чаплинский велел высечь плетьми десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер. Самого Богдана Чаплинский четыре дня держал в цепях, но потом отпустил.

Богдан Хмельницкий с десятью казаками в январе 1646 г. прибыл в Варшаву и лично бил челом королю Владиславу на обидчиков своих.

По сведениям московского лазутчика Кунакова, бывшего в то время в Варшаве, старик Владислав посетовал Хмельницкому на свое бессилие перед беспределом панов. Король одарил казаков сукнами, а Хмельницкому, кроме того, подарил саблю со словами: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле».

Задам риторический вопрос — могло ли быть такое в России, что при Алексее Михайловиче, что при Петре I или Екатерине II? Да физически быть не могло! И не только в России, но и в любом сильном централизованном европейском государстве. Беспредел магнатов — это свидетельство слабости государства и предвестник его гибели.

Но вернемся к судьбе чигириснкого сотника. По возвращении в Субботово Хмельницкий получил от гетмана Конецпольского приглашение

на банкет. Но хитрый Богдан быстро смекнул, чем для него кончится сей банкет, и не поехал. Тогда Конецпольский послал двадцать всадников взять Богдана силой. Хмельницкий с четырьмя казаками отразил нападение на хутор: пять человек было убито на месте, а остальные бежали. Недолго думая, сотник с сыном Тимофеем и верные ему казаки оседлали коней и поскакали в традиционное убежище казаков — в Сечь.

Польский отряд из 300 поляков и 500 реестровых казаков отправился (видимо, из Кодака) в Сечь ловить Хмельницкого. Согласно казачьему преданию, Богдан отправил двух своих товарищей к реестровым казакам, которые объяснили им, что Хмельницкий — жертва поляков и т. п. Дело кончилось бунтом, реестровые казаки перебили ляхов, а сами подались к запорожцам.

Прибыв в Сечь, Хмельницкий обратился к запорожцам в присутствии кошевого атамана. Он красноречиво описал поругание иезуитов над православной верой и служителями святого алтаря, глумление сейма над казацкими правами, насилие со стороны польских войск над населением малороссийских местечек и городков, вымогательства и мучительства со стороны «проклятого жидовского» рода: «К вам уношу душу и тело, — укоряйте меня, старого товарища, защищайте самих себя, и вам тоже угрожает!» Тронутые этой речью, казаки ответили Хмельницкому: «Приймаемо тебя, пане Хмельницкий, хлибом-силью и щирным сердцем!»

В Сечи вокруг Богдана стали собираться казаки, мечтавшие поквитаться с ляхами. В первых числах марта 1648 г. Богдан с Тимофеем и несколькими товарищами выехали из Сечи на остров Токмаковский, чтобы подкормить лошадей. Так поступали многие казаки, и польские лазутчики в Сечи ничего не заподозрили. А Богдан тем временем скакал в Крым.

Хан Ислам Гирей II долго колебался, давать ли своих воинов в помощь Хмельницкому. Наконец, хан решился, но заставил Богдана присягнуть на своей сабле и оставить сына Тимофея в заложниках. Тем не менее Ислам Гирей сам не пошел в Малороссию, а отправил с Хмельницким мурзу Тугай-бея с четырьмя тысячами конных татар.

18 апреля в Сечи внезапно объявился Хмельницкий. К тому времени кошевой атаман собрал в Сечи всех сечевых и зимовых казаков. На рассвете следующего дня в Сечи раздались три пушечных выстрела. Отовсюду толпы казаков собрались на раду На сей раз народу было так много, что все не уместились, как обычно на раде, на сечевом майдане (главной площади). Тогда сечевой атаман предложил выйти в чистое поле за «сечевую фортецию». Там, по словам очевидца, оказалось тридцать тысяч казаков.

В середину круга вышел Богдан в сопровождении четырех знатных татар и объявил, что начинает войну с поляками вместе с крымским ханом. «Услыхав эти слова, войско отвечало: „Слава и честь Хмельницкому! Мы, как стадо без пастуха. Пусть Хмельницкий будет нашим головою, а мы все, сколько нас тут есть, все готовы идти против панов и помогать Хмельницкому до последней утраты живота нашего!“ Эти слова сказаны были „едиными устами и единым сердцем“ всего собравшегося на площади запорожского низового войска. После этой речи тот же час кошевой атаман послал в войсковую скарбницу сечевого писаря с несколькими куренными атаманами и значными товарищами и велел посланным вынести оттуда войсковые клейноты, чтобы вручить их на площади Хмельницкому. Посланные вынесли из скарбницы ярко-красную, писанную золотом, королевскую хоругвь, дарованную запорожцам Владиславом IV, бунчук с позолоченной на высоком древке галкой…

Вручив и поставив перед Хмельницким все войсковые клейноты, низовые козаки объявили его гетманом, поздравляли в новом звании и выразили ему полную готовность… идти с ним на войну»[132].

Лазутчики немедленно донесли полякам о событиях в Запорожье. Но еще раньше коронный гетман Николай Потоцкий двинулся с войском на Украину и 18 февраля 1648 г. вошел в Черкассы, а польный гетман Мартын Калиновский — в Корсунь. Замечу, что все эти передвижения и приготовления к войне происходили без ведома центральных властей. Уже задним числом Потоцкий отписал Владиславу IV: «Не без важных причин, не необдуманно двинулся я в Украйну с войском вашей королевской милости… Казалось бы, что значит 500 человек бунтовщиков. Но если рассудить, с какою смелостью и в какой надежде поднять бунт, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против 500 человек, ибо эти 500 человек возмутились в заговоре со всеми казацкими полками, со всею Украйною. Если б я этому движению не противопоставил своей скорости, то в Украйне поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усилиями, или долгое время».

Театр войн Богдана Хмельницкого

Польша — не такая уж большая страна, и гонец за день-два мог доскакать до Варшавы и дня через четыре вернуться с приказом короля. Эти четыре дня для Потоцкого не играли никакой роли, за это время и войско-то толком к походу не подготовить. Но, как видим, коронный гетман проигнорировал короля и сообщил ему о своем походе тогда, когда изменить ничего уже было нельзя. Эпизод этот, во-первых, хорошо показывает нравы польских магнатов и слабость королевской власти, а во-вторых, ставит точки над «і»: Богдан шел воевать не с польским народом и даже не с королем, а с шайкой жадных магнатов и арендаторов.

22 апреля 1648 г. Богдан Хмельницкий с войском покинул Сечь и двинулся навстречу ляхам. Без особых проблем казаки захватили крепость Кодак и двинулись к протоке Желтые Воды.

Коронный гетман Николай Потоцкий разделил свое войско. Одна его часть, насчитывавшая от 4000 до 5000 человек, состояла из реестровых казаков и так называемой немецкой пехоты[133]. Командовал ими Барабаш. Эта часть войска должна была двигаться водным путем до Кодака, где находился польский гарнизон. Другая часть войска, насчитывавшая по различным данным от 12 до 20 тысяч человек, состояла из жолнеров и драгун, которыми командовали 26-летний сын коронного гетмана нежинский староста Стефан Потоцкий и казацкий комиссар Шемберг. Эта часть войска должна была двигаться от Черкасс сухим путем, также дойти до Кодака и там соединиться с реестровыми казаками первого отряда.

Стефану Потоцкому было приказано «пройти степи и леса, разорить и уничтожить дотла презренное скопище казаков и привести зачинщиков на праведную казнь». «Иди, — сказал старый Потоцкий своему сыну Стефану, — и пусть история напишет тебе славу». Сам гетман с коронным войском обещал идти за Стефаном Потоцким.

3 мая реестровые казаки и «немецкая пехота» причалили к правому берегу Днепра у Каменного затона. Тут сечевые казаки встретились с реестровыми и популярно объяснили им ситуацию. Через несколько часов реестровые и «немцы» подняли мятеж и перебили своих начальников Барабаша, Вадовского, Ильяша и других, а трупы их побросали в Днепр.

4 мая реестровые казаки соединились с войском Богдана: они были доставлены к Желтым Водам по просьбе Хмельницкого на конях Тугай-бея и в тот же день вошли в казацкий лагерь на левом берегу Желтых Вод.

Речка Желтые Воды — приток речки Ингульца или Малого Ингула, она образует в своем верховье две ветки: западную, большую, называемую собственно Желтой, и восточную, меньшую, называемую Очеретнею балкой. Между этими двумя ветками образуется полуостров, который в XVII в. был покрыт лесом. Полуостров этот был доступен только с одной, северной, стороны, а с остальных сторон был совершенно недоступен.

В этой-то трущобе, у левого берега речки Желтые Воды и засели казаки Хмельницкого, окопавшись земляным валом и укрепившись табором. Хмельницкий хорошо знал, что Стефану Потоцкому не миновать Желтых Вод. Здесь было очень удобное для отдыха место: можно было найти среди сухой степи и воду, и лес, и корм для лошадей, и прохладу. К тому же место это лежало на прямом тракте от западной окраины запорожских вольностей в Сечь и представляло собой возвышенность, господствующую над всей окружающей местностью.

И Хмельницкий не ошибся — Потоцкий, не подозревая засады, пришел прямо к правому берегу Желтых Вод и уже переправился было с правого берега на левый, но тут узнал о засаде казаков и поспешил переправиться обратно на правый берег. На правом берегу поляки построили укрепление, сбили возы в четырехугольник, вывели вперед себя на версту кругом вал и поставили пушки.

5 мая 1648 г. началось знаменитое сражение у Желтых Вод. Битва длилась три дня. Поляки храбро отбивались, но в конце концов были вынуждены сдаться. В плен попали Стефан Потоцкий (вскоре в плену он скончался от ран), Шемберг, Сапега[134], Чарнецкий и другие, всего 80 знатных панов.

Разбив молодого Потоцкого, Хмельницкий двинулся на старого

Потоцкого к Корсуню. Стоит отметить, что уже тогда Богдан проявил себя как опытный военачальник. Так, он быстро навел порядок в запорожском войске. На больших лодках, на которых реестровые казаки плыли по Днепру, имелось 26 пушек и фальконетов калибра 1–3 фунта. Богдан приказал немедленно изготовить для них примитивные деревянные станки с двумя колесами и оглобельными передками, в которые впрягали одну лошадь. В прислугу к этим орудиям Богдан определил лучших запорожских стрелков. Как гласит летопись: «Эти вновь назначенные пушкари так же искусно стреляли из армат, как и из мушкетов».

16 мая войско Хмельницкого и татары Тугай-бея сошлись у Корсуня с коронным войском. Ляхи были разбиты наголову. Оба гетмана — коронный Николай Потоцкий и польный Калиновский потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых и 41 пушку.

По поводу сражения у Корсуня польский комиссар и киевский каштелян Адам Кисель 31 мая писал архиепископу гнезненскому: «Рады теперь господствуют над нами. Изменник учреждает новое княжество. Несчастные братии наши среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другие ценные предметы, бегут во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тем, что Хмельницкий щадит ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословие, отворяет города, замки и вступает в его подданство. Я первый, хотя в отечестве последний, потеряв за Днепром сто тысяч доходу, едва имею от десяти до двадцати тысяч, да и то один бог знает, не завладеет ли и этим неприятель? Кроме того, я имею несколько сот тысяч долгу, нажитого на службе королю и отечеству. Много и других мне подобных. Мы будем нищими».

Риторический вопрос: откуда у господина Киселя и «многих ему подобных» по несколько сот тысяч долгу при таких доходах? Может, они города строили, флот, земли за океаном открывали? Или, может, траты на драгоценности, пиры, балы, смазливых паненок, на псовую охоту следует считать службой королю и отечеству?

После Корсуньской победы Хмельницкий подошел к Белой Церкви и встал там обозом. Оттуда он разослал 60 универсалов с призывом к восстанию. Как писал С. М. Соловьев: «Вся Украйна волновалась; поднялись крестьяне, пошли в казаки и стали свирепствовать против шляхты, жидов и католического духовенства; они образовали несколько шаек, или гайдамацких загонов, как тогда называли, и рассеялись в разных направлениях под начальством вождей, оставивших по себе кровавую память в летописях и преданиях народных»[135].

Хмельницкий прекрасно понимал, что решающую роль в победе у

Желтых Вод и у Корсуня сыграли запорожцы, и он отправляет кошевому грамоту с извещением о победах и подарки. За одну пару простых котлов, переданных ему Запорожским войском, он шлет три пары прекрасных котлов, за три пушки — шесть пушек, кроме того, тысячу талеров на войско и триста талеров на сечевую церковь и ее попов.

Глава 4
Переяславская рада

20 мая 1648 г. скончался польский король Владислав IV. В Польше было объявлено бескоролевье. Часть магнатов высказывалась за кандидатуру Яна Казимира, а другая часть — за Карла Фердинанда, епископа Вроцлавского и Плоцкого. В Малороссии это известие было получено с опозданием на две недели. Оно вызвало прилив энтузиазма у казаков и хлопов, и отчасти у поляков.

Утопающий хватается за соломинку, и у польских панов осталась одна надежда — на… русского царя!

Наши историки почему-то не афишируют строгий нейтралитет царей Михаила Федоровича и Алексея в ходе всех польско-казацких войн до 1648 г. По моему мнению, такая политика была, мягко выражаясь, неразумной. Зачем было посылать Шеина под Смоленск и нести большие потери, когда достаточно было поддержать малороссийских и запорожских казаков в любой из войн с поляками. При этом не обязательно было посылать туда регулярное московское войско. Достаточно было отправить туда донских казаков и «охочих людей» с Северского края, а главное, порох, мушкеты и деньги. Поляки завязли бы по уши в войне на Украине, а Смоленск рано или поздно упал бы спелой грушей к ногам царя. Но, увы, повторяю, московские власти придерживались строгого нейтралитета и не пытались вмешиваться в малороссийские дела.

Определенные проблемы возникли у русских пограничных воевод с потоками беженцев. Десятки тысяч крестьян, спасаясь от бесчинств панов, пересекали русскую границу. Значительная часть их, правда, стремилась на Дон к казакам, но немало беженцев оседало на брянщине и белгородчине. Сенатор Адам Кисель в качестве посла в Москву в августе 1647 г. от имени короля потребовал выдачи беглых, мотивируя это тем, что они являются крепостными, принадлежащими магнатам Вишневецкому и Конецпольскому. Однако московские власти и на сей раз, как и прежде, решительно отклонили требование поляков.

Теперь Кисель решил разыграть русскую карту. Сразу после поражения поляков на Желтых Водах он отправил гонцов к путивльскому и севскому воеводам с грамотами, в которых говорилось, что татары 22 апреля 1648 г. на Желтых Водах окружили польский отряд, высланный против изменников-черкас. Кисель смещал акценты и представил

повстанческое войско Хмельницкого шайкой изменивших реестровых казаков, а четырехтысячный татарский отряд — огромной ордой.

Воеводы немедленно отправили гонцов в Москву. 20 мая царь Алексей Михайлович приказал своим ратным людям «сходиться с литовскими людьми и с ними заодно промышлять над татарами». Царя и бояр можно понять — татарские орды часто вторгались в Малороссию, а затем поворачивали и шли к Туле и Москве. Но тут пришли вести о Корсуньском поражении, и в Москве постепенно стали понимать, что Кисель их попытался надуть. Из Москвы пошло указание пограничным воеводам не ввязываться в конфликт на Украине. Тем не менее еще раньше севский и путивльский воеводы отправили гонцов к полякам для координации действий против татар.

Севский воевода отправил гонцом Григория Климова с грамотой к Киселю в город Гощ в 150 верстах от Киева. Но в версте от Киева его перехватили татары. Как гласит летопись: «Казаки, видя, что у него хохла нет, взяли его у татар к себе и отвели к гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоял в городе Мошнях, от Киева верстах во ста. Хмельницкий взял у него листы, назначенные к Киселю, и сказал: „Не по что тебе к Адаму ехать, я тебе дам к царскому величеству от себя грамоту…“ Хмельницкий говорил Климову: „Скажи в Севске воеводам, а воеводы пусть отпишут к царскому величеству, чтоб царское величество Войско Запорожское пожаловал денежным жалованьем. Теперь ему государю на Польшу и на Литву наступать пора. Его бы государево войско шло к Смоленску, а я, Хмельницкий, стану государю служить со своим войском с другой стороны“».

В своей грамоте к царю от 8 июня Хмельницкий извещал о Желтоводской и Корсуньской победах и о смерти короля Владислава: «Думаем, что смерть приключилась от тех безбожных неприятелей его и наших, которых много королям в земле нашей. Желали бы мы себе самодержца государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь. Если б ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всем Войском Запорожским услужить вашей царской велеможности готовы».

Путивльский воевода Плещеев послал гонца к князю Иеремии Вишневецкому, чтобы сговориться с ним о совместных действиях против татар. Этот гонец также был перехвачен людьми Хмельницкого. Богдан отправил его обратно в Путивль со своей грамотой, где писал, что русские хотят помогать полякам против казаков, так как война у поляков с казаками, а не с татарами. «Мы желаем, — писал Хмельницкий, — не того, чтоб

православный государь Алексей Михайлович воевал с нами, но чтоб он был и ляхам и нам государем и царем, чтоб ляхи за веру нашу с нами больше биться не помышляли».

Царь велел Плещееву отписать Хмельницкому, что он никогда не писал к Вишневецкому о соединении русских с поляками против казаков, что кто-то специально распускает об этом слухи, чтобы поссорить царя с казаками. Но Богдан не удовлетворился этим ответом и опять послал Плещееву грамоту: «Уже третьего посла вашего перехватываем, вы все сноситесь с ляхами на нас. Если вы хотите на нас, на свою веру православную христианскую меч поднять, то будем Богу молиться, чтоб вам не посчастливилось. Легче нам, побившись между собою, помириться, а помирившись, на вас поворотиться. Мы вам желали всего доброго, царю вашему желали королевства Польского, а потом, как себе хотите, так и начинайте, хотите с ляхами, хотите с нами».

Одновременно Хмельницкий попытался вступить в переговоры с польским правительством (он еще как бы не знал о смерти Владислава IV). Четыре казацкие старшины поехали в Варшаву с письмом, содержавшим жалобу на притеснения панов. На мой взгляд, хитрый Богдан прекрасно понимал, что король, даже если захочет, все равно не сможет обуздать магнатов, а те никогда не простят Богдану содеянное. Поэтому отправка старшин была тактическим ходом в сложной политической игре.

Казацкие старшины застали короля уже в гробу, они были допущены к телу, а от временного правительства 22 июля получили следующий ответ: «Нет надобности объяснять вам совершенного вами преступления. Хотя республика могла бы отомстить вам, но мы, не желая более пролития крови христианской, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу, согласились назначить панов комиссаров, людей знатных, которые объявят вам дальнейшую волю республики».

Для переговоров с Хмельницким были назначены комиссары во главе с Киселем. Тот вел переговоры через монаха Лешко. Расхваливая польские вольности, Кисель писал Хмельницкому: «Милостивый пан старшина Запорожского Войска республики, издавна любезный мне пан и приятель! Верно, нет в целом свете другого государства, подобно нашему отечеству, правами и свободою. И хотя бывают разные неприятности, однако разум повелевает принять во внимание, что в вольном государстве удобнее достигнуть удовлетворения, между тем, как потеряв отчизну нашу, мы не найдем другой ни в христианстве, ни в поганстве: везде неволя, одно только королевство Польское славится вольностию».

Хмельницкий отвечал Киселю: «Послушав совета вашей милости,

старого своего приятеля, мы сами приостановили свои военные действия и орде приказали возвратиться, а к республике с покорностью и верным подданством отправили послов».

Кажется, что многомудрый Кисель попался на нехитрую казацкую уловку. Он поспешил донести о следствиях своих переговоров с повстанцами архиепископу-примасу: «Развеял Господь Бог через меня, наименьшего сына отечества, кровавую радугу и приостановил ужасную внутреннюю войну… Я прошу, чтоб настоящая моя верная услуга и дальнейшая служба никем у меня не была отнимаема и не оставалась бы без памятника, заслуженного любовью к отечеству».

А тем временем на Украине казаки продолжали громить поляков, причем организованное сопротивление последних почти прекратилось. С казаками воевала лишь частная армия Иеремии Вишневецкого. «Недавний отступник от православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков»[136].

Иеремия действовал в традициях пана Лисовского. Разница была лишь в том, что целью первого были грабежи, а убивать приходилось по необходимости, а у Вишневецкого целью было убийство православных, а грабежи — второстепенным делом. Так, Вишневецкий напал на местечко Погребища, где перебил почти всех жителей, с особой же жестокостью он убивал православных попов. Из Погребищ Вишневецкий пошел в принадлежавший ему город Немиров. Жители заперли ворота перед своим паном, но он взял город приступом, и выданные мещанами виновники восстания погибли в страшных муках. «Мучьте их так, чтоб они чувствовали, что умирают!» — кричал Иеремия палачам.

В конце июля 1648 г. частная армия Вишневецкого встретилась с многочисленным казацким отрядом под начальством атамана Кривоноса, и после двух кровопролитных стычек поляки вынуждены были отступить.

К сентябрю 1648 г. магнатам удалось собрать под Львовом 32 тысячи поляков и 8 тысяч немецких наемников. Во главе этой новой армии стали три польских магната: изнеженный сибарит Доминик Заславский, образованный латинист Миколай Осторог и 19-летний Александр Конецпольский. «Перина, латина и детина», как съязвил про эту троицу малороссийский гетман.

20 сентября началось сражение под Пилявцами. В этот день ляхам удалось потеснить казаков. На следующий день бой шел с переменным успехом, но к вечеру подошли 4 тысячи татар. На утро третьего дня к трем польским стратегам привели перебежчика, утверждавшего, что к

Хмельницкому подошло 40 тысяч татар с самим Ислам Гиреем II. Командование не знало, что делать, а в польском лагере началось смятение. Да тут еще напали казаки и вырезали два польских полка. К утру 23 сентября ляхи обнаружили, что «перина, латина и детина» попросту смылись. И вот тогда паны бросились бежать кто куда.

После триумфа под Пилявцами Хмельницкий занял без боя городки Константинов и Збараж и, слыша крики казаков: «Веди на ляхов!», повел войско ко Львову, с которого взял огромный выкуп: жители вынуждены были отдать все свои драгоценности. От Львова Хмельницкий пошел к Замостью, а оттуда 15 ноября послал письмо польскому сенату, в котором по-прежнему утверждал, что виноваты во всех бедах два пана — Конецпольский и Вишневецкий, и требовал, чтобы сенат объявил их виновными. «Если ваша милость начнете войну против нас, — писал Хмельницкий, — то мы примем это за знак, что вы не хотите иметь нас своими слугами».

В ответном письме польские сенаторы писали об избрании нового короля Яна Казимира (годы правления 1648–1668), брата Владислава IV, и о том, что новый король приказывал Хмельницкому отступить от Замостья. Тот отвечал, что повинуется, и на радостях велел палить из пушек, пил и говорил послам: «Если б вы на конвокации еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось, а если б выбрали какого-нибудь другого, а не Яна Казимира, то я пошел бы на Краков и дал бы корону кому надобно».

Есть доказательства того, что до выборов короля Ян Казимир вел тайные переговоры с Хмельницким. Теперь же новый король отвечал Богдану: «Начиная счастливо наше царствование, по примеру предков наших, пошлем булаву и хоругвь нашему верному Войску Запорожскому, пошлем в ваши руки, как старшего вождя этого войска, и обещаемся возвратить давние рыцарские вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сих пор продолжалась, то сами видим, что произошла она не от Войска Запорожского, но по причинам, в грамоте вашей означенным». Ян Казимир обещал, что Войско Запорожское отныне будет под непосредственной властью короля, а не польских старост, управлявших Малороссией. Король обещал исполнить желание казаков относительно унии, но требовал взамен, чтобы Хмельницкий отослал татар и распустил «чернь».

В первых числах нового, 1649 года Хмельницкий торжественно въехал в Киев. Вокруг него ехали полковники в золоте и серебре, добытом у поляков, несли польские хоругви и другие трофеи. В толпе раздавались радостные крики, слышались мольбы за Хмельницкого. Духовенство и

академия вышли ему навстречу, профессора говорили панегирики, называли Богдана Моисеем веры русской, защитником свободы русского народа, новым Маккавеем. Богдан усердно молился, раздавал церквям богатые дары из польской добычи, но в то же время расспрашивал колдунов и колдуний о будущем.

Из Киева Хмельницкий поехал в Переяслав, туда к нему приехали королевские комиссары — старый наш знакомец Адам Кисель с товарищами. Хмельницкий выехал им навстречу в окружении полковников, есаулов и сотников, с военной музыкой, с бунчуком и красным знаменем. При въезде комиссаров в город раздались залпы из двадцати пушек.

На следующий день Кисель торжественно вручил Богдану булаву и королевское знамя. Тем не менее это было не примирение, а лишь красивое представление. Даже на этой церемонии пьяный казацкий полковник Дзялак закричал Киселю: «Король как король, а вы королевята, князья, проказите много, наделали дела! А ты, Кисель, кость от костей наших, отщепился от нас и пристаешь к ляхам!» А почти одновременно с этим в Варшаве трезвый польский пан закричал в лицо королю: «Мы и вся Речь Посполитая будем против Войска Запорожского и против своих холопов войну вести и мстить им до кончины своей. Либо казаков истребим, либо они нас истребят. Лучше нам всем помереть, чем видеть такое разоренье, упадок и вечное бесславие. Лучше умереть, чем казакам и своим холопам в чем уступить!»

Паны хотели мести казакам и полной покорности украинских крестьян, а десятки тысяч холопов, присоединившихся к Хмельницкому, не желали более видеть ляхов на Украине. Кроме того, примирение Хмельницкого с королем не устраивало ни крымского хана, ни турецкого султана. Поэтому и хан, и султан, и примкнувший к ним трансильванский князь Юрий Рагоцы предлагали Хмельницкому совместно идти войной на Польшу.

Богдан осмелел и в ультимативной форме предложил полякам свои условия мира:

«1. Чтоб имени, памяти и следа унии не было;

2. Митрополит киевский по примасе польском первое место должен иметь в сенате;

3. Воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные русские;

4. Войско Запорожское по всей Украйне при своих вольностях давних остается;

5. Гетман казацкий подчиняется прямо королю;

6. Жиды изгоняются изо всей Украйны;

7. Иеремия Вишневецкий никогда не должен быть гетманом коронным»[137].

Адам Кисель, просмотрев условия мира, заметил Богдану, что недостает самого главного для поляков пункта: каково будет число казаков, и услышал в ответ: «Зачем писать это в договор? Найдется нас и 100 000, будет столько, сколько я скажу».

Естественно, что на такие условия польское панство не пошло бы, даже если бы Хмельнцкий взял приступом Варшаву. Польский король собирал войско под Зборовом. Польские частные армии вырезали местечки, население которых сочувствовало казакам. В ответ хлопы и казаки в конце апреля 1649 г. устроили большой погром в Киеве. Как писал С. М. Соловьев: «На улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнали несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками, и вложили книжки в руки. Три дня гуляли казаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях»[138].

В тот же день Хмельницкий послал в Москву чигиринского полковника Вешняка с грамотой к царю. «Нас, слуг своих, — писал Богдан, — до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступать на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был».

Царь Алексей отвечал очень осторожно, что вечного докончания с поляками нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим».

В июле 1649 г. порубежные воеводы получили из Москвы инструкцию, в которой содержалось предписание не давать Польше ни единого повода для претензий. Казаков из Малороссии принимать на царскую службу

только женатых с семьями, а холостых отправлять на Дон. Но и семейных казаков не держать в пограничных с Польшей городах, чтобы избежать конфликта с Речью Посполитой, а отправлять их в городки на южные границы для защиты от крымских татар.

В начале мая Ян Казимир с 25 — тысячным польским войском двинулся с Волыни на Украину. С Галичины на помощь ему шло 15-тысячное войско Иеремии Вишневецкого. Навстречу им из Чигирина вышло войско Хмельницкого. Вскоре Хмельницкий соединился с ордой Ислам Гирея, в которой вместе с татарами было 6 тысяч турок. Кроме того, на помощь к Богдану подошел отряд донских казаков.

Объединенная 80-тысячная казацко-татаро-турецкая армия быстрым маршем двинулась навстречу Иеремии Вишневецкому и осадила его крепость Збараж. Вишневецкий отбивался от осаждающих более месяца. В начале августа Хмельницкий узнал, что Ян Казимир с главным войском стоит под Зборовом и, оставив пехоту под Збарожем, сам с конницей и ханом отправился к Зборову.

5 августа 1649 г. Хмельницкий внезапно атаковал королевское войско. К ночи поляки были окружены со всех сторон. Тогда канцлер Оссолинский, видя спасение только в расколе в войске противника, надоумил короля переманить Ислам Гирея на свою сторону. Ян Казимир послал передать хану о своем расположении и напомнить о благодеяниях покойного короля Владислава, который некогда отпустил Ислам Гирея из плена. Хан велел передать о его готовности вступить в переговоры. Есть основания полагать, что Ислам Гирей повлиял и на Хмельницкого, и тот тоже согласился начать переговоры с королем.

9 августа 1649 г. договор был заключен. Ян Казимир обещал Ислам Гирею единовременно прислать в Крым 200 тысяч злотых и потом присылать ежегодно по 90 тысяч. А для Хмельницкого были выговорены следующие условия:

«1. Число Войска Запорожского будет простираться до 40 000 человек, и составление списков поручается гетману;

позволяется вписывать в казаки как из шляхетских, так и из королевских имений, начавши от Днепра, на правой стороне в Димере, в Горностайполе, Корыстышове, Паволоче, Погребище, Прилуке, Виннице, Блаславле, Ямполе, в Могилеве, до Днестра, а на левой стороне Днепра в Остре, Чернигове, Нежине, Ромнах, даже до московского рубежа.

2. Чигирин с округом должен всегда находиться во владении гетмана запорожского.

3. Прощение казакам и шляхте, которая соединилась с казаками.

4. В тех местах, где будут жить реестровые казаки, коронные войска не могут занимать квартир.

5. В тех местах, где будут находиться казацкие полки, жиды не будут терпимы.

6. Об унии, о церквах и имениях их будет сделано постановление на будущем сейме; король позволяет, чтоб киевский митрополит заседал в сенате.

7. Все должности и чины в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещает раздавать только тамошней шляхте греческой веры»[139].

На следующий день, 10 августа, Богдан Хмельницкий прибыл к королю и, встав на одно колено, произнес речь, в которой повторил, что у него и в мыслях не было поднимать оружие против короля, но что казаки восстали против шляхетства, которое угнетало их как самых последних рабов. Король дал Богдану поцеловать свою руку, а литовский подканцлер прочел ему наставление, чтобы верностью и радением загладил свое преступление. На следующий день войска разошлись.

В октябре 1649 г. к Хмельницкому приехал Григорий Неронов — специальный посланник царя Алексея Михайловича. На обеде с послом Богдан по своему обычаю малость перебрал и начал выговаривать Неронову свои обиды на донских казаков, которые-де ему не помогают, а наоборот, нападают на Крым и ссорят его с ханом. Гетман даже пригрозил, что может пойти на московские земли вместе с Ислам Гиреем. Неронов резко осадил Богдана: «Донцы ссорятся и мирятся, не спрашивая государя, а между ними много запорожских казаков. Тебе, гетману, таких речей не только говорить, и мыслить о том непригоже». Богдан сразу сник и ответил: «Перед восточным государем и светилом русским виноват я, слуга и холоп его. Такое слово выговорил с сердца, потому что досадили мне донские казаки, а государева милость ко мне и ко всему Запорожскому Войску большая».

Как писал С. М. Соловьев: «До Хмельницкого запорожские и донские казаки составляли почти одно общество: запорожцы жили на Дону, донцы на Запорожье; запорожцев на Дону насчитывали иногда с 1000 человек. Донцов в Запорожье — до 500; запорожцы жили на Дону лет по пяти, по шести, по осьмнадцати»[140].

В Чигирине Неронов познакомился с писарем Войска Запорожского Иваном Выговским. Тот был очень любезен с московским посланником, тем более что за эту любезность ему платили соболями. Неронов доносил в

Москву, что дал Выговскому лишних соболей, и тот сообщил ему список статей Зборовского мира и про «иные дела» рассказывал.

Надо ли говорить, что условия Зборовского договора полностью не выполнялись ни одной из сторон. Возвратившийся в Варшаву из крымского плена гетман Потоцкий доносил, что вся Украина волнуется, Хмельницкий самовольничает: без королевского позволения призвал на Украину татар и послал их вместе с казаками опустошить союзницу Польши — Молдавию только за то, что господарь Липул не захотел выдать свою дочь за сына гетмана Тимофея. Хмельницкий по своей воле сносится с Турцией и со Швецией, а холопы и не думают повиноваться панам, и те терпят страшные убытки.

Польские шляхтичи боялись возвращаться на Украину. В конце 1650 г. в Варшаве был созван сейм. Прибыли туда и послы от Хмельницкого. Они потребовали, чтобы в трех воеводствах — Киевском, Блацлавском и Черниговском — ни один пан не имел власти над крестьянами: пусть живет, как хочет, наравне со всеми, и повинуется казацкому гетману. Казаки требовали уничтожить унию не только на Украине, но и во всех землях Короны Польской и Великого княжества Литовского, а православное духовенство должно получить право на те же почести, что и католическое. Эти требования наравне с другими статьями Зборовского договора должны быть утверждены присягой знатнейших сенаторов, и еще поляки должны дать в заложники четырех своих знатных панов, в том числе князя Иеремию Вишневецкого.

Требования эти привели панов в бешенство, и 24 декабря 1650 г. сейм единодушно постановил объявить войну казакам. В феврале следующего года поляки внезапно напали на казацкий отряд, который стоял в местечке Красном под начальством полковника Нечая, и перебили всех до единого. В апреле 1651 г. в Польше было объявлено «посполитное рушенье», то есть поголовное вооружение шляхты. Легат папы Иннокентия IX привез полякам благословение папы и отпущение грехов, а королю — мантию и священный меч и провозгласил Яна Казимира защитником веры.

В свою очередь, коринфский митрополит Иоасаф опоясал Богдана Хмельницкого мечом, освященным на Гробе Господнем, кропил войско святой водой и сам шел при войске. На помощь казакам прибыл и хан Ислам Гирей со всей ордой.

Решающая битва произошла на Волыни у городка Берестечко на реке Стыри. По масштабам того времени силы противников были очень велики: 150 тысяч у поляков, включая 20 тысяч немецких наемников, и почти 100 тысяч казаков с 50 тысячами татар. Битва началась 18 июня 1651 г. и

длилась несколько дней. Татары, натолкнувшись на решительное сопротивление хорошо обученных немецких наемников, бежали. Казаки же окопались и несколько дней выдерживали нападения поляков, но вынуждены были отойти. По разным сведениям на поле боя осталось от 7 до 30 тысяч убитых казаков и татар. Но, судя по тому, что трофеями поляков стали только 28 из 115 казацких пушек, Богдан отступил в полном порядке.

Через несколько дней после сражения умер естественной смертью ненавистный православным казачеством Иеремия Вишневецкий. Оставшаяся часть польского войска разделилась. Литовский гетман Радзивилл[141] повел свои войска на Киев, а король двинулся к Каменцу. Радзивилл почти без боя взял Киев. Значительная часть города была сожжена, все православные церкви города и Печерский монастырь были начисто разграблены поляками.

От войска Радзивилла отделился отряд князя Четвертинского, который расположился на отдых у города Хвостова. На рассвете 5 сентября Хмельницкий атаковал Четвертинского и разгромил его отряд. Узнав об этом, гетман Радзивилл начал отступление из Киева в Литву. По пути Хмельницкий напал на войско Радзивилла, было убито много поляков и захвачен обоз с награбленным в Киеве имуществом. Однако большей части войска Радзивилла удалось организованно отойти.

Параллельно с боевыми действиями Хмельницкий проявлял активность и на дипломатическом фронте. Он вновь отправил посланцев в Москву просить царя Алексея о принятии Украины в его подданство. Но Москва опять дала уклончивый ответ.

Хан Ислам Гирей ушел в Крым и не проявлял более желания воевать с поляками.

Польские же войска на Украине находились, мягко говоря, в сложном положении. В результате 28 сентября 1651 г. в городе Белая Церковь гетманы Хмельницкий и Потоцкий подписали новый мирный договор. Согласно ему:

«1. Войска Запорожского будет только двадцать тысяч; оно должно находиться в одних только имениях королевских и в воеводстве Киевском, не касаясь воеводств Брацлавского и Черниговского.

2. Коронное войско не должно стоять в воеводстве Киевском в тех местечках, где будут реестровые казаки.

3. Обыватели воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сами лично и через своих урядников вступают во владение своими имениями и пользуются всеми доходами и судопроизводством.

4. Чигирин остается при гетмане, который должен состоять под властию гетмана коронного.

5. Жиды должны быть обывателями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских.

6. Гетман запорожский должен отпустить орду и вперед не вступать ни в какие сношения с нею и вообще с иностранными государствами»[142].

Как видно из статей договора, Белоцерковский мир был куда менее выгодным казакам, чем Зборовский. Но и польских панов такой мир не устраивал. Хмельницкий прекрасно понимал, что новая война может начаться в любой момент. Воевать в одиночку с Речью Посполитой означало для Богдана заведомо обречь себя на поражение. Поскольку Москва по-прежнему отказывалась принимать Украину в свое подданство, Хмельницкий отправил послов к турецкому султану. И вот в 1651 г. Махмед IV признал Украину и запорожцев своими вассалами, пожаловав им тот же статус, которые имели Крым, Молдавия и Валахия.

Надо ли говорить, что православное население Украины не желало считать себя подданными бусурманского царя, а запорожцы к тому же лишались своего основного промысла — добычи «зипунов» у татар и турок.

У Богдана начались конфликты с запорожцами. Кстати, в 1652 г. запорожцы оставили свою Сечь на Никитином Роге и построили новую Сечь в устье реки Чортомлык. Строил новую Сечь кошевой атаман Лутай. Ни о причинах переноса Сечи, ни об иной деятельности кошевого Лутая данных найти не удалось.

Новая Сечь расположилась при впадении в Днепр (точнее, в протоку Скарбную) речки Чортомлык с правой стороны, ниже Никитина Рога. Сохранилось описание Чортомлыкской Сечи в акте 1672 г.: «Город Сеча, земляной вал, стоит в устьях у Чортомлыка и Прогною над рекою Скарбною. В вышину тот вал в сажень; с поля от Сумской стороны и от Базавлука, в валу устроены пали и бойницы, и с другой стороны, от устья Чортомлыка и от реки Скарбной по валу, сделаны коши деревянные и насыпаны землей. А в том городе башня с поля; мерою кругом 20 сажень, а в нем окна для пушечной стрельбы. Да для ходу по воду сделано на Сортомлык и на Скарбную 8 форток (пролазов), и над теми фортками бойница, а шириною деть фортки только одному человеку пройти с водою. А мерою тот городок Сеча с поля от речки Прогною до речки Чортомлыка сто ж сажень, да с правой стороны речка Прогной, а с левой стороны речка Чортомлык и впали те речки в речку Скарбную, которая течет позади города подле самой ров. А мерою-де весь Сеча город будет кругом с 900

сажень»[143].

Точная численность населения Сечи неизвестна, поскольку казаки никогда не давали себя переписывать. Однако известно, что в 1672 г. там постоянно проживало не менее 100 кузнецов.

Гоголь в «Тарасе Бульбе» описал именно Чортомлыкскую Сечь, хотя в повести сказано, что Тарас Бульба прибыл в Сечь на острове Хортица: «… все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец как лев растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместие и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: „Здравствуйте, Панове!“ — „Здравствуйте и вы!“ — отвечали запорожцы»[144].

В центре Чортомлыкской Сечи запорожцы в 1652 г. возвели церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Через два года она сгорела, и попы не

успели вынести церковную утварь. Запорожцы через сечевого посланца Стефана Астраханского просили царя Алексея прислать новую утварь, что и было сделано. В числе прочего царь прислал двенадцать книг Четь-Минеи.

Но вернемся к судьбоносным событиям в Малороссии. Спору нет, Богдан страдал запоями, и, судя по фамилии, алкоголизм у него был наследственный, он был склонен к резким поступкам, но в этом случае гетман решил лишь попугать Москву. И, надо сказать, его замысел полностью оправдался. Алексей Михайлович и его бояре поверили, что гетман решил податься к туркам, и начали форсировать мероприятия по возможному соединению Украины с Россией.

Осенью 1653 г. в Москве был созван Земский собор. На Соборе было решено удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского и принять православный украинский народ «под высокую руку» русского царя. 1 октября при закрытии Собора царь Алексей торжественно заявил, что Россия будет вести войну с Польшей, если последняя будет удерживать Малороссию силой.

9 октября из Москвы на Украину выехало великое русское посольство в составе ближнего боярина Василия Бутурлина, окольничего Ивана Алферова, начальника московских стрельцов Артамона Матвеева и думного дьяка Лариона Лопухина. При посольстве были стольники, дворяне, стряпчие, толмачи и охрана из двухсот стрельцов.

31 декабря посольство прибыло в Переяслав. А незадолго до этого Хмельницкий разослал по всем казацким полкам универсал с указанием прибыть в Переяслав на великую раду представителям казачества, горожан, духовенства и других слоев населения. Все выборные должны были прибыть в начале января 1654 г.

Вечером 7 января 1654 г. (по старому стилю) у Богдана Хмельницкого с полковниками, судьями и есаулами состоялась тайная рада, и все собравшиеся единодушно «под государеву высокую руку поклонились». После тайной рады в тот же день была назначена и явная. С раннего утра били в барабаны, чтобы собирался народ. Когда набралось несколько сотен человек, сделали просторный круг, куда вошел Хмельницкий под бунчуком, с ним судьи, полковники, есаулы и писарь.

Гетман стал посреди круга, войсковой есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить: «Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем

мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам больше всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными моленьями нашими себе просим. Тут которого хотите выбирайте!»

Исход выборов был предрешен заранее: толпа закричала: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!»

Потом переяславский полковник Тетеря ходил по кругу и спрашивал: «Все ли так соизволяете?» В ответ раздавалось: «Все единодушно!»

Тогда гетман стал снова говорить: «Будь так, да Господь Бог наш укрепит нас над его царскою крепкою рукою!» Народ кричал в ответ: «Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы вовеки все едино были».

Затем Бутурлин, Хмельницкий и вся казацкая старшина проследовали в городскую церковь, чтобы скрепить решение взаимной присягой. Духовенство хотело было начать приводить к присяге по чиновной книге, присланной из Москвы, но Хмельницкий подошел к Бутурлину и сказал: «Тебе бы, боярину Василью Васильевичу с товарищами, присягнуть за государя, что ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей не нарушать: кто был шляхтич или казак, или мещанин, и какие маетности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему и пожаловал бы великий государь, велел дать нам грамоты на наши маетности».

Бутурлин ответил на это: «За великого государя присягать никогда не бывало и вперед не будет, тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великому государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, а великий государь вольностей у вас не отнимает и маетностями каждому велит владеть по-прежнему».

Хмельницкий в гневе покинул церковь и отправился советоваться с полковниками. Через некоторое время в церковь вошли два полковника — переяславский Тетеря и миргородский Сахнович — и от имени гетмана

стали говорить Бутурлину, чтобы он присягнул за государя. Но тот опять отказался: «Непристойное дело за государя присягать, никогда этого не повелось». Тогда полковники сослались на польских королей, которые подданным своим всегда присягают. Бутурлин парировал: «Польские короли подданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят».

Полковники ушли советоваться со старшиной. Всем стало обидно, но отступать было уже некуда — пришлось присягать царю.

Позднее условия подписания Переяславского договора стали предметом многолетних дискуссий. Канадский историк Орест Субтельный насчитал пять основных истолкований Переяславского договора.

«По мнению русского историка права Василия Сергеевича (ум. 1910), соглашение 1654 г. относилось к разряду так называемых „персональных уний“, при которых две страны, имея общего монарха, тем не менее остаются самоуправляемыми.

Другой специалист по русскому праву, Николай Дьяконов (ум. 1919), доказывал, что коль скоро украинцы согласились на „личное подчинение“ царю, они тем самым, безусловно, принимали поглощение их земель Московским царством, и потому это соглашение было „реальной унией“.

Украинский историк Михайло Грушевский, а также русский историк Венедикт Мякотин (умер в эмиграции в 1937 г.) полагали, что Переяславское соглашение по форме являлось не чем иным, как вассалитетом — т. е. такой системой отношений, при которой более сильная сторона (в данном случае царь) соглашается защищать более слабую (украинцев), не вмешиваясь в ее внутренние дела и получая взамен налоги, военную помощь и т. п.

Другой украинский историк, Вячеслав Липинский, пошел еще дальше и предположил, что соглашение 1654 г. было не более чем временным военным союзом между Украиной и Московией.

И совсем уж особняком стоит пятое истолкование Переяславского договора. В 1954 г., во время помпезного празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, в СССР было объявлено (правда, не историками, а коммунистической партией), что Переяславское соглашение стало естественной кульминацией вековечного стремления украинцев и русских друг к другу, а союз двух народов явился главной целью восстания 1648 г.»[145].

Обилие мнений не в последнюю очередь было вызвано тем, что оригинальные документы давно потеряны, а сохранились лишь неточные

копии и переводы. По мнению же автора, каковы бы ни были тексты оригинальных документов, наиболее справедливым является «пятое толкование образца 1654 г.». В нем много пустословия, и оно, безусловно, создано на потребу дня, но, нравится кому или не нравится, оно верно по сути дела.

Естественно, что население Киевского и Брацлавского воеводств куда больше симпатизировало русскому царю и русскому народу, нежели султану с турками и татарами или королю с его панами. И если на Переяславской раде казаки голосовали саблями за союз с Москвой, то после Люблинской унии (1569 г.) десятки, если не сотни тысяч малороссов проголосовали ногами, бежав от поляков в Брянск, Путивль и на Дон.

Что же касается запорожцев, то Богдан Хмельницкий информировал запорожскую старшину о своих переговорах с Москвой. Кошевой и старшина поддержали позицию гетмана: «Потому не советуем и вам с этого времени заботиться о приязни к полякам, а мысль вашу об отдаче всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущаго, под протекцию великодержавнейшаго и пресветлейшаго монарха российского принимаем за достойную внимания и даем вам наш войсковой совет, не оставляя этого дела, привести его к концу, к наилучшей пользе нашей малороссийской отчизны и всего запорожского войска. И когда будете писать вы пакты, то извольте, ваша гетманская милосць, сами усердно досматривать, чтобы в них не было чего-нибудь лишяго и отчизне нашей шкодливаго, а предковечным правам и вольносятм нашим противнаго и неполезнаго. Мы достоверно знаем, что великодержавнейший и пресветлейший монарх, самодержец всероссийский, как православный царь, приймет охотно и ласково нас, яко чадолюбивый отец своих сынов, в том же святом православии непоколебимо стоящих, под свою крепкую протекцию, не требуя от нас никаких даней и платежей в свою монаршескую казну, исключая нашей войсковой службы, за что мы, по мере наших сил, всегда будем готовы идти против его монарших неприятелей…

Писано в Сичи запорожской, генваря 3 дня, року 1654»[146].

Как видим, запорожцы считали принятие русского подданства единственным выходом для Малороссии, но не забывали упомянуть о необходимости сохранения казацких вольностей.

Любопытен и язык документа. Вроде бы украинцы пишут украинцу, но язык данного письма — русский язык того времени, ну, в крайнем случае, на две трети — русский язык и на треть — суржик. Там не «січень», а «генварь»!

Создание же казацкого государства в XVII в. на Украине было физически невозможно. Это признает даже крайне националистически настроенный Орест Субтильный: «Как показали беспрерывные войны, казаки могли успешно сражаться с поляками, нанося им тяжкие поражения, но не могли раз и навсегда отстоять Украину от притязаний шляхты. Для обеспечения сколько-нибудь длительной победы над поляками Хмельницкий нуждался в постоянной и надежной поддержке могущественной внешней силы. А для того чтобы получить такую поддержку извне, в то время требовалось лишь одно: признать себя вассалом того правителя, который эту поддержку оказывал»[147].

Меня же лично заинтересовал вопрос, почему-то не поднимавшийся ни официальными русскими, ни советскими историками, ни украинскими националистами. В обстоятельном сборнике архивных документов[148] присоединению Украины к России отведено лишь 15 страниц, а присоединению Молдавии — целых 53 страницы, Грузии — 133 страницы и т. д. В этом сборнике есть только три документа, относящиеся к 1648–1654 гг.: «1648 г. 8 июля. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Черкас царю Алексею Михайловичу, с сообщением о победах над польским войском и желании украинского народа объединиться с Россией», «1653 г. октября 1. Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией» и «1654 г. января 8. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, с благодарностью за воссоединение Украины с Россией».

Любопытно, что названия заголовкам придумали составители, а вот в текстах всех трех документов слово «Украина» ни разу не встречается. Мало того, в первом документе гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий просит царя принять его и Войско Запорожское под высокую руку. В постановлении собора говорится: «А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку»[149].

В третьем документе говорится: «…мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское за милость неизреченную вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем»[150].

Прошу в очередной раз у читателя извинение за длинные цитаты, но

вопрос-то деликатнейший! Получается, что сохранилось всего три документа, и в них ни разу не упоминаются ни Украина, ни Малороссия, ни воевода Киевский, ни Киевская земля, ни иные названия земель, входящих в нынешний состав Украины. Везде фигурируют лишь гетман и Войско Запорожское, а о реестровых и малороссийских казаках нет ни слова!

Строго говоря, вопрос о подданстве Войска Запорожского должен был решаться не в Переяславле, а в Сечи. Но под каким-то предлогом запорожцы от присяги увильнули вообще. Московские бояре в марте 1654 г. по этому поводу даже специально запросили Хмельницкого. Богдану ничего не оставалось делать, как ответить отпиской: «…запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех в дело почитать нечего».

Тем не менее в том же 1654 г. запорожцы собрались на раду и принесли присягу царю Алексею Михайловичу.

Глава 5
Конотопская битва

В Москве прекрасно понимали, что присоединение к России украинских земель неизбежно вызовет войну с Польшей. Стремление избежать войны было основной причиной отказов царей Михаила и Алексея от принятия в подданство казаков и от любого вмешательства в события на территории Речи Посполитой.

Первым делом нужно было взять Смоленск. 27 февраля 1654 г. туда из Москвы по «зимнему пути» были двинуты пушки и мортиры. Царь Алексей желал присоединить к Москве не только потерянный в Смутное время Смоленск, но и все русские земли, захваченные в XIV–XV вв. Литвой, и требовал от воевод не обижать своих новых подданных. Так, православной шляхте из Полоцка и других земель был предложен выбор: поступать на русскую службу и ехать к царю под Смоленск за жалованьем, а тем, кто по-прежнему считал себя королевским подданным, было разрешено беспрепятственно ехать в этническую Польшу[151].

Следует заметить, что значительная часть шляхты Литовской Руси с удовольствием присоединилась к русским войскам. Десятки городов и замков сдались без сопротивления. Другой вопрос, что в ходе последней длительной войны часть перебежчиков решила вновь сменить сюзерена. Некоторые шляхтичи это проделывали по три-четыре раза.

10 сентября 1654 г. население Смоленска открыло ворота, и толпы обывателей пошли на поклон к царю Алексею Михайловичу, прибывшему в лагерь осаждающих. Смоленским воеводам Обуховичу и Корфу царь позволил уехать в Литву, а остальной шляхте и мещанам предоставил выбор: ехать в Литву или присягать русскому царю.

Тем временем царские войска продолжали наступление в Белоруссии. 20 ноября боярин Василий Петрович Шереметев взял штурмом Витебск. Зато в тылу наступавших войск начали бесчинства запорожские казаки атамана Золотаренко. Они не только грабили крестьян, но обнаглели до того, что стали устанавливать налоги и оброки, в свою, разумеется, пользу.

Вот пример, хорошо иллюстрирующий ситуацию на занятых русскими войсками землях. 14 октября 1654 г. жители Могилева — бурмистры, райцы, лавники и мещане — пришли к командиру русского отряда Воейкову со словами: «Из Смоленска государь изволил пойти к столице и

своих ратных людей отпустил. А к нам в Могилев ратных людей зимовать не прислано, пороху нет и пушек мало. Мы видим и знаем, что государь хочет нас выдать ляхам в руки, а на казаков Золотаренковых нечего надеяться: запустошив Могилевский уезд, все разбегутся, и теперь уже больше половины разбежалось. Мы на своей присяге стоим, но одним нам против ляхов стоять не уметь».

В Малороссии и Крыму татары объединились с поляками и начали действовать против русских и казаков Хмельницкого. 29 января — 2 февраля (новый стиль) 1655 г. крымцы вместе с гетманом Станиславом Потоцким под Ахматовым (Охматовым) разбили соединенные силы царских стрельцов и казаков. Любопытный момент, современные историки-националисты всех мастей — поляки, украинцы, белорусы — любую неудачу царских войск представляют грандиозным поражением. Не пора ли «историков», вырывающих отдельные моменты из контекста событий, официально объявить попросту жульем? Да, действительно, была неудача под Охматовым. Но что последовало за этим «разгромом»? Поляки сняли осаду с Могилева и отступили…

1655 год ознаменовался расширением театра военных действий. В войну вступила Швеция. Тут следует сделать маленькое отступление. В 1648 г. был подписан Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне. По этому миру Швеция получила Западную Померанию и город Штеттин с частью Восточной Померании, а также остров Рюген, город Сисмар, архиепископство Бремен и епископство Форден. Таким образом, почти все устья судоходных рек в Северной Германии оказались под ее контролем. Балтийское море фактически превратилось в шведское озеро.

Королева Кристина осталась незамужней, и в 1654 г. шведские аристократы заставили ее отречься от престола в пользу 32-летнего Карла Густава — пфальцграфа Цвейбрюкского. Новый король получил имя Карл X Густав. Он был племянником Густава-Адольфа и под командованием дяди участвовал во многих сражениях, а к концу Тридцатилетней войны стал главнокомандующим шведскими войсками в Померании.

В ходе отречения королевы Кристины польский король Ян Казимир вдруг вспомнил о правах своего отца Сигизмунда III на шведский престол, хотя и его отец, и брат Владислав давно отреклись от него.

Итак, на шведский престол взошел молодой король, успевший проявить себя способным полководцем. Королевская казна была пуста, а лучшая армия Европы уже семь лет тосковала без войны. И тут такой хороший повод сходить «за зипунами» в Польшу! Естественно, Карл X

двинул туда войска. В июле 1655 г. семнадцатитысячная шведская армия вышла из Померании на Познань и Калиш.

Большая часть польского дворянства не пожелала воевать, и 25 августа 1655 г. у селения Устье шляхта Великой Польши перешла на сторону шведов. А 18 августа в Кейдонах гетман Януш Радзивилл с литовской шляхтой перешли на сторону Карла X.

Польский король Ян Казимир бросил Варшаву и бежал в Краков. Шведы 6 сентября разбили польскую королевскую армию при Черпове, а через три дня заняли без сопротивления Варшаву.

В октябре шведы заняли Краков, а Ян Казимир убежал в Силезию. На севере Польши держался только город Данциг, да и то из-за поддержки голландской эскадры. В пику Голландии Англия и Франция заявили о поддержке Швеции. (Как видим, хулиганский поступок господина Чаплинского, уведшего бабу у Хмельницкого, привел к большой европейской войне.)

Еще до начала боевых действий Карл X отправил к царю посла Розенлинда с грамотой, где объяснялись причины, побудившие Швецию начать войну, и предлагался военный союз против Речи Посполитой. В июле 1655 г. Розенлинд был принят Алексеем Михайловичем в Смоленске.

Вступление Швеции в войну с точки зрения здравого смысла было большой удачей для Русского государства. Спору нет, русская армия заняла значительные территории Речи Посполитой, но ее военную мощь сокрушить не удалось. Неужели в Москве надеялись, что соседние государства одобрят захват Россией большей части Речи Посполитой? Шведы должны были радоваться выходу русской армии к Риге, а турки — появлению русских на Волыни вблизи вассальной Молдавии? Единственным союзником царя против Польши, Швеции, турецкого султана и крымского хана был Богдан Хмельницкий, преследовавший совсем другие цели, нежели царь, да еще к 1655 г. ставший хроническим алкоголиком.

Поэтому раздел Речи Посполитой, предложенный Карлом X, был идеальным вариантом для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась шведам. В любом случае России потребовалось не менее 20–40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо, польское панство — еще та публика!

Но молодого Алексея занесло. Он уже считал себя не меньше Александра Македонского. При этом царя жестко опекал пятидесятилетний

патриарх Никон. Он-то должен был помнить, как поляки накостыляли Шеину под Смоленском. Но переполненный гордыней патриарх уже видел себя духовным владыкой всей Польши, а вместо того, чтобы одернуть зарвавшегося «тишайшего», буквально подзуживал его на новые захваты.

Царь Алексей гордо заявил шведскому послу: «За многие злые неправды к нам королей Владислава и Яна Казимира дал Бог нам взять всю Белую Русь и многие воеводства, города и места с уездами Великого княжества Литовского, да наш же боярин Бутурлин с запорожским гетманом Хмельницким в Короне Польской, на Волыни и в Подолии побрал многие воеводства, города и места, и мы учинились на всей Белой Руси и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем».

Послу ничего не оставалось делать, как промолчать, но после такого заявления конфликт был неизбежен.

В августе — сентябре 1655 г. ряд литовских городов, присягнувших в прошлом году царю, передался шведам. Особое раздражение царя вызвало занятие шведами крепости Друя[152], расположенной на Западной Двине и имевшей стратегическое значение.

Еще больше разозлили Алексея и Никона донесения лазутчиков о том, что Карл X вступил в переписку с Богданом Хмельницким и Иваном Золотаренко — наказным гетманом запорожцев, действовавшими в Белоруссии. Король предлагал Хмельницкому создать Киевское княжество, состоящее в вассальной зависимости от шведского короля. Забегая вперед, скажу, что в январе 1656 г. шведский посол в Москве утверждал, что инициатором переписки с королем Карлом X был сам Богдан, и он первым попросился в шведское подданство.

Между тем успехи Карла X в Польше вызвали большие опасения у австрийского императора Фердинанда III[153]. В октябре 1655 г. в Москву прибыли цесарские послы Аллегретти и Лорбах. Для Австрии было опасным падение союзной католической Польши и усиление на ее развалинах враждебной протестантской Швеции, и Фердинанд решил предложить свое посредничество между царем Алексеем и королем Яном Казимиром, чтобы прекратить между ними войну и, если получится, обратить русское оружие против Швеции.

В конце декабря 1655 г. в Москву прибыли шведские послы. Формальной целью этого посольства было подтверждение Столбовского мира 1617 г. Согласно протоколу, новый монарх должен был подтверждать договора, сделанные его предшественниками. И Карл X 20 (30) июня

1655 г. официально подтвердил ратификацию этого договора. В Москве же придрались к грамоте, что-де не все титулы царя в ней прописаны. Но часть этих титулов и появилась только в 1655 г.[154] Царь отказался подтвердить Столбовский мир.

Для войны со Швецией Москва решила заручиться помощью Дании. В марте 1656 г. туда был отправлен стольник князь Данила Мышецкой, который предложил датскому королю Фредерику III военный союз против Карла X.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом Петра Потемкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потемкину был направлен большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло — он благословил казаков не более, не менее, как идти морем к Стокгольму и захватить его.

Теперь Алексею Михайловичу ничего не оставалось делать, как мириться с Яном Казимиром. К началу июля 1656 г. боевые действия против поляков и литовцев, сохранивших верность Яну Казимиру, были прекращены, а 30 июля в Вильно начались мирные переговоры.

Однако переговоры сразу же зашли в тупик из-за статуса Малороссии — ни одна сторона не хотела ее уступать, но ни Польша, ни Россия не желали и прерывать переговоры. Бесполезная дискуссия затянулась на много месяцев. Польша была очень слаба, а царь не хотел начинать новую войну, не закончив кампанию со шведами. Кроме того, Речь Посполитую и окрестные страны будоражили вести о тяжелой болезни короля Яна Казимира. Ряд польских магнатов, объединившихся вокруг Винцента Гонсевского (сына гетмана Александра Гонсевского, умершего в 1636 г.), предлагали возвести на польский трон царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея Алексеевича. Царь был явно не против такого варианта.

27 июля 1657 г. скончался Богдан Хмельницкий. А 26 августа в Чигирине состоялась рада, и казаки выбрали гетманом генерального писаря Ивана Выговского[155]. При вручении булавы казаки дали наказ новому гетману верно служить великому государю и над Войском Запорожским добрую управу чинить.

Через 22 дня после своего избрания Выговский отправил грамоту кошевому Павлу Гомону с объяснением обстоятельств своего избрания и извещал запорожцев, что он посылает им три тысячи талеров: одну тысячу

«из собственной шкатулки», а две тысячи — «от завещания Хмельницкого на помин души его в сичевой церкви».

25 сентября 1657 г. кошевой ответил Выговскому, что выборы гетмана должны были пройти не в Чигирине, а в Сечи, где и был выбран гетман Хмельницкий, но поскольку «ваше избрание уже свершилось», то Запорожское войско согласно признать Выговского гетманом. Однако кошевой предостерегает Выговского от контактов с поляками. Мало того, Гомон заявил, что если гетман пожелает «отторгнуться от высокой державы царя Алексея Михайловича, нашего всероссийскаго монарха, и по-прежнему отдать до польской короны нашу малороссийскую отчизну… то ведайте заранее, что мы, войско низовое запорожское, в том воле вашей не будем следовать и звание изменников на славное имя навлекать не желаем»[156].

В ноябре 1657 г. в Москву пробрались, избежав всех застав Выговского, посланцы из Сечи от атамана Якова Федоровича Барабаша. Они заявили, что Выговский был избран незаконно, что он ведет переговоры с ляхами и шведами, обижает запорожских казаков. На вопрос бояр, чего же они хотят, запорожцы ответили: «Хотим, чтоб послан был в войско ближний [государю. — *А. Ш.*] человек и собрал раду; на этой раде выбирать в гетманы, кого всем Войском излюбят».

Новый, 1658 год гетман Выговский начал с казней казацких старшин, недовольных его властью, а против полтавского полковника Мартына Пушкаря отправил полторы тысячи казаков и сербов (из своей личной охраны).

А вот Запорожское войско поддержало Пушкаря и отправило 700 казаков во главе с Яковом Барабашем.

Командовавший гетманским войском полковник Иван Гогун с казаками и Иван Сердин с сербами шли порознь. Этим воспользовался Барабаш и 25 января 1658 г. атаковал сербов у знаменитой деревни Диканьки. Почти все сербы были перебиты. Пушкарь занял Миргород и выгнал оттуда сторонников гетмана Лесницкого, вместо которого миргородские казаки выбрали полковником Степана Довгаля.

Тем не менее сторонники Выговского собрали большое войско во главе с нежинским полковником Гуляцким, но на Пушкаря они напасть не смели, и оба войска занялись маневрированием.

8 февраля Пушкарь прислал в Москву первый донос на Выговского. Он писал, что гетман — изменник государю, помирился с ляхами и Ордою, и что он, Пушкарь, слышал об этом от Юрия Хмельницкого.

17 мая 1658 г. войско Выговского и призванные им татары подошли к

Полтаве, где стояли Пушкарь и Барабаш. Московские послы тщетно пытались помирить противников. В ночь на 1 июня Пушкарь и Барабаш внезапно атаковали гетманское войско и захватили его обоз. Но утром сторонники Выговского оправились и контратаковали противника. Пушкарь был убит, а Барабаш с «немногими людьми» ушел в Сечь. Выговский утверждал, что его войско потеряло тысячу человек, а мятежники — восемь тысяч.

Итак, переговоры с поляками, длившиеся почти два года, зашли в тупик, а на Украине фактически началась гражданская война между гетманом и его противниками. Новая русско-польская война была неизбежна.

В августе 1658 г. гетман Выговский в городке Гадяче вступил в переговоры с представителями польского короля. 6 сентября был подписан так называемый Гадячский договор. Согласно ему Выговский получал титул: «Гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор». Гетман становился вассалом польской короны. Число реестровых казаков увеличивалось до 60 тысяч.

Выговский и верные ему старшины получили массу льгот и привилегий. Чтобы не раздражать казаков, в договоре в 15-й статье было сказано: «В войне короля с Москвою казаки могут держать нейтралитет, но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать ее».

Но ни в одной из 22-х статей ничего не говорилось, будут ли польские паны владеть своими поместьями в Малороссии или нет. А это был основной вопрос, волновавший население Украины, и без его кардинального разрешения любой договор становился «филькиной грамотой».

Ведя переговоры с ляхами, Выговский в августе 1658 г. клялся перед московским посланником дьяком Василием Михайловым в своей верности царю, а в это время гетманское войско шло на Киев, где находился русский гарнизон. 23 августа киевский воевода боярин Василий Борисович Шереметев вдребезги разгромил запорожских казаков под Киевом. Особо отличились полки «иноземного строя» под командованием полковника фон Стадена. Трофеями русских стали 12 пушек, 48 знамен и три бочки с порохом.

На левом (восточном) берегу Днепра большая часть старшины была за Выговского, но зато подавляющее большинство простых казаков стояли за Москву. В последних числах ноября в местечке Верва была созвана рада из верных царю казаков и выбран в гетманы полковник Иван Беспалый, «чтоб

дела войсковые не гуляли».

Поляки не приходили к Выговскому на помощь, и, чтобы остановить присылку новых московских войск, Выговский отправил к царю белоцерковского полковника Кравченко с повинной.

13 декабря 1658 г. Беспалый писал царю, что враги наступают со всех сторон, а царские воеводы помощи им, верным малороссиянам, не дают. Царь ответил, что вследствие приезда Кравченко с повинной он назначил раду в Переявлаве на 1 февраля 1659 г., а межу тем пусть он, Беспалый, соединившись с князем Ромодановским, промышляет над неприятелем.

Неприятель не заставил себя ждать: 16 декабря 1658 г. наказной гетман Выговского Скоробогатенко подошел к Ромнам, где находился Беспалый, но был разгромлен последним. Беспалый доносил царю: «Если ваша пресветлая царская милость с престола своего не подвигнитесь в свою отчину, то между нами, Войском Запорожским, и всем народом христианским, покою не будет. Выговский Кравченка на обман послал и ему бы ни в чем не верить».

В феврале 1659 г. «параллельный гетман» Беспалый сообщил в Москву, что из Новой Чернухи под Лохвицу приходило тридцатитысячное польско-татарское войско Скоробогатенко и Немирича.

На просьбы Беспалова о помощи из Москвы отвечали, что идет в Малороссию боярин князь Алексей Никитич Трубецкой.

15 января 1659 г. Трубецкой действительно выступил из Москвы с большим войском (в летописи говорится о ста тысячах человек) и 10 марта пришел в Путивль. 26 марта московское войско выступило из Путивля и направилось к местечку Константинов на реке Суле, позвав к себе московских воевод из Лохвиц и казаков Беспалого из Ромен.

10 апреля Трубецкой вышел из Константинова к Конотопу, где засел сторонник Выговского полковник Гуляницкий. 19 апреля войско было под стенами города, но осада безуспешно длилась до 27 июня, пока к Конотопу не подошли казаки Выговского вместе с татарами. Оставив всех татар и половину своих казаков в засаде за речкой Сосновкой, Выговский с остальными казаками ночью скрытно подошел к Конотопу, а на рассвете атаковал осаждающих, перебил много людей, отогнал лошадей и начал отступление.

Московские воеводы решили, что их атаковало все войско Выговского, и отрядили для его преследования князей Семена Романовича Пожарского и Семена Петровича Львова. 28 июня Пожарский нагнал черкес, многих перебил и погнался дальше за отступавшими, все более и более удаляясь от Конотопа. Взятые в плен казаки Выговского предупреждали, что впереди

поджидает большое войско — целая ханская орда и половина казаков, но все было тщетно, Пожарский ничего не хотел слышать и шел вперед. «Давайте мне ханишку! — кричал он, — давайте калгу! — всех их с войском… таких сяких… вырубим и выпленим».

Но только князь перебрался через болотную речку Сосновку, как навстречу ему выступили многочисленные толпы татар и казаков. Русские были окружены и разбиты. Оба воеводы попали в плен. Пожарского привели к хану, который начал выговаривать ему за дерзость и презрение к татарским силам. Но воевода и на поле битвы, и в плену был одинаков. В ответ он, как дипломатично писал С. М. Соловьев, «выбранил хана по московскому обычаю», то есть высказался о нравственности ханской матушки, и плюнул в глаза Камиль-Мухаммеду Взбешенный хан приказал немедленно отрубить голову князю.

Затем 5 тысяч пленных из царского войска казаки и татары вывели в открытое поле и «стали резать как баранов».

И вот сейчас картинками с видом Конотопской битвы, где щирые украинцы громят звероподобных москалей, пестрят школьные и вузовские учебники истории Украины.

Как видим, сведений о Конотопском сражении крайне мало как у русских, так и у самостийных историков. Ко всему сказанному стоит добавить несколько слов о слишком горячем и храбром князе Семене Романовича Пожарском. Его отец Роман Петрович Лопата-Пожарский вместе со старшими братьями Дмитрием и Иваном храбро сражался в составе Нижегородского ополчения под началом своего родственника Дмитрия Михайловича Пожарского. У Романа Петровича с вождем ополчения был общий прадед.

Под Конотопом князь Семен Романович Пожарский имел звание окольничего, что нечто среднее между бригадиром и генерал-майором в русской армии XVIII–XIX вв., и командовал всего лишь небольшим передовым отрядом.

Татары и казаки Выговского попытались атаковать главные силы царского войска, осаждавшие Конотоп, но были отбиты ружейно-артиллерийским огнем. Главный воевода Алексей Трубецкой понял, что продолжать осаду Конотопа в таких условиях бессмысленно, и начал отход. Русские войска в полном порядке отошли к реке Сейм. Татары несколько раз нападали на русские войска, но были отражены артиллерийским огнем и контратаками кавалерии. Через реку инженеры навели мост, и все войска вместе с артиллерией и обозами переправились на правый берег Сейма. Через несколько верст войска князя Трубецкого 10 июля остановились у

города Путивля.

Выговский и хан Мухаммед Гирей не рискнули форсировать Сейм и двинулись к Ромнам. Небольшой гарнизон из русских ратников сдался на почетную капитуляцию, их должны были пропустить к войску Трубецкого. Но Выговский нарушил условия капитуляции и отправил пленных русских к польскому королю.

В итоге, несмотря на сравнительно небольшие потери в Конотопской битве, русская армия оставила Малороссию. Исключение представлял небольшой гарнизон Петра Васильевича Шереметева, засевший в Киеве. Вот теперь вроде бы все щирые украинцы должны были сплотиться вокруг «гетмана-освободителя». Но, увы, все происходит с точностью до наоборот.

Казачество поднялось на басурман и их холопа Выговского.

6 июня 1659 г. из устья Дона вышла казацкая флотилия в числе 30 стругов, на каждом струге находилось от 50 до 80 казаков. Командовал флотилией походный атаман войска Донского Корнила Яковлев. (Кстати, крестный отец Стеньки Разина.) Для начала донцы опустошили побережье между турецкими крепостями Темрюком и Таманью. Затем казаки атаковали Кафу (Феодосию). Разорению подвергся весь южный берег Крыма до Балаклавы включительно.

Не довольствуясь Крымом, Корнила повел свои струги к берегам Турции. Славно казаки погуляли под Синопом, Кефкею и Кондрами — городом, от которого до Стамбула было ходу лишь сутки.

16 августа донцы благополучно прибыли домой. Казакам удалось отбить из полона 150 православных душ, 96 из которых пожелали отправиться на Русь, а остальные изъявили желание записаться в казаки.

Одновременно «молодой Юрий Хмельницкий с запорожцами ходил под Крым, погромил четыре ногайских улуса и взял много пленных. Хан и Выговский немедленно послали сказать ему, чтоб отпустил пленных в Крым, но Хмельницкий отвечал: „Если хан отпустит из Крыма прежний полон козацкий, то и мы отпустим татар; если же хан пойдет на государевы города войною, то и мы опять пойдем на крымские улусы“»[157].

В такой ситуации хан Мухаммед Гирей оставил Выговскому 15 тысяч татар, а сам с основными силами отправился защищать свои улусы. Но крымские татары так просто по Малороссии никогда не путешествовали. На обратном пути Гирей напал на Сумы, Хотмыл, Карпов, Ливны, городов не тронул, но разорил и выжег уезды и лишь тогда двинулся домой. Вместе с собой татары гнали десятки тысяч несчастных малороссов, захваченных как в совместных с Выговским операциях, так и «по пути». Понятно, что об этом «оранжевые» историки предпочитают помалкивать.

Польская подмога Выговскому оказалась невелика — около полутора тысяч человек под началом «обозного коронного» Андрея Потоцкого.

Иван Выговский послал под Киев свои войска и оставшихся татар под началом своего брата Данилы Выговского. Навстречу ему из Киева вышел отряд Шереметева и наголову разгромил воинство Выговского.

В каком состоянии находилась в это время Малороссия, лучше всего видно из донесения королю Яну-Казимиру обозного коронного Андрея Потоцкого: «Не изволь, ваша королевская милость, ожидать для себя ничего доброго от здешнего края! Все здешние жители [то есть жители западной стороны Днепра] скоро будут московскими, ибо перетянет их к себе Заднепровье [восточная сторона Днепра], а они того и хотят, и только ищут случая, чтоб благовиднее достигнуть желаемого. Они послали к Шереметеву копию привилегий вашей королевской милости, спрашивая: согласится ли царь заключить с ними такие же условия? Одно местечко воюет против другого, сын грабит отца, отец сына. Страшное представляется здесь Вавилонское столпотворение! Благоразумнейшие из старшин козацких молят Бога, чтоб кто-нибудь — или ваша королевская милость, или царь — взял их в крепкие руки и не допускал грубую чернь до такого своеволия»[158].

Выговскому с татарами пришлось отступить на юг в город Чигирин. Узнав об этом, переяславский полковник Тимофей Цецура перебил в городе всех сторонников Выговского и дал знать об этом Трубецкому в Путивль.

30 августа киевский воевода В. Б. Шереметев писал царю, что полковники — переяславский, нежинский, черниговский, киевский и лубенский — «добили челом и присягнули».

Запорожский атаман Иван Сирко, выйдя на лодках из Запорожья с большим войском, проплыл вверх по Бугу до города Умани, напротив Умани высадился на берег, разгромил татарские улусы и начал войну с Выговским, «а ныне стал на реке Буге с войском, на Андреевском острове, и там ожидает милости великого государя, а над неприятелями изменниками государевыми промысел и ныне чинить»[159]. Царь грамотой от 14 декабря приказал киевскому воеводе В. Б. Шереметеву выдать полковнику Сирку в награду за подвиги двести золотых и соболей на триста рублей.

Иван Выговский оказался в отчаянном положении. 11 сентября у запорожцев собралась рада. Выговский приехал к ним и зачитал гадячские условия, уже подтвержденные на сейме. Он уговаривал казаков оставаться под королевской властью, но в результате едва успел унести ноги в

польский стан. Запорожцы кричали, что у короля в подданстве быть не хотят, а хотят быть под государевой рукою.

13 сентября Юрий Хмельницкий со своим войском двинулся на Расаву для соединения со стоявшими там чигиринским, уманьским и черкасским полковниками. Иван Выговский и Потоцкий следовали за ним. Казаки поговаривали, что на Расаве будет большая рада, где изберут в гетманы Юрия Хмельницкого, а Выговского убьют. В двадцатых числах сентября Потоцкий и Выговский остановились под Хвостовом, а Хмельницкий — на Взенье недалеко от Белой Церкви. Там к Потоцкому прибыли представители казаков и просили его уговорить Выговского сложить булаву на раде.

В конце концов Иван Выговский был вынужден отдать гетманскую булаву казакам-запорожцам, а те отвезли ее Юрию Хмельницкому.

Сам Иван Выговский бежал к ляхам, но и там он пытался интриговать, за что и был расстрелян по приговору суда.

Так что Конотопское сражение, прославленное нынешними самостийниками, обернулось поражением Выговского и крымского хана.

Каждый гетман, полковник или старшина, который хоть какое-то время воевал против царских войск, сейчас объявляется официальным Киевом «украинским патриотом». Историк же Сергей Родин дал им совсем иное определение — этнические мутанты: «Этнический мутант затрудняется в оценке своей национальной принадлежности, так как чувствует в своей душе борение противоположных, взаимоисключающих начал. Многие представители казачьей старшины эпохи Гетманщины как раз и представляют такой национально мутированный тип: русские по крови, они по своей психологии, социальному быту, культурным предпочтениям примыкали к полякам и ориентировались на шляхетско-кастовые ценности. Историческая судьба распорядилась так, что окончательно ассимилироваться в польский этнос им не было суждено, но и русскими они себя уже не чувствовали, хотя по инерции еще и называли»[160].

Это определение прекрасно подходит к гетману Выговскому По происхождению он русский, по образованию — поляк, он делал карьеру у поляков и попал в плен в битве при Желтых Водах. В 1656 г. Выговский вступил в брак с полькой Еленой Стеткевич, дочерью новогрудского каштеляна Богдана Стеткевича.

Вопреки басням самостийников сражение у Конотопа не было забыто русскими историками. Оно описано в «Истории России с древнейших

времен» С. М. Соловьева, в «Военной энциклопедии»[161] должна была быть статья «Конотопское сражение» в разделе «Русско-польские войны», но в связи с революцией 1917 г. этот том не вышел из печати.

Однако до 1991 г. современники этот эпизод справедливо рассматривали как второстепенное, а главное, случайное событие.

В 1995 г. на Украине впервые была отмечена годовщина Конотопской битвы. Пока там собрались лишь ультранационалисты. Но вот Ющенко издал президентский указ № 207/2008 «О праздновании 350-летия победы войска под руководством гетмана Украины Ивана Выговского в Конотопской битве».

В президентском указе, с одной стороны, отмечено, что необходимо организовать: «проведение исследовательской работы по изучению этих событий, подготовку и издание научной и научно-популярной литературы, проведение археологических исследований на местах, связанных с Конотопской битвой». А с другой стороны, не дождавшись результатов научных изысканий, в том же указе предлагается осуществить переименование улиц в областных центрах и на местах «былых сражений», отчеканить юбилейную монету, соорудить мемориальный комплекс, создать документальный фильм о Конотопской битве и еще много чего запланировано. Праздновать победу Выговского над армией Трубецкого на Украине будут широко: на месте битвы установят мемориал, выпустят юбилейную монету, почтовую марку, книги, проведут научные конференции. Ожидается приезд иностранных делегаций и, конечно же, солидное бюджетное финансирование торжественных мероприятий. При этом администрации Киева, правительству Крыма и мэрии Севастополя рекомендовано «изучить вопрос» о переименовании улиц, проспектов, площадей, воинских частей и учебных учреждений в честь героев Конотопской битвы. Так что не исключено, что в Симферополе или Севастополе появится улица хана Мехмеда IV Гирея.

Я почти ежегодно бываю в Севастополе и хорошо знаю многих крымских историков. Подавляющее большинство севастопольцев ненавидит «оранжевых». Любая попытка переименования улиц русского города Севастополя вызовет большие беспорядки. Не пора ли правительству РФ официально объявить, что Россия не допустит расправы над русскоязычным населением Крыма?

«Победа под Конотопом подходит для поднятия национального духа как нельзя кстати. Тем более что в ходе празднования можно будет одним напоминанием о былом „боевом братстве“ немного успокоить крымских татар, все более неуютно чувствующих себя в Крыму и грозящих создать

отряды самообороны. Приятные эмоции испытает и Польша, официально именующая себя „адвокатом“ Украины в Евросоюзе. Наконец, Конотопская битва станет альтернативой другого, более известного сражения — Полтавского, произошедшего ровно через пятьдесят лет. О том, как праздновать победу русского оружия над шведским, президенты России и Украины недавно обсуждали в Москве. И в Киеве, похоже, смирились с тем, что победа Петра I важнее поражения Мазепы. Вопрос только в том, какое из празднований посетит президент Ющенко — ведь обе битвы произошли практически в один день»[162].

Нетрудно понять, что истерия Ющенко и К^{o} вокруг Конотопской битвы может серьезно испортить отношения Республики Украина с Российской Федерацией и дестабилизировать и без того накаленную обстановку внутри Украины.

Глава 6
Начало «Руины»

5 сентября 1659 г. «разбитое войско» Алексея Трубецкого выступило из Путивля в левобережные города. Там везде встречали московское войско с радостью, полковники и старшины под пушечную стрельбу присягали на верность русскому царю. 27 сентября Трубецкой подошел к Переяславу Полковник Цецура со своим войском выехал ему навстречу за пять верст. Протопоп Григорий, священники с крестами, мещане, бурмистры, лавочники и вся чернь вышла за стены города встречать московское войско. Въехав в Переяслав, Трубецкой отстоял молебен в церкви и затем объявил переяславцам царскую милость, что велел им государь «быть под своею высокою рукою по-прежнему, прав и вольностей их нарушать не велел, а что были они он него отступны, и он вины им отдал». Так было и в других городах.

9 сентября в Переяслав прибыл Юрий Хмельницкий. На следующий день Юрий со своей старшиной явился к Трубецкому, который встретил его словами: «Известно великому государю, что ты ему служить и ни к каким прелестям не приставал. За твою службу великий государь тебя жалует, милостиво похваляет, и тебе бы и вперед служить верно, как служил отец твой гетман Богдан Хмельницкий». Юрий и его старшины били челом, чтобы царь простил им их вины, поскольку отлучились они от него не по своей воле, а принудил их к этому Ивашка Выговский. Трубецкой ответил, что царь их простил, велел созвать в Переяславе раду и выбрать себе гетмана, кого захотят.

17 октября 1659 г. за городом была созвана большая рада с участием как левобережных, так и правобережных казаков. Почти единогласно гетманом избрали Юрия Хмельницкого.

Между тем 21 июля 1658 г. в Москве было подписано предварительное перемирие со Швецией. Война не нужна была ни Карлу X, ни Алексею Михайловичу. Шведы увязли в войне с Данией, а русские — в Малороссии. Окончательный мир со Швецией был подписан 21 июня 1661 г. на мызе Кардис уже после смерти Карла X (в феврале 1660 г.).

В Белоруссии в 1660 г. боевые действия шли с переменным успехом. В январе 1660 г. боярин князь Иван Андреевич Хованский взял штурмом крепость Брест и разрушил ее. В трех сражениях Хованский разгромил три польских отряда, которыми командовали Полубенский, Обухович и

Огинский.

18 июня 1660 г. у местечка Полонка в 30 верстах от города Ляховичи русское войско И. А. Хованского было разбито поляками под командованием Чарнецкого, Полубенского и Кмитица. Воевода князь Семен Щербатый попался в плен, двое сыновей Хованского и воевода Змеев были ранены, сам И. А. Хованский с оставшимся войском отошел к Полоцку. Осаду с Ляховичей пришлось снять, а русская осадная артиллерия досталась ляхам.

С 24 по 26 сентября 1660 г. у села Губарево в 30 верстах от Могилева шло трехдневное сражение русских под началом князя Юрия Алексеевича Долгорукова с войском гетмана Павла Сапеги. В первый день поляки заставили русских отступить и занять оборону в своем лагере. На следующий день, 25 сентября, русские упорно оборонялись в окружении и, наконец, на третий день атаковали и заставили поляков бежать.

На юге киевский воевода В. Б. Шереметев с Юрием Хмельницким в августе 1660 г. двинулись на Львов. Русское и казацкое войска шли разными дорогами, Шереметев пошел на Котельню, а Хмельницкий — на Гончаризу. По пути к русскому войску присоединился отряд казаков под началом Цецуры.

Полякам удалось тайно сосредоточить у Любара свое тридцатитысячное войско гетмана Потоцкого и маршалка Любомирского и 60 тысяч татар. 5 сентября ляхи и татары внезапно атаковали войско Шереметева. Русские были отброшены, но засели в обозе. В ходе боев 5 и 6 сентября было потеряно около полутора тысяч русских и двести казаков. Затем противник отошел, но в стане Шереметева начался голод. 9 сентября воевода выслал за фуражом трехтысячный отряд, который перехватили татары, 500 человек было убито, 300 взято в плен, остальные вернулись в русский лагерь.

На рассвете 17 сентября Шереметев повел свое войско на прорыв. В ходе боя русские и казаки потеряли несколько сотен человек убитыми. Полякам достались 400 телег и 9 пушек. Если верить летописи, отступление шло непрерывно весь день и всю ночь. Лишь в 7 часов утра 18 сентября войска достигли города Чуднова. Однако уже через 3 часа явились поляки и заняли возвышенность, господствующую над городом. Поэтому оставаться в Чуднове стало невозможно.

Шереметев приказал взять в городе как можно больше съестных припасов, сжечь город, отступить от него на несколько верст и укрепиться. Русское укрепление (табор) имело вид треугольника. Вскоре появились ляхи и начали артиллерийский обстрел русского табора.

Между тем к месту сражения двигалось войско Юрия Хмельницкого. Поэтому поляки разделили свои силы. Потоцкий остался держать Шереметева, а Любомирский двинулся наперерез Хмельницкому и напал на него под Слободищами. В ходе встречного боя обе стороны понесли большие потери, но в целом результат был ничейный. Ночью после битвы Хмельницкий получил грамоту от Выговского с уговорами отлучиться от Москвы, «которой силы уже сокрушены, которая более не светит, а чадит, как погасающая лампада».

В ту же ночь войско Любомирского отправилось на соединение с Потоцким. Хмельницкий же вместо преследования Любомирского остался под Слободищами и послал к полякам гонца с предложением начать переговоры о мире.

4 октября войско Шереметева пошло на прорыв, но, встретив войска Потоцкого и Любомирского, повернуло обратно. По польским данным было убито около трех тысяч русских и казаков.

5 октября Хмельницкий прислал полякам свои новые предложения, в ответ его пригласили лично явиться в польский стан и принести присягу королю. 8 октября гетман приехал в польский стан. Поляки удивились, увидев сына человека, одно имя которого наводило на них ужас. Это был скромный темноволосый мальчик, молчаливый и неловкий, более похожий на монастырского послушника, чем на казацкого гетмана и знаменитого Хмеля.

На следующий день Юрий присягнул королю, а вечером того же дня отправил письмо в русский стан к Цецуре с объявлением, что мир с Польшей заключен и чтобы полковник следовал его примеру и перешел на сторону поляков. 11 октября Цецура прислал ответ. Он писал, что отделится от москалей, как только убедится, что гетман действительно находится у поляков. Юрий выехал на холм под гетманским бунчуком. Тут Цецура с двумя тысячами казаков (остальные остались в обозе) рванулся из табора. Татары, решив, что это вылазка, бросились на них, поляки кинулись защищать перебежчиков, около двухсот казаков было перебито татарами, а остальные, цепляясь за польских всадников, достигли польского стана.

Уход казаков Цецуры серьезно ухудшил положение Шереметева. Помощи ждать было неоткуда, а между тем «от пушечной и гранатной стрельбы теснота была великая. С голоду ратные люди ели палых лошадей и мерли. Пороху и свинцу у них не стало». В таком положении Шереметев продержался еще 11 дней и 23 октября начал переговоры с поляками. В результате были подписаны следующие условия:

«1. Царские войска должны очистить малороссийские города: Киев,

Переяслав, Нежин, Чернигов, оставя в них пушки и всякие пушечные запасы, после чего беспрепятственно отступят к Путивлю, взявши с собою имение свое и казну царскую.

2. Войско Шереметева, сдавши оружие, все военные запасы и хоругви, остается в обозе три дня, а на четвертый выступает в города Кодно, Котельню, Паволоч и ближние места.

3. Шереметев с начальными людьми остается у гетманов коронных и у султана крымского, пока царские войска не выйдут из Киева, Переяслава, Нежина и Чернигова; им позволяется оставить при себе только сабли и иметь сто топоров в войске для рубки дров; когда упомянутые города будут очищены, то войско, под защитою королевских полков, отпустится к Путивлю, где будет ему возвращено все ручное оружие; дорогою русских ратных людей не будут ни грабить, ни побивать, ни в плен брать; пищу себе и лошадям вольно им будет покупать.

4. Казаки, оставшиеся в таборе Шереметева по уходе Цецуры, выйдут наперед из обоза, оружие и знамена повергнут под ноги гетманов коронных, и Москве нет до них никакого дела.

5. Шереметев с товарищами ручаются, что воевода князь Юрий Никитич Барятинский на все эти статьи согласится, приедет к гетманам и останется в них до очищения Киева, Переяслава, Нежина и Чернигова». Если же он этого не сделает, то уговорные статьи войска Барятинского не касаются.

Шереметев немедленно отправил грамоты Барятинскому, стоявшему под Киевом, и воеводе Чаадаеву, находившемуся в самом Киеве, и просил их согласиться на Чудновский договор.

Князь Барятинский и не подумал капитулировать перед ляхами и написал Шереметеву: «Я повинуюсь указам царского величества, а не Шереметева; много в Москве Шереметевых!» Получив этот ответ, поляки решили задержать русское войско и воевод, поскольку главное условие — очистка малороссийских городов — не было выполнено.

В качестве награды за ратные труды поляки передали В. Б. Шереметева татарам. Те отвели боярина в Крым, где посадили в кандалах в ханском дворце. Через три месяца по ходатайству Сефергазы-аги кандалы с него сняли и послали в «жидовский город» (видимо, имелся в виду Чуфут-Кале).

Видя, что московские воеводы и не думают сдавать Киев, поляки тайно отправили туда пана Чаплинского поднимать жителей против Москвы. Чаплинского в Киеве схватили и посадили под стражу, но тот сбежал и скрылся в монастыре, где игумен Сафонович сбрил у него усы и

бороду, переодел монахиней и велел выпустить из города, когда монахини будут выгонять коров.

По наущению поляков Юрий Хмельницкий собрал в городе Корсуни раду для утверждения его гетманства. На раду прибыл и представитель польского короля знатный пан Беневский. На сей раз раду устроили не на майдане, как положено, а в большом доме. Там Беневский объявил, что ни одно из царских распоряжений не имеет больше силы, и при всеобщем восторге от имени короля вручил булаву Хмельницкому.

Но к вечеру Беневскому испортили настроение известием, что «чернь» бунтует: почему рада прошла в избе, а не на майдане, как всегда было, и нет ли в том какого злого умысла против Войска. Беневский велел Хмельницкому наутро созвать «черную» раду, чтобы тот при всех снова принял булаву. Но гетман не хотел созывать «чернь» и отвечал: «Если пан воевода хочет черной рады, да еще во время ярмарки, то пусть знает, что погубит и себя, и меня, и полковников, и учинит смуту большую».

Поэтому Беневскому пришлось самому собрать еще одну раду на площади у церкви Святого Спаса. Собралось около 20 тысяч казаков. На раде Беневского поддержал языкастый казак Павло Тетеря. Он в свое время ездил в Москву, где, приветствуя царя Алексея, ставил его выше святого князя Владимира. Теперь же он вещал о страшных замыслах царя против казаков. Якобы он все это проведал, будучи в Москве. Оратор произвел сильное впечатление на слушателей. «Не дай нам, боже, мыслить о цари, ни о бунтах!» — говорили казаки. Через несколько минут Тетеря был избран войсковым писарем и ему передали войсковую печать. «Пан писарь! — кричали казаки, — будь милостив, учи гетмана уму-разуму ведь он молоденький еще! Поручаем его тебе, поручаем тебе жен, детей, имение наше!»

В то время как в Корсуне происходили эти события, в то время как казаки в здешней соборной церкви присягали королю, на другой стороне Днепра, в Переяславе, также в соборной церкви толпился народ. Там дядя Юрия Хмельницкого полковник Яким Самко вместе с казаками, горожанами и духовенством клялся умереть за царя, за церкви божие, за веру православную, а городов малороссийских врагам не сдавать, против неприятелей стоять и отпор давать.

Запорожье также было за царя. Вскоре после чудновского поражения в Москву прискакал запорожский кошевой атаман Иван Брюховецкий и объявил: «Мир с поляками Хмельницкий заключил по наговору тех, которым от короля дана честь: Носача, Лесницкого, Гуляницкого. У гетмана наперед была ли о том мысль или нет — не знаю, только гетман шел в сход

к Шереметеву не на то место».

1661 год начался наступлением поляков на Украину. 2 января поляки с казаками Хмельницкого штурмовали Козелец, но были отбиты с большим уроном. 6 января поляки и татары появились под Нежиным, ворвались в посад, но город взять так и не сумели. 10 января поляки опять приступили к Козельцу и опять были отбиты. Верные царю казаки начали наступательные действия и бились с поляками под Остром. 30 января, 2,4 и 6 февраля поляки и татары снова приходили под Нежин, бились с его жителями, но город так и не взяли.

В начале февраля в Белоруссии под Друей князь Иван Андреевич Хованский разбил польский отряд полковника Лисовского. Замечу, сей пан Лисовский несколько раз переходил с польской службы на царскую.

Но вернемся на Украину. В Москве боялись, что казаки, воспользовавшись чудновской победой, немедленно перейдут со всеми силами на левый берег Днепра, займут всю Малороссию и двинутся с юго-запада на Москву. А между тем лазутчики доносили, что поляки очистили левобережную Украину и двинулись на запад, в Польшу. Уж не шведы ли нарушили Оливский мир с поляками, заключенный 3 мая 1660 г.? Или турецкий султан с огромным войском идет на Подолию? Увы, все оказалось гораздо проще — польское воинство потребовало жалованье и, не получив его, вышло из повиновения командиров и двинулось обратно в Польшу, чтобы пограбить тамошних хлопов. А почему бы им не пограбить Малороссию? Так она уже и так была основательно разграблена за пятнадцать лет войны, да и казаки не очень-то давали грабить. А вот в Польше казаков не было, и грабить забитых польских хлопов было куда проще.

Однако верные царю малороссийские казаки не воспользовались уходом поляков, а затеяли тяжбу, кому быть гетманом. В апреле 1661 г. у Нежина собралась рада, но выбрать гетмана не смогли. Часть казаков была за Якима Самко, часть — за нежинского полковника Василия Золотаренко. В итоге положили «отдать гетманское избрание на волю царскую, кого государь пожалует в гетманы».

В Москве бояре плохо разбирались в ситуации в Малороссии и не знали, кому отдать гетманскую булаву. Ситуацию сильно усложнил и Юрий Хмельницкий, приславший царю покаянное письмо, где утверждал, что его принудили к союзу с ляхами изменники-полковники, а он, Юрий, по-прежнему желает «быть в подданстве в Вашего царского величества».

Однако с подходом в начале июня 1661 г. польского войска и татар любовь к царю у Юрия Богдановича как-то пропала. 12 июля

шеститысячное войско, состоявшее из казаков, поляков и татар, внезапно напало на казаков Якима Самко, стоявших табором в трех верстах от Переяслава. Битва длилась с полудня до ночи. А на следующий день к Самко подошел отряд московских ратных людей, что позволило казакам в полном порядке отойти к Переяславу Хмельницкий осадил Переяслав, но Самко внезапно пошел на вылазку и поразил неприятеля. Хмельницкий отступил к Каневу Кременчугские казаки изменили царю и 23 июня впустили в город две тысячи казаков Хмельницкого, но пятьсот человек московского гарнизона вместе с мещанами засели в малом городе и отбили осаждавших. Узнав об этом, князь Ромодановский немедленно выслал в Кременчуг десятитысячное московское войско. 1 июля войско уже было под стенами города и атаковало осаждавших. Осажденные со своей стороны пошли на вылазку, в результате казаки Хмельницкого потерпели полное поражение, и Кременчуг был спасен.

В Каневе и Черкассах стояли московские войска. Но вскоре ситуация изменилась. Хмельницкий с татарами под Бужином разбил московский отряд под началом стольника Приклонского и 3 августа прогнал его за Днепр. Хмельницкий доносил королю, что 1 августа под Каневым было истреблено более трех тысяч царского войска, под Бужином погибло десять тысяч, казаки и татары взяли семь царских пушек, множество знамен, барабанов и других военных трофеев.

Ромодановский приказал отходить, но крымский хан Камиль-Мухаммед Гирей, переправившись со своими татарами через Сулу, нагнал Ромодановского, разбил его, взял 18 пушек и весь лагерь. Сам князь с остатками войска ушел в Лубны.

Вторая половина 1662 г. и первая половина 1663 г. прошли на Украине бурно, но крайне бестолково. У поляков и русских было мало сил, татары предпочитали заниматься грабежом, а на Левобережье промосковски настроенные полковники устроили между собой настоящую грызню.

Наконец 18 июня 1663 г. близ Нежина состоялась генеральная рада в присутствии специального посланника царя князя Данилы Великого-Гагина. С. М. Соловьев описывал эту раду следующим образом: «Не дали еще Гагину дочитать царского указа о гетманском избрании, как с одной стороны раздались крики: „Брюховецкого!“, а с другой: „Самка!“, но за криками следовала драка: запорожцы Брюховецкого кинулись на приверженцев Самка; бунчук наказного гетмана был сломан, он сам едва мог выдраться из толпы и скрыться в шатер царского воеводы; несколько человек было убито; победители запорожцы столкнули Гагина с его места и выкрикнули своего кошевого гетманом. Гагин, однако, не дал

Брюховецкому утверждения от имени царского: Самко объявил ему, что гетманство Брюховецкого, приобретенное насилием, не есть законное, что ни он, ни Войско не признает его гетманом и что необходимо собрать новую раду. Рада была созвана, но Самко не получил он нее никакой выгоды, потому что приверженцы его перешли на сторону Брюховецкого, провозгласили его гетманом и стали грабить возы своей старшины… После этого нового избрания, против которого нельзя было ничего сказать, Гагин дал булаву Брюховецкому. Запорожцы праздновали свое торжество трехдневным убийством: гибли неприязненные Брюховецкому полковники, и их место заступали запорожцы. Новый гетман отправил в Москву благодарственное посольство и вместе с Мефодием[163] по-прежнему твердил об измене Самка и Золотаренко; обвиненные отданы были на войсковой суд по древнему обычаю казацкому: судьями были враги-победители, которые и приговорили побежденных к смертной казни; приговор был исполнен в Борзне 18 сентября»[164].

Замечу, что ситуация в занятых московскими войсками областях Малороссии была осложнена не только распрями между полковниками — искателями гетманской булавы, но и рядом экономических факторов. Так, к примеру, большую настороженность казаков и мещан вызвало введение царем Алексеем медных денег. В 1656 г. в царской казне недостало денег на жалованье ратным людям, и Алексей по совету Федора Ртищева велел чеканить медные деньги, имевшие нарицательную стоимость серебряных. В 1657 и 1658 гг. эти деньги действительно ходили как серебряные, но с сентября 1658 г. стали падать в цене: серебряный рубль стал стоить шесть медных рублей. К марту 1659 г. за серебряный рубль уже просили десять медных, а в 1663 г. серебряный рубль стоил двенадцать медных. Наступила страшная дороговизна, указы, запрещавшие поднимать цены на необходимые предметы потребления, не действовали. Развелось множество фальшивомонетчиков. Им рубили руки, позже стали рубить и головы, но это не помогало.

В Москве 25 июля 1662 г. произошел так называемый Медный бунт. Стрельцам удалось его подавить, но при этом было убито и утонуло в Москве-реке несколько сотен человек.

В Малороссии царь тоже велел выдавать войску жалованье медными деньгами, но купцы и мещане отказывались их брать. Так, в Киеве за двадцать медных рублей давали один серебряный. А в Смоленске воевода для предупреждения побегов солдат и стрельцов, недовольных выплатой жалованья медными деньгами, велел вообще не выпускать их за городские

ворота.

Надо ли говорить, что медные деньги вносили серьезную рознь между москалями и малороссами. И это при том, что финансовое положение России не было критическим. Царь вполне мог платить войскам, находившимся за границей, серебром, но ни он, ни бояре не понимали специфики ситуации на Украине. Ни до Алексея, ни до его сына так и не дошло, что вещи, допускаемые в задавленной самодержавием России, не пройдут со свободолюбивыми казаками, и что грошовые приобретения позже могут обернуться миллионными убытками вследствие противостояния казачества. Это в равной степени касается и Малороссии, и Запорожской Сечи, и Дона.

Польский же король ухитрился собрать деньги и заплатил золотом войску Жеромского, дислоцированному в Белоруссии. Результаты не заставили себя ждать. К началу 1662 г. русские потеряли Гродно, Могилев и Вильно.

Разумеется, дело решили не только деньги, но и умение воевод. Так, в мае 1662 г. из города Корбина вышел полковник Статкеевич с отрядом конницы и пятнадцатью хоругвями[165] старой королевской пехоты. Ему была поставлена задача не допустить подкреплений русским гарнизонам Быхова и Борисова, осажденным поляками. Узнав, что из Смоленска к Быхову идет московское войско с казной и запасами, Статкеевич послал свое войско на перехват. В пяти верстах от Чаус, между реками Проней и Басей, поляки Статкеевича атаковали русских. Но вместо стрельцов или конницы из дворянского ополчения ляхи нарвались на русских солдат «иноземного строя» под командованием генерал-майора Вильяма Друмонта. В ходе упорного боя все пятнадцать пехотных хоругвей были уничтожены «до единого человека, конницу победители топтали на 15 верстах и взяли в плен 70 человек».

Однако успех этот был частным и не мог переменить ситуации в пользу Москвы. Поляки знали, что пехота из-за скудного жалованья, да еще медными деньгами, начала перебегать из московских полков, что солдаты бегут из самой Москвы и из украинских полков, бегут в степи и в Сибирь.

В 1662 г. царь Алексей попытался заключить перемирие с Польшей. Начались многомесячные переговоры, но единственным результатом их в 1662 г. стал частичный размен пленных.

Замечу, что польские паны устроили самосуд и зверски убили освобожденных русскими гетмана Гонсевского и маршалка Жеромского. Им были предъявлены обвинения, будто они присягнули царю и хотели подвести Польшу под его власть.

Боевые действия во второй половине 1662 г. шли вяло. В осажденном Борисове кончилось продовольствие, и воевода Хлопов с разрешения царя оставил город. При этом отступление русских прошло в полном порядке. Из Борисова были вывезены все пушки и обоз.

16 декабря 1662 г. королевские войска под начальством полковника Черновского взяли штурмом город Усвят. При этом шляхетский ротмистр Глиновецкий, шляхтич Сестинский и мещанский войт были повешены за то, что не сдали города полякам.

Несколько слов скажу о ситуации в 1663 г. на Украине. Летом 1663 г. князь Ромодановский послал в Сечь 500 драгун и донских казаков под начальством стряпчего Григория Касогова. Между тем кременчугские казаки опять переметнулись на сторону поляков. В город прибыл казачий атаман правобережной Украины Петр Дорошенко. Узнав, что в Запорожье пробирается московский отряд, Дорошенко в июле 1663 г. послал «проведать об нем» 200 казаков и сотню татар, которые столкнулись с отрядом Касогова под Кишенкой и были разбиты.

Касогов благополучно добрался до Сечи и, объединившись с запорожцами, двинулся в сентябре за Днестр. И, как сказано в донесении в Москву, «выжгли они ханские села, много в них побили армян и волохов и 20 сентября возвратились в Сечь все в целости».

2 октября Касогов и кошевой атаман Иван Серко выступили из Сечи и направились к Перекопу. Крепость («большой каменный город») Перекоп была взята, но цитадель («малый город») осталась за янычарами. Касогов потерял в этом деле из своего отряда убитыми десять человек.

Пленных, взятых в Перекопе, в Сечь не повели, а порубили на месте, не пощадив ни женщин, ни детей. Как доносил в Москву Касогов, сделали это на том основании, что в Крыму и Перекопе было моровое поветрие. Однако посланцы от запорожских казаков, прибывшие в Москву с тем же известием о победе, говорили: «В Перекопи при нас морового поветрия не было, слышали мы, что было поветрие, но задолго до нашего прихода. Пленных мы всех порубили, будучи между собою в ссоре, а кошевой атаман Иван Серко писал про моровое поветрие к гетману Брюховецкому, думаем, от стыда, что языков к нему послать было некого, потому что войском всех побили».

8 октября 1663 г. король Ян Казимир взял город Белая Церковь, который находился всего в 60 верстах к юго-западу от Киева. Но король пошел не на Киев, а на запад, и вышел к Днепру у городка Ржищева, где начал переправу через Днепр.

Само королевское войско было невелико: три конных полка общей

численностью около полутора тысяч человек и триста человек пехоты. У гетмана Потоцкого было три казацких полка, две роты польских гусар и четыре тысячи пехотинцев; у пана Чарнецкого — 240 гусар, 400 драгун и три казацких полка общей численностью около 2500 человек; у пана Песочинского — 9 рот немецких наемников и 950 поляков. Кроме того, имелось пять тысяч конных татар. Резервом королевского войска могло стать 14-тысячное литовское войско под началом Сапеги, которое стояло в Досугове.

Чтобы привлечь к себе малороссиян, король выкупил у татар русских пленников и отпустил их по домам. Ратным людям король запретил брать что-либо силой у местных жителей, и даже велел повесить в назидание трех шляхтичей за грабежи.

Переправившись через Днепр, король двинулся по левобережной Украине. Тринадцать небольших городков без боя сдались полякам. Однако город Лохвицу пришлось брать штурмом с большими потерями для ляхов. Город Гадяч вообще не удалось взять. От Гадяча Ян Казимир двинулся вдоль старой (1618 г.) русской границы. Он форсировал реку Сейм, но под Глуховым встретился с царскими воеводами и отступил за Десну. Однако под Новгородом-Северским князь Ромодановский и гетман Брюховецкий настигли короля и нанесли ему поражение.

Между тем 6 декабря 1663 г. Косагов и Серко, взяв с собой калмыцкого мурзу Эркет Артукая, вновь отправились под Перекоп. В районе Перекопа союзники разгромили несколько татарских селений и освободили свыше ста русских и украинских пленников. Против них вышло с тысячу всадников под предводительством перекопского хана Карач-бея, которых союзники вдребезги разбили, а калмыки перекололи всех пленных.

Вскоре казаки захватили важного турка, который сообщил Серко, что польский король постоянно шлет к крымскому хану посланцев с просьбой послать ему орду на помощь. Хан же отвечает ему, что из-за казаков, калмыков и московских войск орде из Крыма выйти невозможно. В действительности же хан был напуган успехом запорожских казаков под Перекопом и гибелью Карач-бея.

Вернувшийся из татарского плена в Запорожье князь Василий Борисович Шереметев с рейтаром Иваном Кулагиным подтвердили, что хан действительно так напуган запорожцами, что даже отправил к королю своего посланца с отказом тому в помощи. То же сообщали и другие беглецы и пойманные татары.

В январе 1664 г. Серко двинулся к рекам Буг и Днестр, где побил много турок. После взятия турецкого города Тягина Серко повернул на

север на украинские города, лежащие на Буге. Как доносил сам Серко царю: «Услыша же о моем, Ивана Серка, приходе, когда я еще с войском к городу и не подошел, горожане сами начали сечь и рубить жидов и поляков, а все полки и посполитые, претерпевшие столько бед, неволю и мучения, начали сдаваться. Через нас, Ивана Серка, обращена вновь к вашему царскому величеству вся Малая Россия, города над Бугом и за Бугом, а именно: Брацлавский и Калницкий полки, Могилев, Рашков, Уманский повет, до самого Днепра и Днестра. Безвинные люди (этих мест) обещались своими душами держаться под крепкою рукою вашего царского пресветлого величества до тех пор, пока души их будут в телах, и врагам креста Господня не поддаваться и не служить»[166].

Действительно, Серку не сдался только один город — Чигирин, но и тот был осажден. Успехи Серка вдохновили на мятеж и бывшего гетмана Ивана Выговского. Поляки сделали его сенатором, но тот все равно считал себя обойденным. Однако вскоре Выговский был захвачен польским полковником Махоцким и расстрелян.

После разгрома королевских войск у Новгорода-Северского гетман Брюховецкий отправился на правобережную Украину и сжег Черкассы, после чего пошел к Каневу.

Отряд Серко двинулся к Бужину Там 7 апреля 1664 г. на него напал Стефан Чарнецкий с двухтысячной польской и татарской конницей. После почти двухнедельных боев поляки и татары были разбиты запорожцами и русскими из отряда Касогова.

Между тем Брюховецкий с московским воеводой Петром Скуратовым стояли обозом под Каневым. 21 мая на них напали поляки и татары, но были отбиты. В тот же день Брюховецкий и Скуратов вошли в Канев, на следующий день под город явился сам Чарнецкий с хорунжим коронным Собеским, полковником Маховским, Тетерей и татарами. Бой под Каневым продолжался целый день, и только к вечеру неприятель отступил и стал в версте от города. Шесть дней все было тихо, а 29 мая Чарнецкий, отпустив свои обозы к Ржищеву, двинулся опять под Канев и всеми силами атаковал гетманскую пехоту. Та дрогнула и опрокинулась на московский солдатский полк Юрия Пальта, но солдаты выдержали натиск. В тот же день Чарнецкий отошел от Канева и встал в десяти верстах на Днепре выше города. 2 июня он пошел к Корсуни, оставив под Каневым небольшой отряд конницы, чтобы прикрыть его отступление. От Корсуня Чарнецкий пошел за Белую Церковь к местечку Ставищи, попытался взять его штурмом, но потерпел неудачу, потеряв при этом, как доносили в Москву, три тысячи человек. Чарнецкий сам был ранен и вскоре умер.

Весной 1665 г. военные действия начались удачно для русских: Брюховецкий и Протасьев отправили из Канева любенского полковника Григория Гамалею, который 4 апреля вошел в Корсунь. Поляки, обороняясь, сожгли город, и Гамалея привел в Канев всех его жителей с женами и детьми.

Преемник Чарнецкого Яблоновский 21 мая под Белой Церковью был разбит высланными из Канева русскими и калмыками.

Гетман Брюховецкий выступил из Канева под Белую Церковь, но, узнав, что татарская орда собирается в Цыбульнике и хочет напасть на русский лагерь, что казацкий полковник Опара «отводит города от царской руки», отступил к Каневу, под Мотовиловку. Здешние жители присягнули царю и перебили стоявших у них польских гайдуков. Но слухи о наступлении орды оказались ложными. Орда не приходила, отряды Яблоновского и Тетери ушли в Польшу, польские гарнизоны оставались только в Белой Церкви, Чигирине, Корсуни (в малом городке) и Умани, да еще Опара с небольшим отрядом стоял под Корсунем. Брюховецкий, расквартировав войска по правобережным городкам, перешел на левый берег Днепра, остановился в Гадяче и отправил царю гонца и известием, что едет в столицу «видеть его пресветлые очи».

13 сентября 1665 г. гетман со своими спутниками предстал перед государем. Прием был обычный, посольский, все целовали царю руку и были спрошены о здоровье. 15 сентября гости били челом, «чтоб великий государь пожаловал их, велел малороссийские города со всеми принадлежащими к ним местами принять и с них денежные и всякие доходы сбирать в свою государеву казну, и послать в города своих воевод и ратных людей».

Царь велел сказать Брюховецкому, чтобы тот представил свои просьбы в письменном виде, тот подал царю в письме следующее:

«1. Для усмирения частой шатости и для доказательства верности к государю всякие денежные и неденежные поборы от мещан и поселян погодно в казну государеву сбираются; по всем городам малороссийским кабаки будут только на одну горелку, и приходы кабацкие отдаются в государеву казну; туда же идут сборы с мельниц, дань медовая и доходы с купцов чужеземных. 2. Стародавние права и вольности казацкие подтверждаются.

3. После избрания каждый гетман обязан ехать в Москву и здесь от самого царя будет принимать булаву и знамя большое.

4. Киевским митрополитом должен быть святитель русский из Москвы».

5-я статья определяла численность царского войска и в каких городах ему стоять.

«6. На войсковую армату (артиллерию) назначаются города Лохвицы и Ромен.

7. Московские ратные люди не должны сбывать по рынкам воровских денег.

8. Не должны называть казаков изменниками».

Статьи эти были приняты царем, кроме одной, 4-й, о митрополите. Царь сказал, что прежде об этом он должен посоветоваться с константинопольским патриархом.

Брюховецкий загостился в Москве до конца декабря 1665 г., а между тем еще в сентябре стали приходить из Малороссии дурные вести и требования скорейшего возвращения гетмана.

Правобережный гетман Дорошенко в сентябре 1665 г. начал военные действия, напав на браславского полковника Дрозда, верного Москве. Браславцы оказались в окружении и не могли добыть даже воды. Но 22 сентября Дрозд сделал вылазку на неприятельские шанцы, перебил всех находившихся там ратных людей Дорошенко, взял восемь знамен и дал возможность браславцам добыть воду. Овруцкий полковник Демьян Васильевич Децик разбил сторонников Дорошенко между Мотовиловкой и Паволочью. Западные казаки появились на левой стороне, но были перебиты.

В ноябре 1665 г. Дорошенко удалось все-таки взять Браславль (Бряслав). Полковник Децик покинул Мотовиловку и отступил к Каневу а оттуда поехал в Переяслав к наказному гетману. В войске его начались болезни, часть его казаков перешла на Левобережье, а на западной стороне из верных казаков не осталось никого, кроме тех, которые были в Каневе.

Казаки Дорошенко и поляки заняли Мотовиловку, которая находилась всего в 35 верстах от Киева. Чтобы защитить столицу, киевский воевода князь Никита Львов послал под Мотовиловку рейтарского майора Сипягина. В полночь Сипягин подошел к городу, велел своим ратным людям перелезть через стену и отбить ворота. Поляки и казаки начали стрелять, но рейтары всех их перебили и выжгли город.

И Москва, и Варшава давно устали от войны. В феврале 1664 г. в ставку короля Яна Казимира под Севском прибыл из Москвы посланник стряпчий Кирилла Пущин с царской грамотой с предложением нового съезда уполномоченных. Литовский канцлер Христофор Пац объявил посланнику, что с королевской стороны комиссары готовы и что съезду быть в Белеве или в Калуге.

1 июня 1664 г. под Смоленском в селе Дуровичи состоялся первый съезд русских и польских послов. Но, как и следовало ожидать, мирный процесс увяз в бесконечных спорах. Послы разъехались в сентябре 1664 г., договорившись начать новые переговоры не ранее июня 1665 г., после окончания польского сейма.

Между тем в 1664 г. маршалок Юрий Любомирский поссорился с королем и королевой. Сейм приговорил его «к потере достоинства, имущества и жизни». Любомирский бежал в Силезию, но шляхта Великой Польши поднялась на его защиту, и Любомирский в результате стал во главе «рокоша» и начал боевые действия против королевских войск.

В начале марта 1665 г. в Москву к царю прибыл польский полковник с грамотой от Юрия Любомирского. В грамоте было две просьбы: «1) чтоб сыну Любомирскому служить царскому величеству и держать на Украине два города, заступая Московскую землю от татар и поляков; 2) самому Любомирскому помочь деньгами, чтоб ему людну и сильну быть против короля». Любомирский предлагал также царю заключить союз с цесарем, курфюрстом бранденбургским и со Швецией, и не допустить на польский престол принца Конде.

Однако царь Алексей по совету Богдана Нащокина отказал Любомирскому во всем, кроме приезда сына Любомирского в Москву.

На правобережной Украине гетман Дорошенко 20 февраля 1666 г. предложил старшине выслать всех ляхов из Украины в Польшу и вместе со всеми правобережными городами перейти в подданство крымскому хану, а весной идти с ордой на левобережцев. Тут старшина Серденева полка закричал на Дорошенко: «Ты татарский гетман, татарами поставлен, а не Войском выбран. Мы все поедем к королю». «Хоть сейчас поезжайте к королю, — отвечал Дорошенко, — вы мне не угрозите, я вас не боюсь».

Дорошенко сообщил в Крым и в Константинополь, что Украина теперь в воле султана и хана. И вот из Константинополя пришел приказ новому крымскому хану Адиль Гирею, сменившему Камиль-Мухаммед Гирея весной 1666 г., чтобы тот с ордой шел войной на польского короля. В сентябре 1666 г. толпы татар под начальством нурадина Девлет Гирея напали на Украину. Царевич остановился под Крыловым и оттуда разослал загоны за Днепр под Переяслав, Нежин и другие черкасские города и увел пленных около пяти тысяч.

Захватив эту добычу в Левобережье, Девлет Гирей отошел на Умань, там два месяца кормил лошадей, потом соединился с казачьим войском и двинулся на короля. Под Межибожьем союзное войско встретилось с отрядами польских полковников Маховского и Красовского,

насчитывавшими около двух тысяч гусар, рейтар, шляхты и драгун. Поляки были наголову разбиты, а Маховского в кандалах привезли в Крым.

После этой победы татары и казаки кинулись за добычей под Львов, Люблин и Каменец, «побрали в плен шляхты, жен и детей, подданных их и жидов до 100 000, а по рассказа польских пленников — 40 000. Татары брали пленных, но казаки этим не довольствовались: они вырезывали груди у женщин, били до смерти младенцев»[167].

Теперь у Дорошенко не было дороги назад, и он отправил двух полковников в Крым уговаривать Адиль Гирея помириться с Москвой.

Глава 7
Андрусовский мир и продолжение «Руины»

28 мая (8 июня) 1666 г. в Андрусово было подписано перемирие. Что же касается мирного договора, то по этому поводу у сторон шли жаркие дебаты. Царь Алексей приказал главе русской делегации окольничему Афанасию Ордын-Нащокину пообещать наиболее неуступчивым польским комиссарам по 20 тысяч рублей. Забавно, что взятка самому польскому королю была в два раза меньше — 10 тысяч рублей.

Далее я, дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую С. М. Соловьева. «Нащокин объявил комиссарам государево жалованье, по десяти тысяч золотых польских: референдарю Брестовскому объявлено, что сверх товарищей своих получит еще 10 000 золотых, а если приедет с подтверждением договора в Москву, то будет большая ему государская милость. „Королевскому величеству, — писал Нащокин комиссарам, — мы не можем назначить, но когда будут у него царские послы с мирным подтверждением, то привезут достойные дары, также и канцлеру Пацу прислано будет необидно“. 6 января приехал от комиссаров Иероним Комар и бил челом, чтоб сверх обещанных денег в тайную дачу пожаловал им государь явно соболями, чтобы им можно было хвалиться перед людьми; сам Комар бил челом, чтоб вместо обещанных ему ефимков дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, так что и домашние не узнают; Комар объявил, что как скоро комиссары получат государево жалованье, сейчас же станут писать договорные статьи. Деньги были высланы из Москвы немедленно»[168], и 20 (30) января 1667 г. было подписано перемирие сроком на 13 лет и 6 месяцев. В историю это перемирие вошло как Андрусовский мир.

Согласно условиям мира Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр. Причем остававшимся там католикам разрешалось беспрепятственно отправлять свое богослужение у себя в домах, а шляхта, мещане, татары и жиды имели право продать свои имения и уйти на польскую сторону.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у

русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев — Прилуки — Ромны — Недригайлов — Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей и королевских, и польских. Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Черное море и нарушать мир с турками.

Следует заметить, что малороссийские власти, а тем более запорожцы не были приглашены в Андрусово. Гетман Брюховецкий узнал о мире только 12 февраля 1667 г. от стольника Ивана Телепова.

Большинство запорожцев было возмущено условиями мира и винило в предательстве интересов казачества царя Алексея и его бояр. 8 апреля 1668 г. в Сечь прибыл стольник Ефим Лодыженский с посольством к крымскому хану. Через два дня казаки ограбили Лодыженского и его спутников. Позже посла отпустили из Сечи, но за ним отправились 500 человек из разных куреней и убили посла и большую часть его людей.

Однако царю не хотелось ссориться с запорожцами, и 26 июня он послал указ на имя гетмана Брюховецкого и, объясняя в нем все поступки запорожцев «ослеплением и неискусностью ума», отпустил им их вину, а для успокоения самого гетмана велел белгородскому воеводе князю Юрию Барятинскому послать на Украину ратных людей.

Тем временем запорожцы продолжали набеги на крымских татар. Так, в октябре 1667 г. Иван Серко с двумя тысячами запорожцев отправился в Крым. Казаки сожгли много деревень, в местечке Арбаутук, как писал Яворницкий, «истребили всех людей без остатку… Всех пленных, женщин, детей и недорослтков мужского пола, запорожцы захватили до 1500 человек, а полоняников освободили на волю более 2000 человек»[169].

Хан Адиль Гирей, который в это время воевал на Правобережье вместе с Дорошенко против поляков, срочно повернул назад и напал на Серко под Перекопом. Поначалу успех был на стороне татар, но затем запорожцам удалось разбить хана и заставить его спасаться бегством. Серко благополучно вернулся в Сечь с большой добычей.

А война на Украине не утихала. Дело в том, что и гетманы, и старшины Малой Руси воевали не против поляков или москалей, а исключительно за земли и привилегии. Вполне естественно, что

Андрусовский мир не смог решить всех их проблем. В итоге война на Украине продолжалась в прежнем объеме, разница была лишь в том, что поляки и русские больше не вели военных действий между собой.

Гетман Иван Брюховецкий не пожелал быть гетманом только Левобережья и в 1668 г. поднял мятеж против царя. Однако вскоре он был разбит войсками гетмана Дорошенко, который видел в нем конкурента. По приказу Дорошенко казаки привязали Брюховецкого к пушке и забили насмерть.

Понятно, что население Левобережья не захотело идти под власть турецкого ставленника Дорошенко, и на раде старшин в Новгороде-Северском гетманом Левобережья был избран Демьян Многогрешный.

В 1668 г. запорожцы отказались подчиняться Дорошенко, а избрали гетманом Правобережья Петра Суховненко. Дорошенко удалось разбить войско Суховненко. Тогда запорожцы избрали еще одного гетмана — Михаила Ханенко — и продолжили войну с Дорошенко. Ханенко обратился за помощью к Польше, Дорошенко же пожаловался в Стамбул, что вассала султана обижают ляхи.

Советские историки и писатели говорили о большой роли запорожских казаков в восстании Степана Разина. Несомненно, некоторое число запорожцев и состояло в воинстве Разина, причем в первую очередь те, что шлялись по Дону и Каспию. Есть сведения, что запорожское войско состояло в переписке с Разиным. Однако никаких совместных действий запорожское войско с Разиным не вело.

В начале зимы 1673 г. в Сечи объявился… царевич Симеон, сын царя Алексея Михайловича. Разумеется, это был самозванец. Настоящий царевич 6 октября 1669 г. в возрасте 4-х лет умер в Москве и на следующий день был похоронен в Архангельском соборе Кремля.

«Царевичу» Симеону было около 15 лет. На вид он был «хорош и тонок, долголиц, не румян и не русян, несколько смугловат, малоразговорчив… С ним было восемь человек донцов с вождем [атаманом] Иваном Миюсским, хохлачем по рождению. Миюсский под клятвой сказал запорожскому судье [Степану Белому], будто у называющегося царевичем на правом плече и на руке есть знамя, похожее на царский венец»[170].

Когда через две надели в Сечь прибыл кошевой Иван Серко, самозванец заявил ему: «„Бог мне свидетель, я настоящий сын Вашего великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Белой России самодержца, а не иного кого“. Услышав то, Серко снял шапку и вместе со своими товарищами стал угощать его

питьем»[171].

Хитрый Серко прекрасно понимал, что перед ним самозванец, но сразу же решил его использовать в качестве козыря в сложных отношениях с Москвой.

Узнав о появлении в Сечи царевича Симеона, царь Алексей Михайлович немедленно послал к гетману Самойловичу и от него к кошевому Серку в Сечь сотника Василия Чадуева и подьячего Семена Щёголева. Послы должны были потребовать у гетмана и у кошевого атамана выдачи самозванца.

Чадуев со товарищи прибыли в Батурин 21 декабря 1673 г. Гетман, выслушав их, сказал, что ехать теперь в Запорожье нельзя, потому что неизвестно, прекратилось ли там «моровое поветрие» или нет. И Самойлович посоветовал послам дождаться в Батурине посланцев, которых он отправил в Сечь с посланием к Серку и товарищам, чтобы он «самозванца, прояву, вора и плута» прислал в Батурин.

На момент приезда гетманских посланцев Серко с отрядом казаков опять был в морском походе, а, уходя из Сечи, приказал, чтобы «козаки царевича почитали и всякую честь ему воздавали».

Что же касается самого Войска Запорожского, то оно, выслушав письмо гетмана о самозванце, стало смеяться над гетманом и поносить непристойными словами московских бояр, а самозванца, как и приказал Серко, величало царевичем. Отвечать же на письмо гетмана запорожцы вовсе отказались.

Перед отъездом посланцев Самойловича на раду явился самозванец. Он «всячески бесчестил гетмана, называя его глупым человеком за то, что он именовал его вором и обманщиком, а самим посланцам сказал, что если бы у них не пресные души, то он велел бы повесить их»[172].

Царские же послы добрались до Сечи лишь 9 марта 1674 г. Они долго обличали самозванца перед Серко. Кошевой их выслушал, а потом вместе с судьей Степаном Белым, писарем Андреем Яковлевым и куренными атаманами отправился к Лжесимеону и чуть ли не весь день пропьянствовал у него, «и Серко, упившись, будто спал. Часа за два до вечера самозванец встал, опоясался саблей, и, в сопровождении судьи, писаря, асаулов и трехсот человек, напившихся пьяными, подошел к избе, где стояли послы, вместе с козаками; тут козаки стали требовать Семена Щёголева, чтобы он вышел из избы к царевичу. Но Семен Щёголев не пошел, а вместо него вышел в сени Василий Чадуев и, отворив дверь, стал говорить: „Кто спрашивает и для какого дела Семена Щёголева?“ На это

самозванец ответил ему: „Поди ко мне“. Василий Чадуев спросил его: „А ты что за человек?“ — „Я царевич Симеон Алексеевич“. — „Страшное и великое имя вспоминаешь, такого великого и преславного монарха сыном называешься, чего и в разум человеческий не вместится; царевичи по степям и по лугам так ходить не изволят; ты сатанин и богоотступника Стеньки Разина ученик и сын, вор, плут и обманщик“. Самозванец за эти слова стал называть его Чадуева с товарищем брюхачем и изменником и поносить всякими скверными словами, после чего, обратившись к козакам, сказал: „Смотрите, наши ж холопи да нам же досаждают“. А потом, выхватив саблю и со словами „я тебя устрою“, бросился кдверям избы на Чадуева. Чадуев, видя то, схватил пищаль и решился убить самозванца. Но в это время писарь Андрей Яковлев схватил самозванца поперек и унес его за хлебную бочку»[173], а потом увел его в Сечь.

12 марта собралась рада и постановила «царевича» не выдавать. Наконец, 17 марта Серко придумал компромиссный вариант: Чадуев, Щёголев и гетманский посол Черняченко были отпущены из Сечи. С ними поехали посланцы Войска Запорожского Прокопий Семенов по прозвищу Золотарь, Трофим Троцкий и писарь Перепелица. По постановлению рады они должны были, «слышав из самих уст государских царское слово о царевиче, приехав на Кош, нам о том объявили, и тогда у нас свой разум будет».

Запорожские послы прибыли в Москву 1 мая 1674 г. Они подали на имя царя лист, в котором Серко со всеми запорожцами, называя царя «божьим помазанником, многомилостивым светом и войска запорожского дыханием», извещал, что в Сечи появился какой-то «молодик, называющий себя царевичем Симеоном Алексеевичем, который будто бы от обиды, нанесенной ему матушкой-государыней, бежал из Москвы, долго скитался по России, а затем приехал в Запорожье, где содержится под крепким караулом и впредь будет содержаться, пока войско не услышит царского слова». Правда ли то, о чем рассказывает Симеон Алексеевич? Вместе с этим письмом запорожцы подали и письмо самого «царевича», в котором он называет себя Симеоном Алексеевичем, сыном царя Алексея Михайловича, благочестивым царевичем и бьет челом государю на думных бояр за то, что они хотели его уморить.

На письмо Серко царь ответил грамотой, в которой упрекал кошевого в том, что он презрел царскую милость и не исполнил своего обещания, а дал вору и самозванцу печать и знамя и до приезда в Сечь царских послов не сообщил о нем в Москву.

Получив ответ из Москвы, Серко понял, что игра сыграна и тянуть с

выдачей Лжесимеона нельзя. Самозванец и атаман Миюска были отправлены в Москву. 17 сентября Лжесимеон был привезен в Москву и в тот же день подвергнут пытке. Самозванец показал, что он действительно Симеон, но его отец не царь, а варшавский мещанин Иван Андреевич Воробьев. На следующий день Лжесимеона четвертовали на Красной площади.

Лично я уверен, что Серко ни секунды не сомневался в самозванстве Лжесимеона, но ему очень хотелось доказать Алексею и боярам самостоятельность Запорожского войска.

И действительно, Алексей Михайлович после казни самозванца пожаловал кошевому атаману Ивану Дмитриевичу Серко два сорока соболей ценой по 50 рублей каждый сорок, да две пары по 7 рублей пара. Серко, получив подарки, написал царю челобитную с просьбой дать ему на жительство вместе с женой и детьми городок Келеберду на левом берегу Днепра близ Переволочны. Кошевой писал: «Устарел я на воинских службах, а нигде вольного жится с женой и детьми не имею, милости получить ни от кого не желаю, только у царского величества: пожаловал бы великий государь, велел бы дать в Полтавском полку под Днепром городок Келеберду». Царь удовлетворил просьбу Серко и подарил ему просимый городок, а всему Войску Запорожскому подарил перевоз Переволочну. Однако из-за хитроумных интриг гетмана Самойловича Серко остался без Келеберды, а войско — без Переволочны.

Но гораздо более страшной опасностью, нежели Лжесимеон, для Москвы был турецкий султан Мехмед II. Другой вопрос, что Оттоманской империей фактически управляли два великих визиря — Мехмед Кепрюлю, а затем его сын Ахмед. Сам же султан Мехмед IV предпочитал занятию государственными делами охоту, за что и получил прозвище «Могучий Охотник».

В 1672 г. Ахмед Кепрюлю решил завоевать Польшу, ну если не всю, то, по крайней мере, Подолию и Малороссию. Поводом для нападения стало обращение гетмана Дорошенко с просьбой принять украинцев в турецкое подданство. Сам Дорошенко в 1672 г. контролировал лишь небольшую часть правобережной Малороссии.

В марте того же 1672 г. турецкий султан прислал польскому королю Михаилу Вишневецкому грамоту с выговором, что поляки «беспокоят» владения гетмана Дорошенко, который вступил в число «невольников высокого порога нашего», то есть стал подданным Турецкой империи. Поляки ответили, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный».

Весной 1672 г. турецкая армия перешла Дунай и вторглась в Подолию, на территорию Речи Посполитой. Армией формально командовал сам султан Мехмед IV. Вскоре к туркам присоединилась орда крымского хана Эльхадж-Селим Гирея и казаки Дорошенко. Современники оценивали численность турецкой армии в 300 тысяч человек.

Первым был взят город Каменец, «православные и католические церкви его были обращены в мечети, знатные женщины забраны в гаремы, многие христианские мальчики обрезаны и обращены в мусульманскую веру; один обрезан был даже в соборной церкви, в присутствии самого султана»[174].

28 сентября 1672 г. турки взяли Львов и собирались идти на Киев. Ляхи срочно запросили мир. 5 октября в Бугаче (Восточная Галиция) был подписан мирный договор. Польша уступала Турции Каменец с прилегающими землями и признала Петра Дорошенко подданным турецкого султана. Само собой, что ляхи выплатили огромную контрибуцию.

Близилась зима, и туркам не было резона оставаться на разграбленной и выгоревшей Украине. В итоге турецкое войско ушло зимовать за Дунай, крымский хан — к себе в Бахчисарай, а гетман Дорошенко — в свою местечковую столицу город Чигирин.

Между прочим, пока султан с ханом гуляли по Украине, запорожцы по-прежнему занимались любимым промыслом. Летом 1672 г. 34 запорожские чайки гуляли по Черному морю, топили купцов и грабили побережье.

В Москве всерьез восприняли турецкую угрозу. В начале января 1673 г. большое войско под командованием воеводы боярина Юрия Петровича Трубецкого двинулось на Украину. 13 февраля Трубецкой был уже в Киеве.

В конце 1672 г. поляки прислали в Москву грамоту с предложением совместных действий против турок на Украине в следующем году. Наши бояре вежливо отказали.

Однако московское правительство послало деньги и оружие казакам в Запорожскую Сечь и на Дон. В крепость Кодак и в Сечь были направлены воевода князь Степан Степанович Волконский и полковник Иоганн Купер с тысячью солдат «нового строя».

9 октября 1673 г. Серко форсировал Буг и вторгся в турецкие пределы. Запорожцы взяли город Тягин и сожгли его, жителей частично перебили, а оставшихся в живых увели в полон.

В конце 1673 г. Москва попыталась договориться с

«турецкоподданным» гетманом Дорошенко, но хохол упрямился. И тогда в середине января 1674 г. русские полки и казаки гетмана Левобережной Украины Самойловича переправились через Днепр, сожгли Вороновку Боровицу и Бужин, а 27 января взяли город Крылов. Путь к Чигирину где засел Дорошенко, был свободен.

29 июля 1673 г. русско-казацкое войско под началом боярина Григория Ромодановского и гетмана Самойловича осадило Чигирин. Город имел две линии укреплений — верхний и нижний город. Гарнизон Чигирина составлял около 4 тысяч человек, имелось до ста орудий. Тем не менее московская осадная артиллерия действовала достаточно эффективно, и Дорошенко готовился было сдаться. Но в начале августа разведка донесла о том, что на выручку Чигирина идут большие силы турок и татар.

Боярин и гетман испугались и 10 августа отступили от Чигирина, а 12 августа уже вошли в Черкассы.

Крымский хан через день после отступления русского войска был встречен Дорошенко за 10 верст от Чигирина и для начала получил от гетмана в подарок до двухсот невольников из левобережных казаков, а для всех его татар — дозволение брать сколько угодно людей в неволю из окрестностей Чигирина за то, что жители с приходом русских войск отступились от Дорошенко.

В итоге Ромодановский и Самойлович приказали войску переходить на левую сторону Днепра, а Черкассы сжечь. Население города безропотно смотрело на пожар, а затем также отправилось на левый берег. Обыватели прекрасно понимали, что с ними сделают татары после захвата Черкасс.

Узнав об отходе Ромодановского и Самойловича, десятки тысяч жителей городов и сел Правобережья кинулись переправляться через Днепр. Как писал Н. И. Костомаров: «Паника овладела жителями Украины. Где только услышат, что близко появились бусурманы, тотчас обыватели поднимаются с семьями и с пожитками, какие успеют наскоро захватить. Часто они сами не знали, где им искать приюта, и шли, как выражались тогда, „на мандривку“ или на волокиту. Большая часть их направлялась на левую сторону; на перевозах против Черкасс и Канева каждый день с утра до вечера толпилось множество возов с прочанами, ожидая очереди для переправы; едва успевали их перевозить; перешедши за Днепр, они тянулись на восток к слободским полкам, искать привольных мест для нового поселения. Но некоторые с западной части Украины бежали на Волынь и в Червоную Русь, в польские владения…

…Дорошенко мимо разоренной и залитой кровью Умани направился к султанскому стану, находившемуся где-то недалеко от Лодыжина. Когда

гетман въезжал в турецкий обоз, ему загородила путь густая толпа украинских невольников, кланявшихся в землю и моливших о заступлении перед султаном. 5 — го сентября гетман представился падишаху, получил бархатный колпак, отороченный собольим мехом, золотую булаву, коня с богатым убором и халат — обычный дар султанского благоволения подручникам»[175].

Мехмед IV приказал Дорошенко отправить в Турцию в его гарем 500 мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 15 лет. Неплохо бы напомнить сей факт господам самостийникам, от чего их спасли в XVII в. «русские захватчики».

Осенью 1675 г. запорожский кошевой атаман Серко вместе с донским атаманом Фролом Минаевым, приведшим 200 казаков, и царским окольничим Иваном Леонтьевым (2000 стрельцов) ходили на Крым. К ним присоединился и отряд калмыцкого мурзы Мазана.

У Перекопа Серко разделил свое войско. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов (Евпаторию), Карасубазар (Белогорск) и Бахчисарай и, обремененные добычей, отправились назад. Хан Эльхадж-Селим Гирей решил напасть на возвращавшихся казаков у Перекопа, но был атакован с двух сторон обеими частями запорожского войска и наголову разбит.

Казаки скоро двинулись домой. Вместе с ними шло 6 тысяч пленных татар и 7 тысяч русских рабов, освобожденных в Крыму. Однако около 3 тысяч рабов решило остаться в Крыму, причем многие из них были «тумы», то есть дети русских пленников, родившиеся в Крыму. Серко отпустил их, а затем велел молодым казакам догнать их и всех перебить. После Серко сам подъехал к месту бойни и сказал: «Простите нас, братья, а сами спите тут до Страшного суда Господня, вместо того чтобы размножаться вам в Крыму, между бусурманами на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без прощения погибель».

Поход русских и калмыков на Крым привел в бешенство султана Мехмеда IV. И вот по совету Ахмета Кепрюлю султан осенью 1675 г. послал в Крым из Константинополя на кораблях 15 тысяч отборных стамбульских янычар и велел крымскому хану Эльхадж-Селим Гирею со всей крымской ордой с наступлением зимы перебить всех запорожцев, а саму Сечь разорить до основания.

Крымский хан решил расправиться с запорожцами на святках Рождества Господня, когда все запорожское войско хорошо гуляло и крепко выпивало. Происшедшее далее весьма колоритно описано у Д. И. Яворницкого, который пользовался свидетельствами очевидцев: «…как

скоро тогдашняя зима, через майстерство крепких морозов своих, замуровала днепровские глубины и речки полевые твердыми льдами и приодела достаточными снегами, тогда крымский хан тот же час приказал сорока тысячам крымской орды быть готовыми для военного похода, а пятнадцати тысячам янычар велел дать лошадей, не объявляя никому, куда именно он поведет их в поход.

Когда кончился Филиппов пост, тогда сам хан, снявшись из Крыма со всем названным войском своим, пошел по направлению к запорожской Сичи, стараясь держаться в нескольких милях от берега Днепра, чтобы не быть замеченным запорожцами, зимовавшими по днепровским островам и веткам и чтобы все войско запорожское низовое каким-нибудь способом не узнало о том. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, в самую полночь, хан, приблизившись к Сичи, захватил сичевую стражу, стоявшую в версте или в двух верстах от Сичи на известном месте, и от этой стражи узнал, что войско пьяное спит беспечно по куреням и что другой стражи нет ни около, ни в самой Сичи; хан очень обрадовался этому и сейчас же, выбравши самого лучшего из пойманных сторожевых и пообещав ему свободу и большую награду, приказал ему провести пехотных янычар во внутрь запорожской Сичи через ту форточку [калитку. — *А. Ш.*], которая, по показанию самих сторожевых, не была заперта на ту пору. Итак, отправивши всех янычар в Сичу с названным запорожским сторожевым, хан приказал им, вошедши в нее, „чинить належитий военный над пьяноспящими запорожцами промысел“. Сам же между тем, объехавши с ордой вокруг Сичь и густо обступивши ее, стоял неподалеку на поготове, чтобы не выпустить и „духа имеющих утекать“ запорожцев.

Но на этот раз над турками и татарами сбылась старая пословица: „Що чоловік собі обіцуе, тое Бог ницуе“ [„Что человек себе сулит, то Бог выворачивает наизнанку“, аналогично русской пословице „Человек предполагает, а Бог располагает“. — *А. Ш.*]: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый Кош не осуществилась. Хотя хан и знал, что войско запорожское привыкло в праздничные дни подпивать и беспечно спать, но не припомнил того, что множество этого же самого войска имело обыкновение собираться в праздник Рождества Христова до Сичи со всех низовых днепровских лугов и что большинство из этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вот настал „полуночный час“. Все войско, не слыша ни о какой тревоге и не имея вести о намерении бусурман, „зашпунтовавшись“ в куренях, беспечно опочивало; в это самое время янычары, тихо введенные через открытую фортку пойманным запорожским сторожевым, вошли в Сичу и наполнили собой все ее улицы и

переулки и так стеснились, как то бывает в церкви. Однако, имея в руках готовое оружие, они помрачены были всевидящим Богом в их разуме: войдя в Сичу, они и не подумали о том, что дальше делать и каким способом разорить то рыцарское гнездо низово-днепровских казаков, наших мальтийских кавалеров, и как их всех выбить до конца; или, быть может, начальники янычар, за теснотой, не могли сойтись и посоветоваться между собой, как начать и кончить свой злодейский умысел. Так или иначе, но, наполнив собой всю Сичу, захватив все сичевые арматы [пушки. — *А. Ш.*], заступив все открытые места, янычары стояли несколько времени в недоумении и тихом молчании. Когда же повернуло с полночи и Бог Вседержитель благословил соблюсти в целости то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда он отогнал сон некоему Шевчику, козаку одного курения; этот Шевчик, вставши для своего дела и отворивши кватерку [по-польски означает „четвертая часть“ окна, т. е. „форточка“ окна. — *А. Ш.*], начал в оконную щель присматриваться, рано ли еще или нет, и неожиданно увидел людей, неприятелей-турок, всю улицу заполнивших собой. Шевчик пришел в ужас; однако тот же час тихо засветил несколько свечей в своей курене, сообщил знаками пятерым или шестерым товарищам своим, еще не ложившимся спать, но сидевшим в углу куреня, закрывшимся там и игравшим в карты. Товарищи, услышав слова Шевчика и побросав карты, зараз бросились тихонько ко всем окнам куреня своего и, не отворяя их, стали присматриваться в оконные щели, чтобы убедиться, правда ли то, что сказал Шевчик. Когда же и сами увидели, что Сичь их наполнена неприятелями-турками, то немедленно и возможно тихо побудили всех товарищей своего куреня, которых было до полутораста человек, и сообщили им о грозившей беде. Товарищи быстро повставали, тихо поодевались, осторожно забрали в руки оружие и потом, после совета с куренным атаманом, решили устроить следующее: поставить к каждому окну по несколько человек лучших стрельцов, чтобы они беспрестанно стреляли, а другие, чтобы только заряжали ружья и первым подавали. Устроивши все это без великого шума и помолившись Богу, козаки сразу поотворяли все окна и оконницы и начали густо и беспрестанно стрелять в самое скопище янычар, сильно поражая их. Тогда другие курени, услышав выстрелы и увидевши неприятеля, тот же час открыли со всех сторон через окна густой и беспрестанный мушкетный огонь, и как бы молнией осветили темную ночь в Сичи, тяжко поражая турок, кои от одного выстрела падали по двое и по трое человек. Янычары же, не имея возможности, вследствие своей тесноты, направлять оружие прямо против куренных окон, стреляли в воздух и, „аки козлы между

собою мятущися“, падали на землю убитыми и утопали в собственной крови.

Когда же толпы янычар стали редеть по улицам и переулкам, так что их едва третья часть осталась в живых, тогда запорожцы, видя, что, стреляя из куреней на неприятеля, они стреляли друг против друга и наносили себе вред, крикнули единогласно до ручного бою; и так по той команде тотчас все разом, высыпавши из куреней, с мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольем, начали доканчивать ручным боем еще оставшихся в живых турок, нещадно поражая их. На самом рассвете дня они покончили с турками, и всю Сичь и все курени со всех сторон, и всю божественную церковь и все арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровью, а все сичевые улицы и переулки неприятельскими трупами завалили. Трупы те лежали, облитые их же собственной кровью, склеенные и замороженные сильным морозом, бывшим в то время. Как велико было их число, видно из того, что из пятнадцати тысяч янычар едва полторы тысячи ушло из Сичи и спасено татарами на лошадях.

А между тем хан, стоявший около Сичи в ожидании конца задуманной облавы, увидя несчастный конец неудавшегося замысла, взвыл, как волк, подобно древнему Мамаю, побежденному русскими на Куликовом поле»[176].

Крымский хан Эльхадж-Селим Гирей бежал в Крым так быстро, что отряд запорожцев в 2 тысячи человек так и не смог догнать остатки татар и турок. В ходе этой «заварухи» было убито 50 и ранено около 80 казаков. Своих убитых запорожцы предали земле «честным и знаменитым погребением», а сотни турецких и татарских трупов спускали под лед. О количестве убитых басурман можно судить по тому, что, сделав шесть прорубей в Днепре, казаки занимались этим неприятным делом целых два дня.

Утром после боя казаки обнаружили 150 спрятавшихся татар, из которых было четыре аги[177]. За них крымский хан прислал «двенадцать тысяч киндяков[178] и шесть больших бут доброго крымского вина», а за каждого агу еще по две тысячи левов. Казаки не смогли устоять и уступили пленных с миром.

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться ему как «непобедимому лицарю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты — шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты к черту лицарь?»

Заметим, что письмо, опубликованное в конце XIX в. русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошем запорожским».

Ряд историков сомневаются в подлинности этого письма, но в любом случае оно соответствует духу Войска Запорожского.

Между тем гетман Дорошенко, от которого отвернулась большая часть сторонников, решил покаяться царю Алексею. Для начала он предложил «сдать гетманство и положить клейноты» перед запорожскими казаками. Запорожцы согласились.

Туркам срочно потребовался новый гетман, и за неимением лучшего они поставили на давно уже побитую карту. Юрий Хмельницкий в монастыре дослужился до архимандрита, но затем был взят в плен казаками Дорошенко и передан туркам, которые отправили его в тюрьму. Теперь турки вывели Юрия из Еди Куллэ (Семибашенного замка) и доставили к великому визирю. Там возложили ему на голову бархатный колпак, а на плечи — соболью шубу и провозгласили гетманом и «князем малороссийской Украины». Турки выдумали этот новый титул, чтобы подействовать на украинское население. Тем самым сыну Богдана Хмельницкого как бы давалось наследственное право. Юрий пытался отказаться, мотивируя отказ тем, что он уже постригся в монахи, но великий визирь нашел выход: он приказал константинопольскому патриарху Парфению снять с Юрия монашеский обет. Патриарх, не мудрствуя лукаво, выполнил волю великого визиря.

Явление Юрия Хмельницкого в Константинополе, которого в Москве считали умершим, произвело эффект взорвавшейся бомбы. В малороссийские полки и в Сечь были посланы царские грамоты о том, чтоб не слушать «прельстительных универсалов Юраски». В Чигирин были отправлены генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, стрелецкие головы Титов и Мещеринов с их приказами и полковник инженер Фан-Фрастен. В посланных туда трех стрелецких приказах насчитывалось до 24 тысяч человек.

К весне 1677 г. русские и гетманские войска располагались следующим образом: в Батурине[179] на реке Сейм стоял гетман Самойлович с 20 тысячами казаков. Его главные силы во главе с боярином и воеводой Ромодановским (42 тысячи солдат, рейтаров и конных дворян) собрались в Курске. Резерв составили полки Голицына и Бутурлина в

Путивле и Рыльске (15–20 тысяч человек).

И в Москве, и в Батурине понимали, что целью похода турок будет захват Чигирина. Во-первых, город имел важное стратегическое значение, а во-вторых, малороссы привыкли считать его гетманской столицей. Естественно, что турки будут стремиться захватить ее и сделать резиденцией Юрия Хмельницкого.

Прибыв в Чигирин в конце июня 1677 г., Трауэрнихт сразу же занялся приведением в порядок укреплений верхнего города, а нижний город вместе с посадом должны были защищать казаки. Царские ратные люди возводили дубовые стены, недавно сгоревшие от пожара. Казаки в нижнем городе рубили стены, тарасы, насыпали камнями, углубляли рвы.

3 августа 1672 г. в виду Чигирина стали появляться турки, а утром 4 августа все огромное турецкое войско раскинулось на восточной и южной стороне от Чигирина.

Командовал турецкой армией Ибрагим-паша по прозвищу Шайтан. По данным того же Петрика Гордона, у Ибрагим-паши было 45 тысяч татар и валахов, из которых около 15 тысяч янычар при 28 пушках. У крымского хана же было до 20 тысяч сабель, а у Юрия Хмельницкого первоначально состояло не более сотни казаков.

Осадив Чигирин, турки сразу приступили к осадным работам и начали обстрел крепости. А Хмельницкий послал к сидевшим в Чигирине казакам универсал, убеждая признать себя князем, обещал от падишаха всякие милости и, сверх того, сулил каждому казаку жалованье за два года и по два новых жупана.

Несколько дней после этого турки не проявляли никакой активности против нижнего города, ожидая, какое действие возымеет универсал Хмельницкого. А в это время в верхнем городе стали подозревать, не сговариваются ли казаки с «Юраской» и не думают ли отступиться от царя. И когда турки подвели свои траншеи к стенам верхнего города на сто шагов, Трауэрнихт приказал казакам идти на вылазку, чтобы убедиться в их надежности. Казаки не перечили, и в ночь на 6 августа казачий отряд в тысячу человек пошел на вылазку. К ним присоединились 300 царских стрельцов. В ходе этой операции казаки и стрельцы потеряли убитыми 30 и ранеными 48 человек.

После этой вылазки турки стали осторожнее, усилили стражу и все ближе и ближе подвигались с апрошами к верхнему городу. Установив две батареи мортир, они стали стрелять по замку 36-фунтовыми и 80-фунтовыми бомбами. Самый сильный огонь стенобитных пушек был направлен на бастион, расположенный у Спасских ворот и сделанный из

двойных сосновых бревен, и на те места вала, где турки замечали пушки. За два дня обстрела турецкие пушкари вывели из строя 17 русских пушек.

17 августа между 4 и 5 часами пополудни турки взорвали одну из мин под равелином и разрушили непрочный вал. Осажденные оставили позицию, и ее заняли турки. Но вскоре русские контратаковали и перебили турок с помощью ручных гранат. При этом басурманы потеряли около 100 человек убитыми, а у русских убито было 12 человек и ранено 18. Затем осажденные кое-как заделали пролом в равелине.

Между тем 10 августа у Артополота соединились войска Ромодановского и гетмана Самойловича и двинулись на выручку Чигирину.

23 августа турки взорвали еще одну мину, но осажденные заранее узнали об этом взрыве от перебежчика молдаванина, и казаки перебили турок, бросившихся в прорыв.

24 августа осажденные со стен заметили, что большая часть вражеского войска уходит. Это означало, что с левой стороны Днепра уже подходило русское войско. Воспрепятствовать переправе русских сначала отправился крымский хан со своей ордой, а вслед за ним и Ибрагим-паша с большей частью своих сил. А чтобы сбить с толку осажденных, турки усилили обстрел Чигирина и имитировали подготовку штурма.

Целый день 25 августа турки и татары, заняв правый берег Днепра, вели огонь из пушек и мушкетов, не давая русскому войску переправиться через реку Но малороссийские казаки по приказу гетмана на лодках спустились по Днепру, высадились на правом берегу и зашли в тыл противнику, так что туркам и татарам пришлось отстреливаться с двух противоположных сторон. С наступлением темноты русское войско благополучно переправилось на правый берег Днепра, и на рассвете 26 августа турки с изумлением увидели большие силы противника.

В 3 часа утра 29 августа турки зажгли свой лагерь. Увидев это, осажденные выслали на разведку отряд. Вернувшись, разведчики доложили, что все траншеи и апроши противника пусты. В одном закоулке они нашли только одного спящего турка, которого, видимо, товарищи забыли разбудить.

За время осады Чигирина было убито 800 казаков, 150 стрельцов и 48 других русских, и раненых было очень много. Турок же, по сведениям осажденных, убито 6 тысяч человек.

О причинах снятия осады с Чигирина турецкий историк Фундуклулу писал в «Хронике Силахдара»: «Силы Ибрагим-паши, командовавшего турецкими войсками, осаждавшими крепость, истощились в неудачной борьбе с русскими, которые блистательно отражали все приступы и,

совершая вылазки, наносили туркам чувствительные удары. Тогда крымский хан Селим-Гирей со свойственной ему искренностью дал Ибрагим-паше совет вывести из окопов войска, собрать артиллерию и пойти прямо по спасительному пути отступления. На военном совете предложение паши было признано благоразумным. Кади-аскер [военный судья] составил протокол, осада была снята, и войска быстро двинулись в обратный путь…»[180].

Мехмед IV был страшно разгневан. По сведениям того же Фундуклулу, «Ибрагим-пашу прибывшего из-под Чигирина с докладом, султан принял сурово и накричал на него: „Пошел, старый пес! Не мог ты взять такой ничтожной крепостенки, как Чигирин, возвратился прогнанным. Сколько истратил на ветер казны? Что у тебя войска, что ли, мало было? Или у тебя не было пушек и снарядов? Что же было тому причиной?“ Ибрагим-паша ссылался на неприступность крепости и на то, что он прекратил осаду по совету крымского хана, с согласия всех военачальников. Султан пришел в ярость от такого заявления и закричал: „Возьмите прочь этого гяура!“

Ибрагим-пашу по приказу султана заключили в тюрьму Еди Куллэ. Султанский гнев не миновал и крымского хана Селим Гирея: он был смещен с престола и сослан на остров Родос»[181].

Хотя при форсировании русскими и казаками Днепра генерального сражения не было, потери с обеих сторон были серьезными. Одни русские потеряли 2460 человек убитыми и до 5 тысяч ранеными. Русско-казацкое войско не решилось преследовать турок и простояло некоторое время у Чигирина.

9 сентября 1677 г. Ромодановский и Самойлович приказали войску идти обратно к Днепру и переправляться на левый берег. Там они встретили другое войско, шедшее на подмогу. Командовал им боярин князь Василий Васильевич Голицын. Воеводы отвели свои войска на зимовку каждый к прежним своим местам дислокации: Ромодановский — в Курск, гетман Самойлович — в Батурин, а Голицын — в Путивль.

Возникает естественный вопрос, а что делали запорожцы во время первого Чигиринского похода турок? Увы, «лыцари» хранили строгий нейтралитет. Причем старый Серко оказался премудрым дипломатом. Он получал письма Юрия Хмельницкого и крымского хана и отвечал им. Однако о содержании писем Юрия и хана Серко регулярно сообщал гетману в Батурин, а о своих ответах замалчивал. Серко и запорожцы по-прежнему считали себя верными подданными царя.

В начале 1678 г. в Сечь прибыл царский посол стольник Василий

Перхуров с царским жалованьем. Кроме того, гетман Иван Самойлович обещал прислать запорожцам 200 бочек муки, 40 бочек пшена и несколько «полтай» ветчины. В беседе с Перхуровым Серко заявил, что ему сам крымский хан не советовал отступать от московского государя: «Зачем вы ищите другого государя? Есть у вас московский государь, есть и гетман; одну сторону Днепра опустошили, хотите разорить и другую. Если турки завладеют и этой стороною Днепра, то не только вам, но и Крыму будет плохо, — лучше повиноваться одному гетману, нежели преклоняться перед многими»[182].

Можно спорить, в какой форме хан изложил свою позицию, но по существу все было верно. Турки стремились овладеть всей Малороссией. Предположим, им это удалось. Кого в этом случае стали бы грабить татары? Владения султана? А ведь это был их основной способ производства.

По просьбе запорожцев в Сечь прибыло царское жалованье, пушки, свинец и царское знамя, а также Полтавский полк казаков для помощи запорожцам в борьбе с неприятелем, но на самом деле чтобы наблюдать за их действиями.

Серко получил, что хотел, и он делает выбор. Весной 1678 г. большое турецкое войско медленно двинулось к Чигирину.

Серко с частью запорожцев на лодках спускается вниз по Днепру, оставив за себя в Сечи казацкого атамана Шиша. 12 июня напротив урочища Краснякова в устье речки Корабельной кошевой разбил несколько турецких каторг с хлебом и другими припасами, которые шли под командой каторжного паши к Очакову и Кызыкермену откуда паша собирался направить запасу сухим путем к турецкой армии, идущей к Чигирину. Из всех турецких судов осталось только одно. В доказательство победы Серко послал гетману Самойловичу семь турецких пушек и двадцать знамен.

Однако успех Серко не спас Чигирина. Великий визирь Кара-Мустафа-паша привел к Чигирину 12 отрядов пашей (каждый из которых насчитывал по 3 тысячи солдат), 40 «орт» янычар, численностью от 100 до 300 человек каждая, войска господарей Молдавии и Валахии (15 тысяч человек), 7 тысяч сербов, 3 тысячи албанцев. Кроме того, 50 тысяч всадников привел крымский хан Мурад Гирей.

Турки имели 4 большие пушки, каждую из которых везли 32 пары буйволов, 27 больших батарейных орудий разного калибра, 130 полевых пушек, 6 мортир, стрелявших 120-фунтовыми бомбами, 9 меньших мортир, стрелявших бомбами от 30 до 40 фунтов.

Осада началась 9 июня. 11 августа туркам удалось штурмом взять крепость. Тем не менее значительная часть гарнизона во главе с Патриком Гордоном прорвалась сквозь ряды осаждающих и соединилась с войсками Ромодановского и Самойловича, находившимися на правом берегу Днепра.

После сдачи Чигирина Ромодановский был вынужден отступить от Днепра. 12 августа на рассвете армия выступила и шла, построенная в большое каре и окруженная несколькими рядами возов, как шанцами. И кавалерия, и пехота шли пешие, и этот порядок соблюдался до самого берега Днепра.

Крымские татары взяли и разграбили несколько небольших правобережных городков — Канев, Черкассы, Корсунь, Немиров — и отправились к Перекопу. А в октябре 1678 г. великий визирь с частью армии ушел за Буг. Главная причина отступления великого визиря от Бужина была та же, что и Наполеона в 1812 г. — нехватка продовольствия в разоренной стране.

Отступив от Чигирина и переправившись через Днепр, Кара-Мустафа, чтобы перекрыть запорожцам выход в Черное море, приказал вновь возвести в устье Днепра три крепости: на правом берегу Днепра — Кызыкермень, на острове посреди Днепра, напротив Кызыкерменя — Тавань, а на левой (крымской) стороне, у самого берега Днепра — Арслан (Аслан). А между этими крепостями паша велел натянуть железные цепи через Днепр и его левые рукава, чтобы преградить путь казакам к Черному морю и соляным ямам. К цепям же надо было прикрепить маленькие колокольчики, чтобы слышать, когда запорожцы пойдут через цепи и начнут ударяться о них своими лодками. Возведение крепостей Кара-Мустафа поручил надзирателю всех строений Мимай-аге, а работников защищал Каплан-паша с шестью полками янычар.

Но едва лишь начались строительные работы, как на турок напал Иван Серко с 15 тысячами запорожцев. Сперва он побил татар, забрав у них скот и лошадей, а потом напал на турок-строителей и охранявших их янычар. Строителей казаки изрубили, а янычар разогнали. Большую помощь в этом бою Серку оказал царский стольник Василий Перхуров с московскими ратными людьми.

Серко написал крымскому хану: «Мы брали Синоп и Трапезонт, мы разоряли берега азиатские, мы Белграду крылья поджигали; Варну, Измаил и многие крепости Дунайские мы обращали в ничто… Наследники древних запорожцев, мы идем по их следам; не хотим с вами ссориться, но ежели увидим опять вас зачинщиками, то не побоимся опять к вам прийти»[183].

После ухода главных сил Кара-Мустафы часть турок осталась на юге

Украины, вместе с ними был и Юрий Хмельницкий. Современные историки типа Каргалова считают сдачу Чигирина победой русских войск, но население Украины думало совсем иначе. Этим воспользовался и Юрий Хмельницкий. В своих универсалах (манифестах) он писал: «Какова была оборона московская: князь Ромодановский и Самойлович, не сдержавши сил наияснейшего султана турецкого и крымского хана, сожгли до основания Чигирин, погубили много душ христианских, а сами со стыдом ушли. Просите же скорее, пока есть время, милости у верховного визиря и отзовитесь к нам с дружбою и послушанием. Буде нас не послушаете, постигнет вас конечная погибель»[184].

В результате в конце 1678 г. ряд городов левобережной Украины присягнули Хмельницкому. Среди них были Корсунь (на реке Рось), а также Кальник и Немиров (в районе Винницы). Жители Канева ответили Хмельницкому, что не могут перейти на его сторону, опасаясь «московских людей», благо, город стоял на правом берегу Днепра. Многие обыватели вместе с семьями начали перебираться на левый берег. Находившийся в Переяславе гетман Самойлович послал в Канев несколько сотен пехотного полка Кожузовского, надеясь, что Юраска придет с небольшим отрядом татар, и в то же время советовал всем остальным горожанам убираться скорее за Днепр.

Великий визирь отправил на Канев несколько тысяч турок с 15 пушками. Казаки Самойловича не выдержали натиска неприятеля и все погибли в бою. Немногочисленные жители, оставшиеся в Каневе, укрылись в каменной церкви. Но турки обложили церковь дровами и хворостом и подожгли их. Все находившиеся внутри задохнулись от дыма. Испуганные судьбой Канева, Юрию Хмельницкому покорились городки Черкассы, Машна и Жаботин.

По возвращении посланного в Канев турецкого отряда визирь с Капустиной долины двинулся со всем войском в турецкие владения.

Сам же Юрий Хмельницкий сделал своей резиденцией город Немиров. Кроме казаков у него было полторы тысячи крымских татар. В январе — феврале 1679 г. Хмельницкий совершил рейд на левобережье, но быстро ушел за Днепр, преследуемый гетманскими казаками.

Полки гетмана Самойловича во второй половине февраля 1679 г. форсировали Днепр и начали выбивать сторонников Хмельницкого и крымских татар из правобережных городов. 25 февраля был штурмом взят город Ржищев (на Днепре выше Канева). Город был сожжен, а всех обывателей отправили на жительство в Переяслав и Корсунь.

Рано утром 4 марта гетманские войска двинулись к Деренковцу,

Драбовцу, Староборью и далее вниз по реке Рось. Жители выходили встречать их хлебом-солью, приносили повинную и приводили связанных татар. Семен Самойлович (сын гетмана) всем жителям этих городков велел переселяться за Днепр, а сами городки приказал сжечь. Между тем гадяцкий полковник с казаками и воевода Косагов с царскими ратными людьми переправился через Днепр ниже и приступил в Жаботину. Жаботинцы попытались сопротивляться, но вскоре сдались. Жаботин был также сожжен, и жители переселены на левый берег Днепра. Та же участь постигла и город Черкассы.

Как писал Н. И. Костомаров: «Это важное событие в истории Малороссийского края, по преданиям, осталось в народной памяти под названием „сгона“: остаток народонаселения правобережной Украины был теперь окончательно выведен оттуда по распоряжению власти (согнан), а Самойлович мог положительно верно донести московскому правительству, что вся правобережная Украина обезлюдела, и Хмельницкий, оставаясь в своем Немирове, не мог, как бывало прежде, вредить пограничным городам и селениям царской державы»[185].

В 1679 г. за подвиги прошедшего года царь Федор Алексеевич послал в Сечь казакам жалованье: две пушки, 200 ядер, 50 пудов пороха, 50 пудов свинца, 500 червонцев, 170 половинок сукна, а кошевому Серко особый подарок — две пары отличных соболей да еще два сорока соболей, два бархата червчатых (оттенок красного), два сукна — малиновое и червчатое, по пять аршин каждого, атласа гладкого и камки по 10 аршин длины.

Между тем в Сечи получили сведения о том, что турецкий султан решил уничтожить Сечь и направил вверх по Днепру войско паши Кара-Мухаммеда. Узнав об этом, Серко, не надеясь на силы казаков, отошел из Сечи к урочищу Лободухе и встал между островов. Туркам до Сечи оставался всего один переход.

В Москве узнали о страшной опасности, нависшей над Сечью, и туда срочно отправили большое конное и пешее войско под началом Якова Корецкого. Узнав о подходе царского войска, Кара-Мухаммед повернул назад.

1 августа 1680 г. на своей пасеке близ Сечи умер кошевой атаман Иван Серко. Замечу, что Серко был женат, имел законных детей и не делал из этого тайны. 2 августа он был торжественно похоронен на кладбище рядом с Сечью. Прощальным салютом в честь знаменитого атамана стало взятие запорожцами на абордаж 8 августа большого турецкого судна на Азовском море. Большинство команды судна казаки вырезали и лишь 9 человек привели в Сечь.

Польский король Ян Собеский, узнав о смерти Серко, сказал: «Серко — воин славный и в ратном деле большой промышленник».

Кошевой Серко был горячим патриотом Сечи, но никак не Малороссии. Большую часть жизни он верно служил царю, хотя иной раз и дружил с его врагами. Ну что ж, «нужда закон зминяе», — часто говаривал кошевой.

После смерти Серко морские походы запорожцев стали большой редкостью.

В сентябре 1680 г. в Крым был отправлен талантливый дипломат стольник Василий Тяпкин. Обе стороны не хотели «терять лицо», поэтому лишь в начале 1681 г. был заключен так называемый Бахчисарайский мир между Россией, с одной стороны, и Турцией и Крымским ханством — с другой. Точнее, это был не мир, а перемирие сроком на 20 лет (начиная с 3 января 1681 г.).

По условиям этого перемирия границей между Турцией и Московскими владениями стала река Днепр. Москва обязалась выплатить дань крымскому хану за три последних года (она не выплачивалась из-за войны). Кстати, у нас дань называли подарками (поминками).

По условиям перемирия в течение 20 лет от Буга до Днепра крымскому хану и турецкому султану не разрешалось строить новых городов или восстанавливать старые разоренные города и местечки. Московское же правительство обязывалось не принимать перебежчиков, никаких поселений на упомянутых казацких землях не строить, «оставить их впусте». Запорожские казаки оставались на стороне Московского государства, а «султану и хану до них дела нет, под свою державу их не перезывают».

Низовым и городовым казакам Войска Запорожского и промышленным людям разрешалось плавать по Днепру для рыбной ловли и по всем степным речкам на обеих сторонах Днепра «для рыбы и бранья соли и для звериного промысла ездить вольно до Черного моря».

В итоге гетман обеих сторон Днепра Самойлович вновь стал гетманом Левобережья. Юрий Хмельницкий был теперь никому не нужен, и турки, придравшись к нему из-за убийства какой-то еврейки, увезли его из Немирова и удавили на берегу Дуная.

В 1681 г. в Бахчисарае московские послы отдали туркам юг Левобережной Украины, то есть то, что принадлежало полякам по Андрусовскому договору 1667 г. Справедливости ради замечу, что и ляхи, заключив мир с турками 17 октября 1676 г., нарушили этот мир, ущемив интересы России.

Утверждение турок на Левобережной Украине было смертельно опасно для Речи Посполитой. И в 1683 г. ляхи напали на турок. Им удалось отбить Немиров и ряд подольских городков. Поляки пытались втянуть в войну с Турцией и Россию. Но 27 апреля 1682 г. в Москве скончался царь Федор Алексеевич, и началась смута. Тут было не до войны с турками.

1 (12) сентября 1683 г. поляки, немцы и левобережные казаки под командованием польского короля Яна Собеского разбили турок под Веной. После этого турки уже не совались на правый берег Днепра.

26 апреля (6 мая) 1686 г. в Москве был подписан «вечный мир» между Россией и Речью Посполитой. Согласно его статьям граница между двумя странами в Малороссии от города Лоева шла по Днепру вплоть до впадения в него реки Тясмины.

Итак, «чигиринские войны» России и Турции привели лишь к восстановлению статус-кво, определенного Андрусовским договором. С другой стороны, упорное сопротивление московского войска и казаков Самойловича спасло Украину от турецкой оккупации. Наконец, стоит отметить и третий важный аспект — именно «чигиринские войны» стали первыми из серии конфликтов между Турцией и Россией.

Согласно договору 1686 года король польский именовался и «Великим князем Литовским и Русским», а русский царь сохранял наименование «самодержца Белой Руси», то есть Белоруссии, хотя вся эта страна под наименованием Литвы сохранялась еще за Польшей, и Россия отдала последние участки белорусской территории Польше по Московскому Предварительному Протоколу 1686 года.

Как писал Вильям Похлебкин: «Таким образом, на титулы реальное обладание территориями впервые в истории отношений России с зарубежными странами влияния оказывать не стало. (Это нововведение дипломатии В. В. Голицына.) Однако, чтобы не „смущать“ своих подданных, привыкших видеть в титуле точное отражение реальных территориальных прав своих сюзеренов, оба монарха запрещали своим подданным употребление полного титула, который они должны были „забыть“, а получили право употреблять только краткий: „Его Королевское Величество король Польский“ и „Его Царское Величество царь всея Руси“. Полные же титулы оставались лишь для письменного, внешнеполитического употребления, имеющего обращение лишь в высших сферах и за границей»[186].

Россия передала Польше небольшие пограничные территории: районы Невеля, Себежа, Велижа и Посожья. Зато за Россией уже окончательно был закреплен маленький, но очень ценный правобережный анклав — Киев и

Печерский монастырь с окружавшей его территорией, ограниченной речушками Ирпенью с севера и Стугной с юга и оканчивающийся на западной окраине окрестностей Киева у местечка Васильково (крайний западный пограничный пункт России до конца XVIII в.).

Южнее устья реки Тясмины и до Запорожья территория по левую сторону Днепра принадлежала фактически и формально Войску Запорожскому, которое, согласно мирному договору, ставилось в вассальную зависимость с этих пор только от России и в отношения которого с Россией польский король обязался не вмешиваться.

Отдельно был решен вопрос о принадлежности разоренных многолетней войной XVII в. украинских городов на правой стороне Днепра, но прилегающих к его течению, откуда бежало население. Поскольку поляки не захотели уступать их России, то было постановлено, что города Ржищев, Трактемиров, Канев, Мошны, Сокольня, Черкасы, Боровица, Бужин, Воронков, Крылов и Чигирин, а также вся прилегающая к ним территория от местечка Стайки до устья реки Тясмин не будут ни заселяться, ни восстанавливаться, и останутся пустынными до тех пор, пока сейм и король не дадут полномочия на окончательное решение их судьбы, и потому дело об этой территории откладывалось обеими сторонами до лучших и благоприятных времен.

Для закрепления «дружбы и братства» с польским королем Россия обязалась уплатить 146 тысяч рублей двумя взносами: первый сразу же по подписании мирного договора вручался польской делегации послов в размере 100 тысяч, а второй взнос в размере 46 тысяч рублей Россия должна была передать в Смоленске польскому уполномоченному в январе 1687 г., то есть спустя 9 месяцев после подписания договора.

11 (21) декабря 1686 г. во Львове король Ян III ратифицировал «вечный мир». В Москве же его ратифицировали еще раньше, 18 июня 1686 г., сразу два царя — слишком глупый Иван (1666–1696) и чересчур умный Петр (1672–1725).

Глава 8
Как Мазепа стал гетманом

К крайнему неудовольствию самостийников, в жизни их «апостола» Ивана Мазепы много белых пятен. Так, до сих пор неизвестна даже дата его рождения. Костомаров писал: «По известию, доставленному в Археографическую комиссию графом Брюэль-Плятером, Иван Степанович Мазепа-Колединский, шляхетного происхождения герба Бонч, родился в 1629 году Сообщение это имеет вес: граф Брюэль-Плятер — сам владелец архива князей Вишневецких и кроме того всегда находился в сношениях с другими польскими владельцами старинных архивов; но это сообщение, не подтвержденное никакими современными свидетельствами, противоречит шведским известиям тех современников, которые близко видели и знали Мазепу в 1708 году; они говорят, что тогда было ему 64 года от рождения, тогда как ему должно было быть 79 лет, если б он родился в 1629 году Очень может быть, что оба известия не вполне точны, как это читатель заметит из некоторых черт его жизни.

По общему мнению современников, Мазепа был уроженцем из малороссийского края и увидел впервые Божий свет в селе Мазепинцах, лежащем недалеко от Белой Церкви, на реке Каменке. Это имение пожаловано было в 1572 году королем Сигизмундом-Августом предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепе-Колединскому, с обязательством отправить за него службу по старосту Белоцерковскому»[187].

Отец отправил юного Ивана на воспитание ко двору короля Яна Казимира. Через некоторое время король послал Мазепу за границу учиться. Где он учился и чему в течение трех лет, до сих пор неизвестно. По возвращении в Речь Посполитую Иван начал делать карьеру при королевском дворе.

Увы, карьера Мазепы несколько раз обрывалась из-за его неуемных страстей. Костомаров писал, что «он завел тайную связь с одной госпожой, но муж последней, подметив это, приказал схватить Мазепу, привязать к лошадиному хвосту и пустить в поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная к господину из Украины, очутившись на воле, понеслась с привязанным к ее хвосту человеком в украинские степи. Козаки нашли его полумертвым от боли и голода, привели в чувство, и он, оправившись,

остался между козаками. Другой историк, Стебельский, рассказывает тот же анекдот, прибавляя, что господин, с женой которого был в связи Мазепа, раздел его донага, облил дегтем, обсыпал пухом, посадил на дикую лошадь, привязав его к ней веревками, и пустил на произвол судьбы»[188]. До нас дошли и другие рассказы о похождениях Мазепы.

В конце концов Иван Степанович оказывается на службе Богдана Хмельницкого. По одной версии он, находясь на королевской службе, попал в плен к татарам, а по другой — сам бежал к казакам, спасаясь от очередного пана-рогоносца.

На мой взгляд, обстоятельства перехода Мазепы к казакам особого значения не имеют. Важно другое: Мазепа родился в дворянской семье, несколько поколений которой верой и правдой служили польским королям. Он получил воспитание, обычное для богатых польских семей, и практически не имел ничего общего ни с малороссийским народом, ни даже с казацкой старшиной.

В Малороссии Мазепа делал карьеру у многих гетманов. Так, от Павла Тетери он перешел к Петру Дорошенко. Кстати, будучи у Дорошенко, Мазепа вступил в брак с богатой вдовой Фридрикевич, у которой от первого брака был сын по имени Криштов. Национальность богатой вдовы неизвестна, но ее фамилия и имя сына явно польские.

От Дорошенко Иван Семенович перебежал к гетману Самойловичу В июне 1687 г. соединенная армия князя В. В. Голицына и гетмана Самойловича двинулась в Крым. Однако татары применили тактику выжженной земли, и армии пришлось вернуться. Татары и ранее постоянно поджигали степь при подходе неприятеля. Но тут малороссийские недруги Самойловича подали донос Голицыну, что поджог степи был совершен казаками по приказу Самойловича. Князю и его воеводам тоже надо было найти виноватого. Князь наябедничал правительнице Софье, и через две недели Самойлович был лишен гетманской булавы.

25 июля 1687 г. на реке Коломане состоялась Рада, на которой «вольными голосами малороссийских казаков и генеральской старшины» был выбран гетман Мазепа. Его избранию гетманом сильно способствовал князь В. В. Голицын. Иван Степанович немедленно отблагодарил князя, дав ему 10 тысяч рублей, изъятых у Самойловича.

Приняв булаву, новый гетман присягнул царям Петру и Ивану, подписав 22 статьи, определявшие статус Малороссии и самого гетмана. Запорожцев непосредственно касались только две статьи. Во-первых, запорожцы должны были по-прежнему оборонять от татар мало— и великорусские города и держать заслоны у Кызыкерменя и в других

местах. Гетман должен был по-прежнему посылать жалованье запорожцам, в том же объеме, что и при Самойловиче. Запорожцы не имели право без санкции Москвы заключать мир с Крымом.

Во-вторых, гетман должен был построить укрепление (шанец) на левой стороне Днепра напротив крепости Кодак. «На Самаре и на Орели реке, и на устьях Орчика и Берестовой построить крепости и малороссийскими жителями населить и о том во все тамошние города универсчалы послать с разъяснением о том, что в те места могут все желающие без всякого препятствия приходить; запорожцы же к тем крепостям и к жителям тех крепостей касаться не должны»[189].

И действительно, в марте 1688 г. на реке Самаре недалеко от впадения ее в Днепр была заложена Новобогородская крепость. Строили крепость московские стрельцы и малороссийские казаки под командованием гетмана Мазепы. Гарнизон крепости по штату состоял из 4500 человек. «Посад крепости был заселен великороссийскими и малороссийскими поселенцами. Поселенцам велено было садиться за валом на посаде с правом торговать разными товарами, медом и водкой в кабаке, и в сентябре месяце того же года здесь поселена была тысяча семейств из разных малороссийских полков»[190].

В конце года крепость была закончена.

Запорожцы считали постройку крепостей на землях, которые они считали своей собственностью, нарушением прав Войска, но не вступали в открытый конфликт с Москвой. А вот к Мазепе у них накопился длинный список претензий: строительство крепости, удержание хлебного жалованья из Москвы для Запорожского войска, недопущение свободной торговли Малороссии с Сечью.

В 1689 г. князь Голицын вновь двинулся в Крым. В составе его армии было 112 тысяч человек. В ходе похода произошел достаточно скандальный инцидент. Регулярные русские войска осадили… Самар-Николаевский монастырь. Монахи этого монастыря состояли под покровительством Запорожского войска и резко выступали против захвата земель на реке Самаре как малороссами, так и выходцами из Центральной России. Несколько монахов по указанию Голицына были схвачены и подвергнуты жестоким пыткам.

Кроме этого «подвига» Василий Голицын приказал заложить на реке Самаре еще одну крепость — Новосергиевскую. Место для новой крепости выбрали в урочище Сорок Байранов выше Вольного брода. Строительство крепости было начато 20 июня 1689 г. и закончено 18 июля того же года.

Официальное название крепости Новосергиевская употреблялось редко, а в основном ее звали Вольный городок.

Второй поход армии Голицына кончился неудачей, и русские войска ушли на север, оставив гарнизоны и припасы в двух новых городках.

После ухода русских казаки заключили мир с крымским ханом Эльхадж-Селим Гиреем. В ответ гетман Мазепа учинил полную экономическую блокаду Запорожья, запретив передвижение товаров и людей. Кроме того, несколько запорожцев подверглись нападениям в районе Севска и в гетманстве.

Все это вместе взятое вызвало возмущение запорожцев, которые собрали раду и вопреки желанию кошевого атамана Гусака отправили письмо польскому королю Яну Собескому. В письме запорожцы объявили королю, что Москва нарушает их вольности, что она хочет сделать их рабами царей и бояр, и потому просили королевское величество о том, чтобы он «привел их под свою державу», за что обещали верно служить ему, как служили их деды и отцы прежним королям. «Пусть святой дух светит сердца вельможностей ваших, — писали запорожцы польскому гетману, — и даст вам здравый совет, а наше желание таково, чтобы оба народа, польский и малороссийский, соединились в одно»[191].

Поляки не имели возможности, да и желания начинать войну с Москвой, и предложили запорожским посланцам подождать до лучших времен, не отказывая в принципе.

В Москве знали о контактах запорожцев с ляхами как через Мазепу, так и от собственной агентуры в Варшаве, но пока ограничивались чисто экономическими санкциями против казаков.

В апреле 1690 г. в Сечи началось «моровое поветрие», а в августе — огромный налет саранчи. Сочетание ряда факторов повлияло на настроения запорожцев, и к концу 1690 г. они вновь изъявили желание верно служить гетману и царю московскому. Соответственно, из Москвы и Батурина в Запорожье пошли обильные дары и пожалованья.

В январе 1691 г. в Сечь прибыл Петрик, а точнее, Петр Иванович Петричевский. У Мазепы он служил старшим канцеляристом при генеральной войсковой канцелярии и был женат на Ганке, племяннице генерального писаря Василия Леонтьевича Кочубея.

Как видим, Петрик занимал очень высокое положение в чиновничьем аппарате гетмана. Он «составил себе план отторгнуть с помощью Крыма и Турции Малороссию от Великой России, сделать ее независимой от Москвы и открыть крымцам походы на города российского государства. Своими действиями он хотел повторить действия Петра Дорошенко,

несколько лет тому назад пытавшегося те же самые замыслы привести в исполнение. Обстоятельства поначалу благоприятствовали Петрику как в самой Украйне, так и в Запорожье. Дело в том, что и предшественники гетмана Мазепы, и сам Мазепа раздачей земель чиновно-административному сословию Малороссии, закреплением за чиновными сословиями людей простого звания, а также введением откупной системы так называемой „оранды“ шинков сильно восстановили против себя и простой народ, и малороссийское казачество. Многие из украинских жителей, недовольные заведенными на родине порядками, стали бросать села, деревни и хутора и убегать на Запорожье, на вольные земли и воды. Прибыв на Запорожье, они говорили, что на Украйне жить невозможно; что там завелись новые, из малороссийской же братии, паны, закрепостившие за собой множество народа; что там нельзя заниматься свободно промыслами и торговлей; что там, наконец, уже давно ничего нет малороссийского, а все повелось панское»[192].

Мотивы бегства Петрика неясны. В Сечи он объяснил казакам, что ушел с Украины в Запорожье только из-за изменившегося к нему отношения Мазепы: «Гетман стал к нему быть недобр, оттого он и покинул его».

Из Сечи Петрик написал два письма: одно дяде своей жены, генеральному писарю Василию Кочубею, а другое — своей жене Ганке. Кочубею Петрик написал, что бежал в Сечь от своей злой жены, посягавшей на его жизнь, а Ганке написал, что, не называя ее «непристойных и злотворных» поступков, он предоставляет ей жить, богатеть и прохлаждаться без своего мужа, а для него просит прислать зеленый кафтан, один котел, треног да ременное пуло, хлопство же оставить в целости, как было.

Петрик стал писарем Запорожского войска и начал подбивать казаков на войну с гетманом и Россией. Отношение казаков к царю хорошо показано у Яворницкого: «В начале февраля месяца 1691 года приехал в Сичь стольник Афанасий Чубаров, подьячий Вонифатий Парфентьев и гетманские посланцы Глуховец и Харевич с царским жалованьем в 500 червонцев, несколько штук соболей и сукон, 500 бочек муки и собранных с Переволочанского перевоза 5000 золотых. Приняв царские дары, запорожцы стали негодовать на то, что жалованья прислано им мало: один из куренных атаманов, взяв соболя, бросил их на землю и закричал: „Это жалованье не в жалованье! Служим мы долго, а кроме этого ничего больше не выслужили! Такие соболи мы и прежде видали! Пришли к нам москали, велят нам с турком воевать, а сами с ними мирятся“. Другие козаки в тон

куренному атаману кричали так: „Если так, то надобно старших москалей побить или в Чартомлык посажать, остальных в городки отдать. Соболи присланы только четырем, а надобно присылать нам всем, как донским козакам присылают. Велико жалованье прислали 500 червонцев! Нам надо присылать по 5000“»[193].

Тем не менее большинство запорожцев не желали войны с Москвой, и Петрику пришлось бежать в Крым. Он обратился к хану как представитель всего Запорожского войска. Хан заключил с Петриком договор, по которому запорожцы становились вассалами Крыма, а сам Петрик был назначен гетманом.

Большинство запорожцев не поддержали Петрика, лишь несколько сотен примкнуло к нему. В 1692, 1693 и 1696 г. Петрик с небольшим казацким отрядом и войском крымского хана приходил грабить Украину. Несмотря на недовольство правлением Мазепы, население Левобережья не поддержало Петрика. В конце концов, Мазепа предложил тысячу рублей за голову смутьяна, и под городом Кишенкой казак Яким Вечирченко заколол копьем Петрика.

«Но настроение от этого не улучшилось. В Сечь продолжала уходить масса всякого бедного, неимущего, недовольного населения, напрасно гетман велел своим „компаниям“ стеречь и не пускать туда людей. Продолжали раздаваться из Сечи угрозы, что сечевики пойдут на Украину бить панов и арендарей, и Мазепа признавался перед царем, что „не так страшны запорожцы, как целый украинский посполитый народ“, весь проникнутый своевольным духом, не желающий быть под германской властью и ежеминутно готовый перейти к запорожцам»[194].

Весной 1695 г. царь Петр решил отправиться в первый поход на Азов. Войску Запорожскому было поручено «отворить ворота» Днепра в Очаковском лимане в Черное море. Осада Азова выходит за рамки нашего повествования, и мы сосредоточимся на походе русских, малороссийских и запорожских казаков вниз по Днепру.

Царским войском командовал Борис Петрович Шереметев, а малороссийским — гетман Мазепа. Оба войска 18 мая 1695 г. соединились около Переволочны и двинулись вниз по Днепру. Вместе с ними на лодках пошли и запорожцы под началом кошевого атамана Максима Самойленка. 24 июля объединенные силы подошли к крепости Кызыкермень. В крепости засел турецкий гарнизон, а рядом стояли татары под началом «салтанов» Нурредина и Ширинбека.

Янычары внезапно пошли на вылазку из крепости, но были отбиты.

Русские и казаки Мазепы построили укрепления (шанцы) близ стен и с 25 по 30 июля круглосуточно бомбардировали Кызыкермень. Огонь русских мортир вызвал в крепости многочисленные пожары.

30 июля был взорван фугас под угловой (со стороны Очакова) башней, которая рухнула и погребла под собой турецкие пушки и их прислугу. Русские войска перелезли через пролом у рухнувшей башни и ворвались в город. Турки и татары сдались. Шереметеву достались 14 медных турецких пушек, несколько пушек захватил и Мазепа.

Во время штурма Кызыкерменя основная часть запорожцев была занята осадой меньшей по размерам крепости Мустрит-Тавань или, как ее обычно называли, Тавани. Вскоре Тавань сдалась запорожцам. Они же разорили еще одну малую крепость Мударек-Кермень.

По неясным причинам Шереметев не отважился брать Очаков и выходить в Черное море, а двинулся назад — вверх по Днепру. В Тавани был оставлен смешанный гарнизон из русских солдат, казаков Мазепы и 600 запорожцев. Судьба пленных турок и татар была печальна. «Из привезенных запорожцами в Сичь турок и татар одна часть умерла; другая добровольно крестилась и была отпущена на свободу в великороссийские и малороссийские города; а третья часть, замышлявшая погибель Кошу и всему войску, была выведена за Сичь и вся, начиная от малых до старых, мужчин и женщин, без пощады истреблена»[195].

Гетман же Мазепа отправил часть своих пленных, «взятых при покорении турецких приднепровских городков, в Сумы для рассылки их в Великороссию на работы. Другие оставались в Украине и в апреле следующего года были отправлены, в числе 360 человек, на работы в Воронеж»[196].

Царь Петр, раздосадованный неудачей первого похода под Азов, в начале 1696 г. решил вновь отправиться туда. На сей раз гетман Мазепа, зная любовь царя к морскому делу, пообещал построить несколько десятков морских судов, посадить на них 2000 запорожцев и отправить их в крейсерство, чтобы воспрепятствовать подвозу турками припасов к Азову Местом строительства флота Мазепа предложил выбрать Брянск. Петр с радостью согласился, но потребовал, чтобы для быстрейшего строительства флота Мазепа поставил часть леса из гетманства.

Не дожидаясь окончания строительства флота в Брянске, кошевой атаман Иван Гусак в апреле 1696 г. отпустил в море атамана Якова Чалого с пятью сотнями отборных казаков, а сам известил гетмана письмом, что между низовым товариществом есть еще несколько человек «охотных

козаков» идти в море против бусурман, и просил гетмана за неимением денег в Сечи прислать для постройки судов денег из средств, ассигнованных на строительство «брянского флота».

Получив грамоту Гусака, Мазепа отправил на Сечь батуринского сотника Сидора Горбаченка, чтобы тот выяснил ситуацию на месте.

Сидор Горбаченко прибыл в Сечь в ночь на 25 апреля, а на утро уже был в раде с гетманским листом, который вручил кошевому атаману Ивану Гусаку. Тот, приняв гетманский лист, приказал читать его всем казакам. Выслушав гетманский лист, в котором предлагался низовому войску в предстоящее лето поход на Черное море против бусурман, все казаки единогласно дали ответ, что готовы с радостью принять предложение гетмана, но видят затруднение в том, что не имеют в наличии надежных судов. Во всей Сечи только и было 50 челнов, да и те без починки не могли далеко идти, а для починки нужны были смола, пенька и другие припасы. Еще десяток-другой судов, добытых казаками у бусурман, можно было найти и возле самой Сечи, но они от частого плавания сильно расшатаны и требуют большой починки и упорного труда. «Правда, во всем Запорожье имеется достаточное число судов, но на них выплыли из Сичи и из Таванского городка в море до 1000 человек запорожских козаков[197]; они сели по 30 человек в каждый челн и захватили с собой три пушки в поход»[198].

Понятно, что запорожцы, чтобы получить побольше денег, удвоили воинство атамана Чалого. Между тем храбрый атаман в течение одного месяца захватил 17 турецких торговых судов в море вблизи Очакова. А затем Чалый благополучно привел свои суда в Сечь.

В конце мая царь через Мазепу послал запорожцам 1000 рублей на постройку морских судов и двести подвод «хлебных запасов», а взамен потребовал немедленного выхода запорожцев в Днепровский лиман.

Запорожцы хитрили, говоря об отсутствии готовых судов для похода, выманивая тем самым деньги у Москвы. Суда у них были, и 30 июня 1696 г. новый кошевой атаман Яков Мороз пошел с 1740 казаками вниз по Днепру. Вместе с ним был и ватажный атаман Яков Чалый.

В середине июля казаки вышли в Черное море. Там они решили разделиться. 340 запорожцев во главе с Чалым направились к городу Козлову. Остальные же во главе с Яковом Морозом решили «погулять в море».

Чалый высадился на крымский берег в 5 верстах от Козлова. Он разграбил два больших татарских поселения и захватил 62 пленника. Затем

казаки благополучно добрались до морских лодок и двинулись назад в Днепровский лиман. Однако в районе Очакова навстречу запорожцам устремилось несколько турецких каторг и фуркат[199]. Не имея шансов победить в морском бою, запорожцы пристали к острову Казачьему, окопались там и два дня отбивались от басурман.

На третью ночь Чалый повел своих людей на прорыв вверх по Днепру Поднявшись до Стрелицы, казаки увидели, что турки перегородили рекучем-то типа бонов. Пришлось высадиться на левый берег Днепра и далее идти пешком через Ольховский лес. Обратим внимание — хозяйственные казаки не бросили своих пленных.

Увы, вскоре запорожцы были окружены превосходящими силами турок и татар. Казаки вновь окопались и держали оборону до 27 августа. Наконец, обессиленные от голода и не имея более пороха казаки сдались. Турки казнили одного Чалого, а остальных отправили в Очаков. Там местный паша пожелал обменять запорожцев на ранее взятых в плен турок, что вскоре и было проделано.

А теперь вернемся к казакам Якова Мороза, которые остались на сорока морских лодках в открытом море. Вскоре они заметили турецкий конвой. Казаки погнались за турками и взяли на абордаж три судна. Любопытно, что при этом помимо больших трофеев была захвачена переписка Великого визиря и крымского хана. На обратном пути в районе Очакова казаки встретили отряд турецких гребных судов. Казакам удалось с боем прорваться в Днепр, но турки продолжали их преследовать. Тогда Мороз приказал пристать у Стерлицы. Все суда и тяжелые вещи были утоплены, а казаки и 27 пленных турок посуху благополучно добрались до Сечи.

17 июля 1696 г. царь наконец овладел Азовом и немедленно позвал Мазепу к себе в городок Острожский пьянствовать. А между тем 600 запорожских казаков прибыли в гетманскую столицу Батурин, а оттуда собирались ехать поздравлять царя, надеясь на «щедрые поминки».

Однако Мазепа, ненавидевший запорожцев, посоветовал Петру допустить в Москву 200 казаков, а остальным 400 ждать своих товарищей в Батурине. Царь согласился, но запорожцы заупрямились — или все едем в Москву, или никто. В конце концов казаки поехали назад в Сечь.

Где-то в районе Переволочны запорожцев нагнал посланец гетмана с царскими подарками: «жалованья по 1 рублю на человека, а всем вместе 600 рублей, кроме того, по английскому сукну, мерой по 5 аршин»[200].

Я умышленно останавливаюсь на столь мелких деталях, чтобы

рельефнее показать крайне сложный и малопонятный характер отношений запорожцы — гетман — царь.

Весной 1697 г. Мазепа получил сведения о подготовке большого похода турок и татар, стремившихся взять реванш за Азов. Пришлось гетману вновь просить помощи у запорожцев. Он отправил из Брянска в Сечь «к прежним струговым припасам» на 40 стругов железных якорей — 40, холста на паруса — 8000 аршин, смолы — 80 бочек, железа — 480 пудов, канатов — 800 сажен, веревок — 7900 аршин. Кроме того, в виде подарка гетман послал кошевому атаману Морозу 20 чешских талеров, судье Власу Опаненку, писарю и ясаулу — по 10 талеров, а о готовности запорожцев идти на бусурман сообщил в Москву, присовокупив к тому предложение построить за свой счет 50 морских судов.

Царь, получив письмо Мазепы, с радостью принял его предложение и велел выслать в Москву запорожских мастеров, умеющих строить морские суда. Кошевой Мороз послал лучших мастеров — Василия Богуша, Мартына Романовича и Авдия из Шкуринского куреня. 11 декабря мастера прибыли в Москву, откуда были отправлены в Брянск для поиска и заготовки годного для строительства судов леса.

27 апреля 1697 г. Мазепа получил донесение о строительстве судов малороссийскими полковниками: «В течение последних месяцев у малороссийских полковников изготовлено было 70 морских судов и 600 речных лодок „на лиман и на днепровскую воду способных, которыя судна полковники те, с иного козака по полтине, с иного по талеру емля, своими деньгами делали“. Суда были бы и раньше готовы, но замедление в постройке их произошло по вине трубчевского воеводы, запрещавшего мастерам рубить лес в зимнее время. Благодаря, однако, настоянию [представителя гетмана] Сухины часть их была окончена к 27-му апреля и тогда же отправлена под командой запорожского мастера Богуша к устью реки Десны и Сейма, а часть окончена в начале мая.

Ввиду трудности переправы судов через пороги Днепра гетман позаботился навести справку о том, как велика в порогах вода и когда удобнее всего пускаться с флотилией вплавь по Днепру»[201].

Казаки отвечали: «Вода ныне в порогах великая обретается, и будет она пребывать, хотя помалу, до святого иерарха Христова, Николая, а после праздника святого Николая через неделю начнет спадати скорее, нежели пребывала, и ныне, сими часами, по преполовении Господнем, час и пора самая переправлятись»[202].

27 мая 1697 г. Мазепа двинулся в поход на турок. Часть войска шла на

лодках, а часть — вдоль берега Днепра. Вместе с Мазепой в походе участвовали и царские воеводы братья Яков и Лука Федоровичи Долгоруковы[203].

24 июня войско подошло к порогам. Гетман приказал спускать последовательно весь русско-казацкий флот через днепровские пороги. Переправа через пороги Днепра была очень трудная, продолжалась две недели и стоила гибели многих хлебных запасов, оружия, судов и людей: «Притом и люди некоторые из войска кончиною смертною отнялись, ибо где о каменных пороги судно разбилося, там и все хлебные и ружейные запасы приходили в утопление, и люди попадали не в безопаство»[204].

А как раз в это время напротив Кодака показалась белогородская орда, которая угнала несколько десятков запорожских лошадей, а у майдана татары захватили и нескольких казаков. Одновременно с белогородской ордой на другом берегу Днепра, ниже впадения в него реки Самары, за переправлявшимися отрядами русско-казацких войск наблюдала крымская орда.

6 июля гетман Мазепа переправился с левого берега Днепра на правый и оттуда послал универсал всем наказным полковникам об оставлении им для охраны малороссийских городов на случай татарских набегов князя Луки Долгорукова и полковника Даниила Апостола «до властно поворота гетмана и воеводы из похода».

22 июля Мазепа прибыл к Чортомлыкской Сечи, где был встречен кошевым атаманом Григорием Яковенко и знатными казаками. Тут воевода князь Яков Федорович Долгоруков «дал запорожским козакам семь стругов и по одному талеру на человека, а гетман Мазепа подарил по золотому на 4000 человек»[205]. Кошевой с запорожцами присоединился к войску Мазепы.

25 июля 1697 г. войско прибыло к Кызыкерменю. Яков Долгоруков приказал рядом с Таванским городком заложить новую мощную крепость. Строительством ведали два инженера: какой-то «немчин» и дворянин Василий Бухвостов.

Но вот 10 августа запорожские разведчики доложили, что вверх по Днепру плывет много лодок с турками, а по левому берегу идет крымская орда.

Князь Яков Долгоруков и Мазепа решили ретироваться. Любопытно, зачем они, собственно, шли со столь мощным войском — на экскурсию по Днепру?

В Тавани и нескольких других укрепленных городках Мазепа оставил

около 6 тысяч человек, включая тысячу запорожцев вместе с кошевым атаманом Григорием Яковенко. «Запорожским козакам гетман дал 1000 червонцев и наказал им жить мирно с русским войском и единодушно держаться против бусурман в случае прихода их к городкам»[206].

20 августа ушло воинство Мазепы и Долгорукова, а через три дня на Днепре показались четыре турецких гребных судна. Яковенко внезапно атаковал их на лодках и взял на абордаж одно судно с одной пушкой.

Сам же Мазепа расположился у Грушевки вблизи острова Томаковки и оттуда стал давать указания запорожцам: «„урывать неприятелей, давать им знак, дабы поганцам страх мог бытии к прекращению их поганского намерения“. А наградой за „неотходную“ из-под Тавани службу по 2 талера каждому товарищу будет, на 1000 человек 2000 талеров; если же окажется какая скудность в хлебных запасах, то в таком случае можно из Сичи взять из 100 кулей запаса, которые нарочно для такого случая в войсковой шопе оставлены»[207].

Однако Яковенко оставил Таванский городок, бросив там русский гарнизон, и прибыл в Сечь. Казаки, которые до этого сидели в Сечи, разорались и выбрали нового кошевого атамана, какого-то Григория.

1698 г. прошел в довольно вялых боевых действиях русских войск и запорожцев в районе Тавани. А 14 января 1699 г. в венгерском городе Карловичи было заключено русско-турецкое перемирие сроком на 2 года.

3 июля 1700 г. Россия и Турция подписали Константинопольский договор, включавший в себя 14 статей. Первая статья устанавливала перемирие сроком на 30 лет, а вторая предусматривала передачу приднепровских городков, предварительно разрушенных, Турции. Важное значение имела четвертая статья договора, оставлявшая Азов со всеми прилегавшими к нему городками за Россией.

Замечу, что разрушение турецких городков Тавани, Кызыкерменя и Шагинкерменя, возложенное царем на князя Ивана Михайловича Кольцо-Мосальского, оказалось непростым делом из-за сопротивления запорожцев. Казаки считали захваченные городки своей собственностью. Князь стянул куда большие силы из России и две тысячи наемников Мазепы. В результате запорожцам пришлось отступить, но зато они категорически отказались участвовать сами и предоставлять свои суда для эвакуации пушек и различных грузов из разрушаемых городков.

Еще большее возмущение у запорожцев вызвало то, что все грузы были перевезены «в урочище, на горе, у Каменнаго Затона, в пристойном месте, подле реки Белозерки, против Никитина рога». Там князь Кольцо-

Мосальский заложил укрепление совсем недалеко от Запорожской Сечи.

Глава 9
Как Палий запалил Правобережье

В 1696 г. умер польский король Ян III Собеский. Сразу же объявилось несколько кандидатов на вакантный престол. Среди них были Яков Собеский (сын покойного короля), пфальцграф Карл, герцог Лютарингский и маркграф Баденский Людовик.

Однако основными кандидатами стали двое: саксонский курфюрст Фридрих Август I (Альбертинская линия династии Веттинов) и французский принц Людовик Конти (двоюродный брат французского короля Людовика XIV).

Большинство польских панов предпочитали принца Конти, к тому же он был католик, а Фридрих Август — протестант. Но усиление французской власти в Речи Посполитой оказалось невыгодно австрийскому императору, русскому царю и римскому папе.

Петр I, находившийся в составе «русского великого посольства» в Кёнигсберге, отправил радным панам грамоту, где утверждал, что до сих пор он не вмешивался в выборы, но теперь объявляет, что если французская фракция возьмет верх, то не только союз на общего неприятеля, но и вечный мир «зело крепко будет поврежден».

17 июня 1697 г. в Польше две враждебные группировки устроили параллельно два сейма; один избрал королем принца Людовика, а другой — саксонского курфюрста.

Петру I «петуховский»[208] король явно не понравился, и он послал в Польшу «избирателей» — князя Ромодановского с сильным войском. Одновременно в Польшу с запада вышло саксонское войско. Франция была далеко, и на польском престоле утвердился 27-летний Фридрих Август. Он хорошо помнил фразу великого французского короля Анри IV — «Париж стоит мессы», и немедленно перешел в католичество, став королем Августом II. Замечу, что конституция Речи Посполитой обязывала короля быть католиком. При этом жена его могла не принимать католичество, но тогда она не могла короноваться вместе с мужем.

Воинственный и честолюбивый Август II решил вернуть Речи Посполитой захваченную шведами Лифляндию, а при удачном стечении обстоятельств — и Эстляндию.

Идти войной на шведов молодого русского царя особенно уговаривать

не пришлось. Петр лишь решил ждать заключения мира с Турцией. 8 августа 1700 г. в Москве было получено известие о том, что русский посол Е. И. Украинцев подписал в Константинополе перемирие сроком на 30 лет. На следующий же день, 9 августа, Россия объявила войну Швеции.

Первым же двадцатиоднолетнюю Северную войну начал Август II. В феврале 1700 г. семитысячная польско-саксонская армия вошла в Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде[209]. Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось и пришлось перейти к правильной осаде.

После поражения русских войск под Нарвой шведский король Карл XII овладел всей Курляндией и северной Польшей. 14 мая 1702 г. Карл XII вошел в Варшаву, а король Август II бежал в Краков. Глава (примас) польской католической церкви Михаил Радзеевский обратился к Августу с предложением о посредничестве в поисках мира. Август разрешил примасу отправиться в Варшаву. Аудиенция примаса у Карла XII длилась всего 15 минут. В заключение ее король громко произнес: «Я не заключу мира с поляками, пока они не выберут другого короля!»

В декабре 1703 г. Карл XII обратился с письмом к польскому сейму, в котором предлагал возвести на польский престол принца Якова Собеского и обещал поддержать его всеми силами.

В январе 1704 г. примас Радзеевский созвал сейм в Варшаве под предлогом заключения мира со шведским королем, который объявил, что хочет договориться только с республикой, а не с польским королем Августом. Этот предлог нужен был для того, чтобы сейм происходил в отсутствие короля. Уполномоченным от Карла XII на сейме был генерал Горн, а отряд шведского войска разместился около здания, где происходил сейм.

2 февраля Горн передал сейму письменное объявление, что король его не может войти ни в какие переговоры с республикой, пока она не будет свободна, то есть чтоб переговоры и решения настоящего сейма не могли ни от кого зависеть, а для этого необходимо, чтобы король Август II был свергнут с престола.

Шведы представили сейму несколько перехваченных писем Августа, где говорилось о скандальности, вероломстве и пьянстве поляков. Раздражение панов еще более усилилось, когда они узнали, что Август арестовал Якова Собеского и его брата Константина. Братья охотились в Силезии, где на них внезапно напали тридцать саксонских драгун. Братья были отвезены в Кенигсштейн и заключены под стражу.

В итоге Варшавский сейм объявил, что «Август, саксонский курфюрст, не способен носить польскую корону». Польский престол был единогласно

признан свободным.

Когда Карлу доложили об аресте Якова Собеского, он бодро заявил: «Ничего, мы состряпаем другого короля полякам». Он предложил корону младшему из Собеских — Александру, но тот проявил благоразумие и отказался. Тогда Карл предложил корону познаньскому воеводе Станиславу Лещинскому. Тот был молод, приятной наружности, честен, отлично образован, но у него недоставало главного, чтобы быть королем в такое бурное время, — силы характера и выдержки. Выбор человека, не отличавшегося ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством, разумеется, был принципиальной ошибкой Карла XII. Польские паны поломались-поломались и выбрали Стася королем.

Тут мы сделаем небольшое отступление и вернемся в XVII век. Польский король Ян Собеский для борьбы с турками решил возродить на Правобережье казачество. В 1683 г. он приказал шляхтичу Куницкому начать набор казаков, и к концу года таковых набралось около 8 тысяч. Но в начале 1684 г. казаки убили Куницкого и выбрали своим гетманом Могилу. (Видимо, речь идет об Андрее Мигуле?)

Но к 1686 г. уже ни Могилы, ни единого командования у правобережных казаков не было, а значительная часть Правобережья оказалась под властью самозваных казацких полковников. Наибольшую известность среди них приобрел Семен Филиппович Гурко, получивший прозвище Палий, то есть поджигатель.

Палий сделал своей резиденцией город Фастов или, как его тогда называли, Хвастов. Палий в молодые годы жил в Сечи и всегда поддерживал тесные связи с запорожцами.

Полякам как-то удалось схватить Палия и заключить его в башню в городе Немирове. Но Семен смог бежать оттуда. Освободившись, он узнал, что Фастов захвачен частной армией католического епископа. Палий собрал казаков, взял Фастов и перебил там всех ксендзов. Именно с тех пор он стал непримиримым врагом католической церкви.

В 1688 г. Палий обратился в Москву с просьбой о принятии его в подданство. Но правительница царевна Софья не желала войны с ляхами, и Палию было рекомендовано вместе с казаками перебраться в Запорожье.

Однако честолюбивый Палий не захотел стать местечковым полковником, а то и есаулом, и остался в Правобережье. У поляков не было возможности, а может, и желания отправить против Палия и других полковников крупные силы.

Статус у Палия и других полковников на Правом берегу был более чем

странным. Так, в 1693 г. войско Палия вместе с казаками Мазепы разгромили татар на реке Кодыме, за что получили от царя Петра ценные подарки.

Казаки Палия повсеместно громили панские усадьбы. Так, например, при разгроме двумя сотнями Палиевских казаков имения пана Стецкого один из вождей повстанцев, некий Прокоп, громко заорал: «За Вислу ляхов прогнати, щоб их тут и нога не ступала!»[210]

Уверен, что подобный лозунг использовался всеми православными Правобережья.

На грабежи казацкого полковника Кутиского-Барабаша последовала коллективная жалоба шляхты Киевского воеводства. Польский коронный гетман отправил к полковнику посланцев с требованием уняться. А Кутиский-Барабаш посадил их в тюрьму, заявив: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у меня король — царь турецкий, а гетман — господарь волоский, — бо треба тое ведати: где Барабаш, там ничого не маш»[211].

Сотник Палиева полка Цвель со своими казаками напал на каптурового [212] судью Сурина, ездившего для исполнения своей судебной обязанности в село Калиновку. «Козаки, встретивши его на дороге, закричали: „Бийте ляхов, бийте! Нехай не ездють на суды; тут наш козацкий суд!“ С такими словами козаки поколотили и самого господина, сидевшего в коляске, и его прислугу, забрали у него деньги, оружие, вещи, съестные запасы, а все судебные документы повыбрасывали и истребили»[213].

А, с другой стороны, Палий периодически отправлял письма к польскому королю, в которых стремился показать себя верноподданным Речи Посполитой, терпящим постоянные обиды от панов и ксендзов.

В 1700 г. коронный гетман послал под Фастов воеводу Цинского с 4 тысячами поляков. Пан Цинский подошел к Фастову, сжег посад, а затем ретировался. По версии украинских историков отряд казаков напал с тыла на ляхов, и те были вынуждены отойти от Фастова. Поляки же утверждают, что Палий прислал Цинскому несколько бочонков с деньгами, и на том кампания была закончена ко всеобщему удовлетворению.

Любопытно, что некоторые польские паны привлекали казаков Палия для решения своих личных дел. Так, зимой 1700/1701 г. пан Микульский поссорился со своей соседкой панной Головинской, взял от Палия «привоведный лист» для набора своевольных казаков и с этими казаками напал на имение Головинской, выгнал владелицу, сжег ее усадьбу и разогнал ее людей.

Польские паны ситуацию на Правобережье начали сравнивать с

временами Богдана Хмельницкого в конце 40-х гг. XVII в.

Примерно с 1694 г. отношения между Палием и Мазепой начали портиться. Фастовский правитель был слишком популярен на обоих берегах Днепра, а Мазепе в общем и целом было плевать и на православие, и на народ малороссийский, его основной целью было удержать гетманскую булаву. Поэтому Мазепа пытался всеми средствами дискредитировать Палия.

В 1701 г. поляки направили в Правобережье большие силы, в основном состоявшие из частных армий. Полковник Самусь отправил Мазепе грамоту с просьбой о помощи и осведомлялся о возможности ухода на левый берег в случае полной победы ляхов. Мазепа отвечал: «Помочи тебе не подам и без царского указа тебя не прийму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь, по своей воле»[214].

А в своем донесении в Москву Мазепа высказывал соображения, что Самусь делает это по чужому наущению, поскольку сам он человек простой и необразованный, и едва ли без чужого совета додумался до этого. «Бунт распространяется быстро, — писал гетман, — уже от низовий Днестра и Буга по берегам этих рек не осталось ни единого старосты, побили много мещан — поляков и жидов, другие сами бегут в глубину Польши и кричат, что наступает новая хмельнищина. Впрочем, случившаяся на правой стороне Днепра смута принадлежностям нашим зело есть непротивна. Пусть господа поляки снова отведают из поступка Самусева, что народ малороссийский не может уживаться у них в подданстве; пусть поэтому перестанут домогаться Киева и всей Украины»[215].

По царскому указу в августе 1702 г. Мазепа пригласил Палия принять участие со своими казаками в войне против шведов. Палий ответил, что рад бы служить царю, да не смеет выйти, потому что на него собираются польские войска в Коростышове, и как только он выйдет, так они и Фастов разорят, и людей православных перебьют. «Всему свету известно, — выражался Палий, — что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили с сего света и много христиан мечом истребили в нашей достойной слез Украине»[216].

Полковник Самусь решил не ждать польских войск, а сам осадил Белую Церковь. 7 сентября из своего табора под Белой Церковью Самусь разослал всем казацким старшинам универсал, в котором извещал, что присягнул за весь народ малороссийский быть до смерти верным царскому пресветлому величеству и пребывать в покорности гетману Мазепе. Далее

в универсале говорилось, что в настоящее время Самусь с казацким войском находится под Белой Церковью напротив неприятелей-поляков и будет добиваться, чтобы ляхи навсегда ушли из Малороссии и более не возвращались. Самусь писал: «Прошу вас, господа, приложите все старание ваше, соберите изо всех городов поднестранских [приднестровских] охотное товарищество в сотни и тысячи и поспешите стать с нами заодно. Как скоро Бог нам поможет взять белоцерковский замок, то не станем тратить времени и тотчас двинемся на противников наших польских панов»[217].

Универсал этот был послан и к приднестровским казацким старшинам Валозону, Палладию и Рынгошу.

Самусь недаром обратился в Приднестровский край. Начавшись от Богуслава и Корсуна, восстание, поднятое Самусем, пошло на запад к Бугу и Днестру «Хлопы, жадные крови шляхетской, как выражались поляки, поднялись…». Город за городом, село за селом избавлялись от господства поляков, и вскоре восстание докатилось уже до Каменца. Подоляне прислали к Палию гонцов просить его быть «патроном» народного восстания против ляхов.

Две недели простоял Самусь под Белой Церковью, и тут приехал к нему эмиссар от коронного гетмана Любомирского пан Косовский и объявил, что если Самусь сложит оружие и покорится королевской воле, то получит прощение от короля и Речи Посполитой за все то, что происходило в Богуславе, Корсуне и других местах, где были побиты поляки и евреи. Самусь отвечал: «Мы тогда будем желательны королю и Речи Посполитой, когда у нас во всей Украине от Днепра до Днестра и вверх до реки Случи не будет ноги лядской»[218].

А тем временем на помощь Самусю подошел и сам Палий с 15 тысячами казаков. На выручку крепости двинулось и большое польское войско во главе с Яковом Потоцким и регментарем Рущицем. Ляхи заняли город Бердичев.

16 октября казаки Самуся внезапно ворвались в Бердичев и учинили там резню ляхов, Потоцкий и Рущиц бежали с небольшой частью своего воинства.

К концу ноября 1702 г. пала Белая Церковь. Трофеями казаков стали 28 пушек и большие запасы пороха. Палий въехал в город в карете, запряженной шестеркой лошадей, и объявил себя полковником белоцерковским. Казацкие полковники Палий, Самусь и Истра отправили Мазепе грамоту с просьбой принять Белую Церковь под власть царя.

А отряды Самуся двинулись на город Немиров. Местные казаки передались повстанцам, и город был взят с ходу. Всех поляков и евреев казаки перебили, за исключением нескольких, согласившихся принять православие. Вскоре судьбу Немирова разделил и город Бар.

Зимой 1702/1703 г. появился в Подолии «полковник Войска Запорожского» Федор Шпак. Он объявил, что паны утесняют крестьян вопреки королевской воле. Шпак отличался тем, что не только резал католиков и евреев, но и продавал их целыми толпами татарам.

В числе восставших крестьян и казаков оказался и дворянин Данило Братковский. Он был, наверное, последним из русских дворян в Малороссии, сохранивший верность православию. Еще раньше Братковский напечатал по-польски сочинение под названием «Мир, пересмотренный по частям» («Swiat poczesci przejrzany»), где в сатирическом тоне изобразил пороки шляхетского общества.

Естественно, что Братковскому не нравилась религиозная политика ляхов в Подолии после изгнания оттуда турок. Так, королевским указом в Каменце не дозволялось селиться православным. Весь Подольский край в церковном отношении был изъят из ведомства киевского митрополита и подчинен исключительно литовскому униатскому владыке, как будто там уже и не было, и не должно было быть православных.

Братковский в 1701 г. стал распространять свои сочинения в защиту православной церкви. Полякам удалось схватить Братковского, его долго пытали и 25 ноября 1702 г. казнили в Луцке «мучительной смертью».

Гетман Мазепа не помогал восставшим на Правобережье. Тем не менее в ноябре 1702 г. он получил от царского резидента в Варшаве князя Григория Долгорукова следующее письмо: «Шведский король хитрыми вымыслами, по совету приставших к нему польских изменников, велел распространять слухи, будто его царское величество указал вашей вельможности послать 20 000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царским гетманом, и будто мятежи, поднявшиеся в Украине, возникли с позволения нашего государя. Речь Посполитая приходит в немалое подозрение. Необходимо всем на деле доказать, что этот мятеж начался без воли царской и не приносит никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этот огонь, препятствующий Речи Посполитой обратить оружие против шведов»[219].

Под давлением казацкой старшины Мазепа написал канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять от Палия Белую Церковь в царское владение. Петр же вместо этого вновь приказал Мазепе усилить караулы на Днепре, дабы не пускать правобережных казаков на помощь

повстанцам.

Царь отправил к Палию генерала Паткуля уговорить его передать захваченные территории королю Августу. Палий фиктивно согласился, но делать ничего не стал.

Во второй половине 1703 г. войско польского гетмана Сенявского сумело отбить у Самуся город Немиров, причем сам полковник ушел в Богуслав. Затем Сенявский осадил город Ладыжин, где с несколькими тысячами казаков засел полковник Абазын. Ляхи штурмом взяли город. Абазына посадили на кол. По разным сведениям, было перебито от двух до десяти тысяч казаков.

В феврале 1704 г. киевский воевода[220] Потоцкий разбил отряд Федора Шпака. По приказу Потоцкого всем хлопам, заподозренным в участии в восстании, отрезали левое ухо, и, по свидетельству современника, такому наказанию было подвергнуто до 70 тысяч человек. Польские суды по обвинению в мятеже приговаривали к смерти жителей целых селений. Их казнили скопом — правых и виноватых.

В январе 1704 г. Самусь и корсуньский полковник Истра бежали на левый берег и были приняты на службу к Мазепе.

В апреле 1704 г. Петр I приказал гетману Мазепе двинуть малороссийское войско на правый берег «чинить промысел над нерасположенными к королю Августу панами, нещадно опустошая огнем и мечом их маетности»[221].

Между тем Мазепа строчил царю донос за доносом на Палия, что тот сносится с панами Любомирскими и хочет поступить на службу к шведскому королю Карлу XII.

В мае Мазепа отправил 1300 казаков на помощь польскому королю Августу. 15 июля к войску Мазепы, стоявшему на польской территории, подошел отряд Палия. Гетман радушно принял полковника и обильно угостил его горилкой.

1 августа Мазепа пригласил в очередной раз в свою ставку Палия, арестовал его и отправил в заключение в Батуринский замок.

Между тем Петр I приказал Мазепе возвращаться домой. На Правобережье гетманская армия не вела боевых действий, а лишь грабила имения магнатов, перешедших на сторону короля Стася и шведов, как, например, тех же Любомирских.

12 октября 1704 г. Мазепа отправился с войском обратно и уже 29 октября прибыл в Батурин.

В августе 1704 г. Мазепа отправил на помощь полякам и саксонцам 10-

тысячный отряд казаков под командованием переяславского полковника Ивана Михайловича Мировича (о нем и его семействе будет рассказано ниже). Казаки участвовали в обороне Львова и ряде других сражений. Поляки и немцы третировали казаков. В конце концов, почти весь этот и другие ранее посланные отряды казаков погибли или разбежались, и в Малороссию в ноябре 1704 г. вернулось лишь несколько десятков человек вместе с полковниками Мировичем и Апостолом.

Петр 10 декабря издал указ, что оба полковника достойны смертной казни «за распущение казаков и за самовольный уход со службы», но по ходатайству гетмана простил их.

В начале 1705 г. Мазепа направил царю очередную кляузу на Палия, заявив, что держать его в Малороссии опасно. По царскому указу Палия в марте 1705 г. доставили в Москву, а в конце лета отправили в Сибирь в Томск на вечное поселение.

Так закончилась «палиевщина» запорожских и местных казаков, которая могла привести все Правобережье под скипетр русского царя. Увы, в данном случае Петр показал себя ограниченным и недальновидным политиком. Он переоценил военное и политические значение польских магнатов, а они в качестве союзников ничего не хотели и не могли дать России, а в качестве врагов — сколько-нибудь серьезно навредить. А вот оставление Правобережья под властью панов и ксендзов принесло огромный вред России. Это прекрасно понимали еще царские историки, и они постарались помпезной риторикой и словоблудием об измене Мазепы, Полтавской виктории и т. п. затмить палиевщину и сделать ее третьестепенным эпизодом, не достойным освещения в школьных и институтских учебниках истории.

Раздел III
Малороссия в составе империи

Глава 1
Поход Карла XII и позиция казачества

Как сказал классик марксизма: «История — не тротуар Невского проспекта». В 1707–1710 гг. в Малороссии сложилась крайне запутанная ситуация. Шведский король Карл XII равно презирал поляков и малороссов, включая шляхту, казацкую старшину, гетманов и королей, но не упускал ни единой возможности использовать их против Петра I. В свою очередь, казачество — малороссийское, запорожское и донское — также не испытывало теплых чувств к Карлу XII, да и вообще мало что о нем знало, но при этом часть старшины, да и, честно говоря, простого казачества была не прочь «половить рыбку в мутной воде», то есть попросту захватить «зипуны» и получить различные привилегии.

Понять ситуацию до и после Полтавской битвы можно, лишь оценивая все события в регионе (на театре военных действий). Увы, русские и советские историки по чисто конъюктурным соображениям предпочитали рассматривать отдельно войну царских войск со шведами, отдельно — с запорожцами и отдельно — с донскими казаками.

Подобная методика не только запутывает проблему, но и дает возможность «самостийникам» искажать исторические события с точностью до наоборот.

С начала Северной войны в составе Петровской армии действовало несколько отрядов запорожцев. Снабжение казаков было поставлено из рук вон плохо, а использовалась казацкая кавалерия зачастую не по назначению. В сентябре 1703 г. запорожский полковник Матвей Темник, служивший под Ладогой, жаловался боярину Головину, что ранее казаки получали по рублю на рядового, несколько больше того на старшину и по одному кулю муки в месяц на четверых казаков; кроме того, имели сухари, крупу, сукно, свинец и порох. Ничего этого в настоящее время, кроме одного куля муки на шесть человека да одного четверика круп на четыре человек в месяц, они не получают. От этого, питаясь из «своего хребта» и не получая в течение нескольких месяцев ни единой копейки, казаки распродали всю свою движимость, стали и голы, и босы.

Несколько тысяч запорожцев было отправлено на земляные работы в устье Невы. В какой стране, кроме России, видано, чтобы элитную конницу обращали в землекопов?

В июне 1704 г. запорожцы приняли активное участие в сражении со

шведами на Черной речке (там, где через 133 года будет убит Пушкин).

Через год, 4 августа 1705 г., запорожцы защищали район Охты и были вынуждены отступить на левый берег Невы, уступив превосходящим силам генерала Майделя. Замечу, что тут виноваты не запорожцы, а Петр I со своим гонором. Дело в том, что шведы у впадения Охты в Неву построили довольно мощную крепость Ниеншанц (Ниен). 1 мая 1703 г. шведы сдались русским. Крепость при осаде пострадала мало, и Петр поначалу именно в Ниеншанце хотел «ногою твердой стать у моря», но через несколько недель он передумал и решил строить свой новый город «Питербурх» в нескольких километрах выше по течению Невы, а Ниен сровнять с землей и забыть о его существовании. А ведь в 1705 г. крепость Ниен могла стать надежной преградой против войск генерала Майделя.

В сентябре 1707 г. 44-тысячная шведская армия оставила Силезию и двинулась на восток. Шведы медленно двигались по разоренной Польше. Осенняя распутица задержала их на Висле до декабря 1707 г. Перейдя Вислу, шведские силы продолжали свой путь на восток через Мазурию — большую болотистую и лесистую область рядом с границей Восточной Пруссии. Эти края еще никогда не пересекала ни одна армия, очень уж они были труднопроходимы. Одной из причин выбора такого маршрута было желание Карла побыстрее соединиться с корпусом Левенгаупта. Через десять дней шведская армия добралась до Литвы, оставив в Мазурии выжженную пустыню. Один драгунский полковник вспоминал: «Множество народу было убито, а также все было сожжено и разорено, так что, думается мне, оставшиеся в живых не скоро забудут шведов».

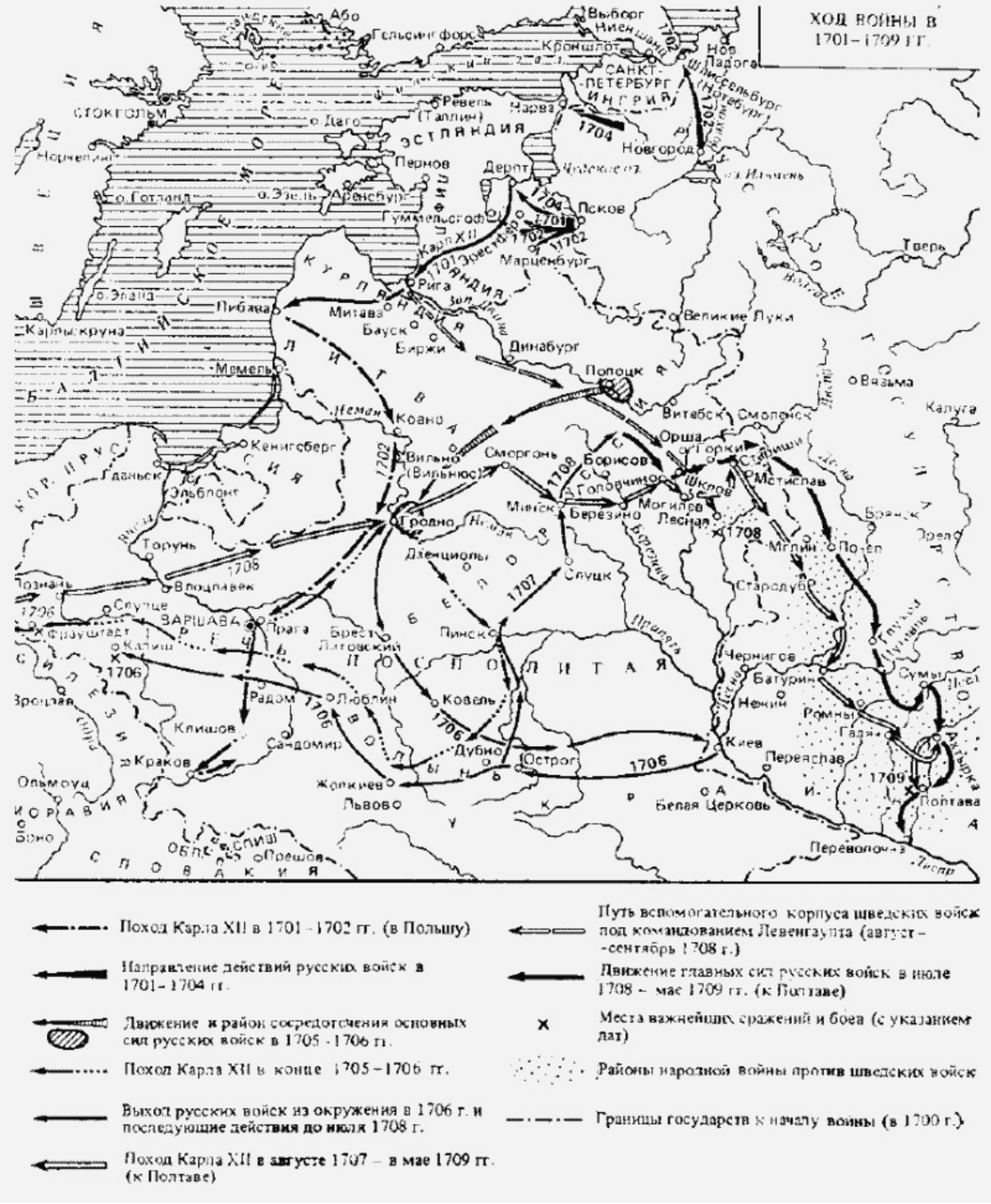
Вечером 25 января 1708 г. Карл подошел к Неману и узнал, что в Гродно находился Петр. 26 января русские войска во главе с Петром в панике оставили Гродно. Карл всего с 800 всадниками ворвался в город. Шведы захватили мост через Неман, который охранял русский отряд под командованием бригадира Мюленфельса. Петр приказал его арестовать и отдать под суд. Однако Мюленфельсу удалось бежать из-под стражи и поступить на службу к шведскому королю. После Полтавского сражения Мюленфельс был взят в плен и по приказу Петра посажен на кол[222].

Из Гродно Карл двинулся на запад. В феврале 1708 г. шведы заняли Сморгонь, где простояли до 17 марта. Затем королевские войска вошли в Радошковичи и задержались там на три месяца, чтобы переждать весеннюю распутицу.

Петр покинул армию и 20 марта прибыл в Петербург. В любимом «парадизе» царь занялся устройством… дамской флотилии. Из Москвы в Петербург срочно вызвали вдову царя Ивана Алексеевича царицу

Прасковью Федоровну с дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей; сестер царя Наталью Алексеевну, Марью Алексеевну и Феодосью Алексеевну. Также был вызван «всепьянейший собор» и некоторые вельможи с супругами.

Петр устроил родственницам торжественную встречу — пригнал в Шлиссельбург девять буеров и выехал навстречу за восемь верст от города. Царицу Прасковью Федоровну с дочерьми и своих сестер Петр усадил в буера, а в верстах четырех от Петербурга флотилию встретила яхта с адмиралом Апраксиным на борту, приветствовавшая гостей пушечной пальбой. Царь приказал нарядить царицу и царевен на голландский манер в короткие безрукавки, юбки и шляпы и велел им вести жизнь морских путешественниц. Гостей часто вывозили в море, возили в Кронштлот и в Петергоф.



Передвижение шведских и русских войск в 1701–1709 годах

Но тут мы вынуждены прервать рассказ о походе Карла XII и увлечениях царя и рассказать о событиях на Дону, последствия которых

будут оказывать влияние на судьбы запорожского казачества в течение последующих 120 лет.

Еще 6 июля 1707 г. в Люблине царь отправил указ полковнику князю Ю. В. Долгорукову навести порядок на Дону: «…сыскать всех беглых и за провожатыми и з женами и з детьми выслать по-прежнему в те ж городы и места, откуда кто пришел».

Петр прекрасно знал неписаный закон казаков: «С Дона выдачи нету». Зачем ему понадобилось злить казачество накануне вторжения Карла XII, можно только гадать.

2 сентября 1707 г. Юрий Долгоруков с двумя сотнями солдат прибыл в Черкассы. Атаман войска Лукьян Максимов и старшина формально согласились с царским указом, но выполнять его не спешили. Тогда Долгоруков решил сам начать ловлю беглых. В Черкассах он не рискнул проводить розыск и отправился вверх по Дону. В Багаевском городке было выявлено 11 беглых. Кроме того, полковник арестовал там 16 «жен», мужья которых, пришедшие на Дон после Азовских походов, находились в Польше, в составе казачьих полков русской армии. В Мелиховском городе Долгоруков поймал еще 20 беглых.

Долгоруков не понимал, что он не на Рязанщине, и для поимки беглецов раздробил свои силы на несколько отрядов. В ночь с 8 на 9 октября 1707 г. казаки под командованием атамана Кондрата Булавина убили Долгорукова и еще 16 офицеров и подьячих, солдат же обезоружили и отпустили. Так началось знаменитое Булавинское восстание.

18 октября 1707 г. отряд Булавина был разбит у речки Айдары казаками, оставшимися верными царю. Ими командовал атаман Л. Максимов. Потерпев неудачу на Дону, Булавин отправился в Чортомлыцкую Сечь и начал призывать казаков идти «бить бояр». Три раза по этому поводу собиралась рада в Сечи, и всякий раз «молодята» требовали от старшин похода в Малороссию, чтобы бить панов и арендаторов, но «старики» всякий раз их удерживали, выдвигая два возражения против похода на города: первое — теплая зима и не совсем замерзшие реки, и второе — пребывание в Москве запорожских казаков, которые были туда отправлены за жалованьем и с началом бунта могли быть там арестованы.

В целом запорожцы остались нейтральными, но вокруг Булавина собралось несколько сот «запорожьских гультяев», которые построили городок на речке Вороной ниже Звонецкого порога. Оттуда Булавин рассылал запорожцам «прелестные грамоты»: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто

похочет с военным походним атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чистому полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте на черны вершины самарския»[223].

20 апреля 1708 г. гетман Мазепа по царскому приказу отправил в Сечь городового атамана Барышевского с приказанием кошевому атаману и всему войску поймать в Сечи «вора и изменника» Булавина и прислать его в Москву или в Батурин. Не довольствуясь только приказом, Мазепа одновременно двинул против Булавина полтавского полковника Ивана Левенца с полком.

Однако на гетманский приказ запорожцы ответили, что того бунтовщика Булавина нет в Сечи, но что они обещают, когда он явится в Сечь, поймать его и доставить в город Батурин.

И действительно, в начале 1708 г. Кондрат Булавин двинулся с Днепра на Дон, а вместе с ним шло около 6 тысяч запорожцев. В марте 1708 г. Булавин уже был в Пристанском городке на Хопре.

12 апреля 1708 г. царь повелел майору лейб-гвардии князю Василию Владимировичу Долгорукову, брату убитого, подавить Булавинское восстание. Любопытна инструкция Петра по обращению с донскими казаками: «Понеже сии воры все на лошадях и зело лехкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь и для того только за ними таких же послать по разсуждению. Самому же ходить по тем городкам и деревням (из которых главной Пристанной городок на Хопре), которые пристают к воровству и оные жечь без остатку, а людей рубить, а завотчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть. Протчее полагается на разсуждение господина маеора»[224].

А пока Долгоруков собирал полки, Булавин 9 апреля 1708 г. на реке Лисковатке наголову разгромил казацкое войско атамана Максимова, а сам Лукьян бежал в Черкассы. 1 мая ближайший сподвижник Булавина Игнат Федорович Некрасов взял Черкассы и захватил Максимова. По приказу Игната Максимов и пять других старшин были казнены. 9 мая донские казаки собрали «круг»[225] в Черкассах.

Через 4 дня в Сечи была собрана широкая рада, на которой часть казаков потребовала присоединиться к Булавину, а другая часть возражала. Дело дошло до большой драки. В конце концов, казачество сошлось на компромиссе — вместо похода в глубь России сделать нападения на

царские городки на реке Самаре, которые давно сидели в печенках у всех запорожцев.

Однако в этот момент из Межигорского монастыря в Сечь прибыли новые иноки на смену прежних. Видя, куда собираются походом запорожцы, иноки вынесли из сечевой церкви на площадь Евангелие и крест и стали увещевать казаков не поднимать войны против своих же православных собратьев. Перед этим казаки не устояли и отложили раду до следующего дня. Наутро страсти приутихли, и казачество решило пока погодить.

17 мая 1708 г. в Сечи получили письмо Булавина кошевому атаману Косте Гордиенко, в котором рассказывались подробности о взятии Черкасского городка, о казни атамана Максимова, о выборе самого Булавина в атаманы донских казаков. Там же сообщалось о сборе царских полков на реке Донце близ Святогорского монастыря и о намерениях их идти под Черкасск. «И мы всем войском донским, войсковой наш атаман Кондратий Булавин, просим у вас, атаманов молодцов, у тебя, войскового атамана Константина Гордеевича, и у всего войска запорожского милости: если услышите про приход государевых полков на наше разорение, дайте нам помощи, чтобы нам стать сообща и напрасно не дать себя в разорение, а где они будут стоять, вам бы о том известить нас вскоре. А о чем у нас с вами, атаманы молодцы, меж себя был совет на ваших господарей и на панов, и как вы обращались с нами, тако и делайте, чтобы наш благой совет был к нам непременен. А во всем вы, атаманы молодцы, войско запорожское, против супостат надейтеся на милость божию, и мы войском донским вам все помощники, и о том к нам в Печерский прислать бы вам от себя человек 20 или 30 лучших людей»[226].

В конце мая 1708 г. Кондратий Булавин прибыл в город Бахмут и оттуда послал в Сечь универсал, в котором призывал всех запорожцев идти под слободу Ямполь, чтобы дать отпор князю Василию Долгорукову, пришедшему на юг истреблять всех казаков. Запорожцы, получив этот универсал, стали переходить к Булавину как по отдельности, так и партиями в несколько сотен человек. «Так, 30 числа перешла к нему с кумачовыми знаменами одна партия в 300 человек; июня 9 числа перешла другая партия в 500 человек, всех же набралось около 1200 человек»[227].

Как видим, запорожские казаки предпочитали ходить под кумачовыми знаменами, а вот о «жевто-блакитных» они и не слыхивали.

Между прочим, еще в 1410 г. под Гринвальдом Киевский полк шел на крестоносцев под червленым стягом. Под красным флагом воевал Северин

Наливайко. В 1644 г. король Владислав, затевая войну с Турцией, передал запорожским казакам через выборных «красное адамашковое знамя с белым орлом и 600 злотых на постройку чаек. В числе этих выборных был и Богдан Хмельницкий»[228]. Сам же Богдан воевал под малиновым стягом.

Впервые же желто-голубой флаг, похожий на самостийный, появился в 1848 г. во Львове на территории Австрийской империи, когда в разгар венгерского восстания имперское правительство создало в Галиции Головну Руську раду, чтобы иметь в тылу у восставших верные себе войска.

По одной версии этот флаг был сконструирован из цветов галицкого флага — вверху золотой цвет льва, внизу — голубой цвет фона. По другой версии некогда у галичан было красно-синее знамя (это подтверждается документами), а мать императора Франца-Иосифа заменила красный цвет желтым, чтобы в галицком флаге было что-то от желто-черного знамени Габсбургов. И австрийский наместник торжественно вручил его «руським галичанам».

Царь был напуган действиями запорожцев и 14 июня 1708 г. написал Василию Долгорукову: «„крепко смотреть о том, чтобы не дать случиться запорожцам с донцами“, в противном случае может разыграться очень худое дело»[229].

В начале мая Кондрат Булавин допустил стратегическую ошибку, разделив свои силы и направив их по расходящимся направлениям. Любопытна грамота атамана Никиты Голого, разосланная в южные русские города: «В русские великого государя городы стольником и воеводам и приказным людям, а в селех и в деревнях заказным головам и десятникам и всей черни, Никита Голой со всем своим походным войском челом бьем. Стою я в Кулаковом стану и по Лазной, а со мною силы 7000 казаков донских да 1000 запорожских казаков же. И хотим идти под Рыбной. А Семен Драной пошел своею силою по Изюм, а с ним силы 10 000. А Некрасов пошел на Саратов и на Козлов, а с ним силы 40 000. А сам наш войсковой атаман Кондратей Афонасьевич Булавин пошел под Азов и под Таган, а с ним силы ворон и 2000 кубанцев и запорожцов и наших козаков. А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и каторые неправду делают. А вы, голотьва и вся, идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтеся: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье. А мы стали за старою веру и за дом пресвятые богородицы и за вас за всю чернь, и чтобы нам не впасть в ельнинскую [эллинскую] веру»[230].

В этой примитивной грамоте хорошо показаны цели булавинцев и, что для нас важно, участие запорожцев в боевых действиях.

В конце июля 1708 г. казаки Семена Драного осадили небольшую крепость Тор на Северном Донце, немного ниже Изюма. На помощь осажденным были отправлены несколько полков под командованием бригадира Ф. Шидловского. В ночь со 2 на 3 июля в урочище Кривая Лука произошло ожесточенное сражение. Из 6500 казаков было убито и утонуло свыше 1500. Погиб и сам Семен Драный.

5-6 июля состоялось ожесточенное сражение у стен крепости Азов, в ходе которого казаки атамана Лукьяна Хохлача были наголову разбиты и бежали. Сам Хохлач сдался в плен.

7 июля 1708 г. в Черкаске казацкие старшины во главе с Иваном Зерщиковым произвели переворот. Кондрат Булавин был убит, а по другой версии застрелился.

Успешным оказался лишь рейд атамана Игната Некрасова вдоль Волги на Камышин и Царицын. Узнав о гибели Булавина, Некрасов привел своих людей в район Переволочны (между Доном и Волгой).

На Дон были стянуты большие силы карателей. И вот тут начинаются недомолвки дореволюционных и советских историков. Казни вожаков и даже рядовых бунтарей были обычным явлением для XVIII в., возьмем, к примеру, восстание Пугачева. Но в 1708 г. Петр приказал не только казнить участников восстания, но и уничтожать десятки казацких городков вместе с населением. Солдаты убивали женщин и детей (чаще всего топили в Дону) и сжигали все строения. Только отряд В. В. Долгорукова уничтожил 23,5 тысячи казаков мужского пола, жен и детей не считали[231]. Кстати, в карательной армии были и малороссийские казаки, посланные Мазепой.

Мало того, православный царь не постеснялся натравить на казаков орды калмыков. Калмыки резали всех подряд, но, в отличие от князя Долгорукова, не вели учета своим жертвам. И еще не убивали женщин, а уводили их с собой.

В такой ситуации Игнату ничего не оставалось, как увести свой отряд численностью от 3 до 8 тысяч казаков (по разным источникам) в ногайскую степь, а затем на Кубань и отдаться под покровительство крымского хана. Замечу, что это было не паническое бегство, а организованное отступление. Казаки ехали строем под знаменами, в отряде было не менее 7 пушек. За ними ехали многие сотни телег с женщинами и детьми.

Крымский хан разрешил некрасовцам поселиться между Темрюком и Копылом (сейчас Славянск на Кубани). Любопытно, что развалины одного из казачьих городков на Кубани еще в начале XX в. называли Некрасово

городище.

Оказавшись в окружении иноверцев, казаки законсервировали свои обычаи и права. Во главе «Славного кубанского войска» стоял войсковой атаман, избираемый на один год. На него возлагалась исполнительная власть. Высшая же власть, как и в Донском войске, принадлежала войсковому кругу, на котором право голоса имели все мужчины, начиная с 18 лет. В отличие от других казачьих войск, на собраниях круга могли присутствовать и женщины, правда, с совещательным голосом.

Серьезные преступления — убийство, изнасилование, предательство — карались смертной казнью. Бытующее до сих пор в станицах и хуторах выражение «в куль да в воду» как раз и показывает, каким образом приводился в исполнение приговор. Наиболее же распространенным было наказание розгами, причем кара эта распространялась даже на атамана. В таком случае старейший и уважаемый всеми казак забирал у атамана булаву — символ власти, а после наказания атаман обязан был сказать: «Спаси, Христос, что поучили!» Возвратив атаману булаву, казаки кланялись, приговаривая: «Прости Христа ради, господин атаман», на что последний отвечал: «Бог простит! Бог простит!»

Свод казачьих законов был написан самим Некрасовым. «Игнатова книга» хранилась в войсковой церкви. Из уст в уста передавались «заветы Игната», главным из которых было: «…в Россию при царе не возвращаться».

На Кубань к некрасовцам ежегодно бежали сотни донских казаков, а также раскольники со всей России. Это вызывало беспокойство царских властей. По приказу Петра дворянин Василий Блёклый прибыл в Бахчисарай к хану Девлет Гирею с большими подарками просить выдачи некрасовцев. Хан подарки взял, а по поводу казаков удивился: «…чего мне отдать, чего у меня нет».

В мае 1710 г. Игнат Некрасов с 3 тысячами казаков и 2 тысячами калмыков и кубанских татар объявился в Приазовье и стал лагерем на реке Берда. К нему начали присоединяться донские и запорожские казаки. Царским войскам удалось вытеснить некрасовцев из Приазовья.

В 1711 г. казанский и астраханский губернатор П. М. Апраксин отправился на Кубань ловить некрасовцев, но, потеряв 150 солдат и 540 калмыков, возвратился восвояси.

В 1717 г. атаман С. Ворон водил некрасовцев на Хопер, Медведицу и Волгу. Борьба некрасовцев с царями только начиналась.

А над Кубанью звучала горькая песня: «Так прощай, прощай наш Тихий Дон. А тебе, царю шельме, не за что. Через тебя иду во неволюшку,

во неволюшку во туречину…»

Отвлекшись на Булавина и Некрасова, мы забыли о Карле XII. К началу 1708 г. он вместе с 35 тысячами солдат зимовал в районе Сморгонь — Ошмяны. В Финляндии, у Выборга и Кексгольма, находился корпус Либекера (14 тысяч человек), а под Ригой — корпус А. Л. Левенгаупта (16 тысяч человек).

Согласно плану компании 1708 г., разработанному Карлом XII, его главные силы (35 тыс. человек) должны были идти на Москву через Смоленск. Корпусу Либекера ставилась задача овладеть Петербургом. Корпус Левенгаупта должен был идти от Риги на соединение с главными силами и принять участие в наступлении на московском направлении.

Планы шведского короля были безумны. В глубине России Карла ждала неизбежная гибель. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но элементарные расчеты показывают, что Карл, двинувшись на север и соединившись с Левенгауптом, мог выбросить русских из района Невы, понеся им огромные потери в живой силе. А дальше не было никакой нужды идти на восток, достаточно было построить мощные крепости в Орешке, Ниеншанце и Нарве, но не по канонам XIII–XIV вв., какими их брал Петр, а по образцам французских крепостей начала XVIII в., и, разумеется, оставить там сильные шведские гарнизоны.

Первое сражение в кампанию 1708 г. произошло 4 июля у местечка Головчин (война все еще шла на территории Речи Посполитой). Русская армия под командованием фельдмаршала Шереметева заняла позиции вдоль реки Бабич. В тылу русских войск был лес, впереди — болотистый берег, укрепленный небольшими шанцами и рогатками. Центром командовал Шереметев, правым флангом — генерал Аларт, левым — фельдмаршал-лейтенант Гольц и князь Репнин. В ночь с 3 на 4 июля пять шведских пехотных полков под предводительством Карла XII атаковали шеститысячный отряд Репнина, отрезав его от Гольца. После упорного боя русские в беспорядке отступили, бросив 10 пушек. Русские потеряли 675 человек убитыми и столько же ранеными, 630 человек попало в плен. Потери шведов составили 255 человек убитыми и 1219 ранеными.

Шереметев и Репнин попытались исказить ситуацию в своих реляциях царю. Петр вначале поверил, но, разобравшись, пришел в бешенство. По сему поводу он писал: «…многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем».

Военный суд вынес Репнину суровый приговор: обвиняемый «достоин

быть жития лишен», но, учитывая, что прегрешения он совершил «не к злости, но из недознания», суд счел возможным заменить смертную казнь лишением чина и должности, а также взысканием денег за оставленные на поле боя пушки и снаряжение. 5 августа 1708 г. царь утвердил приговор, и генерал князь Репнин стал рядовым солдатом. Солдат, раненных в спину в этом бою, рассматривали как трусов и расстреливали или вешали.

7 июля Карл вышел к Днепру и без боя занял город Могилев. Напомню читателю, что пока все действия происходили на территории Польши. В Могилеве Карл простоял почти месяц, ожидая подхода Левенгаупта с большим обозом (16 тысяч солдат, 16 пушек и 8 тысяч повозок). Левенгаупт сильно задержался и выступил в поход короткими переходами только в конце мая. За месяц он едва преодолел 230 километров.

Шведская армия выступила из Могилева 5 августа, так и не дождавшись Левенгаупта, но промедление длилось и так уж очень долго, пора было возобновить военные действия. Однако шведские войска двинулись не против главных сил русских, которые стояли на укрепленных позициях у Горок, а повернули на юго-восток и уперлись в реку Сож (приток Днепра). Шведы были вынуждены держаться вблизи Днепра, чтобы хоть как-то заслонить малочисленный корпус Левенгаупта. Они попытались выманить русских с их позиций и навязать им открытое сражение.

У Чирикова неподалеку от реки Сож шведы постояли пару дней, перестреливаясь с русскими по ту сторону реки. Карл, большой любитель пострелять, в возбуждении сам ходил по берегу и брал мушкет то у одного, то у другого солдата. Он собственноручно убил нескольких русских.

Лишь несколько незначительных стычек имели место, например, при Добром 31 августа и при Раевке 10 сентября, но, в общем и целом, они не привели ни к какому результату, кроме больших потерь. Охота за отступающими русскими войсками продолжалась в направлении на северо-восток, к Смоленску.

11 сентября шведское войско остановилось у Старишей — пограничного городка, раскинувшегося по обе стороны большой дороги на Москву. Отсюда до Смоленска было всего около 14 верст.

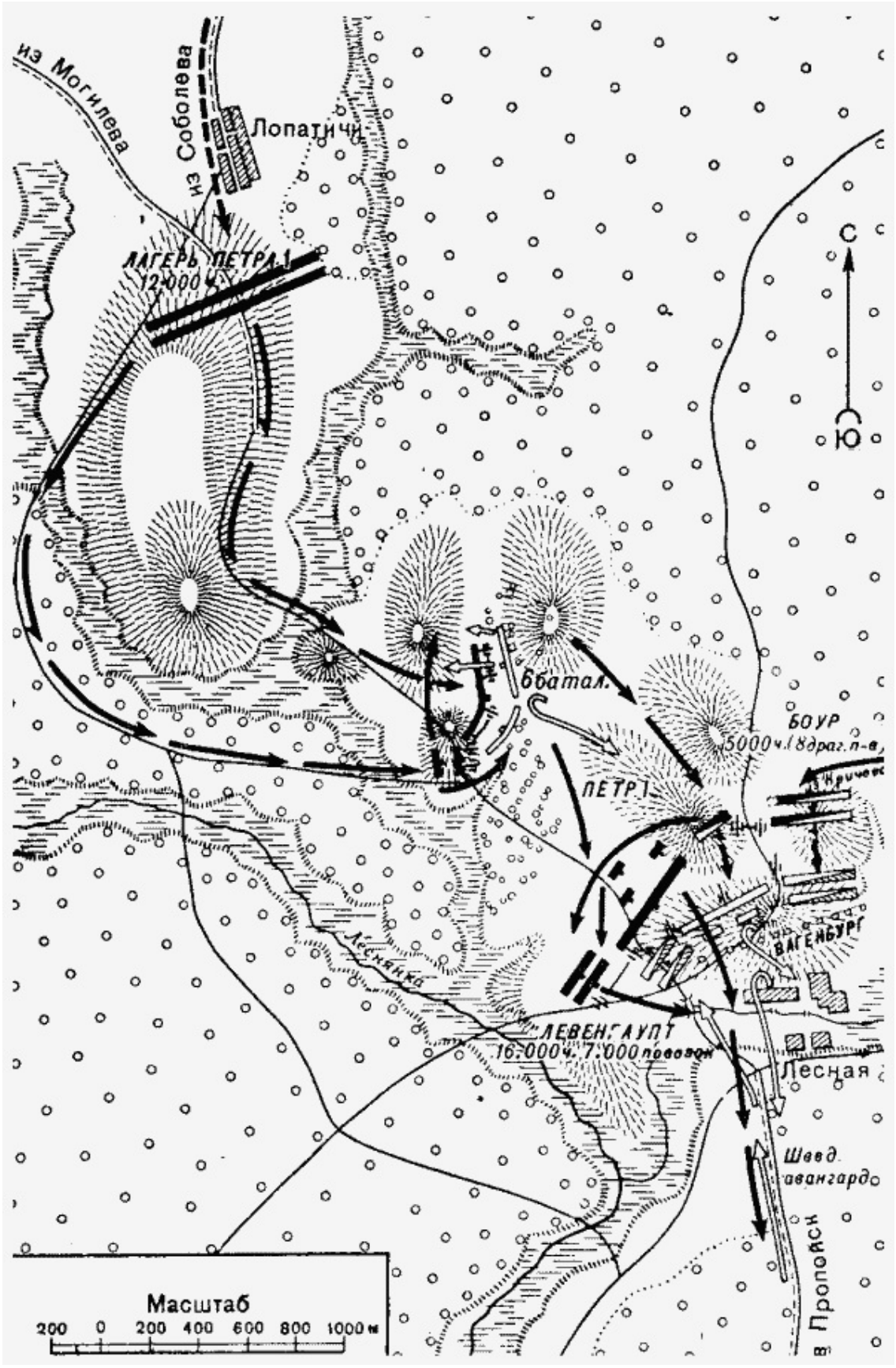
Четыре дня Карл XII оставался в нерешительности. По приказу Петра русские разоряли собственную страну так же, как и Польшу. Чтобы не быть голословным, приведу цитату из указа Петра: «Ежели же неприятель пойдет на Украйну, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)… польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным

и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «…сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Генерал-поручик Боур получил аналогичный приказ Петра: «…главное войско обжиганием и разорением утомлять».

15 сентября Карл отдает приказ о походе на Украину. Армия поворачивает на юг и движется на город Стародуб.

14 сентября Петр созывает военный совет, на котором было принято решение разделить армию. Большей части армии во главе с фельдмаршалом Шереметевым указано идти за Карлом на Украину, а 10-тысячный корпус (корволант) с 30 полковыми пушками двинуть навстречу Левенгаупту Командовать корволантом было поручено Меншикову, а фактически им командовал сам Петр.

Между тем корпус Левенгаупта двигался по направлению Шклов — Пропойск. О том, что Карл XII изменил план действий, Левенгаупт ничего не знал и продолжал двигаться к переправе через Днепр у Шклова. 21 сентября 16-тысячный корпус шведов с 16 орудиями и огромным обозом переправился через Днепр и продолжал движение к Пропойску В четырех верстах от Пропойска у деревни Лесная русский корволант настиг Левенгаупта.


из Могилева
из Соболева
Лопатичи
ЛАГЕРЬ ПЕТРА I
12.000 ч.
С
Ю
6бат.
БОУР
5000 ч. 18 драг. п-в
ПЕТР I
ВАГЕНБУРГ
ЛЕВЕНГАУПТ
16.000 ч. 7.000 поводов
Лесная
Шевд. авангард
в Пропойск
Масштаб
200 0 200 400 600 800 1000 м

Бой при Лесной

Позиция, выбранная Левенгауптом для боя, представляла собой поляну, окруженную лесом. Здесь и расположились шведские войска, устроив позади себя укрепленный лагерь, прикрывающий дорогу на Пропойск. Севернее этой поляны находилась другая поляна, которую Левенгаупт решил занять шестью батальонами пехоты. Эта передовая позиция была удобна тем, что с левого фланга она прикрывалась рекой Леснянкой, а с правого — густым лесом, что затрудняло выход русских войск из леса.

Переправившись через реку Реста, русские войска приблизились к шведам. Петр разделил корволант на две колонны. Во главе левой колонны (один пехотный и семь драгунских полков) стал Меншиков, правой колонной (два пехотных, три драгунских полка и один батальон) командовал сам Петр. В каждой колонне насчитывалось 5–6 тысяч человек. Пехота передвигалась на лошадях. В полдень левофланговая колонна, выйдя из леса, стала быстро развертываться для построения в боевой порядок. Однако шведы, стремясь использовать свое выгодное положение, атаковали русскую пехоту, в результате чего создалась тяжелая обстановка. В это время к Петру, объезжавшему полки, обратился солдат с просьбой «повелеть, чтобы находившиеся за регулярною пехотою казаки и калмыки кололи всех, кто подастся назад». «Товарищ! — обратился Петр к солдату. — Я еще от тебя первого слышу такой совет и чувствую, что мы не проиграем баталии». Этим солдатом был разжалованный князь Репнин. Как видим, заградотряды ввел не Сталин, а Петр Великий, а моду стрелять из пулеметов по собственным отступающим войскам ввел в 1915 г. генерал Брусилов.

В час дня русские войска вновь атаковали шведов, а к трем часам «неприятеля с поля паки сбили». Шведы были отброшены к вагенбургу (временному полевому укреплению, составленному из сцепленных повозок), потеряв при этом 8 орудий. К пяти часам из-под Кричева подошла кавалерия Боура. Петр поставил на правый фланг еще два полка драгун, усилив таким образом боевой порядок. Было решено атаковать вагенбург, направляя главный удар на левый фланг, с тем, чтобы занять мост и дорогу на Пропойск и закрыть шведским войскам пути к отступлению. Бой шел успешно, мост через Леснянку был захвачен. Но в это время на помощь шведам подошел трехтысячный авангард, в результате контратаки мост был ими отбит.

Бой продолжался до вечера. На ночь шведы укрылись в вагенбурге.

Ночью поднялась сильная метель. Воспользовавшись этим, Левенгаупт решил отступить через реку Сож, куда раньше направился весь обоз. Но русские кавалеристы упредили шведов и уничтожили мост. Утром Петр направил конницу для преследования противника. Русские кавалеристы нанесли еще одно поражение шведскому арьергарду. С остатками деморализованных войск Левенгаупт бежал вниз по реке Сож. «Оного неприятеля сломив, побили на голову, так, что трупом с восемь тысяч на месте осталось…», — писал Петр. В плен было взято 45 офицеров, 730 солдат и захвачено 16 орудий. Спустя несколько дней русские взяли в плен еще 385 шведов, бежавших во время боя. В этих боях русские потеряли 1111 человек убитыми и 2856 ранеными. После Лесной царь простил князя Репнина и вернул ему чин генерала.

12 октября остатки корпуса Левенгаупта численностью около 6500 человек соединились с армией Карла XII. Король был крайне расстроен, но он не только не наказал Левенгаупта, а наоборот, отправил в Стокгольм бюллетень, где на шести листах рассказывалось о том, как шведы весь день храбро отражали нападения 40 тысяч московитов и как к вечеру варвары отступили. О потере обоза не было сказано ни слова.

Почти три столетия иностранные и отечественные историки спорят, насколько измена гетмана Мазепы повлияла на решение Карла повернуть на юг. Не меньший предмет споров вызывает и сама личность гетмана.

Возьмем для примера нашего великого специалиста по Петру I Н. И. Павленко: «Иван Степанович Мазепа принадлежал к числу тех людей, для которых не было ничего святого. В нем в одном сосредотачивались едва ли не все пороки человеческой натуры: подозрительность и скрытность, надменность и алчность, крайний эгоизм и мстительность, коварство и жестокость, любострастие и трусость. В случае надобности он умел под личиной покорности скрывать злобу, ловко плести интриги, мог быть беспредельно подобострастным, внешне покладистым»[232]. Увы, сей портрет ничего не имеет общего с реальным гетманом Мазепой.

Мазепа не был беспринципным хамелеоном, как его пытаются нам представить. Так, к примеру, С. М. Соловьев, в целом крайне отрицательно относящийся к Мазепе, рассказывает нам о ссоре Мазепы с царским дядей Львом Кирилловичем Нарышкиным, имевшим тогда огромное влияние на Петра. У Нарышкина была карлица-украинка. Что с ней делал Лев Кириллович, можно только догадываться, если она бежала домой и ни под каким видом не хотела возвращаться назад. Старик сильно огорчился и с угрозами требовал у Мазепы, чтобы тот выдал ему карлицу. Гетман по этому поводу писал Головину: «Если б та карлица была сирота безродная,

не имеющая так много, а наипаче знатных и заслуженных казаков родственников своих, тогда бы я для любви боярина… приказал бы ту карлицу, по неволе в сани кинув, на двор его милости к Москве допровадить. Но она хотя карлица, возрастом и образом самая безделица, однако роду добраго казацкого и заслуженного, понеже и отец ея на службе монаршеской убит, — для того трудно мне оной карлице неволю и насилие чинить». В конце концов, карлицу схватили против воли гетмана и увезли в Москву Этот мелкий эпизод показывает, с одной стороны, характер Мазепы, а с другой, степень наглости, с которой вел себя на Украине царь Петр.

Со времен Хмельницкого царское правительство не сумело, а я думаю, и не хотело определить законом положение малороссийского гетмана. Поэтому при желании любой украинский ябедник мог найти какую-нибудь промашку в действиях гетмана и настучать в Москву. Петру на Мазепу было написано несколько десятков доносов. Благодаря поэме Пушкина «Полтава» двое доносчиков — генеральный судья Кочубей и полковник Искра — навечно вошли в нашу историю. Понятно, что художественные произведения были бы скучны, если бы они досконально соответствовали правде жизни.

Реальный Кочубей длительное время находился в хороших отношениях с Мазепой и даже выдал старшую дочь за его племянника Обидовского. Но вот старому Мазепе приглянулась младшая дочь Кочубея Матрена. И, что самое интересное, шестнадцатилетняя Матрена ответила взаимностью Ивану Степановичу. То ли ей действительно понравился старый донжуан, то ли приспичило стать гетманшей, этого мы уже никогда не узнаем.

Мазепа сделал официальное предложение Матрене. И тут «встала на рога» старуха Кочубеиха. Наверное, каждый читатель знает мамаш, неудовлетворенных собственными мужьями и мечтающих увидеть свой идеал в зяте. Они предпочтут, чтобы их дочь осталась старой девой, чем нашла мужа, не соответствующего стандартам тещи: «Этот молодой, но маленький, а тот высокий, да старый, а тот вообще лысый!»

Но Матрена оказалась не робкого десятка, она послала мамашу, куда следует, и бежала к Мазепе. Однако тот не принял ее, а вернул родителям. На обиженное письмо Матрены гетман объяснил свое поведение тем, что не хотел, «чтоб твои родители по всему свету разголосили, что я держу тебя наложницей. Другая причина та, что ни я, ни ваша милость не смогли бы удержаться, чтобы не жить как муж с женой»[233]. Отцу Матрены гетман писал совсем в другом стиле: «Пан Кочубей! Пишешь нам о каком-то своем

сердечном горе, но следовало бы тебе жаловаться на свою гордую, велеречивую жену, которую, как вижу, не умеешь или не можешь сдерживать; она, а никто другой, причина твоей печали… Если упоминаешь в своем паршквильном письме о каком-то блуде, то я не знаю и не понимаю ничего, разве сам блудишь, когда жонки слушаешь, потому что в народе говорится: Gdzie ogon rzondzi — tam pewnie glowa blondzi (где хвост управляет, там голова в ошибки впадает)».

Старая дура Кочубеиха начала мучить дочь и надоумила мужа написать в сентябре 1707 г. в Преображенский приказ Ф. Ю. Ромодановичу донос на гетмана. Потом Кочубей подключил к делу полковника Ивана Искру, и они уже совместно написали донос царевичу Алексею, который немедленно передал его отцу. Ни Кочубей, ни Искра не имели неопровержимых доказательств вины гетмана и на допросе признались во лжи. По приказу Петра их передали Мазепе и 14 июля 1708 г. им отрубили головы в местечке Борщаговка, недалеко от Белой Церкви.

Чего же хотел Мазепа? Тот же Кочубей, а вслед за ним сонм отечественных историков, стали утверждать, что-де Мазепа хотел передаться польскому королю и включить Левобережную Украину в состав Речи Посполитой. Причем никто не замечает очевидной бредовости таких утверждений. Какому королю хотел поддаться Мазепа — шведскому ставленнику Стасю или отказавшемуся от престола Августу? Кстати, к этому времени польский сейм официально лишил их обоих власти и хотел выбрать третьего короля, но депутаты не сошлись в кандидатурах и на том разошлись. Да, Мазепа мог собрать больше сабель, чем у обоих королей, вместе взятых. Главное же то, что и до войны власть польского короля была номинальной, и отдать Левобережную Украину Польше означало отдать ее под власть жадных и жестоких магнатов, гонителей православия. Естественно, этого не хотел ни простой народ, ни малороссийские старшины. Мазепа мог писать чего угодно, обещать чего угодно, но его желание было — любой ценой остаться гетманом. Другой вопрос, что до поворота шведов на Украину Мазепа верой и правдой служил царю Петру. Когда к гетману пришла весть, что Карл от Смоленска повернул на Украину, он воскликнул: «Дьявол его сюда несет! Все мои интересы перевернет, войска великороссийские за собою внутрь Украйны впровадит на последнюю ее руину и на погибель нашу!»

Мазепа лучше, чем кто-либо другой на Украине, знал и лично видел 300-400-верстовую зону выжженной земли, которую делали русские перед шведской армией. И он не без оснований предполагал, что война обратит Украину в руины. Был у него и личный мотив. Ведь разорение Украины

припишут не королю или царю, а ему лично. Поэтому даже в случае победы Петру придется менять гетмана. А претендент уже был — Алексашка Меншиков давно метил в гетманы и всеми правдами и неправдами лез в малороссийские дела.

В октябре 1708 г. Мазепа сделал окончательный выбор. Его посланцы предложили военный союз Карлу XII. Грушевский писал: «В каком смысле было установлено между ними [гетманом и королем. — *А. Ш.*] соглашение, об этом не имеем никаких точных сведений и только из позднейших актов можем заключить, чего хотели Мазепа и старшина, присоединяясь к шведскому королю:

„Украина по обе стороны Днепра с войском Запорожским и народом малороссийским должна быть навеки свободной от всякого чужого владения“. Швеция и другие союзные государства „ни с целью освобождения, ни с целью опеки, ни с какими иными видами не должны претендовать на власть над Украиной и войском Запорожским или на какое-нибудь верховенство, не могут собирать каких-нибудь доходов или податей. Не могут захватывать или занимать своими гарнизонами украинских крепостей, какие были бы оружием или трактатами добыты у Москвы. Должны сохранять Украину в целости и не позволять кому-нибудь другому поработить ее. Должны свято сохранять целость границ, неприкосновенность свобод, прав и привилегий, чтобы Украина на вечные времена пользовалась свободно своими правами и вольностями безо всякого ущерба“»[234].

Вроде бы Мазепа оказывается борцом за «вильну Украину». Увы, сей документ — позднейшая фальшивка, и далеко ходить за доказательствами не надо. Есть сотни неопровержимых свидетельств о том, как круто обращался Карл с польскими магнатами и самим королем Стасем. Так что даже после четырех «Полтав» самовлюбленный и презирающий всех король никогда бы не подписал подобного договора с Мазепой.

24 октября Мазепа выехал из гетманской столицы Батурина и через два дня прибыл в шведский лагерь. Вместе с ним к шведам перешло, по разным данным, от полутора до пяти тысяч казаков. 29 октября Мазепа был принят Карлом XII.

Надо отдать должное оперативности Меншикова, который уже 31 октября осадил Батурин. Представители немногочисленного гарнизона Батурина (чуть более четырех полков) заявили, что они остаются подданными Петра, но солдат Меншикова, ни тем паче его самого, в город не пустят.

Однако ночью в лагере Меншикова появился старшина Прилуцкого

полка Иван Нос и сообщил о наличии тайной калитки, через которую можно было скрытно проникнуть в Батурин. Данилыч тут же воспользовался полученными сведениями: организовал ложный штурм крепости, отвлек внимание осажденных, чем воспользовалась группа солдат, просочившихся в замок через калитку.

Батурин был взят. По приказу Меншикова солдаты перебили не только украинский гарнизон, но и всех жителей города. Сам город был сожжен дотла. Кстати, через два дня после уничтожения Батурина Меншиков получил приказ Петра: «Батурин в знак изменникам (понеже боронились) другим на приклад сжечь весь». С остальными городами, где откажутся впустить русские войска, Петр приказал поступать как с Батуриным. Петру и Меншикову удалось запугать большинство малороссийских казаков.

Петр немедленно потребовал избрать нового гетмана. 5 ноября 1708 г. по приказу царя в городе Глухове состоялась театрализованная церемония лишения Мазепы гетманства и его последующей заочной казни. На церемонии помимо старшины и рядовых казаков присутствовали многочисленные представители малороссийского и русского духовенства во главе с Феофаном Прокоповичем. На эшафоте была возведена виселица, к которой привязали куклу, изображавшую Мазепу в полный рост, в гетманском облачении и со всеми регалиями. Взошедшие на эшафот андреевские кавалеры Меншиков и Головкин разодрали выданный Мазепе патент на орден Андрея Первозванного и сняли с куклы андреевскую ленту. Лишенную «кавалерии» куклу палач вздернул на виселице.

На следующий день там был четвертован комендант Батурина Чегель и несколько других сторонников Мазепы. В тот же день был избран гетманом стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский.

Немедленно в ход была пущена и церковь. 12 ноября в Успенском соборе в Москве митрополит Стефан Яворский торжественно предал Мазепу анафеме.

Разгромом Батурина и свирепыми казнями Петр наказал города гетманские, но оставалось еще и Войско Запорожское. Запорожцы постоянно конфликтовали с Мазепой. Они неоднократно писали, что прежние гетманы были им отцами, а Мазепа стал отчимом. По словам известного украинского историка Д. И. Яворницкого, «идеалом простой казацкой массы было сохранить вольности предков, но под верховенством „доброго и чадолюбивого монарха российского“»[235].

Петр понимал это и 30 октября 1708 г. сразу после получения известия об измене Мазепы написал в Сечь на имя кошевого атамана Кости Гордиенко грамоту, в которой увещевал запорожцев пребыть верным

русскому престолу и православной вере, за что обещал «умножить» к ним свою милость, которой они раньше того были лишены из-за наветов на них со стороны коварного Мазепы, обвинявшего их в неверности русскому престолу.

В Запорожской Сечи возник раскол: старые казаки стояли за Петра, молодые же во главе с кошевым атаманом Костей Гордиенко были против. В конце концов, запорожцы согласились поддерживать царя, но на следующих условиях: 1. Чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть бы на Украине вольнице, как и в Сечи. 2. Чтобы все мельницы по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозы через Днепр у Переволочны запорожцам отдать. 3. Чтобы все царские городки на Самаре и левом берегу Днепра у Каменного Затона срыть.

Таким образом, запорожцы предлагали провести кардинальные изменения в Малороссии, но они непосредственно не задевали интересов России, да и лично царя. Однако личные амбиции Петра не позволили ему принять предложение запорожцев или хотя бы взять его за основу для переговоров. Максимум, на что был готов царь — на подарки старшине и жалованье Войску Запорожскому. Русские войска начали занимать позиции для борьбы с запорожцами.

Так, 21 февраля 1709 г. граф Шереметев «предписал гетману Скоропадскому послать в города и местечки по батальону от пехотных полков и при них „от кумпании“ по собственному рассуждению, а во все места, удобные для сооружения мостов и перевозов, велел отправить легкие партии за реку Пселл для поисков над запорожцами…

Царь Петр Алексеевич извещал князя Меншикова, находившегося в то время в городе Харькове, что запорожцы собрались близ крепости Новобогородицкой на реке Самаре и что поэтому нужно опасаться, как бы они не причинили ей чего-нибудь дурного, а также как бы они не были проведены своим кошевым атаманом и войсковым судьей через Переволочну на соединение к шведам. Поэтому государь приказывал князю поставить в удобном месте ингерманландский русский полк, „дабы иметь око на их поход“; также, если возможно, прибавить в Новобогородицкую крепость и в Каменный Затон полка два или больше того гарнизонного войска; в самой же Сичи постараться переменить через посредство миргородского полковника Даниила Апостола главную старшину — кошевого атамана и войскового судью»[236].

В самом начале марта 1709 г. царь писал князю Меншикову: «Запорожцы, а паче дьявол кошевой, уже явные изменники стали, и зело опасно Богородицкова не для города, но для артиллерии и амуниции,

которой зело там много, а людей мало; того ради зело потребно один конный полк, хотя из тех, которые с Кампелем, послать в оную, и велеть оному там побыть, пока из Киева три полка будут в Каменный Затон, из которых велеть сот пять водою туда отправить на перепену сему конному; впрочем, извольте сами сему подобных дел смотреть; ибо я, отдаления ради, не всегда и не скоро могу слышать все»[237].

В ответ 19 марта 1709 г. делегация из 80 запорожцев прибыла в Великие Будища — резиденцию Карла XII. Казаки получили аудиенцию у короля, который отнесся к ним крайне благосклонно. Во все время пребывания своего в Будищах запорожские депутаты предавались веселью до излишества. На прощание фельдмаршал Реншильд объявил десяти казакам, что они снова будут допущены к прощальной аудиенции у короля, но с условием не пить вина раньше обеда, так как король не переносит пьяных. Запорожцы, много пившие в последние дни, с трудом выдержали такое требование и простились с королем трезвыми, получив от него грамоту ко всему Войску Запорожскому.

А между тем Карл, вопреки своей наступательной тактике, с осени 1708 г. по лето 1709 г. воздерживался от решительных действий, ограничиваясь мелкими операциями. Создается впечатление, что король тянул время, но оно давно уже работало на русских.

3-4 декабря 1708 г. в главной ставке русской армии Лебедине состоялся военный совет, наметивший план овладения Ромнами, где размещалась главная квартира Карла XII. Планируя операцию, военный совет исходил из учета некоторых свойств характера короля-забияки: его азартности и любви к стремительным атакам кавалерии, вносившим смятение в ряды оборонявшихся. На военном совете было решено демонстративным сосредоточением значительных сил в районе Гадяча сделать вид, что войска готовятся к штурму города. Суть плана русского командования в «Гистории Северной войны» изложена так: большей части войск велено идти «добывать Гадяч, а генералу Алларту идти в Ромну… в таком намерении, что ежели король не пойдет на сикурс Гадяча, то Алларту не приближаться к Ромну, но добывать Гадяч; буде же пойдет на сикур, то от Гадяча отступить, а Алларту в Ромен вступить, дабы одно из двух сделать».

План удался лучшим образом. Карл, находившийся в Ромнах, поверил в серьезность намерений русского командования овладеть Гадячем и в карьер отправился оказывать «сикурс» гадячскому гарнизону. Как только шведы оставили Ромны, в город тут же беспрепятственно вошли русские полки.

Что произошло в городе после его занятия, отметим, без боя,

русскими, хорошо описано русским генералом Аллартом в его письме к царю от 19 декабря 1708 г. Алларт пишет, что, прибыв в Ромны, он стал свидетелем «настоящей конфузии: все домы во всем городе разграблены, и ни ворот ни одних не осажено, ни главного караулу не поставлено, и ни малого порядку для унятия грабежу не учинено, и все солдаты пьяны». Алларт высказал опасение, что, если бы на город напали 300–400 неприятельских солдат, они без труда изгнали бы наших, нанеся им большой урон.

Обе армии вели себя на Украине одинаково. Вот что записал в своем дневнике швед Адлерфельд: «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряд в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее (Терейской слободе) и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов (Надрыгайлово). Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим». Шведы придумали такой трюк: останавливаясь в деревне, давали за провиант деньги, а, уходя, отбирали их. «Таким образом, — пишет Адлерфельд, — мы постоянно находились в драке с обитателями, что в высшей степени огорчало старого Мазепу».

В конце декабря шведы заняли Гадяч. Зима 1708/1709 г. выдалась очень холодной как на Украине, так и во всей Европе. Из-за сильных холодов шведы несли большие потери в людях и в лошадях.

После взятия Гадяча Карл XII решил не возвращаться в Ромны, а захватить укрепленный городок Веприк в 12 верстах от Гадяча. Всего с четырьмя полками и без пушек король подошел к Веприку и с ходу повел солдат на штурм. Три приступа шведов были отбиты. Но 7 января 1709 г. комендант крепости генерал В. Ю. Фермор капитулировал с условием свободного выхода гарнизона из крепости. По русским данным шведы потеряли у Веприка до 1200 человек убитыми.

В это время произошел эпизод, о котором наши историки предпочитают не упоминать.

Петр приказал отпустить пленного шведского обер-аудитора к королю с предложением о размене пленных. И к чему это вдруг на царя напал приступ человеколюбия? Обер-аудитор, прибыв в ставку, вел переговоры с премьер-министром графом Пипером и другими министрами о заключении мира. О размене пленных не договорились, а может, сей вопрос и не поднимался вообще. Зато после возвращения обер-аудитора началась переписка по схеме: Петр — Головкин — Пипер — Карл. Петр требовал

передачи ему района Санкт-Петербурга и Нарвы, за что обещал большую денежную компенсацию. Взбалмошный, а может, психически больной, Карл отказался от выгодных условий мира.

В конце зимы 1709 г. начались стычки русских с запорожцами. Так, у местечка Царичанки 800 запорожцев атаковали бригадира Кампеля, у которого было три полка драгун (три тысячи человек). Запорожцы изрубили 100 драгун и 90 захватили в плен, потеряв своих только 30 человек. Запорожское войско и примкнувшие к ним гетманские казаки составили почти 15-тысячное войско. Запорожцы вскоре овладели городками по рекам Орели, Ворскле и Днепру и везде оставляли в них по сильному гарнизону.

27 марта 1709 г. кошевой атаман Гордиенко с отрядом казаков прибыл в Великие Будища, где был принят шведским королем. 28 марта запорожцы заключили договоры как с Мазепой, так и со шведским королем. Карл объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока Украина и Запорожье не будут совершенно изъяты у москалей.

А между тем по приказу Петра началось разорение городов и сел южной Украины. Между реками Ворсклой и Орелью свирепствовал генерал-лейтенант Ренне. Полковник Кампель из команды генерала Ренне сжег города Маячку и Нехворощу у левого берега Орели. Жителей этих городов, державших сторону шведов, перебили без различия пола и возраста.

12 апреля 1709 г. корпус Ренне численностью семь тысяч человек близ местечка Соколки на левом берегу реки Ворсклы был атакован сводным шведско-казацким отрядом. В его составе было 2730 шведских драгун под началом генерал-майора Краузе, 3000 запорожцев с кошевым атаманом и 500 гетманских казаков.

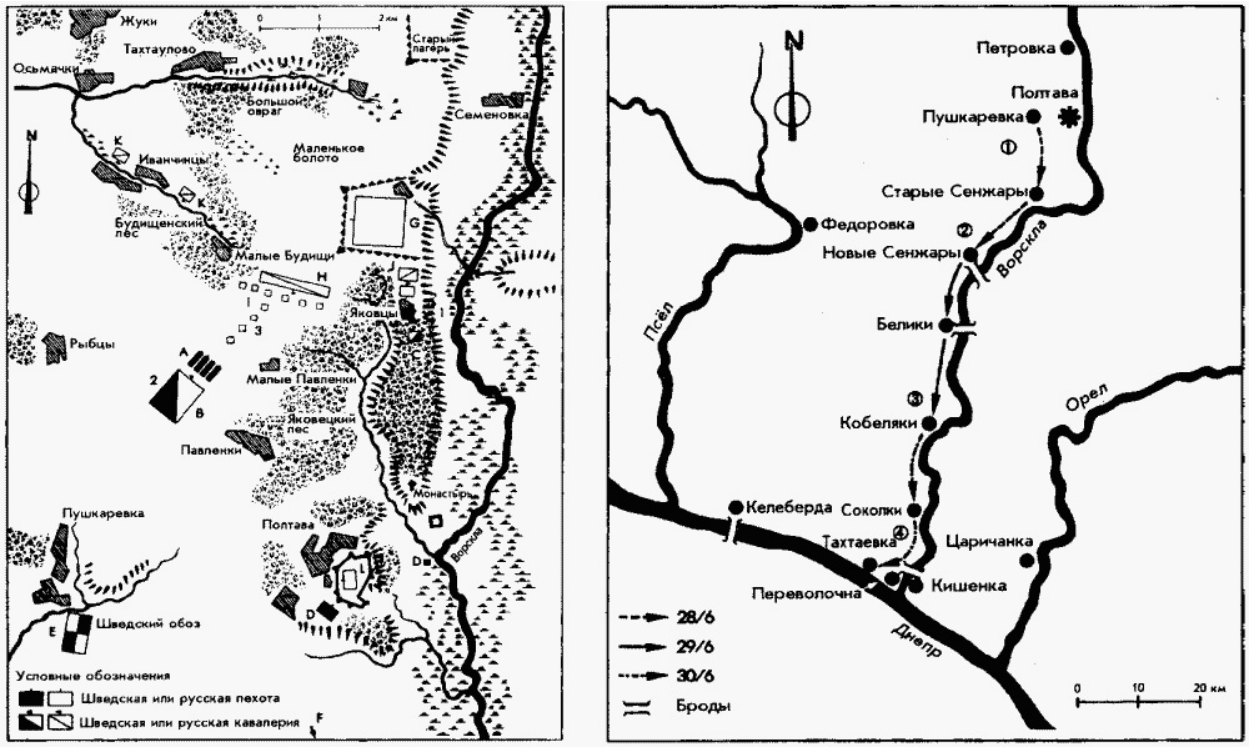
После упорного боя русские бежали, потеряв 1400 человек. Потери шведов не превысили 290 человек. Положение исправил Алексашка Меншиков, отписавший «мин херцу», находившемуся в то время в Азове, о большой виктории.

Петр приказал Меншикову посадить три пехотных полка в Киеве на суда и отправить вниз по Днепру, чтобы покарать запорожцев. Параллельно по берегу должны были идти драгунские полки. Командовал карательной экспедицией полковник Петр Яковлев.

16 апреля Яковлев напал на местечко Келеберду население перебил, местечко сжег. Затем наступила очередь городка Переволочны, где было около тысячи запорожцев и две тысячи местных жителей. Казаки и все население было перебито, в плен взято лишь 12 казаков и одна пушка. В

Переволочне и вокруг нее были сожжены все дома, мельницы, лодки и т. п. Отмечу, что полное разорение Переволочны стало впоследствии одной из главных причин гибели шведской армии. Затем Яковлев двинулся вниз по Днепру и сжег городки Новый и Старый Кодак.

10 мая Яковлев осадил Запорожскую Сечь. Яковлев потребовал капитуляции казаков, но те ответили, что признают власть русского царя, но солдат Яковлева в Сечь не пустят. В это время в Сечи не было кошевого, и среди казаков был разлад — большинство предпочитало помириться с Петром, другие предпочитали воевать. У Яковлева были все шансы кончить дело миром и вернуть запорожцев в русское подданство. Но он предпочел начать бомбардировку Сечи, а затем предпринял штурм. Сотни русских солдат на лодках устремились к острову. Казаки подпустили их на близкое расстояние, а потом в упор ударили из пушек и ружей. Свыше 300 солдат было убито, а несколько человек во главе с полковником Урном взяты в плен. Урн был казнен казаками.

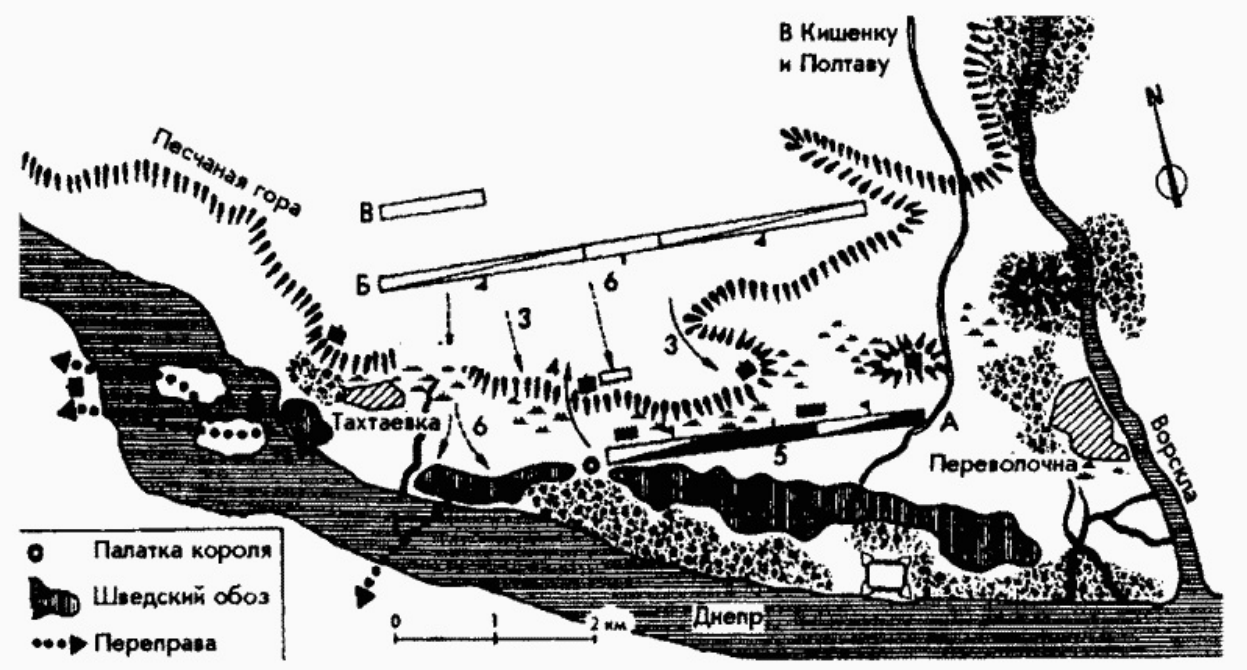


Сражение под Полтавой в 1709 году Отступление шведов после Полтавского сражения

Яковлев оказался в затруднительном положении и уже собирался отступить. Но 14 мая берегом к нему подошла подмога — большой отряд конницы, который возглавлял полковник Игнат Галаган, сам в прошлом

казак.

Запорожцы издали увидели подходящую конницу и решили, что им на выручку идет кошевой с запорожцами и татарами. Запорожцы пошли на вылазку, но были отбиты. На плечах отступающих русские ворвались в Сечь. На острове завязался упорный бой. Но тут выскочил вперед полковник Игнат Галаган и закричал казакам: «Кладите оружие! Сдавайтесь, бо всем будет помилование!» Запорожцы сперва не поверили словам Галагана и продолжали отбиваться, но Галаган поклялся перед ними в верности своих слов, и тогда казаки бросили оружие. Но это был обман. Над сдавшимися казаками была устроена дикая расправа. Яковлев, и в особенности Галаган, действовали при этом с неслыханной свирепостью. «Учинилось у нас в Сече то, что по Галагановой и московской присяге, товариству нашему голову лупили, шею на плахах рубили, вешали и иныя тиранския смерти задавали, и делали то, чего и в поганстве, за древних мучителей не водилось: мертвых из гробов многих не только из товарищества, но и чернецов откапывали, головы им отсекали, шкуры лупили и вешали»[238]. После расправы в живых остались войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Из них 5 человек умерло, 156 человек атаманов и казаков казнено, причем несколько человек было повешено на плотах, а плоты пущены вниз по Днепру на страх другим.



Сражение под Переволочной. А — Шведский боевой порядок. Б — Русский боевой порядок. В — Запасные лошади русского корпуса

27 июня 1709 г. шведская армия была разгромлена под Полтавой[239]. Карл был вынужден отступить. Остатки шведской армии за 28 июня прошли от Пушкаревки до местечка Новые Сенжары. Шведы совершили марш более-менее организованно, с ними шли почти все орудия шведской армии. 29 июня шведы достигли местечка Кобеляки. Карл вел армию по правому берегу реки Ворсклы к Днепру.

Однако на берегу Днепра шведов ждала катастрофа, сопоставимая с Полтавой, а может даже еще большая. Вода в Днепре поднялась, а переправочных средств в районе Переволочны не оказалось.

Добраться до правого берега Днепра удалось лишь трем тысячам шведов и запорожцев. Раненый король был переправлен на коляске, установленной на импровизированный понтон, состоявший из двух лодок.

30 июня в 11 часов утра генерал Левенгаупт, командовавший шведами, оставшимися на левом берегу Днепра, капитулировал перед русскими войсками. В плен сдалось 20 тысяч человек.

Захваченных под Полтавой и Переволочной казаков, как гетманских, так и запорожских, Петр считал не пленными, а изменниками. Вернувшиеся на родину пленные шведы рассказывали, что вокруг Полтавы и по близлежащей степи на каждом шагу попадались тела казаков в самых жутких видах и положениях: кто-то болтался на виселице, другие были живыми посажены на кол, третьи, с отрубленными руками и ногами, но тоже еще живые, висели на колесе, на котором их колесовали. Впрочем, несколько тысяч запорожцев, которые явились сдаваться сами, царь простил, удовлетворившись лишь тем, что лишил их казацкого звания, и приказал разместить их по малороссийским селам и деревням.

Глава 2
Прутский поход и первое изгнание запорожцев

Карл и Мазепа вместе с уцелевшими запорожцами через 7 дней после переправы через Днепр достигли Буга и оказались в турецких владениях. Сколько осталось запорожцев при Карле XII — тоже неизвестно, во всяком случае, их было не более 3 тысяч человек.

Вместе с Мазепой бежал в туретчину и Федор Иванович Мирович. О нем и его семействе стоит сказать особо. У переяславского полковника Ивана Михайловича Мировича было шесть сыновей и три дочери. Весной 1706 г. после боя русских со шведами у местечка Ляховицы в Польше раненый полковник Мирович был взят шведами в плен и умер в Стокгольме.

Дочь полковника Анна вместе с мужем Семеном Степановичем Забаллой и сын Федор бежали вместе с Мазепой. Петр приказал сослать в Сибирь вдову Ивана Михайловича вместе с многочисленными сыновьями и внуками. Один из них, Иван Иванович, с 1723 г. состоял на военной службе в Сибири и дослужился до капитан-поручика. В 1728 г. его назначили везти партию железа в Петербург. По дороге капитан-поручик дал деру к крымскому хану.

В 1740 г. в Тобольске у ссыльного Якова Ивановича Мировича родился сын Василий. Именно он в ночь на 5 июля 1764 г. сделает неудачную попытку освободить из Шлиссельбургской крепости императора Ивана Антоновича, а позже погибнет на эшафоте. Но мы опять забежали вперед и теперь вернемся в год Полтавской баталии.

17 июля 1709 г. новый гетман Иван Ильич Скоропадский подал на утверждение государя 9 статей, на основании которых Малороссия входила в состав Великой России. В 7-й статье говорилось о запорожцах: «Хотя и хорошо то, что проклятые запорожцы через измену утратили Сичь; но малороссияне пользовались оттуда солью, рыбою и зверями; поэтому просим, чтоб позволено было нам ездить туда за добычею и чтоб ни каменнозатонский воевода, ни гарнизон не делали промышленникам обид и препятствий»[240].

Однако царь был настроен против запорожцев и на эту статью ответил: «На сей счет будет сделано последнее определение после, а теперь того позволить невозможно, потому что под этим предлогом бунтовщики

запорожцы могут возгнездиться на прежних местах и устроить бунтовския собрания»[241].

После разгрома царскими войсками Чортомлыцкой Сечи уцелевшие казаки во главе с атаманом Якимом Богушем ушли по протокам Днепра на турецкую территорию и поселились в урочище Алёшки почти у самого Днепровского лимана (ныне город Цюрюпинск). Однако большинство запорожцев оказалось в Бендерах.

22 августа 1709 г. умер гетман Мазепа. Его похоронили близ Бендер, но затем гроб выкопали и отправили в Яссы. На Украине долго жила легенда, что похороны были фиктивные, а на самом деле Мазепа пробрался в Киев, принял схиму в Печерской лавре и умер в покаянии.

5 апреля 1710 г. недалеко от Бендер в присутствии кошевого атамана Кости Гордиенко, генерального малороссийского писаря Филиппа Орлика и послов от Запорожского войска «у Днепра зостоючего», состоялась большая казацкая рада, на которой запорожские и малороссийские казаки признали высшим протектором всего казацкого войска шведского короля Карла XII, а генерального писаря при бывшем гетмане Мазепе Филиппа Орлика объявили гетманом всей Малороссии.

10 мая 1710 г. Карл XII утвердил договор запорожцев с Орликом.

Весной 1711 г. крымский хан послал орду в Малороссию. Вместе с ним выступили запорожцы во главе с Орликом и Гордиенко. Крымцы разорили «слободские городки», но, дойдя до местечка Вололаг, принадлежащего Харьковскому полку, повернули назад к Новобогородицкому и Новосергиевскому городкам на реке Самаре. Гарнизон Новобогородицка оказал отчаянное сопротивление, и татарам с запорожцами пришлось отойти. А малороссийское население Новосергиевска (поселение Вольное) само открыло ворота и выдало царских офицеров. 28 марта 1711 г. татары ушли, оставив в Новосергиевском гарнизон из 500 татар, а также местных и запорожских казаков.

В начале мая 1711 г. войска генерала Бутурлина и гетмана Скоропадского отбили Новосергиевск. Скоропадский получил указ Петра: «…новосергиевских жителей за то, что они отдали свой город хану, выдали государевых солдат и вторично показали изменничество свое, бились против царских войск, казнить десятого человека по жребию, а остальных с женами и детьми отправить в Москву для ссылки»[242].

Летом 1711 г. запорожцы вторглись в Малороссию вместе с крымскими татарами: крымский хан с 10 тысячами татар — на левый берег

Днепра, а запорожские атаманы Филипп Орлик и Костя Гордиенко с 5 тысячами казаков — на правый. Замечу, что формально Правобережье продолжало оставаться польской территорией. Но польские паны бежали с правого берега еще в 1704 г., и с этого времени Правобережье контролировалось русскими войсками и местными казацкими полковниками.

Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше обывателей, Орлик разослал в города по обе стороны Днепра несколько универсалов и «прелестных писем». Так, несколько писем было отправлено миргородскому полковнику Даниилу Апостолу, однако царь приказал эти письма публично сжечь, а казака, привезшего их, если он окажется запорожцем, посадить на кол.

Гетман Скоропадский отправил против запорожцев войско под началом генерального асаула (есаула) Бутовича. В сражении под Лысянкой гетманские полки были разбиты, а сам Бутович взят в плен.

Атаманы Орлик и Гордиенко захватили несколько местечек и городков и сосредоточили свои силы под Белой Церковью. По показаниям начальника русских войск силы эти были довольно велики: «при запорожцах и городовых козаках, числом до 10 000 человек, были еще татары белогородской и буджицкой орды с ханским сыном салтаном, числом до 20 000 человек, и кроме того, поляки и молдаване с „кіевским“ воеводой Иосифом Потоцким и со старостой Галецким, 3000 человек, сторонники Станислава Лещинского и, следовательно, шведского короля Карла XII»[243]. Русских же солдат в Белой Церкви было всего лишь 500 человек, да еще несколько верных царю белогородских казаков. Однако штурм крепости в Белой Церкви не удался. Бригадир Анненков повел русских солдат на вылазку, в результате чего казаки, татары и ляхи были разбиты и бежали, потеряв не менее тысячи человек.

Кроме того, семь тысяч запорожских казаков под предводительством польского воеводы Иосифа Потоцкого вместе с крымским ханом Девлет Гиреем в том же 1711 г. дошли до города Немирова и до «тамошних слобод», но были разбиты русскими войсками, потеряв около 5000 человек. При этом начальник русских войск генерал Рене освободил из рук татар и разослал по домам около 10 тысяч пленных малороссов.

Набеги татар и запорожцев не были главными событиями 1711 г.

25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии Петра I был зачитан манифест о войне с Турцией.

Петр решил лично возглавить поход против турок. Он настолько был уверен в успехе, что взял с собой супругу Екатерину. Заметим, что это была

не прихоть царя, у которого всегда хватало метресс, а хорошо продуманный политический шаг. Дело в том, что царю с Екатериной Алексеевной пришлось тайно обвенчаться 6 марта 1711 г. Зачем самодержцу потребовалось держать свой брак в тайне? Ведь Петр всегда плевать хотел на мнение своих подданных. Но тут ситуация была слишком уж скандальная. Марта Скавронская родилась в 1686 г. в семье чухонского крестьянина в Лифляндии. В 16-летнем возрасте она вышла замуж за трубача шведской армии, поэтому позже ее часто называли Трубачовой. В августе 1702 г. Мариенбург, где жила Марта, был занят русскими. Марта стала наложницей русского драгуна, позже она перебралась к генералу Р. Х. Бауэру, от него — к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Меншиков выпросил красотку у фельдмаршала, а от Алексашки Марта в конце 1703 г. перешла к Петру. В 1705 г. Марта сменила веру на православную и стала Екатериной Алексеевной.

27 января 1708 г. Екатерина родила Петру дочь Анну, а 18 ноября 1709 г. — Елизавету, а родившиеся в 1705 г. близнецы Петр и Павел, и в 1707 г. дочь Екатерина умерли в младенчестве. Ситуация осложнялась тем, что Марта-Екатерина не была разведена со шведским трубачом. Петр планировал вернуться из победоносного похода на турок и официально представить Екатерину как сподвижницу его великих дел, чтобы иметь хоть какое-то основание для возведения ее в сан императрицы.

Отправляя армию к южным границам, Петр не имел детального плана кампании.

5 июня 1711 г. армия Шереметева подошла к реке Прут, а 12 июня к ней присоединился сам Петр с гвардейскими полками. На военном совете было решено медленно идти вниз по течению реки и «вдаль не отдаляться».

8 июля начались стычки с турецко-татарской конницей. К этому времени в основной группировке русских войск было 38246 человек при 122 орудиях[244].

Как потом утверждал Петр, численность войск противника достигала 270 тысяч человек. На самом деле их было в 2–3 раза меньше. Командовал турками великий визирь Балтаджи Мехмед-паша.

9 июля турки атаковали войско Петра. В этот день у русских было убито: генерал-майор Видман, офицеров — 44, нижних чинов — 707. Взято плен и пропало 3 офицера и 729 нижних чинов. Потери турок по русским, явно произвольным, данным составили 7 тысяч человек.

Утром 10 июля сражение возобновилось, но до рукопашной дело не дошло, а ограничилось артиллерийской дуэлью. Положение русских было

плачевным: в армии не хватало продовольствия, начался падёж лошадей. По решению военного совета к туркам с предложением о перемирии был отправлен гвардейский унтер-офицер Шепелев. Турки колебались. К вечеру к великому визирю отправился вице-канцлер П. П. Шафиров. В данной ему инструкции Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной причины…» А главной причиной был панический страх, охвативший царя. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если этого потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать Мехмеду-паше 150 тысяч рублей, а другим начальным людям еще более 80 тысяч. Но выплатить такие огромные деньги было нереально, так как армейская казна была почти пуста. И тогда Екатерина спасла положение. Она отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а это десятки тысяч золотых рублей. Кроме того, собрали все деньги, бывшие в войсках. Как писал датский посол Юста Юля: «Как рассказывали мне очевидцы, царь, будучи окружен турецкой армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Большинство окружавших его думало, что с ним удар».

Однако беспокоился царь зря. Визирь не устоял перед деньгами и согласился на мир на довольно сносных для России условиях, причем турки не собирались вмешиваться в русско-шведские отношения.

На мой взгляд, не следует забывать, что турки равно не хотели усиления как России, так и Швеции. Ведь Северная война велась Швецией не из-за Нарвы и побережья Финского залива, а из-за господства над огромной, хотя и слабой, Речью Посполитой, Данией, Саксонией и др. Это только для Петра устье Невы казалось пупом земли. Именно поэтому турки хранили строгий нейтралитет, когда шведская армия шла к Полтаве. И не исключено, что в случае разгрома русских под Полтавой турки стали бы помогать Петру.

Таким образом, в условиях, предложенных великим визирем, были только уступки Турции, а о территориальных уступках Швеции не было ни слова. Наоборот, Османская империя была заинтересована в продолжении Северной войны и во взаимном обескровливании сторон.

Согласно условиям мирного договора[245], Петр срыл укрепления Таганрога и вернул Азов туркам. На Днепре русскими были срыты Каменный Затон и Новобогородицкая крепость.

Царь обещал «запорожских козаков оставить в полном покое и не „вступаться“ в них. „Его царское величество весьма руку свою отнимает от

козаков с древними их рубежами, которые обретаются по сю сторону Днепра и от сих мест и земель, и фортец и от полуострова Сечи, который сообщен на сей стороне вышеупомянутой реки“»[246]. То же самое касалось и казаков-некрасовцев.

Петр обещал вывести все свои войска из Речи Посполитой. Особенно волновали турок русские полки на Правобережье.

В течение почти четырех месяцев продолжалась эвакуация русских войск и малороссийского населения с Правобережья. Лишь в конце 1714 г. царские войска покинули Белую Церковь и ушли за Днепр.

Запорожцы решили воспользоваться выводом русских войск и захватить Правобережье. Уже в ноябре 1712 г. кошевой атаман Костя Гордиенко послал своих людей на Умань и Корсунь.

Однако вскоре ситуация несколько изменилась. Карл XII, по-прежнему проживавший в Бендерах, поссорился с султаном. В феврале гарнизон Бендер и крымские татары штурмом взяли дом, где жил король. Теперь он стал пленником турок. Жившие при Карле запорожцы бежали из Бендер в Алёшки. В Бендерах остался лишь «гетман» Орлик на «свободном житье». В ноябре 1714 г. и сам Карл XII покинул пределы Турции и 21 ноября 1714 г. объявился в Германии в городе Штральзунде, где стоял шведский гарнизон. Вслед за королем отправились в Германию, а затем в Швецию и главные сподвижники гетмана Мазепы — Филипп Орлик, братья Григорий, Иван и Афанасий Герцики, Андрей Войнаровский, Федор Нахимовский, Федор Мирович, Клим Довгополенко, Федор Третьяк и другие.

Запорожцами же, занявшими правобережные города, занялись поляки. Большое польское войско под предводительством коронного гетмана Адама Сенявского оккупировало Правобережье, запорожцы же были вынуждены отступить в турецкие владения.

Запорожцы не только были изгнаны Петром из родных мест, но и после заключения мира лишились большей части своих доходов.

Как говаривали запорожцы: «Что такое казак без войны?! То же, что писарь без правой руки — без войны он и наг, без войны он и голоден. Казаку воевать с басурманами — что соловью петь!»[247]

Татары же охотно брали запорожцев с собой в набеги, но заниматься «индивидуальной трудовой деятельностью» категорически запрещали. Вот характерный пример. Ватага из 30 казаков, руководимая Грицьком Ковалем, отправилась в пограничный район красть коней. На Шаковом шляху они захватили три воза, охранявшиеся девятью татарами. Татары разбежались, а казаки разграбили содержимое возов: там оказались деньги, дорогие

ткани и т. д., которые и разделили между собой. «После этого дележа гультя и разошлись в разные места степи и блукали до осени. Из них некоторые приблизились к Днепру и отогнали у миргородского полковника несколько коней»[248]. Из сказанного неясно, переправились ли запорожцы через Днепр, или миргородский полковник пас лошадей на правом берегу?

«За такое разбойство запорожского гультяйства поплатилось все запорожское войско. В Сичь прислан был от хана бей о полутораста коней с татарами и потребовал с куреней удовлетворение за убытки по 100 талеров за каждого грабителя. Войско заплатило по сто талеров, давши в уплату и имущество грабителей, оказавшееся в Сиче; многих из гультяев потребовало в Сичу и одного из них повесило, все-таки уплатив и за него потерпевшим купцам 100 талеров. Всей суммы татары взяли с Коша на 5000 золотых, да такую же сумму, на 5000 золотых, войско оставило татарам на целый год от своих базарных доходов»[249].

Кроме всего прочего, подавляющее большинство запорожцев испытывали ностальгию по родным местам и ощущали свою связь с Россией. Ну, поссорились с царем, обе стороны виноваты, так почему бы не покаяться и не вернуться в подданство Москвы? Никакой «вильной Украины» и не снилось запорожским казакам. Замечу, что подобных настроений не было среди некрасовцев — те принципиально не хотели возвращаться. Любопытно было бы спросить нынешних киевских профессоров: «Если казаков-запорожцев первой четверти XVIII века, рвавшихся в царское подданство, вы называете борцами за незалежность, то как назвать тогда некрасовцев?»

Уже в конце 1712 г. кошевой атаман Василий Иосифов и запорожское низовое войско отправили письмо гетману Ивану Скоропадскому с просьбой «об исходатайствовании им милости и помилования у царского величества». Реакция Петра на эту просьбу неизвестна, однако в 1713 г. он разрешил небольшой партии казаков вернуться в Малороссию. На следующий год вернулись еще 350 запорожцев. Царским указом было велено всех их поселить в северных пределах гетманщины, около Глухова и в Конотопе, то есть вблизи великороссийских границ.

В январе 1715 г. запорожцы вновь писали гетману «о царском прощении». Они писали о новой Сечи: «Нынешняя их Сечь ниже Казикерманя в семи милях имеет свое положение, над речкою Конскою, в урочище Олешках, по сю сторону Днепра; а в ней ныне куреней 38, а людей всегда в оной может быть с полторы тысячи; а другие запорожцы косуют куренями по рекам Богу, по Великом Ингулу, по Исуни, по Иигулцу,

по Саксагани, по Базавлуку по Малой и Великой Камякинках и по Суре, которыя реки суть по ту сторону Днепра; а по сю сторону по рекам же Противчи, по Самаре и по самом Днепре по обеим оного сторонам, взявши от границы по самое устье Днепра и Богу (Бугу); а по оным всем кочевьям и по других малых речках может их, запорожцев, считаться многие тысячи людей, только о подлинном оных числе знать невозможно»[250].

Скоропадский запросил Петербург. 10 февраля последовал царский указ, где говорилось, что «его императорское величество отпускает вины и соизволяет принять под свою державу только тех козаков, которые повинились в своих поступках, и если таковые из них пожелают оставить турецкие области и прийти в российскую державу, то селить их в местах, где кто родился, и всячески обнадеживать, что такие не подвергнутся никаким наказаниям и в ссылку не будут сосланы; напротив того, старшины таких козаков получат „знатные уряды“, смотря по полкам, состоянию и верности. Принять же запорожцев с землей, на которой они живут, в подданство и дозволить им жить своим Кошем в старой Сиче, вследствие мирного постановления между Россией и Турцией, нельзя, потому что старая Сичь, по домогательствам самих же запорожцев у турецкого султана, уступлена туркам»[251].

Между тем Орлик из Стокгольма и Федор Мирович из Варшавы постоянно подстрекали запорожцев к нападению на Россию в союзе со шведами и польскими панами. Однако кошевой атаман Иван Малошевич после прочтения их писем заявил на раде: «Вот видите, паны молодцы, что об нас и другие государи стараются, но только я вам объявляю, что хотя и клейноты будут, но кто хочет, путь идут куда угодно, а я ни с места не ворохнусь; пусть себе дерутся или мирятся, нам до того дела нет — нам надобно сидеть тихо; а кому надобны будем, те нас сыщут»[252].

Заключив в 1721 г. Ништадтский мир, Петр решил «затянуть гайки» на Украине. 16 мая 1722 г. царь учредил малороссийскую коллегию в качестве органа центральной власти, состоявшую из председателя и шести штаб-офицеров и находившуюся в городе Глухове. По указу царя гетманская резиденция была перенесена из Батурина в Глухов, поближе к Великороссии. Тщетно гетман Скоропадский, лично ездивший в Петербург, хлопотал об отмене малороссийской коллегии. Вернулся он ни с чем и в июле 1722 г. внезапно скончался тотчас по прибытии домой.

Для управления Малороссией царем был назначен наказной гетман черниговский полковник Павел Полуботок, избрание же настоящего гетмана было отложено на неопределенный срок.

После воцарения Петра II, а точнее, после свержения Александра Меншикова кланом Долгоруковых малороссийская комиссия была упразднена, а малороссиянам было разрешено избирать себе гетмана. Однако кандидатура его была уже заранее намечена Долгоруковым. Это был 70-летний миргородский полковник Даниил Апостол. Поначалу он примкнул к Мазепе, но затем верно оценил ситуацию и перебежал к Петру. 1 октября 1727 г. в Глухове Апостол торжественно был избран гетманом.

Эти перемены возбудили надежды запорожцев на прощение и разрешение вернуться. Новая власть уже была не против возвращения казаков, но принципиально не хотела конфликта с турками. Посему на непрерывные просьбы запорожцев из Глухова шли ответы, «чтобы запорожцы ни в коем случае не смели покидать новой Сичи, чтобы они сидели в ней „не [п]орушно“ и не чинили крымцам и никому из турецких подданных никаких шкод и зацепок; в противном случае, если только они причинят кому-либо из турецких подданных озлобление, то никогда не получат протекции императорского величества»[253].

23 мая 1728 г. в Сечи в Алёшках был собрана широкая рада. На той раде кошевым атаманом вновь избрали Костю Гордиенко. Судя по всему, это была победа богатых казаков. На следующий день к Алёшкам причалили 40 лодок с «гультяями». Произошел переворот, и новый кошевой Гордиенко с войсковым судьей оказались в кандалах.

Затем казаки разбили все армянские и греческие лавки, разграбили найденные в них товары, распили все шинковые напитки, а самих торговцев заставили бежать из Сечи в Крым. Разгромив торговцев и купцов, казаки начали отбирать у богатых казаков конские табуны и стада скота. Так, у одного только казака Шишацкого, которого в тот момент не было в Сечи, захватили около 500 лошадей.

Забрав все добро и соединившись с казаками новой Сечи, приезжие запорожцы переправились под Казыкерменем через Днепр и двинулись вверх к месту старой Сечи. А для тех казаков, которые жили ниже новой Сечи, прибывшие запорожцы послали 30 судов с несколькими казаками, которые приглашали всех поспешить в старую Сечь. Было велено: как только «низовые казаки» придут на перевоз и сядут на суда, тут же разобрать все строения в новой Сечи и поджечь, а людям идти на старую Сечь.

24 мая новая Сечь была уже пуста, а все казаки, которые жили по Днепру, по байракам и по лесам в особых пасеках и куренях, направились в старую Сечь (на Чортомлыке).

Гетман Даниил Апостол узнал о переходе запорожских казаков на

Чортомлык 1 июня, находясь в Москве. Ему донесли, что возвращению запорожцев на прежние места способствовал самарский полковник Иван Петров, который намеревался идти со своими казаками в новую Сечь, забрать там клейноты и запасы и «заручить всех сечевых козаков перейти на старую Сечь». Узнав об этом, гетман Апостол немедленно послал малороссийской генеральной старшине приказ уговорить запорожцев не слушаться никаких советов самарского полковника, оставить всякие намерения о переходе на старую Сечь и сидеть тихо и мирно в новой Сечи до дальнейшего удобного случая, чтобы не лишиться милости и протекции императорского величества и не погубить своих товарищей, находившихся в походе с кошевым атаманом Иваном Малашевичем. Такое же предписание сидеть «спокойно и нерушно» на самарских местах гетман послал и полковнику Петрову с его казаками.

А тем временем запорожцы, придя в старую Сечь, выбрали кошевым атаманом Ивана Петровича Гусака, заняли некоторые места по реке Самаре, сочинили «просительный лист» на имя императора Петра II и отправили его в Петербург. «Склонивши сердец своих нарушенныя мысли к благому обращению и повернувши мизерныя главы свои до стопы ног вашего императорского величества, отлагаемся от бусурманской державы. Осмотрелись мы, что вере святой православной, церкви восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежит нам служить, а не под бусурманом магометански погибать. Отвори сердца своего источника к нам, своим чадам, разреши ласково преступления нашего грех и нареки нас по-прежнему сынами жребия твоего императорского. Еще же просим: подайте нам войсковое от рук своих подкрепление, дабы не попали мы в расхищение неверным варварам, ибо не знаем, зачем орды от всех своих сторон подвинулись: для того ли, что мы уже от них отступили со своими клейнотами 24 мая и пребываем уже в старой Сече, или же они это делают по своим замешательствам»[254].

5 июня 1728 г. дело о возвращении запорожцев было рассмотрено на Верховном тайном совете в Петербурге. Там приняли решение запорожцев не выдворять из старой Сечи, но и не пропускать их в Малороссию, за исключением малых групп, идущих с повинной.

Русское правительство решило подстраховаться и поручило русскому послу в Константинополе Ивану Неплюеву принести «Порте на запорожское войско жалобу за то, что запорожцы, по слуху, имеют намерение оставить все указанные русско-турецкими трактатами места и поселиться у русских границ. Порта поэтому отнюдь не должна допускать запорожцев до приведения в исполнение их намерения, потому что „эти

беспокойные и непостоянные люди и без того русскому купечеству много обид причиняют“»[255].

А между тем и султан, и крымский хан слали гонцов к запорожцам с предложениями вернуться обратно в Алёшки. В конце концов запорожцы, прожив два года в Чортомлыцкой Сечи, вернулись опять в подданство султана. Но на этот раз они избрали местом для Сечи не Алешки, а устье речки Каменки, составлявшей в то время границу между владениями Турции и России.

После возвращения в турецкое подданство запорожцы оказались в куда более невыгодном положении, чем до ухода. Ранее запорожцы пользовались большими угодьями, не платили налогов, а наоборот, получали от крымского хана жалованье — «ай лик». Позже вместо жалованья запорожцам разрешили беспошлинно (или с незначительной пошлиной) брать соль из лиманов и озер вблизи Перекопа.

В 1730 г. они лишились этой привилегии. Теперь «козаки должны были посылать в поход по первому призыву хана в помощь татарам 2000 и более того человек с кошевым атаманом во главе, причем ханы всегда старались возможно дальше усылать запорожцев в поход. Так, однажды запорожцы вместе с ханом ходили в поход на черкес и дошли до реки Сулак. Этот поход они считали очень убыточным и обременительным для себя. Кроме того, за туже ханскую протекцию запорожцы не раз должны были ходить на Перекоп и бесплатно принимать участие в работах при возведении перекопских укреплений числом 300 и более того человек. Последнее требование более всего не нравилось козакам, имевшим особые понятия о чести „лыцаря“, несовместимые с понятием землекопа»[256].

Запорожцам строжайше запрещалось иметь в Сечи пушки. Турки отобрали у казаков все остававшиеся при них пушки и впредь запретили им держать какую-либо артиллерию. Однажды в Запорожье произошел такой случай: запорожские рыбаки заметили после малой воды у левого берега Днепра, в урочище Каратебень, небольшую пушку и сообщили об этом кошевому атаману. Атаман решил лично проверить сообщение рыбаков и обнаружил у днепровского берега еще 50 пушек. Опасаясь, что найденные пушки отберут турки, он отдал строжайший приказ содержать их в одном зимовнике тайно от запорожской черни. Кроме того, турки запретили запорожцам строить какие бы то ни было укрепления как в самой Сечи, так и в других казацких поселениях.

Теперь запорожцам запрещалось сноситься с Россией и ездить в русские города, вести торговлю в Очакове и Крыму. Позволялось лишь

получать там товары и отвозить их не дальше Сечи. В самой же Сечи разрешалось торговать только крымцам, очаковцам, грекам, евреям и армянам.

Татары сурово карали казаков за содействие побегу невольников-христиан. «Если у татар исчезали какие-нибудь пожитки, табуны коней, стада волов, отары овец или же пропадали сами хозяева-татары, если при этом казаки уличались в покраже скота или в убийстве хозяев-татар, то за скот с них взимались деньги вдвойне или втройне, а за людей брались виновные и невинные козаки; в случае несостоятельности виновных козаков, татары накладывали пени на весь курень, а в случае отказа со стороны куреня, виновных брали головой и только в редких случаях при обоюдных ссорах и захватах с той и другой стороны допускали обмен скотом и людьми»[257].

Хан запретил казакам нападать на панские владения на Правобережье. Так, однажды по жалобе панов хан взыскал с запорожцев огромную по тем временам сумму — 2400 рублей.

Здесь бы мне не хотелось представлять запорожцев разбойниками, обижавшими культурных и добропорядочных панов. Паны сами были отпетыми разбойниками. Мы помним, что в 1711–1714 гг. почти все мирное население ушло из Правобережья вместе с русскими войсками. Ляхи вновь захватили эти земли и начали принудительно переселять туда крестьян, например, из Полесья. Кроме того, туда ляхи заманивали всех, включая преступников. Так, люди Ксаверия Любомирского ездили по ярмаркам и звали людей на юг Правобережья: «Кто придет к пану Любомирскому с чужой женой и чужими волами, он такого не выдаст, за такого будет стоять»[258].

В Бахчисарае периодически возникали династические распри, заканчивающиеся кровопролитием. При этом кандидаты на ханский престол постоянно втягивали в свои распри казаков. Так, в ходе усобицы Адиль Гирея и Менгли Гирея Адиль силой заставил казаков вступить в его войско. А после разгрома Адиля Менгли Гирей приказал 1,5 тысячи пленных запорожцев продать на галеры и каторги. Наконец, хан запретил строить постоянную церковь в Алёшковской Сечи и чинил всяческие обиды православным.

В начале 1731 г. генерал от кавалерии Иоганн Вейсбах (выходец из Венгрии, с 1707 г. на русской службе) подал императрице Анне Иоанновне проект создания новой южной линии укреплений для защиты от нападений крымских татар. Проектом предусматривалась постройка целой линии

редутов и крепостей от Новобогородицкого городка у реки Самары до реки Северный Донец у границ Изюмской провинции. Высочайшее повеление о сооружении этой линии крепостей, впоследствии названной старой украинской линией, последовало 25 июня 1731 г. Начальником этой линии был назначен сам автор проекта.

Вейсбах решил привлечь запорожское войско для участия в его проекте. 31 августа 1731 г. он отправил в Сечь к кошевому атаману Ивану Малашевичу секретное письмо с предложением вернуться. Однако Запорожское войско должно было дождаться разрыва отношений между Турцией и Россией, а пока кошевой должен был хранить этот план в строгой тайне. В итоге казакам пришлось ждать еще два года. К этому времени в Сечи было до 30 тысяч казаков и до 500 беглецов из России.

Но тут во взаимоотношения русских властей и запорожцев вмешался «польский фактор». После Полтавы на польском престоле вновь оказался Август II. Жил он преимущественно в родной Саксонии, лишь изредка наведываясь в Варшаву. Что же касается Лещинского, то ему пришлось бежать в Париж. Там беглому королю Стасю в 1725 г. удалось выдать свою дочь Марию за 15-летнего французского короля Людовика XV. Этот брак был дважды оскорбительным для России. Во-первых, французы взяли в невесты дочь давнего врага России. Во-вторых, Петр I давно хлопотал о браке Людовика со своей дочерью Елизаветой, которая была ровесницей королю. Получив отказ, Петр предложил Елизавету герцогу Шартрскому, намекнув, что в перспективе их сын может стать королем Польши, но и тут русская дипломатия потерпела фиаско. Мало того — французы оскорбительно намекнули на «сомнительное происхождение» матери невесты.

В январе 1733 г. король Август II приехал на сейм в Варшаву, где и скончался 1 (11) февраля. По смерти короля первым лицом в Речи Посполитой становился примас архиепископ гнезненский Федор Потоцкий, сторонник бывшего короля Станислава Лещинского. Примас распустил сейм, распустил гвардию покойного короля и велел 1200 саксонцам, находившимся на службе при дворе Августа, немедленно выехать из Польши.

Франция уже давно плела интриги, чтобы вновь возвести на престол Станислава Лещинского, и немедленно отправила в Варшаву миллион ливров золотом.

Покойный король Август II и власти Саксонии надеялись, что польская корона перейдет к сыну Августа, который после смерти отца стал новым саксонским курфюрстом. Август (сын) был женат на племяннице

австрийского императора Карла VI. Но прусский король Фридрих Вильгельм был категорически против. Тогда австрийский император предложил компромиссную фигуру португальского инфанта дона Эммануила. Посему поводу из Вены на подкуп радных панов было отправлено сто тысяч золотых.

В то время как в Варшаве шла эта бойкая торговля, из Петербурга к примасу была отправлена грозная грамота, в которой императрица Анна Иоанновна требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол.

25 августа 1733 г. в Варшаве начался избирательный съезд. На подкуп «избирателей» Людовик XV отправил 3 миллиона ливров. Большинство панов было за Станислава Лещинского, но оппозиция тоже была достаточно сильна. 9 сентября в Варшаву тайно приехал сам Станислав Лещинский. Он проехал через германские государства под видом купеческого приказчика и остановился инкогнито в доме французского посла. К вечеру 11 сентября подавляющее большинство панов на сейме высказалось за Лещинского, а несогласные переехали на другой берег Вислы в предместье Прагу.

Колоритная деталь — помимо денег Людовик XV отправил к польским берегам французскую эскадру в составе девяти кораблей[259], трех фрегатов и корвета под командованием графа Сезара Антуан де ля Люзерна.

В ответ по приказу Анны Иоанновны 31 июля 1733 г. лифляндский губернатор генерал-аншеф П. П. Ласси с Рижским корпусом через Курляндию двинулся в Литву.

Литовские паны не оказали никакого сопротивления русским войскам. Некоторые паны приезжали к Ласси и высказывали поддержку действиям русской императрицы.

Полная индифферентность населения к вторжению иноземных войск, возможно, вызывает удивление у современного читателя, однако польские паны давным-давно привыкли призывать иноземные войска для решения своих внутренних распрей, да и передвижение армий других государств по территории Польши было тогда скорее нормой, чем исключением.

В ночь на 20 сентября корпус Ласси занял Прагу — предместье Варшавы. Два дня длилась ленивая перестрелка через Вислу. 22 сентября в Праге собралась конфедерация панов — противников Лещинского. В тот же день король Стась в сопровождении нескольких сторонников бежал из Варшавы в портовый город Данциг. В Польше вновь началась гражданская война между панами — сторонниками и противниками Лещинского.

После начала гражданской войны в Польше начальник польских войск

в Правобережье пан Свидзинский отправил к кошевому атаману Ивану Малашевичу посланника с письмом, в котором приглашал атамана с войском на польскую службу. Но Малашевич и все Запорожское войско ответили, что они подданные крымского хана и без его ведома «ни в какие затяги» ходить не могут. Получив такой ответ, Свидзинский обратился к крымскому хану. А запорожцы, в свою очередь, обратились к фельдмаршалу Миниху с просьбой ходатайствовать перед императрицей о приеме Запорожского войска «под скипетр Российской державы».

Получив донесение Миниха, Анна Иоанновна соблаговолила, наконец, принять запорожцев под свое покровительство. 31 августа 1733 г. на имя кошевого атамана была послана грамота о прощении вины запорожцев и об их принятии под власть России.

Между тем в Правобережье вступил русский корпус князя Шаховского «для разорения местности сторонников Станислава Лещинского». Население Правобережья восстало и начало громить польских панов, не разбирая их политической ориентации. Замечу, что в составе корпуса было около 30 тысяч малороссийских казаков под началом Якова Лизогуба.

Когда русские войска вошли в Умань, русский полковник разослал воззвание к сторонникам саксонской партии, приглашая их присоединиться к нему и присылать своих дворовых казаков и других людей, чтобы общими силами действовать против сторонников короля Стася. Получив такое воззвание, начальник дворовых казаков князя Любомирского Верлан стал распространять среди населения слухи, что царица Анна прислала указ, призывающий население подниматься, избивать поляков и евреев и записываться в казаки. И для этого московское войско вместе с казацким идет в Малороссию. А когда Малороссия будет очищена и «заведется в ней казацкое устройство», тогда ее отберут из-под власти Польши и присоединят к Гетманщине. Слухи эти произвели на население сильное впечатление, и народ начал активно записываться в казаки, заводил у себя «казацкое устройство», стали организовываться казацкие десятки и сотни. Верлан принял титул полковника и назначал от своего имени сотников и прочую старшину.

Таким образом, собрав значительные силы, Верлан начал совершать набеги. В Брацлавском воеводстве он разрушал польские и еврейские усадьбы, поднимал население и велел присягать на подданство царице. Затем Верлан со своим воинством перешел в соседнюю Подолию, где занимался тем же. Следующей стала Волынь, где Верлан в нескольких стычках разгромил небольшие польские отряды, и вот уже его казачьи разъезды стали появляться в окрестностях Каменца и Львова, взяли

Жванец и Броды.

Поляки называли повстанцев гайдамаками (от турецкого слова «смутьян»). Население же Правобережья и даже Галиции стало гордиться этим названием, вспомним песню: «Мы гайдамаки, мы вси однакі». Понятно, что значительную роль среди гайдамаков играли запорожцы. Хотя официально запорожское войско не участвовало в восстании, но отдельные отряды постоянно отправлялись на Правобережье.

Сохранились показания взятых в плен гайдамаков. Казак Андрей Суляк сообщил, что в тех местах, где он побывал со своим отрядом, «уже не оказалось ни одного еврея, так как здесь раньше побывали запорожские казаки… Жалованья же никакого казаки не получают, но им позволено грабить евреев и ляхов и убивать первых». Казак Петр Демьянович показал, что в Замехове они нашли на берегу реки, в тростниках, двух спрятавшихся евреек, которых они и убили. Казаки удивлялись небрежности своих предшественников, говоря: «Что это за казаки, по уходе которых еще оказываются ляхи, жиды и ксендзы; после нас ничего уже не останется, всех перебьем».

Глава 3
Возвращение запорожцев

Как уже говорилось, 31 августа 1733 г. Анна Иоанновна послала запорожцам милостивую грамоту, и этого оказалось достаточно для перехода всех запорожцев в русское подданство. Но надо было как-то объяснить и туркам, что русское правительство по-прежнему не желало войны.

26 апреля 1734 г. из Петербурга в Константинополь был отправлен курьером поручик Наковальнин с подробным объяснением причин принятия запорожцев:

«1. Хотя запорожцы, как самой Порте известно, издревле подданные русских царей, единого с ними христианского закона, родились все в Малой России, где их отцы и сродники и поныне живут, но жили они в Сиче, перебегая из Малой России в различное время по своему давнему обыкновению самовольно, и иные, пробыв в Сиче несколько времени, снова в Малую России, т. е. в свое отечество, возвращались. Несмотря на то, когда они, при учинении последнего вечного мира с Портой, сами добровольно в крымской стороне остались, то русские государи в них никогда не вступались, когда Кош свой они имели за русской границей, где сами иметь хотели, и в то дело русское правительство мешаться считало для себя неприличным.

2. Русские государи к себе их не призывали и не призывают и теперь, хотя запорожцы перешли с своего Коша на новый Кош, но русской государыне до того дела нет, так как новый Кош не в русских границах обретается и, насколько государыня уведомлена о том, запорожцы перешли на то место, где они издревле всегда свое жилище и пребывание имели, а потому чинить им препятствие в том не находится причины никакой.

3. Ввиду того, что крымский хан, противно вольности и обыкновению козаков, хотел насильно переселить их из Сечи к самому Крыму с намерением разобрать их по рукам, самого кошевого со всеми знатными куренными атаманами силою к себе в аманаты взять и насильно гетманом над ними явного изменника Орлика поставить, то запорожцы, как народ вольный, не допуская себя до последней погибели, принуждены были, ради своего спасения, на другое место перейти. И за то крымский хан должен полежать нареканию, потому что такими поступками своими он к отчаянию запорожцев привел, а натурально, что всяк, видя перед собой

последнюю погибель свою, старается от оной себя спасти.

4. А что запорожцы, будучи издревле русскими подданными и имея в Малой России своих родственников и свойственников, отказали хану идти войной против русской государыни и против русских войск, то это также вполне натурально: ведь сами же запорожцы легко могут рассудить, что, выступив против русских войной, они выступят против собственных родственников и свойственников, в русской державе обретающихся, и потому если запорожцы не хотят идти войной против своего отечества, то русской императрице пенять на них за то неприлично»[260].

Любопытна и приписка для русского посла в Константинополе: «Можете еще Порте о запорожцах и сие объявить, что все они до единого уроженные в нашей империи и перебегая живут там в Сече из давних лет без жон холостые, и так ежели б повсевремянно туда оных бегущих из нашего подданства не прибавлялось, то они, запорожцы, давно все перевелись, понеже плодиться им в Сече не от кого»[261].

Сечь эта по разным документам имели три названия — Новая, Подпиленская и Краснокутовская. Новая Сечь была на 20 верст ниже Микитина перевоза на правом берегу протоки Подпильной, в том месте, где эта протока дает от себя луку или дугообразный излив, напротив так называемой Великой плавни. Новая Сечь располагалась в котловине, «защищенная с востока, юга и запада громаднейшей плавней в 26 тысяч десятин, которая изрезана пятьюдесятью ветками [протоками], ериками и заточинами, шестьюдесятью большими, не считая множества малых, озерами и представляла из себя сплошной и непроходимый лес, в котором человек, мало знаковый с местностью, мог потеряться точно в бесконечном лабиринте, и который тянулся на сотни верст вправо и влево от Сичи и на десятки верст прямо от нее к югу. Под прикрытием таких плавен запорожцы могли быть совершенно безопасны от своих близких и неконных врагов, татар и турок.

Устройство Новой Сичи представлялось в таком виде. Сичь разделялась на три части — кош внутренний, кош внешний и цитадель.

Внутренний кош, называвшийся иначе замком или крепостью, по виду представлял из себя совершенно правильную форму круга в 200 сажен окружности; через самый центр внутреннего коша шла обширная, гладко выровненная и всегда в большой чистоте содержащаяся площадь, на которой происходили войсковые рады по разным вопросам первой важности; в восточном конце внутреннего коша, на той же войсковой площади, возвышалась одноглавая „изрядная“ деревянная церковь без

ограды, крытая тесом, основанная, во имя Покрова пресвятой Богородицы, в 1734 году, при кошевом атамане Иване Малашевиче, и снабженная богатейшею церковною утварью, ризницей и „убором“, лучше которых во всей тогдашней России трудно было сыскать. В некотором отдалении от церкви стояла большая высокая колокольня, также деревянная, с тесовою, в два яруса, крышей и с четырьмя окнами для пушек, чтобы отстреливаться от неприятеля и салютовать из орудий в большие праздники — Крещения Господня, Пасхи, Рождества и Покрова.

Близ сичевой церкви выделялись: пушкарня или артиллерийский „большой обширности“ цейхгауз с большим и глубоким подвалом, в котором хранились пушки, ружья, боевая амуниция, и который с тем вместе служил войсковой тюрьмой или секвестром для содержания разных преступников; далее войсковая скарбница или „замок“ для войсковой казны и козацкого добра, всегда оберегавшаяся особым дозорцею по наряду от войска; затем особое жилище для сичевого духовенства и отдельный „станок“ или помещение, около десяти футов величины, для кошевого атамана, на котором всегда развевалось белое знамя в случае пребывания кошевого в Сичи и с которого снималось оно в случае отсутствия его; наконец, вокруг всей площади, наподобие подковы, расположены были тридцать восемь куреней и возле куреней — куренные скарбницы и частные домики войсковой или куренной старшины.

Внешний кош отделен был от внутреннего особым валом, на самой середине которого, с юга на север, устроены были широкие ворота с высокою из дикого камня, у левой половины их „баштою“, снабженною пушками и боевыми снарядами; ворота вели из внутреннего коша во внешний и всегда охранялись особыми часовыми, так называемыми „вартовими“ козаками. Внешний кош назывался иначе форштатом, т. е. предместьем, гассанбазаром, т. е. торговым базаром, слободой запорожских козаков, и занимал 200 сажен в длину и 70 сажен в ширину; на нем было до 500 куренных козачьих домов и домов торговцев и мастеровых — кожевников, сапожников, портных, плотников, слесарей, „шабельных мастеров“, умевших сабли делать, кузнецов, умевших кроме своего дела приготовлять порох для войска; все эти люди, „по их козацкому манеру и обыкновению“, свои работы исполняли платно и числились в куренях наравне с прочими козаками, кроме дворов тут же имелось 100 „торговых комор“, несколько торговых рядов и простых яток, в которых продавались хлеб, мука, крупа, мясо, масло и проч., и сверх того несколько шинков с виноградным вином, горилкою, пивом, медом и другими напитками. Лавки, ряды и шинки или составляли собственность войска и только арендовались

купцами, или же лично принадлежали купцам — приезжим малороссиянам, грекам, армянам, татарам, жидам, полякам; торговые люди, также как и мастеровые, если только они были православные, причислялись к куреням и жили, как настоящие сичевые козаки, но строевой службы не отбывали „ради своего ремесла“. Для надзора за порядком и добросовестною продажею товаров в Сичи следили базарный атаман и войсковой контаржей, т. е. хранитель образцовых весов и мер, жившие в особо устроенных для них помещениях. Внешний кош, также как и внутренний, запирался широкими воротами, стоявшими от запада к востоку, параллельно Подпильной, а не от юга к северу, встречно ей, как во внутреннем коше»[262].

Впервые в истории Запорожского войска рядом с самой Сечью в 1735 г. была построена небольшая царская крепость, так называемый Новосиченский ретраншемент. Крепость эта располагалась в юго-восточном углу внешнего коша и представляла из себя небольшой четырехугольник длиной около 85 сажен (181 м) и до 50 сажен (107 м) ширины, с небольшими воротами во внешний кош. Вместе с внешним кошем она была окопана глубоким рвом и обнесена высоким земляным валом.

Формально крепостца предназначалась для защиты запорожцев от турок и татар, но ее комендант имел указание «исправнейшего произвождения тамошних дел и смотрения пропусков за границу, а наипаче для смотрения за своевольными запорожцами, дабы их хотя некоторым образом воздерживать и от времени до времени в порядок приводить»[263].

Запорожцы, конечно, понимали настоящую цель постройки Новосиченского ретраншемента и говорили по этому поводу: «Засіла нам московська болячка на печіеках!»

В крепостце были построены комендантский дом, офицерские, инженерные и артиллерийские помещения, пороховые погреба, солдатские казармы и гауптвахта. Гарнизон ретраншемента составляли две роты солдат из крепостных батальонов Киевской крепости при шести орудиях.

Следует заметить, что сия фортеция была предназначена более для психологического воздействия на казаков, нежели представляла им реальную угрозу. Запорожцы в случае необходимости могли шутя перебить две роты крепостных инвалидов.

Внешнюю линию обороны Новой Сечи представляли ров с водой и высокий земляной вал, упиравшийся двумя концами в протоку Подпильную. По валу стоял высокий частокол, сделанный из толстых

бревен, заостренных сверху и пропитанных смолой снизу.

К западу от Сечи, за общим рвом, вдоль протоки Подпильной тянулись запорожские зимовники («хаты»), а на некотором расстоянии от Сечи стояла «Базавлуцкая сичевая башта».

К юго-востоку от Сечи, на другом берегу протоки Подпильной, имелись «волчьи ямы», засады, окопы, ложементы, устроенные около Сечи в 1736 г. в ходе русско-турецкой войны.

На берегу протоки Подпильной, напротив внутреннего коша, находилась речная торговая пристань. Туда приходили нетолько казацкие чайки, но и греческие, и турецкие морские суда. Они из Днепра шли в протоку Павлюк, а оттуда — в протоку Подпильную. Естественно, что морским судам с большой осадкой делать это было непросто.

В 1755 г. переводчик Семенов, состоявший при Никитинской заставе на Днепре, направил в Киев «Проект о приставании морских судов при Никитинской заставе», в котором говорилось: «Суда, которые приплывают из Белого (т. е. Мраморного) моря с вином, деревянным маслом, хлопчатою бумагою и разною бакалиею, так же и из стоящих по берегам Черного моря разных городов, т. е. из Варны, Месемврии, Кили, Очакова и прочих мест, приплыв в Очаков, следуют вверх по реке Днепру, а проплыв Днепром, не доходя Каменного Затона, против Никитинской заставы, не больше как 4 версты, оставляют большой стержень Днепра и поворачивают на левую руку, где тек прежде Днепр, который ныне засыпан песком. В полую воду, до 20-го, много до 30 июня оные суда ходить могут: они плывут Днепром, означенною повороткою, верст шесть, потом, вступя в речку Подпильную, плывут до Сичи верст девять, пристают против Новосиченского ретраншемента, повыше Сичи, и спешат торгом своим всеми мерами, потому что ежели пробудут до июля, то за мелью не могут выйти на большой Днепр. А ежели они пристанут в Никитинскую заставу, то страху им от меля не будет никакого и могут все лето торговать безопасно»[264].

В 1734 г. запорожцев насчитывалось 7268 человек, а лет через пять их было уже 13 тысяч. Быт казаков значительно изменился: большинство уже имели жен. Однако женатые казаки не пользовались ни правом голоса на раде, ни правом избрания на должности и были обязаны выплачивать в сечную казну «дымовое», своего рода налог с семьи. Полноправные же, то есть холостые, запорожцы жили либо в Сечи, либо поселками по паланкам (в зимовниках). Паланками управляли выборные полковники и старшина (есаул и писарь). Поскольку в мирное время запорожцы занимались в основном рыбным промыслом, охотой, скотоводством и торговлей, то паланки застраивались так сильно, что в них насчитывалось до 16 церквей.

Запорожцам было разрешено управляться своей выборной старшиной, которая непосредственно была подчинена главнокомандующему русскими войсками в Малороссии.

Запорожцы приняли активное участие в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Однако из политических и тактических соображений русское командование разделило запорожское войско на несколько отрядов, приданных различным русским корпусам.

Осенью 1735 г. генерал-лейтенант Леонтьев с 40-тысячным войском двинулся в Крым, но, не дойдя десяти дневных переходов до Перекопа, приказал вернуться на зимние квартиры.

В походе было потеряно около 9 тысяч человек и столько же лошадей. Подавляющее большинство потерь было небоевыми — болезни, голод и т. п. Генерал-лейтенант Леонтьев был предан военному суду, но сумел оправдаться.

Наученный горьким опытом Миних, планируя кампанию 1736 г., первым делом вызвал к себе в ставку Царицынку запорожского кошевого атамана Милашевича и других «знатных казаков». Фельдмаршал спрашивал их о численности войска. Запорожцы отвечали, что войско их ежедневно прибывает и убывает, и поэтому о числе его подлинно показать никак нельзя, надеются, однако, собрать до 7 тысяч человек, хорошо вооруженных, но не все будут на конях. На вопрос, когда, по их мнению, удобнее идти в крымский поход, запорожцы отвечали: армия должна выступить в поход 10 апреля от реки Орели, потому что в это время в степи от недавних снегов и дождей воды достаточно, трава везде в полном росту и неприятелем сожжена быть не может. В Крыму нынешним летом был урожай, значит, и там армия в хлебе нуждаться не будет. Ногайцы против регулярного войска не устоят, и русская армия беспрепятственно войдет в Крым, перекопские укрепления остановить ее не смогут.

20 апреля 1736 г. Миних выступил из Царицынки с армией численностью около 54 тысячи человек. Войска были разделены на пять колонн.

В армии Миниха были как запорожские, так и малороссийские (гетманские) казаки. О них Миних писал императрице: «В прежние времена гетманские казаки могли выставлять в поле до 100 000 человек; в 1733 году число служащих убавлено до 30 000 и в нынешнем году до 20 000, из которых теперь 16 000 человек наряжены в крымский поход; им велено в начале апреля быть у Царицынки в полном числе, но мы уже прошли 300 верст от Царицынки, а козаков гетманских при армии только 12 730 человек, и половина их на телегах едут, и отчасти плохолюдны, отчасти

худоконны, большую часть их мы принуждены возить с собою, как мышей, которые напрасно только хлеб едят. Напротив того, запорожцы из того же народа, беглые из той же Украйны, на каждого человека по 2 и по 3 хороших лошади имеют, сами люди добрые и бодрые, хорошо вооруженные; с

3 или 4 тысячами таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус».

На сей раз русские войска штурмом овладели Перекопом и вторглись в степной Крым. Впереди армии шли донские и запорожские казаки. Именно они первыми ворвались в город Козлов.

Отсутствие провианта постоянно губило русские армии, от Голицына до Леонтьева. Но сейчас благодаря казакам Миних имел основание написать Анне Иоанновне: «Ныне армия ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет, что во время военных операций великим авантажем служит; по пословице, мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать».

Вскоре были взяты Бахчисарай и Акмечеть. В июле 1736 г. русская армия вернулась к Перекопу, после чего запорожских и малороссийских казаков отправили домой.

Не менее активно запорожцы участвовали и в кампаниях 1737, 1738 и 1739 гг. Фельдмаршал Миних писал о запорожцах: «Поступками запорожских казаков я очень доволен, все мои предписания они исполняют, жалованием и провиантом удовлетворены, кроме того, получили большую добычу в нынешнюю и прошлогоднюю кампании и потому очень довольны, присылали ко мне депутатов с благодарностию. Хотя они люди дикие, но своевольных теперь между ними немного, и нельзя думать, чтоб они могли затеять что-нибудь противное»[265].

Однако перед походом 1739 г. у Миниха возникли определенные сложности с запорожским войском. Орлик, живший в монастыре у Ясс, вновь стал засылать к казакам в Малороссию письма с призывами перейти в турецкое подданство: «Порта, милосердуя над Войском Запорожским, несмотря на то что оно перед нею погрешило, велела меня обнадежить, что она примет Запорожское Войско под свою крепкую охрану, позволит ему всякие промыслы и подтвердит его вольности».

Миних решил действовать с запорожцами как с калмыками или ногайцами — взять заложников и подкупить хана. Он велел находиться при главной квартире пятистам «лучшим запорожцам». В Запорожскую Сечь было отправлено 6150 рублей. Причем велено было четыре тысячи рублей отдать публично всем казакам, а 2150 рублей — кошевому и старшине

тайно разделить. Так и было сделано, но вот кошевой Тукала рапортует фельдмаршалу, что казаки, проведав о получении им и старшиной особой суммы, «напали на них нечаянно и жестоко избили с немалым ругательством и бесчестьем и пограбили не только вновь полученные деньги, но и те, которые у них прежде были».

Потом пришел другой рапорт, что Тукала лишен должности и, проболев несколько дней, умер, и на его место выбран Иван Фоминич. «Хотя таковые их, запорожских казаков, поступки, — писал Миних, — весьма непристойные и воле ее величества противны, однако при нынешних обстоятельствах ничем огорчать их нельзя, тем более что новый атаман человек добрый и к службе ревностный». Таким образом, запорожцы остались верны и России, и своим обычаям.

В отличие от запорожцев некрасовцы в войне 1735–1739 гг. храбро сражались на стороне турок. Русское командование послало на Кубань несколько карательных экспедиций. В 1737 г. в бою с донскими казаками был убит атаман Игнат Некрасов.

После войны и казацкая старшина, и турецкое правительство осознали неудобство расположения поселений некрасовцев на Кубани. Любопытно, что еще в 1758 г. крымский хан Крым Гирей поселил несколько сот некрасовцев в Крыму при «рыбном озере» Балык-куле, то есть в нынешней Балаклаве. Ас 1740 г. началось постепенное переселение кубанских казаков (некрасовцев) в устье Дуная, где они образовали несколько крупных поселений: Большие Дунавцы, Сарыкьоль (Желтое), Малые Дунавцы, Журиловка, Слава Черкасская, Слава Русская и др.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. закончилась… ничем, то есть, пардон, подписанием 29 сентября 1739 г. Белгородского мира. Согласно его условиям Азов остался за Россией, но укрепления его нужно было срыть. Окрестности его должны были остаться пустыми и служить разделением между обеими империями, но Россия получила право построить крепость на Кубани. Таганрог не мог быть восстановлен, и Россия не могла иметь кораблей на Черном море, могла торговать на нем только посредством турецких судов. Большая и Малая Кабарды остались свободны и должны были отделять обе империи друг от друга.

Таким образом, Россия практически ничего не получила от войны, потратив огромные средства и потеряв свыше 100 тысяч человек.

В 1742 г. русское правительство постановило посылать запорожцам ежегодно по 4660 рублей, а, кроме того, муки по 1000 четвертей «да круп на то число по пропорции». Пороху и свинца запорожцам посылалось по 50 пудов. Однако жалованья и «рыбных и звериных промыслов» казакам явно

не хватало. В Петербург постоянно шли жалобы, что запорожцы нападают на малороссийских казаков и калмыков, посылаемых в пограничные разъезды, отбирают у них лошадей и оружие. Малороссияне, ездившие из Бахмута в Черкаск, жаловались, что запорожцы их грабят. С заставы Каменного Брода приезжали донские казаки с жалобами, что на них нападают запорожцы и выгоняют их с заставы, объясняя это тем, что река Миус находится в их владении.

Запорожцы же, в свою очередь, жаловались на донских казаков, которые отгоняют их от рек Калмиуса и Миуса, а также с других рыболовных мест. Донцы же жаловались на грабительства и разорения от запорожцев и просили, чтобы запорожцам запретили въезд в непринадлежавшие им места: в Калмиус, Калчики, Еланчики и особенно в Миус и Темерник, а также на морские косы. Довольствовались бы запорожцы местами, прилегающими к их стороне между Днепром и впадающей в Азовское море рекой Бердой. А если запорожцы на Миусе будут зимовать и весной вместе с донцами «добываться» (промышлять), то «из Черкаска лошадей в поле будет выпустить некуда и проезд изо всех мест в Черкаск с разными припасами всякого звания людям может быть остановлен».

Для размежевания земель императрица Елизавета Петровна отправила подполковника Бильса. В Сечи кошевой атаман объявил Бильсу «что письменные документы в шведскую войну все пропали; надобно было прибегнуть к сказкам старожилов, но по этим сказкам обе стороны выходили правы. Запорожцы объявили, что они владеют спорными местами недавно, но не самовольно, что у них на то есть грамота, подписанная Ив. Ив. Неплюевым, бывшим при разграничении между Россиею и Турциею. Однако оказалось, что в этой грамоте заключалось лишь извещение Неплюева о заключении мира между Россиею и Турциею. Сенат постановил: запорожцам владеть от Днепра рекою Самарою, Вольчими Водами, Бердою, Калчиком, Калмиусом и прочими впадающими в них речками и подлежащими к тем рекам косами и балками по прежнюю границу 1714 г.; а от реки Кальмиуса — Еланчиком, Кринкою, Миусом, Темерником до самого Дона и впадающими в них речками, балками и косами владеть донским козакам; границею быть реке Калмиусу»[266].

Из Киева в Сечь периодически отправлялись строгие грамоты «о пресечении воровства и разбоев». Наконец, в 1747 г. отряды запорожцев провели «зачистку» районов степных речек и побережья Азовского моря. Там было схвачено и повешено 22 «вора» во главе с их атаманами Журавлем и Калкой.

В 1749 г. из Киева в Сечь прислали 6 запорожцев, разбойничавших в польских владениях. Кошевой рапортовал, что двое разбойников повешены, а остальные публично без пощады «киевым боем» жестоко наказаны, «ревнуя высочайшим ее императорского величества указам, дабы такое беспрерывное воровство прекратиться могло». Сенат велел послать указ, чтоб впредь «воров» не казнили, а присылали в сенат приговоры. Однако кошевой доложил, что если не казнить, то воровства и «других шалостей» искоренить будет невозможно.

Дело в том, что Елизавета Петровна, вступая на престол, отменила смертную казнь в России. В конце концов в Петербурге сделали вид, что не знают о смертных казнях в Запорожье.

В 40–60-х гг. XVIII в. жизнь в Сечи мало отличалась от жизни в XVII в. Так, духовные лица по-прежнему присылались из Киева из Межигорского монастыря — по два попа плюс два дьячка на каждый год. Если новые попы оказывались стары или не имели хорошего голоса, то их отправляли обратно, а оставляли прежних. Литургия в Сечи отправлялась ежедневно. Совершались моления «о здравии Всероссийского Императора и Его фамилии, и о Святейшем Правительствующем Синоде и Сигклите, а потом по именам упоминают: Кошевого, Судью, Писаря, Асаула и все православное воинство»[267].

Попы в Сечи находились в полном подчинении у старшины, и с их мнением в мирских делах не считались, за редким исключением. Тем не менее казаки давали немалые деньги как местным попам, так и Межигорскому монастырю.

Несколько слов стоит сказать и о запорожском пролетариате. Чернявский в описании Запорожской Сечи 1766 г. писал: «При Запорожской Сечи мастеровых людей имеются: слесари, кузнецы, сапожники, портные, плотники; и оные мастеровые люди все, по их казацкому манеру и обыкновению, свои работы отправляют всегда с заплатою; и без заплаты никому оные ничего не повинны делать. Которые те свои работы отправляют вне замка, а числятся такожде с прочими Казаками в куренях…

Шинкари, краморы и прочие мастеровые люди, такой обычай имеют: покупают товары и паки продают чрез необычайно дорогою ценою, и от того великую прибыль получают; только оною прибылью угосподствовать одни не могут, но принуждены между своим товариществом, и прочими Казаками, весь оный свой барыш прогуливать. Також и те Казаки, которые живут на зимовниках, распродают свои добычи, яко то: рыбу и прочие товары, волков, лисиц, и на оные деньги пьют, гуляют. Таким образом у

всех оных чинится, как выше сего упомянуто.

Еще ж имеется у них такое обыкновение, что в Воскресные дни и праздники Господские, с вечеру, производить между собою прежестокой, многолюдственный кулачный бой, разделясь куренями, яко вышними и нижними; и от оного кулачного боя происходят у них великие драки, и бывают смертельные убийства.

Сверх же того всего упомянутого, Запорожские Казаки имеют вольность свою такую, что ни каких работ повелеваемых не имеют, но всегда находятся в гулянье и в своем неспокойном пьянстве, в чем жизнь свою до конца тако провождают; а ежели случится Кошевому посылать куда какую партию, то у них о том имеется, в куренях их, очередь»[268].

Говоря о буйстве и пьянстве запорожских казаков, не следует вырывать их из общего контекста малороссийской жизни. Со времен Хмельницкого малороссийскому гетману подчинялось 10 полков. Причем полк был не войсковой частью, а скорее уездом, то есть административной единицей. К примеру, на 1727 г. в Киевском полку состояло 12 229 человек. Из них «казаков мощных и убогих 2530, казачьих вдов 227, посполитых (то есть мужиков) 7922, вдов полсполитых 751, попов 164, пономарей и дьячков 156».

Полк был разбит на сотни. Так, в Киевском полку из было 7, в Переяславском — 17, в Лубенском — 11 и т. д. Кроме того, каждый полк имел артиллерию: Киевский — 8 пушек, 2 мортиры; Полтавский — 54 пушки, 1 мортира; Нежинский — 37 пушек, 1 мортира; в Черниговском — 14 пушек, 1 мортира. Пушки были обычно малого калибра — 8-1-фунтовые.

В земельном вопросе на Левобережье царил полный беспредел. Об этом свидетельствует служебная записка камергера Г. Н. Теплова, отправленная генерал-прокурору князю А А. Вяземскому в начале царствования Екатерины II. «В Малороссии, по словам Теплова, все управлялось не правом и законами, а силою и кредитом старшин и обманом грамотных людей. Вследствие такого управления число свободных землевладельцев чрезвычайно уменьшилось, число крепостных земледельцев, напротив того, увеличилось. При поступлении Малороссии под державу Всероссийскую было населено менее чем вполовину против настоящего, а между тем свободных крестьянских дворов было гораздо больше, чем теперь; свободные козаки обращены в крепостное состояние старшинами и другими чиновными и богатыми людьми. По смерти гетмана Скоропадского по ревизии, произведенной великорусскими офицерами, свободных дворов было 44 961. Из этого числа по 1750 год роздано не

больше 3000 дворов. Что составляет самую малую разность, особенно если принять во внимание увеличение народонаселения; и несмотря на то, нынешний гетман граф Разумовский и четырех тысяч дворов свободных не нашел, о прочих же ему донесено, что все крестьяне в Польшу побежали, где, однако, по достоверным известиям, крестьянам в подданстве у польских панов гораздо труднее жить, чем в Малороссии, потому что польские паны все имение крестьянское почитают своим собственным и берут подати, когда сколько им вздумается. В самом же деле нашлось, что все государевы дворы и с землями раскупили старшина и другие богатые люди у самих мужиков, которые, будучи свободны, по этому самому будто бы могли сами себя и с землями продавать. А так как необходимо, чтоб всякая купчая утверждена была в присутственном месте и подписана сотником той местности, где находится продаваемая земля, то многие фальшивые купчие обличаются и тем, что сотник произведен в этот чин, например, в 1745 году а купчая скреплена им как сотником в 1737 году Старшины все это знали, но так как они всячески стараются, чтобы все государевы земли переходили в частные руки, то никакого препятствия этому не делали.

Искоренение козаков, т. е. переход их в помещичье крестьянство, происходило так быстро оттого, что достаточный козак всегда откупался от службы, а недостаточный, избегая ее, предпочитал жить под именем крестьянина, чем идти в поход; кроме того, оставаясь козаком, он должен был платить с имения своего большую подать, которая доходила до рубля и больше, а назвавшись мужиком, не имеющим земель, ни собственности, платил в год алтын или две копейки по раскладке наравне с другими подсуседками; а во всякое время сами козаки плачивали помещикам, чтобы те приняли от них на их земли купчии и таким образом избавили их от обязанности идти в поход.

Малороссийские города, местечки, села, деревни, слободы и хутора с пахотными и сенокосными землями не имеют никакого обмежевания, все основывается на старинном будто занятии и на крепостях, большею частию фальшивых, но иные владеют землями просто вследствие наезда сильного на слабого. Наезды сопровождаются смертоубийствами, что ведет к бесконечным разорительным процессам. Козаки, оставшиеся незакрепощенными, живут разбросанные по разным местам, вдали от своего сотника и находятся в руках разных помещиков…

Избрание в сотники происходит таким образом: как скоро придет весть, что сотник умер, то, прежде чем об этом узнает гетман, полковые старшины посылают надобного им человека в сотню для управления ею до

определения нового сотника. Этот человек не сомневается, что сотня его, и, приехав на место, выкатывает несколько бочек вина безграмотным козакам, подкупает священника и дьячка, те соберут рукоприкладства от пьяных — и выбор готов. Избранный истратит несколько червонных в высшем месте и утверждается сотником. Эти сотники воспитываются таким образом: люди из лучших фамилий, выучив сына читать и писать по-русски, посылают его в Киев, Переяслав или Чернигов для обучения латинскому языку; не успеет молодой человек здесь немного поучиться, как отец берег его назад и записывает в канцеляристы, из которых он и поступает в сотники, хотя козаки, которые его выберут, и имени его прежде не слыхивали»[269].

Я боюсь, что утомил читателя длинной и скучной цитатой, но, согласитесь, прочтя ее внимательно, невольно задумаешься, а где было порядка больше — в Запорожье или в Левобережной Малороссии? А главное, реальное Левобережье ничего не имело общего со сказками совковых и националистических историков о «золотом веке» на Украине, который уничтожила-де злодейка Екатерина Великая.

В 1750 г. Запорожское войско впервые со времен Мазепы было подчинено указом Елизаветы Петровны малороссийскому гетману. Новый гетман Кирилл Разумовский был торжественно избран в Глухове 22 февраля 1750 г. А было ему всего лишь 22 года. Кирилл не участвовал ни в одном сражении, да еще вдобавок был сыном свинопаса Григория Розума. Чудеса, да и только!

Но не будем забывать, что на дворе стоял веселый XVIII в., о котором Максимилиан Волошин, «поэт не советский, но хороший», писал:

> Пять женщин разбухают телесами
> На целый век в длину и ширину.
> Россия задыхается под грудой
> Распаренных грудей и животов[270].

В 1731 г. случилось полковнику Вишневскому проезжать через село Чемер в Малороссии. В местной церкви он услышал приятный голос певчего Алексея Розума, сына свинопаса, и взял с собой в Петербург. Обергофмейстер двора Анны Иоанновны Левенвольд принял Алексея Розума в придворный хор, там-то его увидела и услышала Елизавета Петровна, пленившись его голосом и приятной внешностью. Познакомившись ближе, Елизавета обнаружила у него и иные достоинства. Она выпросила Алексея

у тетушки Анны и зачислила в свой штат обслуги. В 1740 г. Алексея произвели в камер-юнкеры и поменяли малороссийскую фамилию «на более пристойную» — Разумовский.

Сразу же после переворота 1741 г. Алексей Разумовский стал камергером и генерал-поручиком. В течение 1742 г. он стал кавалером орденов Св. Анны, Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. В 1744 г. он получил графское достоинство, а в 1756 г. стал генерал-фельдмаршалом.

Но это, так сказать, официальные награды. Главной же неофициальной наградой стало тайное бракосочетание в 1742 г. с императрицей Елизаветой Петровной. Ну а почему родной брат Алеши Кирилл стал гетманом, объяснять не надо.

Юный гетман сразу начал качать права и донес в Сенат, что в Сечи на раде атаманом избран прежний — Григорий Федоров, а судья, писарь и есаул избраны новые, и что эту перемену казаки сделали, не дав знать ему, гетману, и Кирилл Разумовский велел кошевому и старшине прислать ответ, на каком основании это сделано. Сенат одобрил это распоряжение Разумовского.

Тем не менее запорожцы на раде по-прежнему выбирали себе кошевых атаманов.

Постепенно Разумовский начал понимать малороссийские реалии и стал действовать не только кнутом, но и пряником. Так, он «выхлопотал вознаграждение запорожцам: прибавку жалованья по причине умножения этого войска и потому, что оно стеснено от Новой Сербии и нового слободского полка в рыбной и звериной ловле; кроме того, козаки покинули соляные промыслы и прочую торговлю вследствие увеличения пошлин в пограничных таможнях; гетман просил даже дать запорожцам артиллерию. Сенат приказал жалованья прибавить 2000 рублей и с прежним производить по 6660 рублей; вместо трех пушек, оказавшихся негодными, отпустить три новые»[271].

Глава 4
Начало правления Екатерины II

28 июня 1762 г. в Петербурге произошел государственный переворот. Император Петр Федорович был свергнут, а на престол гвардейские офицеры возвели его жену Екатерину Алексеевну. Значительную роль в перевороте сыграли братья Орловы, приобретшие затем большую власть при дворе. Свергнутый император был под арестом доставлен в местечко Ропшу под Петербургом, где вскоре скончался от «геморроидальных колик».

Главным внешнеполитическим вопросом в те годы была ситуация в Польше — все ждали смерти больного короля Августа XII, который по совместительству был еще и саксонским курфюрстом.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что ее территория в XVIII в. стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 годов русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а в ходе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Кстати, польский сейм до 1764 г. отказывался ратифицировать Вечный мир 1686 г. Речь Посполитая была последней из европейских стран, не признававшей за Россией императорского титула.

С конца XVII в. Россия при выборах в польские короли постоянно голосовала за саксонских курфюрстов, но на сей раз Екатерина решила сделать ставку на польских вельмож из клана Чарторыских[272]. Этот многочисленный клан в Польше стали называть Фамилией еще в 20–30-х гг. XVIII в. Чарторыские по польской версии происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской — от другого сына Ольгерда Черниговского князя Константина. Прозвище свое они получили от имения Чарторыск на реке Стырь на Волыни. Первые пять поколений Чарторыских были православными, но князь Юрий Иванович по одним данным в 1622 г., а по другим — в 1638 г. перешел в католичество.

Екатерина утверждала, что новым королем должен быть только Пяст. Утверждение это было сплошной демагогией. Законные потомки королевской династии Пястов вымерли несколько столетий назад, а те же члены фамилии никакого отношения к Пястам не имели. Однако в Петербурге делали вид, что не разбираются в польской генеалогии и называли Пястом любого лояльного к России магната. Между прочим, и матушка Екатерина II по женской линии происходила от Пястов. Ее дальний предок германский князь Бернхард III был женат на Юдите, дочери краковского князя Мешко III Старого, умершего в 1202 г.

К Чарторыским примкнул и Станислав Понятовский (1676–1762) — воевода Мазовецкий и каштелян Краковский. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыским, быстро делал карьеру и еще подростком получил чин «литовского стольника».

В 1755 г. Станислав Понятовский-младший оказался в свите британского посла в Петербурге сэра Генбюри Вильямса и вскоре очутился в постели цесаревны Екатерины.

Уже 2 августа 1762 г. Екатерина пишет в Варшаву Понятовскому: «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королем, по кончине настоящего [короля] и в случае, если ему не удастся это по отношению к вам, я желаю, чтоб [королем] был князь Адам»[273].

Тем временем Фамилия в Польше перешла в наступление, даже не дождавшись смерти короля Августа III. Была развернута широкая кампания против злоупотреблений «саксонских» министров и чиновников. Придворная партия в ответ пригрозила Чарторыским арестом. Узнав об этом, Екатерина 1 апреля 1763 г. послала приказание своему послу при польском дворе Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвезти в Кёнигсштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления, которые наносит им король Польский».

5 октября 1763 г. в Дрездене умер Август III. К тому времени на территории Польши уже находился «ограниченный контингент» русских войск. Русские штыки и русские червонцы сделали свое дело. С 5 (16) по 15 (26) августа 1764 г. тихо прошел избирательный (элекционный) сейм. Граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого

спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

В сентябре Репнин приступил к выплате гонораров. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала еще 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чарторыский получил от Репнина 3 тысячи червонцев. Примасу Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский, автор знаменитого полонеза, получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Россия и Пруссия издавна требовали от поляков прекратить гонения на диссидентов, под которыми тогда понимались не политические оппоненты, а православные и протестанты. Еще в 1653 г. посол царя Алексея Михайловича князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы «православным русским людям вперед в вере неволи не было, и жить им в прежних вольностях». Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием этого стало отделение Малороссии. Через сто с небольшим лет посол императрицы, его праправнук Николай Васильевич Репнин предъявил те же требования.

Под нажимом Репнина, стянувшего русские полки к Варшаве, сейм 21 февраля 1768 г. утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнение в гражданских правах представителей всей конфессий. Разумеется, о полном равенстве конфессий речи не было. Католицизм по-прежнему считался государственной религией. Переход из католичества в другую веру считался уголовным преступлением и т. д.

Решение сейма, формально обязательное для всей страны, вызвало обратную реакцию. Вот донесения русских агентов, собранные в канцелярии президента Малороссийской коллегии Румянцева: «Особым привилеем король Станислав-Август дозволял свободу исповедания православным жителям Украины. От имени короля и по его приказанию вице-канцлер коронный Млодзеиовский писал внушительные письма униатскому митрополиту и епископам, а также главнейшим украинским помещикам Яблоновскому Любомирскому и Сангушке, требуя прекращения гонений на православных и законного с ними обращения. Независимо от того Мелхиседеку выданы были из коронной метрики за королевскою печатью копии грамот прежних королей на свободное исповедание православной веры…

Гонения между тем на православных не прекращались во все время путешествия Мелхиседека, продолжавшегося около года. Когда же с возвращением его началось в украинских церквах чтение королевского привилея, ограждавшего свободу православия, это, с одной стороны, высоко подняло дух народный (массы приневоленных пред тем к унии снова возвратились к православию), с другой — довело до исступления их врагов и вызвало этих последних на новые жесточайшие преследования исповедников православия.

Польша находилась тогда в периоде полного разложения; то была пора полного бессилия закона и всякой власти, не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась над выданным королевским привилеем, указывая для него самое непристойное назначение; шляхтич Хайновский азартно кричал: „и королю отрубят голову за то, что схизматикам выдал привилей“.

Возвращение к православию только что приневоленных „боем нещадным“ к унии сочтено было бунтом, ходатайство Мелхиседека пред императрицею и королем — тяжким преступлением, сам он объявлен бунтовщиком, достойным самой тяжкой кары. Такой декрет выдан был на него и на всех непокоряющихся унии от радомысльской униатской консистории. Видно, упомянутые письма вице-канцлера ценились еще менее, чем королевский привилей. Этим декретом отпавшие от унии священники объявлялись лишенными своих мест и подлежащими строгому телесному наказанию и изгнанию, на непокорные громады налагались огромные денежные штрафы, с обращением их на постройку миссионерского дома и содержание миссионеров унии. И все это должны были привести в исполнение агенты помещичьей власти, под опасением суда латинской консистории…

Сам Мелхиседек потребован был к суду униатского официала Мокрицкого. Командам пограничных форпостов на Днепре отдан был строжайший приказ не пропускать никого в Переяслав, сношения внутри в такой степени были стеснены, что, по выражению Мелхиседека, никуда не пускали „а ни человека, а ни жида“. Всякая попытка пробраться к епископу для рукоположения, получения антиминса или иной надобности наказывалась самым жестоким боем.

На одном из таких форпостов схвачен был и Мелхиседек, возвращавшийся из Переяслава, и, после всевозможных личных над ним насилий и издевательств, завезен был в кандалах на Волынь и там, в м. Грудке, замурован в каменной тюрьме, где едва не лишился жизни.

Вступившее пред тем в Украину польское войско, так называемая

украинская партия, под командою Воронича, навела ужас на все живущее. Начались страшные поборы на войско, народ массами сгоняли на работы в обоз под м. Ольшаной. Воронич рассылал летучие отряды для усмирения бунтующихся, т. е. не желающих принять унии, и карал жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека в Переслав сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова в конюшне, млиевский ктитор Даниил Кушнир всенародно сожжен в обозе под местечком Ольшаной. В то же время униатской официал Мокрицкий, утвердивши свою резиденцию в Корсуне, с толпою инструкторов и инстигаторов, с отрядами вооруженных козаков, разъезжал по Украйне, брал с бою церкви, ловил монахов и священников, бил их смертно, заковывал в железа, забивал в кандалы и под караулом отправлял в Радомысль, где им снова давали по 600 и 800 ударов, бросали в смрадные ямы, заставляли тачками возить землю.

Не лучше было и положение мирян: над ними производили неизобразимые и неисчислимые насилия, иных до смерти забивали, другим рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство униатское щеголяли друг перед другом в изобретении мук и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволие спорили с фанатизмом и непримиримою злобою. Так называемые „похвалки“, или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятение и ужас народа. Нередко целым громадам объявлялся смертный приговор, назначался день и час казни, или же без означения срока грозили всех истребить поголовно. „Людям смертным страх мечтался, и все лишения имущества и живота ожидали“. По местам действительно готовились к смерти, надевали чистые рубахи, исповедовались, приобщались, на веки прощались; в других местах поголовно оставляли жилища, уходили в леса, горы и дебри.

В глумлениях, издевательствах шляхты и причитаниях при совершении истязаний ясно слышалось, против кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: „ото тебе бьет благочестие твое“; „о то тоби за государыню, за короля, за св. правительствующий синод, за архиерея и за вся православные христиане“; „а пу-те-ж, нуте лучше того грека“. Били „смертно розками, дисциплинами, барбарами“, били нагаями и киеми, списами и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: Помилуй мя, Боже и Блажени непорочнии, били „духу послухаючи“, т. е. пока душа в теле держалась. А со стороны народа один был ответ: „отнимите у нас жизнь, но мы не хочем быть в унии“. „Пристань, ксиенже, наедность, то велю сейчас из пушек палить“, — говорил комиссар Каменский Мелхиседеку попавшему в руки униатов и не раз бывшему уже на волос от смерти; но тот отвечал: „Хотя и

безвременно пропаду, но за веру пострадаю; на унию ж не пристану“»[274].

Однако магнаты не ограничились расправами над православными на местном уровне, а решили начать полномасштабную гражданскую войну (большой рокош). В начале 1768 г. недовольные паны собрались в городке Баре в 60 верстах к западу от Винницы и создали там конфедерацию. Они выступали против решения сейма и самого короля Станислава-Августа Понятовского. Во главе конфедерации стали подкормий Разанский Каменский и известный адвокат Иосиф Пулавский.

Конфедераты начали боевые действия против русских войск и частных армий магнатов — сторонников короля Стася.

В ходе одной из операций конфедераты посадили на кол нескольких казаков в местечке Смилянщизна. Среди казненных оказался и племянник матренинского игумена Мелхиседека — эконома переяславского архиерея. Разгневанный игумен решил отомстить, но вместо сабли взялся за перо и очень ловко подделал указ Екатерины II: полный титул императрицы был написан золотыми буквами, имелась государственная печать и т. д. В указе содержался призыв защищать веру православную и бить нещадно польских панов.

Этот указ Мелхиседек показал нескольким запорожским казакам, прибывшим на богомолье в Переяслав[275]. Старший среди запорожцев Максим Железняк отвечал игумену, что с несколькими десятками запорожцев он не может начать этого дела. Тогда игумен сказал ему: «А вот недалеко, при рогатках, много беглых казаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить. Уговорись с этими казаками, и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне и казаки будут за вас».

Любопытно, что поддельный указ Екатерины был очень похож на настоящий, а главное, полностью соответствовал интересам как правительства, так и русских войск, воевавших с конфедератами. Поэтому, когда Румянцеву доложили об «указе», то он поначалу обиделся, почему указ отправлен казакам в обход его, главы Малороссийской коллегии, и сделал соответствующий запрос в Санкт-Петербург.

На следующее утро по обретению «указа» восемьдесят запорожцев во главе с Железняком форсировали Днепр и пошли гулять по Правобережью. Как писал С. М. Соловьев, они «поднимали крестьян и казаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака — с надписью: „Лях, жид, собака — вера однака“»[276].

Далее Соловьев писал: «Пришло требование Барской конфедерации,

чтобы выслали в Бар всю милицию и казаков воеводы киевского. Но воевода распорядился иначе: он велел Цесельскому забрать всех казаков и поставить их на степи, над рекою Синюхою, составлявшею границу с Россиею, а к Пулавскому написать, что вместо казаков, которые будут охотно биться с русскими, он приказал сформировать из шляхты конную и пешую милицию и отослать с трехмесячным жалованьем и провиантом в Бар. Цесельский, Младанович и Рогашевский, чтобы не истощать казны воеводской сформированием милиции, назначили на этот предмет чрезвычайный побор с казаков — и все это когда казацкий бунт кипел по соседству и уманьские казаки стояли в степи, на Синюхе, под начальством сотников — Дуски, Гонты и Яремы, готовые союзники для Железняка.

Одни жиды чуяли беду и явились к Цесельскому с представлениями, что надобно остерегаться Гонты, тем более что он теперь главный: Дуска умер в степи. Жиды говорили, что Гонта наверное сносится с Железняком; что есть слух, будто Гонта предлагал Дуске соединиться с Железняком, но будто тот отвечал: „Семь недель будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать“.

Напуганный жидами, Цесельский послал приказ Гонте немедленно явиться в Умань. Тот прискакал и был сейчас же закован в кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, под виселицу. Но со счастливой руки Хмельницкого казацких богатырей все спасали женщины. И тут взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: „Оставьте в живых, я за него ручаюсь“. Тронулся Цесельский просьбами пани Обуховой и отпустил Гонту — опять в стан на Синюху начальствовать казаками! Жиды увидали, что судьба их в руках того, кого они подвели было под виселицу: они наклали брыки с сукнами и разными материями, собрали денег и отвезли Гонте с поклоном: „Батюшка! Защити нас!“ Гонта сказал жидам: „Выхлопочите у пана Цесельского мне приказание выступать против Железняка“. Жиды выхлопотали приказ; но Цесельский велел троим полковникам принять начальство над казаками. Эта мера не помогла; на дороге Гонта объявил полковникам: „Можете, ваша милость, ехать теперь себе прочь, мы в вас уже не нуждаемся“. Полковники убрались поскорее в Умань, а Гонта соединился с Железняком. Скоро вся толпа явилась под Уманью; в ближнем лесу разостлали ковер, на котором уселись Железняк с Гонтой, казаки составили круг, и какой-то подьячий читал фальшивый манифест русской императрицы. Потом началась попойка и шла всю ночь»[277].

На следующий день Умань капитулировала перед казаками. Паны Младанович и Рогашевский договорились с казаками, что «1) казаки не будут резать католиков, шляхту и поляков вообще, имения их не тронут; 2)

в жидах и их имении казаки вольны»[278].

После заключения капитуляции все поляки пошли в костел, а казаки ворвались в город и начали убивать евреев, но затем вошли в раж и перебили шляхту.

Окрестные крестьяне, не дожидаясь гайдамаков, резали поляков и евреев, вооружались и шли к Умани. Железняк объявил себя воеводой киевским, а Гонта — брацлавским.

Ненависть гайдамаков к евреям хорошо иллюстрирует устный рассказ, записанный Кулишем. Во время стоянки гайдамаков в Матрешинском лесу атаман за какую-то провинность отчитал казака и назвал его жидом. Казак дико заорал: «Тик я жид!», схватил пистолет и в упор застрелил атамана. Казаки схватили стрелявшего и собрались его казнить, но тот взмолился: «Послушайте, панове. Да где ж видано, чтоб казака да жидом ровняли? Так и вы уси жиды, коли я жид». Те казаки выслушали всю причину и сказали: «Правда — собаке собачья смерть!»

Любопытна и оценка восстания гайдамаков, данная польским королем Станиславом-Августом Марии Жоффрэн: «Восстание этих людей не шутка! Их много, они вооружены и свирепы, когда возмутятся. Они теперь побивают своих господ с женами и детьми, католических священников и жидов. Уже тысячи человек побито. Бунт распространяется быстро, потому что фанатизм религиозный соединяется у них с жаждою воли. Фанатизм греческий и рабский борется огнем и мечом против фанатизма католического и шляхетского. Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастия не было бы»[279].

Независимо от гайдамаков войну с конфедератами вели и русские регулярные войска. Формально они выполняли просьбу польского сената, который 27 марта 1768 г. просил Екатерину II «обратить войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников».

Подполковник Ливен с одним батальоном пехоты занял Люблин, конфедераты бежали без боя. Полковник Бурман взял Гнезно. Главным начальником войск, действовавших против Барской конфедерации, был назначен генерал-майор М. Н. Кречетников. Вскоре он взял Бердичев, генерал-майор Подгоричани разбил сильный отряд конфедератов, шедший на помощь Бердичеву генерал-майор граф Петр Апраксин взял Бар штурмом, генерал-майор князь Прозоровский побил конфедератов у Брод.

Честно говоря, ратные подвиги не мешали нашим отцам-командирам грабить. Посол Репнин отправил в Петербург полковника Кара, чтобы тот рассказал «о мерзком поведении» Кречетникова. В письме Репнина

говорилось: «Корыстолюбие и нажиток его так явны, что несколько обозов с награбленным в Россию, сказывают, отправил и еще готовыми имеет к отправлению. Все поляки и русские даже в его передней незатворенным ртом его вором называют».

Вот этому генералу Кречетникову императрица и поручила подавить бунт гайдамаков, поскольку конфедераты в панике бежали от казаков. Повстанцы получили от русского командования предложение о совместном нападении на Могилев. Гайдамаки расположились поблизости от русского лагеря. Вечером 6 июня 1768 г. Кречетников пригласил к себе на ужин ни о чем не подозревавших Железняка, Гонту и других атаманов и тут же арестовал их. Русские солдаты напали на оставшихся гайдамаков и перехватали большинство из них.

Железняка как русского подданного «варвары московиты» отправили в Сибирь, а Гонту и 800 гайдамаков, родившихся на Правобережье, передали полякам. Просвещенные паны подвергли Гонту квалифицированной казни, которая длилась несколько дней. Там было и снятие кожи, и четвертование, и т. д., что представляет больший интерес для психиатров, занимающихся проблемами садизма, нежели для историков.

Восстание гайдамаков было подавлено, но оно имело неожиданные последствия. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев и отправился восвояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной разборки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть все, что казаки награбили в Галте, а турки — в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули. Все это могло остаться забавным историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило бы гайдамаков регулярными русскими войсками и не потребовало бы очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

Инцидент в Балте послужил поводом для Русско-турецкой войны 1768–1774 гг…

С началом войны султан отправил посла к запорожцам склонять их перейти на сторону турок. Кошевой отказался и донес о том в Киев, но султанского эмиссара отпустил с ответным письмом восвояси. Командующий русской армией Румянцев в крайнем возмущении писал Екатерине II: «А я не могу вообразить, какую можно бы переписку в сей

материи продолжать подданному с неприятелем, которая при нынешних обстоятельствах столько подозрительна»[280].

Между тем запорожцы поступили с послом так же, как они это делали уже 200 лет.

1 октября 1769 г. старшина Сафон Черный с запорожцами провели поиск по побережью Черного моря вблизи лимана Дальницкого. Казаки имели бой с 200 турками у крепости Гаджибей.

17 октября главнокомандующий 1-й армией Петр Панин писал своему брату Никите: «Со всем же тем я себе представляю, что Запорожское войско теперь, на действии в здешних степных местах и противу нынешнего им больше всех других во всем положении известного неприятеля, у нас между всеми казаками лучшее. Основание же такое, что во время войны нельзя ничего от них полезного иметь средствами, как некоторыми приласканиями и уважениями, или истреблением всех их и с своим до кореня, к чему, кажется, теперь не то время стоит: ибо военные удачи бывают скользки и переменны от самых бездельных небрежений и уважений»[281].

А через два года Панин написал брату: «…о тех 20 тыс. лошадях, о котором я писал, что Запорожцы при устье Днестра взяли, сказывают, что посыланные с партиею 3 тыс. их человек, разделяя их по себе, досталось каждому по 12 лошадей; следовательно, надобно, чтобы их было 36 тыс. Да и неудивительно! Их я видел в присланном ко мне графа Румянцева рапорте…»[282].

2 июня 1770 г. Запорожское войско во главе с кошевым Петром Калнышевским присоединилось к корпусу князя Прозоровского, состоявшему во 2-й армии графа П. И. Панина. Сам Панин осаждал Бендеры, а Прозоровский должен был сдерживать силы турок в районе Очакова.

В тот же день, 2 июня, Прозоровский отправил к Очакову на разведку отряд запорожцев в составе 2400 человек под командованием старшины Касанина. Те же на реке Березань разгромили отряд татар.

12 июня Прозоровский отправил разведывательный отряд запорожцев за реку Буг.

16 июня к Очакову отправились 500 запорожцев со старшиной Черным[283]. Казаки напали на турок и татар у самых стен Очакова и благополучно вернулись, взяв пленных, в том числе «пашиного кегала», то есть султанского чиновника. Убито до 70 турок, а запорожцы потеряли четырех человек убитыми и один казак попал в плен.

В подобные рейды Прозоровский направлял запорожцев почти каждый день. Но, несмотря на их успехи, князь недолюбливал запорожцев. Он писал о казаках: «Главная в правительстве их [запорожцев] министерия та, что во оном обществе кто только возжелает препроводить по воле своей несколько дней своего века и записался в казаки, то хотя бы он рожден и воспитан был разумно, должен учитца суровости и невежества во всех поступках и казатца свету, что их сердца, смешанныя с сущею простотою и всегдашним хмелем, ничего не устрашатца и никаким собственным интересом ни к какой повинности не привязаны, кроме доброй своей ко всякому делу воли…

Прежде Запорожцы были бедны, а ныне все они богаты и подчиненные их привязаны ко всякой повинности. Где прежде у них были хутора, там ныне распространились великия силении и живут домами, имеют жен, детей, хорошее скотоводство и промыслы. Старшины это правда, что не женаты»[284].

Тут Прозоровский не совсем прав: часть старшины, как, например, Павел Головатый, уже была жената.

15 июля 1770 г. запорожцы у крепости Гаджибей имели стычку с турками и взяли на абордаж галиот, который вел артиллерийский огонь по берегу. В районе Гаджибея «забрано запорожцами неприятельского скота рогатого 3300, овец до 10 000, лошадей до 500, волохов обоего полу 1251, которые и отправлены на поселение в Сечь»[285].

5 сентября 1770 г. запорожские казаки атаковали предместье Очакова. Из крепости выскочили до тысячи конных турок и татар и погнались за казаками. Им удалось отбить у запорожцев большую часть добычи. Тем не менее казаки увели много крупного рогатого скота, верблюдов и до 400 лошадей. У запорожцев было убито и взято в плен 52 человека, ранено 8.

В середине сентября 1770 г. хан Селим Гирей III решил увести свою орду из Молдавии в Крым на зимовку. Татары собирались переправиться через Днепр у Кинбурна. Но на рассвете 25 сентября там их встретила засада запорожцев старшины Данилы Третьяка. Было убито множество татар. Трофеями казаков стали 100 лошадей с вьюками, наполненными ценными вещами, в том числе дорогой посудой. Казаки потеряли одного человека убитым и шестерых ранеными. У запорожцев при стрельбе разорвало два фальконета. Тем не менее хану с частью орды удалось форсировать Днепр и уйти к Перекопу.

Особо следует отметить действие запорожской флотилии. В самом начале войны запорожцы построили 38 больших морских беспалубных

лодок вместимостью до 50 человек и на каждой установили по одному-два фальконета.

В кампанию 1769 г. флотилия в составе 38 лодок прошла по Днепру в район Очакова. Командовал флотилией старшина Филипп Стягайло. В составе флотилии было 1690 казаков и один иеромонах при 38 фальконетах.

6 июня 1769 г. турецкая эскадра в составе 20 гребных судов вышла из Очакова и двинулась вверх по Днепру. Командовал ею Гасан-Кизил-Исарли эфенди. Турки собирались разгромить Новую Сечь.

Казаки отошли и устроили засаду у Кострицких плавней. 8 июня, когда турецкие суда поравнялись с засадой, запорожцы открыли огонь из фальконетов и ружей.

В донесении, посланном кошевым атаманом генерал-аншефу П. А. Румянцеву, говорилось, что после открытия огня запорожцами турецкая эскадра «выстроилась тотчас в линию. Первым выстрелом был отбит руль у главного судна, на котором находился начальник флотилии, который, спустясь в шлюпку, бежал. Два другие судна были також сильно повреждены, так что они не могли далее лавировать и были прибиты ветром к берегу». Разбитые турецкие корабли загородили шлях остальной эскадре, и та, не имея возможности для маневра, вынуждена была повернуть назад. Запорожцы потеряли 11 казаков убитыми и столько же получили ранения. После боя в Костирських плавнях турки уже рисковали подниматься вверх по Днепру до Сечи. В свою очередь, суда Филиппа Стягайла до ледостава находились выше Очакова и следили за неприятелем.

В начале кампании 1770 г. 2059 запорожцев на сорока лодках при 38 фальконетах спустились из Сечи до Очакова. Командовал ими теперь старшина Данила Третьяк.

15 июля 1770 г. (по другим данным 16 июля) запорожцы на лодках отправились в район Кинбурна ловить «языков». В свою очередь, из Очакова вышло 11 турецких гребных судов ловить запорожцев. Казаки стали уходить, но у Кизова мыса турки их нагнали, и начался бой, длившийся до позднего вечера. По докладу Третьяка три турецких судна были повреждены, и турки повернули назад в Очаков. В свою очередь, князь Прозоровский доложил Румянцеву, что три турецких судна «разбиты» и убито 30 басурман. Не знаю, что написал Румянцев в Петербург, но, думаю, он уже окончательно потопил турок.

Скорей всего, имела место небольшая перестрелка, в ходе которой был убит всего один казак, а от «скорой стрельбы» разорвало один фальконет.

По результатам боя Третьяк отправил письмо в Сечь с просьбой прислать хотя бы пару пушек среднего калибра, поскольку дальность действия фальконетов была мала.

Всего в ходе кампании во флотилии Третьяка погибло 74 казака.

Екатерина II требовала, чтобы русская армия форсировала Дунай, а Румянцев отнекивался и выдумывал разные предлоги, в том числе и существование большой речной турецкой флотилии на Дунае, и полное отсутствие плавсредств для форсирования реки у русских.

27 февраля 1771 г. императрица Екатерина II вызвала к себе в Зимний дворец генерал-прокурора князя Александра Вяземского и приказала ему послать с гонцом письмо в Запорожскую Сечь кошевому атаману Петру Калнышевскому с приказом отправить запорожскую флотилию на Дунай.

Генерал-прокурор написал кошевому: «Так как это действие потребует храбрости и мужества, то его светлость тем паче надеется, что в войске Запорожском, ведомом отвагой и смелостью, быстро найдутся люди, которые за это дело возьмутся и удало смогут исполнить, тем надежнее, что все места по Днепру и его течению им до тонкостей известны, так и расстояние между Очаковом и Кинбурном настолько велико, что с крепостей перепону в проходе сделать никак не возможно»[286].

Вяземский справедливо указывал, что пушки Очакова и Кинбурна не перекрывают полностью фарватер на Днепре и в лимане. В письме-инструкции генерал-прокурор наказывал, что как только отряд дойдет до Аккермана или до Килии, командир должен связаться с командующим корпусом левого фланга армии фельдмаршала Румянцева генерал-майором Отто Вейсманом и передать ему «оных» писарей с журналом, «самим на поштовых прибуты в Петербург» и явиться к нему, генерал-прокурору. Далее Вяземский писал: «Казаки и старшина остаются на Дунае и переходят под команду, что этот подвиг не только будет новым доказательством мужества и послужит еще большей славе, а будет и приятным Ее Императорскому Величеству, а также и самому Войску со временем принесет корысть». А «для заохочения казаков Ее Императорское Величество пожелала пожаловать со своей стороны тем, кто пойдет с первой лодкой, 1000 рублей, со второй — 500 рублей, остальным по 300 рублей награды каждому, сколько их будет в экспедиции»[287]. Дата — 26 февраля 1771 г.

Петр Калнышевский получил письмо лишь 11 марта. Он приказал командовать экспедицией полковнику Якову Сидловскому и полковому старшине Семену Быстрицкому. Сборы запорожцев были недолгими, и 16

апреля 1771 г. 19 морских лодок с 988 казаками и 18 фальконетами покинули Сечь и отправились вниз по Днепру.

Флотилии удалось скрытно форсировать Днепровский лиман и выйти в Черное море, 29 мая она была в Аккермане. Уже 2 июня полковник Сидловский прибыл в Килию и представился генерал-майору Отто Вейсману, а походный журнал и составленная береговая лоция вместе с 19 опытными в морском деле казаками были отправлены в Петербург.

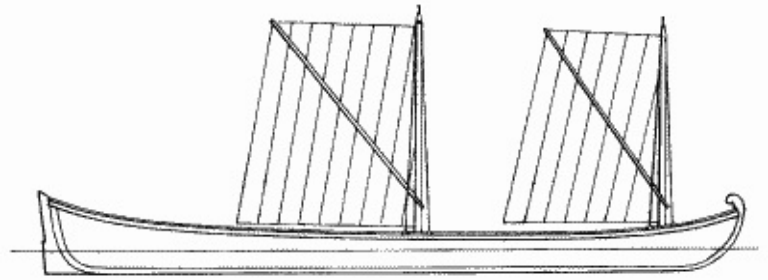
8 июня запорожская флотилия прибыла в Измаил. А 17 июня запорожцы около острова Березань захватили большой турецкий корабль, который шел из Очакова в Константинополь. На корабле оказались важные документы, которые казаки и передали позже в штаб Румянцева.

Через несколько дней запорожцы близ устья Дуная захватили 8 вражеских галер с 23 пушками. Под Тульчей были захвачены четыре больших парусника и несколько малых гребных судов.

18-20 июля запорожцы разгромили в устье Дуная несколько поселений русских раскольников-филипповцев. Руководил операцией полковник Кабардинского пехотного полка Кличка. 800 человек регулярной пехоты на 18 запорожских морских лодках и 8 барказах высадились близ поселения филипповцев и «истребили всех до единого». Услышав стрельбу, на помощь филлиповцам подошел отряд турок. В рапорте Клички говорилось, что запорожцы участвовали в десанте, и вообще дело решил огонь запорожской судовой артиллерии, принудивший турок к отступлению. Тогда же запорожские суда провели вверх по Дунаю пять русских галер под командованием капитана 1-го ранга Ивана Нагаткина.

К 1 августа запорожцы вернулись в Галац. Там флотилия была разделена: 13 лодок с Сидловским, Якубовичем и Сахновским ушли на помощь корпусу генерал-квартирмейстера фон Боура, который стоял близ речки Яломкица. А 300 казаков на шести лодках во главе с секунд-майором Беличем отправились в Браилов. 11 августа этот отряд взял на абордаж два турецких судна.

25 августа суда Белича у речки Алалуй увидели турецкую эскадру в составе 4 галер, 4 кончебасов[288] и нескольких малых судов. Запорожцы устроили засаду и внезапно открыли огонь. Турки направили суда к правому берегу и стали искать спасение на суше. Запорожцы их настигли и заставили бежать за гору Буджак.



Турецкий кончебас

В письме от 29 августа граф Румянцев писал императрице: «Неожиданность нападения и меткий огонь запорожцев имели следствием, что в этом блестящем деле не было у нас ни одного убитого, ни раненого, тогда как неприятель потерял до 1000 человек убитыми и 150 утонувшими. Командовавший турецкою флотилиею Гаджи-Гасан был взят в плен»[289].

Не менее активно действовал и судовой отряд Сидловского, который до конца кампании поддерживал корпус фон Боура. С 10 августа по начало октября отряд производил набеги на противника в районе Гирсово.

4 сентября казаки, возглавляемые Сидловским, атаковали местечко Девно, где находился сторожевой пост противника. На помощь посту пришло около тысячи конных турок, а со стороны Гирсово показалось четыре галеры. Как сказано в отчете: «Поручик Сахновский открыл против них огонь из своих лодок и заставил подходящие суда отойти назад. Запорожцы выбили противника из лагеря и завладели всем в нём бывшим. Забрав все, что было в лагере, казаки захватили еще два больших судна и, посадив в них значительное число жителей из христиан, возвратились назад»[290]. В этом бою запорожцы захватили агу Бим-пашу и 6 знамен. Потери турок составили более 100 человек. Команда Сидловского потеряла 4 человека убитыми и 28 человек ранеными.

В августе 1771 г. Румянцев приказал сделать нападение на Гирсово — турецкую крепость на нижнем Дунае. 23 августа суда Сидловского отплыли из Ораша вверх по Дунаю. Командующий отрядом генерал-квартирмейстер Боур сделал ставку на внезапность нападения, но турки вовремя обнаружили его флотилию и открыли сильный артиллерийский огонь. Запорожские казаки даже захватили пристань, но под огнем турок вынуждены были отойти. В конце концов, Боур приказал флотилии возвращаться.

Потерпев неудачу у Гирсово, Боур решил устроить «поиск» на турецкий лагерь у Девно. В ночь на 3 сентября запорожцы под командой поручика Сахновского приплыли к неприятельскому лагерю и укрылись в

камышах. На рассвете следующего дня они атаковали лагерь и выбили из него турок. Запорожцы потеряли 5 человек убитыми и 28 ранеными, а турки — более 100 человек убитыми.

24 октября подполковник Якубович с 250 гренадерами, судами запорожцев с шестью запорожскими пушками двинулся на гребных судах к Гирсово. Якубович высадил десант, который с ходу овладел 8-пушечной береговой батареей, а затем осадил крепость и открыл по ней стрельбу из пушек. То ли от огня запорожцев, то ли из-за небрежности турок в крепости произошел взрыв порохового погреба, в результате чего обрушилась часть крепостной стены. Турки в панике бежали из крепости. В итоге русские взяли Гирсово, не потеряв ни одно человека убитым, а ранено было только 20 гренадер и 9 запорожцев. Якубович приказал заклепать и утопить турецкие крепостные пушки. На пристани было захвачено множество турецких судов. Из них около 100 было сожжено, а самые лучшие (два галиота и 25 малых судов) уведено русскими.

Всего в отряде Сидловского за весь 1771 г. погибло 47 казаков. Именно столько имен было передано в сичевую церковь для поминовения, то есть эта цифра не «липа», как в сводках иных русских генералов.

За кампанию 1771 г. запорожцы получили личную благодарность императрицы:

«Божиею милостью Мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и прочая и прочая. Нашего императорского величества Низового Войска Запорожского кошевому атаману и всему войску Запорожскому Наше, императорского величества, милостивое слово.

Предводитель Второй нашей армии генерал-аншеф князь Долгорукий донесениями своими засвидетельствовал Нам, что за всю минувшую кампанию подданным Нашим низовым Войском Запорожским во всех местах, где оно за распоряжениями было и действовало, положенная служба исполнялась с ревностью и наибольшим старанием».

В самом начале 1772 г. генерал-прокурор князь Вяземский вновь обратился к кошевому Калнышевскому: «Государь мой Петр Иванович! Имею честь уведомить вас, государь мой, высочайшее Ее Императорского величества повеление, чтобы будущей весны при первой подходящей возможности направить таким же способом, как и тот год было, на челнах в Черное море к Дунаю из Запорожского войска казаков, если возможно две тысячи человек. Если же по каким-либо обстоятельствам такого количества отправить не удастся, то по крайней мере не меньше тысячи человек по приезде на Дунай прибыли бы к адмиралу Нолису…»

Далее генерал-прокурор сообщал, что императрица выделила на снаряжение новой Дунайской казацкой запорожской флотилии, починку чаек, постройку новых, закупки и жалование — 10 000 рублей.

Получив письмо Вяземского, кошевой немедленно запросил у командующего армии генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова 40 фальконетов, боеприпасы к ним и провиант на 2000 человек на два месяца. Князь приказал выделить казакам все необходимое.

17 апреля 1772 г. Петр Калнышевский собрал куренных и полковников. Надо было обсудить два вопроса: как распределить присланные Вяземским деньги и назначить командира экспедиции взамен умершего от ран полковника Якова Сидловского.

Старшинская рада решила: командиром морского похода назначить сподвижника Сидловского полковника Мандро, командиром отряда прикрытия — полковника Ладо (в других источниках он именовался Лега). Через четыре дня лодки Ладо отошли от пристани. Они должны были скрытно тайно пройти по Днепровскому лиману, высадиться у Кинбурна и ждать подхода полковника Мандро. Если же запорожцы «зацепятся» с турками, то полковник Ладо должен был вступить в бой и сделать так, чтобы лодки Мандро без «перешкод» вышли в Черное море.

5 мая 1772 г. полковник Мандро поздно вечером, после захода солнца, на сорока лодках покинул гавань на Сечи. По донесению полковника Ладо: «Усю ніч його команда стояла, і стрілянини з Очакова — з міста і турецьких суден не чули».

Любопытный вопрос: сия цитата взята из статьи Владимира Кравцевича-Рожнецккого «Запорожская Дунайская флотилия». Сама статья написана по-русски, а донесение Ладо — на радной мове. А вот статья Г. Г. Шпитальова «Запорозька флотилія в російсько-турецькій війні 1768–1774 років»[291] написана целиком на мове, но донесение Ладо написано по-русски: «Поблизу Кинбурначрез всю ночь стояли и пальбы с Очакова, с города и судов не слыхали». Вот вам классический пример фальсификации. Самостийники заставляют говорить и писать запорожцев на украинском языке!

Итак, лодки Ивана Мандро без помех вышли в Черное море. Но уже близ устья Дуная казаки попали в сильный шторм, и две лодки Каневского и Выщестебловского куреней разбило о камни напротив косы Татар-Пунар. Трое казаков утонули. С большим трудом запорожцам удалось отойти под прикрытия косы, ожидая конца шторма. Так и не дождавшись его окончания, полковник Мандро повел чайки вверх по Дунаю, и уже у Измаила флотилия стала на якорь. Оттуда командир отрядил писаря

Потапенко в Яссы, где находился адмирал Нольс, в распоряжение которого, согласно письму Вяземского, поступала Запорожская дунайская флотилия. В письме к адмиралу полковник Мандро указал на потери от шторма, а также на компенсацию за эти потери и оплату участникам похода, как было договорено заранее в письме Вяземского. По сообщению полковника Мандро, компенсацию и наградные он получил.

Практически весь 1772 г. прошел в переговорах с турками, на время которых заключили перемирие. Другой вопрос, что оно постоянно нарушалось обеими сторонами. 28 мая казаки прибыли в свою базу в 8 верстах от Измаила. В стычках с турками к 29 июня погибло 26 казаков и 74 умерло от ран и болезней (по списку к поминовению в сечевой церкви).

Летом 1772 г. полковника Мандро, командовавшего запорожцами, сменил полковник Иван Дупляк (Дуплич). Из рапорта Дупляка известно, что с 14 октября до конца перемирия (9 марта 1773 г.) запорожцы стояли напротив крепости Силистрия на Дунае в урочище Шикирешли под командой генерал-майора Григория Потемкина. (Да, да! Того самого!)

Думаю, что именно тогда будущий основатель Новой России был принят в состав Запорожского войска под именем Грицько Нечёса. Прозвище было связано с париком, который носил Потемкин. Версия же ряда историков и писателей о том, что-де Потемкин прожил несколько недель в Сечи и там записался в казаки, не имеет документальных подтверждений. Да что там мог делать Григорий Алексеевич? Разве что балдошничать да пить горилку, как предположил В. С. Пикуль.

Надо полагать, что там же под Силистрией 30 января 1773 г. был вписан в Крыловский курень подполковник Михаил Илларионович Кутузов. Кстати, это не было единичным случаем. Еще несколько офицеров русской армии записались в запорожцы.

В начале 1773 г. численность армии генерал-фельдмаршала графа Румянцева была доукомплектована до 50 тысяч штыков и сабель. Туда также прибыл из Польши генерал-майор Александр Васильевич Суворов. Императрица требовала действий решительных, имея целью разгром армии великого визиря, что стоял лагерем у Шумлы. Однако Румянцев по-прежнему боялся переправляться через Дунай. Тогда же запорожцы были выведены из подчинения генерал-майора Григория Потемкина.

Вместо форсирования Дуная всей армией Румянцев решил ограничиться рейдами (поисками) на правый берег Дуная небольшими силами. 5 (16) мая А. В. Суворов получил приказ атаковать силами 500 солдат городок Туртукай на противоположном берегу Дуная. Однако в ночь на 9 мая турецкая флотилия сама высадила десант, который атаковал отряд

Суворова. Но с помощью подоспевших донских казаков и карабинеров Суворову удалось отбить атаку турок.

В ночь на 10 мая отряд Суворова переправился через Дунай и взял Туртукай. Затем русские войска благополучно вернулись назад, да еще переправили мирных жителей болгар (663 человека). Любопытно, как это могло произойти в непосредственной близости от турецкой речной флотилии? Авторы многочисленных монографий о Суворове — И. Ростунов, К. Осипов и др. — вообще не упоминают о турецкой флотилии. А Ростунов еще и пишет: «В его [Суворова] руки перешла также неприятельская флотилия, стоявшая на Дунае; она включала 51 вымпел; 19 больших и 11 средних судов и 21 малую лодку»[292].

Итак, солдаты Суворова покончили напрочь с турецкой флотилией?

Ларчик же открывается просто: на помощь Суворову был отправлен отряд Дуплича из 20 морских лодок. Увидев запорожскую флотилию, турецкие суда отошли и дали возможность Суворову и его отряду вернуться назад. Замешкайся запорожцы на сутки, и неизвестно, знали бы мы сейчас о Суворове?

В конце мая — середине июня запорожцы активно участвовали в операциях под Силистрией. В ходе боев был смертельно ранен полковник Дуплич, а его место занял полковник Герасим Коленко. Кроме Дуплича погибли или умерли от ран 43 казака.

Зиму 1773/1774 г. запорожская флотилия провела у Гирсово. В начале 1774 г. флотилия боевых действий практически не вела.

10 июля 1774 г. в деревушке Кючук-Кайнарджи был подписан мир между Турцией и Россией. Кючук-Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула). Согласно им Крымское ханство становилось полностью политически независимым.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кинбурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бугом и Днепром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии».

Россия получила возможность держать военный флот на Черном море. До марта 1774 г. Екатерина требовала права свободного прохода русским военным судам через Проливы, но турки решительно возражали, и в договоре проход через Проливы был разрешен лишь невооруженным торговым судам небольшого тоннажа.

Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный их всех русско-турецких договоров», и т. п. Автор же склонен считать этот

договор наспех состряпанным перемирием. Договор не только не решал ни один вопрос. Состояние отношений между Турцией и Россией оставались метастабильными, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну. Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России не запрещалось иметь флот, но ему негде было базироваться (в Азове и Таганроге невозможно было базирование больших кораблей).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму[293] неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть — к довоенной ситуации.

Вновь после заключения мира начался предвоенный период.

После заключения мира Румянцев решил убрать запорожскую флотилию с Дуная. 15 сентября 1774 г. генерал-поручик Михаил Каменский, вызвав к себе командира первой команды флотилии Кондрата Гука, передал ему следующее приказание фельдмаршала и командующего, в котором указывалось: «По получении сего приказа направляйся со всей запорожской командой на Сечь. По дороге встречным турецким войскам или купеческим судам, прибрежным жителям кривд и разору не чинить, а если будут от вас обиды и про это получим жалобы, то виноватые на смерть покараны будут, про это на все челны указать. По прибытии на Сечь явитесь до вашей команды».

Так без всяких проводов 17 сентября 1774 г. Запорожская дунайская флотилия отошла от пристани Гирсово и взяла курс на Сечь. По дороге запорожцы попали в жесточайший шторм. Доплыв до Аккермана, запорожцы тяжелые грузы переложили на 30 повозок с парой волов. Этот обоз в сопровождении Кондрата Гука и отряда казаков двинулся в Сечь посуху, а полк Ивана Мандро дошел на морских лодках до Очакова, а там — вверх по Днепру и прибыл в Сечь 14 ноября 1774 г. Обоз Кондрата прошел по Правобережью, то есть по польской территории, но ляхов никто не спрашивал, и 27 января 1775 г. уже был в Сечи.

По реестру Ивана Мандро, составленному в Сечи, из 988 человек, прибывших на Дунай в 1772 г., вернулось 788, в числе которых было 5 полковников, 8 старшин, 2 иеромонаха, 4 дьяка и 2 ктитора.

Так закончился последний в истории морской поход запорожских казаков.

Глава 5
Разрушение Запорожской сечи

Екатерина Великая строго следовала формуле Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». А после Кючук-Кайнарджийского мира она продолжила войну мирными средствами. Крым в 1774 г. оказался в метастабильном состоянии: существовать само по себе Крымское ханство не могло как по политическим, так и по экономическим причинам. Оно должно было или вернуться под власть султана, или стать частью Российской империи.

Императрица уже давно приняла решение присоединить Крым, который к 1774 г. был под контролем русских войск. И тут возник вопрос, а как быть с запорожцами? Ведь они два с лишним столетия были щитом Малой, Белой и Великой Руси от крымских разбойников. Соответственно, нужда в них отпадает. А с другой стороны, неизвестно, как поведут себя казаки в случае силового решения крымской проблемы. Не смутят ли их турецкие эмиссары?

Было у царицы и много других аргументов в пользу упразднения Сечи. Во времена царя Алексея Сечь была далеким пограничным форпостом, а сейчас она оказалась чужеродным телом в центре империи.

В 1770 г. императрица Екатерина II повелела построить новую оборонительную линию — Днепровскую. Она шла от Днепра к Азовскому морю по Конским Водам и Берде и пересекала Ногайскую степь приблизительно по старым ее границам с Запорожьем. По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. земли у Днепровской линии отошли к России вместе с Керчью-Еникале, Кинбурном и побережьем Черного моря между Днепром и Бугом. Приобретенное Азовское побережье вместе с землями запорожских казаков на левой стороне Днепра образовали Азовскую губернию с провинциями Азовской, Бахмутской и Славянской, а запорожские земли на правой стороне Днепра с приобретенным Черноморским побережьем — Новороссийскую губернию с провинциями Елизаветинской и Херсонской.

Екатерина и Потемкин прилагали большие усилия для заселения причерноморских земель русскими и украинскими крестьянами, а также колонистами из различных европейских стран — немцами, сербами, греками и т. п.

Что же представляли собой запорожские земли к 1774 году? Тут стоит

обратиться к сухой, в смысле изложения материала, но очень информативной книге профессора М. К. Любавского «Обзор истории русской колонизации»:

«Земли и угодья, которые запорожцы считали своим достоянием, своими вольностями, делились до 1768 г. на пять, а с 1768 г. на восемь паланок или округов. Самая западная паланка носила название Богогардовской, от сторожевого „града“ на р. Буге. Она обнимала пространство между Бугом и Ингульцом, границей Речи Посполитой и лиманом Днепра. Центром ее был Град на Буге; сверх того, тут были зимовники в Соколах, Вербове, Балашком, Корабельном, Громоклее и других местах. Паланка Ингульская, или Перевиская, простиралась между нижним Ингульцом и Днепром. Центром ее была Перевиска на Днепре, близ устья Ингульца, или Каменка, где находилась Сечь во время турецко-татарского суверенитета над Запорожьем; были также села и несколько зимовников: Белая Криница, Давидов Брод, Шестерня, Кривой Рог, Золотая Балка, Осокоровка, Терновка и др. Паланка Кодацкая простиралась между Днепром, Базавлуком, верховьями Ингульца и Тясмином. Средоточием ее было местечко Новый Кодак; из сел и зимовников известны: Старый Кодак, Волощские хутора, Половица (впоследствии Екатеринослав), Микитино, Кичкас, Тарасовка, Медовец, Романково, Мишурин Рог, Томаковка и др. Паланка Самарская обнимала целый бассейн р. Самары. Центральным пунктом ее было место Самар, или Новоселица (ныне Новомосковск); сверх того, были села Чапле, Песчаная Самара, Каменка, Ревовка и др. Паланка Калмиусская находилась между Волчьей рекой, Калмиусом и Азовским морем. Главным опорным пунктом ее было селение Домаха у устья Калмиуса (с 1779 г. здесь стал город Мариуполь); сверх того, были села Ясеноватое и Макарово и 28 зимовников, между прочим, в Лозовом овраге на Терсе, в Широком на Каменке, в балках Холодной и Сухой, в баераке Каменном и др. После 1768 г. прибавились еще три паланки — Орельская, Протовчинская и Прогноинская. Орельская паланка занимала пространство между Орелью и Самарой. Средоточием ее была Козырщина; сверх того, было пять сел — Чаплинская Каменка, Гупаловка, Колонтаевка и др. Паланка Протовчинская занимала течение р. Протовчи и отчасти Орели. Главным селением ее было Лычково; сверх того, было более 25 сел — Котовка, Китай-город, Могилев, Кильчень, Балабановка, Сирковка и др., а также хутора на Царичанке и Маячках. Прогноинская паланка лежала на левой стороне Днепровского лимана, против урочища Прогноев, находившегося в 35 верстах выше Кинбурнской косы. Средоточием ее был Прогноинск — местопребывание передней стражи запорожцев, имевших

там соленые озера.

Из перечисленных восьми паланок четыре северные, прилегавшие к населенным местностям, т. е. Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчинская, имели села, деревни и хутора, в которых постоянно жили казацкие команды, неженатые казаки и посполитые. В остальных обиталищами казаков были камышовые шалаши и землянки, в которых они проводили весну, лето и осень для рыболовства и добывания соли, и так называемые зимовники, в которые они переходили на зиму. Зимовники располагались главным образом по берегам Днепра и впадающих в него речек, а также на островах. Это были своего рода хутора, при которых казаки, по словам князя Мышецкого, содержали рогатый скот, лошадей и овец, имели пасеки, сенокосы, разводили сады и огороды, засевали поля разным хлебом, били в степях и лесах зверей и ловили рыбу. В них было, таким образом, известное постоянное население, которое на зиму увеличивалось казаками, возвращавшимися с промыслов. Постоянно жили в зимовниках либо родные этих казаков, их семьи, либо их компаньоны по промыслам, либо наемные работники. Жилищами были либо хаты, рубленные из леса, либо мазанки; при них были дворы, обнесенные плетнем, с разными хозяйственными пристройками. Таким образом, зимовники в Запорожье являлись первичной формой постоянных поселений и с течением времени превращались в села. Большая часть зимовников превратилась в села и деревни уже после уничтожения Сечи, но с некоторыми из них такое превращение произошло еще во времена самостоятельного существования Запорожья»[294].

К концу своего существования Запорожское войско стало уже переходить к постоянной оседлости и мирным занятиям. По официальной ведомости, составленной полковником Текелли во время уничтожения Запорожской Сечи, в ней кроме собственно Сечи имелось 45 деревень и 1601 зимовник. Всех жителей насчитывалось около 60 тыс. душ обоего пола, причем большинство (35 891 человек) было поспольство, то есть женатые поселяне. Большинство казаков жили уже не в Сечи, а в деревнях и зимовниках, где занимались скотоводством, земледелием и другими мирными промыслами, и имели семьи.

Цифры, сообщаемы Текелли, не совсем точны. По другим данным, в одной только Самарской паланке было 1600 зимовников, а в Протовчинской паланке — 1100. Всего же зимовников, по данным князя Мышецкого, было до 4000.

Большинство населения Запорожской Сечи в год ее уничтожения составляли женатые казаки и посполитые, занимавшиеся почти

исключительно мирными делами. Правда, среди них были и псари, табунщики, чабаны, которые вели полукочевой образ жизни, спасаясь от непогоды в кошах с очагом или котигах, то есть палатках на двух— или четырехколесных арбах, напоминающих ногайские. Но в общем о населении Запорожья следует сказать, что в последние годы Сечи оно перешло к мирной оседлой жизни.

Любавский писал: «Уничтожение Сечи и предложение казакам превратиться в поселян не было каким-либо переломным в жизни запорожского казачества, а только некоторым ускорением его эволюции, естественного конца его старого уклада.

Переходившие к оседлой жизни казаки в общем чрезвычайно слабо заселяли свои земли и угодья. Количество их по сравнению с территорией их владений было ничтожно. В момент перехода казаков под власть России при Анне Иоанновне их было не более 10 тыс. человек. В 1755 г. в целом „компуте“ со стариками и женщинами в зимовниках было показано 27 тыс. запорожцев. В 1762 г. на верность императрице Екатерине присягало 20 тыс. запорожских казаков. При уничтожении Запорожской Сечи, по официальным данным, там было около 60 тыс. жителей. Даже если считать это число преуменьшенным и доводить его по Скальковскому до 100 тыс. человек, все равно нельзя не признать, что запорожские казаки слабо заселили свои вольности»[295].

В ходе войны 1768–1774 гг. у правительства и военного командования не было претензий к казакам. За участие в турецкой войне кошевой атаман запорожских войск Петр Иванович Калнышевский был награжден императрицей золотой медалью, осыпанной бриллиантами.

Замечу, что еще до войны, в январе 1767 г., малороссийский полковой старшина Павел Савицкий донес в Петербург, что-де кошевой атаман вместе с войсковым писарем и войсковым есаулом готовятся в ближайшие месяцы изменить России, коль скоро не решатся в пользу коша пограничные споры. Высшая старшина уже договорилась «выбрать в войске двадцать человек добрых и послать их к турецкому императору с прошением принять под турецкую протекцию».

Екатерина II приказала не давать хода доносу Савицкого. Мало того, 19 декабря 1768 г. она писала Калнышевскому: «Мы никогда наималейшего сомнения иметь не могли о вашей со всем войском верности».

После окончания турецкой войны Потемкин, уже не генерал-майор, а всесильный фаворит, писал 21 июня 1774 г. Калнышевскому: «Уверяю вас чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, где предвижу доставить каковую-либо желаниям вашим выгоду, на справедливости и прочности

основанную».

Но вскоре запорожцы начали мешать «светлейшему» в создании Новой России, и Потемкин буквально заставил императрицу уничтожить Запорожскую Сечь. Рассмотрим основные обвинения против казаков, приведенные в «Высочайшем Манифесте об уничтожении сечи Запорожской» от 3 августа 1775 г.

«Мы восхотели через сие объявить во всей Нашей Империи, к общему известию Нашим всем верноподданным, что сечь Запорожская в конец уже разрушена, со истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков, не меньше как за оскорбление Нашего Императорского Величества через поступки и дерзновение, оказанные от сих казаков в неповиновении Нашем Высочайшим повелением…

Вследствие такого себе присвоения Новороссийской губернии земель дерзнули они [запорожцы. — *А. Ш.*] не только препятствовать указанному от Нас обмежеванию оных, воспрещая посланным для этого офицерам явленною смертью, но заводить и строить на них самовластно собственные свои зимовники, а сверх того уводить еще из тамошних жителей и из поселенных полков гусарского и пикинернаго, мужеского и женского пола людей, коих всего и уведено в Запорожье до восьми тысяч душ…

Пограбили и разорили Запорожцы у одних обывателей Новороссийской губернии в двадцать лет, а именно с 1755 года, ценою на несколько сот тысяч рублей.

Не устрашились еще самовластно захватить зимовниками своими приобретенные мирным трактатом новые земли между реками Днепром и Бугом, присвоить и подчинить себе новопоселяемых там жителей Молдавского гусарского полка; так же приходя отчасу в вящее неистовство, и собираться вооруженною рукою для насильственного себе возвращения мнимых своих земель Новороссийской губернии, не взирая и на то, что Мы Императорскою Нашею грамотою от 22 мая минувшего 1774 года, повелели им прислать ко двору Нашему нарочных депутатов для представления о их правах, в то же время строгое им подтверждение учинили, воздержаться от всякого своевольства, и оставить спокойно все настоящие селения и жителей. Но Запорожцы и после того не больше послушными оказались; как они же принимали к себе, несмотря на частые им от правительств Наших запрещения, не одних уже прямо в казаки вступающих беглецов; но и людей женатых и семейных, через разные обольщения, уговорили к побегу из Малороссии, для того только, чтобы себе подчинить и завести у себя собственные хлебопашество, и чем довольно уже и преуспели; ибо поселяне в земледелии упражняющиеся

находятся ныне в местах бывшего Запорожского владения до пятидесяти тысяч душ…

Возвещая нашим верным и любезным подданным все сии обстоятельства, можем Мы в то же время им объявить, что нет теперь более Сечи Запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же и казаков сего имени. Место жилища и угодья тамошние оставляем Мы для постоянных к Отечеству наравне с другими полезных жителей, причисляя их по способности к Новороссийской губернии, и поручая при новом заведении и устройство во особливое попечение учрежденному там правительству Нашему»[296].

У Потемкина, разумеется, были и другие мотивы упразднения Сечи. Так, запорожцы препятствовали тотальному уничтожению лесов в своих владениях. А лес был крайне нужен на строительстве флота и новых городов. Наконец, «светлейшему» нужно было очень много денег, как на флот и Новую Россию, так и на содержание своего огромного двора и различные чудачества. А у казаков была богатая казна. 20 апреля 1776 г. Потемкин докладывал Екатерине, что при уничтожении Сечи захватил 120 тысяч рублей золотом (то есть огромную по тем временам сумму). А сколько еще сумели увезти казаки, и сколько тысяч утаил от матушки «светлейший»? Да и те 120 тысяч Потемкин просил у императрицы пустить на строительство новых городов, то есть отдать ему в бесконтрольное пользование. На докладе рукой императрицы было начертано: «Быть по сему».

Следует заметить, что запорожцы в 1774 г. не только не лезли на рожон, но и всячески стремились избежать конфликта. Накануне разгрома Сечи в Петербург прибыла делегация запорожцев во главе с Логином Мощенским, Сидором Билым и Антоном Головатым. Как писал Г. П. Надхин по случаю столетия от падения Запорожского Коша («Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи»): «Повезли туда нужным лицам презентов-гостинцев: Турецких и Персидских шалей, ковров, Дамасских материй, вина, плодов, мехов, вязиги, бочки лимонного соку и т. п., повезли Малороссийской свинины в разных видах, колбас, сала, и многое другое, балыков, шамаи, рыбця, знаменитой зимней свежепросольной Днепровской щуки, повели выносливых Украинских коней в Черкесских седлах, дорогих чепраках, захватили с собою немного и Турецких червонцев… Но дело сначала велось в такой тайне, что Петербургские милостивцы и сами ничего хорошо не знали…

Озадаченные посланцы о пребывании своем на первых порах в Петербурге доносили, между прочим, в Запорожье: „Тут умеют брать и

червонцы, но все нам говорят: „Ничого не знаем, ничого не можем“. Все сидять в Потемках. Орлам приборканы крылья; Панин у великой пани не в великой милости… А наш Безбородько, даром що без бороды, на Московском смальце (гусином жире) выкохав себе причудесный хвост и верить сюды крестом, туды хвостом, мов добрая лисиця, так що не поймаешь его ни з якою собакой. Були мы на смотринах и у Царского бельма. Те жь и Царское бельмо глядить на нас в потемках. Ведуть к тому, слух иде, щоб наши палестины разделить промежь Петенбурскими вельможными панами, ян по Писанию: „Розделиша ризы и меташа жребий!““[297].

Под „Царским бельмом“ запорожцы подразумевали генерал-поручика князя А А Вяземского. В свое время Петр Великий, представляя Сенату первого генерал-прокурора Ягужинского, сказал: „Вот мое око“. Вяземский же смотрел сквозь пальцы на огромные хищения екатерининских вельмож, за что его и прозвали „Царским бельмом“.

Императрица отказала запорожцам в личной аудиенции, но пригласила их в Царскосельский дворец на обед, где присутствовало несколько вельмож. Придворные начали издеваться над казаками: „И где этот глупый народ родится?“ — спросил кто-то по-французски, думая, что депутаты его не поймут. Другой придворный ответил: „Где? Разумеется, в их там дикой Хохландии“. Пародируя этот разговор между собой, один запорожец сказал, как бы с удивлением, продолжая есть похлебку: „Ай, ай, ай! Сколько панов!“ Другой добавил: „Да все яки великии да розумныи“!» «И где си паны родятся?» — спросил первый. «Родятся в Петербурси та в Москви», — был ответ второго. «А где жь воны умирають?» — не унимался первый казак. «В Сиберии та в Камчатци», — нашелся второй. Придворные немедленно замолчали.

А тем временем Потемкин вручил генералу П. А. Текелли, сербу по национальности, секретный ордер на уничтожение Сечи. Казаки и не думали о сопротивлении русским войскам, и ночью солдатам Текелли удалось захватить большую часть артиллерии Запорожского войска, находившейся вне Сечи. Затем регулярные войска осадили Сечь. Но трусоватый серб боялся идти на приступ. За несколько дней осады наместник Сечевых церквей архимандрит отец Владимир Сокальский напомнил Товариществу о единоверии с Русью, а кошевой — о единокровии и единодержавии. Сами казаки миром обсудили, как ни горько им было, что «не приходится им руку поднимать на силу Белой Царицы».

5 июня 1775 г. войска Текелли без боя вошли в Сечь. Царские войска грабили Сечь не хуже, чем запорожцы — турецкие города. Все начальство

Сечи добровольно отдалось в руки правительственных войск, надеясь, что императрица учтет их действия по предотвращению кровопролития.

Главного войскового старшину кошевого атамана Петра Ивановича Калнышевского (Калныша), войскового судью Павла Фроловича Головатого и войскового писаря Ивана Яковлевича Глобу генерал Текелли под стражей отправил в Москву и посадил под замок в конторе Военной коллегии.

Императрица и Потемкин оказались в сложном положении: судить запорожскую старшину было попросту не за что. Ведь все прегрешения, подлинные и мнимые, указанные в манифесте Екатерины II, числились за Войском Запорожским и раньше, при Алексее Михайловиче, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. И вот тогда Потемкин предложил Екатерине испытанный прием: сделать так, чтобы казацкие старшины сгинули без следа.

Надо сказать, что матушка-государыня не любила публичных казней. А если бы полюбила, то процарствовала бы недолго — у нее могли случиться «геморроидальные колики», как у благоверного супруга. Вспомним, что императрица Елизавета Петровна не подписала ни одного смертного приговора. При Екатерине казнили поручика Мировича за попытку освобождения императора Иоанна Антоновича, да еще Пугачева с четырьмя сподвижниками. Естественно, в это число не включены сотни смертных приговоров, вынесенных военными властями во время боевых действий.

Зато в царствование «философа на троне» люди начали бесследно исчезать. Так, исчезло несколько десятков гвардейских офицеров, на дружеских пирушках обсуждавших возможности новых дворцовых переворотов. От исчезновений не были гарантированы даже высшие духовные лица. Так, в 1767 г. Екатерина приказала тайно отправить в Ревельскую крепость ростовского митрополита Арсения Мацеевича. Он содержался в отдельном каземате под именем Андрей Враль. Видеться на прогулках и общаться с ним не дозволялось никому. Сторожить митрополита дозволялось только «иноземным» солдатам, не понимавшим по-русски. В таких нечеловеческих условиях Арсений прожил недолго и скончался 28 февраля 1772 г. Совсем недавно Русская православная церковь причислила Арсения Мацеевича к лику святых.

В царствование Екатерины был лишь один случай возвращения из «бесследно исчезнувших». В 1770 г. матушка упекла на Камчатку лихого поляка Морица Беневского. Беспокойному шляхтичу житье там не понравилось, и он подбил ссыльных и нескольких местных русских жителей устроить бунт. Начальник Большерецкого острога капитан

Григорий Нилов был убит, а острог захватили восставшие. 30 июня 1771 г. в Большерецк прибыл галиот «Святой Петр», который немедленно был захвачен Беневским. Далее поляк с 96 сообщниками отплыл с Камчатки на юг, без карт, не зная пути. Замечу, что до этого ни европейские путешественники не добирались до Камчатки, ни русские не ходили южнее Курильских островов. В итоге Беневский с компанией доплыл до португальской колонии Макао, а оттуда добрался до Парижа.

Но вернемся к несчастным запорожцам. 14 мая 1776 г. Потемкин пишет Екатерине: «Вашему императорскому величеству известны все дерзновенные поступки бывшего Сечи Запорожской кошевого Петра Кальнишевского и его сообщников судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коих вероломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилостивейшая государыня, исчислением оного трогать нежное и человеколюбивое ваше сердце… по всем граждански и политически законам заслужили [они], по всей справедливости, смертную казнь…» Далее Светлейший просит проявить милосердие и «отправить на вечное содержание в монастыри, из коих кошевого-в Соловецкий, а прочих — в состоящие в Сибири монастыри». Естественно, последовало традиционное: «Быть по сему».

Сечевой настоятель архимандрит Владимир Сокольский был некоторое время в заключении в Киеве, но потом назначен наместником Батуринского монастыря.

Иван Глоба кончил свои дни в каменном мешке Белозерского монастыря, а Павел Головатый — в Тобольском монастыре. Петра Калнышевского летом 1776 г. доставили в Соловецкий монастырь. Как писал Г. Г. Фруменков: «Заточение было ужасным, условия существования нечеловеческие. М. А. Колчин так описывает каземат, в котором сидел Калнышевский: „Перед нами маленькая, аршина в два вышины, дверь с крошечным окошечком в середине ее; дверь эта ведет в жилище узника, куда мы и входим. Оно имеет форму лежачего усеченного конуса из кирпича, в длину аршина четыре, шириною сажень, высота при входе три аршина, в узком конце полтора“»[298].

В этом каменном мешке Головленковой тюрьмы Калнышевский провел 16 лет, после чего ему отвели более «комфортабельную» одиночную камеру рядом с поварней, где он провел еще 9 лет.

Указом Александра I от 2 апреля 1801 г. бывшему кошевому было «даровано прощение» и право по своему желанию выбрать место жительства. Калнышевскому к тому времени исполнилось 110 лет, из которых последние 25 лет он провел в одиночных камерах монастырской

тюрьмы. Бывший кошевой совсем ослеп и не захотел покидать монастырь. Через 2 года он там скончался.

Лишь небольшая часть запорожской старшины получила офицерские звания и осталась служить Потемкину. В их числе были и члены делегации Войска, находившиеся в момент разгрома Сечи в Петербурге. Позже Антон Головатый рассказывал, что его внезапно вызвали к Светлейшему. Потемкин, встретив Антона, сказал: «Все кончено. Текелли доносит, что исполнил поручение. Пропала ваша Сечь». Пораженный услышанным, Головатый, не помня себя, запальчиво возразил: «Пропали же и вы, ваша светлость!» «Что ты врешь?» — закричал Потемкин, и при этом так взглянул на Головатого, что тот, по его словам, «на лице его ясно прочел мой маршрут в Сибирь и потому крепко струсил; надо было поспешить смягчить гнев всемогущего вельможи, и я, несмотря на сильную горесть, поразившую меня, скоро нашелся и отвечал ему: „Вы же, батьку, вписаны у нас казаком; так коли Сечь уничтожена, то и ваше казачество кончилось“. На что Потемкин сердито ответил: „То-то же, ври, да не завирайся!“» Вскоре Головатый получил чин поручика и был направлен в Новую Россию.

Оставим в стороне моральную сторону расправы над запорожцами и рассмотрим вопрос лишь с точки зрения государственных интересов России. Тут можно лишь повторить знаменитую фразу Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Вполне допускаю, что если бы на границе России жили мирные соседи и Екатерина II не собиралась больше воевать, сложившаяся ситуация имела бы хоть какое-то оправдание. Но, увы, и Екатерина, и Потемкин готовились к новой войне и в то же время ради сиюминутных выгод лишились храброго и сильного союзника.

Однако не будем судить Екатерину и Потемкина слишком строго. Не будем забывать, что они находились поистине в экстремальной ситуации. Малейшая ошибка в крымских делах — и неизбежна новая война с турками. Не будем забывать, что с 1764 г. по 1793 г. значительные силы русской армии будут находиться в Польше и вести там войну с буйным панством.

Наконец, и Екатерина, и Потемкин были крайне напуганы крестьянско-казацкой войной Емельяна Пугачева. Все эти факторы неизбежно повлияли на решение императрицы в отношении Сечи.

В Сечи бытовало древнее предание. Однажды все лето стояла страшная жара, все поля погорели, все выгорело до последней былинки. Старики казаки заявили, что дожди крадут ведьмы. Запорожцы схватили

двух старух, «и як их пришпарили Сечовики, сами воны и повинились, а як стали их топить в речце, одна, утопаючи, и закричала:

— От же, вы, Запороженьки, губите нас, баб: сгубить и вас самих баба!

Воно так и вышло теперь по заклятью вражой ведьмы: Царица Катерина разорила Запорожьское гнездо — Сечь»[299].

Глава 6
«Запорожец за Дунаем»

Как я уже говорил, запорожское казачество не было однородным — были богатые и бедные, — но это было последнее в составе Российской империи вольное казачество. Екатерина же превратила земли запорожцев в помещичьи владения. М. К Любавский писал: «Немедленно после разрушения Сечи в 1775 г. запорожские земли стали раздаваться чиновникам, штаб— и обер-офицерам. Условия получения земель были очень выгодные: на 10 лет давалась льгота от всех повинностей, в течение этого времени владельцы должны были заселить свои участки с таким минимумом, чтобы на каждые 1500 десятин приходилось по 13 дворов. Величина участков колебалась от 1500 до 120 000 десятин. Впрочем, были такие лица, которые получали по нескольку десятков тысяч десятин и даже больше, а Сечь, переименованная в село Покровское, была пожалована при 200 тыс. десятин тогдашнему генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому. Эти 200 тыс. десятин были заселены 3000 душ крестьян и впоследствии проданы наследникам князя Вяземского еврею Штиглицу, нажившему колоссальные суммы денег от содержания соляных озер в Тавриде. По истечении 10 лет заселенные земли обращались в собственность новых владельцев»[300].

Понятно, что большинство запорожцев отказались служить царице и решили уйти в Турцию. Они группами по 50 человек стали обращаться к генералу Текелли с просьбой выдать «билет» (то есть разрешение отправиться ватагой на заработки). Простодушный серб обрадовался: «Ступайте, запорожники, с Богом… Зарабатывайте себе». Билет выдавался на 50 человек, но к каждой группе присоединялось еще несколько десятков казаков. Все они потихоньку добрались до турецких владений.

Поначалу запорожцы селятся в районе Очакова и на побережье Черного моря, в том числе и на острове Березань. Султан Абдул Гамид I благожелательно отнесся к прибытию казаков. Прислал казакам специальную грамоту и константинопольский патриарх Сафроний с увещеваниями «покориться Оттоманской державе по приказанию Христову». С согласия султана кошевым атаманом был избран казак Игнатий.

Из казацкой песни:

Ходім служити ми до турчина:
Турчин нас добре знае!
Ти турецький царю, ти турецкикий царю,
Змилуйся над нами,
Прийми нас у свою землю курінями[301].

3 июня 1779 г. главнокомандующий русскими войсками граф Румянцев-Задунайский отправил письмо очаковскому паше с просьбой огласить запорожским казакам амнистию, дарованную им императрицей, а также «не чинить малейших препятствий для их возвращения в Россию и отсылать без задержки на эту сторону Дуная тех из них, кто не захочет воспользоваться данной свободой».

Между тем еще в 1782 г. запорожские казаки просили султана разрешить им жить в дунайских устьях. Надо ли говорить, что запорожцы небольшими группами периодически проникали на русскую и польскую территории с целью грабежа и угона скота.

После войны 1787–1791 гг. султан повелел запорожцам селиться не на границе, а в устье Дуная на Георгиевском острове и в его окрестностях.

На Дунае запорожцы оказались соседями некрасовцев, которые несколькими партиями, особенно крупные были в 1740 г. и 1778 г., переселились с Кубани. Турки звали запорожцев «баткалами», а некрасовцев — «липованами».

Казалось бы, донские казаки, бежавшие от деспотизма Петра, и днепровские казаки, обиженные Екатериной, найдут общий язык. Но, увы, запорожцы и некрасовцы стали злейшими врагами. В 1863 г. древний старик некрасовец рассказывал историку В. Кельсиеву: «От хохлов окаянных житья нет (на Дунае). Там у них энто Сечь их была… народ буйный, злятся бывало на нас… что хозяйство у нас хорошее, и воюют с нами. Бои такие бывали, что только Господи упаси»[302].

Дело в том, что у обеих групп казаков уже сложился разный менталитет. Некрасовцы были сплошь старообрядцами, а запорожцы оставались православными и перешли в юрисдикцию константинопольского патриарха. Некрасовцы придерживались древнего благочестия, а запорожцы отличались буйным нравом. Так, к примеру, некрасовцы, сами не употреблявшие табака, терпеть не могли «смердящих трубок» запорожцев.

Возникали, естественно, ссоры из-за земли, а главное, из-за рыбных мест на Дунае. Дело в том, что рыбная ловля у некрасовцев и запорожцев

была если не главным, то одним из основных источников дохода. В итоге между запорожцами и некрасовцами постоянно происходили вооруженные стычки.

Естественно, что турки в военное время использовали запорожцев и некрасовцев в разных корпусах, не допуская их соприкосновения.

Запорожские казаки были поселены турками в устье Дуная в районе, имеющем название Буджаковский Санджак, куда запорожцы и перенесли все свои вековые обычаи. На развалинах татарского местечка Буджак была создана Дунайская Сечь, здесь же установили походную церковь и хранили знамя Войска Запорожского, а также знамена, захваченные казаками в прежних битвах. Вокруг церкви было 38 куреней, образовывавших площадь для сбора рады. Буджак окружал вал, на котором казаки установили пушки.

Запорожцы жили в Сечи, оставаясь холостыми, а женившись, перебирались в паланки, по-прежнему принадлежа к своему куреню.

Султан оставил в неприкосновенности внутреннее устройство Сечи, но подчинил запорожцев бабадагскому паше и причислил к Силистрийскому округу. Замечу, что кошевой атаман пользовался такими же правами, как и государи Молдавии и Валахии. Кошевой атаман получил от султана бунчук с двумя концами и булаву, а войско — двухцветное знамя: на белом поле золотой православный крест, а на черном поле серебряный месяц. Войсковая хоругвь была освящена константинопольским патриархом в присутствии двенадцати епископов.

Казакам было дано право свободно заниматься рыбной ловлей, а за это они обязывались защищать устье Дуная и в случае войны высылали тысячу человек.

Вновь возникает естественный вопрос: каким образом производилось воспроизводство казаков на турецкой земле? Не за счет же турок или румын? Ну, во-первых, значительная часть задунайских запорожцев была уже жената. Во-вторых, в Дунайскую Сечь постоянно бежали подданные Российской империи, как малороссы, так и великороссы. Кроме того, казаки имели возможность покупать в Турции невольниц православного вероисповедания.

Так, например, в 1820 г. к запорожцам, покупавшим припасы в Измаиле, пристал молодой казак Осип Гладкий, уроженец села Мельниково Золотоношского уезда Полтавской губернии. Он оказался прекрасным стрелком, отлично скакал на коне, ловко правил рулем и был «хитер и покоен в бою». Позже он станет кошевым задунайских казаков.

К сожалению, запорожцы на Дунае не оставили нам письменных

материалов о своей жизни. А может, таковые и существовали, но позже были уничтожены турками или царскими офицерами.

В ходе войны 1787–1792 гг. меньшая часть задунайских «неверных» запорожцев перешла на сторону русских, но большинство храбро сражались в турецкой армии. Как ни прискорбно, но запорожцы решительно подавляли антитурецкие восстания в Османской империи. Так, в 1820 г. в ходе греческого восстания, когда Байрон сражался вместе с повстанцами, запорожцы были на стороне турок.

В 1822 г. турецкий флот подошел к греческому острову Хиос в Эгейском море. Турецкий десант фактически вырезал всех греков-мужчин на острове. Православный архиепископ Платон был повешен на флагманском корабле. На берегу турки сажали греков на кол, строили пирамиды из отрубленных голов, делали плетенницы из отрубленных ушей и прочая, и прочая…

События на Хиосе потрясли всю Европу. Знаменитый французский художник Эжен Делакруа в 1824 г. пишет картину «Резня на острове Хиос». Англия, Франция и Россия направляют свои эскадры в Эгейское море для защиты мирного греческого населения.

Увы, в этой дикой резне участвовало пятьсот запорожцев под началом кошевого атамана Семена Мороза и войскового старшины Лоха. Кстати Мороз — уроженец города Киева, а Лох — знатный польских шляхтич, уроженец Правобережья. В сражении на Хиосе кошевой и сложил свою буйную головушку.

Детали участия казаков в резне до нас не дошли. Есть несколько описаний событий на Хиосе, оставленных уцелевшими греками. Но те не знали русского языка и не различали запорожцев среди турок.

После смерти Семена Мороза казаки выбрали кошевым атаманом Игната Стеблиевского, затем — Михаила Губу, Андрея Стрельцова, Василия Чергену и, наконец, Осипа Гладкого. Понять причину этой чехарды кошевых — пять за 4–5 лет — невозможно. Да и избрание в кошевые сравнительно молодого казака, прожившего с ними всего 6 лет, выглядит более чем странно. Уж очень напоминает сей Осип «засланного казачка». Вполне допускаю, что в одном из отечественных архивов и лежат документы о засылке столь «гладкого персонажа».

В 1828 г. началась новая русско-турецкая война, и русская армия двинулась к Дунаю. Для задунайских запорожцев наступило время выбора.

«В тихую майскую ночь на Буджаке загудел набат. Все казаки, сколько их было, бесшумно собрались на площади, готовые в поход. Вышел Гладкий с булавою в руках… Казаки усердно помолились перед образом

Николая Чудотворца и распростились с Буджаком: он быстро опустел…

Было еще темно, когда на берегу Дуная шла нагрузка лодок запорожским добром; более тысячи человек разместилось в 42 больших и 50 малых неводных лодках. Когда зарделся восток, все эти лодки в стройном порядке уже неслись к Черному морю. Впереди всех, обитая красным сукном и увешанная коврами, с 12 гребцами шла лодка кошевого; на ней развевались 2 бунчука и запорожское знамя; здесь же помещалась кошевая казна и все грамоты Сечи»[303].

Через три дня казачья флотилия прибыла в предместье Измаила, где находилась ставка императора Николая I. Запорожский кошевой Осип Иванович Гладкий, имевший в Турции звание Двух-Бунчужного паши, подал царю булаву и грамоты, пожалованные Сечи султаном, и сказал:

«— Великий Государь! Прости и помилуй Твоих заблудших подданных. Прими от нас все, что наше, дай только нам Твое царское прощение, окажи нам Твое милосердие!

— Прости, великий Царь! — сказали остальные запорожцы.

— Бог вас прощает, Отчизна прощает, и Я прощаю, Я знаю, что вы за люди!»[304].

В ночь с 16 на 17 мая запорожцы (теперь уже «верные») оказали существенную помощь русской армии в форсировании Дуная. После захвата турецких укреплений на правом берегу Дуная Николай I сел в лодку, на которой развевался императорский флаг. Рулевым был сам Гладкий, а гребцами — пять куренных атаманов и семь старшин. Лодка быстро доставила императора на правый берег. Осмотрев взятые укрепления, Николай I на этой же лодке вернулся обратно.

По возвращении царь со словами: «Благодарю, атаман! Храбрость твою и распорядительность я видел своими глазами!» собственноручно возложил на Гладкого полковничьи эполеты и Георгиевский крест 4-й степени. «Поздравляю и вас, молодцы, георгиевскими кавалерами!» — обратился Николай к остальным атаманам и старшинам.

4 апреля из задунайских запорожцев по указу Николая I был сформирован Дунайский казачий полк.

По поручению императора в 1829 г. полковник Гладкий ездил на Кавказ выбирать земли для поселений запорожцев, после чего прибыл в Петербург. Гладкий просил у царя отвести войску земли не на Кавказе, а по берегу Азовского моря, около Бердянска. Николай I согласился, да еще подарил Гладкому богатое имение (хутор Полтавец) в Александровском уезде Екатеринославской губернии.

27 мая 1832 г. Дунайский полк вместе с другими группами задунайских запорожцев, бежавших из Турции, был зачислен в состав нового казачьего войска, названного Азовским.

В 1862–1864 гг. казаков Азовского войска по частям перевели в состав Кубанского казачьего войска. А 11 октября 1864 г. Азовское войско было упразднено. К этому времени в составе войска оставалось 6065 душ обоего пола.

Однако Гладкий увел с Дуная не всех запорожцев. Что касается остальных, то они горько проклинали Гладкого. Турецкие войска разрушили Дунайскую Сечь. Много казаков было убито, а остальных небольшими группами расселили в разных местах Оттоманской империи.

В 1828 г. русское командование могло путем опроса задунайских запорожцев, включая стариков, составить подробный отчет о деятельности Задунайской Сечи. Не будем забывать, что казакам, которые при разгроме Сечи в 1775 г. было 20 лет, в 1828 г. исполнилось всего 63 года, и они могли хорошо помнить всю историю Задунайской Сечи. Но, увы, сделано этого не было. Мало того, по тайному Высочайшему повелению о запорожцах за Дунаем было приказано забыть навсегда.

Это табу было нарушено лишь 14 апреля 1863 г., когда в Петербурге на сцене Мариинского театра состоялась премьера оперы «Запорожец за Дунаем». Музыку и либретто к ней написал Семен Степанович Гулак-Артемовский (1813–1873).

Действие оперы происходит в самом конце XVIII в. на Дунае не в Сечи, а в паланке (селенье), где живут запорожцы. Главный герой оперы запорожец Иван Карась имеет сварливую и ревнивую жену Одарку. Тут же развивается и любовь молодого казака Андрея к приемной дочери Карася Оксане.

В целом опера — веселая и красивая сказка, а к жизни Задунайской Сечи она имеет такое же отношение, как и опера Глинки «Жизнь за царя» (в советском варианте «Иван Сусанин») к событиям Смутного времени.

Глава 7
Приключения верных запорожцев

В конце 1786 г. — начале 1787 г. князь Потемкин изменил свое отношение к запорожцам и решил создать из них войско. Дабы не путать запорожцев, оставшихся в России, с запорожцами, ушедшими на Дунай, Потемкин приказал первых именовать «верными», а вторых — «неверными» запорожцами.

Причиной изменения политики по отношению к запорожцам наши историки единодушно считают приближение русско-турецкой войны, к которой Россия еще не была готова. Это относится и к строительству флота, и к строительству портов и крепостей, обучению войск, подготовке армейских магазинов и т. п. Безусловно, эта причина более чем веская, и с ней нельзя не согласиться.

Но в дополнение к ней я бы назвал не менее важную причину — у Потемкина появились планы воссоединения Правобережья и Левобережья. При этом «светлейший» желал стать полунезависимым правителем Малороссии и Новороссии. Замечу, что гетманство на Правобережье было уничтожено манифестом Екатерины II еще 10 ноября 1764 г. Именно с этой целью Потемкин позже принял титул Великого гетмана императорских казацких войск екатеринославских и черноморских.

27 февраля 1787 г. Потемкин подписал указ о формировании войска «верных» казаков. Кошевым атаманом стал бригадир Захарий Чепега, войсковым судьей — полковник Антон Головатый, войсковым писарем — Тимофей Котляревский.

Весной — летом 1787 г. состоялось путешествие Екатерины II в Новую Россию. Во время ее пребывания в Кременчуге, а позже — в Бериславе, Потемкин представил императрице Чепегу, Головатого и других запорожских старшин.

Екатерине идея восстановления запорожского войска в целом понравилась, но раздражало его название. 22 февраля 1788 г. императрица писала Потемкину: «Что верные запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное прозвание; в людях же незнающих, чтобы не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу или название».

Боевые действия на Черном море начались 22 июня 1787 г. В этот день

11 турецких судов обстреляли у Кинбурнской косы в Лимане стоявшие в дозоре фрегат «Скорый» и бот «Битюг». С началом войны русский флот оказался разделенным надвое. В Севастополе базировался корабельный флот под командованием контр-адмирала Марка Войновича, а гребная флотилия и новопостроенные парусные суда, которые не успели из-за начала войны перевести в Севастополь, находились в Лимане и базировались на Херсон.

Турецкая эскадра подошла к Очакову и блокировала русскую Лиманскую флотилию. С самого начала войны у Потемкина шли конфликты с командующим Лиманской флотилии графом Николаем Семеновичем Мордвиновым. Григорий Александрович поначалу упек Мордвинова в Херсонское адмиралтейство, а в 1789 г. вообще отправил в отставку. Командовать же флотилией поручил двум экзотическим иностранцам: принцу Нассау-Зигену и шотландцу Полю Джонсу, принятым в русскую службу в чине контр-адмиралов.

Принц Нассау-Зиген вел свое происхождение от принца Оранского графа Нассау (1533–1584). Он родился в 1743 г., получил образование во Франции и в пятнадцатилетнем возрасте вступил во французскую армию. В 1766–1769 гг. Нассау-Зиген участвовал в кругосветном плавании Л. А. де Бугенвиля. Затем принц едет в экспедицию в Центральную Африку, после чего вновь вступает во французскую армию в чине полковника. В 1779 г. он предпринимает неудачную попытку овладеть британским островом Джерси. В следующем году Нассау-Зиген переходит на службу к испанскому королю и в 1782 г. командует отрядом плавучих батарей при штурме Гибралтара. Операция против Гибралтар кончается неудачей, но Нассау-Зиген получает чин генерал-майора и титул испанского гранда.

Поль Джонс родился в 1747 г. в Шотландии в семье бедняка. Он начал свою морскую карьеру в 13 лет юнгой, в 18 стал первым помощником капитана, а в 21 — капитаном. В 1773 г. в Виргинии умирает его старший брат, оставляя небольшое поместье. 26-летний моряк становится американским плантатором и принимает по условию завещания фамилию Джонс. Но скоро начинается война Североамериканских штатов за независимость, участвуя в которой он находит свое истинное призвание. Поль Джонс становится капером или, попросту говоря, пиратом. В декабре 1775 г. Поль Джонс поднимает флаг Североамериканских штатов над торговым судном — бригом «Альфред».

В 1776–1779 гг. Поль Джонс захватывает десятки военных и торговых британских судов, а осенью 1779 г. даже нападает на Ливерпуль. Англичане называют его пиратом, а континентальная Европа — Черным корсаром.

После заключения мира с Англией Поль Джонс поселился в своем доме в Париже. Русский посол Иван Симолин доложил об оставшемся не у дел пирате в Петербург. Императрица лично написала письмо Полю Джонсу с предложением поступить на русскую службу.

Черный Корсар приехал в российскую столицу 23 апреля 1787 г. Екатерина II немедленно удостоила аудиенции шотландского «морского волка», которого ей представил французский посол граф Сегюр. Из рук Екатерины Поль Джонс получил патент на чин контр-адмирала за ее собственноручной подписью, но на имя француза Павла де Жовеса.

Но вернемся к запорожцам. Боевое крещение Войско верных казаков приняло в сражении у Кинбурнской косы 1 октября 1787 г. Победой российского оружия и закончилась эта кампания. В честь этого императрица повелела отчеканить 190 медалей с надписью «Кинбурн 1 октября 1787». Однако по ошибке чиновников Монетного двора было изготовлено всего… 19 медалей, и получивший их Потемкин написал Александру Суворову такой расклад: шесть медалей — пехоте, шесть — коннице, шесть — казакам и одну — артиллеристу, который поджег бомбой турецкий флагман. Солдаты и казаки должны были сами решить, кто из них достоин награды. Кто из казаков Сидора Билого получил медаль за Кинбурн, пока что установить не удалось.

23 апреля 1788 г. из Босфора вышла большая турецкая эскадра. Командовал ей капудан-паша (адмирал) Эсски-Гуссейн, прозванный Крокодилом морских битв. В нее входило: 12 кораблей (от 46 до 66 пушек), 13 фрегатов, 2 бомбардирские барки, 2 галеры, 10 бомбардирских шлюпов и канонерских мореходных лодок и 6 брандеров, а также 20 флейтов[305] с десантом морской пехоты и 20 тысяч солдат, из которых лишь на треть составляли турки, остальные были наемниками, завербованными в подвластных Порте территориях (одних греков было около 4 тысяч). На парусных кораблях и судах было несколько сотен английских матросов и офицеров-артиллеристов; советником капудан-паши был британский контр-адмирал.

Эскадра вышла в Черное море с соблюдением строжайшей тайны, но выход ее был раскрыт. 1 мая того же года греческие корсары атаковали и взяли на абордаж два турецких торговых судна. Одно из них увели в Севастополь, и пленные купцы поведали о выходе в море капудан-паши. Севастопольский флот был слаб, и Потемкин приказал привести в боевую готовность Лиманскую гребную и парусную эскадры.

Тем временем капудан-паша продолжал идти к Очакову. Но примерно в 60 милях от Босфора эскадру нагнал поздний весенний шторм и нанес

повреждения нескольким кораблям. Эсски-паша вынужден был возвратиться обратно. 10 мая эскадра вновь покинула Босфор, а 20 мая 1788 г. бросила якорь в видимости стен Очакова.

Утром 7 июня корабли Поля Джонса и гребные суда Нассау-Зигена атаковали турецкую эскадру. В ходе боя русской артиллерией были уничтожены три турецких судна. Турки отступили, но преследовать их русские не стали. Как писал Нассау-Зиген Потемкину: «…к несчастию, ветер был противный и наши корабли не могли ее атаковать, и мы вынуждены были возвратиться, занять свое положение возле парусной эскадры».

Автору сдается, что принц лукавит. Почему это его гребные суда, которых он в письме именует кораблями, не могли идти против ветра на веслах, да еще по течению? Но Светлейший князь проглотил пилюлю. Все-таки три гребных турецких посудины потопили, и то, как говорится, «хоть шерсти клок». Потери русских в этом бою составили всего 4 убитых и 13 раненых.

Прежде, чем перейти к следующему сражению, стоит упомянуть забавную историю о похождениях Поля Джонса в 10-дневной паузе между сражениями. В боевых действиях в Лимане с обеих сторон принимали участие запорожские казаки. Поль Джонс еще в Европе слышал о запорожцах и решил их узнать поближе. Дважды (6 и 15 июня) он посетил стан «верных запорожцев». Во время последнего посещения знаменитый пират был торжественно принят в казаки. Среди запорожцев нашелся казак по имени Иван, сносно владевший французским, он и стал переводчиком.

Сидор Билый преподнес корсару запорожский подарок: шапку со шлыком, кунтуш алого сукна, такие же шаровары, казацкие сапоги, пояс с пистолетами, люльку и дорогую турецкую саблю. Изрядно угостившись горилкой, запорожцы переодели Поля в казацкую одежду, смущало их лишь то, что тот не имел чуба и усов. Потом пошел разговор о делах. Уже ночью пират попросил своего побратима Ивана показать ему мели на лимане. Надев темное платье и взяв с собой квач и смолу в небольшой кадушке, оба сели в лодки и, обмотав уключины мокрыми тряпками, тихо пошли на двух веслах к Очаковской гавани. Турки их не заметили. Иван подгреб вплотную к борту флагмана, подал адмиралу кадушку со смолой и квач, и тот на борту написал — «Сжечь, Поль Джонс». Затем запорожец указал адмиралу мели, на которые следовало заманить турецкие корабли во время отлива. Затем побратимы благополучно прибыли обратно.

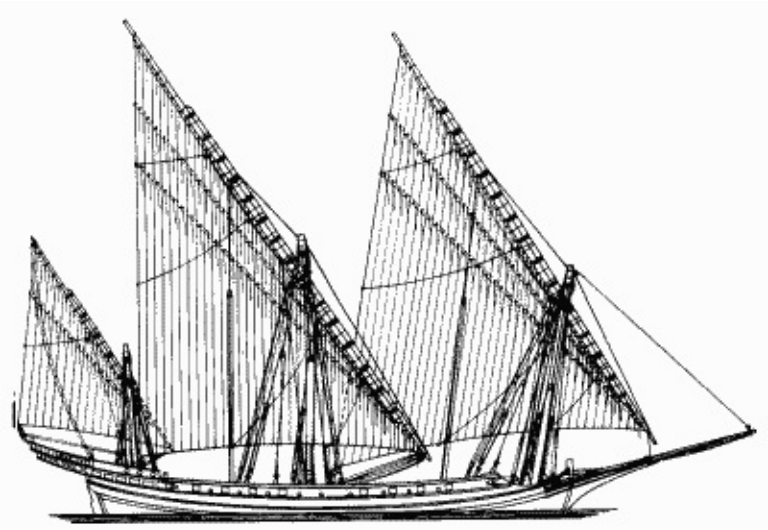
Между прочим, Поль Джонс несколько раз появлялся в запорожском костюме на палубе своего флагманского корабля «Святой Владимир». Вид

контр-адмирала в шароварах «шириной в Черное море» настолько потряс служившего на корабле офицера англичанина, что тот пустил слух, что безбожный Джонс принял ислам.

16 июня в час пополудни турецкая эскадра решила атаковать корабли русских. Читал ли флагман турецкой эскадры надпись, сделанную на борту его корабля рукой Поль Джонса, история умалчивает. Вероятно, читал с помощью своих британских советников, так как Поль Джонс писал на английском языке. Весьма возможно, что Эсски-Гуссейн пришел в ярость, и потому пошел в лиман впереди всей своей эскадры.

Вскоре флагманский 64-пушечный корабль сел на мель. Турецкие корабли окружили его. День прошел в перестрелке на больших дистанциях, как обычно, безвредной для обеих сторон. Тем временем баталия началась между двумя знаменитыми адмиралами. Принц Нассау-Зиген хотел атаковать всеми силами севшего на мель флагмана, а Поль Джонс отказывался принять в этом участие, справедливо полагая, что его корабли тоже могут сесть на мель. Сия баталия продолжалась несколько часов и кончилась лишь, когда туркам удалось снять с мели капудан-пашу.

Рано утром 17 июня к флотилии Нассау-Зигена присоединились 22 канонерские лодки с 18-фунтовыми пушками, пришедшие из Кременчуга. Вскоре русские парусные и гребные суда атаковали турецкую эскадру. Турецкому флагману фатально не везло — он опять сел на мель. Но на сей раз он был подожжен брандскугелем и сгорел. Между прочим, пират Поль Джонс приказал спустить шлюпки и организовать спасение турок на горящем корабле, за что позже подвергся насмешкам «благороднейшего» принца.



Шебека[306]

Сражение продолжалось четыре с половиной часа, после чего часть турецких судов отошла к стенам Очакова, а большая часть двинулась к морю. При отходе турки попали под ураганный огонь батарей с Кинбурнской косы.

Всего русскими было уничтожено три 64-пушечных корабля, два 40-пушечных и три 32-пушечных фрегата, одна 30-пушечная шебека и одна 14-пушечная бригантина. Один 64-пушечный турецкий корабль был взят в плен. Вскоре его отремонтировали в Херсоне. 22 октября 1788 г. он был введен в строй под названием «Леонтий Мученик».

В ходе двухдневного сражения было убито и утонуло около 6 тысяч турок, 1673 турка взято в плен. Наши потери: убитых 2 офицера и 16 нижних чинов, раненых 10 офицеров и 57 нижних чинов.

После сражения двенадцать турецких судов оказались под защитой орудий Очакова. 1 июля флотилия Нассау-Зигена подошла к Очакову и, несмотря на сильный огонь крепостной артиллерии, атаковала турецкие суда. Одиннадцать из них были сожжены или утоплены, а большая 50-весельная галера «Макроплея» взята в плен. На ней нашли одну 36-фунтовую и четыре 12-фунтовых пушки. По приказу Потемкина галеру переделали в Херсоне в 36-пушечный фрегат «Святой Марк». На нем установили два однопудовых единорога, двадцать две 12-фунтовые пушки и двенадцать 6-фунтовых и 8-фунтовых пушек.

В Лиманском сражении участвовало до 50 морских казацких лодок. Верные запорожцы понесли большие потери, не вошедшие в официальные сводки.

Заслуги всех были сравнительно объективно оценены Потемкиным в письме к Екатерине от 15 июня 1788 г.: «Я представляю на апробацию: Принцу Нассау второй класс Егорьевский [крест. — *А. Ш.*]. Пауль Джонсу — анненскую, тоже и Мордвинову — за большие заботы и труды. Алексиану, который здесь старший бригадир, — Контр-Адмирала, чего он весьма достоин.

Командирам батарей и судов, бывших в сражении: подполковникам и капитан-лейтенантам — шпаги золотые, червонных в двести каждую, с надписью: „За мужество, оказанное в сражении 7 июня на лимане Очаковском“. Тоже бригадиру Корсакову и Графу Дама де Рожер. Запорожского Кошевого Сидара Белаго — полковником. Походного атамана подполковника и кавалера Исаева[307] — полковником.

Прочим, коим я могу делать произвождение, дадутся чины. Рядовым и запорожцам — по рублю».

17 октября 1788 г. Потемкин пишет Екатерине о том, что он послал верных запорожских и донских казаков захватить Гаджибей и Паланку (в районе нынешней Одессы). «Турецкие канонерские лодки, — писал Светлейший, — стоявшие под Очаковом, которые в прошедшем сражении были повреждены, исправлены. Я приказал их взять или сжечь Принцу Нассау, но он пытался два раза, и не удалось или, лутче сказать, счастье не послужило. И он, отведав трудность, под предлогом болезни уехал в Варшаву. Сии [турецкие. — *А. Ш.*] суда через два дня после того ушли из Очакова к своему флоту мимо флотилии и спящего адмирала Пауль Жонса, который перед тем пропустил в день под носом у себя три судна турецких в Очаков, из коих самое большое село на мель. Я ему приказал его сжечь, но он два раза пытался и все ворочался назад, боялся турецких пушек. Дал я ему ордер, чтобы сие предприятие оставить, а приказал запорожцам. Полковник Головатый с 50 казаками тотчас сжег, несмотря на канонаду, и подорвал судно порохом, в нем находившимся».

20 июня 1787 г. от ран, полученных в Лиманском сражении, умер Сидор Билый. В тот же день атаман Антон Головатый привез тело на Кинбурнскую косу. При отпевании впереди российских офицеров стоял с обнаженной головой Александр Суворов, а среди запорожцев, рядом с Антоном Головатым, был Поль Джонс. Могилу вырыли в самой церкви, сверху положили чугунную плиту.

5 октября 1855 г. могилу Сидора Билого потревожили: в Кинбурне высадились англичане, которые забрали пушки и плиту.

Потомки-запорожцы не забыли Сидора Билого, и 26 августа 1904 г. он посмертно стал вечным шефом Полтавского Кошевого Сидора Билого конного полка Кубанского казачьего войска.

Отличились запорожцы и при взятии крепости Гаджибей (на территории будущей Одессы). При этом запорожские суда были подчинены контр-адмиралу Марку Войновичу, а три конных полка (по 500 казаков) и три пеших полка при шести пушках подчинялись генерал-майору Де-Рибасу. Судами командовал Антон Головатый, а сухопутными силами запорожцев — Захарий Чепега.

Однако корабельный флот Войновича и гребная флотилия не могли подойти к Гаджибею. 22 сентября 1789 г. Потемкин объяснит это императрице так: «Флоту нашему штурм сильный препятствовал выйти, и он едва мелкие суда спас от повреждения; однако же не без починки. Иначе вся бы флотилия турецкая была у нас в руках!»[308] А в более раннем

донесении Светлейший говорит о сильной буре.

А вот цитата из рапорта генерал-поручика И. Гудовича князю Г. Потемкину: «…с 11-го на 12-е число сего месяца [октября] в ночи перешел с тремя конными и тремя пешими полками верных Черноморских казаков и с шестью их малыми пушками узкий перешеек между морем и лиманами обоих Куяльников, а с 12-го на 13-е в ночи же перешли там два батальона пехоты, то есть Николаевский гренадерский и прибавленный мною Троицкого пехотного полка, осадной артиллерии 4-е орудия и шесть пушек с их снарядами, из числа которых 4-е полковые пушки и 2-е шестифунтовые полевые, отряженные от меня прежде в Николаевский гренадерский батальон.

Тишина и порядок во время перехода узкого сего места на расстоянии 8-ми верст под выстрелами неприятельского флота, где малейшая неосторожность открыла бы приближение войск наших наблюдены были в точности данных о том приказаний…

Между тем, господин генерал-майор и кавалер Рибас для атаки Гаджибея разделил пехоту свою на 2 части, каждая из двух рот Николаевского гренадерского батальона и двух рот Троицкого пехотного полка с резервами в обоих частях. 1-я под командою г-на полковника Хвостова должна была левым берегом прямо к замку следовать и овладеть оным, взойдя по лестницам. На правом же фланге два полка пеших верных Черноморских казаков с резервами их должны были в одно с ним время, подступя к замку, стараться войти и разделить на все стороны внимание обороняющих оный; 2-я под командой секунд-майора Воейкова с одним полком верных Черноморских казаков имела занять форштадт и препятствовать уходу неприятеля из замка на суда. На перешейке же внизу берега устроена была батарея из четырех осадных и двенадцати полевых орудий с тем, чтобы стрелять с боку по судам неприятельским.

В сем порядке в 7 часов вечера выступил он, господин генерал-майор и кавалер Рибас и пришел в балку, от замка в 2-х верстах отстоящую. Весь день 13-го числа ветер был благополучный, и по уведомлению господина контр-адмирала и кавалера графа Войновича, что флот выступит и по сделанному с ним условию, он, господин генерал-майор и кавалер, учредя в трех местах по берегу огни, ожидал его прибытия. Хотя ж в полночь ветер и весьма усилился, но он полагая несомненно, что флоту уже близко быть надлежало, да и видя уже невозможность в такой близости к неприятелю далее открыться, а более, что не находил в том нужды, в 4-м часу по полуночи, при помощи Божьей, со всеми частями по назначению их пошел к атаке…

По таковым овладением замком, флотилия неприятельская сильно стрельбою из пушек и мортир начала уже вредить на берегу расположенному и в замок вступившему войску, как нарочно присланная от меня артиллерия с майором и кавалером Меркелем батарея в четырнадцать орудий, перенесенных с отменной скоростью с левой стороны замка, где не могла она уже со всем успехом против уклонившихся вправо неприятельских судов, на правую сторону замка для удобнейшей стрельбы по оным, начала производить по сим судам сильную пальбу. Главный же корпус пошел на возвышенное место в полуверсте от замка в виду неприятельского флота, и я будучи на правой стороне замка у батареи, был очевидным свидетелем, что искусством артиллерии майора и кавалера Меркеля и верным стрелянием из всей батареи неприятельские суда не только принуждены были окончить стрельбу свою, но и от сильного повреждения начали от берегу поспешно ретироваться»[309].

В очередной раз прошу извинения у читателя за длинную цитату, но как иначе избежать обвинений в очернительстве. Ведь получается любопытная ситуация: никаких бурь не было и в помине, турецкая эскадра спокойно вела прицельный огонь «из пушек и мортир», а корабельный флот адмирала Войновича и бригадира Ушакова просто предпочел не ввязываться в драку. Между прочим, граф Марк Иванович Войнович в войну 1769–1774 гг. был лихим пиратом, и его полакра «Ауза» наводила ужас на купцов в Восточном Средиземноморье. Но к старости он обрюзг и стал отчаянным трусом. Его отец, Иван Войнович, также был пиратом, а, нанимаясь на русскую службу, лихие флибустьеры объявили, что они графы. Граф Алексей Орлов спорить не стал — графы так графы. Благо, сам он получил титул за учинение «геморроидальных колик» императору Петру Федоровичу.

Но вернемся к взятию Гаджибея. Трофеями русских стали 12 пушек и 53 человека, включая двухбунчужного пашу Ахмета. Кроме того, два турецких лансона[310] оказались на мели и не смогли уйти. Запорожцы бросились в воду и захватили один лансон, вооруженный 27-фунтовой пушкой, и взяли в плен 26 турок.

Потери русских в ходе штурма Гаджибея оказались крайне малы: трое рядовых Троицкого полка и один казак были убиты, ранено 23 человека.

После взятия Гаджибея часть запорожских морских лодок под командованием Головатого, действовавших на Днестре, поднималась вверх до устья реки Ботны.

2 октября 1790 г. Потемкин приказал гребной Лиманской флотилии

генерал-майора Де-Рибаса войти в Дунай. На переходе с моря ее должна была прикрывать Севастопольская эскадра Ушакова. Флотилия Де-Рибаса состояла из 33 судов (22 лансонов, 6 дубель-шлюпок, двух катеров, двух шхун и одного бомбардирского корабля «Константин»), 48 запорожских лодок и нескольких транспортов. В середине октября флотилия прошла морем из Днепро-Бугского лимана в устье Дуная.

19 октября флотилия Де-Рибаса напала на турецкие суда в Сулинском устье (гирле) Дуная. В ходе двухдневного боя одно большое гребное судно турок было взорвано, захвачено 7 купеческих судов. На берег было высажено 600 гренадер, которые взяли штурмом две турецкие батареи.

Авангард Дунайской флотилии под командованием капитана Ф. А Ахматова 6 ноября подошел к турецкой крепости Тульча. Навстречу им вышла флотилия из 17 турецких судов. В ходе жаркой артиллерийской дуэли два «турка» взлетели на воздух, а остальные пошли вверх по течению, при этом их команды высадились на берег и стали волочь свои суда бечевой, как бурлаки.

Ахматов приказал преследовать турок. Две русские канонерки и шесть казацких лодок пошли на веслах против течения Дуная. С остальных же судов были высажены на берег 50 гренадер и бечевщики[311]. Впереди по берегу шли гренадеры, а за ними бечевщики волокли остальные суда отряда Ахматова.

Турки, увидев погоню, пришли в замешательство и отпустили четыре канонерки вниз по течению, которые перехватили русские. А ночью турки подожгли остальные свои суда. Зрелище горящих судов напугало гарнизон в крепости, и турки, открыв ворота, ринулись в степь, кто куда. На рассвете 7 ноября десантники Ахматова вошли в пустую Тульчу.

К крепости Исакча подошел отряд гребных судов капитан-лейтенанта Литке. Турки при виде русских подожгли 32 своих судна, команды которых сбежали на берег. Затем повторились события в Тульче — гарнизон Исакчи испугался горящих судов и бросил крепость. Русские десантники нашли там большие запасы провианта и боеприпасов для турецкой армии и Дунайской флотилии. При всем при том в отряде Литке не было ни убитых, ни даже раненых.

Через несколько дней все отряды русской Дунайской флотилии соединились и 17 ноября все вместе подошли к Измаилу. Русская флотилия прошла мимо Измаила и стала на якорь выше, у берега острова Чатал. 18 ноября Де-Рибас высадил на остров Чатал 5 батальонов пехоты с артиллерией под начальством генерал-майора Арсеньева. Туда же были отправлены и «верные» запорожцы.

13 ноября генерал-майор Де-Рибас отправил довольно любопытный ордер Антону Головатову: «Я соглашусь о принятии в службу Черноморских казаков молдаван, в приложенном при рапорте вашего высокоблагородия списке назначенных, но с тем, чтобы они впереди не находились, ибо сей единоверный народ может нам великий вред причинить своим шпионством. Можно же их будет оставить в Старой Кили или в других каких назад неопасных постах»[312].

Следует заметить, что казацкие лодки, действовавшие под Измаилом, имели не по одному-два фальконета, как ранее, а мощное артиллерийское вооружение, и их вполне можно назвать канонерскими лодками.

Так, 16 ноября 1790 г. Де-Рибас приказывает вести навесной (перекидной) огонь по Измаилу с лансонов казацкой флотилии, вооруженных морскими мортирами. Морских мортир у казаков было: две 24-фунтовые с дальностью стрельбы 800 сажен (1707 м) и две 48-фунтовые с дальностью стрельбы 1000 сажен (2134 м), а также три полевые мортиры большого калибра с дальностью стрельбы 300 сажен (640 м), но их велено было «в бомбардировке не употреблять».

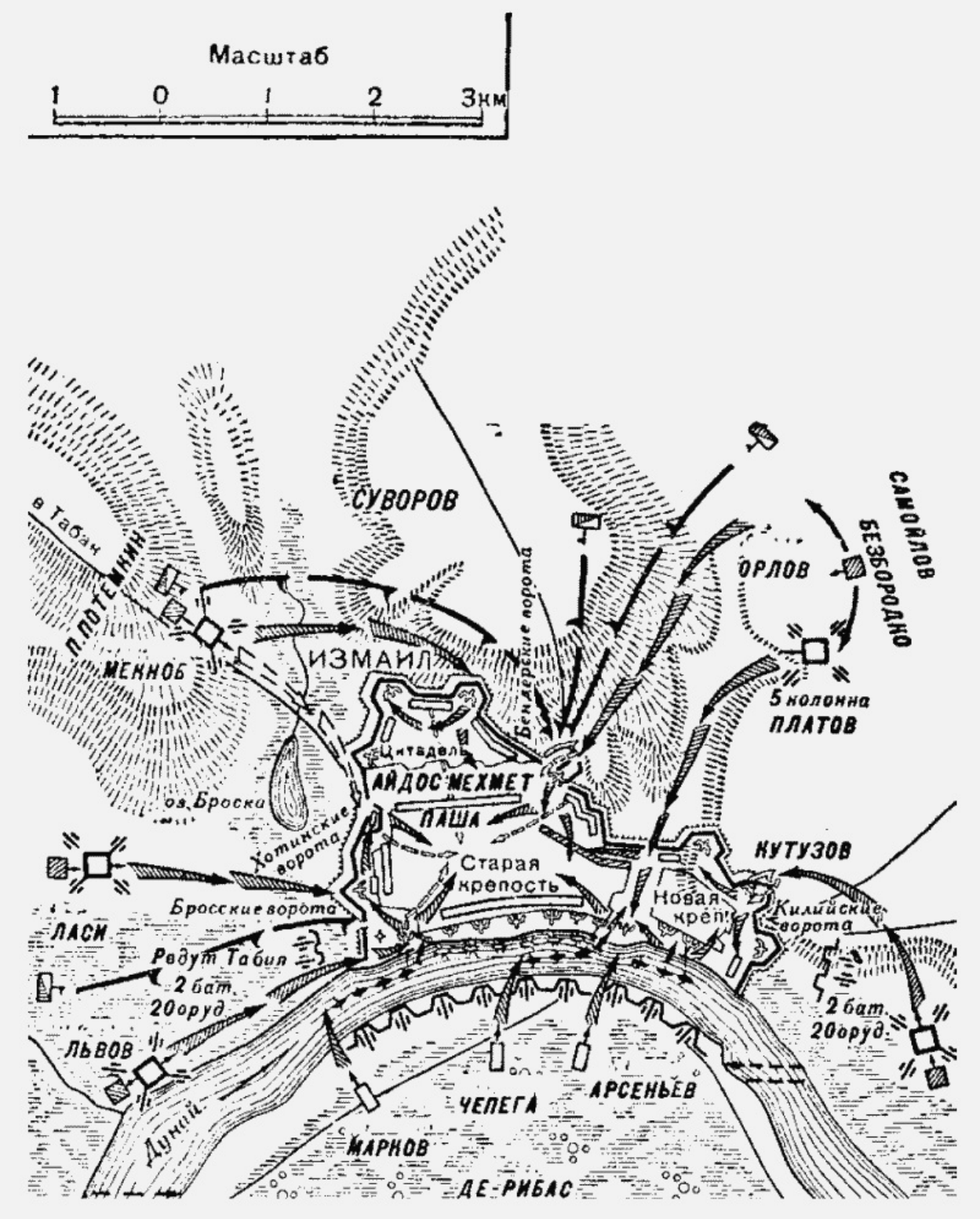
А вот 30 ноября по требованию Головатого во флотилию отпущено ядер 18-фунтовых — 284, 12-фунтовых — 372. Таким образом, запорожские лодки с 18-фунтовыми и 12-фунтовыми пушками представляли собой уже классические канонерские лодки или канонерские катера.

Судя по всему, крупные орудия стояли и на 12 трофейных лансонах, находившихся в подчинении Головатого.

19 ноября работы по возведению батарей на острове Чатал продолжались. Для отвлечения внимания турок от этих работ вечером того же дня флотилия Де-Рибаса и суда запорожских казаков приблизились на пушечный выстрел к Измаилу и открыли огонь, наносивший урон крепости и особенно турецкой флотилии.

Для уничтожения последней Де-Рибас на рассвете 20 ноября направил 6 брандеров под прикрытием 6 лодок. Однако сильное течение отнесло брандеры от турецких судов.

К 6 ч 30 мин утра 20 ноября наши батареи на Чатале были закончены и открыли огонь, принудивший турок, бросив суда и очистив редут Табию, искать убежища в крепости. Редут был занят русским десантом, а часть турецких судов уничтожена. Вслед за этим запорожские казаки, высадившись на берег, стали готовиться к атаке береговых батарей. Но в это время из крепости вышла турецкая пехота, и казакам пришлось возвратиться на суда и отплыть к Чаталу.



Штурм Измаила

Турки произвели превосходящими силами несколько отчаянных атак

на редут Табия. В час дня Де-Рибас приказал оставить редут и отплыть под прикрытие батарей острова. Огонь с обеих сторон продолжался до 3 часов дня. В 4 часа турки предприняли высадку на Чатал, но потерпели неудачу.

Со дня своего прибытия к Измаилу и до 20 ноября русская флотилия захватила 77 турецких судов и 124 орудия. 210 неприятельских судов с находившимися на них 340 орудиями были потоплены. Русские потеряли 3 лансона, 87 человек было убито и 238 ранено. Только 20 ноября в бою погибло 30 казаков и один старшина, а 147 казаков и 4 старшины были ранены.

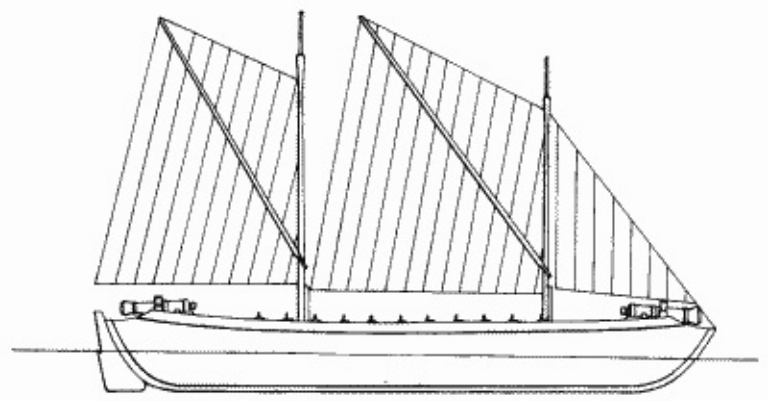
После боя 20 ноября русское командование решило снять осаду с Измаила и отойти. Но 2 декабря к Измаилу прибывает Суворов, а 11 декабря русские войска штурмом взяли эту непреступную твердыню, кстати, модернизированную накануне французскими инженерами.

История штурма Измаила достаточно хорошо известна, при этом действия Дунайской флотилии отодвигаются как бы на задний план. На самом же деле флотилия сыграла важную роль в штурме.

С вечера 10 ноября 567 орудий флотилии открыли огонь по Измаилу и вели его до утра. Со стороны реки почти все турецкие батареи были подавлены, а укрепления сильно повреждены. Вечером 10 декабря Дунайская флотилия понесла серьезную потерю: погибло ее самое крупное судно — бомбардирский корабль «Константин»[313]. В пороховой погреб «Константина» попала турецкая бомба, и он взлетел на воздух. Погиб весь экипаж.

Со стороны реки крепость штурмовал девятитысячный отряд Де-Рибаса, расположенный на острове Чатал. Утром суда флотилии, построившись в две линии, двинулись к крепости. В первой линии было 145 легких судов и запорожских лодок с десантом, а вторую составляли 58 более крупных судов, осуществлявших огневую поддержку. Кстати, суда турок тоже имели мощную артиллерию. Так, у самого берега стоял шактия с 18 пушками калибра 36 и 48 фунтов.

На правом фланге высадилась колонна генерал-майора Арсеньева в составе трех батальонов пехоты и двух тысяч запорожцев; в центре десантировалась колонна бригадира Чепиги с тремя батальонами пехоты и тысячей запорожцев, а слева — колонна секунд-майора Маркова с тремя батальонами пехоты и тысячей запорожцев. В ходе упорного боя все три колонны ворвались в город. В ходе штурма на судах флотилии (без десанта) было убито 97 запорожцев и 283 ранено.



Судно Дунайской казацкой флотилии, вооруженное двумя пушками

Турок и татар (комбатантов) было убито как в Измаиле, так и на судах флотилии 25 тысяч, а 9 тысяч взяты в плен. Потери же гражданских лиц в те времена афишировать было не модно. В крепости было взято 245 орудий, из них 9 мортир. Кроме того, на берегу было захвачено 20 орудий и 8 лансонов.

После штурма Де-Рибас поставил запорожцам крайне неприятную задачу: отправить барказы, «дабы с берегов крюками оттаскивать на середину мертвые тела, которые бы течением снесло вниз»[314], а запорожским судам, равно как и всей флотилии, отойти выше по течению от Измаила во избежание заражения личного состава водой близ взятой крепости. Дунай был буквально забит трупами турок.

В следующем, 1791 году генерал-майор Де-Рибас, командовавший флотилией, действовал не менее удачно, поддерживая наступление сухопутных войск. Флотилия охраняла берега, переправы сухопутных частей, наводила мосты, в том числе у Галаца.

В марте 1791 г. флотилия участвовала в рейде на Браилов отряда генерал-лейтенанта Голицына. Утром 30 марта 50 судов Дунайской флотилии под командованием капитанов 1-го ранга Поскочина и Лаврова высадили Днепровский полк. Далее русские суда подавили огонь турецкой береговой батареи на полуострове Кунцефан. 31 марта судовая артиллерия, а также пушки десанта бомбардировали Браилов. Городу были причинены большие разрушения. Кроме того, были потоплены турецкие суда: три канонерские лодки и четыре бомбарды[315]. Утром 1 апреля Голицын вернул десанты на суда и благополучно возвратился на левый берег Дуная.

В ночь на 23 июня Дунайская флотилия производила переправу через Дунай войск князя Голицына в четырех верстах выше Галаца на полуостров Кунцефан. Из-за сильного ветра и течения переправа длилась

всю ночь и весь день 23 июня. Турецкая флотилия в числе 50 судов пыталась атаковать русскую Дунайскую флотилию, но была обращена в бегство. При этом шесть турецких гребных судов были потоплены.

Действия Дунайской флотилии в 1790–1791 гг. оцениваются в «Военной энциклопедии» 1912 г. как «лучший пример согласованных по общему плану действий армии и флота»[316].

Глава 8
Как на Кубани встретились запорожцы с некрасовцами

Войско «верных» запорожцев, созданное Потемкиным, принципиально отличалось от старого Запорожского войска не столько большей зависимостью от царских генералов, сколько отсутствием базы для существования — собственной земли.

В ходе войны 1787–1791 гг. Екатерина II и Потемкин попытались исправить такое положение и выделили черноморским казакам земли на Днестре и на побережье черного моря в районе устья Днестра. Казаки поспешили воспользоваться этим и стали селиться на отведенных им землях. За короткое время они основали здесь 25 крупных селений — куреней и хуторов. Селение Слободзея стало местом пребывания коша и войскового правительства — атамана, судьи и писаря. Были учреждены даже три полноценные паланки: Поднестрянская, Березаньская и Кинбурнская.

5 октября 1791 г. умирает князь Потемкин-Таврический — главный гетман и в то же время главный покровитель запорожских казаков. А заканчивал переговоры с Турцией уже граф Безбородко. 29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мирный договор с Оттоманской империей.

Договор подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., Акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России и все другие предшествующие русско-турецкие соглашения. Новая граница между договаривающимися сторонами устанавливалась на юго-западе по Днестру. В соответствии с договором правительство Турции отказывалось от претензий на Грузию; обязалось не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских и кубанских земель.

Как и Кючук-Кайнарджийский мир, Ясский мирный договор не удовлетворял ни Россию, ни Турцию. Окружение султана не могло примириться ни с потерей Крыма и Очакова, ни с русским флотом на Черном море.

Россия же ногою твердою встала у Черного моря, но так и не получила права свободного выхода из него. Для нашего флота Черное море стало озером. А в любой момент из Босфора могла выйти турецкая или иная неприятельская эскадра, напасть на русские города на побережье и

высадить десант.

Не были довольны миром и народы, жившие вблизи Черного моря. Крымские татары мечтали вырезать на полуострове гяуров и вновь начать грабежи русских и украинских земель. Горцы на Кавказе также хотели избавиться от русских, а греки и славяне, населявшие Балканский полуостров, в свою очередь, мечтали избавиться от турок и обращали взоры на Россию.

Ясский мир, подобно Кючук-Кайнарджийскому должен был стать лишь передышкой между войнами. Однако ход событий изменили большие перемены в Париже и Петербурге.

Екатерина II и ее правительство понимали, что запорожские, то есть, пардон, черноморские казаки на Днестре не нужны. За Днестром не было разбойников — крымских татар. Ни балканские славяне, ни молдаване не собирались нападать на русские владения. И наоборот, рейды через кордон буйных казаков могли только осложнить внешнюю политику России.

И вот в самом начале 1792 г. императрица приказывает переселить запорожцев на Таманский полуостров. Его тогда называли Таманский или Фанагорийский остров, поскольку он был отделен от суши морем, а также рукавами и протоками реки Кубани.

Запорожцы отправили на остров войскового есаула Мокия с командой. Доклад есаула по возвращении был неутешительным: сей «остров» был мал для помещения на нем всего войска.

Тогда войско отправило в Петербург депутацию во главе с Антоном Головатым. Казаки решили пойти на хитрость — просить императрицу отдать им во владение Тамань с окрестностями, а окрестности эти раз в 30 превышали сам полуостров. Депутация блестяще выполнила свою задачу, а особенно постарался Антон Головатый. «Пустив в ход и свое знакомство с сильными людьми, и малорусскую песню, и бандуру, и чудачество казака-малоросса, этот замечательно умный и ловкий человек настолько успешно довел до конца возложенное на него дело, что главнейшие желания войска были занесены в жалованную грамоту в подлинных почти казачьих выражениях»[317].

Печать Черноморского войска (1792 г.)

30 июня 1792 г. Екатерина II пожаловала грамоту Черноморскому казачьему войску. Там говорилось: «…пожаловали оному в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию, со всей землей, лежащею на правой стороне реки Кубани, от устья ея к Усть-Лабинскому редуту, так чтобы с одной стороны река Кубань, а с другой же Азовское море до Ейского городка, служили границею войсковой земли…

Все состоящее на помянутой Нами пожалованной земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли, остаются в точном и полном владении и распоряжении Войска Черноморского, исключая только мест для крепости на острове Фанагория и для другой при реке Кубани, с подлежащей для каждой выгоном, которыя для вящшей Войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имеют.

Войску Черноморскому предлежит бдение и стража от набегов народов закубанских.

На производство жалованья кошевому атаману и войсковым старшинам по приложенной росписи, на употребляемые к содержанию стражи отряды и прочие по Войску нужные расходы, повелели Мы отпускать из казны Нашей по 20 000 рублей в год…

…позволяем Войску Черноморскому пользоваться свободною

торговлею и вольною продажею вина на войсковых землях»[318].

На радостях Антон Головатый, а он был еще и поэт, сложил 10 августа 1792 г. песню:

Ой годі нам журитися,
Пора перестати.
Дождалися от цариці
За службу заплати.

Дала хліб, сіль І грамоти
За вірния служби,
От тепер ми, милі браття,
Забудем всі нужди.

В Тамані жить, вірно служить,
Гранию держати,
Рибу ловить, горілку пить,
Ще й будем богаті.

Да вже треба й женитися,
І хлібв робити,
Хто прійде к нам з невірних
То, як врага, бити.

Слава Богу І цариці,
І покой гетьману!
Злічили нам в сердцах наших
Великую рану[319].

В этой песне нам интересно не только настроение казаков, но и язык их общения. Пусть попробует ребенок в современной киевской школе заговорить на таком языке. На него тут же заорет учитель: «Балакай на радной мове», язык же запорожцев объявит в лучшем случае суржиком, а скорей всего, «московской мовой».

16 августа 1792 г. от Станиславской косы в районе Гаджибея отошла флотилия черноморских казаков в составе 51 морской лодки. На лодках находилось 2813, а по другим сведениям 3247 казаков. Флотилия сопровождала 11 транспортных судов Дунайской флотилии. С моря

флотилию прикрывали несколько крейсерских судов, так в Черноморском флоте именовались греческие пират…, пардон, корсарские суда, плававшие под Андреевским флагом.

25 августа все морские лодки с казаками благополучно пришли на Тамань. Позже туда прибыло еще несколько тысяч казаков и членов их семей. Так запорожцы обрели свою новую родину.

В 1794 г. войсковое правительство издало «Порядок общественной пользы»[320], в котором, «вспоминая первобытное войска под названием запорожцев состояние», постановило: «Быть в сем войске войсковому правительству из кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря для управления на точном и непоколебимом основании всероссийских законов; ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов при реке Кубани и Карагунском Куте воздвигнуть град, наименовав его в честь всемилостивейшей государыни Екатеринодар», «ради собрания войска, устроения довлеемого порядка и прибежища казаков» выстроить в городе Екатеринодаре сорок куреней, причем 38 дать те же названия, что были в Сечи, а два куреня назвать: Березанский по имени крепости, взятой черноморскими казаками у турок, и Екатериновский в честь императрицы; все войско расселить куренными селениями, «где какому куреню по жребию принадлежать будет». В каждом курени ежегодно 29 июня избирался куренный атаман. Куренные атаманы обязаны были находиться при куренях, давать наряды по службе, а также устно разбирать маловажные ссоры и драки, «а за важное преступление представлять под законное осуждение войсковому правительству».

«Для заведения и утверждения во всей войсковой земле благоустроенного порядка» ее разделили на пять округов с собственным окружным начальством. Округа получили названия: Екатеринодарский, Фанагорийский, Бейсугский, Ейский и Григорьевский. В четырех последних были выстроены города Фанагрия, Бейсуг, Ейск и Григорьевск.

Дальнейшая история кубанских казаков — очень серьезная тема, достойная отдельной монографии, поэтому я здесь закончу свой рассказ о судьбе потомков запорожцев. А в завершении упомяну о судьбе некрасовцев, судьба которых почти три века переплеталась с судьбой запорожцев. Некрасовцы постепенно возвращались в Россию и тоже поселялись на Кубани.

В 1806 г. из-за Дуная в русские пределы вышел отряд некрасовцев из поселения Чебурашев с атаманом Майдобуром. Они стали ядром вновь созданного Усть-Дунайского Буджакского казачьего войска. Через два года

это войско было расформировано, и часть казаков отправлена на Кубань. Общее их число неизвестно, но в донесении поручика Юматова от 24 апреля 1808 г. говорится, что он привел в Екатеринодар 14 офицеров и 401 казака в возрасте от 20 до 80 лет. Вполне вероятно, что среди них были и те, кто хорошо помнил Кубань до ухода на Дунай.

Как мы помним, главным заветом Игната было «не возвращаться в Россию при царе». Понятно, что некрасовцы с надеждой восприняли весть о свержении самодержавия и постепенно стали возвращаться на родину. Так, в 1921 г. по указанию Совнаркома некрасовцы на Кубани основали поселок на 76 дворов недалеко от станицы Приморско-Ахтарской.

Возвращение последних последователей Игната стало почти триумфом. 26 сентября 1962 г. в Стамбуле на пристани советский консул вручил некрасовцу Петру Стеклову красное знамя, и 999 последователей Игната поднялись на борт лайнера «Грузия». Но на Кубань прибыло 1000 некрасовцев. Тысячный реэмигрант, названный Семеном, родился на борту «Грузии».

Немного настроение казакам подпортило турецкое правительство, которое не разрешило вывезти из Майноса, последнего приюта некрасовцев, в общей сложности 107 икон древнего письма, 90 старопечатных книг, шесть колоколов, всю церковную утварь, мотивируя это тем, что за давностью лет все эти предметы являются национальным достоянием Турецкого государства. В настоящее время все это содержится в научном отделе при храме Св. (Айя) Софии в Стамбуле.

Н. С. Хрущев, рьяно боровшийся с «опиумом для народа», на сей раз сделал исключение и выделил некрасовцам деньги и место для постройки церквей. И казаки немедленно приступили к возведению храмов: в поселке Новокумском — Успенского, а в Кумской долине — Троицкого, то есть тех самых приходов, которые у них оставались еще в Турции.

Благожелательно отнеслась к раскольникам и Русская православная церковь. Патриарх Алексий I удивил всех, сказав некрасовским священникам: «Вы ничего не меняйте в своих обрядах. Как молились, так и молитесь». И направил их в центр старообрядчества на Рогожское кладбище в Москве. «Посещая православные храмы на Ставрополье, в Москве, мы чувствовали, что что-то не то, — вспоминал один из некрасовских священников. — Когда же пришли на Рогожское кладбище, почувствовали, что это родное». Московские старообрядцы помогли некрасовцам с устройством храмов.

Переселившиеся в СССР некрасовцы обязательно крестили детей, при вступлении в брак венчались. Если кто-нибудь из их детей вступал в брак с

представителями окрестного населения, непременным условием со стороны родителей-некрасовцев было требование к жениху или невесте перейти в православие «древнего благочестия». Второе поколение родившихся в России некрасовцев состоит только в смешанных браках. Честность некрасовцев стала аксиомой для окрестного населения. Местные парни с большой охотой берут в жены девушек из некрасовских семей: они и аккуратны, и хозяйственны, и верны своим мужьям.

На Кубанской земле впервые установились дружественные отношения между русскими рыцарями запорожцами и некрасовцами, которых выбросили из нашей истории Петр I и Екатерина II.

Глава 9
Правобережье в составе Российской империи

Убедившись, что все попытки создания в Польше лояльного к России режима обречены на неудачу, Екатерина II согласилась с требованием Пруссии и Австрии отобрать часть земель у Речи Посполитой. После долгих согласований вопроса о территориях, отходящих к участникам раздела, 6(17) февраля 1772 г. в Петербурге была подписана секретная конвенция с Пруссией, а 25 июля (5 августа) — с Австрией.

По этим конвенциям Пруссия получала: всю Померанию, исключая город Данциг с округом. Часть Великой Польши между Вислой на востоке и рекой Ницей (Нитце) на юге, так что она составляла границу между Пруссией и Польшей. Юго-западную часть Восточной Пруссии, включая Мариенбург и Эльбинг. Епископство Вармское и воеводство Кульмское, но без города Торна (Торунь), который остался за Польшей.

Австрия получала: Правобережье реки Вислы от Силезии до Сандомира и до впадения реки Сан, откуда граница шла по прямой линии на Фрамполь до Замостья, а оттуда на город Грубешов и до реки Западного Буга, западнее города Владимира-Волынского. От Западного Буга граница Австрии с Польшей теперь проходила по исторической границе Червонной Руси, которая ныне является границей Польши с Подолией, до окрестностей города Збараж, а оттуда на юг по прямой линии до реки Днестр вдоль небольшой речки Подгорче, которая отделяет незначительную часть Подолии до своего впадения в Днестр. Отсюда граница шла по старой австрийской границе с Молдавией.

Россия получала часть Литвы, то есть Литовского княжества, состоящую из воеводств Полоцкого и Витебского с границей по реке Западная Двина, а оттуда на юг по прямой линии до Орши, и затем граница России с Польшей шла по естественным рубежам по реке Друти до впадения ее в Днепр, а затем по течению Днепра, так что все Левобережье Днепра осталось за Россией и в пределах Белоруссии, и в пределах Малороссии, где сохранялась старая граница — от Лоева по Днепру. Киев (на Правобережье) как анклав сохранялся, как и по миру 1686 г., за Россией.

6(17) августа 1772 г. Екатерина II в Царском Селе подписала «Указ о включении в состав Российской империи отошедших от Польши территорий по первому разделу Польши». Позже эту акцию назовут

первым разделом Польши.

За ними последовал второй раздел Речи Посполитой. 12 (23) января 1793 г. в Петербурге вице-канцлер граф Иван Андреевич Остерман и посланник Пруссии граф Генрих-Леопольд фон дер Гольц подписали секретную конвенцию о втором разделе Польши. Конвенция начиналась традиционно: «Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы…» Ради Троицы Россия получала левобережную Украину и значительную часть Белоруссии. Соответственно, Пруссия получала западную часть Польши, в том числе Данциг и Данцигский округ, а также территорию по линии Ченстохов — Рава — Солдау Австрия во втором разделе Польши не участвовала.

Восстание Костюшко в Польше подтолкнуло трех соседних монархов к новому разделу и к окончательной ликвидации Речи Посполитой. Король Станислав-Август 14 (25) ноября 1794 г. отрекся от престола и 29 декабря по указанию Екатерины II выехал из Варшавы в Гродно. Екатерина велела оплатить все личные долги короля и назначить ему пенсию — 200 тысяч червонцев в год. Пожив некоторое время в Гродно, экс-король перебрался в Петербург. После смерти Екатерины Павел I отдал ему на жительство Мраморный дворец (рядом с Эрмитажем).

Одним из любимых развлечений нового императора было унижение видных деятелей Екатерининской эпохи: Суворова, Орловых и др. В рамках этой политики Павел приставил к экс-королю камергером бывшего русского посла в Польше Штакельберга, который в свое время весьма «непочтительно» обращался со Станиславом-Августом.

Умер экс-король в феврале 1798 г. и был похоронен по «царскому церемониалу». Император Павел присутствовал при его погребении[321].

14 декабря 1795 г. Екатерина Великая издала «Указ о присоединении к России Литвы и Черной Руси». Согласно указу, новая русская граница шла от границы Волыни (верховье реки Припять, севернее польского города Хелм) до Брест-Литовска, а оттуда по течению реки Западный Буг до границы Подляшья (село Янув-Подляски) и отсюда поворачивала в северо-восточном направлении вдоль Подляшской границы до верховьев реки Нарев (Беловежье), и оттуда на север до пересечения реки Неман у Гродно, а затем по течению Немана до пересечения Неманом прусской границы, а далее вдоль старой литовско-прусской границы к Балтийскому морю до города Поланген (Паланга). Все земли к востоку от очерченной линии входили в состав Российской империи и подчинялись генерал-губернатору Литовского края — генерал-фельдмаршалу князю Репнину.

Отходящая к России территория Великого княжества Литовского

разделялась на две губернии с центрами в городах Вильно и Слоним.

Начало XIX в. называется эпохой наполеоновских войн. Французский император попытался создать вассальное государство — Герцогство Варшавское. Результатом этого стало участие примерно 200 тысяч поляков в походе на Россию в 1812 г. Полякам удалось пограбить Москву не хуже, чем 200 лет назад, но вернуться домой удалось в лучшем случае каждому десятому.

Согласно решению Венского конгресса Герцогство Варшавское было передано России. В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституцию образованного в составе Российской империи Царства Польского. Высшую законодательную власть осуществляли сейм, собиравшийся раз в два года, и Государственный совет, действовавший постоянно. Русский император, который одновременно был и польским королем, имел право наложить вето на любое решение сейма. Император назначал в Варшаве наместника либо из лиц царской фамилии, либо кого-то из поляков. Конституция вернула многие польские исторические традиции: деление на воеводства, коллегиальность министерств (их функции выполняли правительственные комиссии) и воеводских властей. Согласно конституции формировалось польское войско, административное и судебное делопроизводство должно было осуществляться на польском языке. Провозглашались неприкосновенность личности, свобода слова и печати. Военную службу следовало отбывать в пределах Царства Польского, то же положение распространялось и на тюремное заключение.

Некоторые авторы козыряют тем, что в Царстве Польском правом голоса обладали около ста тысяч человек, то есть больше, чем было избирателей во Франции времен Реставрации. На самом деле это связано не с демократичностью царя, а с большим процентом дворян в Польше, чем во Франции. Таким образом, даже голодный шляхтич был избирателем, а богатый крестьянин — нет.

Тем не менее на 1816 год польскую конституцию можно считать самой либеральной в Европе, после британской. Русское либеральное офицерство и дворянство тщетно надеялось на введение аналогичной конституции в остальных частях империи.

Польские историки вовсю обличают «четвертый раздел Польши», но сможет ли кто-нибудь из них привести пример столь спокойного существования Польши за 15 лет, как в 1815–1830 гг.? Без рокошей, конфедераций, вторжений иностранных войск, «междусобойчиков» магнатов с применением артиллерии и т. п. не проходило ни одного десятилетия с 1700 г. Риторический вопрос, жилось ли в 1815–1830 гг.

этническим полякам в Пруссии и Австрии лучше, чем в Царстве Польском?

Экономика Польши в 20-х гг. XIX в. переживала небывалый подъем. Тем не менее недовольные паны, а их (включая голозадых) в русской Польше было до 20 процентов от всего населения, мечтали о мятежах и воссоздании Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Результатом стали восстания 1831 г. и 1863 г. Рассказ о них выходит за рамки нашей работы. Я лишь отмечу, что в обоих случаях паны надеялись не столько на свои силы, сколько на помощь Западной Европы, то есть на развязывание большой общеевропейской войны. Нет, это совсем не авторское преувеличение. И в 1831 г., и в 1863 г. две могучие монархии — Пруссия и Австрия — были на стороне России и обе не мечтали получить Польшу «от можа до можа». Для появления на карте независимой Польши нужна была мировая война и поражение трех империй.

По поводу раздела Польши Грушевский писал: «Итак, в конце XVIII века украинские земли очутились под властью двух великих держав — России и Австрии, — государств прочно централизованных и бюрократических… Всякая политическая обособленность украинских земель была уничтожена, самоуправление или отменено вовсе, или сведено к размерам самым ничтожным, да и в этих тесных пределах им почти не могли бы пользоваться украинские элементы, так как украинскими остались одни низы общества: темное крестьянство, несознательное, обобранное и лишенное всяких прав, почти такое же убогое мещанство и невежественное и темное сельское духовенство»[322].

Блестящее фальсифицирование истории — 50 % правды и 50 % наглой лжи. Раз Петербург и Вена уничтожили политическую обособленность и самоуправление Правобережной Украины, то оно должно было быть при польском правлении в 1680–1793 гг.? А может, самоуправление было во время Руины, или до восстания Хмельницкого? Как можно лишить население того, чего оно никогда не имело?

Опять же из-за москалей с 1793 г. в Правобережье усилился помещичий гнет, что нам доказывают Грушевский и советские эрзац-историки? Так что, русские завезли с Рязани злыдней-помещиков и раздали им «вольных украинских хлеборобов»? Увы, помещиками на Правобережье остались те же польские паны. Другой вопрос, что русские власти существенно урезали права панов в отношении крестьян, запретили их убивать и т. д. Прекратились налеты вооруженной панской дворни на соседей и небольшие городки, равно как и набеги гайдамаков и крымских татар. Стрельба на Правобережье начнется через 125 лет — в 1918 г. В результате четыре поколения украинцев (!) на обоих берегах Днепра будут

мирно и спокойно жить, чего не было от Рождества Христова!

Оставление польских помещиков на Правобережье стало серьезным просчетом царского правительства. Значительная часть польских панов оказалась причастна к заговорам и мятежам, а конфискация земель у мятежных феодалов была общеевропейской нормой уже много столетий. Верным же панам можно было предложить более богатые поместья в Центральной России. Жадность панов общеизвестна, и уже во втором поколении из польского пана получился бы рязанский или тамбовский помещик с польской фамилией. Соответственно дворяне — уроженцы центральных губерний — могли получить поместья на Правобережье.

Увы, это сделано не было. Еще хуже было оставление на Правобережье сети польских учебных заведений. Замечу, что к 1792 г. там была довольно эффективная система образования, объединившая учебные заведения разного уровня: высшего (университеты), среднего (4–6-классные училища) и низшего (трехклассные школы, в том числе и приходские школы при монастырях).

«На момент присоединения Правобережья к России на территории Подольской губернии действовали пять средних учебных заведений (три государственные академические школы и две при монастырях), а в Волынской — 11 (одна гимназия, семь школ при монастырях и три академические школы), особенно славились Винницкая и Кременецкая академические школы, позже преобразованные в гимназии. Основной контингент учащихся средних учебных заведений, окончание которых давало право поступления в университет, в данном случае — Виленский, составляли выходцы из польской и полонизированной украинской шляхты. В течение 80-х гг. XVIII в. образуется также сеть школ низшего уровня, которых, впрочем, было явно недостаточно для реализации идеи всеобщего просвещения. По данным на 1805 г., в Подольской губернии насчитывалось всего 16 приходских школ (268 учащихся), в Волынской — 28 (505 учащихся), в 1811 г. их было соответственно 24 (488 учащихся) и 62 (1508 учащихся), в 1822 г. — 43 (828 учащихся) и 37 (626 учащихся)…

…После включения Правобережья в Российскую империю царское правительство оказалось перед фактом наличия на данной территории уже сформировавшейся системы образования — польской, которая к тому же намного превосходила по своему уровню российскую. Для ее реорганизации не было ни средств, ни кадров, ни политической воли, тем более что поляки — в первую очередь кн. А. Е. Чарторыйский — являлись весьма влиятельной силой при дворе Александра I. Подолье и Волынь вместе с бывшими белорусскими и литовскими землями Речи Посполитой

в 1803 г. объединились в составе Виленского учебного округа, попечительство которым было вверено А. Чарторыйскому, куратору университета. Руководство деятельностью гимназий осуществлялось им же при содействии инспекторов. Инспектором Подольской, Волынской, а также Киевской губернии с 1803 по 1812 г. был другой не менее известный деятель польского национального движения, Т. Чацкий»[323].

В 1805 г. по инициативе Чацкого в Кременце была создана Волынская гимназия, а в 1818 г. ее преобразовали во второй в России (после Царскосельского) лицей. В 1814 г. на Правобережье, в Виннице, на базе академической школы открылась еще одна польская мужская гимназия — Подольская. После преобразования в ней стало шесть классов вместо четырех, были учреждены два подготовительных класса. Преподавание в лицее велось на польском языке.

Таким образом, и после крушения Речи Посполитой Правобережная Украина осталась под властью польских панов, дворянство и горожане говорили по-польски и находились под влиянием польской культуры.

Большинство поляков в Правобережье ненавидело русских, хотя многие старательно это скрывали. Поэтому они всеми силами настраивали местное население против царской администрации, русского языка и русской культуры. Поляки доказывали населению, что они не русские, а принадлежат совсем к другой национальности. Кстати, именно ляхи придумали национальность «украинец». До 1792 г. ни один житель Малороссии, Волыни или Галиции никогда не называл себя украинцем, а только русским или русином.

Лишь в царствование Николая I на Правобережье постепенно вводится обязательное изучение русского языка, а в гимназиях ксендзов сменяют православные священники.

После подавления польского восстания 1831 г. ликвидируется система польского образования. В 1832 г. закрывается Виленский университет, а вместе с ним и большинство академических школ, пансионов для девочек и т. д., которые рассматривались как «очаги латинско-польской пропаганды»[324]. Лицей в Кременце также закрывается, а на его базе в Киеве создается русский университет святого Владимира, одной из задач которого стало противодействие польскому влиянию на Правобережье. Увы, в 60-х гг. XIX в. в Киевском университете около 70 % студентов были этническими поляками.

В Виннице закрывается польская гимназия и открывается русская. В 1837–1839 гг. ликвидируются приходские школы, а те средние школы,

которые содержали католические монахи, преобразуются в православные семинарии, как было, например, в Шаргороде. Одновременно появляются новые русские гимназии и начальные школы, к примеру, в Немирове.

«Однако наладить эффективную систему начального образования на Украине российскому правительству так и не удалось, несмотря на то, что у русской школы был мощный союзник в лице православной церкви. Причина крылась в недостатке как средств, так и русских учителей, способных заменить поляков, а отсюда мизерное количество школ, а также отсутствие продуманной программы народного просвещения»[325]. К сожалению, польскому дворянству и польским учителям удалось посеять ростки ненависти к России среди определенной части населения Правобережья.

Глава 10
Тарас Шевченко — портрет без ретуши

Одним из неотъемлемых атрибутов тоталитарного государства является идолопоклонство, то есть культ людей, которые являются как бы ангелами-хранителями режима. Старшее поколение помнит, как по всему Союзу ставили десятки тысяч памятников Ленину, в каждом городе были площади, проспекты и улицы его имени. Естественно, что у части населения это вызывало раздражение, а у другой — приступы остроумия. Каюсь, что я и сам на пикниках до 1991 г., поднимая первый тост, выдавал: «Хорошо пить на природе, где не виден бюст Володи!»

Рухнул СССР, на Украине вроде бы цветет и пахнет демократия, но поводов для анекдотов и забавных тостов вполне хватает. Страну охватила эпидемия «шевченкомании».

Буквально в каждом городе ставят ему памятники, называют его именем улицы, проспекты, скверы.

Почему район лучших одесских пляжей стали называть парком Шевченко? С какой стати? Там что, Тарас Григорьевич купался? Или, может, среди одесситов референдум провели, и они все единогласно проголосовали за подобное переименование?

Объективности ради следует сказать, что культ Шевченко начали создавать злыдни москали-большевики. В 1960 г. у гостиницы «Украина» в Москве установили огромный и несуразный памятник Тарасу Григорьевичу. Замечу, что памятников такого размера у нас нет ни Пушкину, ни Льву Толстому, ни Чехову, ни Гоголю. Кстати, сейчас на Украине количество памятников Шевченко превышает число памятников, поставленных в России в честь Пушкина, Лермонтова, Чехова, Гоголя и всех трех Толстых. Зато спросите парижанина, лондонца или берлинца, кто такие Толстой, Чехов, Достоевский и кто такой Шевченко…

Мы с женой где-то пять или шесть раз, с 1987 г. по 1999 г., становились жертвами шевченкомании. Мы за весьма приличные деньги брали турпутевки на теплоходные круизы из Киева по Днепру и Черному морю. Путешествие в общем прекрасное, но каждый раз мы по целому дню стояли на причале у Канева, но ни разу не попали в этот древний русский город со знаменитым Георгиевским собором постройки 1144 г., могилой писателя Аркадия Гайдара и другими достопримечательностями. В чем же дело? Пристань находится в нескольких километрах от города, куда не

ходит ни автобус, ни иной вид общественного транспорта. Правда, какие-то щирые «Козлевичи» предлагают туристам свои «Лорен Дитрихи» для поездки в Канев, но и цена, и вид «Козлевичей» отпугивают большинство туристов.

В итоге приходится строиться в колонны и маршем идти на гору к могиле незабвенного Тараса Григорьевича, куда, по сведениям современного путеводителя, руководство Украины регулярно совершает ритуальные паломничества.

Нас с супругой перспектива потратить день на осмотр одной могилы, даже если бы там лежал сам Александр Македонский, явно не прельщала, и мы весь день проводили на пустынных песчаных пляжах недалеко от пристани.

Откуда же возник культ Шевченко? Перефразируя Вольтера, можно сказать: «Если бы Шевченко не было, то его стоило бы выдумать». В начале XIX в. в среде аристократов, а позже и в среде разночинцев возник культ мужика. Молодые денди и барышни желали видеть в «пейзанах» (они же поселяне) свой идеал. В театре ставились пьесы, где среди «пастухов» и «пастушек» разыгрывались любовные драмы. Публика плакала, но, вернувшись домой, никому не приходило в голову дать вольную дворовым.

Вспомним «энциклопедию русской жизни» — «Войну и Мир». В 1806–1808 гг. княжна Марья Болконская порывается идти в народ, хочет стать странницей и уже купила крестьянскую одежду. Пьер Безухов ради улучшения жизни крестьян пытается провести реформы в своих имениях. Андрей Болконский едко высмеивал начинания Пьера, но сам засел за первую часть «Гражданского уложения» и стал напряженно работать над составлением отдела «Права лиц».

Но вот страдавший от безделья Андрей встречает Наташу Ростову, и все становится на свои места. «Он вспомнил о своей законодательной работе, о том, как он озабоченно переводил на русский язык статьи римского и французского свода, и ему стало совестно за себя. Потом он живо представил себе Богучарово, свои занятия в деревне, свою поездку в Рязань, вспомнил мужиков, Дрона-старосту и, приложив к ним права лиц, которые он распределял по параграфам, ему стало удивительно, как он мог так долго заниматься такою праздною работой»[326].

Однако Андрей Болконский был не типичен, для большинства русского общества увлечение «ля мюжик рюс» не только не проходило, но и усиливалось. Посредственные поэты и художники из народа выдвигались на пьедесталы.

Аналогичная картина наблюдалась и в Малороссии. Тут увлечение

мужиком сочеталось с местным сепаратизмом. Тот же Грушевский писал: «Эти серые простые крестьяне, крепостные мужики, на которых украинское панство, помазавшись великорусской культурой, до сих пор смотрело очень свысока, оказывалось, обладали драгоценными сокровищами поэзии, являлись творцами произведений, которым знатоки отводили место наряду с высочайшими образцами европейского поэтического творчества. В устах крестьянина уцелела память об украинском прошлом, о казацкой славе, забытой интеллигенцией, и самый язык, в освещении новых взглядов на народную жизнь, являвшийся драгоценным сокровищем, — им тоже обладало только крестьянство. В глазах нового поколения украинской интеллигенции украинский серый люд, таким образом, стал истинным носителем красоты и правды жизни, к которому надлежало всячески приблизиться, чтобы позаимствовать от него красоту и правду, заключенную не только в произведениях народной словесности, но и в самой народной жизни, и в этой последней найти истинное содержание для литературного творчества»[327].

Каков пафос! Эх, попал бы в 1919 г. наш профессор к «носителям красоты и правды» жизни из «повстанческой армии Махно» или десятков других банд — любо-дорого было бы посмотреть на него и послушать, чтобы он стал плести.

А. Царинный в статье «Украинское движение» писал: «…в Малороссии появилась так называемая „хлопомания“, то есть стремление к сближению с простым народом в языке и в формах жизни и быта, чтобы как бы извиниться перед ним за прежнее к нему пренебрежение. Молодые люди и девушки из образованных семей стали одеваться по-мужицки — в свитки, запаски, корсетки, — стали говорить между собою по-малорусски, ходить на досвитки и вечерницы, куда собиралась для развлечения сельская молодежь. Хотели как бы стереть всякую разницу во внешности между паном и хлопом. В городах по образцу сельских общественных сборищ завели „громады“ — для изучения народной души в ее словесных произведениях — песнях, сказках, легендах, пословицах и поговорках, — народного быта и хозяйства и для совместного обсуждения политических и общественных вопросов. Некоторые молодые мужчины в своем энтузиазме доходили до того, что женились на сельских девушках, по образцу Сагайдачного и Параси в повести Кулиша „Майор“, чтобы кровно породниться с простым народом и вывести новое поколение людей — без панских предрассудков. Этому течению поддавались даже и немалороссияне по происхождению; так, например, известный художник Лев Жемчужников, гостя в селе Линовице Пирятинского уезда в семье

графа де Бельскне, по идее женился там на простой сельской дивчине. Из польской аристократической среды богатый киевский помещик Фаддей Рыльский также идейно вступил в брак с крестьянской дочерью Меласей. Такие поступки считались тогда гражданскими подвигами, о них с большим интересом говорили в молодых кружках, и о героях подобных романов слагались целые легенды. В „хлопомании“ нельзя не подметить сильных польских влияний»[328].

Правда, Царинный имеет в виду 60-е гг. XIX в., но началось это уже в 30-х гг. Шевченко был нужен хлопоманам, и он явился.

В 1814 г. в семье крестьянина Григория Шевченко в Звенигородском уезде Киевской губернии родился сын Тарас. Историк А. Царинный проводит любопытную аналогию: «Почти одновременно в соседних Таращанском и Ливовецком уездах в двух очень бедных, но свободных семьях польских появились на свет также мальчики с большими поэтическими дарованиями — Северин Гощиньский и Богдан Залеский. По судьбе этих трех людей можно судить, какие хлебы выпекала тогда историческая печь на юго-западе России. Все трое дышали в детстве одним и тем же благорастворенным воздухом киевских степей, получали почти одинаковые впечатления от картин природы и быта окружающего населения. Сохранились рисунки хат, в которых родились Шевченко и Залеский, и по внешности эти хаты ничем не отличаются одна от другой. Но вот наступили для мальчиков школьные годы. К услугам Гощиньского и Залеского по всему краю рассеяны были польские поветовые и базилианские училища. В Уманском базилианском училище они получили весьма удовлетворительное среднее образование. Здесь напитали их польским патриотизмом, несмотря на то что вокруг Умани жил русский народ, и внушили, что это народ не русский, а украинский, как бы разновидность польского. Свою родную Киевщину они мыслили неотъемлемой частью Польши. Переселившись в Варшаву, Гощиньский и Залеский скоро выдвинулись как даровитые поэты. Лучшая поэма Гощиньского „Замок Канёвский“ имеет темой ужасы гайдамачества 1768 года. От нее пахнет дымом зажженных гайдамаками пожаров и кровью, пролитой гайдамацким зверством. Но поэт не восторгается этими ужасами как проявлением революционного духа, подобно современным большевикам, а пишет о них с содроганием и отвращением. Элементы поэзии Залеского, по его собственному выражению, — Бог, природа, славянство, Польша, Украина. За звучность стихов современники прозвали его „украинским соловьем“. Гощиньский и Залеский были главными представителями так называемой украинской школы в польской поэзии. В

1831 году они приняли деятельное участие в польском восстании против России и после неудачи его эмигрировали за границу. Откуда не возвратились до самой смерти»[329].

Шевченко в молодости. Автопортрет. 1843 год

Тарас же получил иное образование и «пошел другим путем». Учился он у местных дьяка и маляра. Потом был взят «казачком» в лакейскую своего хозяина — полурусского, полуполяка Энгельгардта.

Хозяин заметил любовь Тараса к рисованию и отправил его учиться живописи в Варшаву.

В связи с началом польского восстания 1831 г. Шевченко вернулся в имение Энгельгардта, но ненадолго. Его опять послали учиться, на сей раз в Петербург. Там малороссийский самородок попал под покровительство известных художников и скульпторов И. М. Сошенко, И. П. Мартоса и Карла Брюллова. Через Брюллова Шевченко стал известным поэту и воспитателю наследника престола В. А. Жуковскому, который при участии

императрицы Александры Федоровны в 1838 г. устроил выкуп Шевченко на волю из крепостной зависимости от его хозяина Энгельгардта. Любопытно, что позже Тарас Григорьевич отблагодарит Александру Федоровну в своем стихотворении, назвав ее… сукой. Вместе со свободой Шевченко получил право поступить в Академию художеств и сделался одним из ближайших учеников «великого Карла», как называли Брюллова его почитатели.

Как писал А. Царинный: «Мартос и Гребенка выбрали из вороха стихов Шевченко те, которые им нравились и удовлетворяли эстетическому чувству, и литературно их обработали. Это собрание подправленных стихов Шевченко вышло в свет в 1841 году под заглавием „Чигиринский кобзарь“.

Покровители Шевченко в Петербурге принадлежали к либеральным кругам русского общества и горячо желали скорейшего освобождения русского крестьянства из тисков крепостной зависимости. Шевченко заинтересовал их не столько сам по себе, сколько как живой протест против крепостного права. Указывая на него, они могли говорить правительству и обществу: смотрите, сколько подобных Шевченко талантов рассеяно в толще крестьянства, и все они бесплодно погибают от невозможности свободно и правильно развиваться в условиях зависимости от произвола владельцев. Дайте крестьянству свободу, и таланты из его среды станут нормально подниматься вверх, освежать высшие круги и работать в пользу родины. Покровители Шевченко закрывали глаза на его пороки, готовы были все свои дарования подставить под его личность, чтобы только подчеркнуть на его примере весь ужас пережившего свой внутренний смысл крепостного права.

Позднее литературную деятельность Шевченко взял под свое попечение П. А. Кулиш, человек хорошо образованный и талантливый, и лучшие произведения Шевченко 1840-х и 1850-х годов были редактированы П. А. Кулишем. По собственному выражению Кулиша, он „дороблював недороблене“, то есть отделывал произведения Шевченко так, что они получали вполне приличный литературный вид. Иногда эта отделка доходила до того, что Кулиш прямо писал за Шевченко. Так, например, случилось со знаменитой автобиографией Шевченко, напечатанной в журнале Ишимовой „Звездочка“. Если сравнить рукопись Шевченко, изданную факсимиле профессором Эварницким, с печатным текстом автобиографии, то оказывается, что все те благородные мысли и чувства, все те за душу хватающие картинки, которые мы находим в автобиографии и которые создали ей громкую известность, принадлежат перу Кулиша, а не Шевченко. Печатный Шевченко эпохи предварительной

цензуры — это почти то же, что Кузьма Прутков в русской литературе, — имя, которым прикрылась группа лиц для достижения желаемого воздействия на общество.

В 1843 году Шевченко получил звание свободного художника. Вместо того чтобы ехать за границу для продолжения художественного образования и для усовершенствования живописной техники, как сделал бы на месте Шевченко всякий более культурный человек, он удовольствовался получением места преподавателя рисования в Киевском университете, отправился в Малороссию и здесь загубил шесть лет зрелой жизни (от 34 до 40 лет) в пьянстве с пирятинскими „мочемордами“ Закревскими, с киевским портным Сенгилом и с другими собутыльниками, которых нетрудно было найти в тогдашней пьяной Малороссии. Еще в 1870-х годах на Полтавщине и в Киеве ходили целые легенды о пьяных ночных оргиях с участием Шевченко и о том, как он там для потехи опьяневших приятелей распевал, потушивши свет, циничные („срамные“) песни своего сочинения»[330].

«Ведь он был частым посетителем ресторанов и публичных домов. Адольфинка, мадам Гильде и прочие обитатели домов терпимости часть упоминаются в его дневнике: „Поклонітесь гарненько од мене Дзюбіну, як побачите. Добряга-чоловік. Нагадайте йому про Ізлера і ростягаї, про Адольфінку й прочії дива. Скажіть, що я його частенько згадую“ (1847).

Шевченковеды уже выяснили, что Излер — это хозяин одного из лучших петербургских ресторанов, где народный заступник неплохо питался. Но им еще предстоит выяснить: а не встречал ли Шевченко среди проституток какой-нибудь Катерини, которую „сплюндрували катової віри німота з москалями“»[331].

Любопытно мнение Н. В. Гоголя о Шевченко: «В 1851 году молодой писатель Г. П. Данилевский и профессор Московского университета О. М. Бодянский посетили Н. В. Гоголя (1809–1852). Описание визита находим в работе Данилевского „Знакомство с Гоголем“:

„А Шевченко? — спросил Бодянский. Гоголь на этот вопрос с секунду помолчал и нахохлился. На нас из-за конторки снова посмотрел осторожный аист. „Как вы его находите?“ — повторил Бодянский. — „Хорошо, что и говорить, — ответил Гоголь: — только не обидьтесь, друг мой… вы — его поклонник, а его личная судьба достойна всякого участия и сожаления…“ — „Но зачем вы примешиваете сюда личную судьбу? — с неудовольствием возразил Бодянский; — это постороннее… Скажите о таланте, о его поэзии…“ „Дегтю много, — негромко, но прямо проговорил

Гоголь; — и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши. Да и язык…“ Бодянский не выдержал, стал возражать и разгорячился. Гоголь отвечал ему спокойно. „Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, — сказал он, — надо стремиться к поддержке и упрочнению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгутеров. А вы хотите провансальского поэта Жасмена поставить в уровень с Мольером и Шатобрианом“. — „Да какой же это Жасмен?“ — крикнул Бодянский: — Разве их можно равнять? Что вы? Вы же сами малоросс!“ — „Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, — продолжал Гоголь, останавливаясь у конторки и опираясь на нее спиной, — нетленная поэзия правды, добра и красоты. Я знаю и люблю Шевченко, как земляка и даровитого художника; мне удалось и самому кое-чем помочь в первом устройстве его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки. Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение, одной в ущерб другой, невозможно. Нет, Осип Максимович, не то нам нужно, не то. Всякий, пишущий теперь, должен думать не о розни; он должен прежде всего поставить себя перед лицо Того, Кто дал нам вечное человеческое слово…“ Долго еще Гоголь говорил в этом духе. Бодянский молчал, но, очевидно, далеко не соглашался с ним. „Ну, мы вам мешаем, пора нам и по домам!“ — сказал, наконец, Бодянский, вставая»[332].

Мало кто знает, что Шевченко был арестован не за антиправительственные и русофобские стихи, а за участие в так называемом Кирилло-Мефодиевском братстве. «Это было тайное общество, организованное в Киеве из двух-трех десятков молодых людей, по образцу польского „Славянского общества“, основанного в 1854 году в Париже, среди польских эмигрантов, Богданом Залеским. Почти все более выдающиеся братчики слагали свои политические взгляды и убеждения под сильными польскими влияниями. Душой братства был Гулак, из полтавских дворян, воспитанник Дерптского университета, напитавшийся революционными идеями от польской молодежи, в большом числе собиравшейся в Дерпте после закрытия университетов Виленского и Варшавского. Из прочих Братчиков, кроме Гулака и Шевченко, выделялись

еще своими талантами Костомаров и Кулиш. Оба впоследствии внесли богатые вклады в русскую историографию. Члены братства усвоили себе от поляков мнения графа Яна Потоцкого и графа Фаддея Чацкого, будто русские обитатели бывшей Польши это вовсе не русские, а особый народ украинский, не имеющий ничего более общего с русским народом, кроме родства по славянским предкам. Братство в своей программе развивало грандиозные политические замыслы:

1) отменить крепостное право в России;

2) освободить украинский народ из-под русской власти, а прочие славянские племена — из-под ига тех государств, в состав которых они входят;

3) организовать у всех славян национальные республики на основе всеобщего избирательного права; граждане этих республик, кроме равенства перед законом, должны пользоваться правом бесплатного обучения в правительственных школах своих детей и полной свободой слова, печати, собраний и союзов;

4) объединить все славянские республики в одну общеславянскую федеративную республику с общим федеральным парламентом и правительством»[333].

Мог ли пусть самый наивный вольнодумец в 1848 г. всерьез думать, что идеи «братства» можно осуществить только мирной пропагандой. Даже теоретически это могло быть реализовано в ходе большой общеевропейском войны с миллионами убитых. Именно об этом и мечтали «братишки». Другой вопрос, что и все кровавые войны XX в. не привели и не могли привести к созданию «общеславянской федеративной республики». Вспомним балканские войны начала XX в. В Первую мировую войну славяне там воевали друг с другом. Начиная с 1919 г. по 1945 г. сколько сотен тысяч, если не миллионов людей погибло в украинско-польских сварах. А война в Югославии в конце XX в.! Сам же Шевченко мечтал о крови и насилии. Его любимыми героями были гайдамаки, действовавшие на Правобережье в XVIII в. Спору нет, многие поэты посвящали поэмы знаменитым разбойникам. Но они всегда облагораживали своих героев, опускали сцены насилия и подчеркивали достоинства своих персонажей. А вот Шевченко в восторге:

Всі полягли, всі покотом;
Ні душі живої
Шляхетської й жидівської.
А пожар удвоє

Розгорівся, розпалався
До самої хмари.
А Галайда, знай, гукає:
«Кари ляхам, кари!»
Мов скажений, мертвих ріже,
Мертвих віша, палить.
«Дайте ляха, дайте жида!
Мало мені, мало!
Дайте ляха, дайте крові
Наточить з поганих!
Крові море… мало моря…»

В Умани была католическая школа. Так

…гайдамаки
Стіни розвалили, —
Розвалили, об каміння
Ксьондзів розбивали,
А школярів у криниці
Живих поховали.
До самої ночі ляхів мордували
Душі не осталось…
В общем, на славу
…погуляли гайдамаки,
Добре погуляли.

(Из поэмы «Бенкет в Лисянці»)

1848 год — время нескольких революций в Западной Европе. Риторический вопрос, мог ли Николай I терпеть такое «братство»? Да, кстати, и сейчас на Украине уголовно преследуют за «сепаратизм». Тамошние «органы» расправляются с людьми даже за требование культурной автономии.

Ну а как наказали «братьев»? «Царское правительство поступило по-отечески. Одного Шевченко за глумление в стихах над коронованными особами, за богохульство, кощунство и цинизм определили в солдаты, остальных же разослали по разным городам, чтобы они не могли

поддерживать общения между собою, предоставив им право служить в местных присутственных местах; Костомарова, например, выслали в Саратов, а Кулиша — в Тулу. Оба не прервали там своей литературной деятельности: Костомаров обработал историческую монографию „Богдан Хмельницкий“, а Кулиш — „Записки о жизни Н. В. Гоголя“ и дивные свои „Записки о Южной Руси“ (1856)»[334].

В приговоре было сказано: «Художника Шевченко, за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений…» На подлиннике собственною его величества рукою написано карандашом: «под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать».

Шевченко был определен в Новопетровское укрепление на полуострове Мангышлак, основанное в 1846 г. Гарнизон его состоял из семи тысяч человек. С 1858 г. укрепление получило наименование Форта Александровского; с 1939 г. разросшийся населенный пункт обрел статут города и стал называться Форт Шевченко.

В Новопетровское укрепление помимо Шевченко сослали несколько десятков русских дворян, уличенных в воровстве, богохульстве, особо циничном разврате и т. д., а также несколько десятков дворян-поляков, участвовавших в восстании и заговорах.

Шевченко находился в укреплении с 17 октября 1850 г. по 2 августа 1861 г. Режим для сосланных был более чем благоприятным. Комендант укрепления — сначала А. П. Маевский, потом И. А. Усков — принимали у себя дома рядового Шевченко. Мало того, за сравнительно хорошее вознаграждение он рисовал портреты офицеров и их жен. Как сказано в официальном советском издании «Дневник Т. Г. Шевченко с комментариями Л. Н. Большакова»: «Находясь на Мангышлаке, Шевченко, вопреки царскому запрету писать и рисовать, создал значительное количество пейзажей, портретов, жанровых работ, занимался скульптурой, написал на русском языке повести „Наймичка“, „Варнак“, „Княгиня“, „Музыкант“, „Несчастный“, „Капитанша“, „Близнецы“, „Художник“ и другие. О поэтическом его творчестве в этот период достоверных сведений нет, известно только, что здесь была создана вторая редакция поэмы „Москалева криниця“. 12 июня 1857 года тут было положено начало дневнику».

Военных Шевченко ненавидел особенно: «Когда я начал приходить в

возраст разумения вещей, во мне зародилась неодолимая антипатия к христолюбивому воинству Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего христолюбивого звания. Не знаю, случай ли, или оно так есть в самой вещи, только мне не удалося даже в гвардии встретить порядочного человека в мундире. Если трезвый, то непременно невежда и хвастунишка. Если же хоть с малой искрою разума и света, то также хвастунишка и вдобавок пьяница, мот и распутник. Естественно, что антипатия моя возросла до отвращения. И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито, злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок этого христолюбивого сословия. Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский корпус солдатом…

Не знаю наверное, чему я обязан, что меня в продолжение десяти лет не возвели даже в чин унтер-офицера. Упорной ли антипатии, которую я питаю к сему привилегированному сословию? Или своему невозмутимому хохлацкому упрямству? И тому, и другому, кажется. В незабвенный день объявления мне конфирмации я сказал себе, что из меня не сделают солдата. Так и не сделали. Я не только глубоко, даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приема. И это льстит моему самолюбию… Бравый солдат мне казался менее осла похожим на человека, почему я и мысли боялся быть похожим на бравого солдата»[335].

Представьте себе, что стало бы с современным русским или украинским солдатом, который бы «даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приема».

Но вот в укреплении готовится смотр. Цитирую дневник Шевченко: «А по случаю прибытия сюда этой важной особы остающаяся здесь рота, к которой принадлежу и я, готовится к смотру. Для этого важного грядущего события мне сегодня пригоняли амуницию. Какое гнусное грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции! Неужели и это еще не в последний раз меня выведут на площадь, как бессловесное животное напоказ? Позор и унижение! Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать навытяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина».

Кто же нашему герою «подгонял амуницию»? Может, слуга? Но тот был гражданским лицом. Господа офицеры заставили русских солдат подгонять амуницию «любителю гайдамаков».

Я не поленился и с карандашом прочел дневники Шевченко. И сразу вспомнил Гоголя — один деготь! Николай Васильевич уже умер, когда Шевченко начал писать дневник, но он уже по первым произведениям

определил его истинную сущность.

Шевченко ненавидел всех русских, поляков, евреев, жителей Азии и т. д. Вот приходит весть о том, что он получит отставку, и можно ехать в Европейскую Россию. Запись в дневнике: «Сюда приезжают иногда астраханские флотские офицеры (крейсеры от рыбной экспедиции). Но это такие невежды и брехуны, что я, при всем моем желании, не могу до сих пор составить никакого понятия о волжском пароходстве. В статистических сведениях я не имею надобности, но мне хочется знать, как часто отходит пароход из Астрахани в Нижний Новгород и какая цена местам для пассажиров. Но, увы! При всем моем старании я узнал только, что места разные и цена разная, а пароходы из Астрахани в Нижний ходят очень часто. Не правда ли, точные сведения?»

Замечу, что «экспедицию» возглавлял академик К. М. Бэр. И вот злодей-академик набрал себе брехунов и таких дремучих невежд, что те даже не знают наизусть расписания движения пароходов!

А вот путешествие по Волге-матушке: «Дрянь, никуда не годный портовый город Астрахань». Далее поэт поясняет, что он потерял много времени, но не смог найти там копченой немецкой колбасы.

«Как начал открываться из-за горы город Чебоксары. Ничтожный, но картинный городок. Если не больше, так по крайней мере наполовину будет в нем домов и церквей. И все старинной московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для православия. Главный узел московской старой внутренней политики — православие».

Отвратительны русские города, отвратительна и русская деревня: «В великороссийском человеке есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе улыбающейся матери природы. Великороссийская деревня — это, как выразился Гоголь, наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют. А деревня, как будто нарочно, вырубилась на большую дорогу из-под тени этого непроходимого сада, растянулась в два ряда около большой дороги, выстроила постоялые дворы, а на отлете часовню и кабачок, и ей больше ничего не нужно. Непонятная антипатия к прелестям природы (1857)».

Замечу, что Тараса Григорьевича капитан пассажирского парохода «Пожарский» поселил в своей большой каюте. «В капитанской каюте на полу увидел я измятый листок старого знакомца „Русского инвалида“, поднял его и от нечего делать принялся читать фельетон. Там говорилось о китайских инсургентах и о том, какую речь произнес Гонг, предводитель инсургентов, перед штурмом Нанкина. Речь начинается так: „Бог идет с

нами. Что же смогут против нас демоны? Мандарины эти — жирный убойный скот, годный только в жертву нашему небесному отцу, высочайшему владыке, единому истинному богу“. Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?»

«Русские бояре» кормили и поили Шевченко с юных лет, они выкупили его из крепостной неволи, в укрепление Новопетровское шел нескончаемый поток денежных переводов, посылок с книгами и ширпотребом. По возвращении из ссылки Тараса Григорьевича везде встречали хлебом-солью, кормили-поили. Читая дневник Шевченко, создается впечатление, что путешествуя по Волге он никогда ни за что не платил.

Замечу, что дневник, который поэт вел для себя лично, написан на русском языке и лишь изредка сбивается на суржик. Дневник написан на уровне приказчика 60-х гг. XIX в. или, по крайней мере, провинциального барина, но никак не похож на путевые заметки маститого писателя.

Сейчас самостийники подвергают цензуре самого Шевченко. Ну а что делать? Вот в поэме «Гайдамаки» он пишет:

Розбрелись конфедерати,
По Польщі, Волині,
По Литві, по Молдованах
І по Україні.

Украина здесь — Поднепровье, а Волынь — не Украина. В своем дневнике Шевченко употребляет термин «Украина» всего три раза, термин «Малороссия» встречается девять раз. Даже в своих письмах, притом написанных по-малорусски и адресованных малороссам (например, Бодянскому), поэт употребляет термин «Малороссия».

Поэтов и художников, как правило, оценивают по качеству их произведений. Но бывают и исключения, когда самые посредственные произведения становятся «агиткой» и используются для разжигания политических страстей. Дабы не обижать украинцев, приведу пример из российской политики. В 60-х–70-х гг. XIX в. — это «Что делать?» Чернышевского, творчество Степняка-Кравчинского; в 30-х–40-х гг. XX в. — труды Фурманова, Фадеева; сейчас — «Котлован» Платонова, труды Солженицына.

Такие труды цитируются на митингах, в погромных листовках, их заставляют учить школьников. Но спросите бедных школяров, что они

думают о всех вышеперечисленных авторах?

Русских писателей Пушкина, Толстого и Чехова, равно как и малоросса Гоголя, люди читали и будут читать всегда — вечером перед сном, на даче под вишнями, на палубе туристического теплохода, а этих…

Пушкин дал прекрасный монолог Гришки Самозванца:

> …ни король, ни папа, ни вельможа
> Не думают о правде слов моих.
> Димитрий я иль нет — что им за дело?
> Но я предлог раздоров и войны.

Перефразируя поэта, скажу, что самостийники и русофобы всех стран не думают ни о правде слов Тараса Григорьевича, ни о художественной ценности его творений. Он лишь предлог раздоров и войны.

Уберите из творений Шевченко русофобию, богохульство и злобу. Что останется в осадке…

Глава 11
Русско-украинская война в Галиции

Полученные в 1772 г. по первому разделу Польши земли австрийские власти объединили в «Королевство Галицию и Лодомерии с Великим герцогством Краковским». Две трети населения этих территорий составляли русские или, как их называли австрийцы, русины, а треть — поляки. К середине XIX в. там было 43,7 % русских и 11,8 % евреев.

На присоединенных к Австрии землях польские законы были отменены, а шляхтетские сеймы распущены. Взамен была учреждена Ассамблея сословий, состоявшая из шляхты и духовенства. Но этот орган не обладал правом принимать собственные решения, а мог лишь обращаться с петициями к императору.

Галиция была разбита на 18 округов, а позже присоединенная Буковина стала 19-м округом. Всеми округами управляла германоязычная администрация.

В Галиции еще в большей степени, чем в Правобережье, польские паны и ксендзы пытались внушить русским людям, что они представляют собой какой-то иной народ, чем жители огромной Российской империи. Мало того, они старались привить ненависть к русским людям, жившим на востоке.

Польский генерал Мерославский написал в завещании: «Бросим пожары и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси. Возбудим споры и ненависть в русском народе. Русские сами будут рвать себя своими собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть»[336].

В том же духе высказался ксендз Валериан Калинка: «Между Польшей и Россией сидит народ, который не есть ни польский, ни российский. Но в нем все находятся материально под господством, нравственно же под влиянием России, которая говорит тем же языком, исповедует ту же веру, которая зовется Русью, провозглашает освобождение от ляхов и единение в славянском братстве. Как же защитить себя?! Где отпор против этого потопа? Где?! Быть может, в отдельности этого русского (малорусского) народа. Поляком он не будет, но неужели он должен быть москалем?! Поляк имеет другую душу и в этом факте такую защитительную силу, что поглощенным быть не может. Но между душою русина и москаля такой основной разницы, такой непроходимой границы нет. Была бы она, если бы

каждый из них исповедовал иную веру, и поэтому-то уния была столь мудрым политическим делом. Если бы Русь, от природы этнографически отличная, по сознанию и духу была католической, в таком случае коренная Россия вернулась бы в свои природные границы и в них осталась, а над Доном, Днепром и Черным морем было бы нечто иное. Каково же было бы это „нечто“? Одному Богу ведомо будущее, но из естественного сознания племенной отдельности могло бы со временем возникнуть пристрастие к иной цивилизации и в конце концов к полной отдельности души. Раз этот пробуждающийся народ проснулся не с польскими чувствами и не с польским самосознанием, пускай останется при своих, но эти последние пусть будут связаны с Западом душой, с Востоком только формой. С тем фактом (то есть с пробуждением Руси с непольским сознанием) мы справиться сегодня уже не в состоянии, зато мы должны позаботиться о таком направлении и повороте в будущем потому, что только таким путем можем еще удержать Ягайлонские приобретения и заслуги, только этим способом можем остаться верными призванию Польши, сохранить те границы цивилизации, которые оно предначертало. Пускай Русь останется собой и пусть с иным обрядом, будет католической — тогда она и Россией никогда не будет и вернется к единению с Польшей. И если бы даже это не было осуществлено, то все-таки лучше самостоятельная Русь, чем Русь Российская»[337].

Какие тут могут быть комментарии?! Лучше не скажешь!

Австрийские власти вместе с поляками предприняли гонения на православную церковь в Галиции. Последний оплот православия — Мановский скит — был закрыт в конце XVIII в. Священников, отказывавшихся от унии, ждала суровая расправа. Так, в ходе наполеоновских войск поп Людкович порвал с унией и перешел в православие. Когда вернулись австрийские войска, попа поместили в психиатрическую больницу, где продержали 20 лет.

Австрийское правительство долго затруднялось в официальном определении коренного населения Галиции. В конце концов, в 1848 г. в официальную административную лексику был введен термин «рутены» (Ruthenisch). Однако население этот термин не приняло. В 1859 г. австрийцы и поляки попытались ввести в Галиции латинский алфавит, но вскоре были вынуждены отказаться от этой затеи из-за резко отрицательной реакции населения.

В середине XIX в. в Галиции возникло два политических течения. «Старорусская» партия стремилась приблизить галицкорусское наречие, очень близкое к церковнославянскому языку, к современному русскому

литературному языку. Девизом Старорусской партии стало: «Бо Русь одна, як Бог один». «Украинская» партия хотела максимально сблизить народный язык с польским.

Историк М. Б. Смолин разоблачил мифы о Галиции, как о главном центре чистого, без примеси чего-либо русского, «дистиллированного украинства»: «Многие люди, выросшие в Галиции, напротив, утверждают, что язык архангельских и вологодских жителей им гораздо более понятен, чем язык их „псевдоукраинских“ сородичей из Полтавской губернии. Вышивки Прикарпатья очень похожи на олонецкие. Кстати, и в архитектурном плане бревенчатые дома Галиции никак не похожи на Полтавские или Винницкие мазанки, а скорее родственны все тем же северно-русским постройкам. Это отнюдь не говорит о том, что жители Полтавы или Винницы не являются русскими, это красноречиво подчеркивает лишь местный материал, из которого русское население строило свои жилища, и попутно общерусскость прикарпатского населения»[338].

Поляки и их подголоски шли на любые фальсификации. Так, псевдоисторик М. С. Грушевский в «Истории Украины» доказывал, что украинцы произошли от мифического народа «анта», жившего в Причерноморье за много веков до нашей эры. Украинский язык XIX в., мол, исконный язык Древней Руси. В книге Грушевского приводится изображение монет, а под ними текст: «Срібні монети… Володимира, з його» портретом; а на самой монете вычеканено «Владимир на столе, а се его серебро». Следовательно, на монете надпись сделана по-русски, а язык Грушевского отдалился от нее. Дочь Ярослава мудрого подписывается во Франции «Ana», согласно русскому звуку, но Грушевский пишет, что это подпись «Ганни» Ярославны.

Сами иллюстрации в книге Грушевского свидетельствуют о единстве русского языка. «Надпись на колоколе, отлитом во Львове в 1341 г., могла бы стоять на московском колоколе XVII в. Возьмите лупу — и вы увидите в факсимиле грамоты, заключенной между Любартом и Казимиром в 1366 г., что она написана на чистейшем русском языке. Совсем непонятно, почему Грушевский под факсимиле документа 1371 г. о продаже земли заверяет, что она написана на „староукраинской мове“, когда она написана русским языком того времени. Факсимиле печатей и выбитых польским королем (Казимиром Великим) монет свидетельствуют, что Галиция в течение всего XIV века называлась по-латыни „Russia“. Вы перелистываете эту „Историю Украйны“ и нигде до XVI века не находите документа с тем именем, которым пестрит текст самого Грушевского, — все нет как нет этого

желанного слова „Украйна“ ни на монете, ни в былине, ни на стенной росписи…»[339].

Поляки и «украинствующие интеллигенты» фактически разделили этнически единое население Галиции на русских и украинцев. В результате многие историки конца XIX — начала XX в. писали, что украинец — это не национальность, а партийность.

Воспитание ненависти к другой национальности, а в данном случае просто к инакомыслящим рано или поздно приведет к большому кровопролитию.

Уже перед войной австрийские власти с подачи «украинствующих» начали расправы с деятелями «русского» движения в Галиции. В 1913 г. был инсценирован «шпионский процесс» против группы «русофилов» Бендасюка, Колдры, Сандовича и Гудимы. Публицист и сотрудник ежедневной газеты «Прикарпатская Русь» С. Ю. Бендасюк шел в этом списке первым как наиболее активный пропагандист русской культуры и русского единства. В 1910–1912 гг. он был секретарем знаменитого просветительского галицко-русского Общества имени Михаила Качковского. Отец Максим Сандович был канонизован Польской православной церковью как мученик, его расстреляли в сентябре 1914 г. Умер он со словами «Даживет русский народ и святое православие!»

ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ.

ΓΡΑΜΜΑ=ΤΙΚΑ ΔΟБΡΟΓΛΑΓΟ-ΛΗΒΑΓΟ ΕΛΛΗΝΟΣΛΟΒΕΝ

скаго ꙗзы́ка. Соверше́ннаго и҆скꙋ́ства о҆смѝ частéй сло́ва.

Конаказа́нїю многоимени́томꙋ Ро҆сі́йскомꙋ ро́дꙋ.

ВОЛВОВѢ.

Вдрꙋка́рни Братско́й. Ро́кꙋ,

АФЧА.

Очередная фальсификация М. С. Грушевского «Из иллюстрированной истории Украины». Подпись под рисунком: «Греческо-украинская грамматика 1591 года, составленная в львовской братской школе», не соответствует рисунку. На самом деле это русская грамматика, по которой учились в Малой и в Великой России

Обратим внимание, шпионами в Галиции объявили людей, общественная деятельность которых была на виду у властей, прессы и всего населения. Никакого отношения к вооруженным силам Австро-Венгерской империи они не имели. Шпионские процессы против деятелей русского движения сопровождались шумихой в германо— и украиноязычной прессе. Между тем австрийская полиция дела о настоящих шпионах проводила в строжайшей тайне. Вспомним хотя бы дело знаменитого шпиона полковника генштабиста Редля, которому предложили тихо застрелиться, и лишь случайно его имя попало в печать.

«С началом Первой мировой войны русские, живущие в Прикарпатской Руси, подверглись настоящему геноциду. Австро-венгерские власти провели масштабные чистки русского населения, жертвами которых стали несколько сотен тысяч человек — расстрелянных, повешенных, лишенных крова и замученных в лагерях. Австрийские концлагеря Талергоф и Терезин, забытые сегодня, были первыми ласточками, предшественниками германских Освенцима, Дахау и Треблинки. Именно в Талергофе и Терезине была опробована политика массовых убийств мирного населения. Прикарпатские русские пережили свою национальную голгофу. Особую роль „общественных полицаев“ в этом геноциде сыграли профессиональные „украинцы“, „мазепинцы“, усердствуя в доносах и участвуя в расправах над русскими галичанами, буковинцами, угрорусами.

„Телергофская трагедия, — как пишет историк Н. М. Пашаева, — была трагедией всего русского движения и всего народа Галичины. Масштабы этой трагедии многих тысяч семей были бы несравненно более скромными, если бы не предательская роль украинофилов, которые были пятой колонной Галицкого национального движения, помощниками австрийской администрации и военщины“.

Лидеры русского движения были арестованы, и в Вене были организованы против них два крупных судебных процесса. Первый процесс (с 21.06.1915 до 21.08.1915) велся военным дивизионным судом ландвера в Вене и приговорил за государственную измену Австрии к смертной казни через повешение Д. А. Маркова, В. М. Куриловича, К. С.

Черлюнчакевича, И. Н. Дрогомирецкого, Д. Г. Янчевецкого, Ф. Дьякова, Г. Мулькевича. Всех их спас император Николай II, который через испанского короля Альфонса XIII смог добиться замены смертной казни на пожизненное заключение»[340].

Для сравнения, проавстрийски настроенных украинских националистов в России никто не трогал. Лишь наиболее оголтелые персонажи были высланы, и не в Туруханский край, а в европейскую часть Великороссии.

Лидер националистов М. С. Грушевский осенью 1914 г. был арестован русской контрразведкой, у которой имелись доказательства его прямых связей с правительством Австро-Венгрии. Ноу него нашлись высокие покровители, и в феврале 1915 г. Грушевский был направлен в ссылку в… Симбирск. Но там он не задержался, ив 1916 г. ему разрешили приехать в Москву. Проницательные читатель, наверное, догадался, что «вольные каменщики» помогли брату «высокого градуса». Но об этом потом, а сейчас вернемся к событиям в Галиции.

Позже историки назовут этот период Галицийской Голгофой. Все началось «с повсеместного и всеобщего разгрома всех русских организаций, учреждений и обществ, до мельчайших кооперативных ячеек и детских приютов включительно. В первый же день мобилизации все они были правительством разогнаны и закрыты, вся жизнь и деятельность их расстроена и прекращена, все имущество опечатано или расхищено. Одним мановением грубой, обезумевшей силы была вдруг вся стройная и широкая общественная и культурная организованность и работа спокойного русского населения разрушена и пресечена, одним изуверским ударом были разом уничтожены и смяты благодатные плоды многолетних народных усилий и трудов. Всякий признак, след, зародыш русской жизни был вдруг сметен, сбит с родной земли…

А вслед за тем пошел уж и подлинный, живой погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти и вражде. То целой, гремящей облавой, то тихо, вырывочно, врозь. На людях и дома, на работе, в гостях и во сне.

Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то просто кто лишь был вымечен как „русофил“.

Хватали кого попало. Интеллигентов и крестьян, мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и больных. И в первую голову, конечно, ненавистным им русских „попов“, доблестных пастырей народа, соль галицко-русской земли.

Хватали, надругались, гнали. Таскали по этапам и тюрьмам, морили голодом и жаждой, томили в кандалах и веревках, избивали, мучили, терзали — до потери чувств, до крови.

И наконец казни — виселицы и расстрелы — без счета, без краю и конца»[341].

Меня могут обвинить в цитировании материалов лишь одной стороны. А вот независимый автор, да еще чех по национальности — Ярослав Гашек: «На перроне, окруженная венгерскими жандармами, стояла группа арестованных русинов. Среди них было несколько православных священников, учителей и крестьян из разных округов. Руки им связали за спиной веревками, а сами они была попарно привязаны друг к другу. У большинства носы были разбиты, а на головах вздулись шишки, которыми наградили их во время ареста жандармы.

Поодаль забавлялся венгерский жандарм. Он привязал к левой ноге православного священника веревку, другой конец которой держал в руке, и, угрожая прикладом, заставлял несчастного танцевать чардаш. Жандарм время от времени дергал веревку, и священник падал. Так как руки у него были связаны за спиной, он не мог встать и делал отчаянные попытки перевернуться на спину, чтобы таким образом подняться. Жандарм хохотал от всей души, до слез. Когда священнику удавалось приподняться, жандарм снова дергал за веревку, и бедняга снова валился на землю»[342].

Предвижу возражения, мол, все эти зверства творили злодеи-немцы, а при чем здесь украинствующие деятели? Притом, да еще как! Это они натравливали австрийцев на коренное население Галиции.

«Депутат австрийского рейхстага Смаль-Стоцкий на заседании делегаций от 15 октября 1912 года в своей речи заявил от имени „украинского“ парламентского клуба и „всего украинского народа“, что после того, как все надежды „украинского нарда“ соединены с блеском Габсбургской династии, этой единственно законной наследницы короны Романовичей, — серьезной угрозой и препятствием на пути к этому блеску, кроме России, является тоже „москвофильство“ среди карпато-русского народа. „Это движение, — сказал он, — является армией России на границах Австро-Венгрии, армией уже мобилизованной…“

В том же смысле высказались от имени „всего украинского народа“ с парламентской трибуны и депутаты Василько, Олесницкий, Окуневский, Кость Левицкий и целый ряд других… Достаточно сказать, что в ответ на речь Смаль-Стоцкого в делегациях министр Ауфенберг ответил, что „те, кто обязан, силою прекратят русское движение в Галичине“.

Подобные заявления приходилось тоже очень часто читать и на столбцах галицкой „украинской“ печати. Так, например, в июле 1912 года газета „Діло“ заявила, что „когда Восточная Галичина станет „украинской“, сознательной и сильной, то опасность на восточной границе совершенно исчезнет для Австрии“. Поэтому ясно, что Австрии следует поддержать „украинство“ в Галичине, так как, дескать, все то, что в карпато-русском народе не носит знамени „украинского“, является для нее (Австрии) весьма опасным. „К уразумению этого, — читаем дальше в той же статье „Діла“, — приходят уже высшие политические круги Австрии“… А там, после такого удачного дебюта, дальше все дело пошло еще лучше и чище. Как бы в глубокомысленное развитие и разъяснение декларации доносчиков на заседании делегаций от 15 октября это же „Діло“ в номере от 19 ноября 1912 года писало буквально следующее: „Москвофилы ведут изменническую работу, подстрекая темное население к измене Австрии в решительный момент и к принятию русского врага с хлебом и солью в руках. Всех, кто только учит народ поступать так, следует немедленно арестовывать на месте и предавать в руки жандармов…“»[343]

Не отставали и поляки. «Красноречивым выразителем взглядов этой части галицко-польского общества и польской администрации в крае был злопамятный наместник Галичины М. Бобжинский, заявлявший, между прочим, в 1911 году в галицком сейме, что „я борюсь против русофильства потому, что оно является опасным для государства, но борюсь с ним и как поляк, верный польской исторической традиции“»[344].

В годы войны «украинствующие» расправлялись со своими русскими соседями. Чтобы обвинить уроженца Галичины в шпионаже, было достаточно найти в его доме портрет Льва Толстого или просто… глобус.

А вот выдержки из секретного отчета австрийского генерала Римля: «Галицкие русские разделяются на две группы: а) русофилов (Russofil. Staatsfeindicheund Hochverrter) и б) украинофилов (Oesterreicher)…

Проявляющиеся часто взгляды на партии и лица („умеренный русофил“) принадлежит к области сказок; мое мнение подсказывает мне, что все „русофилы“ являются радикальными и что следует их беспощадно уничтожать.

Украинцы являются друзьями Австрии и под сильным руководством правительственных кругов могут сделаться честными австрийцами. Пока что украинская идея не совсем проникла в русское простонародье, тем не менее замечается это в российской Украине.

При низком уровне просвещения украинского мужика не следует

удивляться, что материальные соображения стоят у него выше политических соображений. Воспользовались этим россияне во время оккупации, и, таким образом, перешли некоторые украинские общины в русофильский лагерь»[345].

Понятно, что здесь Римль говорит только о населении Галиции. В 1915 г. часть Галиции была занята русскими войсками. И тут царская администрация оказалась в сложном положении. С одной стороны, общественность России требовала включения Галиции в состав империи, а с другой, кучка дипломатов во главе с министром Сазоновым носилась с идеей создания Польского государства с номинальной зависимостью от русского царя. В результате из Петрограда последовало кардинальное указание разделить Галицию на две части. Восточную Галицию готовили к вхождению в состав Российской империи, а Западную Галицию — к вхождению в польское гособразование. Однако к 1917 г. австрийские войска выбили русских из большей части Галиции.

Надо ли говорить, что «украинствующие» обрадовались началу Первой мировой войны, как манне небесной. Уже 3 августа 1914 г. «украинствующие» основали во Львове «Загальну Українську Раду», которую возглавил уже знакомый нам депутат австрийского рейхстага Кость Левицкий. 28 тысяч щирых украинцев изъявили желание убивать «злыдней-москалей». Однако в Украинский легион вступило лишь 2,5 тысячи человек. Позже легионеров переименовали в «Украинских сичевых стрельцов».

Раздел IV
От советской Украины к незалежности

Глава 1
Была ли Украина колонией?

Прежде чем переходить к революции и гражданской войне на Украине, придется хотя бы кратко ответить на два принципиальных вопроса: была ли Украина колонией России, как утверждают это историки-самостийники, и почему пало самодержавие.

Начну с того, что юридически все малороссы и великороссы были уравнены в правах. В Российской империи вообще ни в паспортах, ни в любых других документах не указывалась национальность, а лишь вероисповедание, а оно у подавляющего большинства великороссов и малороссов было одно. Неизвестно ни одного случая, чтобы малороссийское происхождение помещало кому-либо в военной или гражданской карьере. Вспомним, что еще в конце XVIII — начале XIX в. среди вельмож, правивших империей, было много малороссов — братья Разумовские, граф Безбородко, генерал Милорадович, вице-канцлер граф В. П. Кочубей и др.

Об освобождении крестьянства сравнительно неплохо расписано в современном учебнике В. К. Губарева: «19 февраля 1861 г. Александр II издал манифест о ликвидации крепостного права. В результате реформы помещики сохранили лучшую половину всех земель для собственного использования. Остальная земля распределялась среди освобожденных крестьян. При этом, однако, крестьяне должны были заплатить за нее выкуп. Поскольку денег у крестьян было мало (или вообще не было), а помещики не хотели ждать, когда их вчерашние крепостные обзаведутся деньгами, царское правительство выплатило помещикам 80 % крестьянского долга в форме 5-процентных казенных облигаций. Таким образом, крестьяне автоматически из должников помещиков превращались в должников государства и обязаны были выплачивать правительству выкупные платежи вместе с процентами в течение 49 лет. Остальные 20 % долга крестьяне либо отдавали помещикам деньгами, либо отрабатывали в поле.

В целом реформа ограбила крестьян, так как оставила в их распоряжении меньше земли, чем они имели до 1861 г. В России они потеряли около 10 % земли, а на Левобережной и южной Украине — почти 30 %. К тому же средняя величина крестьянского надела в империи равнялась 27 акрам на семью, а в указанных регионах Украины — лишь 18

акрам.

Иная ситуация сложилась на Правобережной Украине. Чтобы ослабить позиции польской шляхты и привлечь на свою сторону украинцев, царское правительство раздало им на 18 % больше земли, чем они имели до реформы. Правда, и цены на землю здесь были выше, чем в других регионах.

Проведение аграрной реформы на Украине имело и другие особенности. Так, если в России более 95 % крестьян жили общинами, и плата за полученную землю входила в обязанность общины, то 80 % крестьян Правобережья и почти 70 % крестьян Левобережной Украины вели единоличное хозяйство; поэтому большинство украинских крестьянских семей получило индивидуальное право на землю и лично отвечало за своевременную уплату выкупных платежей.

Более благоприятные условия освобождения были созданы для государственных крестьян (включая 1 млн бывших украинских казаков). Вместе с волей они получали большие наделы земли, плата за которые была ниже по сравнению с той, что вносили помещичьи крестьяне»[346].

Единственной дискриминацией было отсутствие местного самоуправления на Правобережье. На Левобережье земства были введены в 1864 г., как и по всей империи. Правительство боялось, что помещики-поляки захватят всю полноту власти на местах, поэтому земство на Правобережье ввели лишь в 1911 г.

С 1861 г. правительство прилагало большие усилия к развитию образования в Малороссии. К 1897 г. там насчитывалось 16 798 начальных школ разных типов и 129 гимназий, из которых 52 мужские и 77 женских. В 1865 г. на базе Ришельевского лицея в Одессе открылся Новороссийский университет. Появились высшие специальные учебные заведения для подготовки специалистов в экономической, юридической и духовной сферах. В 1875 г. Нежинский юридический лицей был преобразован в Историко-филологический институт и долгое время готовил учителей классических языков, русского языка и словесности и истории для средних школ. В 1885 г. в Харькове открылся первый на Украине Южно-российский технологический институт. В этом институте, кстати, в 1909–1913 гг. учился и мой дед Широкорад Василий Дмитриевич. В 1898 г. политехнический институт появился в Киеве, а в Екатеринославе в 1899 г. открылось высшее горное училище.

Опять обратимся к Губареву: «Начало 70-х годов отмечено строительством двух первых на юге Украины частных металлургических заводов — Юзовского и Сулинского. Еще в 1866 г. царское правительство

передало концессию на строительство рельсового завода князю Кочубею. Так как у князя не оказалось достаточно капиталов, он переуступил право на концессию английскому предпринимателю Джону Джеймсу Хьюзу (у нас его называли Юзом). Последний в 1867 г. основал „Новороссийское общество каменноугольного, железного, стального и рельсового производства“. От царского правительства Юз получил казенные земли на берегу реки Кальмиус в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии с каменноугольными и железорудными месторождениями, несколько ссуд на весьма выгодных условиях и обещание премии в 1,5 млн рублей за изготовление рельсов в течение первых десяти лет.

В 1869 г. Юз начал строительство завода и рабочего поселка, названного Юзовкой (ныне Донецк). В 1872 г. на Юзовском металлическом заводе началась регулярная выплавка чугуна. Здесь же впервые в Российской империи было налажено коксовое производство и прокат рельсов.

Почти одновременно с Юзовским заводом ростовский промышленник Д. А. Пастухов построил в Области Войска Донского Сулинский металлургический завод. Оба завода работали первое время на местной руде с невысоким процентом содержания железа, пока на смену ей не пришла руда из Кривбасса. Использовались новая техника и западные технологии: паровые двигатели, горячее доменное дутье, плавка на коксе.

Строительство железных дорог, шахт и новых промышленных предприятий (металлургических, машиностроительных, химических) вызвало на рубеже 60-70-х годов настоящий учредительский ажиотаж. В течение 1872–1899 гг. в Донбассе появилось 20 крупных каменноугольных акционерных компаний. Активно эксплуатировались копи юзовского Новороссийского общества, расположенные в Юзовско-Макеевском районе шахты французского горного и промышленного общества на юге России, предприятия местных помещиков братьев Рутченко, Карпова, Иловайского, подрядчика Прохорова, казачьего полковника Рыковского, Общества южнорусской каменноугольной промышленности в Горловке. Их годовая добыча исчислялась в миллионах пудов каменного угля и антрацита. В 1878 г. на долю крупнейших угольных предприятий с добычей более 1 млн пудов угля в год приходилось 58,6 % всей угледобычи в Донецком бассейне. Между 1870 и 1900 гг., когда добыча угля подскочила более чем на 1000 %, Донбасс давал империи почти 70 % угля и 100 % кокса. Заметим, что при этом 94,2 % всей угледобычи контролировалось иностранным капиталом»[347].

К 1906 г. на Днепре плавало 382 парохода и 2218 парусных судов и

барж. Днепровские пароходства по числу судов уступали лишь Волге.

Любопытно, что в начале XX в. Главное Управление торгового мореплавания и портов, которым руководил великий князь Александр Михайлович, подготовило планы строительства глубоководного канала Рига — Херсон. Заводчиками этого проекта были херсонские помещики Васильчиков и Мейндорф. Эскизный проект разработал германский инженер фон Руктешель. Днепр с Двиной предполагалось соединить на месте заброшенной к тому времени системы каналов в районе Верхней Березины и озера Пелик. Любопытно, что в связи с проектом канала Рига — Херсон профессор Альбицкий — известный специалист по водяным турбинам — предложил взамен его построить у Днепровских порогов электростанцию и шлюзы для прохода судов. Однако в связи с революцией 1905–1907 гг. проект «положили под сукно», а Александр Михайлович был вынужден уехать в Париж.

К 1 января 1914 г. торговый флот на Черном море был самым большим в России. В его составе имелось 413 паровых судов общей вместимостью 231 млн брт. Для сравнения, на Балтике имелось 243 паровых судна общей вместимостью 113 млн брт.

Темпы развития экономики в Левобережье и Донбассе были существенно выше таких же показателей в Великороссии. Так что говорить о какой-то колониальной политике царизма в Малороссии — нелепейший бред. Правда, тут самостийники могут возразить, мол, украинцы — другая нация, более трудолюбивая, поэтому у них и экономика развивалась быстрее.

Тут мне придется огорчить как самостийников, так и русскоязычных либералов. К 1913 г. длина казенных (государственных) железных дорог составляла 46 284 км, а частных — 19 592 км. Причем все основные магистрали были государственными. Процент двойной колеи на государственных дорогах составлял 30,5 %, а на частных — 14,1 %[348].

Морской торговый флот, в том числе на Черном море, фактически принадлежал государству и в значительной степени был на дотации казны.

Многие крупные заводы на территории современной Украины также принадлежали государству, это Киевский арсенал, Севастопольский морской завод и др. Многие заводы, в том числе и верфи в Николаеве, формально считались частными, но были созданы с помощью государства и существовали в основном за счет госзаказа и субсидий казны.

Во второй половине XIX в. и в начале XX в. наблюдалось интенсивное перемещение великороссов и малороссов. Так, воспользовавшись льготами, предоставленными правительством Столыпина, около двух

миллионов малороссов переселились в Сибирь, на Дальний Восток и в Туркестанский край.

М. С. Грушевский в период учреждения Государственной думы активно внушал малороссам, что только национально-территориальная автономия обеспечит им процветание, но столкнулся с тем, что эта его идея вызвала у крестьян — депутатов от Малороссии — «тревожный вопрос, не создаст ли это каких-либо преград праву переселяться с Украины на свободные земли как колонизационные территории азиатской России и Уральской области»[349].

А при заселении по указу 1883 г. государственных земель в Левобережных губерниях, их сельскохозяйственное население в среднем на одну четверть пополнилось выходцами из Великороссии. Однако к межэтническим столкновениям это не привело, а наоборот, увеличило тягу всех крестьян, как малороссов, так и великороссов, к переделу земли. Н. И. Костомаров писал: «В слободах, населенных обеими народностями, никогда не происходит ни ссор, ни драк, которые бы указывали на племенную вражду между ними»[350].

Историк И. В. Михутина указывала: «Малороссы на индивидуальном уровне не испытывали дискриминации, что вместе с чувством этнического родства с великороссами, по-видимому, и определяло двойную идентичность большинства из них. „Я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская, — признавался великий сын Малороссии Н. В. Гоголь. — Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и… каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный признак, что они должны пополнять одна другую“.

Современный польский исследователь на основе социологического анализа ситуации на Волыни в начале XX в. так описал этот феномен, пользуясь понятием „русин“ в значении „малоросс“: „С большой долей достоверности можно полагать, что подавляющее большинство сельского населения считало себя „русинами“ и православными, не видя при этом противоречия между русинством и русскостью… Также большинство интеллигентов украинского происхождения оставались лояльными участниками российской культурной и политической общности, если даже заявляли о приверженности к украинству, понимаемому часто как региональный (малороссийский) вариант общерусской культуры“. „Россия — наше отечество, Малороссия — наше дорогое, родное гнездо“, —

поэтически выразил эту мысль земский деятель, депутат Государственной думы из Полтавы М. И. Коваленко, а Г. В. Скоропадский, один из потомков гетманского рода, декларировал с трибуны Государственной думы: „В русском государстве, колыбелью которого был наш Киев, мы такой же державный народ, как и великороссы“»[351].

Так что если и говорить о колониях, то можно сказать, что Правобережье во многом осталось колонией поляков — свыше половины земли там принадлежало польским помещикам Браницким (250 тыс. десятин), Потоцким (170 тыс. десятин), Саданкиским, Сангужко и др.

Теперь о причинах революции в России. На эту тему написаны сотни книг и десятки тысяч статей. Но, увы, все авторы рассматривают проблему с узко партийной позиции — марксистской, либеральной, монархической и т. д. Попробуем взглянуть на ситуацию в России с позиции здравого смысла. В империи была вполне здоровая экономика, темпы роста которой превышали аналогичные показатели в Западной Европе. Однако система управления страной не только устарела как минимум лет на сто, но и полностью прогнила.

Наши историки до 1991 г., говоря о России, предпочитали цитировать книги революционеров, а затем — книги эмигрантов монархистов или современных неомонархистов, прославляющих святого Николая и святую Алису. Кстати, недавно появились и околоцерковные течения, ставящие своей целью канонизацию Распутина.

Идя таким путем, мы никогда не разберемся в событиях 1917 г. Давайте лучше обратимся к скучным служебным документам империи. Каковы, например, взаимоотношения министров и губернаторов? Где разграничения полномочий военного министра и генерал-фельдцейхмейстера? Где разграничения власти морского министра и генерал-адмирала? Увы, даже официальная «Военная энциклопедия»[352] скорбно констатирует, что четких разграничений нет.

Формально в империи был Совет министров, но сей орган являлся сплошной фикцией, премьер-министр не обладал никакой властью над коллегами. Каждый министр имел право личного доклада царю, не советуясь с премьером. Когда Николай II министра финансов С. Ю. Витте сделал премьером, тот счел это назначение понижением, чуть ли не почетной отставкой.

Сам Николай II не умел и не любил руководить ни вооруженными силами, ни экономикой. Из него бы получился хороший командир батальона или начальник небольшой железнодорожной станции. Превыше

интересов государства царь ставил любовь к своей семье, что сочеталось у него с чувством собственной исключительности, превосходства над окружающими и крайним упрямством. Он не был ни «святым», ни «кровавым». К нему больше всего подходит титул «Владелец скотского хутора», вспомним известный роман Джорджа Оруэлла «Скотский хутор», написанный в 1945 г. Кстати, сам Николай II при переписи населения так и написал о себе: «Владелец земли Русской». Александр I считал себя солдатом, служившим Родине:«…отслужил 25 лет, и на покой». Екатерина любила сравнивать себя с рачительной хозяйкой и женой, принесшей в приданое 15 губерний.

У Николая II не было никаких планов ни во внешней, ни во внутренней политике. Единственной его целью было спокойно пожить и передать власть «солнечному лучику» — сыну Алексею.

Монархисты упрекают большевиков, что те украли в 1917 г. у русской армии победу, и цитируют Столыпина, который обещал через 20 лет рай земной. Попробуем представить, что могло быть через 20 лет. У Николая II уже в 1915 г. сильно болело сердце. До 1937 г. Николай явно бы не дожил, я уж не говорю об эсеровской бомбе и т. п. Ну и что бы имела Россия без революции? Гемофилика Алексея II на троне? К тому же у людей, болеющих с детства гемофилией, неизбежно происходят сдвиги в психике, это, как говорится, «медицинский факт». А рядом еще и «святой» старец Григорий.

Спору нет, к началу 1917 г. русская армия усилилась и могла, отступая, худо-бедно обороняться. Но она не обладала ни тяжелой артиллерией, ни танками для прорыва укрепленных линий немцев. Вспомним наступление союзников на Западном фронте в 1917–1918 гг. Чтобы прорвать германскую оборону на 10–20 км, они сосредотачивали на один километр фронта тысячи орудий и сотни танков. Так что даже если бы все оппозиционеры в России от большевиков до либералов уверовали в «святость» Николая II, то военная победа над Германией все равно была бы полностью исключена.

В 1918 г. в Германии началось массовое серийное производство танков и противотанковых пушек, новейших подводных лодок и самолетов. Германские бомбардировщики начали наносить удары по Лондону. Исход войны решили не операции союзных войск, а революция в Германии, которая в основном была предопределена революцией в России.

Даже если предположим маловероятную ситуацию, что в России не было бы революции, а в Германии она все-таки произошла, то союзники никогда бы не дали России Черноморских проливов. По сему поводу,

кстати, была заключена секретная англо-французская конвенция. Мало того, союзники заранее договорились о расчленении России в случае успеха в войне. Англия и Франция желали отторгнуть Прибалтику, Привисленский край и Украину, а если повезет, то и Кавказ.

А теперь от экономических и военных реалий перейдем в область эмоций. Царские губернаторы, правившие империей, не считались ни с какими законами и вели себя как восточные сатрапы. Губернатор мог без суда и следствия выслать из губернии любого человека, и отменить эту меру мог только император. Причем процент людей, высланных за политику, был ничтожен, в основном высылались по прихоти «его высокопревосходительства»: кто-то освистал в театре любимую актрису губернатора, или наоборот, актриса не пожелала отдаться его превосходительству. Юный аристократ полюбил простую девушку и решил на ней жениться, мамаша пожаловалась губернатору, и вот девушка вместе со всей своей семьей отправляется в «места не столь отдаленные». Мальчик-гимназист на улице не заметил экипаж губернатора и не отдал честь. Его отправляют под арест на гауптвахту на несколько дней.

Чтобы попасть на Южный берег Крыма, нужно было специальное разрешение генерал-губернатора. Отказ получали не только простые обыватели, но и известные деятели культуры, как-то: Леонид Андреев, Аркадий Аверченко и др.

А вот еще один пример: ялтинский градоначальник Думбадзе приказал высылать из Крыма всех дам, купающихся без купальников, а также всех мужчин, которые находились рядом и теоретически могли видеть оное зрелище. Причем это касалось не ялтинской набережной, а всего побережья Крыма.

Купаться дамам разрешалось только в купальниках, закрывавших до 80 % площади тела. Но и тут дама, выйдя из воды на берег, должна была немедленно переодеться в цивильный вид. Если же она осмеливалась пройти хоть 20 метров по пляжу в купальнике, то, согласно предписанию Думбадзе, ее штрафовали и высылали из Крыма… А между прочим, сам Николай II купался в Крыму только голышом, о чем свидетельствуют кадры кинохроник. Но на императора предписания Думбадзе не распространялись.

Подобный беспредел был как нельзя кстати националистам и сепаратистам. Вот каковы «воны москали, як воны катуют нас». Избавиться от царя, его жены и «старца» мечтали 99 % образованных либерально настроенных людей России. Но в Малороссии всякие там Грушевские предлагали избавиться от Николая II и его сатрапов не с помощью

общероссийской революции, а путем отделения от России и создания независимого государства.

В свою очередь, русские либералы и революционеры мало обращали внимание на сепаратистские настроения в Малороссии, считая их неадекватной реакцией на политику царизма. Ненависть к Николаю II у просвещенной части русского населения была столь велика, что они автоматически считали союзником каждого, кто выступал против царя.

Еще в феврале 1904 г. профессор Петербургских высших женских курсов предложил устроить молебны о даровании победы императору Николаю над Японией. Курсистки же немедленно созвали сходку, на которой единогласно отказались от участия в молебне. Мало того, несколько курсисток послало поздравительную телеграмму… Микадо.

Поздравительный адрес японскому императору направила и группа петербургских студентов-путейцев. В конце концов, Министерство внутренних дел России категорически запретило служащим телеграфа принимать приветственные телеграммы в адрес японского правительства, а имена «подписантов» велело сообщать в местные жандармские управления.

В чем же дело? Почему наша левая молодежь так симпатизировала Японии? Увы, и курсистки, и путейцы знали о Японии не больше, чем о папуасах в Новой Гвинее или готтентотах в Африке. Всех их «допек» самодержавный строй, доведенный некомпетентным Николаем до абсурда.

К сожалению, и революционеры, и либералы видели в финских, польских, малороссийских и кавказских сепаратистах друзей и союзников в борьбе с «проклятым царизмом», не понимая, что это лишь временные попутчики и злейшие враги России.

Поэтому, когда в Киеве 1 августа 1914 г. на улицы вышли «украинствующие» с транспарантами «Да здравствует Австрия», либералы сделали вид, что ничего не произошло, а большевики сами выдвинули пораженческие лозунги.

Глава 2
1917 год на Украине. от февраля к октябрю

8 марта (23 февраля) 1917 г. в Петрограде началась революция. Николай II был вынужден отречься от престола. Власть перешла к Временному правительству. Советские историки утверждали, что Февральской революцией руководили большевики, и восхваляли их. Современные демократические историки вторят им, но при этом большевиков ругают.

Увы, у всех лидеров большевиков есть стопроцентное алиби. Кто-то сидел «во глубине сибирских руд», кто-то писал статейки в Нью-Йорке, а кто и прогуливался по берегу Женевского озера с Инессой Арманд.

Нравится нам или нет, но Февральская революция — это масонский переворот, в результате которого к власти пришло масонское Временное правительство. А в свидетели призовем… Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слово «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры“ знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»[353]. Замените слово «актеры» на «братья» — и все встанет на свои места.

По данным масона Н. Берберовой[354], в первый состав Временного правительства (март — апрель 1917 г.) вошло десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей, которые, однако, формально не входили в ложи. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П. Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Берберова пишет, что состав будущего правительства был представлен «Верховному Совету Народов России» уже в 1915 г. Берберова без лишней скромности приводит статистику: «Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, „третьей коалиции“ (так называемой Директории), в сентябре — октябре, когда ушел военный

министр Верховский, масонами были все, кроме Карташова — те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были „в бегах“».

Масонам удалось вжиться и в среду военных. Но здесь они соблюдали особую конспирацию, и называть конкретные имена следует с большой долей сомнения. Так, среди масонов называют имена генералов Крымова, Маниковского, Поливанова. Некоторые авторы (та же Берберова) называют Алексеева и Родзянко. Интересно, что двоюродный брат генерала Рузского профессор Дмитрий Павлович Рузский был видный масон.

А были ли масоны среди большевиков? Вот уж вопрос на засыпку! Среди меньшевиков масоны, определенно, были. Это Чхеидзе, Гальперин, Гегечкори[355] и другие. Историк Б. И. Николаевский упоминает среди масонов И. И. Степанова-Скворцова, где-то мелькает Луначарский.

Но были, без сомнения, и более важные лица. Но, увы, большевики засекретили все, что связано с масонами, это само по себя является косвенной уликой того, что у них самих «рыльце в пушку». Знаменательно, что многие масоны — Некрасов, Джунковский и др., оказавшись в застенках НКВД, пытались рассказать о своей деятельности, но их тут же затыкали.

Орест Субтельный писал: «Весть о падении царизма пришла в Киев 13 марта 1917 г. В течение нескольких дней представители основных городских учреждений и организаций сформировали Исполнительный комитет, взявший на себя роль блюстителя порядка в качестве местного органа Временного правительства. Практически одновременно леворадикальные силы сгруппировались в Киевском Совете рабочих и солдатских депутатов. Однако, в отличие от Петрограда, в Киеве на историческую сцену вышел третий актер: украинцы создали собственную организацию — „Центральную Раду“. Ее учредителями стали умеренные либералы из ТУП, возглавляемые Евгеном Чикаленко, Сергием Ефремовым и Дмитром Дорошенко, и социал-демократы во главе с Володимиром Винниченко и Симоном Петлюрой. Несколькими неделями позже в Центральную Раду вошла набиравшая вес „Украньска партія соціалістів-революціонерів“, представленная Миколой Ковалевским, Павлом Христюком и Микитой Шаповалом. Президентом Центральной Рады был избран вернувшийся из ссылки Михайло Грушевский, пользовавшийся широкой известностью и уважением. Таким образом, в отличие от русских в Киеве, разделившихся на умеренных в Исполнительном комитете и радикалов в Совете, украинцы всех идеологических течений объединились в едином представительном органе…

19 апреля в Киеве открылся Украинский национальный конгресс, на который съехались 900 делегатов со всей Украины, от украинских общин бывшей империи, различных экономических, просветительских, военных и благотворительных организаций. На конгрессе были избраны (уже чисто формально) 150 представителей в Центральную Раду, Грушевского утвердили ее президентом»[356].

Прекрасная рождественская сказочка, придуманная в Канаде для детей украинских эмигрантов. Население Малороссии вовсе не собиралось объединяться в «едином представительском органе», что и показали последующие события. Масон высокого градуса Михайло Грушевский прибыл не из ссылки, а из Москвы. Впрочем, может, для канадца Москва — это и есть захолустье, куда ссылали «щирых украинцев».

Забегу немного вперед, чтобы более не возвращаться к господину Грушевскому. Менее чем через год, оказавшись не у дел, он, подобно «брату» Керенскому, отправился в эмиграцию, зато в отличие от незабвенного Александра Федоровича, решил вернуться в СССР. И вот Грушевский в марте 1924 г. объявляется в Киеве. Большевики назначают сепаратиста и русофоба руководить исторической секцией Украинской Академии наук и рядом ее комиссий. Грушевский возобновляет прерванное революцией и Гражданской войной издание журнала «Украина» (естественно, на радной мове). В 1929 г. его избирают действительным членом Академии наук СССР.

В 1931 г. Грушевского арестовывает ОГПУ по обвинению в контрреволюционной деятельности и связи с эмигрантами. Но, увы, наш историк оказывается не по зубам чекистам, как ив 1914 г. — русской контрразведке. По распоряжению «сверху» его отпускают (опять помощь братьев). Грушевский тихо умирает на курорте в Кисловодске на 69-м году жизни.

Но вернемся к Центральной Раде. 23 июня 1917 г. Рада издала свой первый Универсал:

«Народ украинский! Народ крестьян, рабочих, трудящегося люда!

Волей своей ты поставил нас, Украинскую Центральную Раду, на страже прав и вольностей Украинской Земли…

Пусть будет Украина свободной. Не отделяясь от всей России, не порывая с державой Российской, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам устраивать свою жизнь. Пусть порядок и устройство в Украине дает избранное всенародным, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм). Все законы, которые должны дать тот порядок здесь у нас, на Украине, имеет право

издавать только Украинское Собрание.

А те законы, которые должны давать порядок по всей Российской державе, должны издаваться во Всероссийском Парламенте.

Никто лучше нас не может знать, что нам нужно и какие законы для нас лучшие.

Никто лучше наших крестьян не может знать, как распоряжаться своей землей. И потому мы хотим, чтобы после того, как по всей России будут конфискованы все помещичьи, казенные, царские, монастырские и иные земли в собственность народов, когда будет издан об этом закон на Всероссийском Учредительном Собрании, право распоряжения нашими украинскими землями, право пользования ими принадлежало только нам самим, нашему Украинскому Собранию (Сейму)»[357].

Який гарный набор слов, вроде все будет хорошо. А на самом деле — смесь вранья и несуразиц.

Начну с того, кто такой «народ украинский»? До 1917 г. термина «народ украинский» не было ни в одной энциклопедии. Так что любой честный политик для начала сформулировал бы понятия «народ украинский» и «Земля украинская». Надо ли говорить, что радные жулики сознательно отказались от четких формулировок.

Центральную Раду выбирал не народ, а несколько сот функционеров украинской партии социалистов-федералистов, украинской социал-демократической партии, украинской партии социалистов-революционеров и ряда совсем малых объединений. К 1917 г. все эти партии состояли из нескольких десятков, в лучшем случае сотен членов. Замечу, что перечисленные партии не были частями общеимперских партий социал-демократов, социал-революционеров и др. Это были автономные группировки, руководимые, как правило, масонами. Главой Генерального Секретариата (Совета Министров) стал масон В. К. Винниченко. Замом (товарищем) масона Грушевского в Раде был А. Ниховский, тоже из ложи «Великий Восток Народов России». Замечу, что когда в 1910 г. обсуждалось название ложи, то Грушевский не захотел, чтобы в названии упоминалось слово Россия, поскольку такого государства вообще быть не должно, и масоны решили назвать ложу «Великий Восток Народов России». Таким образом, братья каменщики Керенский, Некрасов, Грушевский и К^{o} уже заранее предполагали развал государства Российского.

Но вернемся к первому Универсалу. По мысли его создателей на Украине должны были действовать только законы, изданные местным Сеймом. А при чем тут «Всероссийский парламент»?

Самым важным вопросом для крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения Великороссии и Малороссии, был земельный вопрос. И что же предложили самостийники? Ждать, пока в России будет создано Учредительное собрание, принят закон о земле, наконец, фактически «будут конфискованы все помещичьи… земли», и только тогда наша Рада возьмется за передачу земель крестьянам на Украине. Блеск! Вроде бы братья масоны и обещают крестьянам землю, а на самом деле подсовывают фигу!

А когда «селяне» с топорами спросят, где же обещанная землица, то уж и ответ готов: виноваты злыдни-москали, никак не решат сей вопрос. Бей кацапов!

Естественно, киевские масоны прекрасно знали, что их петроградские братья во Временном правительстве не желают давать землю крестьянам и будут «тянуть резину» по последнего.

Как же реагировало Временное правительство на действия Центральной Рады? С одной стороны, признать фактическое отделение Украины для «временных» означало подписать себе смертный приговор. В другой стороны, как не порадеть братьям по ложе! В Киев выяснять отношения едет А. Ф. Керенский. Замечу, в ложе «Великий Восток» он занимался координацией деятельности столичных и киевских масонов и по делам ложи ездил в Киев в 1913,1915 и 1916 гг.

После переговоров с Центральной Радой Керенский признал право Генерального Секретариата управлять пятью украинскими губерниями — Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской.

Однако ни Временное правительство в Петрограде, ни Центральная Рада не имели реальной поддержки ни у народа, ни у армии. Даже отъявленный самостийник Орест Субтельный вынужден признать: «Центральная Рада с головой погрузилась в бесконечные дискуссии о границах своих полномочий, пренебрегая при этом такими более прозаическими, но куда более насущными проблемами, как укрепление законности и порядка, обеспечение снабжения городов и работа железных дорог. Она также оказалась неспособной решить наболевшую проблему передела земли. Как следствие, первоначальное единство, продемонстрированное украинцами ранее, быстро распалось. Обострились политико-идеологические противоречия между социал-демократами, составлявшими в Центральной Раде большинство, и многочисленными социалистами-революционерами. Погрязнув в бесплодных дебатах и раздорах, члены Центральной Рады, власть которой фактически уже ограничивалась окрестностями Киева и нескольких крупных городов,

утратили связь с селом, а значит и с массами, связь, достигнутую на короткий срок благодаря различным съездам, проходившим в Киеве. Губернии были предоставлены самим себе»[358].

Я нарочно дал большую цитату, чтобы читатель сам смог поискать аналогии с современным правительством на Украине.

7 ноября (25 октября) в Петрограде большевики свергли Временное правительство. При советской власти это событие именовалось Великой Октябрьской Социалистической революцией, а сейчас «демократы» именуют его октябрьским переворотом. Объективный историк должен разделить конкретные события, происшедшие в ночь с 7 на 8 ноября в Петрограде, и всемирно исторические последствия этих событий. Строго говоря, 7 ноября произошла не революция, и даже не переворот, а просто бескровный разгон никого не представлявших «временных». Власть валялась в грязи, большевики подняли ее, отмыли и взяли «всерьез и надолго».

Точно так же события 14 июля 1789 г. походили на оперетту, причем кровавую, но события этого дня предопределили ход истории в XIX в., равно как события 7 ноября 1917 г. предопределили ход мировой истории в XX в.

Обе революции привели к последующему кровопролитию, но после них человечество стало иным, возникли новая Франция и новая Россия. А что касается кровопролития, то еще Наполеон сказал: «Если про государя говорят, что он был добр, то его царствование не удалось».

8 ноября 1917 г. на специальном заседании Центральной Рады, посвященном событиям в Петрограде, была принята резолюция, где говорилось: «Признавая, что власть — как в государстве, так и в каждом отдельном крае — должна перейти в руки всей революционной демократии, признавая недопустимым переход этой власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которые являются только частью организованной революционной демократии, Украинская Центральная Рада высказывается против восстания в Петрограде и будет энергично бороться со всеми попытками поддержать бунты на Украине».

Надо ли говорить, что если ни в Великороссии, ни на Украине никто толком не знал, что такое вся «революционная демократия», то все заявленное представляется бессвязным набором слов. Ясна лишь последняя фраза — Центральная Рада объявила войну советской власти.

10 ноября отряды киевских рабочих и революционных солдат подняли восстание в Киеве против командования штаба Киевского военного округа, поддерживавшего правительство Керенского. В ходе боев за Киев

Центральная Рада первоначально держала нейтралитет. После трехдневных боев штаб Киевского военного округа вместе с частью войск бежал из города на Дон. Тем временем Центральная Рада подтянула верные ей войска и подавила восстание.

Однако большевикам удалось взять власть в Харькове, Донбассе и Криворожье.

20 ноября Центральная Рада издала третий Универсал, в котором провозгласила образование Украинской Народной Республики (УНР). В Универсале говорилось:

«Народ украинский и все народы Украины!

Тяжелое и трудное время настало на земле Российской Республики. На севере в столицах идет междоусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет и по государству распространяется безвластие, беспорядки и хаос…

И мы, Украинская Центральная Рада, твоей волей, во имя поддержания порядка в нашей стране, во имя спасения всей России, провозглашаем:

Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой.

Не отделяясь от Российской Республики и сохраняя ее единство, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся Российская Республика стала федерацией равных и свободных народов…

К территории Народной Украинской Республики относятся земли, заселенные преимущественно украинцами: Киевщина, Подолье, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной Республики… должно быть установлено по согласию организованной воли народов»[359].

Ну хотя бы один Универсал написали бы без вранья! Центральное правительство было, и его к 20 ноября признала большая часть Центральной России, Прибалтика, Белоруссия, северная часть Украины, Харьков, Донбасс, Криворожье, Каменец-Подольский и др. И, что самое важное, к 20 ноября 1917 г. в России еще не было гражданской войны и конкурентов для советского правительства. Правда, на Дону вспыхнул мятеж генерала Каледина, но он был 11 февраля (29 января) 1918 г. подавлен красногвардейцами и матросами Черноморского флота, а самому Каледину пришлось застрелиться. Так что, объективно говоря, именно Центральная Рада стала зачинщиком гражданской войны на территории бывшей Российской империи.

Глава 3
Новая Руина

20 ноября 1917 г. мы справедливо можем назвать днем начала Второй Руины. На Украине началась война всех против всех. В общих чертах ситуация на Украине мало отличалась от ситуации в середине XVII в.

Центральная Рада не пользовалась достаточной поддержкой населения и не могла противостоять большевикам, и, как гетманщина XVII в., призвала иностранные войска. А по всей Украине с осени 1917 г. начали формироваться большие и малые банды. Их атаманы утверждали, что борются за права «угнетенного селянства», и делились частью добычи с местным населением. Нравится ли современным историкам или нет, но большинство «селянства» поддерживало бандитов, прятало их и награбленное имущество, а главное, постоянно пополняло ряды бандитов.

К 15 (28) января 1918 г. Красная Армия подошла к Киеву со стороны Дарницы. «Арсенал» вновь восстал. При приближении большевиков В. К. Винниченко и члены его кабинета струсили, подали в отставку и вместе с М. С. Грушевским бежали из Киева. Власть захватили два студента — Голубович, который сделался главой «правительства», и Ковенко, ставший комендантом Киева. Они в течение почти двух недель довольно активно защищали Киев, но когда убедились в бессмысленности дальнейшего сопротивления, сели в автомобили и укатили в Житомир.

Германия находилась в тисках Антанты, и ей срочно требовалось продовольствие, которое можно было найти на Украине. Германское правительство не могло допустить перехода Украины под власть большевиков. Поэтому 27 января (9 февраля) 1918 г. Германия и Австро-Венгрия подписали с правительством Центральной Рады мирный договор. От имени Рады подпись поставил какой-то студент Севрук.

Согласно этому договору Центральная Рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 г. 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов.

Германские войска двинулись к Киеву, а австрийские — к Одессе. Мониторы и канонерские лодки австрийской Дунайской флотилии пришли в Одессу и попытались подняться вверх по Днепру, но не сумели пройти пороги.

16 февраля (1 марта) первый батальон саксонской пехоты появился на

киевском вокзале. Давняя мечта австрийских и германских политиков осуществилась:

Од Кыева до Берлина
Простяглася Украина.

В Киеве обосновалась главная квартира германского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном. Вслед за саксонской пехотой в Киеве объявилось и правительство Голубинского.

Но, увы, немцы быстро убедились, что Рада ничего не представляет. По данным германского штаба, войска Украинской Народной Республики насчитывали лишь «две тысячи бывших солдат и офицеров, безработных и авантюристов». Как писал А. Царинный: «…все в Малороссии прекрасно знали, что украинское войско — это действительно миф, сочиненный для удовольствия „щирых“ украинских шовинистов, так как нельзя же серьезно называть войском появившиеся впереди немцев кучки глупых людей в шапках со свесившимися на спину красными шлыками, в театральных костюмах, в каких щеголяли в исторических пьесах из жизни старой Малороссии корифеи малорусской сцены Кропивницкий или Тобилевич-Садовский, и в широких поясах, из-за которых торчали чуть ли не аршинные кривые кинжалы. Появление украинских гайдамаков — это была шутовская интермедия в тяжкой кровавой драме мировой войны и „русской“ революции, но никоим образом не один из ее важных актов»[360].

Красная Армия на Украине была куда более боеспособной, но все равно не могла противостоять германо-австрийским частям. Мало того, Советская Россия по рукам и ногам была связана Брестским миром и не могла открыто вести боевые действия на Украине. Поэтому местные левые с согласия Москвы создали ряд полунезависимых республик: Донецко-Криворожскую Советскую республику (ДКСР), Одесскую Советскую республику, Таврическую Советскую республику и Донскую Советскую республику.

К лету 1918 г. германо-австрийские интервенты оккупировали Украину, Крым, Донскую область, часть Таманского полуострова, часть Воронежской и Курской губерний. На востоке оккупационная зона ограничивалась линией Батайск — Дон — Северный Донец — Дёгтево — Осиновка — Новобелая — Валуйки — Грушевка — Белгород — Суджа — Рыльск. В «сферу влияния» Австро-Венгрии (по соглашению от 29 марта 1918 г. между Берлином и Веной) входили часть Волынской, Подольская,

Херсонская и Екатеринославская губернии. (Управление и эксплуатация угольных и горнорудных районов здесь были совместными.) Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону занимали смешанные части (германское командование в Николаеве и Ростове-на-Дону австровенгерское — в Мариуполе). Остальные губернии Украины, Крыма, а также Таганрог оккупировали германские войска. Железнодорожный и водный транспорт на всей оккупированной территории ставился под контроль германского командования.

Вскоре германские оккупационные власти решили заменить Центральную Раду более эффективным «туземным» правительством. Генерал-фельдмаршал Эйхгорн решил дать Украине… гетмана. Кстати, это слово было вполне понятно и немцам, поскольку происходило от германского слова гауптман (Hauptmann) — начальник. На должность гауптмана Эйхгорн предложил генерал-лейтенанта Павла Петровича Скоропадского. Тот происходил по прямой линии от Василия Ильича Скоропадского, родного брата бездетного гетмана Левобережья Ивана Ильича Скоропадского (1708–1722). Павел Петрович владел богатейшими имениями в Полтавской и Черниговской губерниях. Кроме всего прочего, он был еще и масоном высокого градуса и ранее пребывал в тех же ложах, что и Грушевский, и Петлюра.

Избрание гауптмана, пардон, гетмана состоялось 29 апреля 1918 г. в цирке Крутикова на Николаевской улице в Киеве. Режиссером представления был тот же Эйхгорн. В цирке были собраны «хлеборобы-собственники». Несколько «хлеборобов» выступило с речами, требуя спасти Украину от хаоса, а сделать это может только гаупт… то есть гетман. И тут в одной из лож цирка появился одетый казаком Скоропадский. «Хлеборобы» дружно «прокричали его гетманом».

А Центральная Рада была без единого выстрела разогнана германским караулом. Ни один человек на всей Украине не встал на ее защиту. Началась эпоха новой гетманщины или, как шутили киевляне, «гетманшафт». Сам гетман поселился в доме киевского генерал-губернатора. Любопытная деталь: под кабинетом гетмана на втором этаже находилось помещение германского караула. Так что Павел Петрович Скоропадский сидел на германских штыках не только в переносном, но и в прямом смысле.

Скоропадский немедленно «сменил вывеску на лавочке». Ему как-то неудобно было быть гетманом «Украинской Народной Республики», и название это было заменено на «Украинскую державу». Срочно была набрана сердючная дивизия для охраны особы гетмана, дивизия генерала

Патнева (в Харькове), 1-я пехотная дивизия, сформированная австрийцами из военнопленных во Владимире-Волынском, а также несколько «охранных» и пограничных сотен. Кроме того, гетман начал формировать и отряды из белых офицеров.

Оккупационные германо-австрийские войска приняли решительные меры для наведения порядка на Украине. Немедленно были возвращены помещикам захваченные крестьянами земли, скот и инвентарь. Карательные отряды проводили массовые расстрелы. Однако эти меры не успокоили население, а лишь только озлобили его. Именно при гетмане резко возросла активность банд, по сравнению со временами Центральной Рады.

Банда или, лучше сказать, армия батьки Махно действовала на огромном пространстве современной Украины — от Лозовой до Бердянска, Мариуполя и Таганрога, и от Луганска и Гришина до Екатеринослава, Александровска и Мелитополя. Большую известность получили банды Зеленого, Струка, Соколовского и Тютюнина, атаманши Маруси и др.

Однако судьба «гетманшафта» решилась не на полях Северной Таврии, а в Берлине. 9 ноября 1918 г. в Германии была провозглашена республика, а на следующий день кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. 11 ноября было подписано Компьенское перемирие между странами Антанты и Германией.

Гетман Скоропадский оценил ситуацию и 14 ноября назначил новый кабинет министров, уже без самостийников, и провозгласил Акт федерации, по которому обязался объединить Украину с будущей небольшевистской Россией. Принимая это решение, Скоропадский надеялся получить поддержку со стороны главнокомандующего Добровольческой армии генерала А. И. Деникина и стоявшей за его спиной Антантой.

В ответ националисты, собравшиеся в городе Белая Церковь, в тот же день организовали альтернативный временный верховный орган Украинской Народной Республики — Директорию. Председателем был избран В. Винниченко, главным атаманом — С. Петлюра; в состав Директории также вошли Ф. Швец, А. Андриевский и А. Макаренко. Директория призывала народ к восстанию против гетмана и двинула на Киев свои отряды.

Опереточная гетманская армия — сечевые стрельцы под командованием Е. Коновальца и Сережупанная дивизия — перешла на сторону Петлюры. Скоропадский срочно переоделся в мундир германского офицера, замотал лицо бинтами и бежал в Берлин. Немногочисленные

русские дружины, состоявшие из офицеров, учителей и гимназистов, не захотели умирать за гетмана и разошлись. Все это прекрасно описано в пьесе Булгакова «Дни Турбиных».

На следующий день воинство Директории вступило в Киев. Начались массовые грабежи и убийства. Петлюра провозгласил воссоздание «Украинской Народной Республики».

Краткая справка — Петлюра Симон Васильевич, сын сапожника, учился в семинарии. Бросив семинарию, работал журналистом и бухгалтером в фирме, торговавшей чаем. По совместительству с руководством Директорией занимал должность Великого магистра ложи Святого Андрея (Великой Ложи Украины).

«Селянство» активно поддерживало Петлюру, получив возможность безнаказанно и на идейных основаниях грабить помещиков, русских сельских врачей и учителей, евреев, отступающие германские части. Об истинных же его целях «селянство» имело крайне смутное представление. Любопытно, что население многих сел считало Симона Васильевича… женщиной. «Вона Петлюра усим кацапам, немцам и жидам покаже…».

А теперь перенесемся на территорию Австро-Венгерской империи. Развал ее начался на несколько недель раньше, чем революция в Германии. 16 октября 1918 г. венгерский парламент провозгласил независимость Венгрии. 21 октября депутаты австрийского парламента объявили себя временным Национальным собранием и высказались за присоединение Австрии к Германии. 28 октября была провозглашена Чехословацкая республика. На следующий день от империи отделились сербы, хорваты и словенцы.

Ранним утром 1 ноября 1918 г. украинские части австрийского гарнизона заняли центр и все стратегические пункты Львова, вывесив на ратуше желто-голубое знамя. Все военнослужащие прочих национальностей либо были интернированы, либо заявили о нейтралитете. Между прочим, около 60 процентов населения Львова составляли этнические поляки и около 30 процентов — евреи. Евреи в конфликте между украинскими националистами и поляками в основном держали нейтралитет, хотя и создали свои военные формирования.

В начале ноября во Львове была провозглашена Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР). Руководить республикой должен был «генеральный секретариат» во главе с Левицким. Замечу, что никто эту власть не выбирал, а группа активистов из национальных партий распропагандировала около 1500 солдат, и те захватили город. Австрийский гарнизон не сопротивлялся, а наоборот — покинул Львов.

Через неделю польское население Львова восстало, а еще через неделю подошли подкрепления с севера, и части ЗУНР были выбиты из Львова.

«Генеральный секретариат» ударился в бега. В декабре 1918 г. он ненадолго обосновался в Тернополе, затем полгода был в городе Станислав (с 1962 г. Ивано-Франковск), а закончил свое существование в Каменец-Подольском.

Любопытно, что националисты ЗУНР, хватаясь за соломинку, попытались договориться с местными сионистами. В частности, они предлагали создать ЖНР («Жидівська Народна Республіка»). Был даже сформирован батальон из галицийских евреев — «Жидівський пробоєвий курінь». Дело в том, что галицийские евреи называли себя жидами и считали название «еврей» оскорбительным.

Зато на территориях, контролируемых Директорией, регулярно устраивались еврейские погромы. На Украине от рук петлюровцев и бандитов погибло, по разным данным, от 50 до 100 тысяч евреев. Наиболее серьезные погромы произошли в Проскурове, Житомире, Черкассах, Ривном, Фастове, Коростене и Бахмаче. Самым диким и жестоким был погром в Проскурове в феврале 1919 г., спровоцированный атаманом Семесенко, во время которого погибло несколько тысяч евреев.

В целях укрепления террористической диктатуры Директории Петлюра и Винниченко всячески раздували пропаганду зоологического национализма, разжигали ненависть к русскому народу.

«Петлюровская печать широко пропагандировала среди украинского населения идею „великой соборной Украины“, разжигая аппетиты на чужие земли у украинских кулаков и буржуазии. В печати открыто обсуждались планы выселения с Украины всех русских и восстановления „естественных“ границ Украины от Карпат до Дона и от Черного моря до Вислы. При этом к украинским землям причислялись территории Воронежской, Курской, Новороссийской губерний, Ставропольского края, Дона, Кубани, Бессарабии и некоторые польские губернии, населенные белорусами и поляками. Петлюровцы включали в состав „великой Украины“ огромную территорию, заселенную народами самых различных национальностей. Кроме того, они требовали себе колоний в Туркестане и Сибири»[361].

Директория активно поддерживала группировки попов, решивших порвать с православной церковью. Они решили создать независимую украинскую церковь. Богослужение раскольники перевели на «украинську мову». Тарас Шевченко был объявлен «святым пророком», дни его

рождения и смерти (25 и 26 февраля по старому стилю) были включены в число церковных праздников. Осмеяние «мовы» постановлено было карать отлучением от церкви.

Не забыли самостийные попы и себя. Отменялось обязательное повседневное ношение ряс и разрешалось ходить в любой приличной одежде по желанию; отменялось обязательное ношение длинных волос и бород; разрешались разводы с женами, а также вторые и третьи браки; отменялись привилегии монашества; разрешалось занятие епископских кафедр женатыми лицами из белого духовенства.

Священников же, придерживавшихся основ православной веры, начали шантажировать, а кое-где дело дошло до физической расправы.

22 января 1919 г. Директория и ЗУНР устроили «Акт злуки», то есть объединения. Сейчас в Киеве это событие считается днем основания «незалежной Украины». На самом деле руководство обоих гособразований не испытывало друг к другу особых симпатий, а объединилось, лишь оказавшись в критическом положении.

2 февраля, то есть через 11 дней после «злуки», правительство Директории бежало из Киева в Винницу. 11 февраля Винниченко оставил пост формального главы Директории и передал свои полномочия Петлюре. Затем заводчики «борьбы за незалежность» Грушевский, Винниченко, Чехновский и Шаповал благополучно убыли «за бугор».

28 ноября 1918 г. в городе Суджа (Курская область) было создано Временное рабоче-крестьянское правительство УССР во главе с Г. Л. Пятаковым. В начале 1919 г. войска УССР вместе с Красной Армией освободили большую часть территории Украины. Утром 5 февраля 1919 г. части 1-й Украинской советской дивизии торжественно вступили в Киев.

Сейчас национальные историки всячески пытаются дискредитировать представителей советской власти, не брезгуя разжиганием националистической розни. Тот же Орест Субтельный пишет: «Новое правительство, почти сплошь состоявшее из русских, евреев и других неукраинцев, пыталось проводить здесь политику, опробованную в России»[362].

Как раз все наоборот. Русских в правительстве УССР практически не было, тот же Г. Л. Пятаков родился в 1890 г. в Черкасском уезде Киевской губернии. Дело в том, что до 1917 г. в Малороссии никто, кроме кучки интеллигентов-образованцев, не называл семя украинцем, а считал себя русским или, реже, малороссиянином. Таким образом, нынешние историки-самостийники имеют возможность назвать любого неугодного им человека русским, ну, в крайнем случае, как Нестора Махно —

«русифицированным мужиком».

Теперь о евреях. Все украинские правители с 1991 г., от Кравчука до Ющенко, заявляли, что-де народ Украины един, то есть все евреи, живущие на Украине, являются украинцами. А, с другой стороны, украинские историки считают евреев, живших столетиями в Малороссии, чуть ли не москалями.

Деникинскими офицерами было установлено, что из 26 членов Киевской ЧК 25 человек были евреями. Действовали они справедливо или нет, это вопрос спорный, выходящий за рамки книги. Речь о другом: это что, москали завезли на «вильну Украину» евреев из Тамбова и Астрахани? Нет. Все они были коренными жителями Малороссии. Так что в правительстве УССР и Киевской ВЧК сидели малороссы (украинцы) еврейской национальности. Наоборот, все лица еврейской национальности, правившие в СССР, родились на Украине: Троцкий, Зиновьев, Каганович и другие. (Лишь малая часть прибыла из Белоруссии, Латвии и т. д.)

Так что пора дать по рукам историкам-самостийникам, пытающимся объединить антисемитизм с русофобией.

К концу марта 1919 г. вся территория «Петлюрии» (так население назвало остатки «державы») ограничивалась несколькими городами и местечками Подолии и Волыни, удерживавшимися с помощью галицийских сечевиков, и западными участками железных дорог, по которым курсировали остатки петлюровского воинства. Поезда с сечевиками на вокзалах встречали улюлюканьем: «В вагоне Директория, под вагоном территория». Министры Директории кочевали из Винницы в Каменец-Подольский, затем в Ровно, позже — в Здолбуново, в июле 1919 г. — опять в Каменец-Подольский. От полного уничтожения петлюровцев спасло только наступление деникинской Добровольческой армии.

30 августа 1919 г. советские войска без боя оставили Киев. На следующий день в город вошло диковинное войско. «По направлению к Крещатику стал спускаться военный оркестр, вслед за которым двигались под желто-голубыми украинскими значками жидкие колонны пехоты, одетой в австрийские серо-голубые мундиры и кепки. Верхом ехали офицеры, и один из них, подскакав к кучке публики, собравшейся на тротуаре, стал задавать вопросы по-немецки. Кто-то ему ответил. Это были петлюровцы, пришедшие из Галиции отвоевывать Киев от большевиков во имя неньки-Украины. Повернув с Фундуклеевской улицы на Крещатик, они дошли до городской думы и на балконе ее водрузили украинский флаг. Киевское население отнеслось так холодно к этим освободителям, что на

улицах вдоль их прохода было совершенно пусто и нигде не раздавались приветственные крики. Тем не менее все предполагали, что петлюровцы пришли по соглашению с деникинцами — им помогать. Никто не подозревал их враждебных замыслов.

В тот же день часа в три пополудни вступили на Печерск через Цепной мост и Панкратьевский спуск передовые отряды деникинцев. Навстречу им по Александровской улице потянулась необозримая толпа народа, предшествуемая духовенством с иконами, крестами и хоругвями. На площадке у Никольских ворот, где стоял разрушенный большевиками памятник Кочубею и Искре, произошла трогательная встреча.

Между тем конная партия деникинцев спустилась на Крещатик и, увидев на балконе городской думы украинский флаг, решила убрать его и на его месте водрузить русский трехцветный. На площадке балкона завязалась свалка из-за флагов, кончившаяся тем, что украинский флаг был сброшен на землю. Обозленные „украинцы“ принялись стрелять, и чуть было дело не дошло до кровопролития. Однако переговоры между петлюровским и деникинским командованием привели к мирному соглашению, и петлюровцы в тот же вечер покинули Киев и отошли к Жулянам»[363].

Деникинцам в городе надолго удержаться не удалось. 16 декабря 1919 г. красная 44-я стрелковая дивизия, состоявшая в основном из украинцев, выбила белых из Киева. 7 февраля 1920 г. кавалерийская бригада Г. И. Котовского ворвалась в Одессу.

Части ЗУНР, находившиеся в районе Бирзулы (северо-восточнее Одессы) и Винницы, перешли на сторону Красной Армии. Части Галицийского корпуса вместе с их командирами были влиты в состав 45-й дивизии Красной Армии. Петлюра с остальными членами Директории бежал в Польшу.

21 апреля 1920 г. Петлюра в Варшаве заключил с «начальником государства» Пилсудским соглашение, по которому Директория отказывалась от всех претензий на Галицию, признав ее польской территорией. Мало того, Петлюра фактически признал границы Речи Посполитой 1772 года, и, соответственно, Правобережье Украины передавалось Польше. Пилсудский, в свою очередь, признал Петлюру главой Левобережья.

Через три дня, 24 апреля, Петлюра подписал военную конвенцию, которая определяла место и роль петлюровцев в ходе предстоявшего вторжения поляков на Украину. Главное командование польских войск предоставляло вооружение и полное снаряжение для трех дивизий

Петлюры, которые должны были находиться в подчинении польского командования. 6-й пункт конвенции гласил: «С момента начала общих действий против большевиков украинское правительство, оперируя на той территории, обязывается доставлять продукты для польской армии в количестве, согласно оперативному плану главной раскладки: мясо, сало, муку, хлеб, крупу, овощи, сахар, овес, сено, солому и т. п., на основании продовольственных норм, обязательных в польском войске, а также необходимое количество подвод». Конвенцией подробно был разработан порядок оккупации Украины польскими войсками, распределения будущей военной добычи и т. д.

25 апреля 1920 г. 52-тысячная польская армия без объявления войны вторглась на территорию УССР. Вместе с ляхами действовали около 12 тысяч петлюровцев. Полякам удалось занять Житомир, Коростень, Бердичев. 7 мая польские войска заняли Киев. Однако в начале июня Красная Армия перешла в решительное наступление. 11 июня большевики вошли в Киев. Поляки бежали аж до самой Варшавы.

Англия, Франция и США направили в Польшу сотни танков и самолетов, тысячи орудий. Полякам удалось мобилизовать население на борьбу с «такими-то растакими-то» Троцким и Склянским, которые ведут на Польшу орды красноармейцев.

Командование красных, опьяненное успехом, действовало бездарно и несогласованно. В результате под Варшавой Красная Армия потерпела поражение.

12 октября 1920 г. в Риге было подписано перемирие. Постоянный мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г. и тоже в Риге. По этому договору государственная граница между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и БССР — с другой, устанавливалась по линии г. Дрисса — г. Дисна — 30 км западнее Полоцка — ст. Загатье, откуда граница шла в юго-западном направлении до Радошковичей и Ракова (западнее Минска 30 км), а оттуда поворачивала на юг до истоков реки Морочь и по ней до впадения ее в реку Случ, откуда почти прямо на юг до г. Корец в 30 км западнее Новоград-Волынского, затем в юго-западном направлении шла через г. Острог, Кунев на Ямполь, откуда в южном направлении проходила через Щасновку — Волочиск — Сатанов — Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов.

Россия освобождала Польшу от ответственности по долгам и иным финансовым обязательством Российской империи.

Россия и Украина обязались уплатить Польше 30 млн рублей золотом в качестве польской части золотого запаса бывшей Российской империи и как признание отделения Польши от России. Фактически это была военная контрибуция.

Польша вышла победительницей из войны. Теперь в ее границах этнических поляков было менее 66 %, остальное население составляли немцы, русские, украинцы, белорусы и евреи. Точные цифры установить невозможно, поскольку польские власти считали поляками всех католиков и униатов. Вновь начались преследования «диссидентов», то есть не католиков. По данным польских историков Дарьи и Томаша Наленча, настроенных, кстати, весьма патриотично, «…некогда униатские, а более ста лет православные церкви на Волыни были превращены в католические костелы и целые деревни стали польскими. Только на Волыни к 1938 г. были превращены в костелы 139 церквей и уничтожено 189, осталось лишь 151»[364].

Рижский договор фактически поставил Петлюру вне закона. В отчаянии он попытался «спасти лицо», продолжая войну с Красной Армией на небольшом плацдарме на Волыни. «Самостоятельные» боевые действия петлюровцев продлились немногим более двух недель. Части красных произвели перегруппировку, и 21 ноября 1920 г. последние остатки петлюровцев переправились через реку Збруч у Волынска и реку Серет у Тернополя. Там они были разоружены польскими частями.

В ноябре 1920 г. Красная Армия покончила с Врангелем, а летом — осенью 1921 г. Украина была очищена от бандформирований. Так закончилась Руина № 2.

История Гражданской войны на Украине крайне сложна и запутана. Вряд ли в Российской Федерации и на Украине найдется сейчас два десятка людей, которые наизусть знают даты смены власти в Киеве, да и правильно смогут перечислить названия этих властей.

Советские историки переврали суть Гражданской войны как в целом, так и в отдельности на Украине, представив ее в виде борьбы украинского пролетариата и беднейшего крестьянства против буржуазии, помещиков и кулаков. А теперь историки-самостийники пытаются навязать принципиально иную и еще более далекую от истины схему. Мол, украинский народ боролся за независимость против москалей. Причем историки-антисемиты прибавляют в союзники к москалям еще одну национальность.

На самом же деле Руина-2 в общих чертах мало отличалась от Руины-1. Там — кучка старшин и атаманов, а здесь — кучка образованцев

во главе с масонами задумали захватить власть. Правители Центральной Рады, а затем и Директории не имели народной поддержки и призвали на помощь немцев, австрийцев, а затем поляков. Соответственно, рабочих и беднейшее крестьянство поддерживали великорусские большевики.

Людские потери Украины были ужасны, но подавляющее большинство погибло от рук своих соседей, то есть людей, родившихся на территории современной Украины. На 90 процентов это была внутренняя гражданская война, всех против всех, то есть очередная Руина.

Глава 4
«Коренизация» Украины

Октябрьская революция и строительство социализма в СССР с 1990 г. дружно и в унисон охаиваются российскими демократами и националистами всех мастей. Но любую критику воспринимать всерьез можно, лишь когда она содержит в себе сравнения и предложения альтернативы. Так, например, критикуя горбачевско-ельцинскую перестройку, можно указать и на китайский путь перехода от социализма к экономике смешанного типа, благодаря которой КНР постепенно становится сверхдержавой, не потеряв при этом ни одного квадратного метра своей территории.

А вот альтернативу социализму никто в России подыскать не может. По-хорошему, и не пытается. Либо уходят в дебри фантастических теорий, либо льют слезы по «безвозвратно ушедшему прошлому».

Ах, какой был душка Керенский! Но, увы, Керенский ни в октябре 1917 г., ни потом не получал народной поддержки. Про Николая II говорили, что «от него ушли, как от пустого места». То же было и с Керенским.

Мог Деникин осенью 1919 г. взять Москву? Да, при определенных обстоятельствах мог. Но триколор над Кремлем не только не прекратил бы войну в России, а превратил бы всю страну в Руину. На огромных просторах Российской империи произошло бы то же самое, что и на Украине в 1918–1921 гг.

Хорошо, если после этой Руины на карте осталось бы Великое Московское княжество в границах XV в.

Даже если бы произошло чудо, и Россия осталась бы в границах конца XVII в., то смогла бы экономика капиталистического типа выдержать войну с гитлеровской Германией? Немцам требовалось от двух до четырех недель, чтобы вдребезги разнести любую армию Европы — французскую, английскую, польскую и т. д.

Давайте попробуем сравнить русскую революцию с Великой Французской революцией. Давайте спросим какого-либо маститого историка-демократа, что изменилось во Франции за двадцать лет — с 1768 г. по 1788 г.? Он будет пытаться увильнуть от ответа, ссылаясь на то, что он не готовился к такому вопросу. И в самом деле, там практически ничего не изменилось. Ну, правил Луи XV, а затем стал править Луи XVI…

Да, люди стали на двадцать лет старше! Чуть-чуть изменилась мода, стиль в живописи… да, собственно, и всё.

А что изменилось во Франции за двадцать лет с 1789 г. по 1809 г.? Тут не нужен профессор, любой отличник-десятиклассник отбарабанит — изменились строй, флаг, гимн. Франция стала великой державой, в несколько раз возрос ее валовой продукт. Были отменены феодальные законы, в том числе право первой ночи, обязанность крестьян по ночам бить лягушек, чтобы те не квакали и не будили сеньора, и т. д. Смертная казнь через колесование была положена за 30 видов преступлений. Все это было отменено, и введен кодекс Наполеона, который позже переняли все страны Европы.

За двадцать лет Франция перескочила из одной эпохи в другую, так же как и Россия с 1914 г. по 1934 г.

Но, к сожалению, между этими революциями было и одно важнейшее различие. Современные русские и французские историки сильно лукавят, представляя королевство Францию мононациональным государством. На самом деле в XVII — середине XVIII в. королевство было многонациональным государством и в этом очень походило на Российскую империю. На классическом французском языке население говорило лишь в окрестностях Парижа. В Бретани люди говорили на бретонском (кельтском) языке, на северо-востоке — на валлийском, на западе в Эльзасе и Лотарингии — на немецком, на юге (побережье Средиземного моря) — на провансальском языке, на юго-западе — на баскском и гасконском языках, ну а на Корсике — на диалекте итальянского. Разговор д’Артаньяна с де Тревилем на гасконском языке ни Атосу, ни Портосу был непонятен. Да и сам Бонапарт начал учиться французскому языку с 8 лет и до конца жизни говорил с сильным акцентом.

К 1789 г. Франция была разделена на большие провинции. В каждой был свой парламент, свои законы, налоги, меры веса и длины и т. д. Конгломерат провинций был связан лишь королевской властью.

Французские революционеры хорошо знали жизнь своей страны, и в первой статье революционной конституции было записано: «Французская республика едина и неделима».

Огромные провинции были ликвидированы и заменены небольшими префектурами. Население получило больше прав в самоуправлении, но только в своем маленьком районе. Все префектуры были подчинены напрямую Парижу. Повсеместно было введено единое законодательство, единые налоги и единая система мер и весов.

С началом Революции в рядах ее вождей началась кровавая свара. В

1791–1799 гг. во Франции погибло в процентном отношении больше людей, чем в России в 1918–1921 гг. Но все партии — якобинцы, термидорианцы, брюмерианцы и прочие — горой стояли за 1-й пункт конституции.

Уже в 1808 г. префекты докладывали императору о резком сокращении использования местных языков на окраинах. Французский язык стал доминировать во всей стране. Можно без преувеличения сказать, что Революция и Империя из разноплеменных подданных французского короля сделали французскую нацию.

Большевики же сделали все наоборот. Они искусственно создали большие республики — Украинскую, Казахскую и т. д. Такие государства никогда ранее не существовали и были плодом большой фантазии кабинетных теоретиков, вождем которых был Ленин. Спору нет, это был очень образованный человек гениального ума. Однако молодость вождя прошла в Симбирске и Казани, кроме этого, он был в Петербурге и селе Шушенском, затем большую часть жизни провел в эмиграции. В 1917 г. Ленин приехал в Петроград, а затем отправился в Москву и более никуда не выезжал. О жизни в Малороссии, Средней Азии и на Кавказе он судил по газетным статьям.

Ленин и другие кабинетные теоретики не желали слышать людей, родившихся и проживших долгие годы на национальных окраинах империи. Тот же уроженец Черкасского уезда Г. Л. Пятаков утверждал: «Партия должна напрочь отказаться от права наций на самоопределение». Кавказцы Сталин и Орджоникидзе предлагали не вводить республики, а заменить их автономиями. Но, увы, Ильич был непоколебим.

В Малороссии с 1921 г. началась украинизация. Замечу, что термин «украинизация» был введен М. С. Грушевским.

Я умышленно не использую термин Украина, поскольку к 1917 г. на территории Малороссии менее одного процента населения считало себя украинцами. Часть считала себя русскими, часть — малороссами, а многие вообще не задумывались над своей национальностью, ведь в Российской империи в официальных документах национальность никогда не указывалась, а указывалось только вероисповедание. К 1917 г. на украинском языке выходило несколько газет, было издано несколько десятков художественных произведений, и всё.

Несколько другая ситуация сложилась в Галиции, но там, как уже говорилось, термин украинец и русский (русин) означали не национальность, а политическую ориентацию.

И вот победившие большевики присоединяют к Малороссии Донбасс, Криворожье и другие территории и называют все это Украинской ССР.

Столицей республики делают Харьков. Замечу, что Харьков, как русская крепость, основан в XVII в. и не входил никогда ни в состав Великого княжества Литовского, ни Речи Посполитой, ни Малороссии (в составе России). Лидеры большевиков свои территориальные фокусы объясняли довольно цинично: «Надо было увеличить процентный состав пролетариата в УССР».

В подавляющем большинстве своем население УССР не умело ни говорить, ни читать на мове. А большевики им всем навязали искусственный украинский язык, созданный в Австро-Венгрии на средства имперской разведки.

Украинец стало означать не только национальность, но и партийность — каждый, кто смел называть себя малороссом или употреблять термин Малороссия, рисковал отправиться в советский концлагерь.

Об украинизации хорошо написал киевский журналист Александр Каревин: «Вплоть до начала XX века украинский литературный язык был в Украине (за исключением австрийской Галиции) практически неизвестен. „На 15 миллионов нет и 50 человек, которые бы дорожили своим родным языком“, — возмущался галицкий украинофил Владимир Барвинский. Причина столь прискорбной для украинофилов языковой ситуации заключалась, однако, не в массовом языковом отступничестве. Все было проще. Родным для украинского народа являлся другой язык. „Многие украинцы совершенно искренне считали себя русскими и язык свой, с некоторыми, скажем, уклонами и особенностями, не большими все же, чем в первой попавшейся другой губернии, русским“, — вынужден признать украинский исследователь. И в этом не было ничего странного. Русский литературный язык изначально формировался как язык общерусский, общий для всей исторической Руси, в том числе и для той ее части, которая сегодня называется Украиной. Вклад украинцев в развитие этого языка огромен. Естественно, потому что он воспринимался здесь как свой. Разумеется, люди малообразованные употребляли не литературные формы речи, а местные просторечия. Последние не слишком отличались от русского литературного языка. К тому же лексикон их ограничивался минимумом, необходимым в быту. Если возникала потребность затронуть в разговоре тему, выходящую за рамки обыденности, простолюдины черпали недостающие слова из языка образованного общества, то есть из того же русского литературного.

И сколько бы ни пытались украинофилы изменить сложившееся положение, им это не удавалось. Ничего не поменялось и после установления советской власти. В революционном запале украинские

большевики объявили было войну русскому языку („вчерашнему языку буржуазной культуры“, „языку угнетения украинцев“), принявшись украинизировать все и всех. Но вскоре новые правители Украины сообразили, что стараются себе во вред. Октябрьский (1922 года) пленум ЦК КП(б) У признал необходимым для пропаганды в украинском селе коммунистических идей издавать газету „Селянська правда“ не только на украинском, но и на русском языке, поскольку крестьяне „недостаточно привыкли к украинскому литературному языку“. Пленум также постановил, что „язык преподавания в школах должен вводиться в соответствии с организованным волеизъявлением населения“. Казалось, украинизация закончилась, едва начавшись. Однако языковое „перемирие“ длилось не очень долго»[365].

Вскоре большевики договорились с националистами типа Грушевского. «Интересами внутренней политики компартийные вожди пожертвовали ради мировой революции. В результате и появилось вышеупомянутое постановление о содействии украинскому языку. „Признававшееся до сих пор формальное равенство между двумя наиболее распространенными в Украине языками — украинским и русским — недостаточно“, — говорилось в нем, ибо „жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка“. Получалось, как в анекдоте: раз жизнь противоречит линии партии, то тем хуже для жизни. Но это был не анекдот. Борьба с русским языком началась всерьез…

Поначалу, правда, не очень свирепствовали. Быстрому проведению украинизации мешали объективные причины. „Особенно нужно знание украинского языка, потому что его никто хорошо не знает, а часто и не хочет знать“, — писала украинская пресса. Украинцы отказывались признавать „рідну мову“. „Они оправдываются тем, что говорят: это язык галицкий, кем-то принесенный, и его хотят кому-то навязать; шевченковский язык народ давным-давно уже подзабыл. И если бы учили нас шевченковскому языку, то, может быть, еще чего-то достигли, а галицкий язык никакого значения не имеет“, — отмечалось на I Всеукраинском учительском съезде (1925 г.).

Претензии к украинскому литературному языку были небеспочвенными. Он разрабатывался в основном галицкими украинофилами, делавшими все возможное, чтобы подальше увести свое „творение“ от общерусского корня. Искусственно вводились в оборот заимствования из польского, немецкого, латинского, других языков, выдумывались („ковались“) новые слова. Как вспоминал Михаил Драгоманов, одно время принимавший участие в „языкотворчестве“, целью

была „оригинальность языка, а не его понятность“. Такой язык даже в Галиции прививался с трудом, а уж в российской Украине — тем более.

Игнорировать эту проблему власти не могли. „Нам необходимо приблизить украинский язык к пониманию широких масс украинского народа“, — заявил председатель Совета народных комиссаров УССР Влас Чубарь. Но приближать стали не язык к народу, а наоборот. Руководствовались тезисом Агатангела Крымского: „Если на практике мы видим, что люди затрудняются в пользовании украинским языком, то вина падает не на язык, а на людей“»[366].

Еще во времена Центральной Рады и гетманшафта раздавались трезвые голоса против введения «литературного украинского языка». Так, газета «Голос Киева» опубликовала 13 июня 1918 г. обращение правления Союза служащих правительственных учреждений Винницы к властям. В тексте говорилось о том, что при делопроизводстве в учреждениях нет необходимости переходить на украинский, поскольку «случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением — с другой, никогда не было… Более того, такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний в своей литературной форме почти ничего общего с местным просторечием не имеет». Служащие же вполне понимают это просторечие, «а в некоторых случаях и объясняются» на «простом языке местного населения», то есть на суржике. Но вот украинским литературным языком никто не владеет[367].

То же самое происходило и по всей УССР в 1920-х гг. Вот как описывал рабочий-партиец в своем письме в ЦК КП(б) У положение в Луганске: «Убежден, что 50 % крестьянства Украины не понимают этого украинского языка, другая половина, если и понимает, то все же хуже, чем русский язык… Тогда зачем такое угощение для крестьян?» Особенно возмущался рабочий переводом на украинский язык партийной печати: «Я не говорю уже о „Коммунисте“ на украинском языке. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для хозяйственных надобностей. Это ли не трагедия… Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и, только озираясь по сторонам (на предмет партлица), запустит словцо по адресу украинизации».

Житель села Никольское Павловского района Сталинского округа УССР в своем письме в редакцию «Крестьянской газеты» в 1927 г. сетовал на то, что «у нас на Украине Сталинского района издаются книги, объявления, разные распоряжения» на украинском языке, «непонятном для

народа». «На сходах читают наказы, распоряжения, объявления и т. д. на украинском языке. Народ заявляет: „Читать на русском понятном языке, не надо нам читать на венгерском“, т. е. на непонятном языке»[368].

Ведь к 1917 г. население городов Малороссии говорило исключительно на русском языке, а селяне — на диалектах русского языка с большими или меньшими вкраплениями местных выражений и полонизмов (суржике). И, кстати, горожане и селяне прекрасно понимали друг друга, и им никогда не требовался переводчик. И если уж большевикам приспичило вводить украинский язык, то почему бы не сделать государственным языком «мову» селян Полтавщины или Харьковщины? Можно было ввести термины «мовы» в состав русского языка и тем самым обогатить его. К примеру, «гепнуться» — это не означает просто «упасть», а «тикать» — «бежать».

Увы, большевики на Украине пошли совсем по другому пути. Они начали насаждать в УССР галицийский диалект и галицийскую культуру. Та же Елена Борисёнок пишет: «В целом связи между УССР и Западной Украиной были весьма разносторонними. Тут стоит особо отметить деятельность Всеукраинской академии наук (ВУАН) и ее исторической секции. В рамках последней действовала Комиссия истории Западной Украины, приглашавшая западноукраинских ученых на торжественные мероприятия в Киев. К примеру, весной 1927 г. состоялись публичные доклады в УССР К. Студинского о научной жизни в Галиции, И. Свенцицкого о старом галицийском искусстве, В. Симовича — о жизни Буковины. В октябре 1927 г. на заседании Комиссии истории Западной Украины выступали западноукраинские ученые Студинский, Ф. Колеса, М. Кордуба, О. Макарушка. В марте 1928 г. Кордуба принимал участие в торжественном заседании исторической секции ВУАН, посвященной 20-летию со дня смерти В. Б. Антоновича. В апреле 1929 г. в Киев приезжали Студинский и И. Крипьякевич для обсуждения дальнейшего сотрудничества галицийских ученых с исторической секцией ВУАН…

Примером достаточно тесного сотрудничества интеллигенции УССР и Западной Украины служит Украинская правописная конференция, прошедшая в Харькове с 25 мая по 6 июня 1927 г. Состав участников конференции был достаточно широк. Помимо четырех представителей Наркомпроса, в ней принимали участие пять академиков, 28 профессоров лингвистики и филологов, 8 писателей, 7 журналистов и 8 учителей. С Западной Украины приехали известные украинские ученые К. Студинский, И. Свенцицкий и В. Симович. По решению конференции для продолжения работы над украинским правописанием была создана специальная

государственная правописная комиссия во главе со Скрыпником. В сентябре 1928 г. правила украинского правописания были официально утверждены постановлением СНК УССР.

Разработанные комиссией нормы украинского правописания были результатом компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами…

Много галицийских слов и выражений было включено в Академический словарь — некоторые с пояснением их регионального употребления, некоторые — без такового. Галицийские слова и выражения были признаны нормальной составляющей литературного языка»[369].

А. А. Хвыля в журнале «Коммунист» в апреле 1933 г. писал: «Эти общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс». В качестве примера Хвыля приводит замену слова «петит» в украинском языке на слово «дрібень», «сектор» — на «витинок», «сегмент» — на «утинок», «экран» — на «заствуч», «экскаватор» — на «копалка», «штепсель» — на «притичку», «аэрографию» — на «марсознавство», «атом» — на «неділка», «завод» — на «виробня».

И Хвыля делал следующие выводы: «Процесс создания украинской научной терминологии, направлениеразвития украинского научного языка — пошло по линии искусственного отрыва от братского украинскому языку — языка русского народа. Наязыковедческом фронте националистические элементы делают все, чтобы между украинской советской культурой и русской советской культурой поставить барьер и направить развитие украинского языка на пути буржуазно-националистические. Это делалось для того, чтобы, пользуясь украинским языком, воспитывать массы в кулацко-петлюровском духе, воспитать их в духе ненависти к социалистическому отечеству и любви к казацкой романтике, гетманщине и т. п.».

Динамика украинской начальной (трудовой, или школы социального воспитания) школы была такова: в 1922 г. было 6105 украинских школ, в 1925 г. — 10 774, в 1930 г. — 14 430[370].

Украинизация прессы в 1930 г. достигла 68,8 %, а в 1932 г. — 2003 87,5 %. К 1930 г. только три крупные газеты (в Одессе, Донецке и Мариуполе) выпускались на русском языке[371].

В 1928 г. 71,2 % журналов издавались на украинском языке, а в

1929 г. — уже 84 %[372].

Выпуск книг на украинском языке в 1925–1926 гг. составил 45,8 % от общего количества выпущенных книг, в 1927–1928 гг. — 53,9 %, а в 1931 г. эта цифра составила 76,9 %[373].

В конце 1920-х гг. продолжал активно развиваться и украинский кинематограф. В 1927–1929 гг. в Киеве была построена новая киностудия, которая стала самой большой в Европе на тот период. В киноискусстве доминировала украинская проблематика. Продолжалась украинизация театрального искусства, хотя в этой сфере, особенно в оперных театрах, это удавалось с большим трудом. Так что на конец ноября 1927 г. театральная сфера была украинизирована лишь на 26 %. Но в начале 1930-х гг. русскоязычные театры были фактически вытеснены с Украины, а центральные театральные помещения перешли к украинским труппам. В 1931 г. в УССР было 66 украинских, 12 еврейских и 9 русских стационарных театров[374].

Любопытно, что «украинствующие» (в большинстве своем не имевшие корней в Малой России) пытались ввести свою цензуру и в Москве. Так, П. М. Керженцев, зам. зав. агитпропотдела ЦК, опубликовал 9 февраля 1929 г. в «Правде» статью «К приезду украинских писателей»: «Наш крупнейший театр (МХАТ I) продолжает ставить пьесу, извращающую украинское революционное движение и оскорбляющую украинцев. И руководство театра и Наркомпрос РСФСР не чувствуют, какой вред наносится этим взаимоотношениям с Украиной». Речь шла о пьесе «Дни Турбиных».

«Став в апреле 1925 года первым секретарем ЦК КП(б) У, Каганович взялся за украинизацию со свойственной ему решительностью. Всем служащим предприятий и учреждений было предписано перейти на украинский язык. Замеченные в „отрицательном отношении к украинизации“ немедленно увольнялись (соблюдения трудового законодательства в данном случае не требовалось). Исключений не делалось даже для предприятий союзного подчинения. В приказном порядке украинизировались пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации. Вывески и объявления запрещалось даже дублировать по-русски. Ударными темпами переводилась на украинский система образования. Мова стала главным предметом всюду — от начальной школы до технического вуза. Только на ней разрешалось вести педагогическую и научно-исследовательскую работу. Украинский язык, как восторженно писал известный языковед-украинизатор Алексей

Синявский, „из языка жменьки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции волей этой последней становится органом государственной жизни страны“.

Сам язык тоже не стоял на месте. Продолжался процесс „очищения“ от слов русского происхождения. Группа академиков ревизовала словари, было разработано новое правописание. Обсуждался вопрос о введении латинского алфавита, но такой шаг сочли преждевременным.

Ход украинизации тщательно контролировался сверху. Специальные комиссии регулярно проверяли государственные, общественные, кооперативные учреждения. Контролерам рекомендовалось обращать внимание не только на делопроизводство и прием посетителей, но и на то, на каком языке сотрудники общаются между собой. Когда, например, в народном комиссариате просвещения обнаружили, что в подведомственных учреждениях и после украинизации преподавательского состава технический персонал остался русскоязычным, то распорядились, чтобы все уборщицы, дворники, курьеры разговаривали на украинском.

А Каганович все не унимался. Особую ненависть вызывали у него русскоязычные украинцы. Если к выходцам из Великороссии хотя бы на первом этапе допускались методы убеждения, то на коренное население Лазарь Моисеевич требовал „со всей силой нажимать в деле украинизации“. Украинцы отвечали взаимностью. Они сопротивлялись, как могли. Если была возможность, детей из украинизированных школ переводили в те учебные заведения, где преподавание еще велось по-русски. (Следствием этого стала гораздо большая наполняемость русскоязычных классов в сравнении с украиноязычными.) Украиноязычные газеты теряли читателей. „Обывательская публика желает читать неместную газету, лишь бы не украинскую, — записывал в дневник Сергей Ефремов. — Это отчасти и естественно: газету штудировать нельзя, ее читают, или, точнее, пробегают глазами наспех, а даже украиноязычный обыватель украинский текст читать быстро еще не привык, а тратить на газету много времени не хочет“. Та же картина наблюдалась в театрах. Посещаемость украиноязычных спектаклей резко упала. Чтобы заполнить зрительные залы, властям пришлось организовывать принудительные „культпоходы“ в театр рабочих коллективов.

Холодный прием встретили украинизаторы и в селах. „Было бы ошибочно думать, что процесс украинизации, в том числе в части продвижения украинской книжки, не является актуальным и для села, — отмечалось в прессе. — Ведь русификация, проводимая на протяжении многих лет царским правительством, пустила корни и среди сельского

населения. Украинская книжка на селе, хоть и не в такой мере, как в городе, должна еще завоевать себе место“. „Наша украинская газета еще мало распространяется на селе, — жаловался на I Всеукраинском учительском съезде делегат из Харьковской губернии. — У нас на Харьковщине в селе русская газета „Харьковский пролетарий“ лучше распространяется, почему-то ее больше выписывают, чем „Селянську правду““ (вновь ставшую исключительно украиноязычной). „Украинская литература широко не идет, приходится силой распространять ее“, — вторил коллеге делегат от одного из округов Киевской губернии.

В ответ на сопротивление коммунистический режим ужесточал репрессии. Официально было объявлено, что „некритическое повторение шовинистических великодержавных взглядов о так называемой искусственности украинизации, непонятном народу галицком языке и т. п. является русским националистическим уклоном“ (обвинение, грозившее тогда серьезными последствиями).

Справедливости ради надо сказать, что утвердить украинский язык без принуждения не представлялось возможным. Украинцы не принимали „рідну мову“ добровольно. Большевикам приходилось насильно вводить ее во все сферы государственной и общественной жизни. „Ни одна демократическая власть не достигла бы либеральными методами таких успехов на протяжении такого короткого промежутка времени“, — признает современный сторонник украинизации, комментируя деятельность Кагановича и его подручных.

Не замедлили и последствия „успехов“. Резко снизился уровень культуры. Многие специалисты, будучи не в силах привыкнуть к новому языку, покинули республику. Мощный удар нанесен был процессу обучения. Попадая из русскоязычной среды в украинизированные учебные заведения, дети калечили свою речь. „Имел возможность наблюдать речь подростков, мальчиков и девочек, учеников полтавских трудовых и профессиональных школ, где язык преподавания — украинский. Речь этих детей представляет собой какой-то уродливый конгломерат, какую-то невыговариваемую мешанину слов украинских и московских“ — замечал один из украинизаторов.

Председатель Всеукраинского ЦИК Григорий Петровский еще хорохорился: „Всегда вновь рождающееся связано с болезнями, и это дело не составляет исключения. Пока дождешься своих ученых или приспособишь тех специалистов, которые должны будут преподавать у нас на украинском языке, несомненно, мы будем иметь, может быть, некоторое понижение культуры. Но этого пугаться нельзя“»[375].

Но со временем в Кремле начали понимать, к чему ведут «национал-коммунисты» Украину. Вот, к примеру, 11 марта 1929 г. Центральная контрольная комиссия обсуждала положение на Украине в связи с проведением украинизации. Беседуя с замом ЦК и Оргбюро ЦК КП(б) У А. Хвылей, заместитель наркома просвещения П. К. Соллогуб заявил: «Никакой правильной национальной политики у нас сейчас не проводится и не проводилось… Имеет ли сейчас украинский народ свое государство? Не имеет! Представляет ли сейчас Украина собою какое бы то ни было единое политическое целое? Не представляет! Представляет ли собою Украина хозяйственное целое? Не представляет! Имеет ли Украина свой бюджет? Не имеет! Сейчас на Украине и в Советском Союзе проводится не ленинская национальная политика, а программа еврейского „Бунда“, программа культурно-национальной автономии»[376].

Как видим, «национал-коммунист» Соллогуб представил целую программу полного отделения Украины от России.

Еще 26 апреля 1926 г. Сталин отправляет Л. М. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б) У письмо. Там он пока очень осторожно подвергает критике украинизацию: «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком — украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей». Далее в письме указывается на «теневые» стороны «нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность»: «Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против „Москвы“ вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения — против ленинизма»[377].

Тем не менее политика «украинизации» была свернута лишь после февральского (1933 года) пленума ЦК КП(б).

На XVII съезде ВКП(б) Сталин заявил: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью»[378].

На Украине русский язык получил равные права с украинским лишь в 1938 г., когда было принято постановление об обязательном изучении

русского языка в украинских школах.

Вопрос о репрессиях 1930-х гг. сложный и деликатный. Начну с того, что объем репрессий на Украине и в европейской части СССР был примерно одинаков. В верхах шла жестокая борьба за власть. (Вспомним события во Французской республике в 1792–1799 гг.). В России и на Украине есть тысячи историков, брызжущих слюной при одном упоминании о Сталине и его репрессиях. Но, увы, никто из них пока не доказал: ах, если бы победил Троцкий или Зиновьев, какая была бы прекрасная жизнь. На гребне революционной волны поднялась грязная пена — всякие там Яши Блюмкины, Ляльки Рейснеры, Левки Задовы, Раскольниковы и т. д. Куда они могли завести страну? Можно ли было их убрать, используя законные способы? Да, многих обвинили облыжно в шпионаже и вредительстве. Но посмотрим, что происходило с «народными героями», когда они оказывались за кордоном, что врангелевцы, что самостийники, что троцкисты. Там они быстро вставали на содержание германской, польской, французской и других разведок. Все они мечтали вернуться назад в обозе оккупационных войск.

Наконец, в СССР остались сотни тысяч бандитов: матросов, сжигавших людей в токах только за их происхождение, махновцев, струковцев и прочих «зеленых». Никто из них не собирался строить социализм.

Еще раз процитирую современный украинский учебник: «Согласно данным Коллегии КГБ СССР, „в 1930–1953 годы по обвинению в контрреволюционных государственных преступлениях судебными и всякого рода несудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из них 786 098 человек расстреляно“.

Всего с 1930 по 1953 г. в лагерях побывало около 18 млн человек, из них $1/_5$ — по политическим мотивам.

Репрессии сверху дополнялись массовым доносительством снизу… Донос, особенно на вышестоящих начальников, становился удобным средством продвижения по службе для многих завистливых карьеристов. Подсчитано, что 80 % репрессированных в 30-е годы погибли по доносам соседей и коллег по службе»[379].

Лишь замечу, что число доносов подсчитано только на Украине, а в Российской Федерации все сведения о доносах и доносчиках ФСБ хранит под грифом «совершенно секретно». Но и так ясно, что число доносов, которые писали профессора и писатели, на порядок, а то и на два превосходит число доносов, написанных рабочими и крестьянами, имеется

в виду «на душу населения».

Кстати, почему-то никто не пишет о суровых репрессиях за ложный донос. А вот в 30-х–50-х гг. в НКВД подлежал проверке не только тот, на кого донес, но и сам доносчик. Мне еще в 15 лет один старый оперативник рассказал, что в отдельных случаях за ложные доносы арестовывали до 30 % стукачей.

Итак, Украина никогда не была колонией, ни при «проклятом царизме», ни при большевиках. Писать о том, что промышленность и энергетика Украины в 1940 г. выросла во много раз по сравнению с 1913 г., скучно, это неинтересно. Взамен я предлагаю читателю достать дедушкины и прадедушкины старые фотографии. Посмотрим на радостные лица на первых демонстрациях (их что, туда под дулом револьвера загоняли чекисты?), отдых в санатории по бесплатным путевкам, купание в Черном море, студенческие аудитории и т. д., и т. п. В каком украинском селе не найдется земляков, которые из босоногих мальчиков сделались директорами предприятий, учеными, генералами… Ну что ж, типичная судьба туземцев в бедной колонии…

Глава 5
«Голодомор» — шедевр оранжевого эпоса

В 2003 г. на Украине широко отмечалось 70-летие голода 1932–1933 гг. И, как обычно, не обошлось без антисоветчины. В том же году, 22 октября, Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию, в которой, в частности, говорилось, что «этот искусственный голод был задуман и осуществлен советским режимом как преднамеренный акт террора и массового убийства украинского народа». МИД Украины и представительство Украины в ООН подготовили проект Резолюции 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с осуждением Голодомора 1932–1933 гг. на Украине. Генеральной Ассамблеей ООН было принято «Совместное заявление делегаций». Там говорилось: «В Советском Союзе миллионы мужчин, женщин и детей пали жертвой жестоких действий и политики тоталитарного режима. Великий голод 1932-33 гг. на Украине (Голодомор), который унес 7-10 миллионов невинных жизней и является национальной трагедией украинского народа……Соблюдая семидесятую годовщину Украинской трагедии, мы почтим память о миллионах русских, казахов и представителей других наций, которые умерли от голодания в Поволжье, Северном Кавказе, Казахстане и в других частях прежнего Советского Союза…».

В этом заявлении ни слова не говорится о каком-либо акте «геноцида», а только о «национальной трагедии украинского народа». Что поражает больше всего, так это подпись России под документом.

И вот 2 ноября 2006 г. президент Украины В. А Ющенко внес в Верховную Раду Украины как неотложный законопроект «Про Голодомор 1932–1933 годов в Украине».

В статье 2 этого проекта закона предлагается запретить публичное отрицание Голодомора 1932–1933 гг. на Украине с соответствующим административным наложением штрафа.

21 апреля 2006 г. министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк, участвовавший в заседании Совета глав МИД стран СНГ в Москве, предложил внести в повестку дня заседания вопрос о признании Голодомора 1932–1933 гг. актом геноцида украинского народа.

Но глава МИД России Сергей Лавров заявил, что «обсуждение этого вопроса уже проходило в узком составе, но консенсуса не было достигнуто», а поэтому «последствия коллективизации во времена СССР

должны рассматривать историки».

Внесение этого вопроса в повестку заседания помимо Украины поддержали члены организации ГУАМ — Грузия, Молдавия и Азербайджан. Против высказались Россия, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Воздержались Армения, Туркмения и Казахстан.

В связи с этим Борис Тарасюк заявил, что СНГ «показало свою неэффективность» и «не имеет перспективы в будущем» в нынешнем формате, поскольку «СНГ не реагирует на ситуации, являющиеся наиболее чувствительными для стран-участниц СНГ».

Комментируя позицию России, Борис Тарасюк заметил, что Россия, с одной стороны, пытается утвердить себя как государство-правопреемник СССР, а с другой стороны — «отказывается брать на себя ответственность за те преступления, которые совершала страна, правопреемницей которой она является».

24 августа 2006 г., в День независимости Украины, президент Виктор Ющенко высказал надежду на то, что «в ближайшие месяцы Верховная Рада исполнит свой долг перед украинским народом и законодательно признает Голодомор на Украине актом геноцида против нашей нации». Как заявил Ющенко, перед правительством стоит «четкая задача обеспечить возведение в Киеве мемориала жертвам Голодомора к 75-й годовщине трагедии».

29 ноября 2006 г. президент Украины Виктор Ющенко подписал принятый накануне Верховной Радой закон о Голодоморе 1932–1933 гг. Закон квалифицирует Голодомор как «геноцид украинского народа».

Так что же произошло в 1932–1933 гг. на Украине? Как и везде, отдельные события нельзя рассматривать вне исторического контекста.

Начну с того, что в силу климатических условий голод в России был постоянным явлением с циклом от 10 до 20 лет. Я уж не буду вспоминать о четырех подряд голодных годах правления Бориса Годунова, что стало одной из причин начала Великой смуты.

В 1850–1854 гг. голод охватил 16 губерний России. Очередной голод постиг Россию в 1872–1873 гг.

Кстати, голодные годы были не только в России. Так, в австро-венгерской Галичине, по данным депутата австрийского парламента Станислава Щепановского, с 1860 по 1888 г. от голода умерло 1,5 млн украинцев. Только почему-то этот факт никакими датами, памятниками и мемориалами в новейшей истории Украины не отмечен.

Следующими голодными годами в России стали 1891–1892-й. Тогда по

разным источникам от голода погибло от 700 тысяч до нескольких миллионов. По официальной статистике смертность в 1892 г. составила 3,92 % от численности населения России, а в 1894 г. — 3,27 %. Таким образом, смертность возросла на 15 %.

Интеллигенция возмущалась, все ругали царское правительство, но рецепты предлагали самые разные. Так, философ Н. Ф. Федоров считал причиной голода усиление влияния Запада, а Лев Толстой требовал раздать всю землю мужикам и людям всех профессий заняться сельским хозяйством. В этом граф убеждал собственным примером — «пахать подано, Ваше сиятельство».

Но вот прошли хваленые «столыпинские реформы». И… вновь голод. В 1911 г. в Европе из-за засухи случился серьезный неурожай зерновых. Естественно, что цены на зерно в Европе взлетели. Стремясь получить максимум прибыли, российские предприниматели быстро продали то, что было собрано в России. В том числе и значительную часть стратегического запаса, содержащегося на случай голода. Даже в 1911 г., в год исключительно тяжелого голода, было вывезено 53,4 % всего зерна — больше и относительно, и тем более абсолютно, чем в годы предыдущего пятилетия. В 1911 г. — цитирую официальные документы — «голодало 9 губерний с общим народонаселением до 32 миллионов человек. От того смертность 1 миллион 613 тысяч православных душ».

И в 1891–1892 гг., и в 1911 г. из США в Россию в большом объеме поступала продовольственная помощь. Однако наши чиновники, принимавшие гуманитарную помощь от американцев, просили давать ее деньгами, а не хлебом, указывая на тот факт, что на каждый пароход с гуманитарным хлебом, идущим в Россию, десять пароходов везут русский хлеб на продажу на Запад.

Нетрудно понять, что причиной периодического голода в Российской империи были не столько климатические условия, сколько отсутствие жесткого контроля государства в области продовольствия. Формально царь Николай II был самодержец и мог принять любые меры, но к управлению государством у него не было ни способностей, ни желания. Давайте попробуем разобраться, какие же исторические факты (не фантазии, не эмоции, а факты) привели к трагедии. Для этого проведем небольшой экскурс. В 1796–1815 гг. в ходе непрерывных войн русский мужик исправно кормил и армию, и страну. Не будем спорить, что было тут главным фактором — воля и принуждение помещика или понимание того, что надо побить супостата. Я лично уверен, что преобладало первое, но повторяю, не будем спорить.

До 1914 г. Германия была крупнейшим в мире импортером продовольствия, а блокада союзников прервала почти все поставки продовольствия.

Германия в течение всей войны переживала серьезные трудности с продовольствием, но голода не было. Не было и крестьянских волнений. «Михель» доверял своей власти и честно отдавал ей 80–90 % произведенной продукции, а по некоторым видам — и все 100 %.

А у нас в 1915 г., несмотря на обильный урожай, нормальный товарооборот был нарушен и «хлеб на рынок не пошел». Отдельные губернии стали вводить карточное распределение основных продуктов питания и промышленных товаров, что привело к появлению огромного, иногда трехкратного, разрыва в местных ценах, и как следствие к растущей, как снежный ком, спекуляции. К 1916 г. посевы сельскохозяйственных культур сократились на 12 %, производство зерна — на 20 %, мяса — в 4 раза[380], для нужд армии было реквизировано 2,6 млн лошадей. Тем не менее, в 1916 г. собрали 3,8 млрд пудов зерна, что при отсутствии экспорта превышало довоенную потребность внутреннего рынка на 400–500 млн пудов.

С начала войны царское правительство прибегло к инфляционным мерам ее финансирования. Эффект от этого стал существенно сказываться только через год и выразился в опережающем росте цен на товары первой необходимости. Царское правительство нашло выход в том, что «установило твердые цены на хлеб и эти цены повысило», Ленин назвал этот шаг нелепой мерой, поскольку ход мысли кулака очевиден — «Нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят…».

В 1912 г. помещики произвели около 25 % товарного хлеба, а кулаки — свыше 50 %.

Еще до явления большевиков малороссийские националисты и российские интеллигенты объявили крестьянина «священной коровой». У него, де высокая нравственность, аналитический ум, первоклассный патриотизм и т. д. Большевики лишь подхватили этот лозунг.

Увы, все было далеко не так. Вспомним, как в «Анне Карениной» мужичок хотел обобрать барина Стиву Облонского и купить лес за десятую часть цены, и лишь вмешательство помещика Левина остановило «кидалу».

Риторический вопрос, кто устроил «голодомор» в конце 1916 — начале 1917 г.? Может, Ленин из Женевы и Сталин из Сибири руководили срывом поставок продовольствия в России? Нет, именно «крепкий мужичок», воспользовавшись войной, решил «кинуть» свою армию и всю страну, так же как и Облонского.

Воспользовавшись НЭПом, мужичок начал «кидать» и советскую власть в конце 1920-х гг. Согласно современному украинскому учебнику истории, «кризисы хлебопоставок в 1927–1928 гг… были вызваны тем, что крестьяне отказывались продавать хлеб государству по низким (в 8 раз ниже рыночных) ценам, предпочитая сгноить его или скормить свиньям. Чтобы преодолеть кризис в 1927 г., советская власть пошла на уступки крестьянству: закупочные цены были повышены, и крестьяне продали припрятанный хлеб. Но через год ситуация повторилась: желая дождаться повышения цен, крестьяне снова не спешили продавать его хлебозаготовителям. К январю 1928 г. было заготовлено на 128 млн пудов хлеба меньше, чем к январю 1927 г. Срыв плана хлебозаготовок грозил серьезными провалами как во внутренней, так и во внешней политике»[381].

До сих пор ни один либерал не посмел открыто сказать, что «индустриализация была не нужна СССР». Никто и не предлагал альтернативный план индустриализации.

Риторический вопрос, можно ли было без индустриализации создать сильную Красную Армию? Можно ли было без индустриализации во второй половине 1930-х гг. защитить Дальний Восток и Сибирь от японского вторжения? Ведь сражения на озере Хасан и реке Халхин-Гол были не случайным конфликтом, а пробой сил перед большой войной. Наконец, мог СССР без индустриализации выстоять в войне со всей Европой в 1941–1945 гг.?

У Сталина не было альтернативы коллективизации, хотя, повторяю, большевики наделали при этом много глупостей. Кулаки ответили массовым забоем скота, сокрытием и уничтожением зерна, убийствами колхозной администрации и сельских активистов. Результат — сильный голод 1932–1933 гг.

Спору нет, и в Великороссии, и в Малороссии было тогда тяжелое время. Но сведение всей истории огромной страны к «голодомору» и репрессиям — это чудовищная ложь, почище чем у Геббельса.

Небольшой пример. У меня есть три знакомые дамы, у них раскулачили деда в Тамбовской области. Все три его внучки при советской власти получили высшее образование и отдельные двух— и трехкомнатные квартиры в Москве и ближнем Подмосковье. Возникает вопрос, имели бы они это без раскулачивания? В 1990 г. местные власти хотели даром отдать дамам-наследницам землю их деда. Увы, никто из них не пожелал ехать в тамбовскую глубинку и стать там «кулачками». Тем не менее, собираясь за обильным праздничным столом, дамы с чувством ругают советскую власть.

Да, в 1932–1933 гг. вследствие погодных условий (засухи) и

безграмотных действий коммунистических функционеров при проведении коллективизации стал голод. Любопытно, почему голод в Российской империи и СССР в 1850–1854 гг., 1872–1873 гг., 1891–1892 гг. и 1922 г. именуют просто голодом, а в 1932–1933 гг. — «голодомором»? Замечу, что слова «голодомор» не было ни в древнерусском языке, ни в малороссийской мове. Это типичный новояз националистов русскоязычных либералов. Мором в IX–XIX вв. в Киеве, Новгороде и Москве называли эпидемии, а никак не отсутствие продовольствия.

О голоде на Украине хорошо написал историк Г. С. Ткаченко. Начну с таблицы.

Таблица 1

Валовой сбор зерна и величина хлебопоставок на Украине в 1930–1933 гг. (млн пудов)[382]

1930
Валовой сбор зерна: 1431,3
Сдано государству: 487,5
В % к валовому сбору: 34

1931
Валовой сбор зерна: 1100,0
Сдано государству: 431,3
В % к валовому сбору: 39,2

1932
Валовой сбор зерна: 918,8
Сдано государству: 255,0
В % к валовому сбору: 27,8

1933
Валовой сбор зерна: 1412,5
Сдано государству: 317,0
В % к валовому сбору: 22,4

Из таблицы видно, что на Украине от урожая 1932 г. зерна оставалось

663,8 млн пудов, а в 1933 г. — 1 млрд 95,5 млн пудов. Если учесть, что на Украине в это время проживало немногим менее 30 млн человек (по переписи 1926 г. — 29 млн), то на душу населения приходилось в 1932 г. — 21,1 пуда, а в 1933 г. — 36,5 пуда. Количество оставшегося в хозяйствах зерна соответствовало научно обоснованным нормам: 20–25 пудов (320–400 кг) на человека.

«Объективный фактор — засуха, обусловившая недобор хлеба, — был дополнен и усилен субъективными факторами, главными из которых стали экономические диверсии кулачества — класса сельской буржуазии.

До осуществления массовой коллективизации кулак определял в основном экономическую жизнь страны. К 1930 г. в СССР насчитывалось 5–7 % кулаков, которые контролировали около 20 % рынка зерна, в целом 56 % продажи сельскохозяйственной продукции. Рядом с кулаком находилось 27 млн безлошадных крестьян. Из них 2,7 млн (27 %) крестьян вообще оказались без земли и, чтобы выжить, вынуждены были батрачить на кулака, для которого и национализированная земля не являлась препятствием для расширения своего хозяйства и сохранения хищнического образа жизни.

„Свободные“ СМИ характеризуют кулачество как лучшую часть крестьянства.

Справедлива ли такая оценка? Да, кулаки — это весьма энергичные, деловые и работоспособные люди. Они были несколько выше основной массы крестьян и по уровню образования. Однако современные СМИ, обслуживающие „прихватизаторов“, закрывают глаза на то, что кулак — это эксплуататор, чаще злобный и беспощадный стяжатель. На эту сторону (нравственно-психологическую) обратил внимание в последней трети XIX века весьма наблюдательный российский помещик Энгельгардт (по всей вероятности, входивший в родню известного помещика-крепостника, к которому принадлежала семья Тараса Шевченко). В своих письмах-заметках Энгельгардт выделял в социальной психологии кулака властность, жестокость, эгоизм, необузданную страсть к стяжательству.

В таком же нравственно-психологическом ключе рисует образ кулака профессор Е. Дилон, проживший несколько десятков лет в России. Ученый писал, что „из всех монстров, которых мне приходилось когда-нибудь встречать во время путешествия (по России), я не могу вспомнить более злобных и отвратительных, чем кулак“.

Кулаки прятали хлеб, а часто и гноили, ждали момента, когда его можно было бы продать по бесконтрольным ценам. Своим примером они заражали других зажиточных крестьян и середняков. Хотя удельный вес

кулачества среди крестьянства был незначительный (5–7 %), однако сила его политического и психологического влияния на односельчан становилась неизмеримо выше их численности. Следуя примеру и призывам кулаков, сопровождаемым террором, многие крестьяне отказывались сдавать хлеб государству Так, крестьянин П. Васильевского сельсовета (Харьковская обл.), не сдав ни одного килограмма, спрятал хлеб в ямы. Там его было обнаружено около двух тонн.

В справке информационного сектора оргинструкторского отдела ЦККП(б) У от 9 февраля 1933 г. приводятся данные о том, что в Васильковском сельсовете (Харьковская обл.) крестьянин-единоличник Яковец Влас, „имея в пользовании 4,45 га посевной площади, не сдал ни одного килограмма хлеба, но бросил детей, которые сейчас нищенствуют“.

Бригада по хлебозаготовкам обнаружила в его хозяйстве 19 центнеров зерна, закопанного в яму.

Аналогичные факты были выявлены и в других регионах республики. К примеру, в Донецкой области, в селе Алексеевка, кулак Нешерет Трохим умер от голода, но вскоре у него нашли яму с зерном кукурузы, большая часть которого погибла. В селе Макартянино у единоличника Стрельцова Семена, заявлявшего, что голодает, было обнаружено 8 пудов ржи и 3,5 пуда кукурузы. У колхозницы Юрченковой, которая жаловалась на то, что пухнет от голода, было обнаружено 8 пудов ржи…»

В 1928 г. на Украине было совершено около 500 террористических актов. В 1929 г. активность подрывных сил не убавилась. Только во второй половине года правоохранительные органы республики зарегистрировали 290 террористических актов.

В оперативном приказе № 2 по ГПУ УССР от 13 февраля 1933 г. говорится: «Организованный саботаж хлебозаготовок, осеннего сева, организованное массовое воровство в совхозах и колхозах; террор в отношении наиболее стойких коммунистов и активистов села; переброска на Украину осенью прошлого года десятков петлюровских эмиссаров, распространение контрреволюционных петлюровских листовок, в особенности на Правобережье, и анализ агентурных материалов говорили за безусловное существование на Украине организованного контрреволюционного подполья, связанного с закордоном и контрразведками, главным образом польским Генштабом»[383].

Органами госбезопасности Украины в 1932 г. было вскрыто разветвленное антисоветское подполье, охватившее около 200 районов, 20 железнодорожных станций и депо, а также пунктов пограничной полосы. Только в Киевской и Черниговской областях было изъято 3500 единиц

огнестрельного оружия[384].

Сколько же погибло людей в ходе «голодомора»? До 1991 г. западные «советологи» приводили самые разнообразные цифры. Так, Дейл Даримал называл цифру 5,5 млн человек; Николай Приходько, кстати, в годы войны сотрудничавший с немцами, — 7 млн человек; У. Х. Гамберлен и Е. Лионе — 6–8 млн человек; Ричард Сталет — 10 млн человек; Хосли Грант — 15 млн человек.

А в украинских СМИ недавно прозвучала новая цифра жертв «голодомора» — аж 25 млн человек! Если учесть, что кампания по «голодомору» на Украине продолжает набирать обороты, то, видимо, упомянутая цифра, которую впору заносить в книгу рекордов Гиннесса, — не предел.

На самом деле статистические данные по Украине таковы: В 1932 г. умерло 668 тыс. человек, в 1933 г. — 1 млн 309 чел, то есть за два года — 2 млн человек. Если из этой цифры исключить число умерших по естественным причинам, то от голода умерли 640–650 тыс. человек, а не 9-10 миллионов, и уж тем более не 25 миллионов, как утверждают самостийные СМИ[385].

Как писал Г. С. Ткаченко: «„Оранжевые“, стремясь любой ценой утвердить в общественном сознании миф об искусственном голоде, как геноциде украинского этноса, идут на всевозможные фальсификации, включая и извращения статистических данных о народонаселении. Они запустили „жирную утку“ о том, что в СССР, в соответствии с якобы переписью населения в 1926 г., проживало 81,195 млн украинцев и только 77 млн русских, а в 1939 г. русских стало на много больше, но украинцев осталось лишь 28,1 млн.

Лживость этих утверждений становится очевидной, если обратиться к подлинным сведениям переписи населения. В 1926 г. в СССР проживало 147 млн человек, из них 31,195 млн украинцев, в том числе на Украине — 23,2 млн. Ловкость жонглеров сознанием проявилась в том, что к 31,195 млн украинцев, проживавших в 1926 г., было добавлено 50 млн (цифра „3“ переправлена на цифру „8“). В результате численность украинцев достигла 81,195 млн.

Данную статистику, по сведениям СМИ, запустил в публицистический оборот профессор Национальной музыкальной академии Анатолий Мокренко. К сожалению, этой „жирной уткой“ стали пользоваться другие. Не побрезговал ею и поэт Борис Олейник.

К изложенному добавим, в 1937 г. украинцев в УССР стало 22,2 млн,

то есть на миллион меньше, чем их было в 1926 г. Однако это сокращение численности украинцев нельзя представлять как этнический геноцид. В противном случае нам останется гораздо больше оснований квалифицировать политику национал-радикалов в период „демократических“ реформ как геноцид русских, численность которых на Украине с 1989 г. по 2001 г. сократилась на 5 млн.

Заметим, что эта цифра (5 млн) почти полностью соответствует сокращению общей численности населения на Украине за год „демократических“ реформ. К концу 2006 г. нас стало меньше на 6 млн человека. Губительную силу „реформ“ ощутили трудящиеся всех наций страны, в том числе и украинцы. И тем не менее их пагубность в большей мере проявилась на русском этносе и на трудовых слоях других нацменьшинств»[386].

Миф о «голодоморе» стал одним из стержней идеологии «оранжевых». Главной целью его использования стало разжигание зоологической ненависти к России, прикрытие развала собственной экономики и, наконец, оправдывание кражи российских газа и нефти из нефтепроводов, идущих в Западную Европу. Под прикрытием сказок о «голодоморе» оранжевые «пьемонтцы» довели до нищеты украинский народ, особенно его юго-восточную половину. Вот, к примеру, поселок Чаплино — железнодорожная станция вблизи Днепропетровска. Мощный завод, обеспечивавший работой население поселка, давно в развалинах. Смертность населения в два раза превышает рождаемость. Вот вам и голодомор, который предпочитают не видеть в Киеве.

Печальнее всего то, что миф о «голодоморе» поддерживают наши «рафинированные интеллигенты». Русский народ их кормит, а они мерзко обманывают его. Не пора ли сказать им коротко и ясно: геть из СМИ, с университетских кафедр и школьного преподавательского состава!

Глава 6
Как ляхи и самостийники готовились к мировой войне

Кто развязал Вторую мировую войну? Официально и в западных странах, и в СССР единственным виновником считался Гитлер. Сейчас многие российские либералы и националисты с Украины и из Прибалтики утверждают, что равную с Гитлером вину в этом несет и Сталин.

Действительно, Гитлер, сыграв на чувствах германского народа, оскорбленного «разбойничьим» Версальским миром, попытался поставить всю Европу, а в дальнейшем и весь мир под собственный контроль.

Что же касается Сталина, то он, с одной стороны, делал все для укрепления обороноспособности СССР, а с другой стороны, вел крайне осторожную миролюбивую внешнюю политику. Я не побоюсь сказать, что Сталин систематически допускал унижения СССР как суверенного государства.

До 1933 г. норвежские рыбаки вели хищнический лов рыбы в Белом море (это же внутреннее море СССР!), а корабли королевского ВМФ отгоняли советские пограничные суда. В 1933 г. с Балтики на Север перешли эсминцы и подводные лодки, и более норвежцы в Белом море не показывались.

Японские рыбаки вели не менее хищнический лов рыбы у берегов Камчатки. Мало того, они высаживались на берег, производили там разделку и переработку рыбы, ремонт своих судов, вели контрабандную торговлю с местными жителями, и опять же под дулами пушек японских крейсеров и эсминцев.

Сталина обвиняют за то, что к 22 июня 1941 г. советские войска имели приказ уничтожать нарушителей границы, но по вражеской территории огонь в любом случае не открывать и не преследовать нарушителей на его территории. Так это была установка еще 20-х гг.! Еще в 20-х гг. пограничники и части Красной Армии отбивались от банд националистов (в первую очередь украинских) на своей территории, но не смели добить бандитов за пограничной линией ни в Польше, ни в Прибалтике.

В 1937 г. японцы захватили на Амуре остров, принадлежавший России с 1867 г., а затем расстреляли проходившую мимо канонерку морских частей НКВД. На советском берегу находилась батарея 152-мм орудий, но

приказа защищать своих не последовало.

В боях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол также действовало жесткое правило ни на метр не нарушать линию государственной границы. Виноватых ждал трибунал.

Такую политику советского правительства можно считать мудрой, можно — трусливой, но никак не агрессивной!

Зато неоспорима огромная доля вины в развязывании войны третьими странами. Начну с того, что нет оснований считать 1 сентября 1939 г. датой начала Второй мировой войны. Это лишь дата возникновения локального германо-польского конфликта. А в мировую войну этот конфликт перерос 3 сентября, после объявления войны Германии Англией и Францией.

Что же касается Польши, то она несет как минимум равную с Германией долю вины в развязывании войны. Еще в 1919 г. британский премьер Ллойд Джордж мудро сказал о претензиях Пилсудского: «…не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию», то есть причину для начала следующей мировой войны.

В 1930-х гг. Польша, которая и без того нахапала земель с коренным непольским населением, имела территориальные претензии ко всем своим соседям: Германии, Вольному городу Данцигу, Литве, Советскому Союзу и Чехословакии. Польские министры открыто заявляли, что Польша возникла благодаря Первой мировой войне, а в ходе Второй мировой войны будет создана Великая Польша «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря.

Не отставали от Польши и иные государства, мечтавшие тоже стать великими. Так, Маннергейм и другие националисты мечтали о Великой Финляндии в составе Карелии, Кольского полуострова, Архангельской и Вологодской областей.

В состав Великой Румынии должны были войти венгерские земли и большая часть Причерноморья. Ну какие нахалы румыны, они считали Одессу исконно румынским городом, а на самом деле это исконно польский город. Ах нет, пардон, это город «Украинской державы». Не знал князь Потемкин, основавший город, что на него будет столько претендентов.

Понятно, что создать «Великие» Польшу, Финляндию и Румынию можно было лишь путем мировой войны, и правительства этих стран делали все возможное, чтобы ее приблизить.

Не отставали от них и лидеры украинских сепаратистов, обосновавшиеся в Германии и Чехословакии. Их целью было создание независимого Украинского государства путем аннексии советских и польских территорий. Средством для достижения своих целей они избрали

террор. Однако сами вожаки прекрасно понимали, что даже самый массовый террор не может привести их к цели. Террор нужен был, с одной стороны, для привлечения в свои ряды молодежи и обострения отношений властей с украинским населением, а с другой стороны, показать правительствам и разведкам иностранных государств, что украинские националисты представляют собой серьезную силу.

Еще в 1920 г. небольшая группа офицеров из войск бывшей ЗУНР основала в Праге «Украинскую войсковую организацию» (УВО) во главе с Евгением Коновальцем. Как писал Орест Субтельный: «Первоначально УВО была чисто военной организацией с соответствующей структурой командования. Она тайно готовила демобилизованных ветеранов в Галичине и интернированных солдат в Чехословакии к возможному антипольскому восстанию, а также проводила операции, направленные надестабилизацию положения поляков на оккупированных землях. Наиболее известные акции УВО — покушение на главу польского государства Пилсудского, неудачно осуществленное Степаном Федаком в 1921 г., и широкая серия саботажей в 1922 г.»[387].

В середине 1920-х гг. УВО распалась. Однако с помощью германской разведки Коновальцу удалось создать новую террористическую структуру — «Организацию украинских националистов» (ОУН).

С самого начала своего существования ОУН находилась на содержании и под покровительством германской разведки. О тайном сговоре украинских националистов с фашистами свидетельствуют архивы. К примеру, в справке-докладе по украинскому вопросу от 19 ноября 1933 г. № 10 написано: «Около 10 лет тому назад было заключено соглашение между прежним начальником контрразведки Германии и нынешним руководителем ОУН полковником Коновальцем. Согласно этому договору украинская организация получила материальную поддержку, за что она поставила контрразведке данные о польской армии. Позднее организация взяла на себя также подготовку боевых и диверсионных заданий. Ежемесячные выплаты достигли 9000 рейхсмарок»[388].

Накануне нападения на Советский Союз в руководстве ОУН произошел раскол и возникло две группировки: ОУН-М Мельника, которой руководило Главное управление имперской безопасности (РСХА), и ОУН-Б Бандеры под патронатом абвера. Обе группировки финансировались Берлином. Об этом заявил на следствии высокопоставленный сотрудник абвера Лазарек: «Руководство… при главном командовании вооруженных сил в Берлине поручило Эрнесту цу Айкерну в Кракове вести переговоры с

уполномоченным Бандеры. Лебедь принял все требования Айкерна и заявил, что бандеровцы дадут необходимые кадры для школ подготовки диверсантов и переводчиков и что бандеровцы согласны на использование немцами всего их подполья в Галиции и Волыни в разведывательных и диверсионных целях против СССР… От Эрнеста цу Айкерна я в апреле 1945 года узнал, что С. Бандера получил от немцев 2,5 миллиона марок, т. е. столько, сколько получает и Мельник…»[389]

С согласия немцев ОУН начала террор в Польше. Процитирую националиста Субтельного: «В начале 1930-х годов члены ОУН осуществили не только сотни актов саботажа и десятки „экспроприаций“ государственного имущества, но и организовали свыше 60 террористических актов, многие из которых удались. Среди наиболее важных из жертв были Тадеуш Голувко (1931 г.) — известный польский сторонник польско-украинского компромисса, Эмилиан Чеховский (1932 г.) — комиссар польской полиции во Львове; Алексей Майлов (1933 г.) — сотрудник советского консульства во Львове, убитый в ответ на голодомор 1932–1933 гг., Бронислав Перацкий (1934 г.) — министр внутренних дел Польши, приговоренный ОУН к смерти за пацификацию 1930 г. Многие покушения направлялись против украинцев, которые были противниками ОУН. Здесь наиболее нашумевшим стало убийство в 1934 г. известного украинского педагога Ивана Бабия»[390].

Любопытно одно — если сочувствуешь голодным соотечественникам, то не проще ли собрать продовольствие, деньги и медикаменты да отправить им? И что даст убийство дипломата или даже ста дипломатов?

В Галиции ОУН развернуло массовый террор на бытовом уровне. Только летом 1930 г. в Восточной Галиции было сожжено 2200 домов поляков. Справедливости ради стоит добавить, что и польские власти способствовали разжиганию национальной розни между поляками и украинцами. Обычная тактика националистов, когда они хотят расчленить большое государство, они громко вопят о культурной автономии и притеснении меньшинств и т. д. Но вот они достигли своей цели и становятся во главе осколка большого государства. И тут-то они поворачивают на 180° и становятся куда большими «империалистами и шовинистами». Их новый лозунг — никакой автономии, никаких свобод и прав нацменьшинствам. Все нацменьшинства должны срочно ассимилироваться, не пользоваться своим языком, забыть свою культуру и историю. Это с 1991 г. происходит в Прибалтике, Грузии, на Украине и т. д.

Не стали исключением Пилсудский и К^{o}, они объявили Польшу

унитарным государством и начали принудительно ассимилировать 45 % населения, состоявшего из немцев, русских, украинцев, чехов, кашубов, лемков, силезцев и т. д.

В ответ на массовый террор УПА (Украинская Повстанческая Армия), созданной ОУН, поляки начали проводить в Галиции политику «умиротворения», то есть комплекс полицейско-административныхмер. Многие террористы были арестованы, на Волыни и в Галиции началось расселение польских крестьян-«осадников» и т. д.

Польской полиции удалось схватить непосредственных организаторов убийства министра Перацкого — Степана Бандеру и Николая Лебедя. Оба были приговорены к повешению, но благодаря усилиям германского МИДа смертную казнь им заменили тюремным заключением.

Менее успешной была подрывная деятельность ОУН на территории СССР. Население УССР в подавляющем большинстве было настроено против ОУН. Да и ОГПУ не оставалось в долгу перед террористами.

Так, в начале 20-х гг. ОГПУ арестовало соратника Коновальца Лебедя[391]. Они вместе служили офицерами в австро-венгерской армии в «сичевых стрельцах», а затем оба с 1915 г. по 1918 г. сидели в лагере военнопленных под Царицыном.

Чекистам удалось перевербовать Лебедя. Он сообщил, что создал на территории УССР обширную сеть агентов УПА. Лебедь несколько раз приезжал в Германию, где встречался с полковником Александером — предшественником адмирала Вильгельма Канариса на посту руководителя Абвера.

25 мая 1926 г. в Париже часовщик Самуил Шварцбард, еврей по национальности, среди бела дня на бульваре Сен-Мишель застрелил Симона Петлюру На суде он доказал, что мстил за своих родственников, убитых в ходе петлюровских погромов. Французский суд оправдал Шварцбарда. В эмигрантских кругах распространились слухи, что Шварцбард был агентом ЧК. В таком случае это было очень удачное и грамотное проведение операции.

В ответ на убийство дипломата Майлова ОГПУ решило уничтожить самого Коновальца. Для этого в Хельсинки прибыл Лебедь вместе с «племянником» — чекистом Павлом Судоплатовым. Кстати, Павел украинец по национальности. Операция чуть было не сорвалась. Дядюшка с племянником явились к главному представителю Коновальца в Финляндии Конраду Полуведько. А тот работал не только на германскую и финскую разведки, но и на ОГПУ. «Племянник» Полуведько очень не понравился, и он предложил Центру немедленно «убрать» опасного

националиста. Хорошо, что его вовремя остановили.

Литовские спецслужбы по просьбе руководства ОУН вручили Судоплатову литовский паспорт на имя Николса Баравскоса. Кстати, и сам Коновалец имел литовский паспорт на имя господина Новака. Коновалец очень любил шоколадные конфеты. 23 мая 1938 г. в ресторане в центре Роттердама в Голландии Судоплатов вручил Коновальцу большую коробку шоколадных конфет. В коробке была взрывчатка, а взрыватель срабатывал через полчаса после перевода коробки из горизонтального положения в вертикальное. Выйдя из ресторана, Судоплатов зашел в ближайший магазин готового платья, где купил себе шляпу и модный плащ. Выйдя из магазина, Павел Анатольевич услышал слабый звук взрыва.

Договор между Россией и Германией, заключенный в августе 1939 г., не проклинал разве что очень ленивый русский демократ или местечковый националист. Между тем этот договор лишь вернул территориальный «status quo», бывший к 1 августа 1914 г.[392], то есть вернул оба государства к исторически сложившимся границам. Риторический вопрос, если договором были установлены несправедливые границы, то кто их мешал изменить после распада СССР? Увы, все 15 лет правительства Польши, Литвы, Украины и других государств поливают грязью Московский договор 1939 г., но при этом, как говорят ляхи, «падают до ниц» перед границами, начерченными Молотовым и Риббентропом.

Любопытно, что если поляки и в 1939 г., и сейчас вопят, что-де Сталин слишком много захватил польских земель, то украинские националисты и тогда, и сейчас негодуют, что «украинские земли» Лемковщины, Посенья, Холмщины и Подляшья остались у немцев, то есть надо было брать у ляхов больше земель.

На Западной Украине в выборах в 1939 г. приняли участие 4433 тысячи (92,8 %) избирателей, а не голосовали или голосовали против 400 тысяч человек. В Западной Белоруссии в выборах участвовали 2672 тысячи (96,7 %) избирателей. Более 90 % избирателей проголосовали за предложенных кандидатов. Итоги выборов показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу.

Спору нет, по теперешним меркам эти выборы нельзя назвать в полной мере свободными и демократическими. Но только отъявленный враль может считать их фальсификацией. Как можно за месяц после ввода войск, не имея государственного аппарата для использования административного ресурса, без широких карательных мер (административные высылки начались через несколько месяцев) добиться таких результатов? Нравится

кому или нет, но результаты выборов показали искреннее желание западных белорусов и украинцев войти в состав СССР.

Глава 7
ОУН и «Галичина» на тропе войны

Сразу же после оккупации Польши германские власти начали создавать опорные базы украинских националистов на завоеванных территориях. Естественно, что все сидевшие в польских тюрьмах террористы, в том числе Степан Бандера, были освобождены немцами.

Бывший заместитель начальника отдела «Абвер-2» Эрвин Штольце показал на допросе в декабре 1945 г.: «Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Йодля (об использовании агентуры для разжигания национальной вражды между народами СССР), я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка „Консул — 1“) и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла…»[393]

7 июля 1940 г. «полковник» ОУН Андрей Мельник обратился с письмом к Адольфу Гитлеру: «Украинский народ, который, как другие народы, в продолжение столетий боролся за свою волю, принимает близко к сердцу идею создания Новой Европы. Задачей целого украинского народа остается реализация этого идеала в действительности.

Мы, старые борцы за свободу в 1918–1921 гг., просим чести для нас и нашей молодежи принять участие в крестовом походе против большевистского варварства. Мы желали бы вместе с легионами Европы идти плечо к плечу с нашим освободителем немецким вермахтом и иметь возможность создать с этой целью украинское вооруженное формирование»[394].

8 1940 г. при «Абверштелле Краков» немцами была организована школа по подготовке разведчиков и диверсантов для проведения подрывной и шпионской работы против Советского Союза. Школа комплектовалась из украинцев — жителей Польши, участников ОУН. Подбор агентов для

учебы в школе осуществляли специальные вербовщики из числа оуновских руководителей. Школа была разбита на четыре лагеря (отделения), которые находились в местечках Криница (100 км юго-восточнее Кракова), Дукла (125 км юго-восточнее Кракова), Барвинск (15 км южнее Дукла) и Каменица (50 км севернее Дукла). В каждом отделении школы одновременно обучалось 100–300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек обучались оуновцы-бандеровцы, а в местечке Криница — мельниковцы. Агенты проходили военную подготовку и изучали методы разведки, диверсии и организации повстанческого движения. После окончания школы агенты — выходцы из западных областей УССР — посылались на дополнительные четырехнедельные курсы, находившиеся при соединении «Бранденбург-800» в местечке Аленцзеи, а затем перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску агентов осуществляли специальные резиденты через пункты абвера в Венгрии и Словакии. С началом войны против Советского Союза «Абверштелле Краков» и его филиалы на советской границе были ликвидированы, а школа расформирована.

Зимой 1940/41 г. на территории бывшей Польши немцы сформировали из украинских националистов ОУН батальоны «Нахтигаль» (командир сотник Р. Шухевич) и «Роланд» (командир сотник Р. Ярый). Поначалу их вооружение и униформа ничем не отличались от пехотных батальонов вермахта, и лишь для парада во Львове им нашили на погоны небольшие желто-голубые полоски.

В первые же часы войны ОУНовское подполье начало нападения на бойцов Красной Армии и мирное население. Так, с 24 по 28 июня во Львове террористы обстреливали наши войска с крыш и чердаков. Часто для этого использовались и культовые здания, в частности, стреляли с колокольни костела Св. Елизаветы.

В селах начались массовые убийства сторонников советской власти из числа местных жителей и евреев. «7 июля 1941 года по приказу надрайонного руководителя ОУН (М) Степана Карбашевского, районного руководителя Георгия Кравчука и Теодора Бахура были убиты 45 евреев в Боровцах, 54 в Киселеве. Кроме этих несчастных, оуновцы убили также бывшего главу Боровецкого сельсовета М. О. Подгурского, секретаря сельсовета О. И. Сливку, финагента Д. М. Кричака, учителя сельской школы И. В. Мельничука.

Здесь следует отметить, что еще до начала войны ОУН однозначно объявила евреев виновниками уничтожения всего украинского. Официально было заявлено в адрес еврейства: „Долгим будет

обвинительный акт. Коротким будет приговор“. В июне 1941 года в Львове один из высших руководителей ОУН (Б) Ярослав Стецко во всеуслышание провозгласил: „Москва и жидовство — главные враги Украины… Считая главным и решающим врагом Москву, которая властно удерживала Украину в неволе, тем не менее, оцениваю как вредную и враждебную судьбу жидов, которые помогают Москве закрепостить Украину. Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию и т. п.“»[395].

30 июня 1941 г. в оставленном частями Красной Армии Львове деятели из ОУН провозгласили создание Украинской Державы. Премьером «державы» стал ближайших соратник Бандеры Ярослав Стецько.

Немцы обалдели от такой наглости своих наймитов, но вскоре пришли в себя и разогнали самозваное правительство. Стецько и Бандера были арестованы. Позже националисты будут козырять тем, что Степан Бандера находился в 1941–1944 гг. в концлагере Заксенхаузен. Там действительно был концлагерь, но Бандера пребывал не в концлагере, а в «бункере Целенбау». Там содержались наиболее ценные пленники Рейха, такие как экс-премьер Франции Леон Блюм, бывший канцлер Австрии Курт Шушниг и др. В «Целенбау» регулярно приходила помощь от Красного Креста, заключенные получали посылки от родственников. Бандера также получал помощь и от своей организации, в том числе и денежную. Украинские националисты имели возможность свободно передвигаться по лагерю, встречаться друг с другом, носили гражданскую одежду. Немцы разрешали им покидать пределы лагеря для «конспиративных» встреч со связными ОУН, тем более что замок Фриденталь, где располагался центр подготовки кадров для ОУН(б), находился в двухстах метрах от Заксхаузена. Так что это трудно назвать даже заключением. Сами немцы именовали пребывание в бункере «почетной изоляцией».

После ареста Бандеры обязанности «Проводника», то есть начальника ОУН, исполнял Николай Лебедь. Сейчас наследники ОУН утверждают, что эта организация боролась против Гитлера и Сталина. Поверим им на секунду. Кучка людей, контролировавших несколько сельских районов, без промышленности, без помощи иностранных государств выступила против двух сильнейших в мире армий. Шансы на успех были тождественно равны нулю. И вот сейчас людей, которые повели малограмотных селян на заведомую гибель, именуют во Львове героями!

Но на самом деле ОУН и другие организации националистов и не пытались вести войну с немцами. Да и вообще, создание отрядов ОУН

стало возможным лишь благодаря уникальной ситуации, сложившейся в Галиции и на Волыни.

Руководство Третьего рейха еще до войны приняло решение не создавать даже марионеточных государственных образований на территории Украины и Великороссии. В августе 1941 г. Гитлер решил разделить территорию УССР (в границах 1940 г.) на несколько административных единиц. Наибольшая из них получила название «Рейхскомиссариат Украины». В него первоначально вошли Волынь, Полесье, Правобережье и часть Полтавской области. Столицей Рейхскомиссариата стал город Ровно, а правителем — Эрих Кох.

Формально Рейхскомиссариат подчинялся Министерству восточных оккупированных территорий. Но фактически Кох управлял своими владениями, не контактируя с А. Розенбергом, с 1941 г. возглавлявшим это министерство.

Административно Рейхскомиссариат разделялся на «генеральбецирки» во главе с генерал-комиссарами. Генеральбецирки делились на «крайхы», возглавляемые гебитскомиссарами. Местная администрация состояла из районных местных управ и сельских старост. Украинская вспомогательная полиция подчинялась немецкой полиции и немецким гражданским властям.

Все территории УССР и РСФСР, оккупированные немцами и расположенные восточнее Рейхскомиссариата, находились под управлением вермахта, а точнее, командования соответствующих групп армий.

Галиция вошла в Генерал-губернаторство. Эта административная единица была создана после разгрома Польши в 1939 г. Тогда одна часть польских земель была включена в состав Рейха, а другая часть — в состав Генерал-губернаторства.

Буковина и часть Одесской области вплоть до Днепро-Бугского лимана были переданы Румынии. Румыния включила эти области в состав своего королевства под названием Транснистрия.

Как видим, немцы на Украине создали довольно сложную систему управления. Но дело усугублялось еще и соперничеством различных государственных и военных структур Рейха, каждое из которых пыталось проводить свою национальную политику на Украине. К примеру, абвер давал оружие националистическому формированию, а оккупационная администрация принимала меры к разоружению этого формирования. В результате происходил конфликт, который сейчас самостийники представляют «борьбой с Гитлером».

Начнем с того, что районы действий всех националистических банд

ОУН, УПА и т. д. находились в основном на территориях, вошедших в состав СССР в 1939 г. На остальных областях УССР их практически не было.

Немцы физически не имели возможности жестко контролировать территории Генерал-губернаторства и Рейхскомиссариата. В сельских районах на десятки километров не было ни одного германского солдата. На территориях, присоединенных к СССР в 1939 г., польская администрация была полностью уничтожена большевиками, а советская администрация не сумела укорениться. С приходом немцев в этих краях оказалось полное безвластие. Зато вышли из подполья агенты ОУН, которые действовали там еще в 20-х–30-х гг. Надо сказать, что борьба ОУН против поляков ранее пользовалась популярностью у большинства украинского населения.

Таким образом, ОУН стала контролировать значительные территории Галиции и Волыни. Бандеровцы создали эдакое мини-государство, которое по уровню тоталитаризма несравнимо ни с Рейхом, ни с СССР. В селах ОУН создало какой-то гибрид совхоза с колхозом. У них была жесткая плановая система. Заранее давалось задание, кто и что должен вырастить, посадить, заготовить, а осенью сдать. Всей этой службой заготовки в селе руководил господарчий, он был главный заготовитель-хозяйственник. После заготовки все сдавалось под расписку станичному села. Станичный в селе был в роли председателя колхоза, который ведал всеми ресурсами. Обычно все заготовленное хранилось в лесу, в схронах, на высоком сухом месте, хорошо замаскированное. Все тщательно учитывалось, велись записи по приходу и расходу материальных ценностей, и станичный всегда знал, какими запасами и на какое количество людей он располагает. В случае надобности он ехал в лес, привозил необходимое количество припасов и распределял среди тех домов, у которых были на постое боевики. Обычно на селе стоял рой (соответствовавший взводу в Красной Армии), поэтому размещение боевиков в селе не ложилось нагрузкой на семьи. Снабжением одеждой, продовольствием занимался станичный.

Любопытно, что все население делилось на две части — женскую и мужскую, и у каждой части были свой господарчий и станичный. Женщины занимались ремонтом и пошивом одежды, стиркой белья, перевязочного материала, уходом за ранеными. Среди населения села велась в обязательном порядке политработа по разъяснению идей ОУН-УПА, а занимались ей политработники ОУН, причем для каждой категории населения разные, отдельный для мужского населения, отдельный для женщин (обычно женщина), а также раздельно среди юношей и девушек. Помогали им в этом все священники греко-католической церкви, говоря в

своих проповедях, что надо слушаться своих защитников, так как они несут свободу и право владения землей.

Следующий уровень — это станица, объединение трех сел. Руководство станицы находилось в одном из этих сел и состояло из станичного станицы, ведавшего размещением, постоем и снабжением всем необходимым сотни УПА (это 100–150 человек боевиков), и господарчего станицы, руководившего службой заготовки припасов в этих селах. В каждой станице была боёвка СБ (служба безопасности) из 10–15 человек, тщательно законспирированных, с виду местных жителей.

На уровне подрайона и района в УПА содержались кош и курень, по войсковому уставу Красной Армии — это пехотный полк численностью до 2000–3000 человек.

ОУН постоянно держало население сел в состоянии страха. За малейшее неподчинение следовало жестокое убийство ослушника, а в некоторых случаях и членов его семьи.

Откуда же боевики брали оружие? Ведь на территориях, контролируемых ОУН, не было производства даже стрелкового оружия. Какая-то часть оружия была припрятана населением еще с Гражданской войны. Советские войска, отступая, бросили в сельской местности огромное количество вооружения, достаточное для оснащения нескольких дивизий. Наконец, немцы создавали формирования полицаев, некоторые из которых бежали к ОУН вместе с оружием.

Следует заметить, что и в районах Генерал-губернаторства, заселенных преимущественно поляками, были созданы свои военизированные формирования — Армия Крайова.

Чем первоначально занимались ОУН и Армия Крайова? В основном формированием и обучением своих подразделений. В Армии Крайовой это состояние именовалось «держать ружье у ноги».

Конечно, отдельные стычки с немцами у обеих организаций были, но ни о какой серьезной «борьбе с оккупантами» в 1941–1943 гг. и речи не шло.

Для сравнения приведу данные по деятельности советских партизан на территории УССР: «С осени 1941 г. на Черниговщине и Сумщине развернул активные действия объединенный отряд под командованием А. Ф. Федорова, который до зимы успел уничтожить около 1 тыс. фашистов, сотни единиц вражеской техники, 5 складов с боеприпасами, 5 эшелонов с живой силой и техникой и подорвал несколько мостов. Там же начал свою деятельность объединенный отряд под командованием С. А Ковпака и С. В. Руднева. На стыке Черниговщины, Сумщины и Орловщины действовал

партизанский отряд во главе с А. Н. Сабуровым, созданный из попавших в окружение военнослужащих Красной Армии. За первые шесть месяцев 1942 г. соединение Сабурова уничтожило 32 эшелона, подорвало 32 моста, 9 цистерн с горючим и уничтожило 1500 солдат и офицеров противника.

Активно действовали партизаны в Киевской, Полтавской, Житомирской, Ровенской, Волынской, Винницкой, Одесской и Харьковской областях, в Донбассе и в Крыму. На 1 мая 1942 г. советское армейское командование имело сведения о 766 партизанских отрядах в Украине численностью свыше 26 тыс. бойцов и 613 диверсионно-истребительных группах, насчитывавших около 2 тыс. человек. Эти отряды и группы в течение первой половины 1942 г. разгромили 13 вражеских гарнизонов, несколько штабов воинских частей, уничтожили более 30 тыс. оккупантов и полицаев, пустили под откос 85 немецких эшелонов, взорвали 227 мостов, сожгли 86 складов, подбили 159 танков и бронемашин…

К концу августа 1942 г. было сформировано еще 230 партизанских отрядов… В Киевской области в течение второй половины 1942 г. количество отрядов увеличилось в 8 раз, а общая численность их состава выросла до 6600 человек. В Ровенской области партизанили отряды под руководством М. С. Корчева, М. И. Мисюры, Д. С. Попова, отряд особого назначения под командованием Д. Н. Медведева. Опираясь на этот отряд, в Ровно активно действовал советский разведчик Н. И. Кузнецов, имевший задание ликвидировать рейхскомиссара Э. Коха и его помощников.

С начала войны и до ноября 1942 г. волынские партизаны пустили под откос 60 вражеских эшелонов, разгромили около 30 полицейских участков, 30 складов с горючим и продовольствием, уничтожили 5 тыс. гитлеровцев и их пособников.

Всего в течение лета и осени 1942 г. партизаны Украины разгромили 35 вражеских гарнизонов, штабов, комендатур и полицейских участков, взорвали 117 мостов, 69 складов, пустили под откос 158 эшелонов, повредили 52 самолета, 116 танков, 759 машин, вывели из строя 29 предприятий. Своими действиями в тылу противника они сковали немецкие части общей численностью до 120 тыс. человек.

В сентябре 1942 г. на совещании командиров партизанских отрядов в Москве было решено провести глубокий рейд на Правобережной Украине соединениями Сабурова и Ковпака. Для участия в рейде из отряда Ковпака было выделено 1075 человек, из отряда Сабурова — 1617. 26 октября соединения вышли из сел Старая Гута и Белоусовка и двинулись параллельными дорогами сначала на юг, а потом на запад. Ведя упорные бои, отряды за две недели прошли 300 км, успешно форсировали Днепр и

Припять. К концу года они завершили рейд в районе Житомирского Полесья. За месяц партизаны уничтожили 2127 фашистов, подорвали 55 мостов, пустили под откос 2 эшелона»[396].

Обратим внимание, что я привожу данные по советским партизанам не из советских источников, а из современного украинского учебника, написанного с умеренно-националистических позиций.

К концу 1942 г. вооруженные формирования ОУН окрепли, а вожди движения в основном разделались с соперниками. И тогда ОУН приступила к этническим чисткам на Волыни и в Галиции. Русских, приехавших из СССР, там было мало, и их быстро перебили еще раньше. Теперь настала очередь евреев и поляков. В итоге только на Волыни было вырезано около 80 тысяч поляков.

Так, в конце марта — начале апреля 1943 г. в Дубенском, Ровненском, Луцком, Здолбуновском, Кременецком уездах и на Полесье было убито 2 тысячи человек. «Особенно кровавой датой стало 11 июля 1943 г. Тогда на рассвете отделы УПА при активной поддержке украинского населения окружили и напали на 167 населенных пунктов одновременно. Началась кровавая резня. Польское население гибло от пуль, топоров, вил, кос и ножей, а те из них, кто защищался в собственных домах или костелах, были сожжены заживо.»

По данным Эвы и Владислава Семашкив, на протяжении июля и августа были убиты 17 тысяч людей. Эти авторы описывают три способа проведения нападений. Первый — это нападение на отдельных людей и малые группы. Второй — нападения на небольшие (несколько семей) группы поляков. Третья разновидность — нападения на большие скопления польского населения, что требовало концентрации больших сил. Во время этих операций действовали внезапно, выбирая такое время, когда жители были дома, чаще всего на рассвете или ночью. Прежде всего село или поселение окружалось вооруженными людьми, которые должны были отстреливать беглецов. Оставшихся в селе налетчики собирали в ригах или школах, чтобы легче было их убивать. Как пишет Т. Ольшанский, дело доходило и до актов извращенной жестокости, включая случаи резания пилой и сажания на кол. Поляки, которым удавалось спастись от резни, убегали в большие населенные пункты, создавая там базы самообороны, прятались в лесах и на болотах, или же обращались под покровительство немцев. Последние пользовались тяжелым состоянием польского населения и вывозили работоспособных на принудительные работы в Рейх.

Учительницу школы Майю Соколив, жену заведующего школой, которую прислали из Советского Союза, русскую, вместе с мужем, матерью

и годовалым сыном Славиком утопили в колодце. Из семьи Морелевских бандеровцы убили родителей, невестку Ирену (19 лет) и сына Юзефа (20 лет). Всех, кроме Ирены, убили недалеко от леса. Ирену забрали в хату руководители банды, держали ее в подвале, насиловали, а потом выбросили в колодец. Ирена была беременной. Смешанные семьи также убивали.

Е. П. из Польши прислала выписку из парафиальной книги села Мосты Великие около Жовквы, в которой обозначено 20 убитых. В селе Рокитна в вербное (католическое) воскресенье было убито топорами 16 человек, а три человека: Казимир Витицкий, паламарь, его жена и ребенок были утоплены в проруби.

К. И. из Великобритании: «Германовка. Нападение имело место в сентябре 1943 г. на рассвете. Напали на меня близкие соседи — Костецкий, Головатый и Заплетный. Побили меня и ограбили. 14 февраля 1944 г. была свадьба моей двоюродной сестры, недалеко от меня, на нашей улице. Молодой работал на почте и пригласил своего начальника, а когда тот отъезжал, то бандеровцы убили его выстрелом. Началась стрельба, бросали гранаты. Все свадебные гости были убиты, хату сожгли. Убиты были также и музыканты, шесть их было, среди них было несколько украинцев. Среди гостей также было несколько украинцев, их тоже убили. Убито 26 человек. Один украинец, сосед, позволил мне ночевать в его хате, но однажды, придя из церкви, сказал, что дальше не может меня прятать, так как священник сказал: „Братья и сестры, пришло время, когда можем отплатить полякам, жидам и коммунистам“. А мой сосед работал в совхозе, так его считали коммунистом. Фамилия этого попа Волошин. Была одна польско-украинская семья, так ее, как и всех поляков, уничтожили. До войны совместная жизнь с украинцами была хорошая, вражда настала, как начали организовывать УПА. В конце ноября 1944 г. на воротах был прибит листок, на котором было написано, чтобы я в три дня убрался из села, а то убьют и сожгут. Я оставил все и убежал»[397].

Виктор Полищук, украинский эмигрант из Канады в своей книге «Горькая правда. Преступления УОН-УПА (исповедь украинца)» пишет: «30 августа 1943 г. Купы, польское село в Любомльском уезде, утром было окружено „стрельцами“ УПА и украинскими крестьянами, главным образом из села Лесняки, которые устроили массовую резню поляков. Убивали всех, в том числе женщин, детей, стариков. Убивали в хатах, во дворах, в хозяйственных помещениях, используя топоры, вилы, дрючки, а по убегающим стреляли. Целые семьи бросали в колодцы, засыпая их землей. Павла Прончука, поляка, который выскочил из убежища, чтоб защитить мать, поймали, положили на лавку, отрубили ему руки и ноги и

оставили так, чтобы дольше мучился. Зверски замучили там украинскую семью Владимира Красовского с двумя детьми. Из 282 жителей села убито 138 человек, в том числе 63 ребенка.

В Воле Островецкой в этот же день из 806 жителей убито 529, в том числе 220 детей».

И вот теперь бандеровцев объявляют на Украине героями и образцом для подражания. Гражданин Канады, сопредседатель Львовского краевого совета Руха Валентин Мороз заявил: «Бандера — это Шевченко XX века». Ну что ж, канадскому подданному виднее. Но из школьного курса математики следует, что если A = B, то и B = A, то есть Шевченко — это Бандера XIX в!

Помимо ОУН украинские националисты активно вступали и в чисто германские военные части. К февралю 1942 г. около 14,5 тысячи националистов состояли в полицейской организации «Мурава». В июле 1944 г. из личного состава «Муравы» был сформирован батальон № 23, введенный в состав 30-й пехотной дивизии СС.

28 апреля 1943 г. рейхсфюрер Гиммлер подписал приказ о формировании дивизии СС «Галичина» («Галиция»). «В дивизии должно было служить 600 офицеров, 2000 унтер-офицеров, 50 врачей и 20 ветеринаров. Было решено привлечь в дивизию 300 бывших офицеров-украинцев, служивших ранее в армии Австро-Венгрии, 100 офицеров-украинцев из Польской армии и 100 из армии Украинской Народной Республики, из этих же источников предполагался набор унтер-офицеров. Для формирования дивизии немцы предоставили 600 своих офицеров. Униформа должна была быть стандартной, на правом рукаве — щитообразная нашивка с изображением Галицкого льва и трех корон — бывшего символа, включенного в герб Австро-Венгрии во времена владычества императрицы Марии-Терезии. Рисунок с трезубцем был отвергнут, так как лев в гербе Галичины имел значение символа регионального, а не всеукраинского уровня. Была также достигнута договоренность о поставке дивизии повозок и лошадей местным населением. Предусматривалось создание военного оркестра.

К новобранцам предъявлялись следующие требования: рост — не менее 1 м 65 см, возраст — не менее 18, но не более 35 лет. Члены ОУН С. Бандеры призыву в дивизию не подлежали»[398].

Вступить в дивизию пожелали 82 тысячи добровольцев из украинцев, проживавших к 22 июня 1941 г. на территориях УССР и Генерал-губернаторства. Из них немцы отобрали 35 тысяч человек. Позже часть из них была отсеяна, а часть направлена в другие формирования.

Духовно опекать украинских эсэсовцев должен был корпус дивизионных капелланов, составленных из попов-униатов. Митрополит Андрей Шептицкий благословил отца Василия Лабу на должность религиозного командира дивизии. «Отец Василий Лаба установил духовную опеку над формированием и подобрал для дивизии священников. Каждый полк и батальон дивизии имели своих душепастырей, деятельность которых впоследствии курировал главный священник дивизии отец Михайло Левенец, носивший в петлицах „кубики“ гауптштурмфюрера СС.

О священниках дивизии стоит рассказать подробнее. Все эти люди были преисполнены радостью служения в „своей украинской дивизии“ и старались всегда и во всем помогать военнослужащим. Многие из духовных отцов были в прошлом военнослужащими Австро-Венгерской, Украинской (петлюровской) или Польской армий…

Судя по воспоминаниям бывших военнослужащих и самих душепастырей, можно сделать вывод о малом различии в положении священников дивизии и ее офицеров. Те и другие носили униформу и офицерские знаки различия»[399].

Командиром дивизии «Галичина» был назначен генерал-майор войск СС Вальтер Шиман, а затем — оберфюрер СС Фирц Фрайтаг.

Дивизия «Галичина» действовала на Восточном фронте в составе 14-го германского корпуса. В середине июня 1944 г. Красная Армия окружила под Гродами восемь германских дивизий, в числе которых была и «Галичина». Из 14 тысяч солдат этой дивизии вырваться из окружения удалось лишь трем тысячам.

В ноябре 1943 г. из остатков «галичинцев» и нового пополнения самостийников была сформирована 14-я пехотная дивизия СС численностью около 15 тыс. человек. 14-я дивизия не использовалась на Восточном фронте. Она воевала против партизан в Чехословакии, а затем в Югославии.

В начале мая большая часть дивизии оказалась в южной Австрии в районе города Грац. Офицеры дивизии установили связи с американцами и сдались частично американцам, частично англичанам. Их направили в Италию в лагерь между городами Беллария и Римини на берегу Адриатического моря.

Офицеры дивизии обратились к союзным военным властям с просьбой не возвращать их в СССР, мотивируя это тем, что они-де являются жителями Галиции, входившей до сентября 1939 г. в состав Польши. За них заступился Ватикан. В результате вопреки Ялтинским соглашениям

принудительной выдачи солдат «Галичины» произведено не было. 26 июля 1945 г. лагерь посетила советская репатриационная комиссия. Результатом ее работы стало возвращение в СССР 1052 человек. Затем в лагерь прибыла польская комиссия с целью вербовки людей во 2-й польский корпус генерала Владислава Андерса. Но полякам удалось завербовать лишь 176 человек.

После 1947 г. эсэсовцы из «Галичины» разъехались по свету, в том числе в США, Англию, Канаду и т. д. Несколько сот солдат и офицеров «Гилчины» были завербованы спецслужбами Англии и США.

В 1950 г. на территорию Украины были десантированы бывшие дивизионники Левко Баглай, Теодор Рач, Книш, Малик, Ясинский и другие. Все они имели задание от руководства УГВР[400] по оживлению деятельности националистического подполья. Всю группу удалось быстро нейтрализовать благодаря деятельности советского агента Кима Филби[401].

Стоит заметить, что кроме «Галичины» на сторону немцев перешли многие десятки тысяч украинцев. Однако по указанию командования вермахта и самого Гитлера их рассовывали в различные подразделения вермахта и СС.

Весной 1943 г. все украинцы, служившие в рядах вермахта, а также в некоторых батальонах «шума»[402], были объявлены солдатами Украинской освободительной армии («Українського візвольнего війска» — УВВ). Однако это пропагандистское мероприятие оказалось фикцией даже в большей степени, чем создание РОА[403], поскольку в отличие от последней УВВ не имело даже номинального политического центра, каким был возглавлявшийся А. А. Власовым «Русский комитет». Лишь в самом конце войны украинцы получили возможность создать собственные вооруженные силы с таким же статусом, какой имели Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (КОНР).

При поддержке А. Розенберга 12 марта 1945 г. в Веймаре был образован Украинский национальный комитет под председательством генерал-поручика П. Шандрука, объявивший о создании Украинской национальной армии (УНА). В составе германских вооруженных сил к этому времени действовала лишь одна украинская дивизия — 14-я гренадерская дивизия войск СС, переименованная 25 апреля в 1-ю дивизию УНА (до 15 тыс. человек). В дополнение к ней в Нимеле началось формирование 2-й дивизии (первоначально как противотанковой бригады) под командованием полковника П. Дьяченко, в состав которой были включены добровольцы различных вспомогательных формирований,

дислоцированных в районе Берлина.

К 28 марта 2-я дивизия УНА имела три батальона общей численностью 1,9 тыс. человек и в таком составе приняла присягу на верность украинскому народу и государству. Вслед за ней к 5 апреля была сформирована «бригада особого назначения» (парашютная) в составе двух батальонов (400 человек) под командованием полковника М. Бульбы-Боровца. Оба соединения были переброшены в Чехию и вошли в оперативное подчинение группы армий «Центр». Сюда же была направлена «бригада вольного казачества» (350 человек) под командованием полковника Терещенко. О присоединении к УНА объявили также украинский запасный полк в Дании (5 тыс. человек) и два полка, несшие охранную службу в Бельгии и Голландии (всего до 1 тыс. человек).

Рассчитывая на включение в состав Вооруженных сил КОНР многочисленных украинских формирований, Власов пытался склонить Шандрука к вступлению в КОНР и предлагал ему пост своего первого заместителя по военным и политическим делам, однако Шандрук отказался, так как считал, что Украина сможет добиться независимости лишь в том случае, если ее вооруженные силы сохранят свою полную самостоятельность.

Украинская молодежь, вербовавшаяся с марта 1944 г. во «вспомогательную службу ПВО», поступала в распоряжение «Боевой специальной команды Гитлерюгенда Юг» со штабом во Львове. В результате первого набора для люфтваффе было завербовано 5933 молодых украинца, большая часть из которых была направлена в ПВО, а остальные — в транспортную службу и в подразделения связи. 250 юношей были признаны годными для обучения на унтер-офицерских курсах войск СС. По состоянию на 31 марта 1945 г. среди «помощников ПВО» числилось 7668 выходцев из Украины и Галиции, в том числе 6547 юношей и 1121 девушка[404].

Осенью 1943 г. Красная Армия начала освобождение Украины. 23 августа 1943 г. был взят Харьков, а 6 ноября — Киев. В феврале — марте 1944 г. в ходе Второго Сталинского удара было освобождено Правобережье.

С приближением Красной Армии подразделения ОУН начали отход на Запад. А вот части Армии Крайовой, наоборот, двинулись на Восток.

18 февраля 1944 г. польское эмигрантское правительство в Лондоне утвердило план «Бужа» («Буря»). Согласно этому плану части Армии Крайовой при приближении фронта к территории бывшего польского государства должны были нападать на немцев, а на освобожденных территориях устанавливать власть эмигрантского правительства.

Естественно, что приоритет отдавался захвату власти.

В рамках плана «Буря» в конце января 1944 г. 27-я Волынская пехотная дивизия Армии Крайовой численностью около 7 тыс. человек начала наступление на районы, контролируемые ОУН. Вскоре поляки выбили самостийников в районах от Ковеля до Буга. Поляки считали ОУНовцев бандитами и не брали пленных.

Глава 8
Крах бандитизма на Украине

После окончания Второй мировой войны руководство ОУН-УПА не пожелало сложить оружие, а продолжало борьбу как против Красной Армии, так и против поляков.

В военных академиях всего мира зубрят знаменитую фразу Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». Но война ОУН-УПА была исключением, поскольку не имела ни цели, ни смысла. Шансы на победу были тождественно равны нулю. Даже в пьяном бреду трудно предположить ситуацию, когда отряды ОУН разгромили бы Красную Армию и Войско Польское.

Традиционной надежды самостийников — «заграница нам поможет» — тоже не было. Третий рейх прекратил свое существование. Американцы и англичане в конце 40-х гг. стали помогать националистам, но по «мелочевке». Воевать же с СССР западные союзники явно не хотели. Да и если предположить, что в 1945 г. или 1946 г. разразилась бы Третья мировая война, то и тогда вероятность прихода армий западных союзников на Украину была равна нулю. Советская армия обладала большим превосходством в силах. Во Франции и Италии в 1945–1950 гг. значительная часть населения поддерживала коммунистов. В конце 1945 г. американцы имели одну атомную бомбу, а к концу 1946 г. — около двадцати. Если добавить к этому, что атомная бомба может при удачном попадании вывести из строя батальон пехоты или роту танков, то придется признать, что ядерное оружие в случае конфликта в 1945–1946 гг. сыграть существенную роль не могло.

Рассматривая возможность конфликта в конце 1940-х гг., можно спорить лишь о том, когда советские танки могли бы выйти к Ла-Маншу, Бресту и Лориану — через неделю или через две.

На самом же деле плохо разбирающиеся в политике и охваченные манией величия Бандера и К^{о} в 1941–1943 гг. надеялись на победу Германии и мечтали получить от Гитлера в награду власть над Украиной. Вспомним старичков в пикейных жилетах у Ильфа и Петрова — те тоже были уверены, что все политики Европы мечтают о превращении Черноморска в вольный город.

Когда же немцы начали терпеть поражения, то большая часть

руководства ОУН всеми силами попыталась оттянуть свой конец, жертвуя обманутыми бойцами. Ну а сами верхи надеялись оказаться за границей на содержании разведок западных стран.

Впервые с ОУН Красная Армия и части НКВД столкнулись в конце зимы 1944 г. Командующий 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин 29 февраля 1944 г. выехал в штаб 60-й армии в сопровождении нескольких офицеров и восьми человек охраны. Около 8 часов вечера недалеко от селения Милятын на колонну штабных машин напали бандеровцы (17–27 человек). По другим данным, это были не бандеровцы, а неорганизованные бандиты, грабившие захваченный ими красноармейский обоз. Водитель машины командующего Богомолов дал задний ход и выехал из зоны огня. Но Ватутин все же успел получить ранение в бедро выше колена и потерял много крови, прежде чем в ближайшем поселке ему была оказана помощь. В киевском госпитале командующий перенес несколько операций, но спасти его не удалось, и 15 апреля Ватутин умер.

В ответ на это нападение в марте 1944 г. командование 1-го Украинского фронта провело зачистку своих тылов силами кавалерийской дивизии с приданными ей восемью танками и двадцатью бронеавтомобилями.

Из отчетов войск НКВД: «16 февраля 1944 г. отряд под командованием помощника начальника штаба 2-го полка старшего лейтенанта Игнатова, действуя по проческе лесного массива в районе населенных пунктов Ромейки, Переспан, Большие Вербы, столкнулся с вооруженной бандой УПА до 300 человек, вооруженной пулеметами, автоматами и винтовками. Несмотря на численное превосходство в живой силе и вооружении бандитов, старший лейтенант Игнатов принял смелое решение: окружить и уничтожить банду. В результате боя было убито бандитов 46 и ранено до 100. Захвачены 13 лошадей, секретные документы и вооружение.

6 марта 1944 г. отряд под командованием командира 2-го погранполка подполковника Мульчевского, выполняя задачу по розыску и ликвидации бандгруппы УПА, прочесывая населенные пункты и лесные массивы, обнаружил бандргуппу УПА в количестве 100–120 человек. В результате правильно принятого решения, смелых и энергичных действий отрядов банда была полностью ликвидирована, 84 бандита убиты и 25 пленены»[405].

Из справки от 9 июня 1944 г.: «На территории Выжницкого района в апреле сего года бандитами полностью уничтожена телефонная связь, срезаны столбы, сожжен стратегически важный мост через р. Черемош, соединяющий м. Выжницу с г. Куты Станиславской области. В м. Выжница

бандой УПА сожжены три магазина с товарами и все склады с запасами лесоматериалов на лесопильном и фанерном заводах. В с. Бергомет Выжницкого района бандиты сожгли совхоз.

14 апреля сего года в с. Милиево Выжницкого района бандиты учинили зверскую расправу и уничтожили семью бывшего председателя сельсовета Шендро, ныне находящегося в рядах Красной Армии. В этом же селе бандиты вырезали семью еврея Шефера.

17 апреля сего года в с. Глинице Вашковского района бандитами сожжено здание сельсовета.

20 апреля сего года банда УПА неустановленной численности обстреляла райцентр Выжницу…

В ночь на 23 апреля сего года вооруженная банда численностью в 20 человек, одетых в форму солдат немецкой армии, совершила налет на с. Карапатчина Вашковского района, убила председателя колхоза, трех бойцов истребительного батальона, сторожа сельсовета и одну женщину»[406].

28 августа 1944 г. командование 104-го погранотряда получило сведения, «что в Карувском лесу в полосе Карув — Рпниска Рава-Русского района сконцентрировалась банда УПА. Бандгруппа имела цель: нападение и уничтожение органов Советской власти, НКВД, НКГБ и гарнизона пограничников в г. Рава-Русская…

К 13.00 29 августа 1944 г. все поисковые группы отряда втянулись в бой с бандой…

В ходе дневного боя 20 августа и показаниями пленных было установлено, что в Карувском лесу, начиная с 25 августа, сосредоточилась банда, состоящая из двух куреней (крупное бандформирование УПА, состоявшее из нескольких сот человек) „Эмма“ и „Железняка“.

В состав куреней входили сотни: 1) в курень „Эмма“: сотня „Перемога“ (до 160 человек), сотня „Беркута“ (до 170 человек), сотня „Кулеша“ (до 150 человек); 2) в курень „Железняка“: сотня „Скола“ (до 150 человек), сотня „Громовой“ (до 160 человек), сотня „Железняка“ (до 140 человек). Кроме указанных куреней, банда имела в своем составе две учебные сотни во главе в „Богдановым“. В каждом курене было по одному пулеметному взводу и группе разведчиков из 20–30 человек. Каждая сотня, входящая в состав куреня, вооружена от 12 до 20 пулеметов, а весь личный состав автоматами и винтовками, некоторые сотни имели по несколько станковых пулеметов.

За время пребывания в Карувском лесу (с 25 по 29 августа 1944 г.) курени банды и учебные сотни располагались рассредоточенно…»

К лесу было подтянуто несколько гаубичных батарей. «После начала

артобстрела Карувского леса куренные „Эмма“ и „Железняка“ перед личным составом куреней поставили следующую задачу: в случае окружения или столкновения с частями Красной Армии занять оборону и держаться до наступления темноты; с наступлением темноты разбиться на мелкие группы и, не бросая оружия, выходить из окружения для дальнейшего сосредоточения в с. Мосты Малы (Польша).

Однако выполнить бандитам поставленную задачу не удалось. В результате дневного боя 29 августа, а также активных действий малых групп наших частей в ночь на 30 августа и проческе всего Карувского леса 30 августа банда понесла большие потери…»[407].

В августе — сентябре 1944 г. в Драгобычской области войска НКВД вместе с войсками 4-го Украинского фронта провели ряд крупных войсковых операций, в ходе которых с 18 августа по 9 сентября были убиты 1174 бандита, 1108 бандитов взяты в плен и задержано около 6 тысяч человек, уклонявшихся от мобилизации в Красную Армию.

Следует заметить, что мобилизация мужчин призывного возраста в занимаемых РККА районах Западной Украины тоже была эффективным средством борьбы с бандитами. Другой вопрос, что такая мобилизация проводилась повсюду, в том числе и в освобожденных районах РСФСР, Белоруссии и т. д.

Особый размах в западных областях Украины приобрела деятельность СМЕРШа (военной контрразведки). Так, на территории Киевской, Житомирской и Ровенской областей в начале 1944 г. СМЕРШ 1-го Украинского фронта вскрыл ряд подпольных организаций и арестовал до 150 их участников.

В октябре 1944 г. после освобождения Красной Армией Западной Украины от немцев там создается следующая система репрессивно-карательных органов: шесть областных управлений НКВД (Волынское, Дрогобычское, Львовское, Ровенское, Станиславское, Тернопольское); городские отделы НКВД; районные отделы НКВД (61 отдел); местечковые (поселковые) отделения и участки НКВД. Основными звеньями аппарата НКВД были областные управления и городские отделы, имевшие свою структуру.

С апреля 1944 г. снова заработали Волынский, Львовский, Ровенский, Тернопольский и Черновицкий обкомы партии и облисполкомы. На 1 сентября 1944 г. в западных областях УССР имелось уже 1556 первичных парторганизаций, 32 кандидатские и 2 партийно-комсомольские группы, в которых состояло 5709 членов и кандидатов в члены ВКП(б). Они и стали основой партийно-советского аппарата на местах.

Одновременно возобновила свою деятельность и сеть территориальных органов НКВД и НКГБ УССР. Основными структурными подразделениями НКВД УССР были управления: по борьбе с бандитизмом; по делам военнопленных и интернированных; милиции; пожарной охраны; тюрем; исправительно-трудовых лагерей и колоний; местной ПВО; государственных архивов; шоссейных дорог; хозяйственное управление.

3 марта 1946 г. НКВД и НКГБ были преобразованы в Министерство внутренних дел СССР (МВД) и Министерство государственной безопасности СССР (МГБ). 5 марта 1953 г. МВД и МГБ были объединены в одно МВД. Такие же кадровые изменения произошли и в УССР.

С лета 1946 г. против ОУН-УПА началось проведение широкомасштабных акций силами всех подразделений и органов МВД УССР. К этому привлекалось и местное население, которое иногда и силой загоняли в истребительные батальоны. К июню 1946 г. в этих батальонах насчитывалось до 35 тысяч человек.

Согласно директиве МВД УССР от 15 июля 1946 г., в западных областях Украины были введены формы действий, характерные для МГБ, как то: физическое уничтожение руководителей подполья ОУН и командования УПА с помощью агентов-боевиков; создание «параллельной агентурной сети» (деятельность секретных сотрудников МВД, МГБ и их агентов под видом подполья ОУН); перевод многих оперативников в категорию «негласных работников» (обычно они работали под видом представителей всевозможных заготовительных организаций или добровольных товариществ в больших городах, имея агентуру численностью 30–40 человек в прилегающих районах).

28 января 1947 г. вышло секретное постановление Совмина СССР, по которому вся дальнейшая борьба с националистическими движениями относилась исключительно к компетенции органов госбезопасности. Принятые от МВД западных областей Украины отделы по борьбе с бандитизмом и отделения второго отдела МВД УССР были реорганизованы в единые отделы. Всего МГБ было передано 1617 оперативных работников, агентурная сеть численностью 17 945 человек, оперативный учет на 12 714 участников подполья, оперативные внутренние войска МВД (более 25 тысяч человек), а также истребительные батальоны (свыше 35 тысяч человек). В органах же МВД на Западной Украине осталось всего 312 человек оперативного состава уголовного розыска милиции. То есть в каждом из 206 административных сельских районов работой по борьбе с уголовной преступностью занимался один оперативник уголовного розыска и по одному участковому уполномоченному на три-пять сел.

Постепенно НКВД и партийные органы стали привлекать к борьбе с бандитами и население Западной Украины. В соответствии с решением ЦК КП(б) Украины от 1 июня 1948 г. с целью «охраны государственной и кооперативно-колхозной собственности и сельского актива» органы МВД стали создавать вооруженные группы для охраны общественного порядка (ГООП). Истребительные батальоны, подчиненные МГБ, ликвидировались, а их личный состав вместе с вооружением передавался в ГООП. На 1 января 1949 г. в УССР действовало уже 6437 таких групп общей численностью 86527 человек. Поначалу их вооружили трофейным оружием, а затем ГООП получили 15 тысяч винтовок со складов МВД СССР. Всего в ГООП насчитывалось 50 226 единиц оружия, в том числе 330 ручных пулеметов, почти 3 тысячи автоматов, 46 тысяч винтовок, более тысячи пистолетов.

НКВД активно создавал и агентурную сеть. По состоянию на 1 июля 1945 г. на учете органов НКВД западных областей Украины состояло 175 резидентов, 1196 агентов и 9843 информатора. Всего 11 214 человек. НКГБ располагало значительно большей агентурной сетью. Только в Станиславской области на 25 июля 1946 г. в нее входило 6405 человек, в том числе агентов — 641, резидентов — 142, информаторов — 5572, содержателей явочных и конспиративных квартир — 50. С 1 января 1945 г. по 1 июля 1946 г. НКГБ завербовало 5671 человека, в том числе 596 агентов, 93 резидента, 4941 информатора и 41 содержателя явочных и конспиративных квартир.

Основной задачей НКВД и НКГБ являлась ликвидация первых лиц областных, надрайонных и районных Проводов ОУН, командиров УПА, уничтожение боевых групп и службы безопасности ОУН.

Безусловно, это были правильные меры, но доктринеры коммунисты не учитывали ни национальный фактор, ни психологию людей. Они явно путали Западную Украину с Тамбовской губернией. В ходе боевых действий с тамбовскими бандитами с обеих сторон действовали русские люди, и разжигание национальной ненависти было невозможно. А на Западной Украине националисты в ответ на любые акции НКВД или Красной Армии твердили местному населению — вот, мол, пришли москали, которые хотят нас всех перебить.

В сложившихся условиях даже введение постов или групп военных в село не гарантировало безопасности мирных граждан, лояльных к новой власти. Придут ночью бандиты, убьют человека, и ищи их в лесу.

Тут явно нужна была гибкая тактика кнута и пряника. Никаких колхозов, временное упразднение налогов и реквизиций с лояльных

граждан. Передача лояльным гражданам имущества и земель бандитов и, наконец, передача гражданам стрелкового оружия для самозащиты от бандитов. Причем не бойцам каких-либо местных формирований, а именно мирному населению. Спору нет, какая-то часть оружия могла в этом случае попасть к ОУНовацам. Но морально-психологический эффект от передачи оружия в десятки раз превзошел бы все издержки.

К примеру, убили ОУНовцы ночью главу семейства за сотрудничество с властями, вступление в партию и т. д. А рано утром жена и сыновья убитого берут в руки ППШ и идут выяснять отношения с соседями, члены семей которых находятся в лесу с бандитами. Деревня — не город, там все всё знают и невинным мстить не будут. А через полчасика после начала стрельбы заявляются грузовики с солдатами. И вот лейтенант МВД урезонивает членов семьи убитого: «Як же це можно, что же вы наробили 30 чоловиков поубывалы. Будя, идыте по хатам».

Террор можно уничтожить, лишь лишив его подпитки продовольствием и новыми рекрутами. И кровная месть — серьезный аргумент в борьбе с террором. Пример — та же Чечня.

Но новая власть, не мудрствуя лукаво, продолжала действовать грубой силой. Весной 1944 г. на территории Западной Украины были сконцентрированы следующие силы внутренних войск НКВД: в Волынской области: одна стрелковая дивизия, три полка и одна бригада, всего 5285 человек. В Ровенской области: одна стрелковая дивизия и четыре бригады (8754 человека). Во Львовской области: четыре бригады и один кавалерийский полк (6525 человек). В Тернопольской области: три бригады (3057 человек). В Станиславской области: одна бригада (1328 человек). В Черновицкой области: две бригады (1355 человек). Кроме того, весной 1944 г. в Волынскую и Ровенскую области с Северного Кавказа перебросили 19-ю стрелковую бригаду НКВД численностью 2278 человек и 21-ю стрелковую бригаду НКВД (2958 человек).

Всего к этому времени в перечисленных областях дислоцировалось 31 540 человек внутренних войск НКВД с вооружением и боевой техникой.

Поштату 1945 г. стрелковаядивизия НКВД полного состава насчитывала 5–6 тыс. человек, фактически же ее численность была намного ниже штатной. В дивизию входили три стрелковых полка, артиллерийская бригада (два артиллерийско-минометных полка), четыре дивизиона — самоходно-артиллерийский, истребительно-противотанковый, артиллерийский и зенитной артиллерии, саперный батальон, учебный батальон, батальон связи, подразделения обеспечения и тыла. При наступлении стрелковая дивизия, как правило, усиливалась

одним-двумя гаубичными артиллерийскими полками, танками (до бригады) и полком самоходной артиллерии.

Стрелковый полк НКВД по штату 1945 г. имел три стрелковых батальона, две роты автоматчиков, три батареи — минометную, истребительно-противотанковую и артиллерийскую, а также взвод крупнокалиберных зенитных пулеметов. Всего в стрелковом полку НКВД по штату должно было быть 2398 человек, 108 ручных пулеметов, 54 станковых пулемета, 6 крупнокалиберных пулеметов, 27 противотанковых ружей, восемнадцать 82-мм минометов и шесть 120-мм минометов, двенадцать 45-мм и шесть 57-мм противотанковых пушек, шесть 76-мм полевых пушек.

Стрелковая бригада НКВД полного штата имела четыре стрелковых батальона, артиллерийский и минометный дивизион, роту автоматчиков, подразделения специальных войск и тыла, общей численностью до 5 тыс. человек.

Против УПА также был направлен танковый батальон 2-й мотострелковой дивизии (22 танка и 163 человека личного состава). Затем из внутренних областей СССР прибыли пять бронепоездов: № 46 — в Ровно, № 73 — в Каменну Струмиловку (Львовская обл.), № 26 — в Станислав, № 42 — во Львов и № 45 — в Тернополь. Личный состав этих бронепоездов насчитывал 770 человек.

Перед большой блокадой зимы — весны 1946 г. войска НКВД дислоцировались на Западной Украине следующим образом: во Львовской области: 17-я стрелковая бригада, три батальона 25-й стрелковой бригады, 18-й кавалерийский полк, 18-й отдельный стрелковый батальон 18-й стрелковой бригады, 66-й и 219-й отдельные стрелковые батальоны 24-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Станиславской области — 19-я стрелковая бригада внутренних войск НКВД. В Черновицкой области — 192-й отдельный стрелковый батальон 19-й стрелковой бригады, 237-й и 240-й отдельные батальоны 23-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Ровенской области — 16-я и 20-я стрелковые бригады, 228-й отдельный стрелковый батальон 21-й стрелковой бригады и три батальона 24-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Волынской области — 9-я стрелковая дивизия (три полка) и 189-й отдельный стрелковый батальон 18-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В Тернопольской области — три батальона 21-й стрелковой бригады, два батальона 25-й стрелковой бригады, 174-й и 193-й отдельные стрелковые батальоны 19-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД.

Для усиления вышеперечисленных частей НКВД СССР

дополнительно выделило два стрелковых полка и один отдельный стрелковый батальон. А нарком внутренних дел УССР Рясной как руководитель всей агентурно-оперативной работы НКВД и НКГБ в западных областях Украины имел право по своему усмотрению передислоцировать внутренние войска в пределах региона.

По плану от 15 июля 1946 г. организационных мероприятий по усилению борьбы с подпольем части и соединения внутренних войск МВД, находившиеся в западных областях Украины, оставались на местах до января 1947 г. После этого все оперативные внутренние войска МВД, то есть более 25 тыс. человек, были переданы МГБ.

Армейские части, внутренние и пограничные войска НКВД, партизанские и истребительные отряды проводили совместные операции — блокады, большие и малые облавы. Однако основные боевые действия вели внутренние войска НКВД (МВД). В больших облавах участвовали по несколько частей и подразделений внутренних войск, привлекались и подразделения Красной Армии. Такая облава обычно охватывала большой лесной массив или один-два района, которые окружали и прочесывали.

Тактика облав была таковой. За несколько дней до начала собственно облавы на территорию действий бандформирований проникали небольшие подразделения внутренних войск, обычно не более роты, которые провоцировали столкновение с отрядами УПА. Убедившись в наличии этих отрядов, внутренние войска отступали. Затем к данному району подтягивалась артиллерия и танки, вызывалась авиация, и начиналось одновременное концентрическое наступление со всех сторон. В одном месте создавался «мешок». С его стороны всегда наступали меньшими силами, чтобы заманить отряды УПА в ловушку. Операция длилась обычно с неделю, в течение этого времени внутренние войска прочесывали всю окруженную ими территорию.

Малые же облавы проводились силами одной роты или батальона районного НКВД после того, как уже прошла большая облава. Главной задачей малой облавы было преследование разделившихся отрядов УПА, поиск в селах раненых бандитов, подпольщиков, выявление местных жителей, сочувствующих УОН-УПА.

Так, 7 апреля 1945 г. началась большая облава, в которой приняли участие 40 тысяч человек под командованием пяти генералов. Облава продолжалась до конца мая. В ней участвовали партизанские отряды «Красная метла» и «Рубака», специалисты по вскрытию крыевок, бункеров и складов.

Подобные облавы проводились и на территории Волыни. В июле

1944 г. — в районе Острожина, в августе — в Пустомитских лесах Ровенщины, в январе 1945 г. — на Кременчине, в феврале — опять на Ровенщине, в апреле — в окрестностях Коростеня, в мае — в Черниговских лесах.

Советская власть применяла и меры психологического воздействия. Так, правительство УССР трижды (12 февраля 1944 г., 27 ноября 1944 г. и 19 мая 1945 г.) объявляло амнистию ОУНовским подпольщикам. По советским данным, добровольно сдалось 55 тысяч человек.

Еще одно обращение к повстанцам издал нарком НКВД Абакумов в феврале 1946 г.

Сейчас националисты всеми силами спекулируют на так называемой депортации 1946–1947 гг. бандитов и членов их семей. Сразу замечу подлог: слово «депортация» иностранное, и оно означает выселение людей из одного государства в другое. Но тут речь шла о переселении внутри СССР, и переселенных следует именовать переселенцами или спецпереселенцами, как их называли в официальных документах, ну, наконец, ссыльными. Но жулики от политики жить не могут без красивых и пустых слов — «голодомор», «депортация» и т. д.

Осенью 1947 г. МГБ действительно провело переселение семей «националистов». В начале октября 1947 г. генерал-лейтенант МГБ Рясной утвердил «План мероприятий МВД УССР по перевозке спецпоселенцев из западных областей УССР». Планом предусматривалось вывезти 25 тысяч семей общей численностью до 75 тысяч человек. К 26 октября 1947 г. переселение было завершено. Всего в 44 эшелонах было вывезено 76 586 человек (18 866 мужчин и 35 441 женщина старше 17 лет, 22 279 детей и подростков обоего пола).

Руководство ОУН пыталось проводить террористическую деятельность и за пределами Украины. Так, «главнокомандующий УПА» Роман Шухевич направил в Москву одну из своих любовниц — Дарью Гусяк. В июне 1949 г. Дарья с чужим паспортом приехала в столицу и две недели жила в гостинице «Метрополь». У нее в номере хранились взрывные устройства. В течение этих двух недель она неоднократно посещала Красную площадь в поисках подходящей «мишени». Позже она доложила Шухевичу, что не было подходящего объекта. Скорей всего, Дарья просто струсила. Бомбу можно было кинуть даже в смену почетного караула у Мавзолея.

И вообще трудно представить, чтобы дамочка с большим свертком или сумкой две недели гуляла бы по Красной площади и на нее не обратили бы внимание. Я сам примерно в 1966 г. договорился встретиться с

приятельницей в Александровском саду, а это довольно далеко от Красной площади. По пути я зашел в магазин на улице Горького, купил бутылку коньяка и сунул ее во внутренний карман пальто. И вот, гуляя по саду, я заметил «топтуна», ходившего за нами, как приклеенный, на дистанции в 5–6 шагов. Чтобы уточнить ситуацию, мы пару раз меняли направление, но «топтун» не отставал. Тогда мы забежали за толпу интуристов, а затем рванули в подземный переход, а оттуда — на станцию метро «Библиотека им. Ленина».

Так что Дарья по приезде явно наврала Шухевичу. В марте 1950 г. Дарья застрелила на улице деревни под Львовом лейтенанта МГБ Ревенко, который пытался за ней ухаживать. Толпа местных жителей схватила ее и устроила самосуд. Вовремя подъехавшим сотрудника МГБ с трудом удалось ее отбить. Дарья выдала Шухевича, и группа захвата во главе с генералом Судоплатовым окружила сельпо, где прятался «главнокомандующий». Ему предложили сдаться, пообещав сохранить жизнь. В ответ Шухевич кинул две ручные гранаты и был убит автоматной очередью.

Между тем с лета 1945 г. бывшие союзники СССР начали помогать деньгами и оружием ОУН. Так, американские и британские спецслужбы организовали тайные резидентуры бандеровцев в Мюнхене и Лондоне. Спецслужбы обучали ОУНовских диверсантов, а американские и британские транспортные самолеты сбрасывали с парашютами людей и грузы на территорию Западной Украины.

Руководящую роль в этом играла британская секретная служба МИ-6, в которой русским отделом с 1944 г. по 1950 г. руководил Ким Филби. За успешную работу в МИ-6 Ким Филби был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и значком «Почетного сотрудника госбезопасности».

Англичане обеспокоились потерей связи с Шухевичем, и в ночь с 14 на 15 мая 1951 г. у села Вышки Тернопольской области британский самолет сбросил шестерых парашютистов. Группу возглавлял начальник ОУНовской службы безопасности Мирон Матвиейко. В эту ночь ПВО страны получила приказ пропустить все самолеты-нарушители.

Парашютисты беспрепятственно достигли цели, а затем отправились на явочную квартиру. Там их радостно встретили повстанцы. Началась большая пьянка. Наутро «гости» проснулись во внутренней тюрьме областного управления МГБ.

Замечу, что в том же 1951 г. чекистам удалось изловить еще 35 парашютистов.

Матвиейко был доставлен в Москву, где его допрашивал сам Абакумов. Вскоре генералу Судоплатову удалось склонить Матвиейко к сотрудничеству. В результате в июне 1951 г. чекисты начали радиоигру с Лондоном, в которой участвовали Матвиейко и ряд других высокопоставленных ОУНовцев. В МГБ игра получила шифр «Метеор» и продолжалась до октября 1960 г.

Впоследствии Матвиейко начал новую жизнь — работал бухгалтером, женился, вырастил троих детей и тихо скончался в 1974 г.

С весны 1950 г. повстанческое движение на Западной Украине стало затихать, и ко времени смерти Сталина оно было окончательно ликвидировано.

Тут стоит добавить, что после мая 1945 г. ОУН действовала не только на территории СССР, но и в Польше.

В июле 1945 г. Польское правительство направило в юго-восточные воеводства страны три дивизии неполного состава для обеспечения безопасности польского населения. Однако ни во второй половине 1945 г., ни в начале 1946 г. поляки не сумели добиться существенных успехов в борьбе с ОУН-УПА.

5 апреля 1946 г. польское военное командование начало специальную операцию под кодовым названием «Жешув», в ходе которой главный удар наносился в Жешувском воеводстве, где сконцентрировались наиболее крупные силы УПА. Многие повстанческие отряды ушли из Польши в СССР или Чехословакию. Оставшиеся бойцы начали так называемую бункерную войну.

Польское командование верно оценило ситуацию и поняло, что пока местное украинское население кормит ОУН-УПА и поставляет ему рекрутов, полной победы добиться нельзя, и приняло наиболее оптимальное решение — депортировать украинцев в СССР. Только из Жушевского воеводства за время проведения операции «Жешув» были отправлены в СССР около 250 тысяч этнических украинцев.

28 марта 1947 г. бандеровская сотня «Гриня» устроили засаду на шоссе у Балигородова. В нее попал конвой с министром обороны Польши генералом Каролем Сверчевским. Министр был убит[408].

В ответ поляки начали большую операцию под кодовым названием «Висла». Регион операции «Висла» разделялся на две главные зоны операций — зону «S» (со штабом в г. Сянок) и зону «R» (со штабом в г. Жешуве, там же размещался и главный штаб отряда особого назначения «Висла»). Силы безопасности состояли из 12 полковых операционных групп. Общая численность отрядов особого назначения «Висла»

составляла 17 440 солдат и офицеров. На северо-востоке страны действовали другие отряды.

Операция «Висла» проходила в два этапа. Первый этап включал только действия в зоне «R» (южная и юго-восточная часть Жешувского воеводства и несколько районов юго-восточнее части Люблинского воеводства), вдоль советско-польской границы. Отряды особого назначения должны были ликвидировать повстанцев в зоне «R» и полностью депортировать оттуда украинское население. В течение месяца операция в этой зоне была завершена, формирования УПА потерпели поражение, а их остатки в последующие месяцы постепенно распались. Параллельно проводилась рекогносцировка в зоне «S».

Во время первого этапа операции было уничтожено более 900 повстанцев и еще больше взято в плен. Несколько групп общей численностью до 200 человек перешли польско-чехословацкую границу и с боями пробились в американскую оккупационную зону в Германии и Австрии. Отряд из 100 человек перешел на территорию УССС, где влился в состав УПА-Запад.

За три месяца проведения операции «Висла» на север и запад Польши на место изгнанного немецкого населения были переселены более 140 тысяч украинцев.

К концу 1947 г. с отрядами ОУН-УПА в Польше было окончательно покончено.

Попробуем сравнить успехи поляков и советских войск. Бойцов ОУН-УПА на территории Польши было не меньше, чем в СССР. Местное украинское население поддерживало повстанцев в Польше гораздо больше, чем в СССР. Наконец, польские силы были во много раз слабее, чем части НКВД (МГБ) и Советская армия. А результат вроде бы парадоксальный — поляки окончательно покончили с бандитизмом за два года, а Советскому Союзу на это потребовалось более семи лет. Причиной этого явилась полная высылка групп населения, поддерживавших повстанцев.

Глава 9
Воссоединение всех православных на Украине

Сейчас не только крайние националисты, но и официальные деятели Украины утверждают, что Львовский собор 1946 г., воссоединивший униатов и православных, был силой навязан Западной Украине. Якобы председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР Г. Карпов предложил Сталину уничтожить греко-католическую (униатскую) церковь, и 15 марта 1945 г. Сталин утвердил план Карпова.

Увы, история униатской церкви на русских землях свидетельствует об обратном. Брестская уния 1596 г. была силой навязана православному населению Речи Посполитой. С этого момента десятки тысяч православных священников и мирян стали жертвами католических фанатиков. Все без исключения вожди восстаний в Малороссии в XVI–XVII вв. беспощадно боролись с униатами. Расправа гайдамаков с ксендзами и униатскими попами была коротка. Надо полагать, что здесь постарались Сталин и Карпов.

Денис Иванович Зубрицкий (1777–1862), представитель древнего галицко-русского дворянского рода, писал: «По моему мнению, народ русский от берегов Тисы и Паннонии до берегов Волги, от берегов Вислы до Русского моря… есть народ коренной в этом крае. Мы в Галиции уже 500 лет под иностранною властию, имя русское во время польского ига было предметом ругательства и поношения, но все напрасно, мы гордились своею назвою и происхождением и остались русскими. Это самое разумеется и о венгерских руссах…»[409]

Три студента богословского факультета Львовского университета, Маркиан Семенович Шашкевич, Иван Николаевич Вашкевич и Яков Федорович Головацкий, назвав себя «русской троицей», впервые в Галичине в открытую заявили: как на небе Бог в Троице един, так на земле Русь триединая: Великая, Малая и Белая Русь — одна русская земля[410]. Но все они, разумеется, были коммунистами и агентами НКВД.

Но вот кто заставил эмигрантов-униатов из Австро-Венгрии переходить в православие в США? «Первой волной пополнения американского православия явился переход из униатства в православие около 90 тыс. эмигрантов из Галиции и Карпатской Руси между 1891 г.

и Первой мировой войной. Апостолом этого обращения был униатский протоиерей из Карпатской („Угорской“) Руси Алексий Тот…

В начале XX в. совершенно спонтанно стало распространяться движение за воссоединение с православными среди лемков в Карпатской Руси, которая после Первой мировой войны стала частью Польши, а также среди самих галичан. Процесс продолжался и после Первой мировой войны, хотя польское правительство преследовало Православную церковь Польши. Например, только в 1938 г. где-то около 107 действующих православных приходов были превращены в римско-католические или распущены. Согласно А. Свитичу, историку польского православия, несмотря на репрессии и наказания со стороны польских властей, „к началу 1928 г. в Галиции насчитывалось уже 40 православных приходов… Село за селом и уезд за уездом возвращались под родной кров Православной Церкви. В течение 1 года и 4 месяцев к Православию присоединилось свыше 50 000 галичан“. Процесс, как известно, был остановлен польскими правительственными запретами и прямыми гонениями»[411].

С началом войны униатская церковь начала активно поддерживать гитлеровцев. Надо сказать, что и римский папа Пий XII неоднократно выражал поддержку режимам Италии и Германии и благословлял убийства местными католиками православных в Югославии.

Глава униатской церкви на Западной Украине митрополит Андрей Шептицкий благословил и германские войска, и дивизию СС «Галичина». Будущий униатский патриарх Иосиф Слипый стал капелланом дивизии СС «Галичина». Митрополит Андрей отправил в эту дивизию даже слушателей Львовской духовной академии и семинарии, в том числе и 23 абитуриента, только что поступивших туда. Почти все они погибли в июле 1944-го.

ОУНовцы еще при немцах расправились с православным духовенством. 7 мая 1943 г. бандеровцы убили владыку Алексия (Громадского), митрополита Украинской Автономной православной церкви, сохранявшего молитвенное общение с Московским патриархатом. Бандеровцы убили Карпато-русского епископа Мукачевского Михаила (Тарнавского), известного своей стойкостью в вере и высокой духовной жизнью. Они же взяли владыку Мануила ночью на квартире во Владимире-Волынском и повесили в лесу.

Но вот Красная Армия вступает во Львов. 16 октября 1944 г. глава церкви митрополит Андрей Шептицкий направил письмо председателю Львовской Рады депутатов трудящихся Козыреву с просьбой помочь направить в Москву делегацию греко-католического духовенства. Делегация посетила Москву в декабре 1944 г. Руководителями делегации

были архиепископы Иосиф Слипой и Гаврил Костельник. Они привезли льстивое приветствие Сталину и сто тысяч рублей пожертвований на Красный Крест.

П. А. Судоплатов пишет: «Через Президиум Верховного Совета архиепископы попросили принять их Патриарха Русской православной церкви, которая никогда не была в хороших отношениях с униатами. Президиум Верховного Совета, однако, направил делегацию в НКВД, чтобы прояснить вопрос о сотрудничестве руководства униатской церкви с немцами. Мне и генералу Мамулову начальнику секретариата НКВД, было приказано принять украинскую церковную делегацию. К их удивлению, я на западноукраинском диалекте изложил им данные о сотрудничестве руководства униатской церкви с немцами и, как мне было приказано, заверил их, что, если они раскаются и выяснится, что иерархи церкви сами лично не совершили военных преступлений, преследовать их не будут»[412].

В 1945 г. архимандрит Андрей Шептинский умер. В униатской церкви разгорелась ожесточенная борьба за власть. Резко усилилось движение за объединение с православной церковью. Во главе движения встал Гаврил Костельник, ратовавший за объединение уже 30 лет. Естественно, что правительство СССР поддерживало Костельника, и для этого были весьма веские причины.

Во-первых, бандеровцы сделали униатство своим козырем и пытались свое движение превратить в религиозную войну. Во-вторых, Пий XII в 1945 г. резко изменил фронт и стал призывать США и Англию к войне против СССР. У Ватикана возникли идеи создания конфедерации Придунайских стран, организации комитета «Католического действия» для развертывания борьбы против леворадикальных элементов. В этих условиях советское руководство отказалось от компромиссов. Отныне Ватикан характеризовался как «защитник фашизма», стремящийся к усилению своего влияния в послевоенном мире.

Какое правительство захочет иметь в свой стране четыре миллиона верующих, контролируемых папой, который призывает к свержению этого правительства? Даже в такой чисто католической стране как Франция Наполеон очень круто поступил с папой и заставил его подписать конкордат, согласно которому в политическом отношении церковь была подчинена не Ватикану, а правительству Франции.

Правительство СССР помогло Костельнику в организации Собора Украинской греко-католической церкви (УКГЦ) во Львове 8-10 марта 1946 г. Собор постановил «отменить постановления Брестского собора

1596 года, ликвидировать унию, отойти от Рима и возвратиться в нашу отцовскую Святую Православную Веру и Русскую Православную Церковь».

Московский патриарх Алексий отправил послание участникам Львовского собора. «В послании выражалась радость по поводу наконец достигнутого воссоединения исторических русских территорий и одновременно печаль о том, что не возносятся общие благодарственные молитвы Богу за это воссоединение, так как западные братья принадлежат другой вере, „отторгнуты от своей Матери — Русской православной церкви“. Затем говорится о бесчеловечности гитлеризма и о том, что победа над ним есть знак Божьего благоволения в борьбе с гитлеризмом. Приводится также исторически неверное утверждение, будто руководители униатской церкви „призывали склониться под ярмо Гитлера. И куда ведет вес Ватикан, призывающий в своих посланиях к милости к фашистам и Гитлеру, этому величайшему преступнику, какого когда-либо знала история?“ Алексий ссылается на только что завершившийся собор, избравший его, который в совместном заявлении за подписями двух восточных патриархов и представителей всех православных церквей „в противоположность Ватикану… свидетельствует о своем полном единодушии в проклятии Гитлера, этого кровавого безумца. Молим вас, братья… порвите ваши связи с Ватиканом, который ведет вас во тьму и духовное падение своими ересями… Поторопитесь вернуться в объятия вашей Матери — Русской православной церкви“»[413].

Нынешние самостийники ерничают, утверждая, что площадь перед собором Святого Юра 8 марта 1946 г. была синей от околышей ГБ, а у православного митрополита Киевского и Галицкого Иоанна (Соколова) под облачением — брюки цвета хаки с синим кантом.

Действительно, во Львове были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Но это вполне естественно, так как бандеровцы организовали массовый террор. А вот сейчас на Украине никакого террора нет, а какие меры безопасности учинили киевские власти в связи с приездом римского папы Иоанна-Павла II?!

Не будем забывать, что согласно канонам католической церкви римский папа непогрешим, и верующие должны не раздумывая выполнять любые его указания. Другой вопрос, что папы грешили куда больше, чем самые ретивые миряне. Не буду вспоминать приключения XIII–XVI вв., а возьму того же папу Пия XII. Он был женат, что у католиков считается величайшим грехом даже для простого священника. Пий XII еще в начале 1917 г., когда он был нунцием Эудженио Печеллу, на курорте в Швейцарии

познакомился с медсестрой Паскуалиной Ленерт, которую он взял в секретарши и домоправительницы.

В 1938 г. новый папа Пий XII поселил Паскуалиану в своих покоях на третьем этаже апостолического дворца. «Паскуалина была не только идеальной экономкой, но и прекрасным секретарем. Пий XII диктовал ей (она хорошо печатала на машинке) самые важные и часто секретные документы. Влияние этой женщины на папу было огромно. Ее рекомендациям папа подчинялся беспрекословно. Ходили слухи, что многие прелаты делали в курии карьеру благодаря ее покровительству. Ее боялись и перед ней пресмыкались. Злые на язык чиновники курии называли ее „единственным мужчиной в Ватикане“»[414].

Замечу, что сведения об «атлантическом папе» почерпнуты мною не из «желтой» прессы, а из книги И. Р. Григулевича, который длительное время был послом государства Коста-Рика в Ватикане, совмещая это с литературной деятельностью и высоким постом на Лубянке.

По вопросу насилия государства над униатской церковью отмечу лишь два момента. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. националисты потребовали от Киева реабилитировать УГКЦ, на что получили резонный ответ, что де-юре Церковь «самоликвидировалась» собственноручно, государство никаких правовых актов на сей счет не принимало, поэтому и отменять нечего.

Действительно, государство юридически держалось в стороне от решения Львовского собора и его последствий.

Второй интересный момент: ни один униатский священник не был осужден государством за свою религиозную деятельность. Все осужденные сотрудничали с германскими оккупантами или с бандеровцами. Ни один униатский священник не был приговорен к смертной казни. Все осужденные отсидели совсем немного, а после освобождения подались в эмиграцию.

А вот ОУН начал кровавый террор против священников-униатов, воссоединившихся с православной церковью. Через несколько месяцев после собора Гаврил Костельник был застрелен ОУНовцами на пороге храма. Были убиты еще несколько священников.

Таким образом, ОУНовцы оказывали куда большее насилие на священнослужителей, чем власти. Переход же униатов в православие был в основном добровольным. Так, с мая 1945 г. за 9 месяцев присоединилось к православию 986 священников (то есть 78 %), а 281 отказались.

Глава 10
Восстановление экономики УССР

В ходе Великой Отечественной войны УССР потеряла значительную часть своих людских ресурсов. Кроме миллионов мобилизованных в армию и погибших на фронтах солдат, огромными были потери среди мирного населения. Фашисты уничтожили 3 млн 265 тыс. мирных жителей, вывезли в Германию 2,3 млн остарбайтеров. Множество людей умерло от голода и болезней в связи с невыносимыми условиями жизни, созданными оккупантами на захваченных территориях. Общее число погибших граждан Украины составило 5,3 млн человек, то есть погиб каждый шестой.

Огромный ущерб был нанесен народному хозяйству УССР: разрушено 714 городов и местечек, более 28 тысяч сел, 16 тысяч промышленных предприятий, 18 тысяч медицинских учреждений, почти 33 тысячи школ, техникумов и вузов. Оккупанты разорили 30 тысяч колхозов, совхозов и МТС. Прямые убытки составили 285 млрд рублей, а общая сумма потерь, понесенных населением и экономикой республики, составил 1,2 трлн/ рублей.

К началу 1945 г. на Украине оставались неповрежденными лишь 19 % промышленных предприятий. Поэтому на восстановление тяжелой промышленности в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) советское руководство направило 80–85 % всех капиталовложений. Как писал Губарев: «Говоря о восстановлении народного хозяйства Украины, как и других районов ССР, пострадавших от войны, следует учитывать, что оно проходило на основе тесной интеграции и взаимопомощи всех союзных и автономных республик. В Украину непрерывным потоком шли эшелоны с оборудованием, машинами, стройматериалами, семенами и скотом, прибывали квалифицированные специалисты, инженеры и рабочие.

Жестко централизованная командно-административная система управления народным хозяйством позволяла рекрутировать рабочие кадры через организованный набор. Существенным источником пополнения трудовых коллективов в промышленности и на транспорте стали демобилизованные военнослужащие. Из общего числа 2,2 млн демобилизованных в 1945–1948 гг. в промышленность УССР направились работать 350 тыс. человек, а на транспорт — около 100 тыс. человек. В течение четвертой пятилетки количество рабочих, инженеров, техников и служащих увеличилось до 6,9 млн человек (что на 700 тыс. превышало их

количество в 1940 г.)»[415].

Силами всей страны восстанавливали гиганты украинской металлургии — «Азовсталь», «Запорожсталь», Краматорский и Енакиевский металлургические заводы.

В восстановлении взорванной Днепрогэс приняли участи 120 промышленных предприятий Союза, и уже в марте 1947 г. был получен ток от первого агрегата станции, а в 1950 г. Днепрогэс был полностью восстановлен, и его мощность превысила довоенную.

8 годы четвертой пятилетки были почти полностью восстановлены все шахты и заводы Донбасса, Харьковский тракторный и Приднепровский машиностроительный заводы, авиационные, химические, судостроительные и другие предприятия, а также транспортная система.

Большое внимание советское правительство уделяло восстановлению судостроительных заводов в Николаеве, Херсоне и Севастополе. Было начато и строительство новых судостроительных заводов в поселке Жовтневое под Одессой, в Феодосии и Керчи.

21 ноября 1948 г. в Николаеве на заводе № 444 был заложен головной крейсер проекта 68бис «Дзержинский». 31 декабря 1951 г. в Николаеве заложили огромный крейсер «Сталинград» водоизмещением 36 тыс. тонн. Пушки «Сталинграда» должны были стать самыми дальнобойными в мире.

9 мая 1951 г. было принято Постановление Совмина СССР «О передаче Министерству вооружения СССР Днепропетровского автомобильного завода Министерства автомобильной и тракторной промышленности». Вроде бы рутинное постановление, но в этот день Украина стала ракетно-космической державой. А уже через три недели заводу № 586 было поручено наладить серийное производство баллистических ракет Р-1 (8Ф11) конструкции С. П. Королева.

30 ноября 1951 г. вышел приказ министра вооружений Д. Ф. Устинова о развертывании на заводе производства баллистических ракет Р-2 (8Ж38). Первые ракеты Р-1 были сданы заказчику уже в июне 1952 г.

13 февраля 1952 г. Постановлением Совмина СССР конструкторскому отделу завода № 586 поручена разработка проекта ракеты средней дальность Р-12 (8А63). Теперь на украинской земле не только делались ракеты, спроектированные в Подлипках под Москвой, но и проектировались свои.

К концу четвертой пятилетки в УССР производилось больше, чем до войны, проката черных металлов, железной руды, электроэнергии и минеральных удобрений. Довоенных показателей достигло производство стали, чугуна, каменного угля и ряда других важнейших видов

промышленной продукции.

Объем валовой продукции промышленности Украины в течение 1946–1950 гг. увеличился в 4,4 раза и превысил объем довоенного 1940 г. на 15 %, в том числе в металлургии — на 16 %, машиностроении и металлообработке — на 44 %, производстве стройматериалов — в 2,3 раза. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции республики почти в 1,5 раза превышали общесоюзные показатели, что соответствовало установленным планам развития отдельных экономических районов страны. Производство электроэнергии возросло на 23 %.

Гораздо медленнее шло развитие легкой и пищевой промышленности. К 1950 г. валовое производство в легкой промышленности составило 79 % от уровня 1940 г.

В 1946 г. страшная засуха поразила Украину. Во многих районах республики был голод. Следующие, 1947-й и 1948 гг. по погодным условиям были относительно неплохими, и в Москве решили, что стоит провести комплекс работ, которые бы снизили воздействие природно-климатических условий на сборы урожая, и значительная часть проблем окажется решенной. В 1948 г. возник широко разрекламированный «сталинский план преобразования природы». Предусматривалось провести лесозащитные мероприятия, развивать оросительные системы, строить пруды и водоемы. В дальнейшем этот план дополнился решениями правительства о строительстве крупных каналов. В начале 1950-х гг. выдвигаются грандиозные проекты строительства гигантских гидроэлектростанций на Днепре и Волге, каналов в степной зоне Украины, в пустые Кара-Кум и между Волгой и Доном, план создания лесозащитных насаждений на многих сотнях тысяч гектаров.

С 1962 г. многие журналисты и ученые специализируются на критике мероприятий времен культа личности. Например, ах, сколько деревень, сколько сельхозугодий было затоплено в результате строительства каналов и гидроэлектростанций! Возникает резонный вопрос: если эти мероприятия были экономически невыгодными, то что мешает вернуть «статус кво»? Воду из водохранилищ и искусственных морей можно спустить за несколько месяцев, и мы на следующий год получим те же сельхозугодия, да еще удобренные илом. Но, увы, критиканов хоть пруд пруди, но никто и не заикается ни в России, ни на Украине о спуске воды.

В 1950-х гг. как на Украине, так и по всему Союзу не хватало жилья. В городах значительная часть населения жила в коммуналках, полуподвалах, бараках. С другой стороны, коммунальная плата была предельно низкой, а качество вновь возводимых домов — крайне высоким. Это не моя

субъективная оценка. Сейчас стоимость квартир в «сталинском» доме существенно выше, чем в доме, построенном во времена Хрущева или Брежнева.

21 ноября 1949 г. Президиум Верховного Совета УССР одобрил и принял символы государственности — герб, флаг и гимн УССР. Еще ранее УССР стала членом ООН. Рассматривая проект ООН, Сталин предложил Черчиллю и Рузвельту принять в ООН все Советские Республики. Западные лидеры начали торговаться, в конце концов было решено, что кроме СССР членство в ООН получат две наиболее пострадавшие от нападения Германии республики — Украина и Белоруссия.

Современные украинские историки упрекают власти за преследование национализма на Украине. Тот же Губарев пишет: «29 августа 1947 г. ЦК КП(б) У принял постановление „О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Украины Академии наук УССР“. В нем были подвергнуты острой критике все научные достижения института, в частности „Краткий курс истории Украины“ под редакцией С. Белоусова, однотомный „Очерк истории Украины“ под редакцией К. Гуслистого, первый том четырехтомной „Истории Украины“ под редакцией М. Петровского. Историки обвинялись в националистических уклонах, возрождении „реакционных домыслов“ В. Антоновича и М. Грушевского.

По инициативе партийных органов в Украине были проведены идеологические кампании, направленные против творческой интеллигенции. В 1946–1947 гг. ЦК КП(б) У принял серию постановлений: „Про спотворення та помилки у висвітленні історіі літератури в книзі „Нариси історіі украньско!' літератури““, „Про журнал сатири і гумору „Перець““ и т. д. Оперу К. Данкевича „Богдан Хмельницкий“ подвергли критике за то, что русским в ней было отведено недостаточно заметное место. Украинские энциклопедические издания обвинялись в сосредоточенности на узконациональных темах»[416].

Действительно, Сталин боролся со слишком зарвавшимися националистами. Но в целом Сталин продолжал политику украинизации, начатую еще в 1920-х гг. Кагановичем. Многие писатели, художники, кинорежиссеры сделали карьеру благодаря своей национальности. В 1951 г. на экраны Союза вышел фильм режиссера И. Савченко «Тарас Шевченко». Образ поэта был до предела романтизирован, о русофобии Тараса Григорьевича, естественно, не было ни слова. Фильм получил Сталинскую премию, а исполнитель главной роли молодой актер Сергей Бондарчук стал народным артистом СССР и лауреатом Сталинской премии.

О деятельности большевиков на Украине один из карпаторусских

эмигрантов с грустью писал, что «Советское правительство создало украинскую державу при помощи лиц, поддавшихся галицкой польской украинской пропаганде, стремившихся сделать карьеру на украинской авантюре, или в особенности таких, которые опасались восстановления какого-либо небольшевистского порядка и ненавидели Россию…

Окончательная заслуга создания Советской Незалежной Украины принадлежит тов. Сталину, во время „царствования“ которого была сформирована Советская Украина. Итак, хай живе товарищ Сталин и хай живе святейший папа Лев XIII, их портреты заслужили себе место в самом центре „украинского пантеона“»[417].

В 1960-х годах жизненный уровень всех народов СССР постепенно стал повышаться. Замечу, это связано не столько с деятельностью Н. С. Хрущева, сколько с общим подъемом экономики страны.

Трудные условия жизни в 1945–1953 гг. были обусловлены войной и разрухой, а не каким-то злым умыслом. Хорошо бы заставить нынешних либералов посмотреть итальянские и французские фильмы, снятые в 1945–1953 гг. Там хорошо показана жизнь простых людей, и где им было хуже — во Франции, Италии или Западной Германии в тот период, или в СССР — вопрос достаточно спорный. К тому же можно добавить, что Советскому Союзу пришлось создавать ракетно-ядерный щит, а страны Западной Европы по плану Маршалла получали огромные суммы из американской кормушки.

Не следует забывать и о психологическом моменте. В СССР люди, восстанавливавшие экономику, были примерно все равны. Даже дети членов Политбюро и министров имели немногим больше, чем дети рабочих и крестьян. В 1950-х гг. практически каждое крупное предприятие Украины располагало собственным домом отдыха или санаторием на берегу Черного или Азовского моря. А мог ли сын парижского рабочего в 1945–1953 гг. отдохнуть на Лазурном Берегу?

Опять процитирую Губарева: «В 1954 г. было принято решение о массовом строительстве жилья индустриальными методами. Выросла площадь новых жилых домов, позже прозванных в народе „хрущевками“. Люди начали переселяться из „коммуналок“, бараков, подвалов и полуподвалов в индивидуальные квартиры. Если в 1918–1940 гг. в Украине было введено в эксплуатацию 78,5 тыс. кв. м жилой площади, то в 1956–1965 гг. — более 182 тыс. кв. м. Получили и построили себе жилье почти 18 млн человек…

Велось строительство метрополитена. В быту появились наручные часы, фотоаппараты, радиоприемники, телевизоры, швейные и стиральные

машины, холодильники. В структуре потребления населения выросла доля непродовольственных товаров. Если при Сталине уровень личного потребления ежегодно увеличивался примерно на 1 %, то при Хрущеве — на 4 %.

Все же производство отечественных товаров широкого потребления не обеспечивало возросших потребностей населения и часть компенсировалась импортом. Отставало от роста потребления населения и развитие сферы услуг, торговли, общественного питания…

Неуклонно продолжало расти количество школ, вузов и техникумов. Если в 1950 г. в общеобразовательных школах УССР работало 291,3 тыс. учителей, то в 1960 г. — около 408 тыс. В период с 1950 г. по 1959 г. количество студентов возросло с 201,9 тыс. человек до 643,8 тыс. человек. Педагогические кадры готовились в 7 университетах, 36 педагогических институтах и 43 педучилищах. Было осуществлено укрупнение вузов, в результате чего вместо 160 их стало 140; это способствовало консолидации научно-педагогических кадров, укреплению вузовских кафедр, более рациональному использованию средств. В 1958 г. в высшей школе работало 805 докторов наук и 8103 кандидата наук.

С 1961 по 1966 г. в 132 вузах и 697 техникумах Украины набор увеличился в 1,5 раза. В них обучался 1 млн 336 тыс. студентов и учащихся. В 1963 г. в Харькове был открыт Институт искусств, в 1964 г. — основан Донецкий государственный университет (ныне Донецкий национальный университет)»[418].

А вот Губарев сокрушается: «Школьный закон, принятый Верховным Советом УССР в апреле 1959 г., предоставил родителям право выбирать для своих детей язык обучения. Объективно это вело к тому, что русский язык в школах Украины стал постепенно вытеснять украинский язык»[419].

Обратим внимание на сей пассаж. 35 лет народ украинизировали, но он все равно хочет говорить и читать по-русски. Так надо было эдаких несознательных в национальном отношении детишек гнать в украинские школы под дулами автоматов!

А чуть ниже Губарев противоречит сам себе: «С 1957 г. украинские историки приступили к изданию собственного „Українського історичного журналу“. С 1959 г. по 1965 г. продолжалось издание 17 томов „Української Радянської Енциклопедії“. Появились многотомные „Словник української мови“, „Історія української літератури“, „Історія українського мистецтва“, „Історія міст і сіл Української РСР“ Творческую активность украинской интеллигенции стимулировало также появление новых общественно-

политических, научных и литературных журналов („Прапор“, „Знання та праци“, „Всевіт“ и др.). Массовыми тиражами издавались произведения А. Малышко, О. Гончара, М. Рыльского, М. Бажана, П. Воронько, М. Стельмаха, Ю. Яновского, В. Сосюры, П. Тычины, О. Вишни и С. Олейника»[420].

К сожалению, ни Губарев, ни кто другой из украинских историков нам не скажет, какой процент книг Рыльского, Бажана и др. расходился в розничной торговли, а какой процент в принудительном порядке отправлялся в различные библиотеки или, пролежав несколько лет на полках в магазинах, утилизировался.

Я лично в 1960-х — 1980-х гг. видел в украинских магазинах полки, забитые книгами на украинском языке — Гомер, Дюма, Сименон и т. д. За эти книги в Москве на «толкучке» давали треть зарплаты инженера, естественно, если они были на русском. Как-то в годы «застоя» я попробовал было в книжном магазине прочесть вслух по-украински кусок из «Илиады», но, увидев глумливые улыбки покупателей, быстро положил книгу на место.

Вновь передаю слово Губареву: «Заметным событием в культурной жизни республики стало проведение в марте — мае 1958 г. фестиваля „Первая украинская театральная весна“, в котором участвовали десятки театральных коллективов, в том числе Харьковский академический театр им. Т. Шевченко, Львовский театр оперы и балета им. И. Франко, Винницкий областной музыкально-драматический театр им. М. Садовского.

Развивалось украинское киноискусство. Если в 1951 г. было выпущено лишь 9 фильмов, то в 1956 г. на Киевской, Одесской и Ялтинской киностудиях ежегодно снималось 4–7 фильмов, а в конце 50-х годов — 16–20 картин. Очень популярными были фильмы „Мать“ режиссера М. Донского, „Тревожная молодость“ режиссеров А. Алова и В. Наумова и „Весна на Заречной улице“ Ф. Миронера и М. Хуциева. Начали действовать студии хроникально-документальных и научно-популярных фильмов. В январе 1963 г. состоялся учредительный съезд Союза работников кинематографии Украины.

Среди украинских композиторов указанного периода можно выделить Б. Лятошинского, Г. Майбороду, К. Данкевича, С. Дюдкевича, А. Кос-Анатольского.

В УССР сложилась разветвленная сеть научно-исследовательских учреждений. Только в период с 1959 г. по 1965 г. в республике было создано 73 научных заведения, а всего действовало более 830 научных учреждений,

в которых работало 95 тыс. человек (в том числе около 2 тыс. докторов наук и почти 20 тыс. кандидатов наук). Базовым центром научных исследований являлась Академия наук Украины, в состав которой входило около 50 научно-исследовательских учреждений. В середине 50-х годов в составе АН УССР работали 81 академик и 100 членов-корреспондентов. В 1962 г. на базе компьютерного центра, открытого в Киеве еще в 1957 г., был создан Институт кибернетики.

Развернули свою деятельность Украинское государственное издательство, Издательство Академии наук Украины, Государственное издательство изобразительного искусства и музыкальной литературы УССР (с 1964 г. — издательство „Веселка“), областные издательства в Харькове, Одессе, Львове, Донецке и других городах. За период с 1950 по 1958 г. количество изданных книг (по названиям) выросло с 4136 до 6618 (из них 3975 — на украинском языке), а их тираж увеличился с 77,6 млн до 116,2 млн экземпляров»[421].

Будучи студентом 4-го курса МИФИ, я сам столкнулся с одной из уродливых форм украинизации. У меня была курсовая работа по теме «Компьютерная обработка результатов экспертных оценок» (цитирую по памяти). Суть методики неинтересна большинству читателей, и я лишь скажу, что этой темой занимались в Москве человек сорок, в Ленинграде — двадцать, и одна лаборатория из пяти человек в Киеве. Догадайтесь с трех раз, на каком языке публиковала статьи эта «великолепная пятерка»? Тема новая, терминология не устоялась, да еще и переводи с украинского. А может, они считали, что так их лучше поймут в Западной Европе?

Мы тогда считали подобное забавными ляпами, а между тем определенные круги на Украине использовали украинизацию в своих целях, стремясь вбить клин между республиками Союза.

В 60-х–80-х гг. на Украине продолжался экономический рост. Так, в 1970 г. там было добыто 207 млн тонн угля, 14 млн тонн нефти, 111 млн тонн железной руды, произведено 41 млн тонн чугуна, 46,5 млн тонн стали, вырабатывалось около 138 млрд кВт-ч электроэнергии. Удельный вес республики в народном хозяйстве СССР составлял: по добыче угля — 33 %, железной руды — 57 %, выплавке чугуна — 48 %, стали — 40 %.

В 1966–1970 гг. закончилось строительство крупнейших в Европе Приднепровской, Бурштынской, Старобешевской и Ворошиловградской тепловых электростанций, первой очереди Трипольской ГРЭС.

С 1966 г. начался переход школы на обязательное среднее образование. В то время на Украине насчитывалось более 34 тысяч общеобразовательных школ.

Несмотря на все потуги киевских и московских властей, престиж украинского языка постепенно падал. По данным Губарева, «если в 1960 г. школы с украинским языком обучения охватывали 68,7 % учащихся, то в 1970 г. — 60,4 %, в 1976 г. — 57,8 %. В то же время на русском языке учились соответственно — 30,4 %, 38,8 %, 41,3 %»[422].

Спору нет, не все было гладко в экономике, многие предприятия работали неэффективно. В конце 80-х гг. возникла проблема с продовольствием и товарами народного потребления.

Однако Украина никогда не была колонией ни РСФСР, ни какой-либо другой республики. Хороша колония, которая строит самые крупные в мире авианосцы после американских, самые лучшие в мире танки и, наконец, самые мощные в мире баллистические ракеты Р-36, которым американцы не зря дали название «Сатана». Но, увы, сейчас украинским школьникам вдалбливают — Россия поработила Украину.

Глава 11
Развал СССР

Политическая история перестройки, в том числе борьба Горбачева с правыми партийными функционерами, а также с новой элитой, рвавшейся к власти, в лице Ельцина, Яковлева и др., выходит за рамки книги.

Я же попробую на чисто бытовом уровне показать причины развала СССР. Начну с того, что коммунистическая идеология, не получавшая развития с 1920-х гг., стала постепенно изживать себя. Практически никто не верил в предсказанное Хрущевым наступление коммунизма.

Кремлевская геронтократия, то есть сборище почтенных старцев, уже ничего не могла предложить народам СССР.

Нынешние либералы упрекают Сталина за то, что он создал в Советском Союзе атмосферу осажденной крепости. Но, увы, это не блеф Сталина. Россия и в XIX в., и в 1970–1990 гг. была осажденной крепостью и отнюдь не по своей вине.

Зададим самые простые вопросы. Вмешивалась ли Россия хоть один раз во внутренние дела Англии, устраивала ли там переворот или покушения на премьер-министров или королей? Такого не было.

Зато британский посол Витворт участвовал в заговоре против Павла I (удачном), а несколько дипломатов во главе с Локкартом готовили убийство Ленина. Да и британский посол Бьюкенен был замешан в заговоре против Николая II и организации февральских беспорядков 1917 г.

Еще один вопрос. Вмешивалась ли Россия в бесчисленные войны, которые вела Британская империя по всему земному шару — в Индии, Африке, Юго-Восточной Азии и т. д.? Ответ хорошо известен. А вот Лондон в XIX в. вмешивался во все без исключения большие и малые конфликты на границах Российской империи. Забузят ли буйные паны в Привисленской губернии, устроят ли резню славян турки на Балканах, нападут ли кочевники на наши сибирские городки — везде оказывалась рука Альбиона. Немедленно начинался шантаж. Эскадры британского Град-флита направлялись к берегам России. В ответ на береговых батареях от Кронштадта до Владивостока расчехляли тяжелые пушки, а русские крейсера выходили в океан на британские коммуникации. Иногда наши и британские корабли по много дней следовали друг за другом с заряженными орудиями. Только с 1863 по 1900 г. Россия и Англия свыше десяти раз оказывались на грани войны.

Кто-то из читателей удивится, что в главе «Почему распался Союз» идет речь о делах «времен Очакова и покоренья Крыма». Так ведь спустя сто лет ничего не изменилось! СССР по-прежнему был осажденной крепостью, только на сей раз к Англии присоединилась еще более мощная держава — США.

В 1955 г. президент США Д. Эйзенхауэр сказал: «Появление советского самолета над территорией США станет поводом для объявления войны». А между тем с 1950 г. над СССР регулярно летали самолеты-разведчики. Так, 15 октября 1952 г. первый полет над СССР совершили два новых разведчика B-47B, созданных на базе шестимоторного бомбардировщика B-47. Самолеты стартовали с авиабазы Йельсон на Аляске. Над морем они заправились от двух авиатанкеров KC-97, а затем пролетели над островом Врангеля, сфотографировав его. Далее самолеты направились на юг и несколько часов летали над Восточной Сибирью. Звено «мигов» пыталось перехватить их, но неудачно. Полет продолжался 7 часов 45 минут, за это время разведчики прошли расстояние в 5500 км, причем около 1300 км — над территорией СССР.

В конце августа 1953 г. специально переоборудованный английский бомбардировщик «Канберра» поднялся с аэродрома Гебельштадт в Западной Германии и, набрав высоту 14 км, пролетел над Прагой, Краковом, Киевом, Харьковом и, наконец, над ракетным полигоном Капустин Яр. На подходе к Капустину Яру один МиГ смог ненадолго приблизиться к «Канберре» и дать очередь из пушки. Полученные британским самолетом повреждения вызвали слабую вибрацию корпуса, но самолет сохранил высоту и продолжал полет. Британский пилот сделал снимки ракетного полигона, затем повернул на юг и полетел вдоль Волги, вышел из воздушного пространства СССР над Каспийским морем и вскоре успешно приземлился в Иране.

11 февраля 1954 г. разведчик RF— 84F, созданный на базе реактивного истребителя «Тандерджет», пролетел над Владивостоком на высоте 11 800 м и благополучно вернулся на базу.

С 1946 г. по 1957 г. над советской территорией и вблизи границы произошло несколько десятков воздушных боев, в ходе которых было сбито несколько десятков советских, американских и английских самолетов.

Лишь после того как 1 мая 1957 г. под Свердловском был сбит ракетой С-75 американский высотный разведчик У-2, американское правительство отказалось от глубоких воздушных рейдов на территорию СССР.

Однако полеты американских самолетов вглубь советской территории на несколько десятков километров продолжались и потом. А в ответ…

ничего. Ни один советский военный самолет в XX в. ни разу не нарушил воздушное пространство США.

Ни одна советская подводная лодка не подходила к кромке территориальных вод США у американских военно-морских баз. А вот американские и британские подводные лодки постоянно толкутся у наших баз на Севере и на Дальнем Востоке.

Рухнул Советский Союз. Западные державы признали Российскую Федерацию государством с рыночной экономикой, а подводные лодки и самолеты США по-прежнему нарушают наши границы. Подводные лодки янки ведут себя крайне агрессивно, из-за чего произошло уже несколько столкновений с российскими подводными лодками, причем не в океане, а у входов в наши военно-морские базы.

После войны Сталин активно поддерживал «борьбу за мир», развернутую Западной Европой. Массовые выступления пацифистов и различных левых движений не раз сдерживали попытки США и НАТО пустить в ход оружие в том или ином районе земного шара.

А вот престарелый Брежнев сам уверовал в миф советской пропаганды о «мирном сосуществовании», «нерушимости послевоенных границ». Леонид Ильич наивно считал, что сытый Запад хочет прочного мира и стабильности. Соответственно, нашей прессе было строго запрещено писать об инцидентах на наших границах. В свою очередь, «свободные западные СМИ» очень чутко реагируют на малейшие указания сильных мира сего. Поэтому и в западной прессе сведения о боевых столкновениях и иных военных акциях США против СССР крайне редко попадали в печать и на телевидение.

С начала 80-х гг. впервые в истории советские СМИ и «вражьи радиоголоса» пели в унисон о «разрядке», «сотрудничестве» и прочая, и прочая. В результате значительная часть населения СССР начала представлять потенциальных противников СССР добрыми дядями, как в кинофильме «На Дерибасовской хорошая погода…».

Социалистическую систему производства часто обвиняли в уравниловке. Однако при Сталине наряду с командно-административными методами широко использовалось и материальное стимулирование. Я сам работал в Архиве экономики и ряде других военных архивов и видел, как в выделенные средства на разработку какого-либо проекта закладывали заранее огромные по тем временам премии за выполнение задания в срок, а также за его досрочную сдачу. Так, к примеру, наладчики электронного оборудования комплекса ПВО «Беркут» в 1952–1953 гг. зачастую получали в месяц премию больше, чем стоил первоклассный автомобиль «Победа».

Инженеры и конструкторы за успешное выполнение государственных заданий премировались отличными квартирами в домах, которые простоят еще не одну сотню лет, автомобилями, дачами в том самом Одинцовском районе Московской области, где сейчас стоят особняки неизвестных личностей и неизвестно на что построенные. А руководители производства, ученые и писатели вообще получали роскошные особняки, тот же Максим Горький, Алексей Толстой, Игорь Курчатов, Сергей Королев и др.

Зато при «позднем» Брежневе в экономике наступила полная уравниловка. Нормально жить можно было, только воруя или иным способом нарушая закон. Как-то я, будучи аспирантом, получил указание начальника выполнить ряд расчетов в вычислительном центре N-ского института. Когда я туда прибыл, то увидел множество слонявшихся по залам вычислительного центра прекрасных дам, которые вязали, читали журнал «Иностранная литература», обсуждали важные проблемы или пили чай. Ни одна из ЭВМ серии ЕС не работала. На вопросы, где мужчины, почему не работают компьютеры, и не произошла ли здесь феминистская революция, мне мило ответили, что всех мужчин отправили «на картошку» на две недели, а прекрасные дамы, составлявшие 70 % персонала вычислительного центра, то есть старшие научные сотрудники, младшие научные сотрудники и инженеры, не могли даже запустить компьютеры.

К великому сожалению, это не единичный случай. Да, где-то в провинции оставались некрасовские женщины, останавливавшие коня на скаку, тушившие пожары, ремонтировавшие железнодорожные пути и т. д. Но 95 процентов дам с высшим образованием в Москве и Ленинграде «балдежничали» в КБ, НИИ, различных управлениях, министерствах и т. д. Справка для молодого поколения: «балдежничать» на Западе означает проводить «итальянскую забастовку», то есть сидеть на рабочих местах и делать вид, что работаешь.

Энергичные парни быстро убеждались, что как бы ты хорошо ни работал, все равно в совковом НИИ ни карьеры не сделаешь, ни денег не заработаешь. На одного с сошкой приходилось семеро с ложкой — начальник, парторг, профорг и дамы, постоянно сидящие на больничных, то сами, то с детьми. Пробиться к лучшей жизни можно было лишь двумя способами — пойти по партийной линии или в аспирантуру. Проку от диссертаций ни науке, ни производству не было. Пойдите в Государственную библиотеку (бывшую «Ленинку»), и вы обнаружите, что большинство диссертаций 1950–1980 гг. никто с тех пор даже не брал.

Зато защита диссертации и присвоение звания кандидата наук давало серьезную прибавку к зарплате и становилось трамплином для начала

работ над докторской диссертацией.

Надо ли говорить, что в НИИ и на производстве у работящих людей появлялось желание отделиться от предприятия, от партаппаратчиков, от общественности и от прекрасных дам с их итальянской забастовкой и т. д.

Точно так же работали и колхозники, мечтавшие отделиться от колхоза и работать на себя. Уже в конце 70-х гг. не только «радиоголоса», но и либеральные СМИ типа «Нового мира», «Литературной газеты» и другие сокрушались, что, мол, на одном гектаре частных подворий производится в десять и более раз больше мяса, яиц и молока, чем на одном гектаре колхозной и совхозной собственности. Кто-то робко возражал, что подобное сравнение экономически некорректно, как если бы сравнивать выпуск автомобилей с одного гектара сборочного цеха по сравнению со штамповочным, инструментальным и другими цехами.

В самом деле, чтобы крестьянское подворье приносило доход, надо, чтобы колхоз подвел к нему дорогу, электричество и водопровод, снабжал крестьянина водой и электроэнергией по низким ценам, а то и бесплатно. Наконец, крестьянин покупал по мизерным ценам у колхоза зерно, комбикорма, сено и т. д., а чаще просто воровал их. Заготавливать бесплатно в ближайшем лесу стройматериалы и дрова было нормой. Если бы кто-то обратился в лесхоз с предложением оплатить пару бревен, его бы отправили в психбольницу.

Естественно, многие колхозники мечтали выделиться из колхоза и вести свое частное хозяйство, но при этом получать бесплатно или почти бесплатно электроэнергию, газ и воду и сохранить возможность покупать или воровать сельхозтовары в колхозе.

Точно так же население желало отделиться от союзных структур с их огромным чиновничьим и партийным аппаратом. К примеру, в 1957 г. в СССР было 37 министерств, в 1974 г. их количество достигло 60, в 1977 г. — 80, а к началу 1987 г. — перевалило за сотню. С 1975 г. по 1985 г. количество союзно-республиканских и союзных министерств, ведомств и государственных комитетов в УССР выросло почти на 20 %[423].

В РСФСР числилось около 10 тысяч профессиональных писателей, а на Украине — несколько тысяч «писменников». Любопытно, что журналистов, пытавшихся выяснить национальность этих писателей и «писменников», сразу же привлекали к ответственности за разжигание национальной розни. А о десятках тысячах «освобожденных» партийных, комсомольских и профсоюзных работников и сотнях тысячах людей, их обслуживавших, даже и говорить не хочется.

Этим и объясняются вроде бы парадоксальные итоги референдумов

1990–1991 гг., когда большинство населения СССР голосовало за сохранение Союза, а в ходе референдумов по конкретным республикам подавляющее большинство населения высказалось за «незалежность».

На мой взгляд, ничего странного в этом нет. Тут сработала та же логическая посылка, что и у крестьянина: пусть будет колхоз, но я буду независим. То есть пусть Союз охраняет мою республику, пусть будет свобода передвижения, пусть будут низкие цены на энергоносители и т. д., и т. д. Словом, и рыбку съесть, и удовольствие получить.

Позже, оправдывая решение, принятое в Беловежской пуще, российские правители утверждали: «Мы не могли поступить иначе, народы требовали независимости». Ну что ж, давайте им поверим, предположим, что население союзных республик решительно требовало полного раздела. Обстановка накалилась. Так почему бы «пущистам» не обратиться к населению — мы за вас порадели, разделили единую страну на полностью независимые государства, потерпите немного, введем таможни, контрольно-следовую полосу на границе и визовые разрешения для поездок.

На самом деле «пущисты» нагло соврали народам, что будет какое-то государство под названием СНГ со столицей в Минске, будет единая армия, единое экономическое пространство и т. д.

Увы, у лгунов не сходятся концы с концами. «Пущисты» обманули население, которое в абсолютном большинстве своем мечтало избавиться от недостатков союзного государства, а не от самого Союза.

Люди старшего и среднего поколения хорошо помнят, что подавляющее большинство населения СССР с энтузиазмом поддержало «перестройку», начатую Горбачевым. Людям было обещано создание демократического правового государства, «гласность», повышение жизненного уровня и т. д. Вспомним, что основными «коньками» Ельцина были ликвидация привилегий партийной и государственной номенклатуры и стабилизация цен, ради чего президент обещал «лечь на рельсы».

Лишь небольшая, но влиятельная кучка людей с самого начала решила использовать «перестройку» для развала СССР и завладеть общенародной собственностью.

Уже 11 февраля 1989 г. на Украине была создана первая массовая организация националистов — «Товариство украньско! мови ім. Т. Г. Шевченка» (ТУМ, в дальнейшем «Просвіта»). Как всегда, самостийники действовали по формуле Геббельса: «Чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят». Мол, объединились любители украинского языка, будут заниматься изучением поэзии Тараса Григорьевича… А при чем тут захват власти и

собственности, развал государства? Ну прямо как в кинофильме «В джазе только девушки» — гангстеры и мафиози устраивают «Общество любителей итальянской оперы».

А дальше пошло-поехало. Любители «украинской оперы» организовывают историко-просветительское общество «Мемориал», экологическое объединение «Зелений світ», «Народный Рух Украни за перебудову».

Националисты подстрекают шахтеров Донбасса к массовым забастовкам. Любопытно, вспоминают ли сейчас шахтеры эти забастовки, когда чуть ли не ежедневно хоронят своих товарищей, погибших при несчастных случаях в шахтах Донбасса? Получили ли они ту райскую незалежную жизнь, которую им обещали руховцы, страстно боровшиеся за перестройку?

В марте 1990 г. центральным событием в политической жизни УССР стали выборы народных депутатов в Верховный Совет (Верховную Раду) Украины и местные Советы народных депутатов. Впервые за время существования советской власти выборы проходили на альтернативной основе: на 450 мандатов в Верховную Раду претендовало почти три тысячи кандидатов от различных политических и общественных организаций.

Верховная Рада начала работать в парламентском режиме, то есть сессия длилась 60 рабочих дней, а не один-два дня, как раньше. Большинство мест в парламенте досталось коммунистам, которые образовали «группу 239». 125 депутатов от Демократического блока — оппоненты коммунистов — сформировали парламентскую оппозицию — Народную Раду.

Первым председателем Верховной Рады был избран В. Ивашко, который после отставки В. Щербицкого в 1989 г. возглавил ЦК КПУ В 1990 г. Ивашко сложил с себя полномочия председателя украинского парламента и уехал в Москву, куда его пригласил Горбачев. Новым председателем стал Л. М. Кравчук, ранее занимавший пост секретаря ЦК КПУ по идеологии. Любопытно, что Кравчук в юные годы был членом ОУН, что впоследствии скрыл при вступлении в комсомол.

16 июля 1990 г. Верховная Рада приняла Декларацию о государственном суверенитете Украины. Важнейшими положениями Декларации стали:

«Провозглашались верховенство, самостоятельность, полнота и неделимость власти республики в пределах ее территории, независимость и равноправие во внешних сношениях; от имени украинского народа могла выступать только Верховная Рада УССР…

В области культурного развития провозглашалось стремление обеспечить национально-культурное возрождение украинского народа, его исторического сознания и традиций, функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни; в то же время всем национальностям, проживающим на территории УССР, гарантировалась свобода их национально-культурного развития.

В разделе „Внешняя и внутренняя безопасность“ указывалось, что Украина имеет право на собственные Вооруженные Силы, внутренние войска и органы государственной безопасности, подчиненные Верховной Раде; провозглашалось стремление Украины стать в будущем нейтральной державой, не участвовать в военных блоках и придерживаться трех неядерных принципов: не принимать, не производить, не приобретать ядерное оружие»[424].

В начале 1991 г. балансировавший на политических качелях Горбачев вынес на Всесоюзный референдум вопрос о сохранении СССР. Верховная Рада добавила в бюллетени еще один вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на принципах Декларации о государственном суверенитете Украины?» 17 марта 1991 г. в референдуме приняли участие 83,5 % жителей Украины, имевших право голоса. Из них 70,2 % высказались за сохранение Союза, 80,2 % — за вхождение Украины в Союз на принципах Декларации.

Понятно, что ни Кравчук и ни один из самостийников не объяснили населению УССР, какой мог быть Союз на принципах Декларации.

Между тем и после мартовского референдума Горбачев пытался найти компромиссную формулу для нового Союзного Договора.

19 августа 1991 г. произошло трагикомическое событие — путч в Москве и создание ГКЧП в составе вице-президента СССР Янаева, премьер-министра Павлова, председателя КГБ Крючкова, главы МВД Пуго, министра обороны Язова и др. Внешняя сторона путча хорошо известна читателю, а вот документы о закулисной стороне его до сих пор хранятся в сейфах в Москве под грифом «совершенно секретно». Поэтому я лишь ограничусь констатацией фактов полного подчинения ГКЧП киевской власти 20 и 21 августа, а далее предоставлю слово Губареву: «Когда же путч в Москве был подавлен и стало ясно, что СССР после выхода из него Российской Федерации de facto развалился, внеочередная сессия Верховной Рады 24 августа 1991 г. приняла Акт провозглашения независимости Украины»[425].

Этот Акт Верховная Рада решила подкрепить Всеукраинским

референдумом, назначенным на 1 декабря 1991 г. Кроме того, опираясь на Закон от 5 июля 1991 г. «О введении поста президента Украинской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украинской ССР», также на 1 декабря были назначены выборы первого президента Украины.

Однако строительство суверенного государства началось еще до референдума. 4 сентября 1991 г. после трехкратного голосования над зданием украинского парламента был торжественно поднят национальный желто-блакитный флаг. 8 октября Верховная Рада приняла закон «О гражданстве Украины». Гражданство предоставлялось тем, кто проживал на территории УССР, не являлся гражданином иной державы и не возражал против получения украинского гражданства.

И только тогда «щирые» историки выяснили, что в 1410 г. на поле у Грюнвальда вышли украинские полки под желто-блакитным стягом. Они, понятно, и битву выиграли. Надо ли говорить, что и запорожцы ходили в походы только с желто-блакитными стягами, и никак иначе. Они де даже свои чайки красили исключительно в желтый и голубой цвета. Желто-блакитный флаг был знаменем Киевской Руси. Сам Даниил Галицкий воевал под таким флагом.

Вспомним анекдот 1960-х гг.: Верно ли, что Суханошвили из Тбилиси выиграл в лотерею «Волгу»? Ереванское радио отвечает: «Да, все верно. Только не Суханошвили, а Сутрапьян, и не из Тбилиси, а из Еревана, и не выиграл, а проиграл, и не в лотерею, а в карты».

Так и тут. Все верно. Только знаменем галицких королей был Золотой Лев на голубом поле. А в 1410 г. киевский полк шел на крестоносцев под красным (червленым) стягом. Такие же стяги по некоторым данным были у древнерусских князей. У запорожцев же знамена были различных оттенков красного цвета: под красным флагом воевал Северин Наливайко, под малиновым — гетманы Хмельницкий и Дорошенко.

Сторонникам желто-голубого сочетания цветов приходится прибегать к всевозможным логическим ухищрениям, чтобы доказать, что именно эти цвета были основными. Впервые же желто-голубой флаг, похожий на самостийный, появился в 1848 г. во Львове на территории Австрийской империи, когда в разгар венгерского восстания имперское правительство создало в Галиции Головну Руську раду чтобы иметь в тылу у восставших верные себе войска.

По одной версии этот флаг был сконструирован из цветов галицкого флага — вверху золотой цвет льва, внизу — голубой цвет фона. По другой версии некогда у галичан было красно-синее знамя (это подтверждается

документами), а мать императора Франца-Иосифа заменила красный цвет желтым, чтобы в галицком флаге было что-то от желто-черного знамени Габсбургов. И австрийский наместник торжественно вручил его «руським галичанам».

В 1911 г. украинского национального флага еще не существовало. Тогда лишь развернулась дискуссия на эту тему. Известный украинский историк И. Крипьякевич предложил считать национальным цветом красный — цвет запорожского казачества. В ответ историк С. Томашивский предложил сочетание желтого и голубого цветов, сославшись, в частности, на то, что красный цвет означает рабочую солидарность.

В начале 1918 г. Центральная Рада утвердила государственный флаг-желто-голубое знамя.

Гетман Скоропадский «перевернул» цвета флага, чтобы доступней объяснять народу их значение: вверху синий — цвет неба, внизу желтый — цвет пшеницы. Именно в этом виде флаг использовался впоследствии и Петлюрой, и Бандерой. И именно в этом «немецком» варианте флаг реет сейчас над площадями Украины.

На Всеукраинском референдуме 1 декабря 1991 г. 90,32 % избирателей (28,8 млн человек) проголосовали за Акт провозглашения независимости Украины, а первым президентом был избран Кравчук, за которого проголосовали 75 % избирателей. 5 декабря на торжественном заседании Верховной Рады Кравчук принес присягу на верность украинскому народу.

Между прочим, уже перед референдумом Кравчук начал шантаж населения Крыма. В частности, он грозил перекрыть Крымский канал и оставить полуостров без днепровской воды, или заставить крымчан платить за воду огромные суммы в долларах, если они проголосуют на референдуме против. Тут стоит отметить две вещи. Во-первых, Крымский канал был общесоюзной стройкой и построен на союзные деньги. Но на это «кравчукам», естественно, плевать. Зато московские власти могли легко парировать этот шантаж, формально оставаясь в стороне. Например, возмущенные шантажом Кравчука работники очистных сооружений в Российской Федерации на реках Десна, Сейм, Псёл, Ворскла и других притоках Днепра могли пригрозить забастовкой в случае перекрытия Крымского канала. Вот тогда крымчане кое-как обошлись бы без чистой днепровской водички, а жителям Приднепровья мало не показалось бы. Кстати, это и сейчас может быть неплохим ответом на шантаж перекрыть газопроводы, и прочая, и прочая.

Хороший пример в этом плане показал президент Лукашенко. Литовские власти на границе с Беларусью начали строительство

хранилища отработанного ядерного топлива. В ответ в 2005 г. белорусские власти заявили о планах строительства двух крупных свиноводческих комплексов в Гродненской области, вблизи границы с Литвой. Два комплекса на 108 тысяч голов каждый станут крупнейшими в Европе. Один из них планируется построить в Гродненском районе, недалеко от реки Неман, второй — в Каменецком районе, в 10 км от границы с Литвой.

18 августа 2005 г. министр иностранных дел Литвы Антанас Валенис пригрозил, что Беларусь, осуществляя эти проекты, из-за которых в значительной мере усилится загрязнение литовских рек, дождется каких-то мифических «ответных международных санкций».

8 декабря 1991 г. главы России, Украины и Белоруссии Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич подписали в Беловежской пуще «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ)», официально прекратив существование СССР и деятельность всех его органов.

Детали этой встречи до сих пор неизвестны. Но и без них ясно, что это соглашение не имело законной силы, а было фактически государственным переворотом. О встрече не были предупреждены ни президент СССР М. С. Горбачев, ни руководители других советских республик. «Пущисты» прекрасно понимали ситуацию и не зря место для этой встречи избрали недалеко от польской границы, а рядом стояли вертолеты, готовые перевезти всех участников «за бугор». Но, увы, никаких решительных действий со стороны Горбачева и силовых структур СССР не последовало.

Более-менее внятных описаний происшедшего в Беловежской пуще нет. Поэтому я ограничусь цитатой из воспоминаний разведчика Н. А Зеньковича: «Никаких подробностей о том, как проходили переговоры, где подписывалось знаменитое соглашение о „закрытии“ СССР — в Минске или в беловежском лесу, куда на выходные скрылись трое „пущистов“ якобы расслабиться и отдохнуть, привезли проекты документов с собой или сочинили на месте в перерыве между „расслаблениями“, кто сочинял текст и на какой бумаге, сохранились ли черновики. А ведь все это архиважно для истории — именно для нее.

Перевернув груды газетных и журнальных подшивок, обратил внимание и на то, что нигде — даже в самых любимых беловежскими „лесничими“ изданиях — не помещено ни одного фотоснимка, запечатлевшего исторический момент подписания знаменитого соглашения о роспуске СССР. Позвонил на телевидение, в том числе и принимающей стороны — минское и брестское, — нет, не снимали, кино— и телекамер в пущу не посылали, никаких приглашений не поступало…

…вся обслуга, причастная к встрече в Вискулях, — водители,

охранники, официантки, — пока хранит молчание»[426].

12 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР под давлением Ельцина и его «демократического» окружения принял решение о выходе России из состава СССР. Однако через четыре года, 15 марта 1996 г., Государственная Дума отменила Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. Поскольку последнего постановления никто не отменил, юридически действие Беловежского соглашения ничтожно.

Глава 12
«Незалежность» во всей красе

Украинская ССР была искусственным образованием, созданным Кагановичем и Сталиным. И, честно говоря, не единственным. Вспомним, как Сталин, а затем и Хрущев кроили границы других республик. Одна несчастная Карело-Финская ССР, позже обращенная в АССР, чего стоит.

До Горбачева СССР был на самом деле унитарным государством, в котором республики являлись обычными административными единицами с весьма ограниченными правами. В таких республиках были вынуждены мирно сосуществовать разные народы. Так, например, в Грузинской ССР мирно и тихо жили грузины, армяне, осетины, аджарцы и абхазы.

Я в 1980-х бывал около двадцати раз в Харькове в служебных командировках и украинскую мову слышал только на железнодорожном вокзале. При этом не было никакой принудительной русификации. Предположим, сотрудники НИИ, где я бывал, были обязаны на службе говорить по-русски. Но кто их заставлял болтать по-русски во время тайных застолий на рабочих местах по случаю дней рождений и других праздников, разговаривать по-русски по дороге домой, в трамвае и т. д.?

Я четыре раза в 1980-х гг. был в командировке в городе Северодонецке и, хотите верьте, хотите нет, узнал, что город сей находится на территории Украины, а не в Российской Федерации, лишь в 1998 г. От скуки в поездах Москва — Харьков я несколько раз просил проводников показать, где проходит русско-украинская граница, но никто этого не знал. Зато сейчас все знают — постоите часок ночью в Казачьей Лопани, проведут у вас пару шмонов, и поневоле вспомнишь спокойные годы «застоя».

В 1991–1992 гг. из административной единицы Украина превратилась в независимое и, что самое страшное, в унитарное государство. Да, да, страшное! Государство, границы которого не складывали веками, а были когда-то «от банки» проведены какими-то малограмотными наркомами, государство, официальный язык которого для большинства граждан не является родным, государство, в котором одна племенная группировка, составляющая менее 10 % от всего населения, пытается править всеми другими национальностями, представляет опасность как для собственного населения, так и для соседей.

Такое унитарное государство не может долго просуществовать в обстановке мира и демократии. Если не применять силу, то жители

Украины станут говорить на своих родных языках — русском, суржике, русинском языке, карпатских диалектах и т. д. Бизнесмены из Донбасса и Крыма, естественно, будут устанавливать экономические связи с Российской Федерацией, а не с Закарпатьем, а крымские татары — с Турцией.

Чтобы сплотить все регионы, киевским властям нужен образ страшного врага, который все время пытается обратить незалежную Украину в свою колонию. Чтобы сохранить унитарное государство, любая партия, пришедшая к власти, вплоть до коммунистов, будет искать врага.

Сейчас единственный кандидат на роль недруга Украины — Российская Федерация. К великому сожалению, правящая верхушка в Кремле не может понять, что никакие уступки не заставят Киев перестать считать врагом Россию. Пусть Путин отдаст базу в Севастополе, пусть продает газ по 0,01 копейке за кубометр, пусть отдаст Кубань — все равно самостийники будут недовольны.

Унитарная Украина не может физически существовать без угрозы вражеского порабощения. Самостийники все время должны бороться с внешним врагом и его «пятой колонной» внутри державы.

В самом начале «незалежности» президент Кравчук сказал: «Чтобы русские в Украине были хорошими украинцами, надо, чтобы они жили лучше, чем в России». Пусть это касается не всех русских, но в целом заявление достаточно мудрое. Но вот беда, после получения незалежности экономика Украины легла на бок. В России жизнь 95 % населения резко ухудшилась, но все же жизненный уровень оказался куда выше, чем на Украине.

В ходе перестройки по улицам украинских городов ходили парни с довольно дебильными физиономиями и с плакатами «Кто зъив мое мясо?» Подразумевалось, что мясо съедено злыднями-москалями, в чем ни капельки не сомневалось 90 % населения УССР. Справедливости ради скажу, что так же думали и подмосковные колхозники, и жители малых городов близлежащих к Москве областей. Мы-де Москву кормим, у нас все продовольствие отбирают и везут в Москву. После перехода к рыночной экономике выяснилось, что Москва сама себя кормит и питается в основном импортными продуктами.

В 1995–1997 гг. я три раза подряд плавал на теплоходе по Днепру и был во многих городах и поселках Украины. Жена из любопытства заглядывала в продовольственные магазины, но нигде не встречала мяса. На вопрос, кто же «зъив» все мясо, продавцы и местные покупатели обычно поминали Кравчука и других самостийников, а также их любимых

мам.

Понятно, что после отделения Украины многие русские начали продавать свои дома и квартиры и уезжать в Россию. Но вот что удивительно — десятки, если не сотни тысяч украинцев ринулись искать работу в России строителями, мелкими торговцами и прочая… от звезд шоу-бизнеса до проституток.

Стремясь отвлечь внимание населения от провалов в экономике и резкого ухудшения жизни, киевские власти и националистические партии Западной Украины начали разжигать многочисленные конфликты в стране и всячески провоцировать Россию.

Любопытно, что еще в начале XX в. австро-венгерские самостийники, объявившие себя украинцами, выдвинули теорию, что Галиция станет украинским Пьемонтом. Такое сравнение вызвано чисто австро-венгерской ментальностью. Дело в том, что в начале XIX в. значительная часть Италии принадлежала Австрии, но постепенно одна за другой итальянские области присоединялись к Пьемонтскому королевству, и 17 марта 1861 г. король Пьемонта Виктор Эммануил II был провозглашен королем Италии. На австрийцев это произвело огромное впечатление, зато 99 % жителей Малороссии в 1861 г. и не подозревали о существовании Пьемонта и короля Виктора Эммануила.

Между прочим, кроме переезда в Рим потомков Савойской династии Италия почти ничего не получила от Пьемонта ни в культурном, ни в политическом отношении.

Галицийским же самостийникам, как австрийскоподданным, была хорошо известна история с Пьемонтом. Но они, проводя аналогию Италии с Малороссией и называя Галицию Пьемонтом, имели в виду совсем другое — им хотелось играть роль спартанцев, а всех жителей Малороссии сделать илотами.

«Пьемонтцы» еще до 1914 г. мечтали навязать и русским, и малороссам свой диалект, свою культуру и стать высшей расой в новой Украинской державе. Лозунг новых пьемонтцев — «Украина для украинцев!»

К 1992 г. на русском языке говорило две трети населения Украины. Русский язык был родным не только для русских и украинцев, но и для евреев, поляков, греков и других наций, веками живших на Украине.

С 1991 г. киевские власти и галицийские экстремисты начали крестовый поход против русского языка. Самостийные профессора доказывают, что Киевскую Русь населяли только украинцы, хотя сами и не знали об этом. Так, профессор, доктор филологических наук Андрей

Бурячок в самой категорической форме отрицает общепринятую и вполне отвечающую историческим реалиям концепцию, согласно которой до татаро-монгольского нашествия на всей Руси, несмотря на некоторые племенные и диалектные различия, существовал один древнерусский народ с единым древнерусским языком. Разделение Руси на изолированные друг от друга части привело к постепенному образованию трех ветвей единой русской народности — русских, украинцев и белорусов, говорящих на хотя и сходных, но все же отличающихся один от другого языках.

По мнению Бурячка, никакого древнерусского народа никогда в природе не существовало, а были одни лишь древние украинцы (так называемые «руські»). А россияне — именно так сейчас на Украине официально именуют русский народ — возникли значительно позже из слегка ославяненных и окрещенных украинцами угро-финских племен. Кроме того, нынешние россияне не имеют никакого права называть себя ни русскими, ни даже россиянами, так как до Петра I их государство называлось Московией, а его жители, соответственно, «московитами». Московиты умышленно приняли древнеукраинский этноним «руські» для того, чтобы таким путем распространить на себя древнюю украинскую историю и, приписав себе лишние столетия, узаконить свои притязания на территорию соседнего государства — Украины. Путем таких вот ухищрений бывшая Московия превратилась в Россию и стала «імперией»[427].

А сколько ерничанья и оскорбительных выпадов по поводу татарских слов в русском языке! Мол, русские — это татары с небольшой примесью славянской крови.

Чья б коровушка мычала… а вот по поводу «татаризации» самостийной коровушке стоило бы помолчать в тряпочку.

В XIII–XIV вв. татарские рати действительно вторглись во Владимиро-Суздальскую Русь, но число этих вторжений было несоизмеримо мало по сравнению с числом татарских вторжений в то же время в Южную Русь (на территорию современной Украины). Главное же в другом. После на-бегов на Владимиро-Суздальскую Русь татары всегда уходили. А вот зато после взятия Киева в 1240 г. в районе Канева и ниже его по Днепру татары остались, и местное население управлялось непосредственно татарами, то есть оставалось под татарской оккупацией, а не платило ежегодную дань, как в Великом княжестве Владимирском.

А в конце XIV — начале XV вв. татары буквально хлынули в Великое княжество Литовское (то есть на территорию нынешних Украины и Беларуси) по приглашению великого князя литовского Витовта.

«В целом же в период княжения Витольда [Витовта. — *А. Ш.*] татарское переселение в Литву имело массовый характер. Его поводом были затяжные войны между потомками Чингисхана. Причины этого объяснил сам великий князь в 1427 году в письме на имя великого магистра Павла фон Руссдорфа. Он писал, что на территорию его государства прибыло множество татар, которые в Литве ищут спокойствий»[428].

Огромное влияние тюрков испытали и запорожские казаки, которых нынешние самостийники считают элитой украинского народа. Начнем с того, что в XIII–XV вв. подавляющее большинство казаков было… тюрками, то есть потомками половцев, татар и т. д. Да и позже, в XVI–XVII вв., в ряды запорожских казаков регулярно вливались тысячи выходцев из Оттоманской империи. Это хорошо известно по расправам турецких султанов над пленными казаками: казаков тюркского происхождения обязательно отделяли от славян и казнили особо садистскими способами.

Наконец, казаки, как запорожские, так и реестровые, из походов на турок и татар регулярно приводили в Малороссию десятки тысяч пленниц и продавали их польским панам и малороссийским старшинам, а те расселяли пленниц по своим малороссийским имениям.

Риторический вопрос — у кого больший процент тюркской крови? Тут не надо никаких исторических изысканий. Посмотрите на лица сельских жителей Правобережья и колхозников Владимирской, Вологодской и Новгородской областей. Кто из них более похож на тюрок?

Полемизируя с самостийним историком Шевчуком[429], современный украинский историк А. И. Железный в книге «Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине» писал: «Не буду подробно анализировать Ваши идеи насчет „незаконных“ притязаний русского народа на древнерусское культурно-историческое наследие и славянорусский язык своих предков. Сколько можно ломиться в открытую дверь? Сколько ни кричи, глухой все равно не услышит. И все-таки, если у Вас еще не полностью атрофировалась способность к непредвзятому, объективному восприятию, попробуйте вникнуть в следующие аргументы.

1. Сравните русскую бревенчатую избу-пятистенку (с ее деревянной или металлической кровлей и дощатым полом) с украинской хатой-мазанкой (с ее соломенной стрихой и земляным полом). После этого познакомьтесь со срубной архитектурой древнерусских жилищ и скажите: где — в России или на Украине продолжилась древнерусская традиция постройки срубных жилищ?

2. Вы, как писатель, лучше других должны знать, что основными персонажами украинского фольклора являются казаки, турки, ляхи, чумаки, татары и т. п. А в русских былинах мы видим таких персонажей древней Руси, как Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Владимир Красно Солнышко, Вольга, Микула Селянинович… Что бы это могло значить, пан Шевчук? Может быть, то, что историческая память русского народа демонстрирует этим свою преемственность по отношению к древнерусской культуре?

3. Известно ли Вам, пан Шевчук, что великорусский крестьянин вплоть до 1917 г.

не имел собственного надела, так как вся земля принадлежала общине и ежегодно перераспределялась в зависимости от изменения количества едоков в семье? А вот на Украине селянин имел свой собственный участок земли и „его нельзя было согнать с земельного надела. К тому же крестьянин мог продать или завещать свой надел в наследство“ (Орест Субтельный „Украина: история“. Киев, 1992. С. 81).

А как обстояло дело в Киевской Руси? Цитирую: „По принципам южнорусского государственного строя земля принадлежала не отдельному лицу… а считалась собственностью общины“ (Д. И. Яворницкий. „История запорожских казаков“. Киев, 1990. Т. 2. С. 13).

Как Вы думаете, пан Шевчук, где продолжилась древнерусская традиция общинного землевладения: на Украине или все-таки в России?»[430].

«Теперь о „мощном влиянии угро-финского языка“, как Вы изволили написать. Решив проверить Вашу идею, я взял свой русско-финский словарь и принялся искать в нем финские слова, сходные по звучанию (и по смыслу) с русскими. Но, увы! Я нашел одно-единственное финское слово „kuula“ (пуля), которое, согласитесь, больше напоминает польско-украинское „кля“! Что-то не похоже на „мощное влияние“…

А что касается „татаризации“ русского языка, то да, Вы правы, в русском языке есть какое-то количество слов татарского происхождения. Но сколько их: десять, двадцать, сорок, пятьдесят? Возможно. А известно ли Вам, сколько татарских (вернее, тюрко-половецких) слов имеется в украинском языке? Если нет, то я Вам скажу: по приблизительным подсчетам того же филолога-любителя Георгия Майданова, их в украинском языке более двухсот. Вот примеры: курінь, куркуль, кавун, кош, килим, бугай, майдан, казан, кобза, козак, лелека, ненька, гаманець, тин, байрак, галаган, капщук, могорич, кохана… Слова эти выглядят такими родными, украинскими, не правда ли? Так что если мы зададимся целью

проследить „татарский след“ в наших языках, то начинать нужно скорее с украинского»[431].

Естественно, что наступление на русский язык не исчерпывается научными дискуссиями. Еще в начале 1990-х гг. было запрещено преподавание на русском языке в высшей школе. В той же Российской Федерации есть еврейские, татарские, чувашские и прочие университеты, где преподавание ведется на соответствующих языках, а на Украине, где две трети населения говорят по-русски, получить высшее образование на родном языке запрещено.

В прессе мелькают заметки, что преподаватели запрещают студентам беседовать по-русски в коридорах вузов даже на личные темы. Нельзя в стенах института говорить на «чужой мове». Это пока относится ко Львову и другим «западенским» городам. А в Донецке, к примеру, за такое «щирый» доцент может и схлопотать от студента.

В Киеве и Львове число школ, где преподавание ведется на русском языке, сократилось во много раз. Где-то детей принудительно записывают в украинские школы, где-то родители боятся отдавать детей в русские школы.

Издевательства над русскими и их языком граничат с идиотизмом. В 1995 г. меня поразили двуязычные названия улиц в Киеве. Они были на украинском и на… английском языках.

В советское время на всех госучреждениях в Киеве были таблички с названиями на русском и на украинском языках и, соответственно, сделаны специальные ниши для табличек. Теперь в обеих нишах рядышком две идентичные таблички на «державной мове».

В 1995 г. на теплоходе «Ватченко», шедшем по Днепру, было 95 % русских туристов, а остальные — югославы, хорошо знавшие русский, и украинцы. Так вот путевая информация на теплоходе транслировалась на трех языках в строгой последовательности — на украинском, английском и русском. Причем не в записи, а «в прямом эфире». Гид часто в украинском тексте называла реку Днепром, испуганно осекалась и дважды скороговоркой повторяла: «Днипро! Днипро!»

Но языковая украинизация лишь внешне представляется комедией. На самом деле это трагедия миллионов людей. Сейчас на Украине началась замена паспортов, при этом имена и фамилии принудительно украинизируются. К примеру, были вы Николаем Железняком, а стали Мыколой Зализником. В Крыму человеку с фамилией Пушкарь выдали паспорт с польским переводом Гармаш. Самостийники не щадят и мертвых. Матрос Кошка у них стал Кишкой, а адмирал Нахимов — Нахименкой и т. д.

Наконец, есть и физические жертвы языковой агрессии — больные старики. Сколько писем пенсионеров было отправлено властям или в СМИ Украины с просьбами в инструкциях по применению лекарств давать и русский перевод с «мовы». Предположим, старику стало плохо, но ни он, ни его старуха не могут понять перечень противопоказаний, написанный по-украински.

Самое интересное, что под названием «украинский язык» официальный Киев подразумевает старый Галицкий диалект, перенасыщенный полонизмами и англицизмами. Тот же Анатолий Железный писал: «В качестве „правильного“ украинского языка преподносится неизвестный на Украине западный, сильнее всего ополяченный его вариант, на котором изъясняется украинская диаспора. К тому же именно сейчас в наших средствах массовой информации стало модным вводить все новые и новые полонизмы. С какой стати? Нас что, хотят превратить в поляков? Хотят довести до конца процесс ополячивания, прерванный воссоединением с Россией?

…Следует также отметить, что множество полонизмов было введено в наш язык искусственно, умышленно, с единственной целью углубить разницу между украинским и русским языками. Из множества таких слов для примера возьмем одно: „гїма“ (резина). Резина была создана в те времена, когда Украина давно уже вернулась в лоно единого общерусского государства, следовательно, новое, во всех отношениях полезное вещество и в русском, и в украинском языках должно было называться одним и тем же словом „резина“. Спрашивается, каким же образом резина стала называться по-украински точно так же, как и по-польски — гума (guma)? Ответ ясен: в результате целенаправленной, умышленной политики ополячивания под фальшивым названием „дерусификация“. Таких примеров есть немало.

Примечательно, что процесс „дерусификации“ в наши дни вспыхнул с новой силой. Буквально ежедневно украинские средства массовой информации вместо привычных, укоренившихся слов преподносят нам новые, якобы исконно украинские: „спортовець“ вместо спортсмен, „поліціянт“ вместо поліцейський, „агенція“ вместо агентство, „наклад“ вместо тираж, „уболівати“ вместо спортивного боліти, „розвой“ вместо розвиток — всего и не перечислить! Разумеется, все эти „украинские“ слова взяты непосредственно из польского языка: sportowjec, policiant, agencia, nak'iad, uboliwa'i, rozwoj… Таким образом, должно быть ясно, что у нас на Украине понятия „дерусификация“ и „ополячивание“ — синонимы.

Есть, правда, отдельные случаи, когда и хочется убрать какое-нибудь

уж больно „по-москальски“ звучащее слово, но и соответствующее польское не подходит. Вот два характерных примера. Для замены дерусификаторами „неправильного“ слова аэропорт польское слово явно не подходит, так как звучит точно так же: aeroport. Пришлось выдумывать совершенно новое, небывалое слово „лэто'выще“. Или вот для украинской эстрады ранее общепринятое обозначение вокально-инструментального ансамбля словом „группа“ (по-украински „група“) для дерусификаторов показалось неприемлемым. Но и польское аналогичное слово звучит слишком уж по-москальски — grupa. И вновь пришлось обходиться собственными ресурсами: применить скотоводческий термин „гурт“ (стадо). Пусть, мол, новый термин и ассоциируется со стадом баранов, лишь бы он не был похож на русский! Кроме того, иначе чем безумным окарикатуриванием украинского языка трудно назвать навязываемую ныне новую транскрипцию многих собственных названий и имен: пустыня Сагара, пирамида Геопса, Шерлок Голмс, миссис Гадсон и т. п. Горькие плоды „дерусификации“!»[432].

А вот изданный в Киеве в 2000 г. «Благодійним Фондом Третє Тисячоліття» тиражом 20 тысяч экземпляров «Російсько-Український Медичній Словник З Іншомовними Назвами». Автор — С. Нечай. На форзаце указывается назначение словаря: «допомогти зросійщеному українському лікареві опанувати українську медичну термінологію та іншу лексику, необхідну для ведення документації та спілкування з україномовними пацієнтами державною мовою України» (помочь русифицированному украинскому врачу овладеть украинской медицинской терминологией и другой лексикой, необходимой для ведения документации и общения с украиноязычными пациентами при помощи государственного языка).

Колонтитул словаря выглядит так:

С. NEYAЙ
РОСІЙСЬКО-УКРАЇNСЬКИЙ МЕДИЧНИЙ СЛОВNИК Z INШОМОВNИМИ NAZBAМИ

Видимо, для того, чтобы быть поближе к «Эвропе».

В предисловии говорится, «что десять лет назад, когда мы вырвались из московских объятий, что наиболее украинским нам казалось все, что не похоже на российское… В сердцах пылал лозунг „Вон от Москвы!“. Теперь мы общепризнанное, независимое государство, Москва осталась далеко позади в нашей поступи в Большой Мир, поэтому в создании своих

названий мы не должны обращать внимания на то, как это звучит у них… Мы должны искать свое, и то, что Москва у нас переняла, украла или отобрала силой, нас не должно теперь останавливать в возвращении своего, толкая на бездорожье полонизмов, латинизмов, грецизмов и других — измов аж до современных американизмов. Еще Пантелеймон Кулиш возмущался тем, что мы переняли от поляков слово „повитря“, так как „воздух“ придумали именно в Киеве ученые мужи (науковци) Киево-Могилянской академии, так же как и создали основу всей современной российской научной терминологии… Мы должны, наконец, стать самодостаточными. Хотя бы для того, чтобы доказать себе и миру, что мы не россияне, наши предшественники пожертвовали нашими старыми названиями „Русь, руський“, вместо того, чтобы доказать, что россияне не являются русичами, а составляют достаточно молодую нацию московцев (москвинов, московитов, московитян, москалей). Поэтому абсурдным (бессмысленным) является само название „русификация“ в том понимании, как у нас ее понимают, поскольку невозможно русифицировать (рущить) нашу отчизну Русь-Украину, ее можно только росиянизировать (росийщить), или московизовать (московщить), или москализовать (московщить)…

Очень много медицинских терминов (лекарственных названий) в этом словаре могут показаться новыми, удивительными, а может быть иногда и странными. Но если мы хотим возродить нашу речь, то другого пути нет».

Далее я приведу лишь несколько примеров из этого словаря, насчитывающего 15 тысяч слов:

Азот — душэць
Акушер-гинеколог — пологожинкивнык
Аллотрансплантат — иншопэрэсадок, иншопэрэсадэць
Амбулатория — прыхидня
Аммиак — смородэць
Анабиоз — знэжывлэння, виджывлэння
Анальгетики — протыбильныкы, знэбильныкы
Аналептики — ожывныкы, пиднэсныкы
Анализатор — розслиднык
Аналитический — розслидный, розслидувальный
Аптека — комора, сховище
Аптекарь — ликивнык
Аритмия — нэлад, нэривномиръя
Бактериальный — тойижковый, дрибъянковый

Бактерии анаэробные — бэзкысенци, безкиснивци, бэзкиснэжывци

Бактерициды — палычковбивныкы

Бактериология — палычкивство, палычкивныцтво

Бактериолог — палычкивэць, палычкивнык, паличкознавэць, дрыбъянкознавэць

Бешенство — каз, скажэнивка

Библиотека — кныгозбырня

Билирубин — жовчочэрвонобарвэнь

Биология — жывныцтво, жывознавство

Биолог — жывнык, жывознавэць

Бинт — повий

Биопотенциал — жыттезарядоспроможэнь, жыттезарядоспроможэць

Биопрепарат — жывопрыготовэнь

Биопсия — жывовзяття

Биосинтез — жывотворэння, жывостворэння

Брюшная жаба — черевножаба

Бюллетень — обижнык, повидомнык

Вакцина — щэпа, щэпына

Веко — повика, клипка

Ванная — купильнык, купильныця

Вата — бавна

Вегетарианство — рослынойидство, рослинойиддя, мъясоутрыманство

Вегетарианец — рослинойид, рослиноспоживач, мъясоутриманэць

Ветеринар — тварыноликар

Вибратор — двыгтяр, дрыжар, трэмтяр

Вибрион — звывэнь, звывчык, дрыжчык, пившрубэнь, пивпалычка

Вирус — дрибэнь, дрибэць

Витамин — жыттедай, жыттедаэць, жытивнык

Вещество — творыво

Вещество пищевое — кормына

Вещество составное — складэнь

Виварий — тварыльня

Всасывание — всысання, вбирання, всякання

Гайка — шрубка, нашрубок

Газообразный — газуватый
Галлюциноген — ввыжальнопрычынэць
Гастроэнтеролог — шлункокышкивнык
Гематолог — кровнык, кровознавэць
Гемоглобин — кровокулэць, кровочэрвэнь, червонокровобарвэнь
Ген — творэць
Геном — спадкосукуп
Генератор — породжувач
Гинекология — жинкивныцтво, жиночныцтво, жиночивныцтво
Гинеколог — жинкивнык, жиночнык, жиночивнык, жынкознавэць
Геронтолог — старэчивнык, старэчознавэць
Гигиена — хворобозапобыжныцтво, хворобозапобигознавство
Гигиенист — здоровнивэць
Гидроцефал — водоголовэць
Гимнастика — руханка
Глина — мула
Госпитализация — уликарнэння, ушпыталэння
Грудная полость — огрудна дуплына
Грибок — плиснявка
Грипп — хрыпэнь, хрыпка
Дебаты — суперека
Дегазатор — газознэшкиднык
Дезинсекция — комаховыгуб
Дезодоратор — высмориднык
Дерматолог — шкирнык, шкирянык, шкиривнык,
Деталь — подробыця
Диабет сахарный — солодыця, цукрыця
Диабетик — сечовыснажэць
Диагноз — розпизнава
Диагноз дифференциальный — розризняльна розпизнава
Диагност — розпизнавэць
Диагональ — навкисся, косына
Диаметр — пэрэтыннык, пэрэсичнык
Диетолог — харчивнык, харчознавэць
Диск — круглэць, круглэнь

Диссертация — миркування, ступэнэпраця
Дистиллятор — пэрэгиннык, пэрэкрапнык
Дистиллят — пэрэгин, пэрэкрап
Душ — прыскалэць, дощивэць
Душевая — прыскальня, дощивня
Жижа — ридота
Жир — товщ
Заключение — завэршення, пидсумок
Заряд — наснага
Засосать — засмоктаты, зассаты
Зигзаг — крывуля
Зоофилия — тварынолюбство, тварынoперелюб
Изобилие — повня, ряснота, рясота
Изолятор — выдокрэмнык, видокрэмня
Изъян — ганж
Иммунитет — видпорнисть, захыснисть
Иммуноглобулины — опорокульци
Иммунология — опирныцтво, опирнивныцтво
Иммунолог — опирнык, опирнивнык
Ингаляторий — вдыхальня, пародышня
Инструкция — настава, поука
Инфаркт миокарда — знэкровозмэртвиння серцемъязу
Инфекционист — заразнивэць, заразлывэць
Ионизатор — зарядорухивнык, зарядоурухивлювач
Ипохондрик — нудьговык, прыгничэнэць
Иридодиагностика — вэсэлкорозпызнава
Каверна — пэчэра, дуплына
Камера — умищына, вмищына
Канализация — проточэння, каналэння
Кандидоз — билогрыбъя, билогрыбчатисть
Канцер — пистряк
Канцерогенез — пистряковытвир
Карантин — заразострым, заразозатрым
Кардиология — сэрцивныцтво, сэрцэзнавство
Кардиолог — сэрцивнык, серцэзнавэць
Карлик — нызькоросток, малоросток
Кислота — кыслына
Кишечник — кышкивнык, кышковык
Клей — глэй, липыло

Клиницист — ликарнык, ликарнивэць
Коллектив — збир
Комплекс — сукуп, звъяз
Консультант — радця, дораднык, пораднык
Концентрат — згуст, зосереда
Кофермент — спивбродыло, спивквасыло
Курортология — оздоровныцивныцтво, здоровщинознавство
Лабиринт — плутанка
Лаборант — дослидовэць
Лаборатория — дослидня, робитня
Лазарет — личныця, вийськоличныця
Лейкоз — билокривцэопух, билокривцэзлоопух
Лесбиянство — жинколюбство, жинкопэрэлюб
Магнетизм — прытягацтво
Магний — магн, магнэць
Магнит — прытягач, прытягальнык
Маммолог — грудивнык, грудознавэць
Минипуляция — оруда
Манипуляционная — орудня
Медицина — личныцтво
Медицинский — личный, личнычый
Микроб — дрибножывэць
Микробиология — дрибножывныцтво, дрибножывознавство
Моллюск — мъякуш
Мозг головной — головомозок
Мозг задний — задомозок
Мозг передний — пэрэдомозок
Невропатолог — нэрвохворобовык, нэрвохворобивнык
Невролог — нэрвнык, нэрвовык, нэрвивнык, нэрвознавэць
Нематоды — кругли хробакы
Нозология — хворобныцтво, хворобивныцтво
Номенклатура — назвопэрэлик
Норма — звыча, звычня
Онкология — пухлынныцтво, опухивныцтво, опухознавство
Операционная — орудня, втручальня, выкональня
Операция — оруда, орудування, втрута
Опухоль — опух
Организм — истота, тило, устрий
Ортопед — выпрямнык

Палец указательный — вказивнык, вказивэць

Парадокс — дывовыжа

Паразит — чужойид, галапас

Паразитология — чужойидознавство, галапасознавство

Паталогический — хворный, хворывный

Педерастия — чоловиколюбство, чоловикопэрэлюб

Педиатр — дитоликар

Подагра — ногосэчоквасся

Презерватив — запобижнык, убэригач, чэпчык

Препарат — выготовэнь, прыготовэнь

Психиатрия — душоликарство

Психоанализ — душорозклад

Пульс — гопъяк, живэць, жывчык, бийнык

Радиоактивность — выпроминнисть

Радиолог — проминнык, промэнивэць, промэнивнык, промэнэзнавэць

Рахит — крывуха

Реаниматолог — ожывливнык, ожывливнычнык, оживлознавэць

Реаниматор — ожывнык, ожывляч, ожывлювач

Рентген — промэнэобраз, промэнэзнимок, промэнэвидбыток

Рецептура — прыпысныцтво

Садизм — знущальныцтво

Санитар — здоровнык

Санобработка — здоровообробка, здоровнычообробка

Сибирская язва — тэлий, жабур

Симулянт — удавач, удавальнык

Спирт метиловый — дэрэвовынэць

Спирт этиловый — вынэць

Стоматология — зубарство, зубивныцтво

Стоматолог — зубар, зубывник, ротознавэць

Стоматолог-хирург — зубар-ризальнык, зубивнык-ризальнык, ротознавэць-ризальнык (женщины: зубарка-ризальныця, зубивныцяризальныця, ротивныця-ризальныця)

Терминология медицинская — ликарськэ позначныцтво (назывныцтво)

Термометр — тэпломир (Ну, блин, дерьмометра только еще не хватает. Прим. — мое)

Тест — выпроба

Токсикоз — труя, трутызна
Токсикология — отруйнивныцтво, отрутознавство
Токсин — труя, отрута
Тонометр — тыскомир
Травматолог — ушкодивнык, ушкодознавэць
Тремор — дрыжакы, дрожи, дрыжачка
Тугоплавкий — важкотопкый
Умозаключение — умовывид
Уролог — сэчивнычнык, сэчознавэць
Урология — сэчивнычныцтво, сэчознавство
Фантом — лялька
Фармакология — ликодиэзнавство
Фармакопея — ликоопыс
Фармакотерапия — ликоликування
Фармацевт — ликивнык, ликознавэць
Феномен — зъявысько
Фермент — шумыло, бродыло, квасыло
Физиотерапевт — прыродоликувач
Фото — свитлына
Фрагмент — зламок
Фтизиатрия — сухотивныцтво, сухотознавство
Фтор — свитэнь
Футляр — сагайдак, шабатурка
Хаос — бэзладдя
Химия — рэчовынозмина
Хирург — ризальнык
Хирургический — ризальный
Хлор — зэлэнэць
Центр — осэрэддя
Центрифуга — видосэрэдкивка, видцэнтривка
Цинга — гнылэць
Цистерна — вмистыще
Черепа измерение — чэрэповымир
Шлиф — тонкоспыл
Шприц — впорснык, порскавка, штрыкавка
Шприц-тюбик — штрыкалочка, порскавочка
Щитовидный — щытуватый
Экскрет — выдилэнь, выдилок
Эксгумация — труповыкоп

Экспертиза — выслид, выслиджэння
Электрический — зарядный, зарядовый
Электричество — зарядность
Электрокардиограмма — зарядосэрцэзапыс
Электротравма — зарядопошкода
Элементарный — пэрвнэвый
Эмульсия — бовтанка, бовтачка
Эндокринология — внутришнёзалозныцтво, внуртришнёзалозивныцтво
Эрекция — розпукання, розпуклэння, набубнявиння
Эритема — чэрвонивка
Эхоэнцефалограмма — луномозкозапис
Ядовитый — трутызный, трутынный

Вот эту «барбарию», как метко заметил еще Андрей Курбский, сейчас выдают за язык украиского народа. Зато живой язык, на котором в XIX — начале XX в. говорили селяне Киевской губернии (горожане-то говорили по-русски) с пренебрежением именуется «суржиком». Почему? Нетрудно догадаться. Суржик — это смесь русских и украинских слов. Суржик прекрасно понимают и русские, и украинцы. А это бесит самостийников. На суржике запрещают говорить в школах и в госучреждениях.

В СМИ регулярно публикуются призывы бойкотировать артистов, которые употребляют на сцене суржик.

1 июня 2004 г. на Украине состоялся грандиозный общественный суд над суржиком. Акция приурочена к Международному дню защиты детей и прошла в Киевском академическом молодом театре. Организатором выступила Ассоциация защиты украинской культуры «Український світанок».

Очередной всплеск украинской языковой войны состоялся в мае 2000 г. во Львове. Поводом стала пьяная драка в ночь на 9 мая у кафе «Цисарська кава». Пьяный композитор Игорь Билозир со своей компанией стал приставать к группе людей, сидевших за другим столиком и певших песни Розенбаума и Высоцкого. Билозир пытался заглушить их песнями на «мове». В кафе возникла потасовка, которую прервал прибывший наряд милиции.

Через некоторое время Билозир с компанией покинули кафе, но на улице возникла новая потасовка, в ходе которой Билозир при падении на асфальт получил тяжелую черепно-мозговую травму и через 20 дней умер во львовской больнице.

Такого рода эпизоды тысячами случаются и во Львове, и в Москве, и в Жмеринке и обычно не попадают даже в хронику городских происшествий. Как композитор Билозир был явно не звездой первой величины. О том, что он давно спился, открыто писали украинские газеты. Я же поискал информацию о Билозире в Интернете и нашел сотни статей, но во всех их говорилось только о смерти композитора. Я не нашел ни одного документа, где бы говорилось о его творчестве до 9 мая 2000 г.

Фашистские элементы во Львове используют пьяную драку как повод для антирусского шабаша. Билозира-де убили москали за его вклад в украинскую культуру. Увы, предполагаемыми участниками драки оказались старший лейтенант Воронин, служивший в военной контрразведке при штабе Западного оперативного командования, и местный бизнесмен Калинин. К тому же Воронин был сыном начальника львовской полиции. Как видим, на роль «агентов Москвы» оба явно не тянули. Но куда там…

Начались погромы магазинов и палаток, где торговали русские продавцы. В лучшем случае на стены клеились листовки «Осторожно! Московский яд! Русификация!» Пытались громить даже железнодорожные кассы, где продавались билеты в Россию.

Депутаты Львовского областного совета быстро приняли резолюцию о запрете песен на русском языке на предприятиях общественного питания, улицах, средствах транспорта и т. д. Но по зрелому размышлению решили замаскировать русофобию и запретили петь «непристойные» песни на иностранных языках. Ну, представляете, идет по Львову патруль и прислушивается — в кафе поют непристойную песню на испанском языке, а в ресторане напротив — по-чувашски. Оба заведения платят большой штраф. Ну, смех сквозь слезы. А еще самостийники обижаются, когда над ними все смеются.

На похоронах Билозира фашисты несли лозунги «Чемодан — вокзал — Россия», «Москалей на виселицу», «Смерть москалям». А ведь таких лозунгов не было даже в Третьем рейхе, по крайней мере, с 1933 г. по июнь 1941 г.

Одна из старейших националистических газет Галиции «За свободную Украину» публикует написанное в день похорон Билозира стихотворение некоего Василия Щеглюка «Вместо реквиема». Приведу лишь две последних строфы (оригинал, естественно, на украинском, перевод дословный):

Москаль еще сеет мор и смерть
И свой матерный «язык»

(*кавычки почему-то именно здесь*),
Но уже звучат небесные трубы
И боевой слышится клич.
В песнях воскресли измордованные,
Никто еще нас не расколол.
Ветры разносят возмущенные слова:
Палачам — не жить! Кровь — за кровь!

2 июня 2000 года

То же издание публикует резолюцию «веча» участников похорон. «Заявляем: уничтожение украинцев-патриотов в независимой Украине… это продолжение шовинистической политики России, которая уничтожила Симона Петлюру, Евгена Коновальца, Степана Бандеру… и других украинских лидеров… Причиной разгула терроризма является то, что оккупанты еще не выселены с наших земель… Терпению настал конец!»

И далее: «Требуем:… Выселения из Львовщины оккупантов и в первую очередь всех кагебистов, разведчиков, военных российской имперской армии и других антиукраинцев. Запрещения трансляции через национальные телерадиоканалы русскоязычных передач, фильмов и других антиукраинских программ… Провести городской референдум по вопросам:

а) выселения оккупантов с территории Львовской области (участие в референдуме могут принять исключительно украинцы);

б) увольнения из Службы безопасности Украины, милиции, прокуратуры, украинской армии всех неукраинцев, которые…

не владеют украинским языком, а также лиц, чьи родители пришли к нам как оккупанты». Разумеется, не забыли потребовать и запрета во Львове русской музыки, а одновременно — денежной компенсации от России.

Боюсь, что кто-то из читателей решит, что я сгущаю краски, по опыту зная о хорошем отношение украинцев к русским. Святая правда. Девяносто процентов украинцев (по происхождению, а не по гражданству) доброжелательно относятся к русским. Это признал и самостийник канадского разлива Орест Субтельный, говоря о Рухе: «Основная сфера его влияния ограничивалась Западной Украиной и киевской интеллигенцией»[433]. Вот они-то и есть русофобы.

Я часто вспоминаю, как нас — туристов с теплохода — повезли в плавни под Херсоном и там, в маленькой деревеньке на одном из островов,

среди плавней русские туристы и украинские местные жители после принятия изрядной дозы самодельной горилки пели русские и украинские песни, и никто никого не перебивал и не спорил. У меня нет слуха, и я очень редко пою, но там я с огромным удовольствием пел «Распрягайте, хлопцы, кони…» и т. д. И русским, и украинцам тогда в плавнях неясно было лишь одно — как они оказались в разных государствах?

Говоря о фашиствующих самостийниках, которые призывают к депортации русского населения с Украины, нельзя не сказать и об их пособниках в Москве, окопавшихся на Воробьевых горах в здании исторического факультета МГУ. Они по-прежнему пишут монографии и вещают с кафедр об украинском народе и Украине применительно к XV–XIX вв., а иногда даже и к XIII–XIV вв. А ведь мы уже знаем, что таких понятий как «Украина» и «украинцы» не знали ни Даниил Галицкий, ни Богдан Хмельницкий, ни Ярёма Вишневецкий — воевода русский. Украинцами ни разу не называли себя запорожские казаки.

Представьте на секунду, что профессор Сорбонны написал бы, что в I в. до н. э. итальянская армия под командованием Юлия Цезаря вторглась во Францию и осадила французский город Алезию. Естественно, вся Европа закатилась бы хохотом, а сей профессор оказался бы в лучшем случае безработным, а в худшем — пациентом психбольницы. Неужели нашим мэтрам не ясно, что Пушкин не мог приехать в Ленинград, Февральская революция не могла случиться в Петербурге, а немцы в 1941 г. не могли блокировать Петроград?

Соответственно, территории, входящие ныне в состав Украины, в X–XVI вв. назывались Русью, позже — Литовской Русью, а в XVII–XIX вв. — Малой Россией. И только с 1917 г. допустимо название Украина. Так что русские и есть самое коренное население Украины.

Автор книги «Второе нашествие янычар» Русин писал: «Термин „Украина“ с большой буквы в значении существительного собственного имени появляется в истории дважды: в Польше (приднепровская польская провинция Украина, название которой происходит от слова „ukrainny“ — окраинные земли) и в Австрии (сербскохорватская провинция Краина). Так что часть современных сербов — тоже украинцы! Но с сербско-хорватской Краиной дело еще запутаннее. Дело в том, что хорваты — это те же сербы, которых Габсбурги силой вынудили поменять письменность и религию. Кроме того, после захвата австрияками Боснии они для тамошних сербов придумали особый, отличающийся от сербского „боснийский язык“»[434].

Глава 13
Угроза православию на Украине

Лишить языка большинство населения Украины киевские власти сочли недостаточным и решили лишить его и веры.

И это недаром, ведь именно православие спасло население Западной и Южной Руси от полного ополячивания. Вспомним десятки знатных русских родов — Вишневецких, Чарторыских, Курцевичей и т. д. Все, кто отошел от православной веры, стали поляками, забыв свой язык и культуру. И наоборот, те князья, кто остался в православии, те же Трубецкие, Хованские, Куракины и др., вошли в историю России.

Третьего тут до сих пор не было.

У «самостийников» нет собственных святых, а имена православных святых — Святителя Владимира, Александра Невского и др. — заставляют их скрежетать зубами.

Вот высказывание униатского митрополита Андрея Шептицкого из книги Юлии Прайс «Кшиве литеры» (Варшава, 1960): «Украинцы являются только орудием в руках Провидения, чтобы вырвать христианский Восток из клещей ереси [имеется в виду Православие] чтобы водворить его в лоно Апостольского престола и включить в европейское общество».

Зато великий Гоголь говорил: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог… А не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам» (Н. В. Гоголь. Нужно любить Россию. Из письма к графу А. П. Толстому, 1844 год).

А вот высказывание преподобного Лаврентия (Проскура) Черниговского (1868–1950), прославленного Украинской православной церковью Московского патриархата в 1993 г.: «Помните, наши родные слова — Русь и русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было крещение Руси, а не крещение Украины. Киев — это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с великой Россией. Киев без великой России и в отдельности от России немыслим ни в каком и ни в коем случае.

Поляков понуждали завоевывать Русь. Православных теснили и притесняли со всех сторон. Очень не нравились слова: Русь и русский,

поэтому назвали завоеванные поляками русские земли сначала Малороссией. Потом опомнились, что здесь есть слово „рос“, и перезвали Окраиной. Слово „окраина“ — это позорное и унизительное слово! — Какая окраина?! Чего и почему окраина, когда за этой мнимой окраиной находятся другие страны и государства?! И позже узаконили нам слова „Украина“ и „украинцы“, чтобы мы охотно забыли свое название „русский“ и навсегда оторвались от святой и православной Руси»[435].

Православная церковь всегда была у самостийников как кость в горле. Вспомним Шевченко:

Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу… отойді я
І лани, і гори —
Все покину і полину
До самого Бога
Молитися… а до того
Я не знаю Бога.

(«Заповіт», 1845 г.)

Или еще лучше:

Церков-домовина
Розвалиться… і з-пі неї
Встане Україна.

Нужны ли к этим словам какие-нибудь комментарии?

С началом «перестройки» оживились униаты в Галиции. Важным событием на пути легализации Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) стало открытое обращение двух епископов и 23-х священников, монахов и верующих УГКЦ 4 сентября 1987 г. к папе римскому Иоанну Павлу II с прошением поспособствовать «всеми возможными способами правовой легализации Украинской Католической Церкви в СССР» и стать посредником между греко-католиками и советскими властями. Поддержали представителей УГКЦ и украинские диссиденты и правозащитники. Нашлась у униатов и «пятая колонна» в Москве, которую возглавили

народные депутаты СССР А. Сахаров и В. Аверьянов.

Любопытно, что Филарет (Денисенко), бывший тогда митрополитом Киевским и Галицким, заявил в «Правде Украины» (от 23 мая 1989 г.) следующее: «А что же будет, если, не дай Бог, легализуется Украинская католическая церковь? Новые мессии разведут такую ненависть, что мы все будем не рады».

Во второй половине 1989 г. на Западной Украине прошли хорошо скоординированные массовые акции в поддержку греко-католиков, приуроченные к запланированной встрече М. С. Горбачева с папой римским в Италии. Действия и требования униатов становились все радикальнее. Греко-католики перешли от прошений и петиций к требованиям полной легализации УГКЦ. Особенно масштабной была манифестация греко-католических верующих во Львове с требованием легализации УГКЦ, в которой по данным самих униатов приняли участие 100 тысяч человек.

В ходе осенней кампании в поддержку УГКЦ начался процесс захвата не только бывших культовых зданий, но и действующих храмов Русской православной церкви (РПЦ). 29 октября греко-католики заняли Преображенский собор во Львове, 20 декабря подобная попытка была сделана в Ивано-Франковске.

21 ноября Совет по делам религии при Совмине УССР постановил разрешить регистрацию греко-католических общин, а 28 ноября опубликовал Постановление, по которому разрешалась регистрация общин УГКЦ, что, по его мнению, могло способствовать «выводу массы верующих из-под влияния экстремистов». Такой же формулой — «регистрация вместо легализации» — завершились переговоры папы римского с Горбачевым.

23 января 1990 г. в Преображенском соборе Львова прошел Церковный собор УГКЦ с участием шести епископов и 150 священников, который провозгласил «легализацию Украинской Греко-Католической Церкви на Украине». Вел его архиепископ В. Стернюк. Собор признал неканоническим Львовский собор 1946 г., его решения недействительными и обратился к органам государственной власти с требованием реабилитировать репрессированных греко-католических священников, вернуть церкви, которыми она владела до войны, признать церковную организацию УГКЦ.

После Собора начался массовый переход верующих в подчинение УГКЦ. На 1 февраля 1990 г. в регионе было подано 435 заявлений на регистрацию греко-католических общин. Многие православные храмы

греко-католики брали штурмом, имелись десятки убитых и раненых.

Любопытно, что из переданных украинским властями в собственность религиозным общинам в 1995 г. церквей греко-католики получили 80 %, а православные — лишь 16 %. В Ивано-Франковской области православным не было передано в собственность ни одного храма.

Галицийские власти истратили на борьбу с православными более 24 млрд карбованцев. Эти средства могли бы быть направлены на строительство новых храмов. Именно так и поступило правительство Чехословакии. После легализации в этом государстве греко-католической церкви ей были переданы все ранее принадлежавшие ей храмы, но при этом каждой православной общине государство выделило денежную компенсацию в сумме, достаточной для строительства новой церкви.

На 1 января 2001 г. УГКЦ имела 3317 зарегистрированных общин, 2777 действующихи 305 строящихся храмов с 1872 священниками, 79 монастырей с 1168 монахами и монахинями. Что касается численности прихожан УГКЦ, то сама Церковь называет цифру 5 миллионов, однако все опросы общественного мнения (Киевского международного института социологии (КМИС), «Фонда свободы» и других) показали, что греко-католики составляют 7 % населения (эта же цифра указана в энциклопедии «Британика»), то есть 3,4 млн человек. По данным КМИС, греко-католики только в западной части Украины имеют значительное число приверженцев (в Ивано-Франковской, Львовской, Тернопольской, Закарпатской, Ровенской, Волынской и Черновицкой областях в целом они составляют 35,1 % населения), в остальных же регионах Украины к ним относятся от 0,9 % до 0,7 % населения.

Воспользовавшись ослаблением православной церкви в Галиции, вызванным нападением униатов, настоятель храма Петра и Павла во Львове Дмитрий Ярёма 19 августа 1989 г. объявил свой приход автокефальным, то есть независимым от православной церкви. Ярёма срочно начал искать покровителей. Поскольку ни одна из православных церквей не пожелала с ним иметь дело, Ярёма обратился к карликовой Украинской автокефальной православной церкви. Эта сектантская организация была создана германскими оккупантами в 1941–1942 гг. и к 1990 г. прозябала в США. Этих сектантов не признавала ни одна православная церковь.

В октябре 1989 г. в том же церковном приходе Петра и Павла несколько священников провозгласили создание «Украинской автокефальной апостольской церкви Греко-украинского обряда» (УАПЦ).

5-6 июня 1990 г. в Киеве собрался «Всеукраинский собор» УАПЦ.

Патриархом «Киевским и всея Украины» был избран Мстислав (Скрыпик), проживавший в США и возглавлявший карликовую заморскую УАПЦ.

Осенью 1991 г. глава православной церкви на Украине митрополит Филарет вступил в контакт с Леонидом Кравчуком и перечислил в его предвыборный фонд сотни тысяч рублей из церковной кассы. Кравчук, в свою очередь, выдвинул лозунг: «У независимой страны должна быть независимая церковь».

Трудно сказать, кто из них больше содействовал расколу православной церкви на Украине. Между тем Священный синод Русской православной церкви, предвидя распад СССР, заявил 22 октября 1991 г., что распад Союза не подразумевает автокефалию отдельных частей православной церкви.

С 31 марта по 5 апреля 1992 г. в Москве состоялся Собор РПЦ, на котором подверглась критике раскольническая деятельность митрополита Филарета, и тот поклялся на кресте перед Собором, вернувшись в Киев, уйти в отставку.

Однако Филарет не только не сдержал клятву, а фактически отделил церковь на Украине от Московского патриархата. Однако значительная часть церковнослужителей Украины не пожелала иметь такого пастыря. Быстро всплыли и крайне негативные моменты в жизни митрополита Филарета.

Митрополит Филарет, в миру Михаил Антонович Денисенко, родился в 1929 г. в Донецке. В 19 лет он поступил в Одесскую семинарию, а в 21 год принял монашество. В 1962 г., то есть в 33 года, он становится епископом Венским и Австрийским.

Тут придется задать риторический вопрос: мог ли быть в 1962 г., то есть во время Берлинского и Карибского кризисов, из Москвы в Вену направлен епископ, не имевший звания в КГБ? Позже журналистам удалось найти и «комитетский» псевдоним этого «Штирлица» — Антонов.

Коллеги высоко оценивали профессиональные качества Денисенко на обоих поприщах. Однако он стал путать обязанности офицера КГБ Антонова и митрополита Киевского Филарета. Так, он завел жену — Евгению Петровну Родионову, от которой прижил троих детей — Веру, Людмилу и Андрея. О конспирации наш любвеобильный «Штирлиц» совсем забыл — он жил и был прописан со всем семейством в большой киевской квартире. Мало того, Евгения Петровна начала, не таясь, управлять церковными делами. Верующих шокировало, что прямо в соборе архиепископы целовали ей руки.

Предвижу возражения — ну, влюбился монах, чего не бывает! Увы, по канонам и православной, и католической церквей это смертный грех. Так

что, если не хочешь соблюдать конспирацию, снимай рясу и работой по смежной специальности хоть в ФСБ, хоть в СБУ (Службе безопасности Украины).

Сейчас Украинская православная церковь Киевской патриархии (УПЦ-КП) весьма невнятно пытается обелить Филарета, мол, дети не его, он-де взял их на воспитание из детдома. Хотя и это по канонам церкви монаху категорически воспрещается, да и какой детдом в советское время отдал бы детей на воспитание монаху?

Масла в огонь подлили и интервью журналистам, данные старшей дочерью Филарета Верой, в которых она называла его отцом и рассказывала о методах управления Евгенией Петровной Киевской метрополией.

Наконец терпению иерархов церкви на Украине настал предел. 27–28 мая 1992 г. в Харькове состоялся Собор епископов Украинской православной церкви, по решению которого митрополит Филарет за преступления перед Церковью был смещен с Киевской кафедры и с поста Предстоятеля Украинской православной церкви, почислен за штат и запрещен в священнослужении. Собор избрал Предстоятелем УПЦ авторитетного иерарха митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира (Сабодана).

Большинство приходов и священников православной церкви на Украине остались в подчинении Московского патриархата и митрополита Владимира.

Что же касается «филаретовцев», то они то объединялись с «автокефалистами» из УАПЦ, то разводились с ними.

20 октября 1995 г. во Владимирском соборе на Поместном соборе УПЦ-КП «блаженнейший заместитель патриарха» Филарет избран «святейшим патриархом Киевским и всея Руси-Украины». Во избежание «недоразумений» выборы проходили безальтернативно. Это привело к тому, что большинство епископов, объединяющих две трети приходов УПЦ-КП, сбежали прямо с Собора. Они направились в Феодосиевский монастырь, где состоялась их встреча с архиереями УАПЦ и был оформлен «Акт объединения церквей» без Филарета. В числе подписавших акт были патриарх Димитрий (Ярёма), митрополит Андрей (Абрамчук), митрополит Василий (Боднарчук), архиепископ Петр (Петрусь) и др. Через несколько дней филаретовские семинаристы выбили «новообъединенную церковь» из монастыря, а Филарет лично обратился с угрозами в адрес «отступников», принуждая их вернуться в УПЦ-КП. Генпрокуратура Украины официально предупредила Филарета о недопустимости шантажа в

межконфессиональных отношениях.

6 августа 1996 г. на Соборе, организованном поддерживающими «Акт объединения» архиереями, УАПЦ присваивается новое название — УАПЦ-КП, после чего филаретовские семинаристы выбрасывают патриарха Димитрия на улицу. В епископы УПЦ-КП принимаются, кроме итальянских масонов (Евлогия Кутельяниса и пр.), совершенно экзотические личности (Патрик Брук де Траль из Германии и архиепископ Вижиль из Франции).

6 сентября 1996 г. патриарх УАПЦ Димитрий провозглашает Успенскую церковь Львова своей ставропигией.

В декабре 1996 г. в подмосковном Ногинске архиереи УПЦ-КП во главе с архиепископом Днепропетровским Адрианом «коронуют» на всероссийский престол «царя-батюшку» Николая III (Дальского) и «матушку-императрицу» Наталию Коваленко. Увы, кем-то хорошо профинансированная затея провалилась, и о самозванцах быстро забыли.

Все это напоминает какую-то оперетту, и притом слишком длинную и скучную.

В феврале 1997 г. Архиерейским собором Русской православной церкви бывший монах Филарет (Денисенко Михаил Антонович) отлучен от церкви через анафематствование.

В июле 1998 г. «Постоянная Конференция украинских епископов за пределами Украины», объединяющая украинскую православную диаспору США и Канады, выдвинула против Филарета обвинение по шестнадцати пунктам. Особенно негативной была реакция на попытки Филарета взять под свою юрисдикцию приходы в США и Канаде (перешедшие к Филарету священники попали под запрет канадо-американских владык), а также на попытки создания Филаретом интернационала раскола в виде «параллельной семьи поместных церквей».

Придя к власти, президент Ющенко выдвинул идею создания Поместной Православной украинской церкви путем объединения трех существующих церквей. Ющенко заявил: «Украина не будет независимым государством до тех пор, пока не будет создана Единая поместная церковь, независимая от Московского патриархата… Пока это не осознается, трудно говорить о политической независимости, пока мы не справились с проблемой духовной независимости».

Однако УПЦ Московского патриархата категорически возражает против воссоединения с раскольниками и энергично противится административному нажиму киевских властей.

Между тем Ватикан пытается подчинить себе православную церковь

на Украине путем объединения ее с униатами. Такая церковь будет-де иметь двойное подчинение— Риму и Константинополю. Понятно, что доминировать будет Ватикан, а константинопольскому патриарху достанется роль свадебного генерала. Однако такой план устраивает не всех кардиналов. Возникли опасения, что новая церковь будет иметь слишком много отличий и свобод по сравнению с другими католическими церквями, и это создаст прецедент для них.

Обе ветви раскольников на Украине вовсе не прочь попасть под покровительство папы, но власти боятся, что это вызовет массовый отток от них верующих.

Смерть папы Иоанна Павла II 2 апреля 2005 г. внесла паузу в деятельность католической церкви на Украине, но, увы, ненадолго.

Глава Украинской греко-католической церкви кардинал Любомир Гузар решил перенести кафедру УГКЦ из Львова в Киев и присвоить УГКЦ статус Патриархата. Учитывая, что 85 % униатских приходов находится в Галиции (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области), и еще 10 % — в Закарпатье (причем закарпатские униаты не входят в юрисдикцию УГКЦ, а подчиняются Словацкому епископу), действия Гузара по искусственному переносу кафедры из Львова в Киев обусловлены желанием сменить региональный статус на всеукраинский, а именование «патриархата» использовать для придания УГКЦ статуса независимой украинской церкви.

Невзирая на то что униатский собор и резиденция Гузара на Левом берегу Днепра в Киеве еще не достроены, 21 августа 2005 г. кардинал переезжает в Киев и на торжественной церемонии, проходящей на улице с участием украинского околополитического бомонда, объявляет о своем новом титуле архиепископа Киевского и Галицкого. Спустя месяц Любомир Гузар уже именуется «патриархом» и заявляет о намерении создать единую украинскую поместную церковь в общении с Римом на базе УГКЦ.

На протяжении последних лет Институт философии НАН Украины поддерживает все антироссийские религиозные проекты, директор института регулярно выступает в СМИ, давая негативные оценки деятельности Московского патриархата, а заместитель директора Анатолий Колодный занимается разработкой антироссийской религиозной идеологии.

Оранжевые политики и попы всеми силами стараются втянуть в свои игры Константинопольского патриарха Варфоломея. Поначалу Фанар[436] не признавал раскольников-филаретовцев. Но вот в ноябре 2005 г. патриарх Варфоломей приглашает в Стамбул директора Института Экуменических Студий (ИЭС) Антуана Аржаковского.

Институт сей существует при Украинском католическом университете во Львове и патронируется УГКЦ. В почетный комитет ИЭС входят представители УПЦ Константинопольского патриархата в США, Немецкой евангелической церкви, Римско-католической церкви и УГКЦ. Одним из последних изданий ИЭС стала иллюстрированная книга-альбом, посвященная «оранжевой революции» — «Революция Духа».

Патриарх Варфоломей благословил деятельность ИЭС и поддержал представленные им проекты. Одним из них стал проект «Киевской Церкви», судя по всему, и являющийся квазиуниатским проектом «единой украинской церкви в общении с Ватиканом», озвученным главой УГКЦ Любомиром Гузаром.

В марте 2005 г. тогдашний госсекретарь Александр Зинченко нанес визит к Константинопольскому патриарху Варфоломею (Архондарису) в его резиденции в Фанаре и без согласования с Киевским митрополитом Владимиром пригласил его в Киев. Лично в Киев патриарх Варфоломей не поехал, однако вместо него на Украину приехали два иностранных епископа юрисдикции Константинопольского патриархата. На встрече с Виктором Ющенко один из епископов — Всеволод (Майданский), несущий служение в США и относящийся к раскольнической юрисдикции, незаконно принятой в каноническое общение патриархом Варфоломеем в 1990-х гг., — сделал резонансное заявление о том, что Константинопольский патриархат не признает подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату, а границы последнего считает каноническими в пределах, существовавших до 1686 г. Учитывая, что на протяжении сотен лет весь православный мир, и в том числе константинопольские патриархи, признавали существующий канонический строй Киевской митрополии, а также то, что до 1686 г. территория Киевской митрополии кардинально отличалась от ее теперешней территории, заявление Всеволода Майданского было воспринято как неадекватное и несоответствующее официальной позиции Фанара.

Однако, несмотря на все последующие запросы, в том числе священноначалия УПЦ, РПЦ и православных общественных организаций, в Константинопольский патриархат, патриарх Варфоломей высказывания своих клириков никак не прокомментировал, что на языке церковной дипломатии означает полную солидарность с их заявлением.

В этой ситуации у фанариотов и украинских политиков созревает проект создания на Украине «подворий Константинополя», которые могли бы играть роль стратегической базы для объединения клириков и верных УПАЦ, УПЦ КП и УПЦ МП, настроенных антимосковски, но желающих

иметь формально канонический статус. Формально, потому что, согласно каноническому праву Церкви, ни один епископ не имеет права заниматься церковными делами на территории другого епископа, и любое сакральное действие нарушившего это правило вменяется как не бывшее.

Глава 14
«Осколок Древней Руси»

Сейчас в наших СМИ часто упоминается о антирусских выступлениях на Западной Украине. Об этом написано много и у меня. Но все ли западные украинцы русофобы? На самом деле значительная часть населения Галиции сейчас благожелательно относится и к русским, и к Российской Федерации. Однако из-за позиции властей и бесчинств фашистской мафии многие просто боятся показывать симпатии к русским.

Зато мало кто сейчас в России знает о русинах — небольшом народе в Закарпатье (иногда называемом Подкарпатьем), где любят Россию, русскую культуру и считают себя русскими, а по-местному — русинами. Закарпатье оказалось реликтом, осколком Древней Руси!

Племена восточных славян с незапамятных времен населяли Закарпатье. В середине IX в. Закарпатье вошло в состав Великоморавского государства. В 60-х–70-х гг. IX в. большая часть закарпатцев приняла крещение от Византии. Видимо, в этом лично участвовали братья Кирилл и Мефодий.

В связи с ослаблением Великоморавской державы Закарпатье на несколько десятилетий попало под протекторат Древнерусского государства. А в 896 г. в Закарпатье впервые вторглись племена венгров. Как гласит венгерская хроника второй половины XII в., венгры разбили войско славянского князя Лабореца и овладели его столицей — городом Ужгородом. По некоторым сведениям первоначально Ужгород назвался Унгоград по названию реки Унг, что по-славянски означает «быстрая». Позже название Унг трансформировалось в Уг, а затем — в Уж.

Во времена владычества венгерских королей население Закарпатья оставалось славянским и именовало себя русскими. В 1393 г. из Подолии в Закарпатье прибыл князь Федор Корианович с русской дружиной. Он был изгнан из Великого княжества Литовского Витовтом и поступил на службу к венгерскому королю, который дал Федору во владение Унгоград с окрестностями.

В 1526 г. (после битвы при Могаче) Западная Венгрия вместе с Угорской Русью отошла под власть Австрии. В 1614 г. начинается и по 1649 г. продолжается отчаянная борьба православных карпатороссов против попыток унии. Первое время униаты просто изгонялись ими, однако в 1649 г. 63 священника-русина подписали документ об унии с Римом,

после чего подтвердились обструкции со стороны народа. Карпаторусское национальное движение сразу же активизировалось при малейших послаблениях австрийской ассимиляторской политики. (Вена считала, что русины будут противостоять польскому влиянию).

Так, как только императрица Мария-Терезия разрешила преподавать в униатских семинариях на русском языке и произносить проповеди по-русски, сразу же начали свою просветительскую деятельность знаменитые карпаторусские «будители» — Иван Орлай (1770–1829), Михаил Балудянский (1764–1847), Петр Лодий (1764–1829), Юрий Гуца-Венелин (1802–1839) и др. Из-за австрийских репрессий, учиненных императором Леопольдом II, эти «будители» переселились в Россию. Лодий стал ректором Санкт-Петербургского университета, Балудянский — воспитателем великого князя (будущего императора Александра I). Орлай — доктор философии Кёнигсбергского университета, почетный член Российской Академии наук, действительный член общества Истории и Древностей Российских — важен для нас как первый карпаторусский историк. Его статья «История о карпато-россах, или О переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся» («Северный вестник», 1804 г.) стала национальным катехизисом подкарпатских русинов.

В ноябре 1918 г. русины по всему Подкарпатью стали создавать свои органы власти — Советы (Рады). Как правило, они избирались, но были случаи, когда и назначались вышестоящими органами. В некоторых местах, например, в Волотвине, были две Рады: рабочая, избранная шахтерами, и сельская. В Вилоке также было две Рады — железнодорожная и крестьянская, а в Мукачеве — своя Рада у рабочих и своя у сельскохозяйственных батраков. В Берегове была Рада рабочих и Рада солдат. В Сваляве была создана объединенная Рада рабочих и крестьян.

К концу ноября 1918 г. в Подкарпатье уже функционировало около 500 Рад. По своему политическому и социальному составу они сильно разнились — от рабочих до националистов. Образовывались окружные и комитатские Рады. Среди последних своей активностью выделялась Угочанская Рада в Севлюше, установившая контроль за всей жизнедеятельностью людей — от решения экономических вопросов до школьных и культурных дел.

Однако чехи направили в Подкарпатье своих «легионеров», и после упорных боев сопротивление русинов было сломлено. Подкарпатская Русь была присоединена к Чехословацкой республике согласно международному договору, подписанному 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене Великой

Антантой и присоединившимися к ней державами, с одной стороны, и представителями Чехословацкой республики-с другой. От имени Чехословакии договор был подписан доктором Бенешем, ставшим потом президентом страны.

Сен-Жерменским договором Подкарпатской Руси была гарантирована «полнейшая степень самоуправления, совместимая с понятием единства Чехословакии» (статья 10). Подкарпатской Руси должен был быть предоставлен свой собственный законодательный сейм (в ведение которого должны были входить все вопросы, касающиеся языка, школы и вероисповеданий, местной администрации, и все другие вопросы, определенные законами чехословацкого государства) и автономное правительство, ответственное перед сеймом (статья 11). Во главе администрации должен был быть губернатор, назначаемый президентом республики и ответственный перед карпаторусским сеймом (статья 11). Чиновники в Подкарпатской Руси должны назначаться, по возможности, из местного населения (статья 12). Сен-Жерменский договор гарантировал Подкарпатской Руси право быть соответствующе представленной в чехословацком парламенте (статья 14). Контроль за выполнением Договора вменялся Лиге Наций (статья 14).

Все эти установления были проигнорированы Чехословакией. Вопреки договору русинские территории были разделены между субъектами федерации: их часть (так называемая Пряшевская Русь с 250 тысячами карпатороссов) была присоединена к Словакии. Никакого сейма создано не было. На руководящие должности в администрации назначались чехи. Чехословацкое правительство начало проводить искусственную украинизацию Карпатской Руси, видя в этом средство для отсрочки предоставления автономии и ослабления национально-культурного единства карпатороссов.

Уже в 1918–1922 гг. пражские власти поняли, что сделать из русин чехов в обозримом будущем невозможно, и начали их украинизировать.

Чешское правительство старалось, чтобы все культурно-просветительное и школьное дело на Закарпатской Руси было бы в руках украинских националистов. Русский литературный язык был изгнан из всех школ. Конечно, были многие школы, которые не подчинились приказу министерства школ и народного просвещения и целых двадцать лет учили на традиционном русском литературном языке, за что Прага все время существования Чехословакии преследовала их.

«Сразу же после возникновения Подкарпатской Руси чешское правительство поручило галицкому самостийнику Ивану Панькевичу

написать грамматику, по которой бы составлялись все учебники для наших школ и язык которой считался бы литературным для нашего края. Он написал грамматику галицкого полонизированного наречия. Вышеупомянутый уже В. Пачовский написал на этой „мове“ „Історію Подкарпатскої Руси“, а Владимир Бирчак составил учебник по истории карпаторусской литературы — „Литературні стремлення Подкарпатской Руси“.

В этих книгах злопамятных авторов осмеивалось и предавалось позору все прошлое нашего племени, вся его идеология и стремление слиться воедино хотя бы в культурном и религиозном отношении с остальным русским народом. Самостийники лезли из кожи вон, чтобы уничтожить в народе те идеалы, то чувство единства с русскими в России, которые только и могли спасти наш народ в тысячелетней оторванности, от полной денационализации»[437].

Правительство специально выписывало и командировало в Закарпатье галицийских самостийников. Вплоть до 1937 г. был запрещено преподавание в школах на русском языке. Самостийники имели в Чехословакии три учебных заведения, финансируемые правительством, русины — ни одного. Галицкие самостийнические издательства, культурные общества также финансировались за счет государства, в то время как, к примеру, профессор Г. Ю. Геровский, авторитетнейший карпаторусский лингвист, находился в 1936 г. под домашним арестом.

Невзирая на систематическую двадцатилетнюю политику насильственной украинизации, осуществлявшейся силами чешского правительства, римско-католической церкви, социал-демократов и коммунистов, результаты украинизации к 1938 г. оказались ничтожными. Из восьми депутатов и сенаторов, представлявших русинов в чехословацком парламенте, семеро были русские патриоты и только один, избранный чешскими и мадьярскими избирателями, считал себя украинцем. На Пряшевской Руси, переданной Словакии, все население голосовало за депутатов-русофилов. «Украинцы» даже не осмеливались выдвигать своих кандидатов. А на референдуме, проведенном на Подкарпатской Руси в 1938 г., 76 % опрошенных высказались за русский литературный язык как язык официальный, язык преподавания и т. д.

1938–1939 гг. перед лицом германской угрозы Чехословакия пошла на уступки — в мае 1938 г. была провозглашена автономия Подкарпатской Руси, а в октябре того же года создано первое автономное правительство Подкарпатской Руси.

Однако 14 марта 1939 г. в Закарпатье с разрешения Гитлера вошли

венгерские войска. По свидетельству карпаторусского общественно-политического деятеля Михаила Прокопа: «Венгерские власти желали ликвидировать в самый короткий срок не только русский литературный язык, но и весь русский народ, живущий на южных склонах Карпатских гор, превратив его в мадьярский. И при этом они совершенно чистосердечно удивлялись тому сопротивлению, какое оказывал их планам русский народ… Разрушались памятники Пушкину, Добрянскому, Митраку, сжигались русские городские, сельские и общественные библиотеки, уничтожали русскую кооперацию… Русская молодежь протестовала. Мадьярские жандармы и полицаи брали учеников гимназий с уроков и избивали их… В конце 1939 г. Польша была разделена между Германией и СССР. На Подкарпатской Руси питали немалые иллюзии относительно СССР. Особенно молодежь начала вести себя по отношению к мадьярским властям вызывающе».

В 1941–1943 гг. созданные архимандритом Алексием Кабалюком «православные комитеты», охватившие всю Подкарпатскую Русь, стали выдвигать требования о присоединении к СССР. Архимандрит Алексий был убежденным приверженцем идеи национального единства карпатороссов с русским народом и присоединения Подкарпатской Руси к России.

В 1944 г. он становится инициатором и вдохновителем Православного съезда, который состоялся 18 ноября 1944 г. в Мукачево. Его делегатами были 23 православных священника, известные ученые и общественные деятели Георгий Геровский и Петр Линтур. Съезд принял обращение к Сталину, которое подписали: игумен Феофан Сабов, заместитель епископа и администратор Мукачевско-Пряшевской епархии и другие.

В этом послании говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся представители православных общин Карпатской Руси, выражая волю всего православного русского народа, просим включить Карпатскую Украину (Карпатскую Русь) в состав СССР в форме: Карпаторусская Советская Республика. Желания и мечты наших предков были всегда, чтобы наша область за Карпатами, заселенная русинами, т. е. Руси сынами, возвратилась в лоно Великой Руси. Но наши поработители всегда тому препятствовали. Таким образом, мы целые столетия оставались в германо-венгерском рабстве вплоть до 1919 года. В 1919 году на мирной конференции наша область, именуемая Карпатская Русь, согласно Сен-Жерменскому договору, на автономных правах, была присоединена к Чехословацкой республике. Уже тогда нашу область признали Карпатской Русью, ибо здесь живет искони русское племя. Сам народ именует себя

„карпаторусс“, „русин“, т. е. „Руси-сын“, „вера русска“, „жена русска“, „мама русска“ и т. д. С названием „Украина“ наш народ был познакомлен только под чешским владычеством, после Первой мировой войны, и то интеллигенцией, пришедшей из Галичины. Этих галичан само чешское правительство призвало в Карпатскую Русь, и их идеологию, за все время существования Чешской Республики, серьезно финансировало.

Очень интересно, что галицкие украинствующие сепаратисты избивали карпаторусское население и его интеллигенцию и говорили: „Кацапи, маскали, вам мисто у Москви, у вашего Сталина“. Мадяре при избиении нас тоже говорили: „Муско, комуништо, иди в Москву к твоему Сталину“. Карпаторусский народ с великим терпением и болью сердца переносил все это, ожидая своего спасения именно от Москвы…

Наш народ-русин — Руси-сын. Наши матери не рождали нерусских сыновей. Наша русскость не моложе Карпат… Только тем и можно объяснить эту несказанную радость при встрече русской Красной Армии. Но эта радость молниеносно была убита в нашем народе вестью, что наша Карпатская Русь, под названием ЗАКАРПАТСКАЯ УКРАИНА, войдет в состав Чехословацкой Республики. Оказывается, что мечты наших предков остались только мечтами и для нас. Но, наученные горьким опытом, мы решительно заявляем, что политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь нашего народа может успешно развиваться только в пределах великого, родного нам Советского Союза, и ни в коем случае не в каком-либо чужом государстве. Чаша нашего терпения переполнена: довольно игрались нами наши недруги, бросая нас из рук в руки.

ВОЛЯ КАРПАТОРУССКОГО НАШЕГО НАРОДА: ХОТИМ РАЗ И НАВСЕГДА СВЯЗАТЬ СВОЮ СУДЬБУ С СУДЬБОЮ НАШИХ СОПЛЕМЕННИКОВ В СССР и то определить нам Карпаторусскую Советскую Республику от Ясиня до Попрада и от Ужка до Доброчина (Дебрецена). Выражая великую радость и глубокую благодарность по поводу освобождения Великому вождю и освободителю всего славянства и Европы товарищу Маршалу Сталину и Красной Армии, мы просим принять Карпатскую Русь в состав Советского Союза.

В Мукачеве дня 18 ноября 1944 года».

Православный съезд принял решение направить свою представительную делегацию в Москву для решения всех вопросов, в нее вошли все подписанты письма к Сталину. Днем раньше в Мукачеве состоялось общее собрание делегатов местных комитетов — «о воссоединении Закарпатской Руси с великим братским русским народом».

Увы, Сталин не оценил чувства русинов и решил записать их в

украинцы. Что послужило причиной такого решения, сейчас сказать трудно. То ли неверно понятые геополитические интересы России, то ли пропахший нафталином ленинский «пролетарский интернационализм»…

В итоге 25 июня 1945 г. СССР и Чехословакия подписали договор «О Закарпатской Украине» (без какого-либо участия присоединяемого государства), согласно которому Закарпатская Украина присоединялась к СССР. Не успели стороны обменяться грамотами, как 22 января 1946 г. Президиум Верховного Совета Украины принял постановление «Об образовании Закарпатской области в составе УССР». Таким образом, суверенная русинская республика с президентом и органом законодательной власти — Народной Радой — без всякого волеизъявления народа была ликвидирована и присоединена к Советской Украине как обыкновенная область.

Как, иронизируя, писал один из карпаторусских эмигрантов: «Папский Рим построил фундамент для украинского сепаратизма, а товарищ Сталин закончил дело Рима… Советское правительство создало украинскую державу при помощи лиц, поддавшихся галицкой папской украинской пропаганде, или авантюристов, стремившихся сделать карьеру на украинской авантюре или в особенности таких, которые опасались восстановления какого-либо небольшевистского порядка, и по этой причине ненавидели Россию.

Окончательная заслуга создания Советской Незалежной Украины принадлежит тов. Сталину, во времена „царствования“ которого была окончательно сформирована Советская Украина. Итак, хай жіве товарищ Сталин и хай жіве святейший Лев XIII. Их портреты заслужили себе место в самом центре будущего украинского пантеона»[438].

Всем известен подарок Хрущева Советской Украине — Крым, но почему-то забыли о другом подарке той же Советской Украине, сделанном Сталиным, — о Закарпатье.

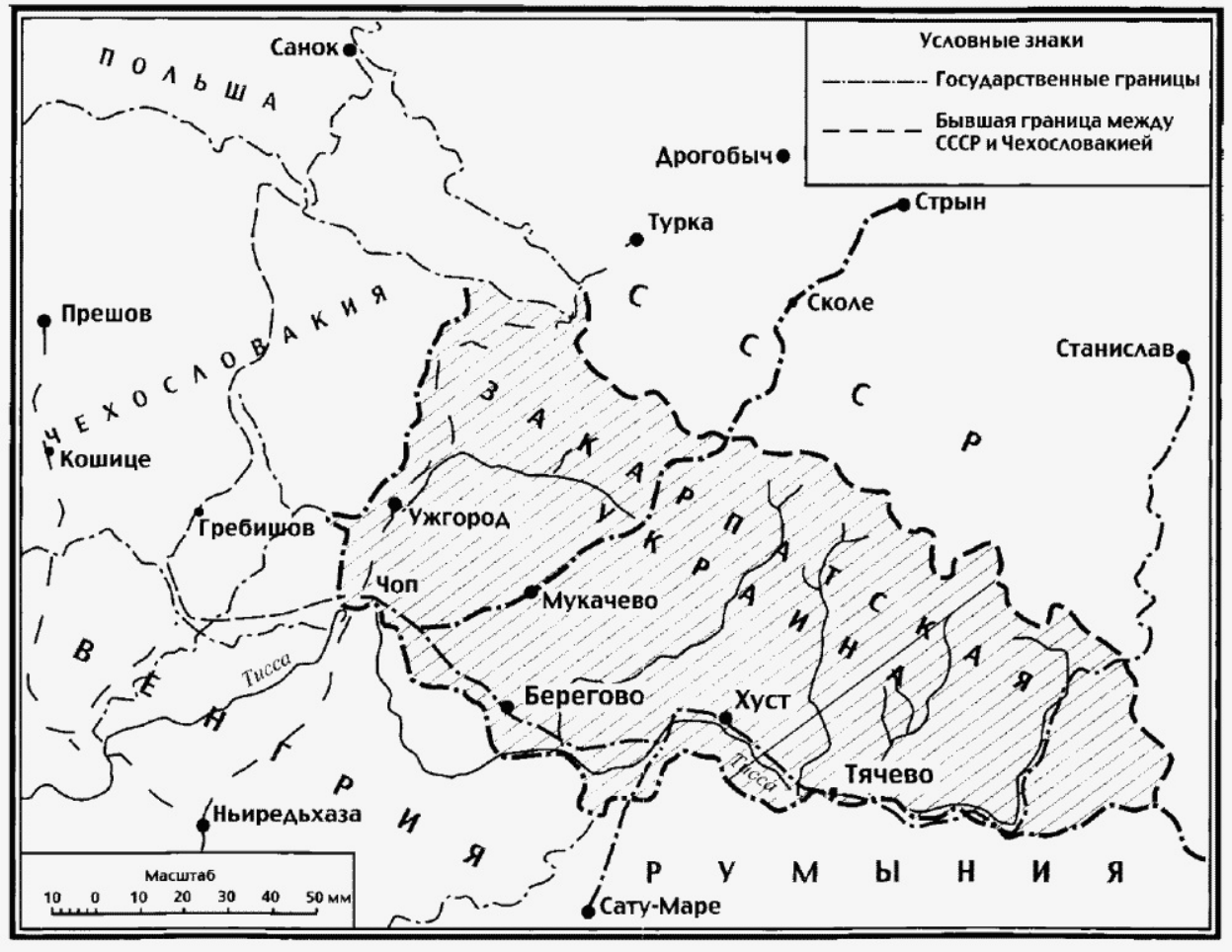
В XX в. в Закарпатье шла упорная борьба за духовную свободу. Согласно Сен-Жерменскому договору церковные отношения регламентировались карпаторусским правительством. Огромную роль в невыполнении Чехословакией Сен-Жерменского договора сыграла чешская римско-католическая клерикальная партия «Лидова Страна», возглавляемая кардиналом Шрамеком, и римско-католическая партия патера Тиссо, примкнувшая затем к Гитлеру. Шрамек поддерживал Масарика, а затем Бенеша — лидеров Чехословакии при условии, что правительство будет подавлять Православную церковь и не предоставит автономию Подкарпатской Руси.

Склеенная насильно греко-католическая конфессия при ослаблении государственной поддержки начинала разваливаться. Даже массовые австро-венгерские репрессии не смогли остановить процесс перехода русинов в православие. Православные христиане мадьярской части Австро-Венгерской империи находились в юрисдикции Сербской православной церкви. В 1920-е годы Сербия стала «второй Россией». Эта славянская держава приютила и армию генерала Врангеля, и Высшее церковное управление Русской православной церкви за границей.

Самую братскую поддержку оказала Сербская церковь и Карпатской Руси — туда был направлен епископ Нишский Досифей: после многих веков полуподпольного существования православной церкви это был первый легальный православный епископ в Подкарпатской Руси. В 1921 г., как только Досифей прибыл на Карпаты, сотни тысяч человек покинуло унию и вернулось в православие. Опорой Досифея стал архимандрит Виталий (Максименко — бывший начальник типографии Почаевской Лавры, знаменитый миссионер и лидер правых русских партий).

Чешское правительство поддерживало унию, пыталось спровоцировать раскол в православной церкви. Константинопольский патриарх Мелетий (Метаксакис) — сторонник «реформации», поддержавший советских обновленцев в борьбе с патриархом Тихоном, пытался подчинить себе в 1928 г. всех православных христиан Чехословакии, поставив туда своего архиепископа Савватия. Однако авторитет епископа Досифея, архиепископов Алексия (Кабалюка) и Виталия (Максименко), солидарность карпатороссов и поддержка Сербии позволили нейтрализовать эти действия.

7 декабря 1944 г. православная делегация закарпатцев в Москве была принята патриархом Алексием. 26 декабря в газете «Закарпатская правда» было помещено интервью с членом делегации отцом Феофаном. Он сказал: «До настоящего времени мы подчинялись Сербскому Священному Синоду, который нас серьезно поддерживал, от всей души, и с развитием Русской Православной Церкви в Закарпатской Украине принято решение о присоединении к Советской Украине, что подразумевает, что Церковь тоже должна перейти к Московскому Священному Синоду. Мы решительно против присоединения нашей территории к Украинской ССР. Мы не хотим быть чехами, ни украинцами, мы хотим быть русскими (русинами) и свою землю желаем видеть автономной, но в пределах Советской России».



Карта Закарпатской Украины после подписания Договора между СССР и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине 27 июня 1945 года

Как жилось закарпатцам в УССР при советской власти? Да так же, как приднепровцам в Молдавской ССР, армянам в Карабахе и абхазам в Грузинской ССР. Были неприятные моменты украинизации, но на Киев, как и на Баку и Тбилиси, всегда находилась управа в Москве. Зато усилиями всего Союза в Закарпатье были построены десятки заводов, особенно электронной промышленности, крупное мебельное производство.

Когда началась перестройка, Рух не играл особой роли в Закарпатье. Осенью 1991 г. Закарпатье посетил Леонид Кравчук. Он сулил русинам «златые горы», если они проголосуют за незалежность Украины, и даже обещал автономию для Закарпатья.

В результате в ходе референдума 1 декабря 1991 года 92 % избирателей проголосовали за независимость Украины, но при этом 78 % высказались за автономию Закарпатья в составе Украины.

Как утверждает доктор философских наук, профессор, народный депутат Украины Иван Иванович Мигович, волеизъявление людей было грубо проигнорировано.

В 1921 г. из 604,5 тыс. человек русинами (или русскими) себя идентифицировало 62 % населения; украинцами — чуть более 1 %. Однако спустя четверть века при вхождении Закарпатья в состав Украинской ССР вопрос этнической принадлежности русинов был решен чисто административным методом: не по своей воле все они стали украинцами. И уже тогда власти Украины изъяли особый русинский язык из сферы образования, информации, официального делопроизводства. Но, несмотря на это, еще и сегодня большинство русинов общаются на языке своих отцов и дедов, на языке, который отличается от украинского, ничем ему не уступая в литературном отношении.

Более того, языковед, историк Николай Грицак составил словарь, который, к сожалению, до сих пор не издан; словарь из 240 тысяч русинских слов, и доныне употребляемых в крае. Это, кстати, почти в два раза превышает лексический состав украинского литературного языка!

Официальные филологи навязывают мнение, что это, мол, диалект украинского. Нет, русинский язык представляет собой уникальную ветвь, исходящую от старославянского, некогда официального языка Древней Руси. В русинском языке огромный массив старославянских слов. И несмотря на то что многие стали уже архаизмами, они по-прежнему воспринимаются людьми.

Обострение русинской проблемы имеет много причин, и одна из них — это социально-экономический кризис региона. Развалена промышленность, жалкое существование влачит сельское хозяйство, массовая безработица, неконтролируемые миграционные процессы. Сейчас большая часть населения Закарпатья не имеет постоянной работы! Раньше была единая страна, единое гражданство; ты был полноценным человеком, мог поехать на Урал, в Сибирь, получить достойную работу. Теперь этого нет. Ну а в Европе к «заробітчанам» относятся, как к людям третьего сорта.

Следующая причина — приватизация. Самые выгодные предприятия, отрасли захватили более предприимчивые соседи из Галиции или киевские дельцы. Крайне негативную для Закарпатья роль в этом процессе сыграли Медведчук и Суркис. Будучи народными депутатами, они сумели прибрать к рукам и минеральные воды, и мебельные предприятия — все лакомые кусочки. Сегодня Медведчук открещивается, говорит, что у него нет своих структур. Но не секрет, как это делалось через подставных лиц. И кто представляет там его интересы? А хозяйственники, руководители-патриоты

края, оказались не у дел.

Далее — насилие в культуре, которое началось с 1990-х гг., оголтелая украинизация, десанты из Львова, разрушение памятников… Все это чуждо закарпатцам; они люди культурные, толерантные, они не воспринимают эту дикость.

Сейчас в Закарпатье около 800 тысяч русинов. По сведениям протоиерея Дмитрия Сидора, на 1300 тысяч всех жителей Закарпатской области приходится свыше миллиона христиан, из которых 65 % православных Украинской православной церкви Московского патриархата, 20 % — греко-католиков, примерно 2 % — римско-католиков и остальные — протестанты и последователи автокефальных церквей.

Ну а что балакают по поводу русинов «щирые» украинцы? В Интернете и прессе распространяются заявления профессора Ужгородского университета Михаила Тиводора: «Закарпатская Украина, которая была политически оторвана от основного украинского этнического массива, выжила, потому что определяла свое этническое сознание как русское (русские люди, русский язык, русская вера и т. п.), то есть используя современную терминологию — украинское сознание».

Браво, пан профессор! Только об этом надо говорить не в Ужгороде, а в Киеве на майдане Незалежности (бывшем Козьем болоте). Действительно, всегда были «русские люди, русский язык, русская вера и т. п.», но язык здорово засорили своими словами ляхи, турки и татары, а в XX в. Грушевский с Кагановичем ввели «современную терминологию» — «украинские люди», «украинский язык», «украинская вера» и т. п.

Ранее же термин «Украина» был только краевым топонимом, которым называли граничащие с Диким Полем средненадднепрянско-восточноподольские земли — казацкие территории. Он и означал, собственно, «граница», а не «окраина» или «страна», о чем детально писал еще Михаил Грушевский.

Между прочим, до XIV в. междуречье Волги и Оки называли на Руси «Залесская Украина», и населяли ее славяне, вятичи и кривичи, финноязычные народы меря, мещёра, мурома.

А как быть с «амурскими украинами» царя Алексея Михайловича, часто упоминавшимися в казацких челобитных XVII в.?

В середине XIX в. в записанной на Черниговщине песне кобзаря Андрея Шута «Хмельницкий и Василий Молдавский» говорится: «Що ж то в нас гетьман Хмельницький, русин».

Глава 15
Как Крым стал украинским

В самом начале 1954 г. Н. С. Хрущев буквально огорошил население полуострова, объявив о присоединении автономной Крымской области, издавна входившей в состав РСФСР, а еще раньше — Российской империи, к Украине. Произошло это по решению Хрущева в связи с общесоюзными торжествами, связанными с трехсотлетием воссоединения Украины с Россией, провозглашенного 8 января 1654 г. гетманом Украины Богданом Хмельницким на Переяславской Раде.

Вскоре после обнародования соответствующего указа в Крыму стали появляться надписи и вывески на украинском языке, дублирующие русские названия. Поначалу ничего, кроме недоумения и неудобства, у населения они не вызывали. Но потом крымчане свыклись с ними, так и не усвоив в своем житейском обиходе украинские названия, а используя привычные — русские. Приезжие, правда, удивлялись, видя двойные наименования: «Как, разве вы относитесь к Украине?… Странно!..» Население же всегда смотрело на «укранизацию» Крыма и особенно Севастополя как на явно несерьезное решение «верхов», принятое ими на каком-то застолье с обильного возлияния.

Замечу, что подобное дарение русских земель нашими властителями — не новость. Так, в 1810 г. император Александр I решил сделать подарок новоприсоединенной Финляндии и подарил ей Выборгскую губернию. Эта территория принадлежала Руси еще в V–XIII вв., а позже была захвачена шведами, но возвращена России Петром I в ходе Северной войны.

Логика Александра I и его советников была незатейлива — Выборгская губерния переходила из одной части Российской империи в другую. Видимо, также мыслил и Хрущев, «даря» Крым Украине.

Однако, воспользовавшись временным ослаблением нашей страны, финны отторгли Выборгскую губернию от России. Возвращать ее пришлось большой кровью в 1939–1940 гг. и в 1944 г. Аналогия с Крымом не может не напрашиваться!

Однако в целом ряде статей, опубликованных в начале XXI в., говорится и о другой мотивировке поступка Хрущева[439].

В начале 1920-х гг. в Крыму появилась американская еврейская организация «Джойнт», предложившая советскому правительству

предоставить большие займы в обмен на создание в Крыму еврейской автономии.

С 1922 г. в Симферополе функционировал филиал банка «Агро-Джойнт», финансировавший перемещения новых еврейских переселенцев, а также подготовку национальных кадров в учебных заведениях Крыма. В Джанкое обосновался крупнейший филиал фирмы «Агро-Джойнт». Именно в это время в степном Крыму появилось более 150 поселков, которые заселялись исключительно «лицами еврейской национальности».

Деятельность эта вскоре приобрела масштабы межгосударственных отношений. В 1923 г. в СССР и США почти одновременно начали обсуждать идею создания национальной автономии и переселения евреев из Белоруссии, Украины, России на земли в район Черного моря. Согласно найденным в архивных собраниях Крыма документам, а также другим источникам, сейчас можно отчасти восстановить ход тех давних событий.

О переселении евреев в Крым активно заговорили в элитарных кругах столичной интеллигенции. Из Америки прибыл один из руководителей «Джойнта», выходец из России Розен, убеждавший председателя Крым ЦИК Гавена выделить в качестве эксперимента пустующие земли для переселения тысячи еврейских семей в обмен на финансовую и техническую помощь. Катастрофическая ситуация в Крыму, сложившаяся после голода 1921–1922 гг., отсутствие помощи из Центра не оставляли руководителям Крыма возможности для выбора.

Одним из главных идеологов реализации идеи стал видный член Советского правительства Юрий Ларин (Михаил Лурье), уроженец Симферополя, будущий тесть Н. И. Бухарина. Им разрабатывался план создания еврейской республики в Крыму и расселения на его территории 280 тысяч евреев. В то же время через близкого Марии Ульяновой и Николаю Бухарину по редакции газеты «Правда» Абрама Брагина, руководителя еврейской секции РКП(б), была поднята пропагандистская шумиха вокруг «Еврейского павильона» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. Финансировал его все тот же «Джойнт». Примечательно, что в свой последний приезд в Москву в октябре 1923 г. полупарализованный Ленин объехал еврейскую экспозицию на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Анализ заказываемой в то время литературы для Ленина свидетельствует о повышенном его внимании к еврейскому вопросу и Крыму.

В ноябре 1923 г. Брагин подготовил проект документа, в соответствии с которым к десятилетнему юбилею Октябрьской революции предлагалось образовать автономную область евреев на территории Северного Крыма,

южной степной части Украины и Черноморского побережья вплоть до границ Абхазии, общей площадью 10 млн десятин, с целью переселения сюда 500 тысяч евреев. На его основе Брагин, Розен и замнаркомнаца Бройдо представили через Льва Каменева в Политбюро докладную записку, в которой подчеркивалось, что образование еврейской государственности «окажется политически выгодным для Советской власти». В случае реализации замысла авторы записки гарантировали поступление десятков миллионов долларов «через посредство еврейских, американских и международных организаций», так как это «вызовет небывалый интерес всех экономически и политически мощных организаций в Америке и Европе».

Политбюро неоднократно обсуждало проект. Активными его сторонниками выступали Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, а также Цюрупа и Чичерин. В ходе обсуждения акцент постепенно сместился на использование Крыма, так как на Украине еще свежи были воспоминания о еврейских погромах времен Гражданской войны и не исчезла опасность повторения тех трагических событий.

В январе 1924 г. речь уже шла об «автономном еврейском правительстве, федерированном с Россией», был подготовлен проект декрета о создании в северной части Крыма Еврейской Автономной ССР. Еврейское телеграфное агентство (ЕТА) 20 февраля 1924 г. распространило за рубежом соответствующее сообщение.

С началом Великой Отечественной войны одним из важнейших вопросов стало пропагандистское и общественно-политическое обеспечение обороны страны.

«Крымская проблема» обсуждалась с американцами практически на каждой серьезной встрече. Речь шла о проекте «Крымская Калифорния», не осуществившемся до войны, но реанимированном в 1943 г. Так, Д. Розенберг признался во время беседы: «Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым — это Черное море, Балканы и Турция». Судя по всему, делегации ЕАК дали понять, что приближается время выплаты долга СССР, но ситуацию можно изменить в случае возвращения к идее создания в Крыму еврейской республики. Речь шла о поддержке на фантастическую сумму — 10 миллиардов долларов!

После возвращения Михоэлса в Москву проект «Крымская Калифорния» перешел на новую стадию. В феврале 1944 г. на стол Молотова ложится документ, написанный в Москве, в доме на Кропоткинской, 10, штаб-квартире Еврейского антифашистского комитета. Там говорилось:

«Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем:

1. Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма.

2. Заблаговременно, до освобождения Крыма назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса.

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание этому вопросу, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

Председатель президиума Еврейского антифашистского комитета СССР *С. Михоэлс*

Ответственный секретарь *Ш. Эпштейн*

Заместитель председателя президиума *И. Фефер*

15 февраля 1944 г., Москва».

Молотов отправил в архив письмо ЕАК, но не саму идею. В июне 1944 г. в Москве состоялась встреча Эрика Джонстона и американского посла Аверелла Гарримана со Сталиным и Молотовым. Американцы предложили инвестировать в экономику Крыма 10 млрд долларов, а также создать там республику, куда могли бы переселяться евреи со всего мира. Шла речь и о Михоэлсе как возможном руководителе этой республики. Сталин настаивал, чтобы инвестиции направлялись не только в Крым, но и другие районы СССР, пострадавшие в результате войны, и, в свою очередь, предложил фигуру Кагановича на пост лидера республики.

До июня 1945 г. «Крымский проект», казалось, оставался в силе и в перспективе мог стать ключевым условием распространения на СССР «плана Маршалла». Идея создания в Крыму еврейской республики при поддержке США получала все более широкое хождение и среди советских евреев. Центром этих настроений по-прежнему являлся ЕАК во главе с Михоэлсом. Отдельные его руководители начали неосторожно распределять между собой высшие посты в будущей республике.

30 июня 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область РСФСР. Когда в ноябре 1945 г. Гарриман попытался связаться со Сталиным через Молотова, чтобы обсудить вопросы экономического сотрудничества, его просьба о личной встрече была отклонена: Сталин уже выбрал иную политическую линию. СССР стал активно выступать в поддержку создания государства Израиль на части территории Палестины.

Срок возвращения долга «Джойнту» истекал в 1954 г., когда Сталина

уже не было в живых. «Советский Союз, восстанавливавший разрушенное войной народное хозяйство, — пишет Борис Сибирский, — едва ли мог завершить все выплаты по займу в положенные сроки. Назревал крупный скандал как для СССР, так и для „Джойнта“, нежелательный для обеих сторон. Ни одна из них не хотела оглашения всех подробностей „Крымского проекта“.

Решение Н. С. Хрущева о передаче Крыма Украине в связи с 300-летием воссоединения России с Украиной оказалось, как говорится, „дорогим яичком ко Христову дню“. Это был удачный случай, позволяющий СССР разрешить весьма сложную проблему, тяготевшую над советским руководством с начала 1920-х годов. Хрущев воспользовался тем, что при составлении договора между СССР и „Джойнтом“ не была предусмотрена возможность передачи Крыма из состава РСФСР под юрисдикцию Украины. Кроме того, решение о переселении евреев в Крым принимал ВЦИК РСФСР, а его решение для Украины не было обязательным. Таким образом, передав Крым Украине, правительство СССР обретало формальное право закрыть, и теперь уже навсегда, вопрос об обязательствах Советского Союза перед еврейскими организациями в США о создании в Крыму еврейской государственности».

Материалы о том, как Хрущев решил передать Крым Украине, до сих пор секретные, поэтому я не могу оценить, насколько повлияла на проблему история с «Джойнтом». Но в любом случае Никита Сергеевич грубо нарушил конституции СССР, УССР и РСФСР, что было официально подтверждено Постановлением Верховного Совета России от 21 мая 1992 г.

Крымские татары, высланные в Среднюю Азию весной 1944 г., уже в 1960–1970-х гг. стали проникать на территорию Украины и Крыма. Добавлю, что у татар куда более высокий уровень рождаемости, чем у русских и украинцев. В результате в 1970 г. на Украине проживало 3,5 тысячи крымских татар; в 1979 г. — 6,6 тысячи, а в 1987 г. — 47 тысяч, то есть численность татарского населения возросла в 13,4 раза.

При этом надо заметить, что количество украинцев в целом по Украине с 1979 по 1989 г. выросло на 2,4 %, русских — на 8,3 %, а представителей некоторых национальностей (например, евреев, поляков, греков) уменьшилось[440]. На 1989 г. в Крыму проживало 26 % украинцев и 67 % русских.

За колонками цифр и официальной статистикой СССР надо различать украинцев-«западанэцев» и людей с восточной Украины, которые по различным субъективным причинам записывали себя в анкетах в украинцы, но говорили по-русски и считали русскую культуру своей.

Киевские власти с чувством глубокого удовлетворения прикарманили Крым, отданный им Ельциным в Беловежской Пуще. Но вот что с ним делать, они просто не знают. «Согласно данным опроса, проведенного сотрудниками Крымского Центра гуманитарных исследований (КЦГИ) в 1994 г., на вопрос „Каким вы видите будущее Крыма? „31 % крымчан ответили — в рамках бывшего СССР; 43 % — в составе России; 17 % хотят видеть Крым самостоятельным государством, и только 9 % связывают будущее Крыма с его существованием в составе Украины“»[441].

Естественно, в Киеве больше всего мечтают об украинизации Крыма. Для этого проводятся самые различные мероприятия — от закрытия русских школ на полуострове и замены их украинскими до предложения нынешнего президента Ющенко формировать украинский флот только «западэнцами» с тем, чтобы они обязательно привезли с собой невест с Западной Украины. Тот же Ющенко предложил расчленить Севастополь. При этом Балаклавский район города будет присоединен к Ялтинскому району, Северная сторона отойдет к Евпаторийскому району, а Инкерманский район — к Бахчисарайскому району. А территория Севастополя будет сведена к его историческому центру.

Однако ни эти, ни другие мероприятия по «украинизации» Крыма не дают особого эффекта. Поэтому киевские политики с 1991 г. разыгрывают «татарскую карту».

Председатель Народного Руха Украины В. Чорновил открыто заявил: «Преобразование республики Крым из территориальной в национальную, крымско-татарскую — совпадает с позицией Руха по этому вопросу. Именно эту идею мы проповедуем, отстаиваем, стремимся реализовать, поощрять возвращение татарских семей из республик бывшего СССР и Турции и этим постепенно изменять в процентном отношении этническую ситуацию в Крыму в пользу крымских татар»[442].

В ходе выборов в Верховную Раду Украины в 2002 г. «…сторонники В. Ющенко и его блока „Наша Украина“ устраивали в Киеве митинги под лозунгами „Лучше Крым татарский, чем москальский“»[443].

С 2004 г. киевские власти выдают украинские паспорта десяткам тысяч крымских татар, проживающим в Узбекистане, и выделяют средства для переселения их в Крым. Тот же Ющенко предложил переселить несколько десятков тысяч татар из Узбекистана в… Севастополь!

Татары незаконно создали в Крыму свои государственные органы, тот же меджлис и вооруженные отряды. Еще в октябре 1992 г. в интервью газете «Остров Крым» Мустафа Джемилев глубокомысленно заявил: «Если

начнутся открытые нападения — всякое может быть, — у нас найдется все — и отряды, и военные специалисты. Кроме того, мы получили заверения от некоторых общественных организаций, которые я не буду сейчас называть, что в случае чего они могут прийти на помощь».

Крымские татары давно бы устроили из Крыма Косово, но дело в том, что полуостров живет в основном за счет туризма и Российского флота, базирующегося там. Так, к примеру, бюджет города Севастополя в 2005 г. на 60 % составлен из поступлений из Российской Федерации. Начнись в Крыму партизанские действия — и о туризме можно забыть на долгие годы. Стоит упомянуть, что западных туристов в Крыму отдыхает крайне мало, а основные деньги крымчанам приносят туристы из Российской Федерации, которые в Крым ездят по привычке. Да и я сам грешен — считаю Крым своей второй родиной. Я отдыхал там с 8-го класса, облазил почти все побережье от Феодосии до Балаклавы.

Естественно, татары боятся зарезать курицу, несущую золотые яйца. Поэтому они пока лишь изредка применяют грубую силу. Речь идет о погромах государственных органов, самозахватах земель и т. д.

Российскому обывателю трудно понять словосочетание «самозахват земель». А крымские власти куда смотрят? На самом деле механизм самозахвата крайне прост. Приезжает, скажем, из Узбекистана, татарский клан из двух-трех десятков семей и селится на приглянувшемся участке крымской, в основном заповедной земли. Живут себе поживают в палатках и фанерных домушках, не обращая ни малейшего внимания на требования властей освободить территорию заповедника. Если же власти грозят применить силу, то объявляется коллективная голодовка всего клана, и моментально откуда ни возьмись налетает толпа журналистов, в том числе и западных, чтобы запечатлеть «несчастных людей, готовых умереть голодной смертью, но на родной земле». Во избежание международного скандала крымские власти вынуждены отступить. И вот уже на месте палаток и времянок строятся капитальные каменные дома, проводятся коммуникации — на карте Крыма появился новый татарский поселок. Любопытно, что через пару лет от 30 до 50 % «захватчиков» продают землю предков и пускаются в новые авантюры.

Татары требуют для себя особый статус в Крыму. Программа-минимум татарских националистов — создание автономной татарской республики в Крыму в составе Украины, а программа-максимум — создание независимого татарского государства. Какого? Ясно — мусульманского, и, скорее всего, ханства. Недаром в Турции уже в 1990-х гг. начали ставить памятники ханам Гиреям. (С опозданием на 200 лет!)

В 1991 г. на 2-м Курултае крымских татар была принята Декларация о национальном суверенитете крымских татар. В ней недвусмысленно говорится: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа (все остальные „коренные“, понятно, не в счет), на которой ТОЛЬКО ОН (татарский народ — *А. Б.*) обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его (ТАТАРИНА) суверенном национальном государстве».

Уже сейчас наряду с официальной властью в Крыму есть параллельная власть во главе с центральным «Меджлисом крымско-татарского народа». Ему подчинена сеть региональных меджлисов: городских, районных и сельских.

Украинские власти не рискнули дать Меджлису официальный статус, поскольку это противоречило бы конституции Украины и подтолкнуло бы другие народы, тех же русских, к созданию аналогичных органов. Тогда самостийники пошли на хитрую уловку. Они создали «Совет представителей крымско-татарского народа при Президенте Украины» (СПКН), таким образом фактически легализовав Меджлис, все члены которого вошли в состав Совета (СПКН).

Надо ли говорить, что представители Меджлиса разъезжают по миру, где встречаются и ведут переговоры с высокопоставленными лицами не только мусульманских стран, но и ряда стран НАТО.

Татары требуют создания этнократического государства в Крыму. Высшей расой там должны быть татары, а все остальные — чем-то вроде «неграждан» в Прибалтике. Идеологическим обоснованием этого является утверждение, что крымские татары — коренная нация, а все остальные — чужаки. Кроме того, десятки тысяч татар были насильственно выселены из Крыма и за это должны теперь иметь особые права.

Маленький штришок: татарские лидеры столь малограмотны, что в своих претензиях постоянно используют словосочетание «депортированы с территории Украины». О том, что такое депортация, я уже писал, а вот сообщили бы они хоть одну фамилию татарина, действительно депортированного с территории УССР в 1944 г. — Крым тогда был в составе РФСР!

Татары требуют реституции, то есть возвращения собственности, утерянной ими в 1944 г. Причем платить им должна не столько Украина, сколько Россия.

Представим себе картинку: Татарин N требует компенсацию за дом,

который еще в 1941–1944 гг. ему подарили немцы, или он сам захватил. Ранее этот дом принадлежал русскому, еврею или украинцу, убитому немцами или татарами. И теперь Россия должна платить пособнику фашистов.

С 1991 г. Крым находится в метастабильном состоянии, которое, видимо, продлится, еще не один год. Единственный разумный выход — это предоставление Крыму независимости под патронажем России и Украины, исключая любые проникновения туда третьих стран.

Глава 16
Военный вектор независимости

По официальным данным Министерства обороны Украины, национальные вооруженные силы независимого государства создавались согласно принятым 6 декабря 1991 г. Верховным Советом Украины законам «О Вооруженных Силах» и «Об обороне» на базе тех воинских объединений, соединений и частей, которые дислоцировались в трех военных округах, существовавших на момент распада СССР на территории Украины, — Киевского, Прикарпатского и Одесского. В их составе имелись три общевойсковые и две танковые армии, четыре воздушные армии, армия ПВО, а также армия РВСН[444] и полки стратегической авиации.

В 1991 г. здесь дислоцировались 780 тысяч солдат, 9293 танка, около 11000 БТР и БМП, 18240 артиллерийских систем, около 2000 самолетов и 800 вертолетов (без учета ВВС Черноморского флота). Для маневра авиации на территории Украины имелось 85 аэродромов, из которых 4 — сверхклассные, 55 — первого класса, 25 — второго класса, 26 аэродромов гражданской авиации. Силы РВСН и Стратегической авиации включали в себя 43-ю ракетную армию (19-я и 46-я ракетные дивизии) со 176 стратегическими ракетами, шахтные и мобильные установки с 1240 ядерными боеголовками и 43 стратегических бомбардировщика (19 единиц Ту-160 и 25 единиц Ту-95 мс) с 1068 крылатыми ракетами, которые организационно входили в 13-ю и 106-ю тяжелые бомбардировочные авиационные дивизии. В составе ПВО находилось около 140 зенитно-ракетных комплексов.

Фактически это был захват примерно четвертой части вооружения Советской армии. В начале 1992 г. правительство Ельцина бросило на произвол судьбы части Советской армии, находившиеся в союзных республиках.

Разумеется, не все офицеры согласились служить в «незалежной» армии. Так, в январе 1992 г. шесть истребителей-бомбардировщиков Су-24 взлетели с авиабазы Староконстантиновка на Украине и перелетели на территорию Российской Федерации. Их летчики доставили на Родину не только машины, но и знамя части.

Увы, «демократическая» Россия забыла героев. Героями России стали те, что из танковых пушек расстреливал Белый дом, а из пулеметов —

толпы безоружных людей у Останкина.

Десятки тысяч офицеров уволились в запас, чтобы только не вступать в Вооруженные Силы Украины. Но многие приняли украинскую присягу и при этом положительно ответили на вопрос, будут ли они воевать с Россией.

К концу 2004 г. численность Вооруженных Сил независимой Украины составляла около 300 тысяч военнослужащих и 90 тысяч гражданских лиц. Сухопутные войска Украины насчитывали 150 тысяч солдат в составе 16 дивизий и большого количества отдельных частей и подразделений, которые сведены в 5 корпусов и 3 оперативных командования. На вооружении состояло около 4 тысяч танков, 4360 бронемашин, 280 ударных вертолетов. Военно-воздушные силы Украины располагали 800 самолетами разных типов и насчитывали около 100 тысяч человек личного состава. Военно-морские силы Украины насчитывали 18 тысяч моряков и располагали на конец 2004 г. 31 боевым кораблем, одной подводной лодкой и 54 судами обеспечения.

Общая численность МВД Украины составляет 387 тыс. человек. Еще 44 тыс. человек служат во внутренних войсках, организационно подчиненных МВД. Подразделения внутренних войск Украины оснащены бронетехникой, артиллерией и авиацией и организационно состоят из шести территориальных командований, каждое из которых, в свою очередь, состоит из двух-трех оперативных полков и мотополков милиции, включая несколько отдельных батальонов. В милиции и внутренних войсках наиболее боеспособными являются части спецназа.

Непосредственно МВД подчинены отряд спецназа «Сокол» и полк «краповых беретов» «Беркут» (до 600 человек, включая антитеррористическую спецроту). Отряды быстрого реагирования «Беркут» (аналог российского СОБРа) имеются во всех региональных управлениях милиции.

Кроме того, в Киеве расквартирован отдельный полк спецназа внутренних войск «Барс» (резерв министра внутренних дел). В состав внутренних войск также входят полки спецназа «Ягуар» (Винница), «Гепард» (Запорожье) и горнострелковые батальоны спецназа «Кобра» (Симферополь) и «Лаванда» (Балаклава).

По оценкам украинской прессы, в целом из-за плохого материально-технического снабжения, устаревшего вооружения, низкой профессиональной подготовки и отсутствия боевого опыта Вооруженные Силы Украины вряд ли можно считать боеспособными.

По данным Украинского центра экономических и политических

исследований (УЦЭПИ), задолженность государства Министерству обороны достигает 90 % от годового бюджета последнего и составляет более 180 млн. долларов. В докладе УЦЭПИ указано, что если ситуация с финансированием армии не изменится, то после 2005 г. около двадцати основных типов вооружений и военной техники выработают свой технический ресурс. На конец 2005 г. в Вооруженных Силах Украины капитальный ремонт требовался для 70 % типов вооружения, 40–50 % техники морально устарело, украинская промышленность не производит много типов запасных частей для вооружения и военной техники.

Конкретизируя эти сведения, авторы доклада отмечают, что в ВВС в рабочем состоянии находится меньше 40 % самолетов, через три года их количество сократится до 15–25 %. В армейской авиации исправно лишь 6,5 % вертолетов. В системе ПВО 50 % техники признано устаревшей. В ВМС почти все корабли требуют заводского ремонта. По мнению специалистов УЦЭПИ, если ежегодно системы вооружений украинской армии не будут обновляться на 4–5 %, то Вооруженные Силы будут полностью небоеспособными.

По мнению авторов доклада, при сохранении численности Вооруженных Сил Украины в существующих масштабах на закупку и эксплуатацию вооружения и военной техники необходимо ежегодно затрачивать 2–3 млрд долларов, а по стандартам НАТО — 5,5–7,5 млрд долларов. Однако эта сумма превышает годовой бюджет Украины. В 2000 г. на нужды Министерства обороны планировалось выделить всего 240 млн долларов. По меркам НАТО этой суммы недостаточно даже для поддержания боеготовности одной дивизии.

Боевая подготовка личного состава осуществляется не в полном объеме. В течение семи лет в Вооруженных Силах Украины ни разу не проводились учения по мобилизационному развертыванию. Горюче-смазочных материалов, выделяемых Вооруженным Силам Украины, хватает лишь на обеспечение бытовых нужд войсковых частей.

Причины столь плачевного состояния армии эксперты УЦЭПИ видят в слишком большой численности силовых структур Украины. По их оценке, военнослужащим является каждый двадцатый гражданин страны.

3 июля 2004 г. в газете «День», близкой к тогдашнему министру обороны Украины Евгению Марчуку (его супруга Лариса Ившина — главный редактор этого издания), появилась большая статья главы оборонного ведомства.

«Сегодня Украина по численности Вооруженных сил занимает 13-е место в мире, а по величине оборонного бюджета — 126-е, — писал Е.

Марчук. — В Украине предусмотрено 2,6 тысячи долларов США расходов на одного военнослужащего в год, в Румынии — 8,46 тыс., в Польше — 27,9 тыс. во Франции — 91 тысяча долларов США в год…

Сегодня у нас самые большие Вооруженные Силы в Европе, но денежное содержание офицеров армии на 30 % меньше, чем у коллег из других формирований Украины… За 12 лет Независимости Вооруженных Сил Украины закупили для себя: танков — ни одного, самолетов и вертолетов — ни одного, автомобилей — 20 единиц, ракетно-артиллерийского вооружения — 17 единиц…

Ежегодно выделяется средств на закупку горюче-смазочных материалов всего — 10–14 %, вещевого имущества — 23 %, на продовольственное обеспечение — 60–70 % от нормативных потребностей. Авиационного керосина для обучения летчиков — 2 процента от потребности. Офицеры, прапорщики, „контрактники“ до дивизии включительно обеспечиваются только полевой формой одежды…

Сегодня в наших Вооруженных Силах старших офицеров больше, чем младших, и больше офицеров по отношению к другим военнослужащим. По количеству генералов на одну тысячу военнослужащих мы тоже первые в Европе…

Формируется обидный для большинства военных феномен — наши Вооруженные Силы становятся источником опасности для нашего общества. Свидетельство чему — трагедии с Ту-154 над Черным морем и Су-27 в Скнилове, падение ракеты в Броварах, взрывы около Артемовска или Мелитополя».

Кавгусту 1991 г. Черноморский флот имел 1300 с лишним соединений, частей и подразделений, 500 самолетов, более 100 кораблей, более 70 тысяч человек личного состава, в том числе 2 тысячи морских пехотинцев, и имел операционную зону, включавшую Черное, Азовское и Средиземное моря и часть Атлантического океана.

Соединения и части флота, судостроительные и судоремонтные заводы, а также объекты тыла размещались в Болгарии, Измаиле, Одессе, Николаеве, Очакове, в Крыму, на Кавказском побережье до Поти включительно. Приданные полки авиации и авиация флота базировались в Молдавии, на юге Украины и на Северном Кавказе. Специальная авиация находилась в Каспийске. Таким образом, силы Черноморского флота базировались на территории пяти союзных республик.

19 января 1992 г. в Севастополь прибыли группы народных депутатов Российской Федерации, которые заявили о недопустимости раздела Черноморского флота. А 27 января на Черноморский флот явился лично

Ельцин. Во время посещения крейсера «Москва» он заявил: «Будем подписывать соглашение с Украиной, но Севастополь не отдадим. Вам надо стоять».

6 января было принято постановление парламента России № 2293-1 «О единстве Черноморского флота».

14 февраля на встрече глав государств СНГ в Минске при подписании документов по военным вопросам президент Украины Кравчук заявил: «Мы имеем право создать свой флот на базе части сил Черноморского флота. Мы никогда не заявляли, что хотим присвоить весь Черноморский флот».

В первой половине 1995 г. руководство Украины предприняло попытку захватить Черноморский флот. Дело могло кончиться или капитуляцией России, или полномасштабной войной между бывшими братскими государствами. Любопытно, что правительства и СМИ обоих государств помалкивали об этом противостоянии. Информация об этом всплыла совершенно случайно в ходе многоходовой детективной истории.

В начале апреля 2005 г. вооруженный отряд СБУ[445] попытался взять штурмом НИИ Главного управления разведки (ГУР). Однако они были остановлены 10-м отрядом спецназа ГУР, и лишь случайно не дошло до применения оружия. Тогда СБУ прибегло к несанкционированным обыскам на квартирах сотрудников лаборатории и медицинской службы ГУРа (все проходят по делу как свидетели), бесконечным допросам с пристрастием и призывам к «явке с повинной». Пристрастие следователями СБУ и Генпрокуратуры периодически сменялось на предложения о «сотрудничестве»: обвинить (на выгодных условиях) руководство ГУР и начальника лаборатории Игоря Смешко в причастности к отравлению Ющенко.

Судя по всему, секретная лаборатория действительно занималась ядами, но никакого отношения к отравлению Ющенко не имела. Мало того, украинские СМИ сомневаются в самом факте отравления.

Депутат Рады Сивкович заявил, что никаких данных в пользу отравления не найдено. В уголовном деле фигурирует изомер диоксинов: 23.7.8-тетрахлорбензопародиоксин. Такого соединения никогда не было на Украине. Оно даже в России дефицитно и имеется (по данным экспертов) в незначительных количествах в спецхранилищах. А вот в США этого «добра» тонны. Именно этот диоксин входил в состав рецептуры «Оранж», которым американские военные щедро посыпали джунгли Вьетнама, дабы вызвать опадение листвы, что упрощало борьбу с партизанами.

Дальше — больше. Диоксины, как утверждают специалисты, никогда

не относились к боевым и диверсионным ядам. Это отходы промышленного производства. В силу своих физико-химических свойств диоксины плохо растворимы в воде, спирте, жирах; они имеют очень резкий запах, похожий на запах ДДТ, но в 20 раз сильнее. И что очень важно — первые признаки отравления диоксинами развиваются через три недели после приема внутрь. Не знать этого господин Смешко как профессионал не мог, тем более имея специалистов высокого класса в области военной токсикологии.

И последнее. Внешний вид господина Ющенко в первые дни после «отравления» по единогласному мнению светил отечественной медицины говорил о наличии у него микроинсульта, который мог быть вызван какой-то нейроинфекцией — будь то специфический вирус герпеса или, как широко писали в те дни СМИ, осложнением после неудачного «омоложения» миотропными средствами типа «Ботокса».

Тем не менее секретная биологическая лаборатория ГУР была разогнана. Риторический вопрос, а зачем властям было ссориться с ГУР и какое отношение это имело к событиям в Крыму в 1995 г.?

Как мудро говорил Михаил Задорнов, все произошло из-за «бабок», в том числе и ссоры СБУ и ГУР. Кому-то из бизнесменов, имя держится в строжайшей тайне, приглянулся остров Первомайский, находящийся у входа в Днепро-Бугский лиман. Этот искусственный остров был создан русским Главным военно-инженерным управлением (ГВИУ) после Крымской войны. На острове построили мощные железобетонные форты и искусственную гавань. В годы Великой Отечественной войны этот форт долго сдерживал наступление немцев. А в 1961 г. на Первомайском был переведен 6-й МРП (морской разведывательный полк), так тогда назывался морской спецназ. Позже его переименовали в 17-ю бригаду специального назначения. В апреле 1992 г. бригада присягнула украинским властям. Позже ее переименовали в 73-й морской центр специального назначения (в/ч А-1594).

На острове морской спецназ тренировался, а офицерские семьи жили в комфортабельных квартирах в Очакове, всего в нескольких километрах от Первомайского.

И вот «незалежники» решили «толкнуть» остров. На Первомайском планировалось построить элитный яхт-клуб. Представьте себе: уединенный остров, мощные форты и удобная гавань — такое бывает только в кино!

В итоге остров Первомайский был продан, а бригаду перевели на сушу, около 30 % офицеров уволились. А кто-то слил в прессу любопытную информацию.

Оказывается, подразделения ГУР обеспечивали действия сторонников Ющенко в ходе так называемой «оранжевой революции». Тогда Ющенко проиграл второй тур президентских выборов Януковичу и вывел своих штурмовиков на майдан Незалежности. А ГУР осуществлял силовое прикрытие. Именно оперативники спецназа блокировали пути выхода на Киев колонн внутренних войск МВД Украины и изолировали командующего внутренними войсками МВД генерала Попкова. Именно оперативники ГУР провели ряд акций по взаимодействию с другими силовыми министерствами, дабы избежать кровопролития на Майдане. Именно медики ГУРа сопровождали все эти процессы, поддерживая высокий уровень боеспособности «героев»[446].

Заодно произошла и утечка информации о попытке захвата Штаба Черноморского флота в Севастополе. В июне 1995 г. такой приказ получил командир 17-й бригады спецназа Военно-морских сил Украины Анатолий Карпенко.

По версии С. Козлова[447] в штаб бригады поступило боевое распоряжение о подготовке и выводе пятнадцати групп в район базирования Черноморского флота, а также непосредственно в Севастополь. Одну из групп возглавил капитан 3-го ранга, Козлов называет его Александром.

Эта группа — в нее входили десять офицеров и мичманов — поступала в непосредственное распоряжение командующего ВМС Украины. Разведчики получили тротил (175 кг), заряды, магнитные мины, гранаты, вооружены они были автоматами Калашникова с приборами бесшумной и беспламенной стрельбы и бесшумными автоматическими пистолетами Стечкина.

В отличие от других украинских спецназовцев, которые демонстративно разгуливали по Севастополю, подчиненные Александра «косили» под гражданских. Правда, выход в город им ограничили. Личные документы отобрали, а взамен выдали карточки без фотографий, в которых говорилось: «Предъявитель принимает участие в учениях. Документы, вооружение и техника досмотру не подлежат».

Через месяц усиленной подготовки Александр получил распоряжение прибыть к командующему флотом Украины. Здесь, пишет дальше С. Козлов, «в присутствии группы старших офицеров и адмиралов Александру, не указывая пока сроков исполнения, поставили задачу подготовиться к захвату штаба Черноморского флота России и удержанию его до подхода главных сил».

Как развивались события дальше? О том, что соседи и вчерашние однополчане готовятся к диверсии, узнала разведка Черноморского флота…

В один прекрасный день Александра вызвали на КПП. Здесь его ждал незнакомец, который представился как человек Поденева. Поденева в Севастополе знали все — криминальный авторитет, негласный хозяин Крыма, бывший кагэбэшник. (Позже он погиб в одной из разборок.) Посланец Поденева перечислил Александру состав его группы, вооружение, пересказал поставленную перед ним задачу и в заключение показал фотографию жены Александра и маленького сына: «Вам все ясно?»

Офицеру было предложено, когда он получит приказ действовать, «позвонить по указанному телефону и, сказав время, назвать номер маршрута, по которому группа будет выдвигаться к объекту…» На маршруте их будет ждать засада, которая должна пленить разведчиков.

«Если вы сомневаетесь в моих полномочиях, я могу устроить вам встречу с командующим Черноморским флотом», — сказал посланник.

Он действительно был готов организовать «встречу в верхах», только не с командующим, уточняет С. Козлов, а с начальником штаба флота, личным другом Поденева.

Финал этой истории таков. Александр доложил командиру бригады о визите и спросил в лоб: «Мы что вам — пушечное мясо? Нас продали с потрохами!»

Капитан 1-го ранга Карпенко побежал разбираться в штаб, пообещав «всех перестрелять». После этого скандала корабли и группы спецназа ВМС Украины вернулись в Очаков.

По моим личным данным в Штабе Черноморского флота знали о готовящейся операции по захвату Штаба с минированием кораблей. Офицеры Штаба спали у себя в кабинетах с оружием. 810-я бригада морской пехоты России была готова вывести на улицы Севастополя бронетанковую технику.

Командование Черноморского флота решило кончить дело миром. Хотя политически было целесообразно дать возможность 17-й бригаде пустить в ход оружие, а затем, показав сие действо на весь мир по телевидению, потребовать вывода всех самостийных сил из Крыма с последующим всекрымским референдумом о статусе полуострова. Разумеется, последнее нужно было провести в присутствии наблюдателей из ОБСЕ, Турции и Киева.

Но Ельцин пошел по пути капитуляции. 9 июня 1995 г. президенты России и Украины встретились в Сочи, где подписали договор по Черноморскому флоту. В соответствии с договором флот России должен

был получить 81,7 % кораблей и судов флота, а ВМС Украины — 18,3 % соответственно. Раздел флотского имущества предлагалось вести по состоянию на 3 августа 1993 г., что было крайне невыгодно для России. В договоре особо подчеркивалось, что Черноморский флот Российской Федерации и ВМС Украины базируются раздельно. Севастополь — «основная» база Черноморского флота РФ, то есть уже не главная база, а по настоянию Украины — «основная». Там же размещался и штаб Черноморского флота РФ. По договору Российский флот также использует другие объекты в Крыму.

Не успели высохнуть чернила на подписанных документах, как Украина развернула свой штаб в Севастополе и базирование своих сил в нем.

Руководство РФ первоначально предполагало сделать все севастопольские бухты военно-морскими базами России. Тем более что для базирования небольшого украинского флота на окраине города было несколько бухт — Карантинная, Стрелецкая и другие, где и до распада Советского Союза базировались корабли Черноморского флота. Я уж не говорю о том, что у Украины достаточно военно-морских баз в Балаклаве, Донузлаве, Феодосии, Керчи, Одессе, Очакове и др. Россия же с 1991 г. располагала лишь одним портом на Черном море — Новороссийским. Но этот порт по ряду географических причин не может служить нормальной базой Черноморского флота, и, кстати, за двухсотлетнюю историю там никогда не базировались русские корабли.

Из-за уступок Ельцина в Севастополе создалась чересполосица — тут причал кораблей Черноморского флота, а рядом — украинских ВМС, опять — Черноморский флот — опять Украинские ВМС и т. д. Я сам почти ежегодно бываю в Севастополе, но до сих пор не могу точно понять, где кончается территория одного флота и начинается территория другого флота. То же положение и с причалами, со складами, различными береговыми службами, культурными объектами и т. д.

Спору нет, при добрых отношениях обеих стран такое базирование Черноморского флота не вызовет проблем, но, увы, в Киеве думают совсем иначе. Украинские власти постоянно устраивают провокации в Севастополе.

В 1991 г. правительство США было крайне озабочено тем, что в случае развала СССР «ядерный клуб» пополнится еще несколькими странами, да еще с нестабильными режимами. Тут был один из немногих моментов, когда интересы США и Российской Федерации совпадали.

В итоге еще до развала СССР тактическое ядерное оружие было

полностью вывезено с территорий союзных республик, а термоядерные боеголовки межконтинентальных баллистических ракет и крылатых ракет бомбардировщиков переданы Украиной России уже после 1991 г.

Руководство Украины в 2005 г. решило создать свои «неядерные силы сдерживания». Во 2-й половине XX в. США и СССР силами сдерживания именовали межконтинентальные ракеты и бомбардировщики среднего и дальнего радиуса действия.

Теперь же на Украине хотят создать крылатую ракету «Коршун» с круговым вероятным отклонением порядка нескольких метров. Откуда же на Украине, хронически испытывающей финансовые трудности, найдутся средства для производства сотен «Коршунов»?

Начну по порядку. Эскизное проектирование малогабаритной низколетящей стратегической крылатой ракеты Х-55 было начато в МКБ «Радуга» еще в 1971 г. Полномасштабная разработка Х-55 началась в середине 1976 г.

По назначению ракета Х-55 аналогична американской крылатой ракете AGM-86B, но имеет принципиально иную конструкцию.

Аэродинамическая схема нормальная самолетная со складывающимся прямым крылом. Длина ракеты около 6 м. Максимальный диаметр фюзеляжа 0,51 м Размах крыла 3,1 м. Стартовый вес около 1250 кг. Вес боевой части 410 кг. Мощность спецзаряда 200–250 кт.

Двухконтурный турбореактивный двигатель Р-95-300 расположен на выдвижном подфюзеляжном пилоне (в нерабочем положении находится внутри ракеты).

В конструкции ракеты применены технологии, позволяющие снизить радиолокационную и тепловую заметности — обшивка носовой части фюзеляжа, крыла и оперения изготовлена из специальных радиопоглощающих материалов.

Маршевая скорость ракеты около 840 км/ч. Маршевая высота полета 40-110 м. Дальность стрельбы до 2500 км.

Система управления инерциальная с коррекцией по рельефу местности.

Официально самолет Ту-95МС с ракетой Х-55 был принят на вооружение 31 декабря 1983 г.

На вооружение советских ВВС поступили два типа носителей ракет Х-55: Ту-95 МС-6 с шестью ракетами на МКУ-6-5У и Ту-95МС-16 с шестью ракетами на МКУ-6-5У и десятью ракетами на внешней подвеске.

На базе ракеты Х-55 в МКБ «Радуга» была создана ее модификация Х-55СМ. Основное отличие Х-55СМ от базовой модели — дополнительные

топливные баки, размещенные симметрично по обе стороны фюзеляжа. Стартовый вес ракеты увеличился до 1,5–1,7 т, а максимальный диаметр фюзеляжа — до 0,77 м. Дальность стрельбы возросла с 2500 км до 3000 км. Остальные данные близки к базовой модели.

В 1987 г. начали поступать в эксплуатацию бомбардировщики Ту-160 с ракетами Х-55СМ. На каждом Ту-160 размещено по 12 ракет Х-55СМ на двух пусковых устройствах МКУ-6-5У Кроме того, ракеты Х-55СМ могут нести и бомбардировщики Ту-95МС-16.

До начала «перестройки» военное руководство СССР даже в кошмарном сне не представляло развала Советского Союза, и на Украине базировались стратегические бомбардировщики с ракетами Х-55.

Мало того, первые серии ракет Х-55 были изготовлены на Дубненском машиностроительном заводе, но серийное производство налажено на Харьковском авиазаводе (в настоящее время ХГАПП) и шло с 1980 г. по 1987 г.

По данным украинских СМИ, в 1991 г. российские специалисты вывезли из Харькова техническую документацию на Х-55. Допускаю, что такие попытки делались, но реально сделать это в том бардаке, который царил на Украине в 1991 г., было невозможно. Да и «верхи» в Киеве, и «низы» на заводе в Харькове вряд ли допустили бы вывоз всей документации.

По одним данным в конце 1999 г. 575 крылатых ракет воздушного базирования Х-55 и Х-55СМ было доставлено с Украины в Россию железнодорожным транспортом в счет погашения долга за поставки газа. Но по другим данным в 2000 г. 114 ракет были переданы России (вместе с самолетами Ту-95МС и Ту-160), остальные уничтожены до декабря 2001 г., а цифра 575 получена сложением числа ракет Х-55 и Х-22.

На самом же деле десятки ракет Х-55 так и остались на Украине. Мало того, наиболее «щирые» самостийники начали потихоньку приторговывать ракетами. Так, в 2001 г. было продано 18 крылатых ракет Х-55, из которых 6 ушло в Китай и 12 в Иран.

Факт этой сделки долго отрицался официальным Киевом. Однако в 2005 г. продажа 18 ракет была признана Генеральным прокурором Украины Святославом Пискуном. Президент Украины Виктор Ющенко подтвердил факт незаконной продажи крылатых ракет в Иран и Китай предыдущим правительством. «Я подтверждаю (факт продажи ракет) и делаю это с горечью», — заявил Ющенко в интервью американской телекомпании NBC.

Естественно, продажа ракет Х-55 крайне не понравилась США и

Израилю. Украинская сторона даже была вынуждена возбудить уголовное дело по сему факту. В прессе замелькали заметки о гибели в ДТП двух наиболее активных участников незаконной сделки. Но, увы, до сих пор общественность Украины и других стран так и не получила подробной и внятной информации о продаже 18 ракет Х-55.

А тем временем Государственное конструкторское бюро «Южное» им. М. К. Янгеля (в Днепропетровске) объявило о работах по модернизации ракеты Х-55. Новая модель, получившая наименование «Коршун», разрабатывается в трех вариантах: для воздушного, наземного и корабельного базирования. Ракета предназначена для поражения стационарных целей на земле и морских целей.

По весогабаритным характеристикам и общей конфигурации крылатая ракета имеет сходство с Х-55 и неядерной Х-555. Однако официальные лица в МКБ «Радуга» сообщили, что не участвуют в этом проекте Украины.

Крылатая ракета «Коршун» должна базироваться на самолетах, подводных лодках, надводных кораблях или наземных пусковых установках. Система управления автономная инерциальная, с аппаратурой спутниковой навигации. Снаряжение боевой части кассетное, с боевыми элементами контактного и неконтактного подрыва; кумулятивно-фугасное и осколочно-фугасное. Вес боевой части 480 кг.

Официально заявлено, что дальность стрельбы «Коршуна» не превышает 280 км, но это явно «липа», предназначенная для успокоения восточного соседа Украины. На самом деле дальность «Коршуна» будет не менее, чем у Х-55, то есть при наземном старте с территории Украины «Коршун» может поразить любую цель от Кольского полуострова до Урала и Кавказа.

Возникает естественный вопрос, зачем Украине, экономика которой и так лежит на боку, модернизировать и запускать в серийное производство дорогостоящую Х-55? Кое-кто на Украине болтает об экспорте «Коршуна». В самом деле, ракету с такими характеристиками с радостью купят не только Иран и Китай, но и КНДР, Индия, Пакистан, Сирия, Ливия, Чили, Аргентина и т. д.

Но если учесть, что США и страны НАТО не позволяют Российской Федерации экспортировать Х-55 в эти страны, то предположение, что они разрешать делать это Украине, выглядит, мягко говоря, ненаучной фантастикой.

Так что остается лишь одно реальное применение ракеты «Коршун»: программа-минимум — это шантаж Российской Федерации в мирное время, а программа-максимум — участие в какой-либо операции типа

«Буря в Пустыне», «Шок и трепет» или что-нибудь покруче.

Военный вектор Украины с 1991 г. направлен исключительно против России. Разумеется, в Киеве не желают, а наоборот, до смерти боятся полномасштабной войны с Россией.

Но, с другой стороны, постоянное состояние конфликта с Россией — единственный способ выживания киевской администрации и галицийских фашистов. Риторический вопрос, а как по-другому можно удержать конгломерат территорий, которые сотни лет находились в различных государствах и были собраны большевиками в одну административную единицу — УССР? Границы УССР Сталин и Хрущев проводили волюнтаристски, исходя из сиюминутных политических целей. Так, поезда, идущие в Ростов-на-Дону или Сочи, дважды пересекали границы УССР, но подавляющее большинство пассажиров об этом и не знали.

Донбасс и Галиция почти не имели экономических связей, зато Донбасс был зависим от десятков городов Российской Федерации.

Мой приятель из города Краматорска, технарь и по хобби историк (фамилии не называю, ему там жить), еще в 1992 г. сказал мне, что Украина состоит из двух половин — тех, кто работает, и тех, кто пляшет и поет. Расписывать их по областям «ху из ху», я думаю, нет надобности. И он заявлял, что этот «балаган» скоро кончится. Но прошло 15 лет, а действо продолжается. И тех, кто пляшет, стал кормить не только Донбасс, но и Крым. Риторический вопрос, куда деваются миллиарды долларов, которые отдыхающие, и в первую очередь русские, оставляют в Крыму? Так, например, билет в Воронцовский дворец в Алупке стоит около 150 русских рублей. Но на вопрос экскурсантов, почему музей не ремонтируется, сотрудники ответили, что все деньги забирает Киев. Замечу, что этот дворец построен русским графом и на русские деньги.

Заставить Донбасс и Крым кормить Львов можно лишь на волне дикой русофобии, систематически устраивая какие-то провокации против Российской Федерации.

То украинская сторона объявила, что выход из Азовского моря принадлежит Украине, и все русские суда должны платить дань за проход Керченским проливом. Нет, я не шучу: это XXI век, а не времена Азовских походов Петра Великого!

То Киев потребовал по бросовым ценам продавать Украине российский газ, иначе, мол, перекроем все газопроводы. Не успела закончиться «газовая война», как украинские власти начали захват маяков в Крыму, принадлежащих Черноморскому флоту согласно договору о разделе Черноморского флота.

Можно держать пари в любом соотношении, что Киев и впредь будет устраивать по несколько подобных провокаций в год. И, по моему мнению, пресечь их могут только решительные действия Российской Федерации.

В ходе «маячной войны» в начале 2006 г. несколько российских государственных деятелей что-то невнятно пробормотали перед телекамерами. Мол, нарушение одного договора Украиной ставит под сомнение и другие договора. Это вполне разумное высказывание. В Древнем Риме была пословица: «Договоры должны соблюдаться», что бы там ни случилось. А вот любимая фраза американских дипломатов — «все яйца в одной корзине», то есть выполнение одного договора зависит от выполнения остальных договоров.

Глава 17
Провокации на грани вооруженного конфликта

Как уже говорилось, все соглашения по Севастополю и разделу Черноморского флота были крайне невыгодны для России. Но, в конце концов, если бы украинская сторона строго выполняла их, ситуация была бы терпимой. Увы, правительство Украины начало необъявленную войну против России на Черном море. Я не сгущаю краски, просто российские СМИ скрывают от населения истинную ситуацию и лишь изредка передают отдельные инциденты — «надводную часть айсберга».

В украинской прессе при поддержке правительства постоянно нагнетаются страхи по поводу пребывания на украинской территории вооруженных сил враждебной державы. Сотни парней из так называемого Студенческого братства приезжают в Крым и устраивают пикеты у объектов, принадлежащих Черноморскому флоту. Их активисты таскают плакаты с лозунгами «Черноморский флот — главный нарушитель Основного закона», «10 лет Конституции — 10 лет ее нарушения со стороны российского флота». Действительно, статья 17 Конституции Украины запрещает размещение на территории Украины иностранных военных баз. Вместе с тем пункт 14 переходных положений Конституции постановил, что использование существующих на момент принятия Основного закона военных баз на территории Украины для временного пребывания иностранных военных формирований возможно на условиях аренды в порядке, определенном международными договорами, ратифицированными Верховной Радой. Так что Черноморский флот находится в Севастополе в полном соответствии с самостийной конституцией.

Украинские власти с 1991 г. саботируют почти все испытания оружия и боевую подготовку на Черном море.

Первые морские полигоны в Крыму появились еще в царствование Александра III. А в советское время на полигонах Крыма были испытаны все без исключения виды вооружений ВМФ — торпеды, мины, артиллерия, крылатые, баллистические и зенитные ракеты, гидроакустические станции и т. д. Там же испытывались авиационное вооружение и космическая техника.

Несколько больших полигонов было расположено в районе Феодосии, а в мае 1953 г. создан полигон для баллистических и крылатых ракет между

Балаклавой и Севастополем.

Деятельность полигонов была предельно засекреченной. Так что миллионы людей со всего Советского Союза, отдыхавших в Крыму, даже не догадывались о присутствии сверхсекретных пусковых установок где-нибудь в нескольких километрах от их санаториев.

В районе Балаклавы были проведены испытания на малую дальность всех баллистических ракет подводных лодок, большинства крылатых ракет, включая ракеты с подводным стартом. Пуски производили с двух погружавшихся в море стендов, с двух опытовых подводных лодок С-76 и С-233, а также с береговых установок.

После развала СССР Балаклавский полигон прекратил свое существование. Плавучие стенды и опытовые подводные лодки пошли на лом. Какая-то часть наземного оборудования была вывезена, остальное разграблено частными лицами. Естественно, что никому не пришло в голову сделать на месте знаменитого полигона какой-либо музей, я уж не говорю о мемориальном центре.

Часть территории полигона передана монахам. 22 июля 1993 г. совет по делам религий при Кабинете министров Украины зарегистрировал устав религиозной организации — Свято-Георгиевского мужского монастыря Симферопольской и Крымской епархии Украинской православной церкви Московской патриархии.

На мысе Фиолент под сенью монастыря расцвели различные богоугодные заведения: частные пансионаты «Афалина», «Веста» и др. Девицы, обитающие там, почему-то не похожи ни на весталок, ни на монашек. Но, как говорится, «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». А тут всё рядом — «в одном флаконе».

Феодосийский полигон «Песчаная балка» был создан в 1946–1948 гг. У полигона имелись свои авиаэскадрилья, 117-я бригада опытовых кораблей и т. д. На полигоне проходили испытания крылатых ракет «Шторм», «Щука-А», «Щука-Б», КСЩ, П-15У, «Колчан», «Стрела», «Сопка», П-25, «Аметист», «Малахит», «Термит», «Москит», «Гранат», «Уран» и зенитных комплексов «Волхов-М», «Волна», «Волна-Н», «Волна-П», «Шторм», «Шторм-М», «Оса-М», «Оса-МА», «Оса-МА-2», «Ураган», «Ураган-1», «Кинжал», «Кортик», «Форт», «Форт-М», а также ручных переносных зенитных систем «Стрела-2», «Стрела-3» и «Игла».

В связи с развалом Советского Союза на полигоне многое изменилось. И только в негативную сторону: полигон остался вне пределов Отечества — России. До минимума а сокращен в численности личный состав; нет больше 300-го отдельного местного стрелкового батальона (вместо него

введен ВОХР); многие здания и сооружения разрушены, законсервированы и требуют капитального ремонта; приостановлены многие виды испытания, в том числе лазерного оружия; возникли большие проблемы в обеспечении полигона топливом, электроэнергией, водой, транспортом и т. д. Но полигон формально существует и принадлежит РФ.

Тем не менее пусков ракет там производить нельзя. Это все равно, что иметь завод, где нельзя вести производство, или иметь нефтяную вышку без права добывать нефть. Повод для запрещения пусков ракет дала сама украинская сторона.

Первый случай произошел в апреле 2000 г., когда Черноморский флот проводил боевые стрельбы. Причем в полном соответствии с международными договоренностями район стрельб был закрыт для мореплавания, и об этом оповестили не только Киев, но и Мадрид. Из Мадрида, как это принято в Европе, оповестили все суда, находящиеся в регионе.

Начались пуски. Первой отстрелялась 41-я бригада ракетных катеров Черноморского флота. Стрельбы велись по мишеням примерно в 100 км от Севастополя. Затем наступила очередь береговых комплексов «Редут» на мысе «Херсонес». Как и было ранее, стрельбы велись с мобильных установок 854-го берегового ракетного полка Черноморского флота. Но стреляли поочередно расчеты с разных флотов — черноморцы, северяне и балтийцы.

А в это время из Стамбула шел наполненный импортными шмотками украинский теплоход «Верещагино» водоизмещением 1220 т. На всякие оповещения о закрытии района для плавания капитану В. Б. Коржову было плевать что на Севастополь, что на Мадрид. Мало того, когда теплоход проходил мимо мишенной позиции, команда заметила привязанные к щиту два надувных уголковых отражателя на канате длиной в 150–200 м. Капитан решил поживиться — украсть и отражатели, и крепящий их конец. А был как раз перерыв, связанный с перезаряжанием пусковых установок. Но тут перерыв кончился, и ракета «Прогресс» насквозь пробила надстройку и радиорубку теплохода. На счастье экипажа и капитана, они в этот момент находились далеко, и был ранен только один моряк.

За этим фарсом последовала настоящая трагедия. 4 октября 2001 г. из района Феодосии украинцы произвели учебный пуск зенитной ракеты В-880 с комплекса С-200М. Из-за разгильдяйства зенитчиков ракета ушла не туда и на дистанции 225 км (!) поразила у берегов Грузии российский самолет Ту-154, летевший из Израиля. Погибло 78 пассажиров и членов экипажа.

Руководство Украины, включая министра обороны, несколько дней нагло врало, доказывая, что никаких пусков ракет не было, и, мол, так далеко зенитные ракеты советского производства не летают. Однако место пуска и маршрут В-880 были засечены с американского спутника в режиме реального времени, а позже российская сторона обнаружила в обломках самолета готовые поражающие элементы боевой части В-880.

Пойманное на вранье правительство Украины стало всячески оттягивать выплату компенсаций российской стороне, но зато объявило о запрете всех пусков всех типов ракет на российских полигонах под Феодосией. Так надолго была сорвана доводка противокорабельной ракеты Х-35 комплекса «Уран». Как может противокорабельная ракета, летящая на высоте 5-15 м над уровнем моря, сбить пассажирский самолет, не знает никто, разве что Министерство обороны в Киеве.

Полигону «Песчаная балка» в XXI в. удалось выпросить у Украины разрешение на один пуск ракеты Х-35, да и то на минимальную дальность в 7 км. Далее пришлось переносить испытания «Урана» к берегам Кавказа в район Анапы.

Теперь Украина запретила России вести стрельбы не только новыми ракетами с полигонов, но и проводить обычную рутинную боевую подготовку на всей акватории Черного моря. Ежегодно Черноморский флот выполняет по 50–60 пусков ЗУР малой дальности «Оса», а также 5–6 пусков крылатых ракет типа «Термит», «Малахит» и П-100, причем не на полную дальность. Что же касается более мощных ракет — зенитных комплексов «Форт», «Шторм», «Волна» и противокорабельного комплекса «Вулкан», то ими нам вообще запретили стрелять.

Обратится, к примеру, командование Черноморского флота с просьбой: «Укажите нам „окна“ пролета гражданских самолетов, и плюс-минус 30 минут мы не стреляем». А штаб ВМС Украины отвечает: «Не можем, этим вы наносите ущерб Украине как суверенному государству».

Однажды представители штаба Черноморского флота отправились в частном порядке в Симферополь к украинским гражданским авиадиспетчерам — так, мол, и так. А те говорят: «Проблем нет, через полигоны летает два-три самолета в день, закроем воздух на плюс-минус 30 минут, и работайте, только подайте заявки». Но заявки-то приходится подавать через штаб ВМС Украины! А там один ответ — нет!

Украина мешает проведению любых учений Черноморского флота. Так, весной 2005 г. проводилась отработка (ежегодная, кстати) высадки морской пехоты на российский же полигон (мыс Чауда — мыс Опук) нашим большим десантным кораблем. И тут самостийники потребовали

прекратить учения. Повод смехотворный: часть морпехов на БДК дислоцировалась в Крыму, а кто-то там, рота или взвод — на Кавказе. Так вот служившим в Крыму морпехам высаживаться можно, а кавказцам — ни в коем разе. Зато американской морской пехоте в Крыму можно высаживаться всегда и везде.

Через год, в 2006 г., там же при высадке с БДК «Николай Фильченков» 142 морпехов из 382-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота опять начался скандал. На сей раз Черноморский флот якобы не предупредил украинскую сторону.

Как пояснили в пресс-службе Черноморского флота России, большой десантный корабль «Николай Фильченков» по согласованию с компетентными органами Украины следовал по маршруту Новороссийск — полигон Опук — Феодосия — Севастополь для участия в плановых учениях Черноморского флота. При этом сроки проведения учения морских пехотинцев были заблаговременно согласованы органами военного управления Черноморского флота и ВМС Украины. Однако после прибытия десантного корабля в район российского полигона под Феодосией выяснилось, что пограничные службы Украины не располагают соответствующей информацией. В связи с проявившейся технической недоработкой было принято решение об убытии транспорта с морскими пехотинцами в Новороссийск.

Чуть ли не каждый день самостийники в 2004–2006 гг. устраивали в Севастополе мелкие и гнусные провокации, направленные против Черноморского флота. Так, например, с 1994 г. гимном города Севастополя является «Легендарный Севастополь», написанный композитором Вано Мурадели и поэтом Петром Градовым. И вот в мае 2006 г. в эфире телерадиоцентра «Бриз» ВМС Украины прозвучал украинизированный вариант этого гимна.

В украинском варианте «Легендарный Севастополь» уже не «город русских моряков», а «столиця українських моряків», «легендарный» переделан в «величавый». В тексте появились «казацкие чайки», «древние русы», «казаки» и прочие национальные символы.

Песню перевел и додумал, как не скрывают на «Бризе», «поэт Мирослав Мамчак». Он же является начальником телерадиоцентра «Бриз», капитаном 1-го ранга ВМС Украины. Так что речь в данном случае идет о чиновнике Вооруженных Сил Украины. Сделал он перевод по просьбе исполнителя переделанного варианта песни — штатного сотрудника этого военного телерадиоцентра Александра Иванова. «Севастопольская газета» опубликовала откровения Иванова: «Я придумал фишку, чем можно

покрепче врезать нашим друзьям-россиянам. Нужна была эта фишка для яблока раздора. И я подумал, что можно перевести на украинский язык песню „Легендарный Севастополь“, и предложил это Мирославу Мамчаку».

Также откровенно сотрудник ВМС рассказывает в газете о резонансе после исполнения гимна в его исполнении: «Многие возмутились. И по городу понеслось: ах вы ж такие!.. Да еще кто поет, Иванов. Я не остановлюсь, я буду дальше продолжать свою идеологическую работу. Я написал 150 произведений о Военно-морских силах Украины. Только за последний месяц накатал 35 песен: и музыку, и слова, и сам исполняю». И еще одно откровение исполнителя: «Во время такого же концерта в Одессе меня спросили: „А что, Севастополь — это Украина?“ Видите, как людям заморочили голову. Я просто отвечаю ударом на удар: написал новую песню: „Це мій Севастополь, Це є Україна“».

Большинство местного населения восприняло украинскую поделку как глумление над историей и памятью о героях, отдавших жизнь за легендарный город. А патентный поверенный Украины Ольга Борисова заявила, что «ситуация носит не этический, а юридический характер. Без разрешения наследников В. Мурадели и П. Градова никто не имеет законного права ни на использование песни, ни на какие-либо ее переработки».

10 апреля 2006 г. Кабинет министров Украины выделил Севастополю 9 млн гривен (около 50 млн российских рублей). Официально заявлено, что средства будут направлены на проведение конкурсов, фестивалей и других культурно-художественных мероприятий, в том числе в рамках всеукраинской акции «Молодежь Украины — будущее государства». Деньги также пойдут на поддержку проектов украинских общественных организаций. Особо говорится об обеспечении функционирования украинского языка в музеях и других учреждениях культуры, а также во всех сферах общественной жизни-в рамках акции «Украинский Севастополь».

Предусмотрены изготовление и размещение рекламы, направленной на поддержку украинского языка и культуры, проведение концертов, посвященных Дню Конституции и Дню независимости Украины, популяризация украинского языка средствами современного искусства (театр, кино, анимация). Часть выделяемых средств направляется на проведение в Севастополе гастролей Национальной оперы Украины и Львовского национального академического театра оперы и балета.

Понятно, что от такой деятельности украинских властей падает как

боеспособность Черноморского флота, так и престиж РФ в Черноморском регионе.

В конце 2005 г. — начале 2006 г. Украина начала так называемую «маячную войну», попытавшись захватить маяки, отошедшие Российской Федерации при разделе флота. Однако самостийникам удалось захватить только один Ялтинский маяк. На другие маяки, в том числе на мысе Сарыч, были направлены российские морские пехотинцы. Активисты «Студенческого братства» попытались прорваться силой на русские маяки, но министр обороны РФ Иванов предупредил, что караулы могут применить оружие.

Тогда власти Украины подняли шум, что военные Черноморского флота не могут передвигаться по территории Украины с оружием. Глупость и наглость этого утверждения очевидна. Как уже говорилось, объекты Черноморского флота разбросаны в районе Севастополя в десятках мест. Так что если БТР надо перегнать с одного объекта на другой, скажем, на 400 м, его надо разоружать?

23 марта 2006 г. севастопольская молодежная общественная организация «Прорыв» выехала на Украину и провела свое мероприятие на Тендровском маяке в Херсонской области. Как сообщает корреспондент «ИА REGNUM», этот маяк перестал функционировать сразу после передачи его Украине. В настоящее время от него остались только шпиль и лампа, которую забросили на крышу частного сарая. Участок маяка продан четверым предпринимателям, сейчас здесь идет строительство частных пансионатов. Молодежь из организации «Прорыв», одетая в наряды туземцев, разожгла на берегу костер и сигналила «вручную» проходящим судам, демонстрируя, какая участь ждет Украину, если и оставшиеся маяки Россия отдаст Украине.

«Наглядный пример судьбы Тендровского маяка открывает суть „маяковой войны“ Украины с Россией, — заявил корреспонденту „ИА REGNUM“ лидер крымского молодежного общественного объединения Алексей Добычин, — Позиция Украины по маякам не обусловлена желанием нести ответственность перед мировым сообществом за безопасность судоходства в Черном море и даже не столько по политическим мотивам — насолить России и выдавить Черноморский флот РФ из Крыма и Севастополя, а стремлением захапать элитные прибрежные участки земли, на которых эти маяки находятся», — считает Добычин. Он также обратил внимание на то, что большинство маяков, переданных Россией Украине, не просто перестали работать — на их месте построены элитные коттеджи, пансионаты и т. д. «Именно поэтому ведется такая

война за Сарычский, Ялтинский, Херсонесский маяки. Участки под этими маяками в прямом смысле золотые», — подчеркнул лидер крымского «Прорыва».

Еще до «маячной войны» произошло противостояние у косы Тузла. Начну с того, что такое коса. Я открываю «Советский энциклопедический словарь»: «Коса, низкая и узкая намываемая полоса суши, причлененная одним концом к берегу, а другим выступающая в сторону моря (реки, озера)»[448]. Словарь русского языка С. И. Ожегова еще более конкретен: «Коса — полуостров в виде узкой полосы земли, отмели».

Таким образом, тузлинская коса — это естественное продолжение Таманского полуострова, так же как и коса Чушка, где находится российский порт Кавказ. Между ними Таманский залив. С севера Таманский полуостров омывает Азовское море, с юга — Черное море, а с запада — Керченский пролив.

В течение столетий на косе Тузла то появлялась, то исчезала промоинка, соединяющая ее с кавказским берегом. В частности, сейчас промоинка есть, но, по мнению ученых, через несколько лет она исчезнет.

7 января 1941 г. коса Тузла была передана из состава Краснодарского края в состав Крымской АССР. Мотивировка — какая-то хозяйственная мелочь.

Таким образом, произошло мелкое изменение границ внутри РСФСР, при этом об изменении каких-либо морских границ и речи не было.

При передаче Крыма Украине в 1954 г. ни о каких морских границах речи тоже не было. Азовское море было внутренним морем СССР и полностью принадлежало ведению центра, правопреемником которого является Российская Федерация.

До 1997 г. о косе Тузле ни на Украине, ни в России не знал никто, кроме местных жителей. Но в связи со строительством дамбы у косы Тузла правительство Украины и ее СМИ начали шумную компанию, что Россия-де посягает на часть территории «незалежной Украины». Через несколько дней после начала конфликта выяснилось, что на «украиньской мове» коса Тузла переводится как остров Тузла. На Тузлу была срочно доставлена пограничная застава усиленного состава. Пограничники немедленно приступили к рытью окопов и подготовке к войне с Россией. «Оранжевые» СМИ начали пугать население агрессией со стороны России. Ситуация обострилась из-за появления сведений о наличии больших нефтяных и газовых месторождений на дне Керченского пролива. Туда по приглашению Украины прибыли американские исследовательские суда. Официальная цель — поиски месторождений углеводородов, а об истинной их цели

можно только догадываться.

С юридической точки зрения коса на 100 % принадлежит РФ. Но, в конце концов, черт с ней, с узкой песчаной косой, на которой к 2004 г. проживало от 8 до 13 (!) местных жителей. Дело в другом. Претендуя на Тузлу, украинские власти объявляют Керченский пролив своей собственностью. Ходить через промоину, отделяющую косу от кавказского берега, не могут ни морские, ни речные суда. Все суда идут через канал, прорытый в Керченском проливе между Тузлой и крымским берегом.

И вот украинские власти в стиле Соловья-разбойника и турецких янычар стали брать дань с русских судов, проходящих через Керченский пролив. Хочешь — не хочешь, плати за «лоцманскую проводку», «портовый сбор», «якорный сбор», «канальный и дноуглубляющий сбор» и, наконец, «ледовый сбор».

Между тем после утраты Россией в 1991 г. большей части торговых портов Черного моря резко возросло значение наших портов на Азовском море — Темрюка, Таганрога и др. Так, Темрюк официально был объявлен международным портом. 90–95 % грузопотока, проходящего через Керченский пролив, направляется в Россию, и только 5-10 % — на Украину.

Доходы самостийного «Соловья-разбойника» в последние годы растут в геометрической прогрессии, и в 2004 г. ему удалось собрать с русских свыше 300 тыс. долларов.

Российские власти предложили вести лоцманскую проводку своими силами, мол, наши лоцманы лучше. «Нельзя, мы незалежны!» — был ответ Украины.

Самое главное, что канал построили русские цари и генсеки на русские деньги, а сейчас он заиливается со скоростью 0,5 м в год[449], поскольку самостийники не желают его чистить, а русские деньги идут в бездонные карманы киевских чиновников.

Замечу, что это происходит не только с Керченским каналом, но и по всему Крыму.

Сейчас Киев пытается превратить Азовское море в Украинское озеро. Самостийники утверждают, что граница проходит по линии, соединяющей восточную оконечность Керченского полуострова с украинской границей на севере Азовского моря, восточнее Кривой косы. Таким образом, большая часть моря отходит к Украине, со всем рыбным хозяйством и перспективными нефтяными месторождениями.

Впервые с 1784 г. у Керченского пролива появились турецкие рыбачьи суда. 8 марта 2002 г. российские пограничники на сторожевом корабле «Кубань» после пяти часов преследования и открытия огня на поражение

задержали турецкую шхуну «Елдык-Балык». В трюмах обнаружено 7 тонн добытой турецкими браконьерами «барабули».

На очереди ввод в Азовское море судов НАТО.

Эпилог
Неутешительные итоги

По возможности, я попытался написать беспристрастную книгу. Читатель наверняка помнит мои резкие высказывания в адрес московских владык: Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II, вплоть до Николая II и Ленина. Все эти деятели допускали грубейшие ошибки в своей политике в Малороссии (с 1917 г. — Украина).

По сему поводу на форумах Интернета и в личных беседах многие вменяют мне русофобию и личную ненависть к Петру Великому.

Я же могу признаться лишь в одной фобии — к наперсточникам от истории, которые по приказу своих хозяев вкривь и вкось кромсают нашу историю, единую для русских, белорусов, украинцев, грузин и др. Мы все были в едином государстве, в едином экономическом пространстве. Культуры всех народов России (СССР) развивались вместе и сильно влияли друг на друга. Казалось бы, после распада СССР почему бы всем бывшим республикам не объединиться в одно сообщество, которое бы решало все политические, экономические и культурные проблемы между новообразованными государствами. Нет, я не имею в виду СНГ — мертворожденное дитя.

Увы, внешние силы — США и Западная Европа — делают все, чтобы посеять вражду между братскими народами. Хороший пример — Украина. История показывает, что создание большого, ранее никогда не существовавшего, унитарного государства с гражданами самых разных национальностей чревато серьезными опасностями.

Искусственное государство, искусственные границы, искусственный язык, искусственная религия — не слишком ли много всего для новообразованной страны?

Результат — нестабильность внутри страны, напряженность в отношениях с Россией. Замечу, что «оранжевая» Украина представляет огромную опасность как для Российской Федерации, так и для Западной Европы. Нуждается ли Европа в очаге войны — новых Балканах или Эльзас-Лотарингии?

Список использованной литературы

Архимандрит Кирилл Костопулов. Папство — это ересь. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2001.

Бандеризация Украины — главная угроза для России / Автор-составитель Ю. К. Козлов. М.: Яуза-пресс, 2008.

Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССМЭН, 2004.

Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002.

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006.

Борисов Н. С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М.: Издательство московского университета, 1999.

Булгарин Ф. Б. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Ваврик В. Р. Краткий очерк истории Галицко-Русской письменности. Лувен (Бельгия), 1968.

Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь: Таврия, 1992.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. В 18 т., Петербург, 1911–1915.

Воинские повести древней Руси /Составитель Н. В. Понырко. Ленинград: Лениздат, 1985.

Грабеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Под ред. С. С. Хромова. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Греков Н. А., Деревянко К. В., Бобров Г. Л. Тарас Шевченко — крестный отец Украинского национализма. Луганск, 2005.

Григулевич И. Р. Папство. Век XX. М.: Политиздат, 1978.

Гришин Я. Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995.

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава

до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Грушевський М. С. З біжучої хвилі. Статті й замітки на теми дня. 1905–1906 рр. Київ, 1907.

Губарев В. К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: БАО, 2004.

Гуслистый К. Г. К вопросу о формировании украинской нации. Киев, 1967.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк: Правда о России, 1960.

Димов В. Потемкин в жизни. Человек-миф восемнадцатого века. М.: Издательский центр «Классика», 2002.

Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного, М.: Наука, 1975.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997.

Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999.

Записки генерал-фельдмаршала князя А. А Прозоровского. 1756–1776. М.: Российский архив, 2004.

Зенькович Н. А. Тайны уходящего века: Власть. Распри. Подоплека. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л. А Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969.

Иностранные добровольцы вермахта / Составитель Е. В. Егерс. Рига: Tornado,1998.

История Украинской ССР/ Под ред. Ю. Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982.

Какурин Н., Меликов В. Гражданская война в России: война с белополяками. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Каргалов В. В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990.

Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843.

Костомаров Н. И. «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы». Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995.

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев: Лыбидь, 1990.

Костомаров Н. И. Мазепа. М.: Республика, 1992.

Котляревский Ю. Л. Оранжевая революция глазами консультанта.

Ростов-на-Дону: Феликс, 2005.

Кулиш П. Записки о Южной Руси. Киев, 1994.

Кусаинова Е. Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005.

Лихолат А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1954.

Любавский М. К Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996.

Любавский М. К. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004.

Мавродин В. В. Древняя Русь. М.: ОГИХ, Госполитиздат, 1946.

Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002.

Мухин А. А., Здоровец Я. И., Лунева А. В. Оранжевый закат, или История о том, как поссорились Юлия Владимировна и Виктор Андреевич. М.: Алгоритм, 2005.

Наленч Д. Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты, М.: Издательство политической литературы, 1990.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Борлюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003.

Немировский Е. Л. Иван Федоров. М.: Наука, 1985.

Нюрнбергский процесс. М.: Госюриздат, 1954.

Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866.

Плано Карпини Дж. История монголов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. М.: Наука, 1968.

Под стягом России. Сборник архивных документов / Составители А. А. Сазонов, Г. Н. Герасимова, О. А. Глушкова, С. Н. Кистерев. М.: Русская книга, 1992.

Подолия. Историческое описание. СПб., 1891.

Полное собрание русские летописей. СПб., 1908.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет.

М.: Международные отношения, 1995.

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М.: Просвещение, 1988.

Путями истории. Нью-Йорк: Издание Карпато-русского литературного общества, 1977.

Рафальский О. О. Національні меншини України у XX столітті. Історіографічний нарис. Київ. 2000.

Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Под ред. Л. Е. Горизонтова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005.

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006.

Ростунов И. И. Генералиссимус А. В. Суворов. М.: Военное издательство, 1989

Русановский В. М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980.

Русская Галиция и «мазепинство» / Составитель М. Б. Смолин. М.: Имперская традиция,2005.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993.

Скальковский А. О. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Днепропетровск, 1994.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990.

Смирнов А. А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Смолий В. А., Степанков В. С. Украинская национальная революция XVII в. (1648–1676). Киев: Альтернатива, 1999.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1993.

Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Сяков Ю. А. Тайны Старой Ладоги. Факты, гипотезы, размышления, СПб.: Общество «Знание» С.-Петербурга и Ленинградской области, 2004.

Травников А. Коса Тузла и стратегические интересы России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: РОСМЭН, 1995.

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998.

Украинский язык для начинающих. Киев, 1992.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.

«Украинская» болезнь русской нации / Составитель М. Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2004.

Уорвол Н. Войска С. С. Кровавый след. Ростов н/Д: Феникс, 2000.

Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1968.

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки) /Под ред. И. В. Сапожникова. Т. 3. Одесса: ОКФА, 1999.

Чуев С. Украинский легион. М.: Яуза, 2006.

Шавельов Ю. Українська мова в першій половині XX століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998.

Широкорад А. Б. Россия и Украина. Когда заговорят пушки… М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

Широкорад А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев — Москва: Евролинц, 2003.

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

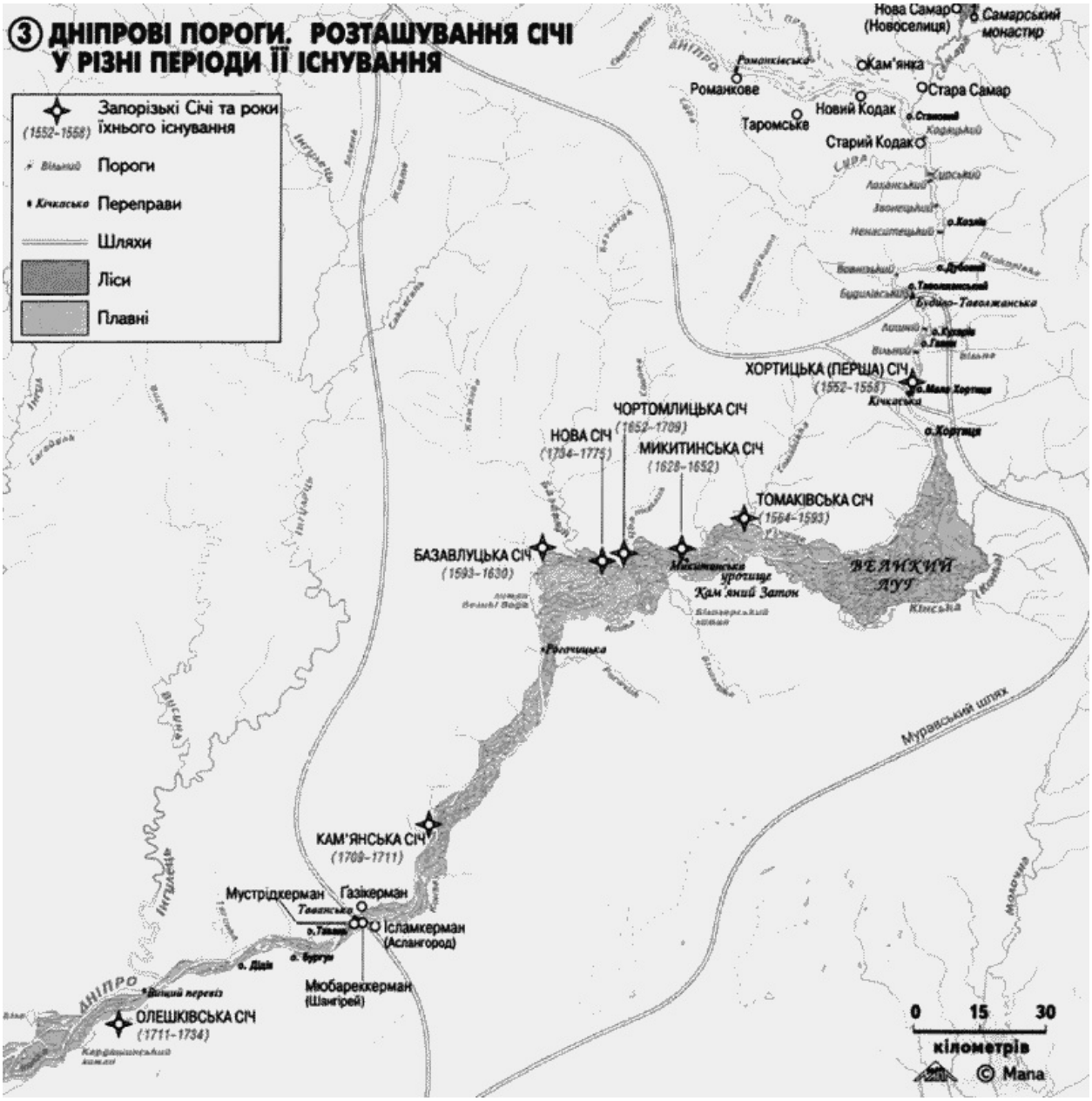
Экономическая история СССР и зарубежных стран / Под ред. И. Н. Шемякина. М.: Высшая школа, 1978.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

Tarnowski A. Ksiandz Waleryan Kalinka. Krakyw. 1887.

Иллюстрации

Великое княжество Литовское в XIII–XV вв.



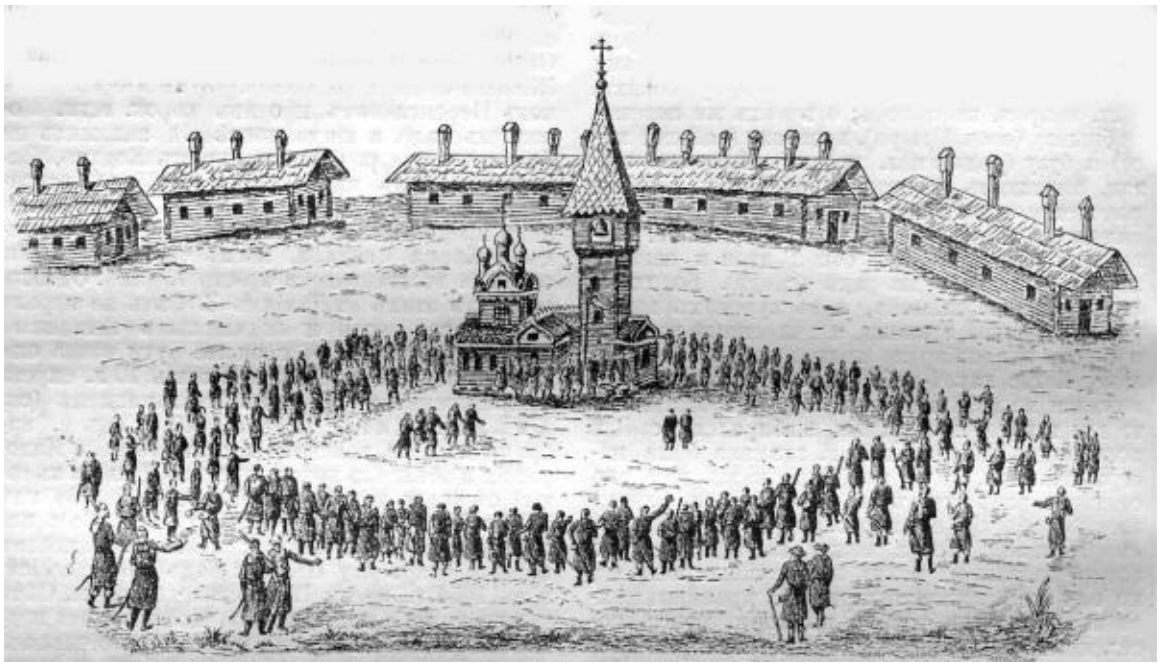
Днепровские пороги и расположение Сечи в разные периоды ее существования

Крымские татары гонят пленных, захваченных в Юго-Западной Руси. Миниатюра из венгерской хроники. 1488 г.

Запорожцы. Старинная картина

Казак Мамай

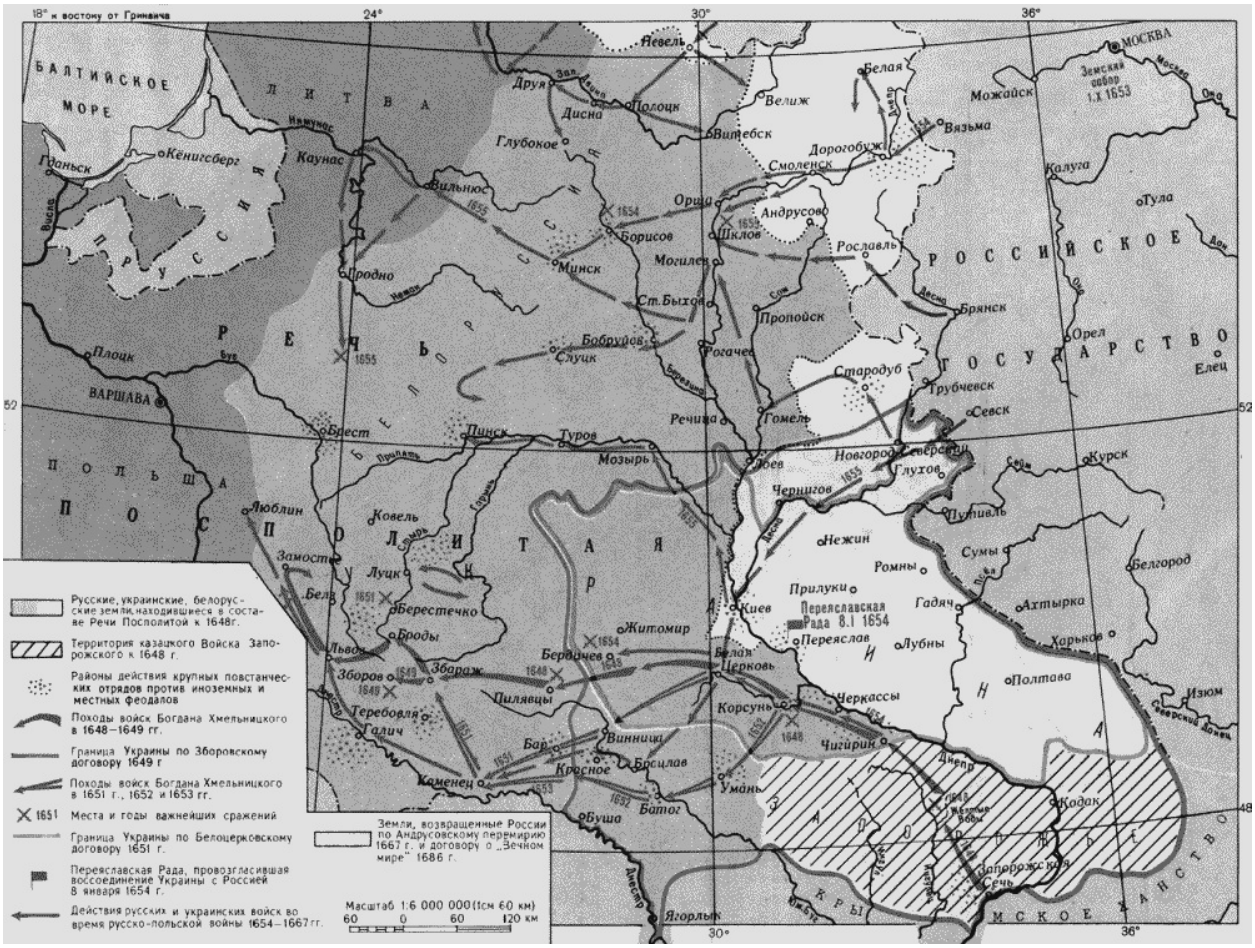
Запорожский казак



Церковь, рада и курени запорожцев

Богдан Хмельницкий

Иван Брюховецкий — посол Богдана Хмельницкого



Восстание Богдана Хмельницкого и Русско-польская война 1648–1655 гг.

Дмитрий Вишневецкий — легендарный Байда

Юрий Хмельницкий

Генеральный писарь Иван Выговский

Переяславский полковник Павло Тетеря

Черкасский полковник Петр Дорошенко

Гетман Левобережья Демьян Многогрешный

Гетман Иван Мазепа

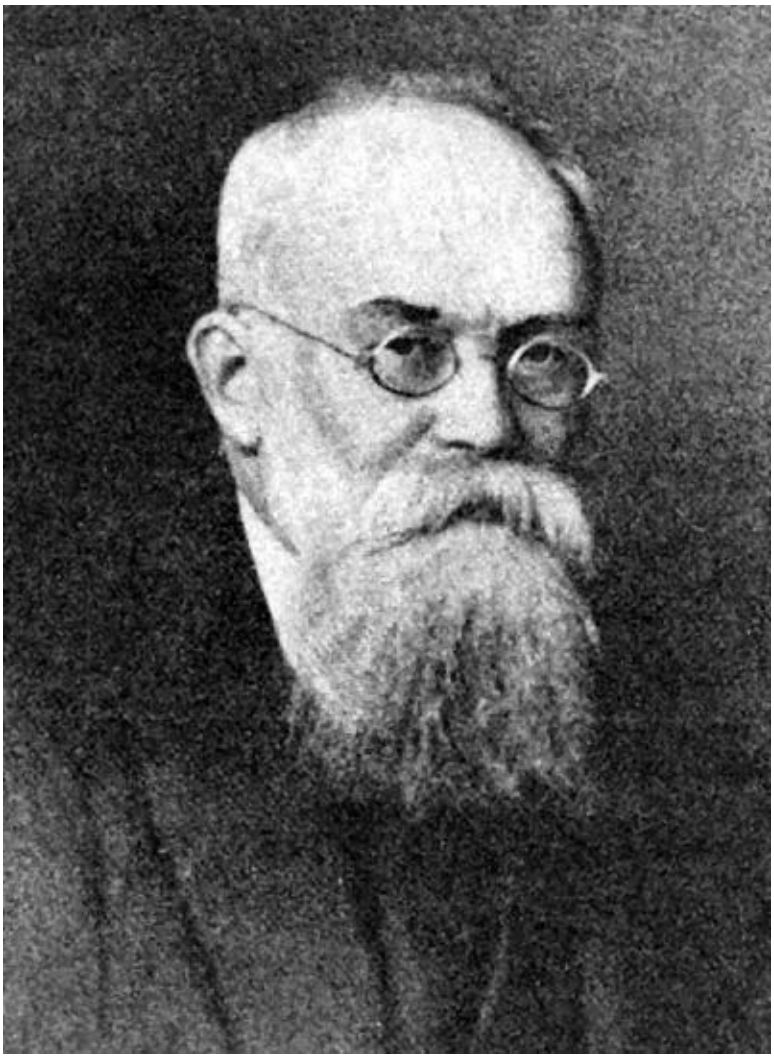
Малороссийский казак времен Северной войны

Гетман Петр Сагайдачный

Пешие реестровые казаки

Реестровый казак конной сотни

Тарас Шевченко

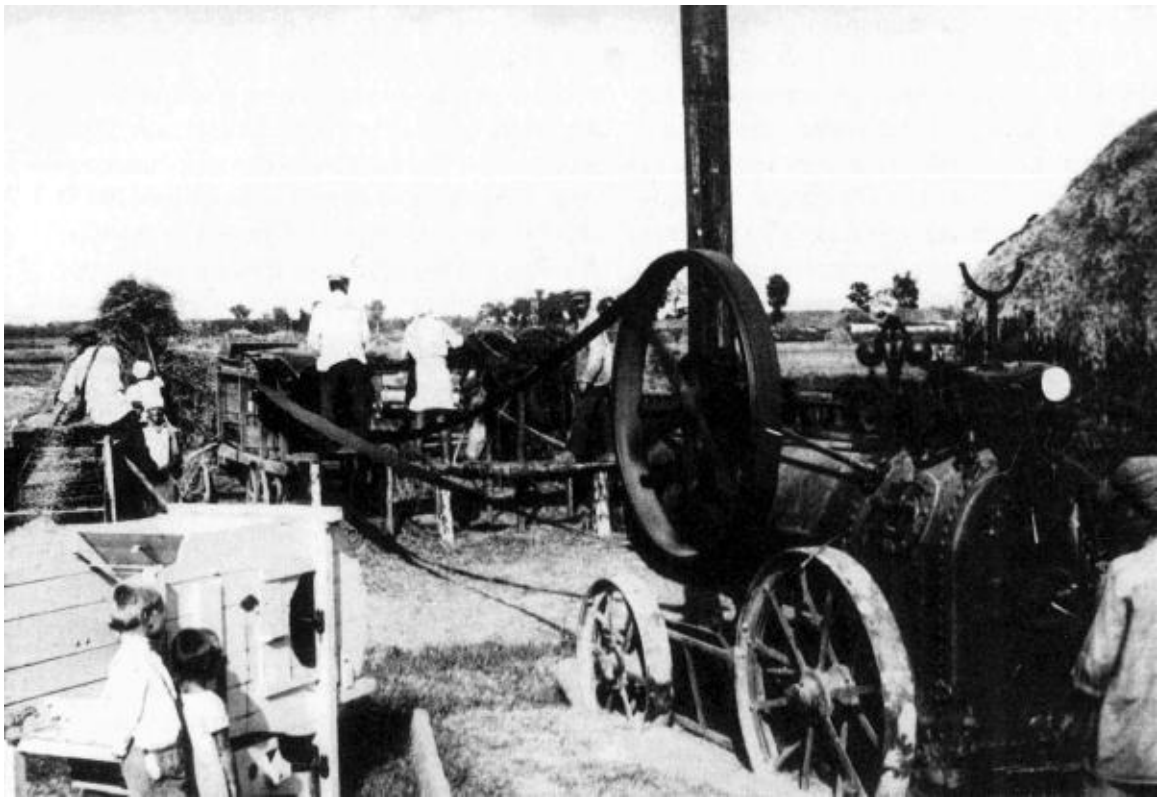


Михаил Грушевский

Владимир Винниченк

Симон Петлюра

Павел Скоропадский

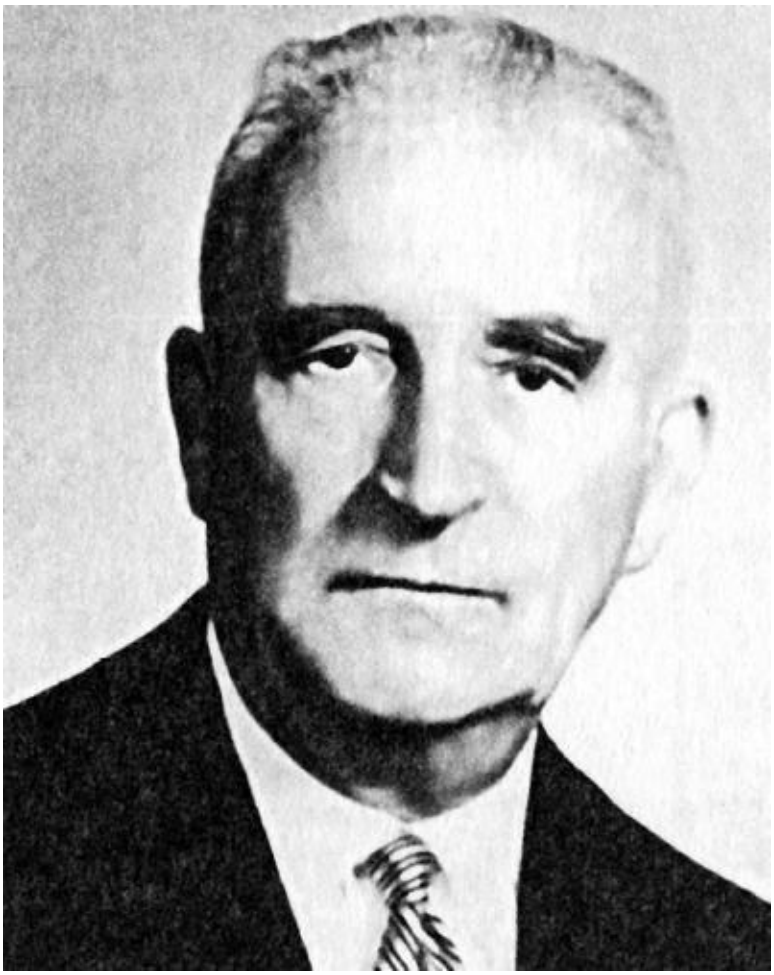


Начало 1930-х годов. Крестьяне на Украине успешно ведут сельскохозяйственные работы. Колхоз «Червонный плугарь». Молотьба на локомотиве

Уборка ржи

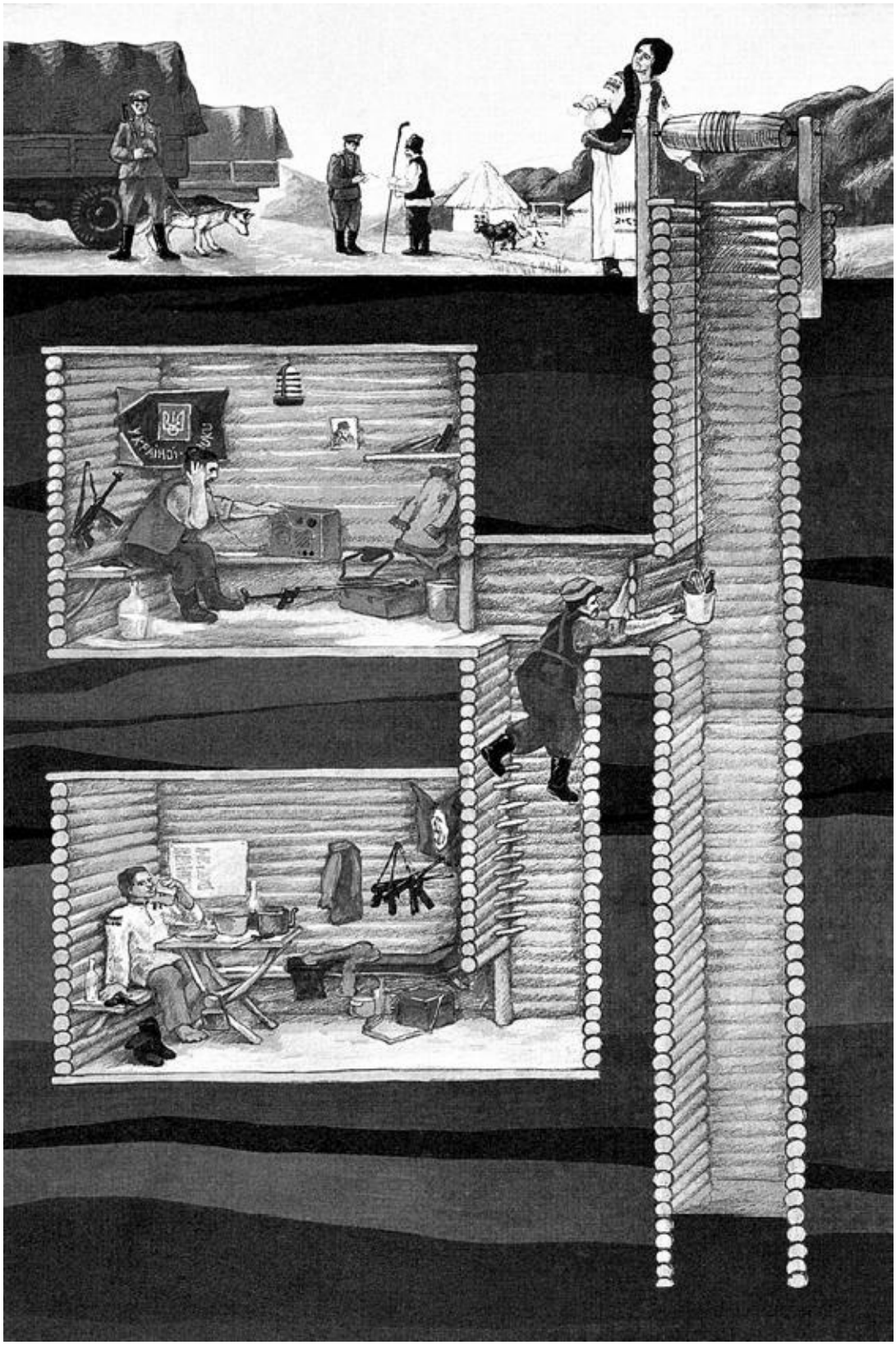
Степан Бандера

Основатель ОУН Евгений Коновалец



Руководитель ОУН(м) полковник Андрей Мельник

Боевики УПА



Схрон бандеровцев. Конец 1940-х — начало 1950 г.

Украинские добровольцы в германской армии. На «жевто-блокитном» знамени хорошо виден трезубец

Такие плакаты сейчас развешиваются по Украине: «Разыскивается особо опасный военный преступник Борис Стекляр» (бывший полковник НКВД-МГБ)

А так отдыхают бывшие бандеровцы в своем доме отдыха «Украинского братства ОУН-УПА» и фотографируются на память у стелы с надписью «Борцам за волю Украины». Карпаты. 2005 г.

Памятник в центре Ялты в ста метрах от набережной. Надпись на четырех языках гласит: «Крымским татарам, погибшим при выселении и умершим на чужбине в тоске по Родине. Вечная память»

Взаимопомощь «незалежных» республик. Уже который год украинцы в Балаклаве ремонтируют грузинский вооруженный катер

По условиям соглашения о Севастополе стоянки украинских кораблей чередуются с российскими

Малый противолодочный корабль УВМС. Дабы отличаться от русских кораблей, в номере видим латинскую букву «U». Самостийников не смутило, что именно «U» было написано на рубках немецких подводных лодок, топивших в обе мировые войны и русских, и украинцев

Все, что осталось от Черноморского подводного флота. Конец 1990-х гг. А к 2008 г. он сократился в два раза — осталась одна подводная лодка.

(В 1970-1980-х гг. в состав Черноморского флота входило свыше 30 подводных лодок.)

Единственная подводная лодка УВМС «Запоріжжя», которая с 1991 г. так и не вошла в строй. И сейчас украинские власти ищут желающих купить ее

Флагман УВМС — фрегат проекта 11351 «Гетман Сагайдачный»

Германский фрегат «Захсен» входит в Севастопольскую бухту. «Оранжевые» мечтают, чтобы германский военно-морской флаг развевался в Севастополе постоянно, как это было в 1918 г. И в 1942–1944 гг. (Фото В. Костриченко)

Фото с обложки книги Сергея Родина «Отрекаясь от русского имени». Перевод надписи на футболке: «Благодарю тебя, Боже, что я не москаль!»

Плакат в Севастополе

---

notes

Примечания

1

Материалы сайта http://www.umoloda.kiev.ua/number/986/274/35810/

2

Сокуров С. Мираж Четвертого Рима. Материалы сайта http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12440

3

Материалы сайта http://antisys.wikispaces.com

4

Сокуров С. Мираж Четвертого Рима.

5

Мавродин В. В. Древняя Русь. М.: ОГИХ, Госполитиздат, 1946. С. 125.

6

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 224.

7

862 год от Рождества Христова.

8

Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

9

Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

10

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995. С. 40.

11

Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства», где утверждал, что «русь IX века — это шведы».

12

Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного, М.: Наука, 1975. С. 244.

13

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества, М.: Наука, 1993. С. 308.

14

Сяков Ю. А. Тайны Старой Ладоги. Факты, гипотезы, размышления, СПб.: Общество «Знание» С. — Петербурга и Ленинградской области, 2004. С. 105.

15

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 90–91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и неизвестному современным историкам набегу россов.

16

Кривичи — славянское племя, обитавшее на территории современной Смоленской области.

17

Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 112…

18

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 5.

19

Русановский В. М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980. С. 14–23

20

Там же. С. 27.

21

Гуслистый К. Г. К вопросу о формировании украинской нации. Киев, 1967. С. 6.

22

В одной из своих статей А. И. Железный пишет: «Я отношусь к категории русскоязычных граждан Украины не потому, что я „русифицировался“ и поменял свою фамилию Зализный на Железный, а по той простой причине, что я никогда не изменял своему родному языку, а воспринял его от моих родителей, которые тоже от рождения были русскоязычными, как и их родители, и вообще все предки неизвестно до какого колена (все по отцовской линии испокон веков коренные киевляне). Моя фамилия Железный — наше родовое достояние и никто ее не „русифицировал“».

23

Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999. С. 33–34, 36–37, 39.

24

См.: Мартынов А. И. Археология СССР. М.: Высшая школа, 1973.

25

В XIX в. одноименное местечко Гайсинского уезда Подольской губернии.

26

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

27

Современный Канев, город на Днепре в 100 км от Киева.

28

Штирия формально входила в состав Священной Римской империи.

29

По другим источникам это произошло в конце 1253 г.

30

Борисов Н. С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М.: Издательство московского университета, 1999. С. 324.

31

Полное собрание русские летописей. СПб., 1908. Т. 10. С. 206.

32

Марсель Ахметзянов, кандидат филологических наук. «Турусы на колесах, или О новых фальсификациях в истории татарского народа» (Журнал «Идель» № 5/1993).

33

Ростислав Роголодович — сын хорошо известного по летописям князя Роголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

34

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 478–481.

35

Правда, некоторые историки, в том числе и Н. М. Иванов, считают Федора родным братом Гедимина, однако документальных подтверждений этому нет.

36

Схизматиками католики называли православных.

37

Князь Любарт (1312–1397) — сын Гедимина, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. — на Анне Андреевне, княжне волынской, с 1349 г. — на Агафье Константиновне, княжне Ростовской.

38

Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma, 1860. T. I, № 776. S. 581.

39

Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

40

С 1939 г. Вильнюс.

41

Подробнее об этом рассказано в моих книгах «Русь и Орда» и «Куликовская битва и рождение Московской Руси».

42

Вся родня Дмитрия разбежалась, как тараканы. Я серьезно говорю: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать — в Торжок, Евдокия, жена Донского, с детьми побежала за мужем в Кострому. Дало деру и духовное сословие — Герасим, владыка Коломенский, убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъелся великий князь.

43

Воинские повести древней Руси / Составитель Н. В. Понырко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282.

44

Все царские и советские историки, за исключением В. В. Похлебкина, старательно умалчивают включение в состав Великого княжества Литовского с 1425 г. по 1494 г. Рязанского княжества.

45

Староста управлял городом, творил суд над местной шляхтой. Каштелян — второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

46

Магдебургское право — одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

47

Любопытно, что воевода и боярин Даниил Васильевич Щеня по происхождению был Ольгердовичем. Его прадед Патрикий Наримантович, внук Ольгерда, приехал на службу в Москву в 1408 г. Женат Даниил Щеня был на дочери удельного суздальского князя Ивана Васильевича Горбатого. От Щени пошел род князей Щенятьевых, который пресекся в царствование Ивана Грозного. Внук Патрикия Наримантовича Василий Федорович получил земли на р. Хованке недалеко от Волоколамска. От него пошел знаменитый род князей Хованских. От Патрикея Наримантовича пошли роды князей Голицыных и Куракиных.

48

Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

49

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994. С. 101.

50

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 27.

51

Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. С. 348–349.

52

Там же. С. 351.

53

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 441.

54

От германского слова «гаунтман» (начальник).

55

Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 67–68.

56

Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 68.

57

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 53.

58

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 55–56.

59

Боплан Гийом (Guillaume le Vasseur de Beauplan) — инженер-строитель, автор «Описания Украйны», родом француз. Он служил более 17 лет в польской службе при королях Сигизмунде III и сыне его Владиславе IV в звании старшего капитана артиллерии и королевского инженера. Большую часть этого времени он провел в Малороссии, занимался здесь постройкою слобод и крепостей, в 1637 г. участвовал в сражении между поляками и казаками под Кумейками (возле Корсуня). В своих разъездах по Украйне Боплан хорошо ознакомился с украинскими степями и течением Днепра (от Киева до Александровска, ныне г. Запорожье), произвел множество измерений и близко наблюдал как самих казаков, так крымцев и буджакских татар. Около 1649 г. вернулся на родину, во Францию, и в следующем году издал свою книгу: «Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs moeurs, faç ons de vivre et de faire la guerre». В 1660 г. вышло 2-е «Описание Украйны» издание, а через два года оно появилось в латинском переводе, в известном сборнике «Geographia Blaviana», во 2-м томе. Все сочинение делится на 7 глав: в 1-й («Описание Украйны») описаны физические свойства страны, города и замечательные места, в особенности Днепровские пороги, и затем нравы и обычаи запорожских казаков. Во 2-й главе («Описание Крыма») дается подробное описание Таврического полуострова, в 3-й («О крымских татарах») — описание их образа жизни, набегов и сражений с казаками и Польшей; в 4-й («Об украинских казаках») говорится о житье украинских казаков, их нравах и обычаях, а также о морских их походах и разорении ими малоазийских городов (по рассказам казаков); 5-я глава («Об избрании королей польских») посвящена рассказу об избрании польских королей, о составе сеймов, о коренных законах и правах королевских; в 6-й главе («О вольностях польского дворянства») указываются права и привилегии польских дворян; и, наконец, в 7-й («О нравах польского дворянства») описывается образ жизни поляков. Боплан, используя польские карты и лично снятые планы местностей, опубликовал три подробные карты Малороссии, которые неоднократно переиздавались в Европе и в России.

60

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 71.

61

Тоня — одна тяга невода.

62

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 75–76.

63

Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

64

Продажа администраторских должностей в Литовском государстве в XV–XVI вв. шла в крупных размерах. Кстати, столь же бойко продавались и церковные должности.

65

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 3. С. 125.

66

Уходы — места бобровых и рыбных промыслов.

67

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 10.

68

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3. С. 316–317.

69

История Украинской ССР / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2. С. 178.

70

Православное имя Дмитрий, а языческое — Корибут.

71

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 10.

72

История Украинской ССР. Т. 2. С. 182.

73

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 11.

74

Козацтво и хлопство — личные дружины Вишневецкого. Все крупные и средние магнаты Литвы и Польши владели «частными армиями», не подчинявшимися королю.

75

По другой версии дело было в 1553 г.

76

Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Т. 1. С. 135–136.

77

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 20–21.

78

Здесь и далее речь идет о Малой Хортице.

79

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3. С. 495.

80

Я написал «4 тысячи казаков», следуя Яворницкому (Т. 2. С. 24). Однако на следующей странице Яворницкий говорит о поляках, взятых в плен с Вишневецким, и не упоминает о казаках. Так что «казаки» Вишневецкого в 1564 г., скорее всего, были польскими шляхтичами — искателями приключений. Это тем более вероятно, что в 1563–1564 гг. Вишневецкий вообще не появлялся в Приднепровье.

81

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 25.

82

Смирнов А. А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 41–42.

83

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001. С. 174.

84

Боюсь, что тут у определенной части читателей возникнет аналогия с репрессиями в конце 30-х гг. XX в. в Красной Армии. На самом деле аналогия тут чисто внешняя, т. е. похожи факты, но суть совершенно иная. Иван IV уничтожал профессиональных воевод. Так, десятки князей Курбских участвовали в походах Ивана III, Василия III и Ивана IV и честно сложили головы за землю Русскую. Репрессии же конца 30-х гг. XX в. были направлены в основном на героев Гражданской войны — выдвиженцев председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого. Вместо них пришли новые командиры, которые и выиграли Великую Отечественную войну, в которой уцелевшие герои Гражданской войны не сыграли особой роли. Аналогичная ситуация была и во Франции, когда десятки и сотни генералов, сделавших молниеносную карьеру во времена Революции, ушли со сцены в конце XVIII в., а Европу покоряли совсем другие люди, которые к 1793 г. были лейтенантами, а то и просто рядовыми.

85

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. С. 614.

86

Князь Криштоф Радзивилл (1547–1603), каштелян трокский, воевода виленский, великий гетман литовский, позже получил за свои военные таланты прозвище «Piorun» («Перун», т. е. «Гром»).

87

Цит. по: Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 96.

88

Там же. С. 102–103.

89

Так в Польше в XVI–XVIII вв. называли протестантов.

90

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М.: Международные отношения, 1995. С. 391.

91

Цит. по: Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. С. 111–112.

92

История Украинской ССР / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора, Киев: Наукова Думка, 1982.

93

Немировский Е. Л. Иван Федоров. М.: Наука, 1985. С. 160.

94

Немировский Е. Л. Иван Федоров. М.: Наука, 1985. С. 124.

95

Булгарин Ф. Б. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 38–39.

96

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 124–125.

97

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 4. С. 28.

98

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 33.

99

Цит. по: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 245–246.

100

Кусаинова Е. Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII в. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005. С. 108.

101

Д. И. Яворницкий (История запорожских казаков. Т. 2. С. 70) ошибочно считает, что Киев был взят Косинским.

102

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 96.

103

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 98–99.

104

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 102.

105

Там же. С. 103.

106

Взятые в Слуцке гаковицы, естественно, не имели ничего общего с гаубицами второй половины XIX — начала XXI в. Это были небольшие короткоствольные огнестрельные орудия, потомки тюфяков XIV–XV вв. Видимо, они имели зарядную камору. Стрельба производилась только настильно. Основной боезапас — каменные ядра. Рушницы — это нечто типа тяжелых мушкетов или затынных пищалей.

107

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 104.

108

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2.

109

Там же.

110

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 46.

111

Подробнее о Юрии Мнишеке и его семействе рассказано в моей книге «Давний спор славян: Россия, Польша, Литва» в главе «Вторжение в Россию частных польских армий».

112

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 138.

113

Грабеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 273.

114

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 4. С. 523.

115

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 140.

116

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. С. 438.

117

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 141.

118

1 золотой рубль в XVII в. равнялся примерно 17 золотым рублям начала XX в.

119

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 150.

120

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 150–151.

121

Там же. С. 151.

122

В данном случае термин «запорожцы» я использую как метку, чтобы не путать с казаками, служившими у московских воевод. В войске же Сагайдачного преобладали малороссийские казаки, а не запорожцы.

123

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. С. 439.

124

История Украинской ССР. Т. 2. С. 411.

125

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. С. 441.

126

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 159.

127

Далее для удобства читателей я, вслед за рядом дореволюционных авторов, буду называть городовых казаков малороссийскими, чтобы не путать их с запорожцами, донцами и др. Эта замена тем более уместна, что после 1625 г. я не встречал термина «городовые казаки».

128

История Украинской ССР. Т. 2. С. 430.

129

«Что руками создается, то руками и разрушается» — *лат*.

130

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1851. Кн. 1. С. 101.

131

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк: Правда о России, 1960. Т. 1. С. 176, 178–179.

132

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 179–180.

133

Читателя не должно вводить в заблуждение название «немецкая пехота». Дело в том, что поляки решили обучить часть реестровых казаков западноевропейскому строю и одели и вооружили их как германских пехотинцев. Как хорошо заметил по сему поводу Д. И. Яворницкий: «Немецкая пехота — те же русские, только одеты немцами».

134

Павел Ян Сапега (1610–1665), первоначально кальвинист, затем католик. С 1655 г. воевода виленский, великий гетман литовский. Активный участник войны с Россией, Швецией и восставшими казаками, сохранил верность королю Яну-Казимиру и возглавил борьбу со шведами в Великом княжестве Литовском.

135

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 531.

136

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 536.

137

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 536. С. 547.

138

Там же. С. 551.

139

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5…

140

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 571.

141

Януш Казимир Радзивилл (1612–1655)

142

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 577.

143

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 110.

144

Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. С. 51–52.

145

Субтельный О. Украина, История. С. 175–176.

146

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 187–188.

147

Там же. С. 172–173.

148

Под стягом России. Сборник архивных документов / Составители А. А. Сазонов, Г. Н. Герасимова, О. А. Глушкова, С. Н. Кистерев. М.: Русская книга, 1992.

149

Там же. С. 44.

150

Там же. С. 47.

151

Для удобства читателя земли, подавляющее большинство населения которых составляли этнические поляки, я буду называть этнической Польшей.

152

В настоящее время городок Друя находится на границе Белоруссии и Латвийской республики.

153

Император Священной Римской империи.

154

Послы заявили, что никогда ранее не знали о титулах царя «Белой России, литовской, волынской и подольской», а титул «восточной и западной и северной страны отчичь и дедичь, наследник и благодетель» назвали «сомнительным». Кстати, крымский хан Камиль-Мухаммед Гирей называл этот титул «непристойным». Совсем зарвался наш «тишайший» Алешенька!

155

Еще перед выборами Выговский писал путивльскому воеводе Зюзину: «…после похорон соберется рада из всей старшины и *некоторой* черни». Из чего следует, что на раде присутствовала старшина, собранная с разных городов, и местные чигиринские казаки («чернь»).

156

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 195.

157

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 52.

158

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 54.

159

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 233.

160

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 305.

161

Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фон Шульца, СПб., 1911–1915.

162

Дульман П. Две битвы украинского президента. Виктор Ющенко нашел альтернативу сражению под Полтавой //«Российская газета». Федеральный выпуск № 4610 от 13 марта 2008 г.

163

Нежинский протопоп Максим Филимонов 5 мая 1661 г. был поставлен московским патриархом в епископы мстиславские и оршанские под именем Мефодия и отправлен в Малороссию в сане блюстителя митрополии Киевской.

164

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 117–118.

165

Хоругвь — в польских войсках нечто среднее между ротой и батальоном.

166

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 263.

167

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 179.

168

Там же.

169

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 297.

170

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 345.

171

Там же. С. 346.

172

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. С. 348.

173

Там же. С. 351.

174

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. С. 332.

175

Костомаров Н. И. «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы». Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 286–287.

176

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 380–383.

177

Ага (от тюркского «господин») — офицерский титул в Османской империи.

178

Точно сказать, что в данном случае подразумевалось под киндяком, трудно. Но, согласно словарю, киндяк — это набивная ткать или кафтан из такой ткани. Купец Афанасий Никитин упоминал киндяк среди тканей, производимых в Индии.

179

Город Батурин — столица промосковских гетманов.

180

Цит. по: Каргалов В. В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990. С. 371–372.

181

Там же. С. 372.

182

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 428.

183

Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь: Таврия, 1992. С. 122–123.

184

Костомаров Н. И. Руина. С. 346.

185

Костомаров Н. И. Руина. С. 355.

186

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Кн. 1. С. 478.

187

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 19.

188

Там же. С. 20.

189

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 28.

190

Там же. С. 49.

191

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 67.

192

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 87.

193

Там же. С. 89.

194

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 371.

195

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 169.

196

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 85.

197

Как в свое время ушкуйники считали битье татар промыслом, так и запорожцы истребление и грабежи турок относили к промыслу. *(Прим. автора.)*

198

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 174.

199

Типы турецких гребных судов. Вооружены одним-тремя тяжелыми орудиями (24–12-фн), а также несколькими фальконетами на вертлюгах.

200

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 181.

201

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 188.

202

Там же.

203

Князья Долгоруковы, а не Долгорукие, как их величали совковые историки, происходят от Андрея, второго сына князя Константина Ивановича Оболенского. Считаются Рюриковичами, потомками князя Михаила Черниговского.

204

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 190.

205

Там же. С. 191.

206

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 193.

207

Там же. С. 195.

208

Словечко из переписки Петра с дипломатом Виниусом.

209

С 1893 г. до 1917 г. Усть-Двинск, с 1917 г. Даугавгрива, с 1959 г. в черте г. Риги.

210

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 130.

211

Там же.

212

В Польше во время бескоролевья упразднялись прежние суды и учреждались временные, имевшие силу до избрания нового короля и называемые каптуровыми.

213

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 131.

214

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 134–135.

215

Там же. С. 135.

216

Там же.

217

Там же. С. 136.

218

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 136.

219

Костомаров Н. И. Мазепа. С. 140.

220

Киев давным-давно был в составе России, но хвастливые поляки сохранили у себя должность киевского воеводы.

221

Костомаров Н. И Мазепа. С. 150.

222

Все русские историки, начиная с Пушкина и кончая Павленко, пишут о расстреле Мюленфельса. Однако сохранились документальные свидетельства шведских пленных, которых русские специально заставляли смотреть на мучения Мюленфельса.

223

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 278.

224

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М.: Просвещение, 1988. С. 74.

225

Полномочное собрание казаков, на котором могли решаться все главные вопросы, у запорожцев такие собрания назывались радой.

226

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 281.

227

Там же.

228

Шумов С. Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев — Москва: Евролинц, 2003. С. 230.

229

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 281.

230

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Кондратий Афанасьевич Булавин. С. 98.

231

Любопытна история появления этой цифры — 23,5 тысячи казаков. В 1718 г. Василий Долгоруков был привлечен к следствию по делу царевича Алексея. В оправдание свое Долгоруков приказал начальнику своей походной канцелярии Любиму Судейкину составить справку об убитых казаках. Сам же Долгоруков утверждал, что цифра должна быть большой.

232

Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. С.261.

233

Несколько украинских слов даны в переводе автора.

234

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 379.

235

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 289.

236

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 304–305.

237

Там же. С. 305.

238

Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792. Т. 8. С. 201.

239

Увы, описание Полтавского сражения выходит за рамки нашего труда, а интересующихся я отправляю к моей книге «Швеция. Гроза с Балтики» (М.: «Вече», 2008). Замечу лишь, что ни в одной из многочисленных монографий, посвященных Полтавскому сражению, не указывается число запорожцев, малороссов и поляков, участвовавших в битве на стороне шведов. Любопытно, что вместе со шведами дрался и Станислав Понятовский, отец последнего польского короля, а на стороне русских — полковник Палий, возвращенный Петром из ссылки после измены Мазепы.

240

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 345.

241

Там же. С. 345–346.

242

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 369.

243

Там же. С. 370.

Из них полевых пушек — 28, мортир — 23, гаубиц — 2, а также 3-фунтовых полковых пушек — 69.

245

Фактически с 1711 г. по 1713 г. было заключено три договора (11 июля 1711 г, 5 апреля 1712 г. и 13 июля 1713 г.), но эти дипломатические нюансы выходят за рамки нашей работы.

246

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 374.

247

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 495.

248

Там же. С. 384.

249

Там же.

250

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 404–405.

251

Там же. С. 385–386.

252

Там же. С. 397.

253

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 404.

254

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 406.

255

Там же. С. 407.

256

Там же. С. 414.

257

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 415.

258

Кулиш П. Записки о Южной Руси. Киев, 1994. С. 86.

259

До середины XIX в. термин «корабль» обычно использовался при обозначении линейного корабля 66–130-пушечного ранга. Далее шли фрегаты, корветы и т. д. Сам же термин «линейный корабль» был введен в России в 1907 г.

260

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 424–425.

261

Там же. С. 426.

262

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 115–117.

263

Там же. С. 117.

264

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 118.

265

Соловьев С. М. Сочинения. Книга 10. М.: Мысль, 1993. С. 417.

266

Соловьев С. М. Сочинения. Книга 12. С. 38.

267

Чернявский В. Описание Запорожской Сечи // Шумов С. Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 48.

268

Чернявский В. Описание Запорожской Сечи //Шумов С. Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 49, 52–53.

269

Соловьев С. М. Сочинения. Книга 13. С. 325–327.

270

Волошин М. Жизнь — бесконечное познание. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 180.

271

Соловьев С. М. Сочинения. Книга 12. С. 314–315.

272

В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

273

Имелся в виду князь Адам Казимеж Чарторыский (1734–1823).

274

Переписка графа П. А. Румянцева о восстании на Украине 1768 года. // Киевская старина № 3, 1882 г. С. 527–528.

275

Переяслав находился на территории Российской империи на левом берегу Днепра.

276

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 16. С. 455–456.

277

Там же. С. 456–457.

278

Там же. С. 457.

279

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 14. С. 236.

280

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 14. С. 286.

281

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки) /Под ред. И. В. Сапожникова. Т. 3. Одесса: ОКФА, 1999. С. 39.

282

Там же. С. 40.

283

Не ясно из источника, идет ли речь о войсковом старшине Алексее Черном, или о полковнике Николае Черном.

284

Записки генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского. 1756–1776. М.: Российский архив, 2004. С. 351, 355.

285

Там же. С. 360.

286

Кравцевич-Рожнецкий В. Запорожская Дунайская флотилия. Материалы сайта http://www.zerkalo-nedeli.com

287

Кравцевич-Рожнецкий В. Запорожская Дунайская флотилия. Материалы сайта http://www.zerkalo-nedeli.com

288

Конченбас — тип гребного судна.

289

Скальковский А. О. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Днепропетровск, 1994. С. 474.

290

Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866. Т.3. С. 311.

291

Материалы сайта http://www.cossackdom.com/articles/s/shpitaliov_flot.htm

292

Ростунов И. И. Генералиссимус А. В. Суворов. М.: Военное издательство, 1989. С. 174–175.

293

В артикуле 3 говорилось: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом».

294

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в… М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 376–377.

295

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 378.

296

Димов В. Потемкин в жизни. Человек-миф восемнадцатого века. М.: Издательский центр «Классика», 2002. С. 175–176.

297

Надхин Г. Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи. // Шумов С, Андреев А., История Запорожской Сечи. С. 586.

298

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1968. С. 71.

299

Надхин Г. Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи // Шумов С, Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 590.

300

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. С. 382.

301

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки) /Под ред. И. В. Сапожникова. Т. 3. Одесса: ОКФА, 1999. С. 105.

302

Материалы сайта: http://beg-ruslan.narod.ru/Histori7.html.

303

Кузьмин А. Запорожская Сечь. М., 1902 // Шумов С, Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 244.

304

Там же. С. 245.

305

Флейт — торговое двух-трехмачтовое парусное судно. В военных флотах флейты использовались как транспортные суда, предназначенные для перевозки военных грузов. Для самообороны вооружались 2–12 небольшими пушками.

306

Шебека — крупное парусно-гребное судно, получило широкое распространение в Средиземноморье в XVIII в. Шебеки были как военные, так и купеческие. Военные шебеки имели бортовое артиллерийское вооружение, то есть пушки на станках, установленные между банками, и тем отличались от галер, имевших на бортах лишь вертлюги с малокалиберными орудиями. Парусное вооружение большинства средиземноморских шебек состояло из трех мачт с косыми парусами. Особенностью шебек было то, что фок-мачта (передняя мачта) ставилась почти у форштевня и несколько наклонно вперед. В отдельных случаях на мачтах шебек были прямые паруса.

Бригантина — торговое или военное парусно-гребное судно. Парусное вооружение близко к бригу. Некоторые западные авторы (например, К. Х. Марквардт) не видят разницы между бригом и бригантиной. Иногда бригантину называли шхуно-бригом (шкуно-бригом). Основной движитель — парус. Весла использовались редко. Тем не менее бригантины имели от 8 до 16 банок (пар весел). Заносить же бригантину в категорию гребных судов, как делают некие наши «мэтры», безграмотно. На вооружении бригантины имели до 20 пушек малого калибра.

307

Исаев Иван Иванович (1748–1810) — донской казак, походный атаман с чином армейского подполковника. Отличился в Кинбурнском сражении. Впоследствии генерал-майор.

308

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997. С. 372.

309

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 138–140.

310

Лансон — средиземноморское и черноморское одно-двухмачтовое парусно-гребное судно. Использовались в основном в коммерческих целях, в военных флотах применялись для перевозки грузов и войск. В редких случаях вооружались небольшими пушками для самообороны и совсем редко использовались в качестве бомбардирских судов, для чего на лансоне устанавливали одну-две мортиры.

311

Из документов неясно, были ли они русскими матросами или мобилизованными для этой цели мужиками, а может, даже пленными шведами, несколько сотен которых использовалось на Черном море на гребных судах.

312

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 161.

313

В некоторых документах «Константин» числился бригантиной. Это бывший французский купеческий корабль, вооруженный в 1788 г. в Лимане. Вооружение: две 3-пудовые мортиры, две гаубицы и четыре пушки.

314

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 168.

315

Бомбарда — гребное судно, вооруженное мортирами.

316

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др., в 18 т., Петербург, 1911–1915. Т. 9. С. 238.

317

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. С. 413.

318

Хаджибей — Одесса та українське козатство (1415–1797 роки). С. 216.

319

Там же. С. 218–219.

320

Цит. по: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. С. 414.

321

Замечу, что через год Павел отказался официально присутствовать при похоронах Суворова и запретил участвовать в церемонии гвардейским частям, т. к. они якобы и так устали от парадов.

322

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 479.

323

Остапчук О. А. Языковая ситуация на Правобережной Украине // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Под ред. Л. Е. Горизонтова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 65, 66.

324

Подолия. Историческое описание. СПб, 1891. С. 20.

325

Остапчук О. А. Языковая ситуация на Правобережной Украине // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. С. 69.

326

Толстой Л. Н. Война и Мир. Том второй. Часть третья. Глава XVIII.

327

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 492.

328

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 154.

329

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 145–146.

330

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 147–149.

331

Греков Н. А., Деревянко К. В., Бобров Г. Л. Тарас Шевченко — крестный отец украинского национализма. Луганск, 2005.

332

Там же.

333

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. С. 150.

334

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. С. 151.

335

Цит. по: Греков Н. А., Деревянко К. В., Бобров Г. Л. Тарас Шевченко — крестный отец украинского национализма.

336

«Украинская» болезнь русской нации / Составитель М. Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2004. С. 219.

337

Tarnowski A. Ksiandz Waleryan Kalinka. Krakyw. 1887. С. 167–170.

338

Русская Галиция и «мазепинство» / Составитель М. Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 8.

339

Волконский А. Историческая правда и ураинофильская пропаганда // Украинский сепаратизм в России. С. 83.

340

Русская Галиция и «мазепинство». С. 15–16.

341

Там же. С. 213.

342

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 568.

343

Русская Галиция и «мазепинство». С. 220–221.

344

Русская Галиция и «мазепинство». С. 224.

345

Там же. С. 230, 231.

346

Губарев В. К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: БАО, 2004. С. 141–142.

347

Губарев В. К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: БАО, 2004. С. 148–149.

348

Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник, СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 111.

349

Грушевський М. С. З біжучоі хвилі. Статті й замітки на теми дня. 1905–1906 рр. Київ, 1907. С. 83.

350

Костомаров Н. И. Задачи украинофильства // Вестник Европы. 1882 г. Т. 2. С. 898–899.

351

Митухина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 57–58.

352

Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон-Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фон-Шульца. СПб., 1911–1915.

353

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11–12.

354

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

355

Е. П. Гегечкори (1881–1954), член масонского «Верховного Совета Народов России». В 1918–1921 гг. премьер-министр «независимой Грузии». Позже в эмиграции. Родной дядя Нины Гегечкори, жены Лаврентия Берии.

356

Субтельный О. Украина. История. С. 437–438.

357

Цит. по: Губарев В. К. История Украины. С. 186–187.

358

Субтельный О. Украина. История. С. 440.

359

Цит. по: Губарев В. К. История Украины. С. 197–198.

360

Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. С. 196–197.

361

Лихолат А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922). М.: Госполитиздат, 1954. С. 166.

362

Субтельный О. Украина. История. С. 463.

363

Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. С. 225.

364

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты, М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 268.

365

Каверин А. Кому не дают покоя лавры Лазаря Кагановича? // «Кіевскій ТелеграфЪ» № 2 (12–18 января 2004 г.).

366

Там же.

367

Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. С. 43.

368

Там же. С. 140.

369

Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. С. 189, 190–191.

370

«Украінізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 89.

371

Шавельов Ю. Украньска мова в перій половині XX стоітия (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 108.

372

«Украінізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 143.

373

Шавельов Ю. Украньска мова в перій половині XX стоітия (1900–1941). Стан і статус. С. 96.

374

«Украінізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 147–149.

375

Каверин А. Кому не дают покоя лавры Лазаря Кагановича? // «Кіевскій ТелеграфЪ» № 2 (12–18 января 2004 г.).

376

Рафальский О. О. Національні меншини Украни у XX столітті. Історіографічний нарис. Киів. 2000. С. 161–166.

377

РГАПСИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 120.

378

XVII съезд ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 31–32.

379

Губарев В. К. История Украины. С. 251–252.

380

Экономическая история СССР и зарубежных стран / Под ред. И. Н. Шемякина. М.: Высшая школа, 1978. С. 268.

381

Губарев В. К. История Украины. С. 225–226.

382

Ткаченко Г. С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием // Бандеризация Украины — главная угроза для России / Автор-составитель Ю. К. Козлов. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 422.

383

ДА СБУ. Ф. 42. Спр. 666. Арк. 56–60, 63 зв.

384

Ткаченко Г. С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием // Бандеризация Украины — главная угроза для России. С. 423–427.

385

Госархив РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89.

386

Ткаченко Г. С. Миф о голодоморе — изобретение манипуляторов сознанием // Бандеризация Украины — главная угроза для России. С. 420–421.

387

Субтельный О. Украина. История. С. 557.

388

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 4628, Оп. 1. Сп. 10.

389

Архив КГБ УССР, № 372. Т.38. С. 318–321.

390

Субтельный О. Украина. История. С. 560.

391

Не путать с Николем Лебедем 1909 г. рождения.

392

С рядом небольших изменений.

393

Нюрнбергский процесс. М.: Госюриздат, 1954. Т. 2. С. 644.

394

Цит. по: Чуев С. Украинский легион. М.: Яуза, 2006. С. 314.

395

Цит. по: Чуев С. Украинский легион. М.: Яуза, 2006. С. С. 201.

396

Губарев В. К. История Украины. С. 269–271.

397

По данным Камила Фила «События на Волыни — взгляд из Польши».

398

Чуев С. Украинский легион. М.: Яуза, 2006. С. 318–319.

399

Чуев С. Украинский легион. М.: Яуза, 2006. С. 334.

400

УГВР — Украинская главная освободительная (визвольна) рада.

401

Там же. С. 456–457.

402

Батальоны «шума» — полицейские батальоны (Schuma — сокращенное от «Вспомогательная служба полиции порядка»).

403

РОА — Подразделение вермахта «Русская освободительная армия».

404

По данным: Дробязко С., Каращук А. «Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС». Материалы сайта http://knihi.com/dobrovolcy/dobrovolcy-ras.html

405

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. М.: Наука, 1968. С. 577.

406

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. М.: Наука, 1968. С. 580.

407

Там же. С. 584–585.

408

Любопытно, что сейчас находятся люди, которые утверждают, что Лаврентий Берия заслал в сотню «Гриня» своих агентов, дабы убить польского министра.

409

Путями истории. Нью-Йорк: Издание Карпато-русского литературного общества, 1977. Т. 2.

410

Ваврик В. Р. Краткий очерк истории Галицко-Русской письменности. Лувен (Бельгия), 1968.

411

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 244, 260.

412

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 419.

413

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. С. 261–262.

414

Григулевич И. Р. Папство. Век XX. М.: Политиздат, 1978. С. 284–285.

415

Губарев В. К. История Украины. С. 282.

416

Губарев В. К. История Украины. С. 293.

417

Цит. по: Фролов К. Галицкая и Подкарпатская Русь в борьбе за православие // Альманах «Третий Рим». 1999 г.

418

Губарев В. К. История Украины. С. 312–314.

419

Там же. С. 313.

420

Там же. С. 314.

421

Губарев В. К. История Украины. С. 314–315.

422

Губарев В. К. История Украины. С. 336.

423

Губарев В. К. История Украины. С. 325.

424

Губарев В. К. История Украины. С. 348–349.

425

Губарев В. К. История Украины. С. 351.

426

Зенькович Н. А. Тайны уходящего века: Власть. Распри. Подоплека. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 556, 558.

427

Бурячок А. Языковая ситуация в Киевской Руси // Вечерний Киев, 23 декабря 1994 г.

428

Гришин Я. Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995. С. 13.

429

Валерий Шевчук — лауреат Государственной премии им. Т. Шевченко, премии фонда Антоновичей, премии им. Е. Маланюка, писатель и историк, автор статьи «Малороссизм — воскресшая старая социо-патологическая болячка» («Вечерний Киев» от 31 января 1995 г.).

430

Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. С. 77–79.

431

Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. С. 47–48.

432

Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. С. 107, 119–120.

433

Субтельный О. Украина. История. С. 714.

434

Полный текст книге размещен на сайте http://www.rusin.by.ru/si/index.htm

435

Цит. по: Смолин М. Православие или «украинство». Материалы сайта http://www.pravaya.ru/look/6413?print=1

436

Фанар — старый греческий район Стамбула на берегу залива Золотой Рог, где находится резиденция Константинопольского патриарха. В церковных кругах термин «Фанар» используется как синоним слов «Константинопольский патриарх», по аналогии с Ватиканом.

437

Прокоп М. «Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси». Материалы сайта http://www.ukrstor.com/ukrstor/prokol_avantiura.htm

438

«Свободное слово Карпатской Руси» № 6, 1986 г.

439

Автор использует материалы из статьи Сергея Горбачева «Крымская Калифорния» // Альманах «Остров Крым» № 1 (материалы сайта: http://ok.archipelag.ru/part1/krimskaya-kaliforniy) и Бориса Сибирского «Полуостров замедленного действия» // «За семью печатями» № 7/2005.

440

По данным: Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. С. 278.

441

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Борлюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003. С. 86.

442

Аркадий Чикин, «Ахиллесова пята Крыма» // «Российская община Севастополя» № 6 (140). Июнь, 2004.

443

Там же. № 3 (137). Февраль, 2004.

444

РВСН — ракетные войска стратегического назначения.

445

СБУ — Служба безопасности Украины, создана в 1991 г. на базе КГБ Украинской ССР.

446

«Оранж» для «оранжевой революции».

447

Козлов С. Спецназ ГРУ. М., 2003 г.

448

Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 635.

449

По данным: Травников А. Коса Тузла и стратегические интересы России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.